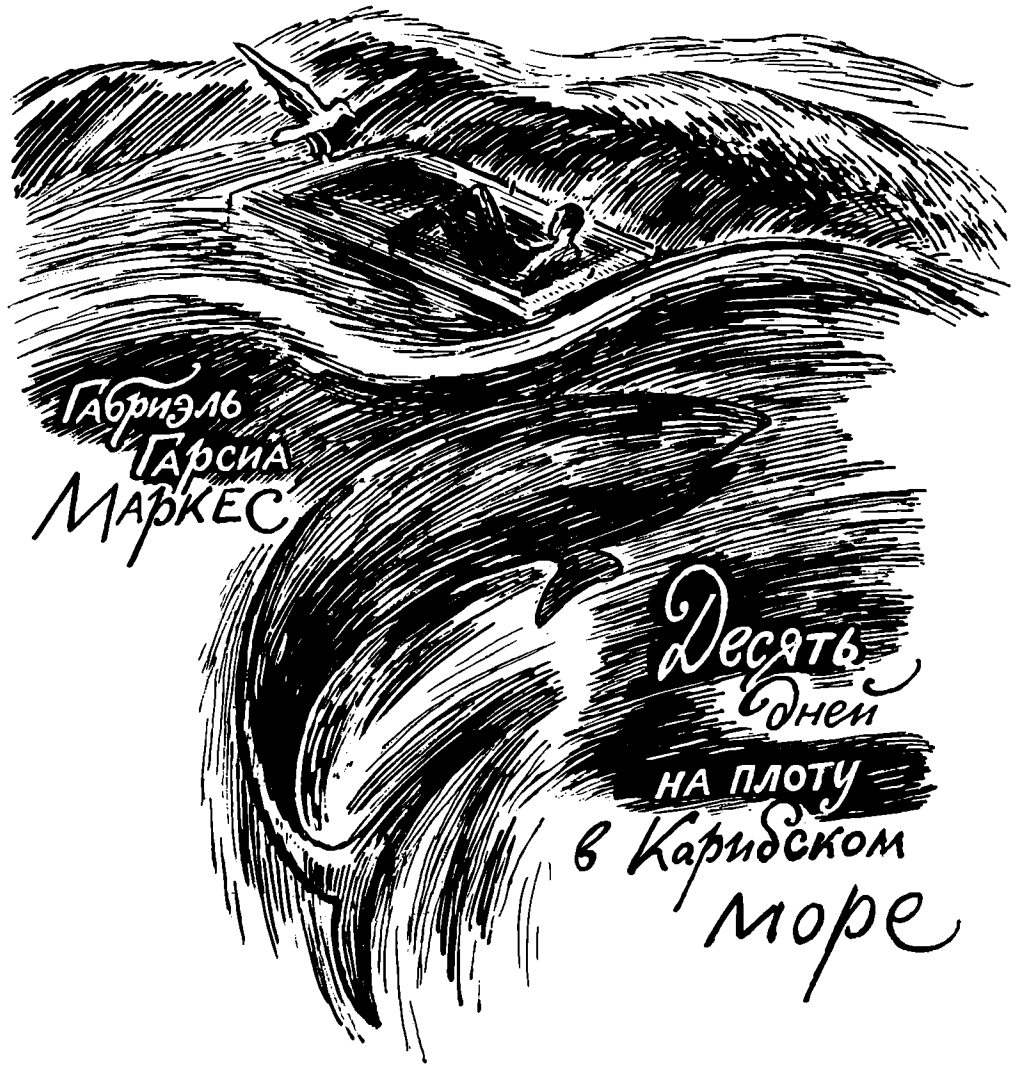


ИСТОРИЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ

28 февраля 1955 года стало известно, что восемь членов экипажа эскадренного миноносца «Кальдас» военно-морского флота Колумбии во время шторма в Карибском море упали за борт и пропали без вести. Судно вышло из Мобила (США) после капитального ремонта и направлялось в колумбийский порт Картахена, куда оно и прибыло точно по расписанию через несколько часов после этой трагедии. Немедленно приступили к поискам потерпевших. В них участвовали и военно-морские силы США, дислоцированные на Панамском канале, в чьи функции входят военный контроль и другая «благотворительность» в южной части Карибского бассейна. Через четыре дня поиски прекратились, и пропавших моряков официально объявили погибшими. Но вскоре один из них был найден полуживым на пустынной отмели на северном побережье Колумбии. Как выяснилось, он провел десять суток без еды и питья на дрейфующем плоту. Его звали Луис Алехандро Беласко. В моей беседе с ним и была воссоздана во всех подробностях история этого несчастья.

Ни Алехандро Беласко, ни я не предполагали, что наша попытка восстановить во всех деталях подробности происшедшего станет причиной новых злоключений, в результате которых карьера Алехандро Беласко потерпела крах, а мне чуть не пришлось расстаться с жизнью. Колумбия находилась тогда под властью генерала Густава Рохаса Пинилья, достопамятная деятельность которого включает в себя два таких подвига, как убийство студентов в центре столицы, когда войска пулями разогнали мирную демонстрацию, и убийство тайной полицией так и не установленного числа поклонников корриды, освистывавших во время этого зрелища дочь диктатора. Печать была под строгой цензурой, и перед каждой оппозиционно настроенной газетой ежедневно вставала задача найти какую-нибудь политически безобидную, но интересную для читателей тему. В газете «Эль Эспектадор» ответственными за эту

С творчеством колумбийского писателя Г. Г. Маркеса советские читатели знакомы по рассказам, опубликованным в № 6 за 1969 год и № 11 за 1970 год журнала «Вокруг света», по роману «Сто лет одиночества» («Иностранная литература», 1970, № 6—8).

почетную работу были Гильермо Кано — директор, Хосе Сальгар — главный редактор, и я — штатный репортер. Среди нас не было никого старше тридцати лет.

Когда Луис Алехандро Беласко вдруг пришел к нам в редакцию и спросил, сколько мы можем заплатить ему за его рассказ, мы встретили его без энтузиазма: интерес к этой истории уже иссяк. Военные власти на несколько недель запрятали его в военно-морской госпиталь, и допускались к нему только репортеры, лояльные режиму. Из нелояльных лишь одному удалось пробраться к нему, переодевшись врачом. Вся история, хотя кусками, но многократно публиковавшаяся, была искажена и подавалась в определенном освещении, и похоже, что читатели были уже по горло сыты этим героем, который теперь продавал свое имя для рекламирования часов — ибо его часы ходили исправно в ненастье, — и ботинок, которые он не смог разодрать, когда пытался съесть их, и тому подобного. Его наградили орденом и показали по телевидению как пример подрастающему поколению; он выступал с патриотическими речами по радио, разъезжал по стране, встречаемый цветами и музыкой, всюду подписывая автографы, и его целовали королевы красоты. Он нажил даже небольшое состояние. Мы тоже долго искали встречи с ним, но теперь, когда он пришел сам, без приглашения, мы решили, что ничего нового он уже не скажет — если не выдумает чего-нибудь ради денег — и что власти наверняка дали ему определенные указания относительно его возможных выступлений. Мы отказали ему. Но вдруг, словно повинуясь какому-то голосу, Гильермо Кано догнал его на лестнице, принял предложение и поручил заняться им мне. Оказалось, что мне дали в руки бомбу замедленного действия.

Первое, что меня поразило в этом плотном двадцатилетнем парне, похожем скорее на трубача, нежели на героя отечества, так это его необыкновенный дар рассказчика, удивительная память и умение обобщать. И он был в состоянии подшучивать над своим геройством. По шесть часов ежедневно в течение двадцати дней мы беседовали с ним. Я вел запись беседы и задавал Луису Алехандро вопросы, построенные так, чтобы поймать его на противоречиях, если они появятся в его рассказе, и нам удалось создать «густое» и правдивое повествование о его десятидневном дрейфе в открытом море. Рассказывал он так подробно и захватывающе, что мне как писателю оставалось одно — пожелать, чтобы читатели поверили его рассказу. Не только поэтому, но также потому, что это было справедливо, мы решили написать рассказ от первого лица и подписать его именем. Лишь теперь, в этом новом издании, повесть связана с моим именем.

Еще более приятный сюрприз ждал меня на четвертый день работы, когда я попросил Алехандро Беласко описать шторм, приведший к несчастью. Прекрасно сознавая всю важность того, что собирался заявить, он ответил с улыбкой: «Да никакого шторма и не было». Действительно, метеорологическая служба подтвердила, что этот февраль на Карибском море был обычным — тихим и безоблачным. Истина, нигде еще не опубликованная, заключалась в том, что судно дало внезапный крен на подветренный борт, и плохо закрепленный на палубе груз соскользнул в море и увлек с собой восемь моряков. Обнаруживались три недопустимые вещи: во-первых, был нарушен запрет перевозить на военных судах какие-либо грузы; во-вторых, именно из-за своей перегруженности судно не смогло маневрировать, чтобы спасти людей; в-третьих, груз был контрабандного характера: холодильники, телевизоры, стиральные машины. Стало ясно: рассказ, подобно эсминцу, отягощен плохо закрепленным политическим и моральным грузом, о существовании которого мы не подозревали.

Вся история, разделенная на эпизоды, была опубликована в четырнадцати номерах газеты. Само правительство благословило вначале литературный дебют своего героя. Позже, когда уже всплыла истина, было бы политически глупо запретить публикацию последующих глав. Тираж газеты почти удвоился, и около здания редакции толпились люди, которые, чтобы иметь рассказ моряка полностью, покупали прошлые номера. Военная диктатура, следуя традиции всех колумбийских правительств, решила поправить правду риторикой: власти выступили с заявлением, в котором торжественно опровергались данные о перевозке эсминцем контрабандных товаров. Изыскивая способ обосновать наши обвинения, мы попросили у Алехандро Беласко список товарищей по команде, у которых были фотоаппараты. Хотя многие из них были в отпуске и находились в самых различных уголках страны, нам удалось найти всех и купить у них фотографии, сделанные ими во время последнего плавания. Через неделю после опубликования повести частями она вышла в специальном приложении целиком, иллюстрированная фотографиями, приобретенными у моряков. На втором плане групповых фотографий, сделанных в открытом море, были хорошо видны — вплоть до фабричных марок — ящики с контрабандным товаром. Диктатура ответила на этот удар целым рядом репрессивных мер, завершившихся несколько месяцев спустя закрытием газеты.

Несмотря на давление, угрозы и самые соблазнительные посулы, Луис Алехандро Беласко не отказался ни от одной строки своего рассказа. Он вынужден был оставить службу на флоте (все, что он умел делать) и вскоре был позабыт и затерялся в житейском море. Не прошло и двух лет, как диктатура пала и Колумбия оказалась во власти иных режимов, выступавших под новой вывеской, но ненамного более справедливых. Для меня же началась в Париже жизнь бродяги-изгнанника, временами тоскующего по родине, подобная жизни на плоту в открытом море. Долгое время никто не знал, что стало с злополучным героем, и только несколько месяцев тому назад один журналист случайно обнаружил его: Луис Алехандро Беласко сидел за конторским столом какой-то автобусной компании. Я видел его фотографии — он отяжелел и постарел, и чувствуется, что жизнь зацепила его глубоко, но оставила ему спокойствие героя, имевшего мужество взорвать собственную статую.

За прошедшие пятнадцать лет я не перечитал эту повесть ни разу. Я считаю ее вполне достойной публикации, хотя не вполне понимаю, с какой целью надо это сделать. Меня угнетает мысль, что издателей интересуют не столько достоинства произведения, сколько имя, каким оно подписано, а в данном случае, к моему большому сожалению, это имя модного сейчас писателя. К счастью, есть книги, которые принадлежат не тем, кто их напи-

сал, а тем, кто пережил написанное. Эта книга относится к их числу, и, следовательно, авторские права принадлежат тому, кто их заслужил: моему безвестному соотечественнику, которому пришлось прожить на плоту десять дней без еды и питья, чтобы стало возможным появление этой книги.

КАКИМИ БЫЛИ МОИ ТОВАРИЩИ, ПОГИБШИЕ В МОРЕ

22 февраля нам объявили, что скоро мы возвращаемся в Колумбию. Целых восемь месяцев пробыли мы в Мобиле, штат Алабама, пока обновлялись вооружение и электронная аппаратура нашего эскадренного миноносца «Кальдас». Одновременно мы, члены команды, получали специальный инструктаж, а свободное время проводили как все моряки на свете: ходили в кино со своими подружками, собирались в таверне «Джо Палука» и пили там виски, а иногда и скандалили.

Мою девушку звали Мэри Эдрес. Хотя испанский ей давался легко, она, кажется, так и не поняла, почему мои товарищи звали ее Мариа Диресьон [1]. Каждый раз, как мне давали увольнительную, я ходил с ней в кино, но она больше любила мороженое.

Только однажды я пошел в кино без Мэри — в тот вечер, когда мы смотрели «Мятеж на «Кайне». Кому-то из моих приятелей сказали, что это интересный фильм из жизни военных моряков, поэтому мы и пошли. Но больше всего нас взволновал шторм, а не события на тральщике. Все мы согласились, что в такую бурю есть один выход — изменить курс, что и было сделано мятежниками. Однако никто из нас в такой шторм еще не попадал, поэтому картина шторма больше всего взволновала нас в фильме. Когда мы возвращались на корабль, матрос Диего Веласкес, на которого фильм произвел очень сильное впечатление, сказал: «А что, если и с нами случится что-нибудь подобное?»

Признаюсь, фильм и на меня произвел впечатление. За восемь месяцев я совсем отвык от моря. Не то чтобы я очень боялся: нас учили, что нужно делать для спасения своей жизни в случае бедствия на море. И все-таки в тот вечер после фильма я испытывал какое-то странное беспокойство. Не хочу утверждать, что уже предчувствовал катастрофу, но верно одно: никогда раньше предстоящее плавание не нагоняло на меня такого страха. В Боготе, когда еще мальчиком я видел море в книжных иллюстрациях, мне и в голову не приходило, что кто-то может погибнуть на море. Наоборот, я питал к морю большое доверие. И за время, что я служил на флоте, я ни разу не испытывал беспокойства.

И все же мне не стыдно признаться, что я, когда посмотрел фильм «Мятеж на «Кайне», почувствовал что-то очень похожее на страх. Лежа на своей койке — самой верхней, я думал о родном доме, о предстоящем рейсе и не мог заснуть. Подложив руки под голову, я слушал слабый шум моря и спокойное дыхание сорока моряков. Подо мной была койка Луиса Ренхифо, он храпел, точно дул в тромбон. Не знаю, какие он видел сны, но уверен, что он не спал бы так безмятежно, если бы мог предвидеть, что через восемь дней будет лежать мертвым на дне моря.

Беспокойство не оставляло меня всю неделю. День отплытия быстро приближался, и я искал уверенности в разговорах с приятелями. Эсминец «Кальдас» стоял готовый к отплытию. Мы все чаще говорили о Колумбии, о родном доме, о наших планах. Мало-помалу корабль нагружался подарками для наших семей: в основном холодильниками, радиоприемниками, стиральными машинами и электроплитами. Я купил радиоприемник.

Я никак не мог отделаться от тревоги и твердо решил: как только попаду в Картахену, сразу попрошу отчислить меня из флота. Я не хотел больше подвергать свою жизнь опасности. В ночь перед отплытием я пошел проститься с Мэри, думая рассказать ей заодно о моих опасениях и о принятом решении, но ничего не сказал: я ведь обещал ей вернуться в Мобил. Единственным, кому я рассказал о своем решении, был мой друг старший матрос Рамон Эррера. Он признался мне, что тоже решил оставить службу на флоте, как только прибудет в Картахену. Мы с ним, да еще с Диего Веласкесом, отправились в таверну «Джо Палука» выпить на прощанье виски. Думали пропустить по стаканчику, но выпили пять бутылок. Наши подруги тоже решили напиться и поплакать в знак благодарности. Руководитель оркестра, человек с серьезным лицом, в очках, и совсем не похожий на музыканта, исполнил в нашу честь несколько танго и мамбо, считая, что это колумбийская музыка. В ту последнюю неделю нам выдали тройное жалованье, и мы решили гульнуть так, чтоб чертям тошно стало. Мне хотелось напиться, чтобы заглушить свое беспокойство, а Рамону Эррере — просто потому, что он был родом из Архоны и весельчак, хорошо играл на барабане и ловко подражал всем модным певцам.

Незадолго до нашего ухода из таверны к нам подошел американский моряк и попросил у Рамона Эрреры разрешения потанцевать с его подругой — огромной блондинкой, которая меньше всех пила и больше всех плакала (и, надо сказать, совершенно искренне!). Американец попросил по-английски, и Рамон с силой оттолкнул его и сказал по-испански: «Ни черта не понимаю!»

Это была одна из лучших драк в Мобиле, с поломанными стульями, радиопатрулями, полицейскими — все как полагается. Рамон Эррера, которому удалось-таки разделать американца как следует, вернулся на корабль к часу ночи, громко распевая песни в стиле Даниэля Сантоса. Он заявил, что плывет на эсминце в последний раз. Так оно и вышло...

24 февраля в три часа утра эскадренный миноносец «Кальдас» вышел из Мобила и взял курс на Картахену. Всех охватила радость в предвидении скорого возвращения. Старшина Мигель Ортега был особенно весел. Едва ли можно было сыскать на свете моряка благоразумней, чем старшина Мигель Ортега. За все восемь месяцев пребывания в Мобиле он не прокутил ни единого доллара. Все деньги он потратил на подарки жене, ожидавшей его в Картахене. В то утро, когда мы готовились к отплытию, старшина Мигель Ортега стоял на мостике и говорил, как обычно, о своей жене и детях — ни о чем другом он никогда не говорил. Он вез домой холодильник, стиральную машину, радиоприемник и электроплиту. Двенадцать часов спустя Мигель Ортега лежал на своей койке, умирая от морской болезни, а еще через девяносто часов он лежал по-настоящему мертвый на дне моря.

[1] По-испански — «адрес» (direccion).

ПРИГЛАШЕННЫЕ СМЕРТЬЮ

Когда судно отчаливает, раздается команда: «Все по местам!» Каждый остается на своем посту, пока корабль не выйдет из залива в открытое море. Я молча стоял на своем месте у торпедных аппаратов и смотрел на таявшие в тумане огни Мобила. Я не думал о Мэри. Я думал о морской пучине, о том, что на следующий день мы будем в Мексиканском заливе, а в такое время года это опасное место. До самого рассвета я не видел капитан-лейтенанта Хайме Мартинеса Диего — единственного офицера, погибшего при несчастье. Это был высокий, крепкий и молчаливый человек, с которым я редко встречался. Знал только, что он родом из Толимы и слыл отличным человеком.

Зато я видел второго боцмана, высокого и подтянутого Амадора Карабальо. Он прошел мимо, взглянул на исчезающие огни Мобила и снова вернулся на свое место.

Никто из экипажа не радовался возвращению так шумно, как старший механик Элиас Сабогаль. Это был настоящий морской волк, небольшого роста, плотный, загорелый и большой любитель поговорить. Ему было лет сорок, и думаю, что бо́льшую их часть он провел в разговорах. Теперь у Сабогаля была особая причина для ликования: в Картахене его ждали жена и шестеро детей, но он знал только пятерых, потому что последний родился, когда мы были в Мобиле.

До самого рассвета все протекало совершенно спокойно. Понадобился час, чтобы я снова свыкся с плаванием на корабле. Огни Мобила растаяли в мягком тумане ясного утра, и на востоке показалось солнце. Беспокойство мое прошло, теперь я чувствовал только усталость. Давали себя знать ночь, проведенная без сна, и выпитое виски.

В шесть утра мы вышли в открытое море, и раздалась команда: «Всем отбой, вахтенные — по местам». Я сразу пошел в кубрик. Луис Ренхифо сидел на койке и протирал глаза, стараясь окончательно прогнать сон.

— Где мы плывем? — спросил меня Луис Ренхифо. Я ответил, что мы только что вышли в открытое море, а потом взобрался на свою койку и попытался заснуть.

Луис Ренхифо был стопроцентным моряком. Он родился в Чоко, далеко от моря, но море было его призванием. Когда «Кальдас» стал на ремонт в Мобиле, Луис Ренхифо еще не был членом нашей команды. Он жил в Вашингтоне и слушал курс лекций по оружейному делу. Это был серьезный, трудолюбивый парень, и по-английски он говорил не хуже, чем по-испански. Он женился в Вашингтоне на девушке из Санто-Доминго, получил диплом инженера и, когда ремонт эсминца «Кальдас» был закончен, приехал в Мобил и был зачислен в команду. Незадолго до отплытия он говорил мне, что, как только прибудет в Колумбию, первым делом займется переездом жены из Вашингтона в Картахену.

Рисунки В. ВАКИДИНА

Так как Луис Ренхифо давно не плавал, я был уверен, что его укачает. В то первое утро нашего путешествия он спросил меня:

— Тебя еще не укачало?

Я ответил, что еще нет. Тогда он сказал:

— Через два-три часа у тебя вывалится язык.

— Посмотрим, у кого раньше,— сказал я.

И он ответил:

— Скорее море укачает себя, чем укачает меня.

Я лежал на койке и старался заснуть. И опять вспомнил о шторме, и снова ожили страхи прошедшей ночи. Я повернулся к Луису Ренхифо, уже совсем одетому, и сказал:

— Смотри, как бы твой язык не наказал тебя.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ МОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ НА БОРТУ ЭСМИНЦА

«Мы уже в Мексиканском заливе», — сказал мне один из моряков, когда 26 февраля я пошел завтракать. Накануне я с беспокойством думал о погоде в заливе. Но эсминец, хотя его и покачивало, мягко скользил по воде. Я с облегчением подумал, что мои страхи неосновательны, и вышел на палубу. Вокруг были только зеленое море да синее небо. На полубаке сидел Мигель Ортега, бледный, совсем ослабший, и боролся с приступами морской болезни. Она началась у него раньше, когда еще были видны огни Мобила. Теперь он даже не мог стоять на ногах, а ведь он не был новичком на море. Мигель Ортега плавал в Корею на фрегате «Адмирал Падилья», много путешествовал и давно сроднился с морем. И вот, несмотря на спокойствие в заливе, он не мог без посторонней помощи нести вахту. Он был похож на умирающего, желудок его не принимал никакой пищи, и товарищи по вахте сажали его на корме или на полубаке, а с концом вахты отводили его в кубрик.

Кажется, это Рамон Эррера сказал мне поздно вечером 26-го, что на Карибском море нам придется туго. По нашим расчетам, мы должны были миновать Мексиканский залив после полуночи. Стоя на вахте у торпедных аппаратов, я предвкушал минуту, когда мы окажемся в Картахене, и заранее радовался. Ночь была ясная, и высокое круглое небо было густо усеяно звездами. На флоте меня потянуло к изучению карты неба, и теперь я с удовольствием искал созвездия и вспоминал названия звезд.

Думаю, что старый моряк, исколесивший весь свет, может по одной только качке корабля определить, в каком море он плывет. Мой собственный опыт подсказал мне, что мы уже в Карибском море — именно здесь началась моя служба на флоте. Помню, я взглянул на часы: была 31 минута первого 27 февраля. Если бы и не качало так сильно, я все равно узнал бы Карибское море. Но качало сильно. Обычно я хорошо переношу качку, но тогда что-то забеспокоился. Меня охватило странное предчувствие, и, неизвестно почему, я представил себе Мигеля Ортегу там, на койке внизу, мучающимся от приступов тошноты.

В шесть утра волны качали эсминец как скорлупу. Луис Ренхифо не спал.

— Толстяк, — спросил он меня, — тебя еще не укачало?

Я ответил, что нет, но поделился с ним своими опасениями. Ренхифо — а он, как я уже сказал, был инженером, серьезным, трудолюбивым человеком и хорошим моряком — подробно объяснил, почему с эсминцем в Карибском море не может случиться ничего серьезного. «Это бывалый корабль», — сказал он и напомнил, что во время войны в этих самых водах «Кальдас» потопил немецкую подводную лодку.

НАЧИНАЕТСЯ ПЛЯСКА

Настоящая пляска началась в десять часов вечера. В течение всего дня «Кальдас» сильно качало, но не так, как в этот вечер 27 февраля. Я лежал без сна и с ужасом думал о тех, кто стоит на вахте. Я знал, что никто из моряков, лежащих на койках, не спит. Около полуночи я сказал Луису Ренхифо:

— Тебя еще не укачало?

Он не потерял чувства юмора и ответил:

— Я же сказал тебе, что море скорее укачает себя, чем укачает меня.

Он едва успел закончить фразу, которую так любил повторять.

Я уже говорил, что был встревожен, что чувствовал что-то похожее на страх. Когда же в полночь из громкоговорителей раздалась команда: «Всем стать на правый борт», — я впервые за два года плавания на эсминце испытал настоящий страх перед морем. Я знал, что означала эта команда: судно дает сильный крен на левый борт и надо попытаться хоть слегка выровнять его нашим весом. Наверху, где промокшие до нитки люди на вахте дрожали от холода, свистел ветер. Я быстро вскочил с постели. Луис Ренхифо не спеша встал на ноги и пошел к свободной койке по левому борту. Я вспомнил о Мигеле Ортеге.

Мигель Ортега не мог двигаться. Услышав команду, попытался встать, но тут же свалился. Я помог ему перебраться на другую койку. Слабым голосом он сказал, что чувствует себя очень плохо.

— Ничего, мы попросим, чтобы тебя освободили от вахты, — сказал я.

Легко рассуждать теперь, но, если бы Мигель Ортега остался лежать на койке, он не был бы сейчас мертв.

Так и не поспав, я и еще пятеро вахтенных в четыре часа утра 28 февраля собрались на корме. В пять тридцать я взял с собой юнгу и пошел осматривать днище корабля. В восемь я без всяких происшествий сдал свою последнюю вахту. А ветер все крепчал, волны вздымались все выше и разбивались о мостик, заливая всю палубу.

Со мной на корме находился Рамон Эррера. Был там и Луис Ренхифо — в наушниках, как член спасательной команды. На полубаке, где меньше чувствуется качка, сидел Мигель Ортега, по-прежнему изнемогая от своей болезни. Я поговорил немного с кладовщиком Эдуардо Кастильо — это был холостой и очень сдержанный парень родом из Боготы, не помню, о чем мы говорили с ним, но помню, что снова я увидел его несколько часов спустя, когда он уже тонул в море. Рамон Эррера собирал листы упаковочного картона, чтобы накрыться ими и попытаться заснуть, — в спальном салоне спать было невозможно, и мы устроились среди ящиков с холодильниками, электроплитами и стиральными машинами, чтобы волна не смыла нас за борт. Я лежал на спине, смотрел на небо и чувствовал себя спокойнее и увереннее, считая, что через несколько часов мы будем в Картахене. Шторма как такового не было — только волнение. День был совершенно безоблачный, воздух прозрачный, а небо ярко-синее. После дежурства и ногам стало легче: я снял жавшие ботинки и надел туфли на каучуке.

МИНУТА БЕЗМОЛВИЯ

Луис Ренхифо спросил меня, который час. Было половина девятого. Вот уже час, как корабль глубоко зарывается в волну и опасно ложится на левый борт. Из громкоговорителей раздалась команда: «Всем стать на правый борт». Ни Рамон, ни я не двинулись с места: мы и так лежали на правом борту. В ту же минуту корабль дал страшный крен и провалился в водяную яму. У меня перехватило дыхание. Огромная волна с грохотом разбилась над нами и окатила с головы до ног. Медленно, тяжело раскачиваясь, эсминец выпрямился. Луис Ренхифо слегка побледнел. Он сказал нервозно:

— Что за черт! Это судно любит нырять и не хочет выныривать!

Я впервые видел Луиса Ренхифо встревоженным. Рамон Эррера лежал рядом со мной, лежал задумавшись. Какую-то минуту все молчали. Потом Рамон Эррера сказал:

— Как только прикажут рубить канаты и сбрасывать груз в воду, я начну первым.

Восемь часов сорок пять минут. Эсминец продолжал бороться с волнами, но его все сильнее втягивало в пучину. Рамон Эррера подтащил большой брезент, и мы накрылись. Новая волна, еще больше прежней, взметнулась над палубой, и я закрыл голову руками. Волна прошла. Загудели громкоговорители, и я подумал: «Сейчас прикажут рубить канаты». Но послышалась другая команда — спокойный и уверенный голос сказал: «Всем, кто на палубе, надеть спасательные пояса».

Луис Ренхифо взял наушники в левую руку, а правой не спеша надел спасательный пояс. Как бывало после удара каждой большой волны, я сначала ощутил как бы пустоту внутри себя, а затем глубокую тишину. Я увидел, как Луис Ренхифо снова надел наушники. Тут я закрыл глаза и явственно услышал тиканье своих часов. Я слушал часы приблизительно с минуту. Рамон Эррера лежал неподвижно. «Сейчас, наверно, без десяти девять, а еще через шесть часов мы будем в Картахене», — подумал я. В следующую секунду корабль .словно повис в воздухе. Я высунул руку из-под брезента, чтобы взглянуть на часы, но не успел увидеть ни часов, ни руки. Я и волны не увидел, только почувствовал, что палуба подо мной куда-то проваливается, а ящики с грузом двигаются. Я мгновенно вскочил на ноги и оказался по шею в воде. На короткий миг увидел перед собой позеленевшее лицо Луиса Ренхифо с вытаращенными глазами. Он держал наушники в вытянутой руке и пытался выбраться из воды. Тут вода накрыла меня с головой, и я начал грести руками кверху. Секунду, две, три я все выгребал кверху, стараясь всплыть. Я задыхался. Искал руками ящики, но кругом была только вода. Когда я наконец вынырнул, я не увидел ничего, кроме моря. Но через секунду, метрах в ста от меня, среди волн возник наш корабль. С него, точно с подводной лодки, потоками стекала вода. Только тогда я окончательно понял, что меня смыло волной.

ЧЕТВЕРО МОИХ ТОВАРИЩЕЙ ТОНУТ У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ

Вначале мне показалось, что я один среди моря. Держась на воде, я увидел издали, как еще одна волна захлестнула корабль, и он, ринувшись в глубокую пропасть, исчез. Я подумал тогда, что он пошел ко дну. И вскоре, как бы в подтверждение этому, вокруг появилось множество ящиков с эсминца. Они качались на волнах в беспорядочном танце. Я не мог сообразить, что происходит. Ошеломленный, я ухватился за один из ящиков и стал отупело разглядывать море. День был очень ясный. Кроме больших волн и разбросанных повсюду ящиков с товарами, ничто не говорило о случившейся трагедии. Вдруг я услышал вблизи чьи-то крики. Сквозь пронзительный вой ветра я безошибочно узнал голос Хулио Амадора Карабальо, высокого и статного механика:

— Держись тут, за пояс!..

Я будто проснулся от глубокого сна, длившегося минуту. Я был не один на море: там, в нескольких метрах от меня, слышались голоса моих товарищей. Моя голова лихорадочно заработала. Куда-то плыть бессмысленно: мы в двухстах милях от берега, и я совсем утратил чувство ориентации. И все же я еще не испытывал особого страха. Я подумал, что вполне могу дождаться помощи, держась за ящик. Меня успокаивало и то, что рядом со мной в тех же условиях находятся и другие моряки.

И тут я увидел плот — точнее, два спасательных плота метрах в семи один от другого. Они появились неожиданно на гребне волны с той стороны, откуда доносились крики моих товарищей. Меня удивило, что никто из них не взобрался на плот. В следующую секунду один из плотов исчез. Я был в нерешительности, не зная, что делать — попытаться ли догнать вплавь оставшийся плот или не рисковать и держаться за ящик. Но, еще не успев принять сознательное решение, я уже плыл к плоту. Плыл я минуты три. На какое-то время я потерял плот из виду, но старался держаться взятого направления. Внезапно плот подскочил на волне и очутился рядом со мной. Я вцепился в пеньковую сеть и после нескольких попыток, уже совсем обессилевший, забрался на него. С трудом удерживая под бешеными порывами ветра равновесие, я выпрямился и увидел своих товарищей: они плыли к плоту.

Я сразу узнал их. Заведующий складом Эдуардо Кастильо ухватился за шею Хулио Амадора Карабальо, который на эсминце стоял на вахте и потому надел спасательный пояс. Он кричал теперь: «Держись крепче, Кастильо!» Они были метрах в десяти от меня, среди плывущих ящиков с товарами.

По другую сторону плыл Луис Ренхифо. Он снял с себя рубашку, чтобы легче было плыть, но при этом потерял спасательный пояс. Даже не видя его, я все равно узнал бы его по голосу. Он кричал мне:

— Толстяк, греби сюда!

Я схватил весла и попытался подгрести к товарищам. Хулио Амадор и Эдуардо Кастильо приближались к плоту. Далеко позади них, маленький и отчаявшийся, виднелся четвертый из моих товарищей — Рамон Эррера. Он держался за ящик и махал мне рукой.

Если бы мне пришлось решать, кого спасать первым, я был бы в затруднении. Но, увидев Рамона Эрреру — того самого, что устроил скандал в Мобиле, веселого парня из Архоны, который несколько минут назад лежал рядом со мной на корме, — я, не раздумывая, судорожно начал грести к нему. Но плот был очень тяжелый, плохо двигался в разбушевавшемся море, и грести, кроме того, надо было против ветра. Едва ли мне удалось продвинуться больше чем на метр. В отчаянии я снова огляделся вокруг. Рамона Эрреры на поверхности моря уже не было.

Луис Ренхифо уверенно приближался к плоту. Я не сомневался, что он доплывет. Я не раз слышал его громкий, похожий на звук тромбона храп под моею койкой и считал, что спокойствие этого человека окажется сильнее моря. Хулио Амадор все возился с Эдуардо Кастильо, который, казалось, вот-вот отпустит его шею. Они были уже в каких-нибудь трех метрах от плота. Я думал: пусть приблизятся еще немного, и я протяну им весло, но тут плот подбросило вверх на гигантской волне, и я увидел с высокого гребня мачту удаляющегося эсминца. Когда плот опустился, Хулио Амадор уже исчез вместе с Эдуардо Кастильо. Только Луис Ренхифо спокойно плыл к плоту. Он был уже в двух метрах от меня. Не понимаю, как мог я сделать такую глупость: зная, что грести бесполезно, я сунул весло вертикально в воду, желая остановить плот, пригвоздить его к месту. Луис Ренхифо, уже задыхаясь, остановился на секунду, поднял руку — как на эсминце, когда держал наушники, — и еще раз крикнул:

— Греби сюда, толстяк!

Ветер дул от него мне в лицо. Я крикнул, что не могу грести против ветра, что ему надо сделать последнее усилие, но думаю, что он меня не услышал. Ящиков уже не было видно, и волны бросали плот из стороны в сторону. Был момент, когда плот отскочил от Ренхифо метров на семь, и я потерял его из виду.

Вскоре он появился в другом месте, все еще не потерявший надежды. Он нырял, стараясь пробить волну и не дать ей унести его. Я стоял с веслом в руках, готовый протянуть его, когда Ренхифо приблизится. И тут я заметил, что он обессилел и в отчаянии. Он крикнул снова, уже едва держась на поверхности:

— Толстяк!.. Толстяк!..

Я принялся грести, но усилия мои были напрасны; попытался дотянуться до него веслом, но его поднятая рука, та самая, которая всего за несколько минут до этого пыталась уберечь наушники от воды, навсегда ушла под воду в двух метрах от протянутого весла.

Трудно сказать, сколько времени простоял я, балансируя на зыбком плоту. Я всматривался в морские волны, ждал, что вот-вот кто-нибудь выплывет на поверхность. Но море было пустынным, и только ветер с остервенением трепал мою рубашку, завывая как бездомный пес. Вдалеке замаячила мачта эсминца «Кальдас». «Не утонул», — подумал я, и на душе у меня стало спокойней: я решил, что за мной скоро приплывут. Я думал также, что кто-нибудь из моих товарищей по несчастью мог добраться до второго плота. В этом не было ничего невероятного. Плоты эти, правда, не были оснащены, но их было шесть на эсминце, кроме шлюпок и вельботов. Кто-то мог доплыть до других плотов, думал я, и эсминец, возможно, ищет нас.

Вдруг я обратил внимание на солнце — жаркое утреннее солнце с каким-то металлическим блеском. Все еще не вполне оправившись от потрясения, я взглянул на часы. Было девять часов ровно.

Мне казалось, что прошло уже много времени с той минуты, как случилось несчастье, но на самом деле, с тех пор как я смотрел на часы последний раз, еще на эсминце, и до того момента, когда я уже остался один на плоту — стоял в оцепенении, слушая пронзительный вой ветра, — прошло всего десять минут. Я подумал, что придется ждать два или три часа, прежде чем ко мне придет помощь. «Два или три часа», — подумал я, и мне показалось, что время это слишком велико, чтобы можно было провести его одному в пустыне моря. Есть и пить было нечего, и я представил себе, что к полудню жажда сделается невыносимой. Но я решил не отчаиваться. Солнце начинало обжигать стянутую морской солью сухую кожу. Фуражку я потерял при падении, и сейчас, смочив голову, я сел на широкий борт плота и стал ждать.

Только тогда я почувствовал боль в правом колене. Жесткие форменные брюки намокли, и мне стоило немалых усилий подвернуть их повыше. Когда колено обнажилось, меня передернуло: под коленной чашечкой зияла глубокая рана в форме полумесяца. Не знаю, ударился ли я об обшивку корабля или о ящик, когда падал в воду. Помню только, что боль я почувствовал, когда уже сидел на плоту, и, хотя рана слегка горела, она была совершенно сухая — наверно, от морской соли. Не зная, чем заняться, я произвел инвентаризацию наличных вещей. Я хотел знать, чем располагаю, оставшись в одиночестве посреди моря. Во-первых, у меня были часы. Они шли нормально, и я не мог удержаться, чтобы не смотреть на них каждые две-три минуты. Еще было золотое кольцо, купленное в прошлом году в Картахене, и медальон на цепочке с девой Марией дель Кармен, купленный у другого моряка за 35 песо. В карманах оказались только ключи от моего шкафчика на эсминце и три рекламных проспекта одного из мобилских магазинов. Их дали мне, когда мы с Мэри Эддрес что-то там покупали. Чтобы убить время, я стал читать эти проспекты. Не знаю почему, но я представил себе, что это зашифрованное письмо из тех, что запечатывают в бутылку и бросают в море, когда терпят кораблекрушение. И думаю, что, окажись в это время у меня бутылка, я бы сунул в нее один из этих проспектов, чтобы поиграть в Робинзона и потом иметь возможность рассказать моим приятелям что-то забавное.

К двум часам дня ветер стих. Так как вокруг простирались только водная гладь да чистое небо и ориентироваться было не на что, то прошло более двух часов, прежде чем я почувствовал, что плот движется. Но плот, конечно, с самого начала двигался по прямой, подгоняемый ветром, и с такой скоростью, что в безветрии с помощью весел я бы двигался медленнее. Однако у меня не было никакого представления о том, куда я плыву — к берегу или от берега. Последнее казалось мне более вероятным, ибо я считал, что море никогда не выбросит на берег что-нибудь оказавшееся за 200 миль от земли и тем более человека на тяжелом плоту. Первые два часа я пытался рассчитать в уме возможно точнее путь эсминца. Я решил, что если с эсминца телеграфировали в Картахену, то дали точные координаты места катастрофы и оттуда уже послали самолеты и вертолеты, чтобы спасти потерпевших бедствие. Я прикинул, что через два часа они уже будут кружиться над моей головой. Ровно в 12 часов дня я сел на борт плота и стал внимательно всматриваться в горизонт. Я снял весла и положил их на середину плота, чтобы быстрее приспособить их как потребуется, когда появятся самолеты. Потекли долгие и напряженные минуты. Солнце обжигало лицо и плечи, губы горели от морской соли. Но ни голода, ни жажды я не чувствовал. Мне нужно было только одно — поскорее увидеть самолеты. Я уже все обдумал: как только они появятся, я налажу весла и начну грести по направлению к ним, а когда они будут надо мной — встану на ноги и начну махать рубашкой. Чтобы быть совсем готовым, чтобы не потерять ни одной минуты, я расстегнул рубашку и продолжал сидеть, поворачивая голову, чтобы наблюдать все стороны горизонта, так как я не знал, с какой стороны должны появиться самолеты.

В полдень ветер все еще завывал, и в этом вое мне слышался голос Луиса Ренхифо: «Толстяк, греби сюда!» Я слышал его совсем отчетливо, будто он был рядом, в трех метрах от плота, и пытался достать до весла рукой. Я знал, что, когда на море поднимается ветер и волны разбиваются о прибрежные скалы, бывает, что человеку слышатся в этом шуме знакомые голоса. И мне слышалось навязчиво, до умопомешательства: «Толстяк, греби сюда!»

В три часа я начал нервничать. Знал, что в этот час эсминец уже стоит на причале в Картахене и мои товарищи скоро разбредутся, счастливые, по всему городу. Потом мне представилось, что все они думают обо мне, и это вернуло мне бодрость духа. Я приготовился терпеливо

ждать до четырех дня. Если допустить, что не телеграфировали, если даже сразу не заметили, что люди упали за борт, — все равно должны были заметить это потом, во время швартовки, когда вся команда выстроится на палубе. Это могло быть самое позднее в три, и, конечно, сразу же сообщили бы о случившемся. Как бы ни замешкались на аэродроме, через полчаса самолеты будут уже в воздухе. Так что к четырем часам, самое позднее — к половине пятого они должны появиться надо мной. Я продолжал наблюдать за горизонтом, пока не утих ветер. Когда он утих, меня окутал глухой шум моря, и тогда я перестал слышать крики Луиса Ренхифо.

Сначала мне казалось, что невозможно выдержать три часа одиночества среди моря. Но в пять дня, когда уже протекли целых восемь часов, я почувствовал, что могу подождать еще один час. Солнце, склонявшееся к закату, сделалось большим и красным. Теперь я мог ориентироваться и знал, с какой стороны я могу ждать появления самолетов. Повернувшись так, чтобы солнце было от меня справа, я стал смотреть прямо перед собой, не отрывая взгляда от точки горизонта, за которой, по моим расчетам, была Картахена. В шесть часов у меня заболели глаза, но я по-прежнему не отрываясь смотрел вперед. Даже когда стало смеркаться, я упрямо продолжал смотреть. Я знал, что теперь самолетов видно не будет, но я увижу приближающиеся зеленые и красные огни, увижу их прежде, чем шум моторов дойдет до моего слуха. Мне хотелось увидеть эти огни, и я забыл о том, что заметить меня в сумерках с самолета не смогут. Как-то вдруг небо стало красным, а я все смотрел на горизонт; потом стало темно-фиолетовым, а я все так же смотрел. По другую сторону плота, точно желтый бриллиант на небе цвета вина, засияла первая звезда, казавшаяся квадратной. Это было как сигнал, и темная, плотная ночь сразу накрыла море.

Когда я осознал наконец, что меня окутала тьма, что я едва могу разглядеть собственную вытянутую руку, мне показалось, что мне не справиться с охватившим меня отчаянием. Теперь, оказавшись во мраке ночи, я понял, что не был столь одиноким в дневные часы. По-настоящему одиноким я почувствовал себя в темноте, на плоту, которого я не видел, а только чувствовал под собой, глухо скользящем в густой воде моря, населенной странными существами. Я посмотрел на светящийся циферблат моих часов. Было без десяти семь. Когда мне показалось, что прошло часа полтора или два, я снова посмотрел на часы: было без пяти семь... Наконец, минутная стрелка добралась до цифры двенадцать — наступило ровно семь часов вечера, и небо было густо усыпано звездами. Но мне казалось, времени прошло столько, что уже пора было наступить рассвету. И я все еще думал о самолетах...

Продолжение следует

Перевел с испанского
ДИОНИСИО ГАРСИА

МОЯ ПЕРВАЯ НОЧЬ В КАРИБСКОМ МОРЕ

Мне стало холодно. Невозможно оставаться сухим на таком плоту. Даже когда сядешь на борт, ноги остаются в воде, потому что днище из сети, провисая, уходит в воду почти на полметра. В восемь часов вечера в воде было теплее, чем на воздухе. Я знал, что, лежа в воде на середине плота, я был бы в безопасности, отделенный от морских животных прочной сетью. Но этому учат в морской школе, и этому только там веришь, когда инструктор демонстрирует все на небольшой модели, а ты сидишь на скамье в два часа дня среди сорока своих товарищей. Но когда ты один посреди моря, ночью, потерявший надежду, слова инструктора кажутся совсем бессмысленными. Я знал одно: ноги мои погружены в чужеродный мир морских животных, и, хотя рубашку мою трепал холодный ветер, я не смел оставить борт плота. По словам инструктора, это самое ненадежное место на плоту, и все же только там я был дальше всего от тех громадных, неведомых существ, которые, я ясно слышал, таинственно проплывали мимо.

В эту ночь я не сразу нашел Малую Медведицу, затерянную в чаще бесчисленных звезд. Казалось, что на всем просторе неба невозможно найти ни одной пустой точки. Но когда я все же нашел Малую Медведицу, никуда больше смотреть мне уже не хотелось. Глядя на нее, я чувствовал себя не таким одиноким. В Картахене, когда получали увольнительную, мы сходились ночью на мосту Манга, и Рамон Эррера пел что-нибудь, подражая Даниелю Сантосу, а кто-нибудь аккомпанировал ему на гитаре. Сидя на каменном парапете, я всегда видел Малую Медведицу у склона горы Серро де ла Проа. И в ту ночь, когда я сидел на борту плота и смотрел на небо, мне представилось на минуту, будто я на мосту Манга, будто рядом со мной сидит Рамон Эррера и поет под аккомпанемент гитары, и будто Малую Медведицу я вижу не в двухстах милях от берега, а у склона Серро де ла Проа. Я думал также и о том, что, быть может, в Картахене кто-то еще тоже смотрит на Малую Медведицу, и это скрашивало мое одиночество.

В течение всей этой первой ночи ничего не произошло, и, вероятно, от этого ночь была особенно длинной. Трудно описать ночь,

Продолжение. Начало в № 5.

проведенную на плоту, если ничего не произошло, если был только страх перед морскими животными и были часы со светящимся циферблатом, на которые невозможно не смотреть каждую минуту. В течение моей первой ночи на плоту я смотрел на часы чуть ли не каждую минуту. Это была настоящая пытка. Я решил: чтобы меньше зависеть от времени, надо снять часы и положить их в карман. Когда я уже больше не мог терпеть и снова посмотрел на часы, было без двадцати девять. Есть и пить еще не хотелось, и я почувствовал, что вполне в состоянии дождаться следующего дня, когда прилетят самолеты. Но вот часы, казалось мне, могут свести с ума. В отчаянии я снял их с руки и хотел положить в карман, но мне пришло в голову, что лучше будет бросить их в море. Я не мог решиться, а потом испугался: без часов я буду еще более одиноким. Я снова надел их на руку и стал смотреть на циферблат не отрываясь, так же как днем смотрел до боли в глазах в одну точку на горизонте.

После двенадцати мне уже хотелось плакать. Я не заснул ни на минуту и даже не пытался заснуть. С той же надеждой, с какой вечером ожидал увидеть самолеты на горизонте, я всю вторую половину ночи искал огни кораблей. Долгие часы я вглядывался в ночное море, спокойное, необъятное, тихое, но не видел никаких огней, отличных от мерцания звезд. В предрассветные часы стало холодней, и казалось, что все мое тело излучает жар солнца, накопленный в течение дня под кожей. От холода оно только сильней горело. После двенадцати начало болеть правое колено, да так, точно соленая вода проникала до самых костей. И однако, все это было где-то далеко. Не о теле своем я думал, а об огнях кораблей. И думал: если в этом бесконечном одиночестве, в этом глухом шуме волн покажутся огни корабля, я крикну так, что меня услышат на любом расстоянии.

На море рассветает не так медленно, как на суше. Небо побледнело, начали исчезать звезды, а я все переводил взгляд с часов на горизонт и обратно. Стали смутно видны контуры моря. Нельзя было поверить, что ночь продолжается столько же, сколько и день, и нужно провести ночь на плоту посреди моря, неотрывно следя за стрелкой часов, чтобы убедиться в том, что ночь бесконечно длиннее дня. Но когда вдруг начинает светать, ты чувствуешь такую усталость, что почти не видишь рассвета.

Так было со мной в ту первую ночь на плоту. Когда стало светать, мне уже было все равно. Я не думал ни о еде, ни о питье, не думал ни о чем до тех пор, пока ветер не стал теплее, а поверхность моря не стала золотистой и гладкой. Я не спал всю ночь, но в этот миг почувствовал себя проснувшимся. Я растянулся на плоту, и кости мои заныли. Кожа тоже болела. Но утро было сияющее и теплое, и теперь, при свете дня, в мягком дуновении ветра, я почувствовал, что еще способен ждать. И я уже не был одиноким человеком на плоту, и в свои двадцать лет я впервые почувствовал себя совершенно счастливым.

Плот продолжал свое движение, но вокруг все оставалось неизменным, как будто я не двигался с места. В семь часов я подумал об эсминце. Там было время завтрака. Представил себе моряков, сидящих за столом. Они ели яблоки. Потом подадут яичницу. Потом мясо. Потом кофе с молоком. Рот наполнился слюной, и желудок свела судорога. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я погрузился на сетчатое дно плота в воду по шею. Вода омыла обожженную спину, и я почувствовал себя здоровым и полным сил. Я долго пролежал там в раздумье, спрашивая себя, зачем я пошел на корму с Рамоном Эррерой, а не остался лежать на своей койке. Я воссоздал в уме, минута за минутой, все подробности трагедии и решил, что вел себя крайне глупо и совершенно случайно оказался жертвой. Я подумал, что мне просто не везет, и от этого сразу стало как-то тоскливей. Но я взглянул на часы и успокоился. Время шло быстро: было уже полдвенадцатого.

Близился полдень, и я вновь вспомнил о Картахене. «Не может быть, чтобы мое исчезновение прошло незамеченным», — думал я. Я даже стал жалеть о том, что забрался на плот; мне представилось, что мои товарищи были спасены, и по вине плота, который отнесло в сторону ветром, я единственный оставшийся в море — мне просто не повезло...

Эта идея еще не успела оформиться до конца, когда мне показалось, что я вижу на горизонте какую-то точку. Я стал на ноги, не сводя глаз с этой движущейся черной точки. Было без десяти двенадцать. Я смотрел с таким напряжением, что небо заискрилось светящимися точками. Но черная точка продолжала двигаться прямо на меня. Через две минуты я уже хорошо различал ее форму. Двигаясь по сверкающей синеве неба, она вспыхивала иногда слепящим металлическим блеском. Уже болела шея, а глазам трудно было вынести свет неба, но я смотрел не отрываясь: летящий предмет шел точно по направлению к плоту. В эту минуту я не почувствовал себя безмерно счастливым, меня не охватила неистовая радость. Глядя на приближающийся самолет, я ощущал только необыкновенную душевную легкость и спокойствие. Я снял не спеша рубашку. Мне казалось, что я точно знаю, когда именно нужно подать знак. Минуты две я ждал с рубашкой в руке, чтобы самолет приблизился. Он шел прямо на меня. Когда я поднял руку и начал махать рубашкой, я уже явственно различал гул его моторов, перекрывающий шум волн.

У МЕНЯ ПОЯВИЛСЯ СПУТНИК...

Я отчаянно махал рубашкой в течение по крайней мере пяти минут. Но скоро увидел, что ошибся: самолет летел вовсе не к плоту. Он пролетел в стороне, и на такой высоте, с которой невозможно было меня заметить. Потом он развернулся, полетел в обратном направлении и стал теряться на горизонте в том самом месте, откуда появился. Я так и остался стоять на плоту, под палящим солнцем, и смотрел, ни о чем не думая, на удаляющуюся черную точку, пока она не растаяла на горизонте. Тогда я сел. Я почувствовал себя несчастным, но надежды не терял и решил как-то защититься от солнца. Я лег на широкий борт лицом вверх и накрыл голову мокрой рубашкой, но старался не заснуть на борту, зная, как это опасно. Я подумал о самолете, и теперь у меня уже не было полной уверенности, что он искал меня.

Тогда, лежа на борту, я впервые испытал пытку жажды. На-

чинается с того, что густеет слюна и сохнет глотка. Было сильное искушение выпить морской воды, но я знал, что это только повредит. Позже можно будет попить ее немного. Внезапно я позабыл о жажде. Там, над моей головой, покрывая шум волн, раздался звук самолета. Окрыленный, я вскочил на ноги. Этот самолет приближался оттуда же, откуда первый, и летел прямо на меня. Когда он пролетал надо мной, я снова замахал рубашкой. Но он был слишком высоко. Пролетев мимо, он исчез из виду. Потом он повернул обратно, и я увидел его сбоку. Он летел туда, откуда появился. «Вот теперь явно ищут меня», — подумал я и сел с рубашкой в руке, ожидая новых самолетов.

Мне стало ясно: самолеты появляются и исчезают в одной и той же точке — значит, там земля. Я знал теперь, куда надо направить плот. Но как? Сколько бы плот ни прошел за эту ночь, до берега, наверно, было еще очень далеко. Да и долго ли смог бы я грести, когда от голода у меня в желудке начались спазмы? Особенно же мучила жажда. Даже дышать становилось все труднее.

В 12 часов 35 минут неожиданно появился огромный черный гидросамолет. Он с ревом пронесся над моей головой. Сердце так и подскочило у меня в груди. Я совершенно ясно увидел человека, высунувшегося из кабины и наблюдавшего море в черный бинокль. Самолет пролетел так низко, в такой близости от плота, что мне показалось, будто я всем телом ощутил биенье его моторов. Я легко опознал его по знакам на крыльях: это был самолет береговой охраны зоны Панамского канала. Он улетел, но я не сомневался, что человек с черным биноклем видел, как я махал ему рубашкой. «Меня заметили!» — крикнул я, все еще махая рубашкой, и начал прыгать, обезумев от радости.

Не прошло и пяти минут, как опять появился тот же черный самолет. Теперь он летел в противоположном направлении, но на той же высоте. Он летел с креном на левое крыло, и в кабине я вновь увидел того же человека с биноклем в руках. Я замахал рубашкой, теперь уже спокойно, словно приветствуя своих спасителей. По мере приближения самолет стал постепенно снижаться. Некоторое время он летел по прямой, почти касаясь воды. Я решил, что он приводняется, и приготовился грести к нему, но вскоре он набрал высоту, развернулся и в третий раз пролетел надо мной. Я подождал, пока он окажется над моей головой, и несколько раз махнул рубашкой. Я ждал, что он еще ниже пролетит над плотом, но произошло обратное — он быстро набрал высоту и скрылся в направлении земли. Но я больше не беспокоился: я был уверен, что меня заметили. Не могло быть, чтобы меня не заметили, когда пролетали так низко над самым плотом. Успокоенный, почти счастливый, я сел на борт и стал ждать.

Прошел час. Я сделал важный вывод: в той стороне, откуда появились первые самолеты, несомненно, была Картахена, а там, где скрылся черный самолет, была Панама. Я рассчитал, что если плыть по прямой, лишь слегка отклоняясь от направления ветра, то можно добраться до берега где-то около курорта Толу.

Я ждал, что не позже чем через час меня спасут. Но час прошел, и ничего не произошло. Вокруг все то же синее, чистое и совершенно спокойное море. Прошло еще два часа. И еще час, и другой. А я все сидел неподвижно, наблюдая за горизонтом. В пять часов вечера солнце начало клониться к закату. Я все еще не терял надежды, но уже начал беспокоиться. Я никак не мог понять, отчего они так тянут с моим спасением. Горло совсем пересохло, дышать становилось все труднее. Я глядел в забытьи на линию горизонта, как вдруг, сам еще не зная почему, подскочил и прыгнул в середину плота. Не спеша, как бы подстерегая добычу, у борта проплывала акула.

Это было первое живое существо, которое я увидел за тридцать три часа плавания на плоту. Плавник акулы на поверхности моря всегда вызывает ужас: всем известна прожорливость этого хищника. Но внешне нет ничего более безобидного, чем плавник акулы. Совсем непохоже, что это часть тела животного, тем более такого хищного. Он темно-зеленый и шероховатый, как кора деревьев. Я глядел, как плавник огибает плот, и мне представилось, что на вкус он, должно быть, терпкий и сочный, как стебель растения. Наступил шестой час. Вечернее море было спокойно. Теперь у плота была уже не одна акула. Быстро стемнело, и я уже не видел их, но мне казалось, что они движутся вокруг, разрезая водную гладь лезвиями своих плавников. С этих пор я уже не решался садиться на борт после пяти вечера. Следующие дни показали, что акулы очень пунктуальны: они всегда появлялись в начале шестого и исчезали с наступлением ночи.

К вечеру прозрачная вода представляет собой красивейшее зрелище. Плот окружают рыбы всех цветов радуги. Там были огромные желто-зеленые рыбы, рыбы, украшенные синими и красными полосами, и другие, круглые маленькие рыбешки. Они сопровождали плот, пока не становилось совсем темно. Иногда, словно сверкнет металлическая молния, взметнется струя окровавленной воды, и на поверхности остаются ненадолго куски перекушенной акулой рыбы. И тогда несметное множество более мелких рыб набрасывается на эти объедки.

Начиналась моя вторая ночь среди моря, ночь голода, жажды и отчаянья. После растаявшей надежды на самолеты я чувствовал себя совершенно покинутым. Только в ту ночь я наконец понял, что рассчитывать я могу только на свою волю и силы. Одно меня удивляло: я чувствовал некоторую слабость, но не чувствовал себя истощенным. Прошло более сорока часов с тех пор, как я пил и ел в последний раз, и более двух суток с тех пор, как я спал, ибо я не спал последнюю ночь перед трагедией, и все-таки я чувствовал, что вполне могу взяться за весла.

Я нашел Малую Медведицу, сориентировался и решил грести. Дул бриз, но не совсем в том направлении, какое было нужно мне, чтобы двигаться, ориентируясь на Малую Медведицу. В десять часов ночи я установил весла и начал грести. Сначала я греб лихорадочно, торопясь, потом стал грести спокойнее, ни на миг не выпуская из поля зрения Малую Медведицу, которая, по моим расчетам, сияла точно над Серро де ла Проа. По плеску воды я почувствовал, что плот движется вперед. Уставая, я скрещивал весла и клал на них голову, чтоб отдохнуть, а потом вновь брался за них с новыми силами и новой надеждой. В полночь я все еще продолжал грести.

К двум часам ночи я совершенно обессилел, скрестил весла и попытался заснуть. К этому времени жажда стала мучить еще сильней. Голода я не ощущал, но чувствовал себя таким усталым, что положил голову на весло и приготовился умереть. Тогда-то и увидел я матроса Хайме Манхарреса. Он стоял на палубе эсминца и показывал мне пальцем в сторону порта. Хайме Манхаррес, родом из Боготы, был одним из самых старых моих флотских друзей. Я часто думал о товарищах, пытавшихся догнать плот, думал о том, удалось ли им взобраться на второй плот, подобрал ли их эсминец или самолеты. Но о Хайме Манхарресе я не вспомнил ни разу. Тем не менее стоило мне сомкнуть веки, как он возникал передо мной и, приветливо улыбаясь, показывал пальцем в направлении порта; потом я видел его сидящим в столовой, с фруктами и тарелкой яичницы в руках.

Вначале это был просто сон. Я закрывал глаза, засыпал ненадолго, и он неизменно появлялся. Наконец я решил заговорить с ним. Не помню, что я ему сказал и что он ответил, но хорошо помню, что мы беседовали с ним на палубе эсминца, когда вдруг ударила роковая волна и я проснулся, подскочив, и судорожно уцепился за веревочную сеть, чтобы не упасть в море...

К рассвету небо стало темнее. Я не мог спать — у меня не было сил даже для этого. В непроглядном мраке я уже не мог разглядеть противоположный конец плота, но я все смотрел туда, стараясь пробить темноту взглядом. И вдруг я увидел на другом конце борта Хайме Манхарреса. Он сидел в синей рабочей форме и в фуражке, слегка сдвинутой на правое ухо. На ней, несмотря на полный мрак, можно было ясно прочитать: A. R. C. «CALDAS».

— Здравствуй, — сказал я, ничуть не удивившись, уверенный, что там действительно сидит Хайме Манхаррес и что он сидел там все время. Я бодрствовал, сознание мое было ясным, и я слышал свист ветра над головой и шум моря, и я ощущал голод и жажду. Одним словом, у меня не было никакого сомнения в том, что Хайме Манхаррес плывет со мной на плоту.

— Почему ты не напился воды на эсминце? — спросил он.

— Потому что мы приближались к Картахене, — ответил я. — Я лежал на корме вместе с Рамоном Эррерой.

Для меня это не было галлюцинацией. Я совсем не боялся. Я только недоумевал, как я мог чувствовать себя одиноким и как мог не знать, что со мной на плоту плывет еще другой человек.

— Почему ты не поел? — спросил Хайме Манхаррес.

Я прекрасно помню свой ответ:

— Потому что мне не дали. Я просил яблок и мороженого, и мне отказали. А я не знал, куда все спрятали.

Хайме Манхаррес ничего не ответил, немного помолчал, а потом опять показал рукой в сторону Картахены. Я посмотрел, куда он показывал, и увидел огни порта, буи гавани, качающиеся на волнах.

— Мы уже близко, — сказал я и продолжал напряженно смотреть на далекие огни без волнения, без особенной радости, как при обычном возвращении. Я предложил Хайме Манхарресу погрести вместе немного. Но его уже не было. Он исчез. Я сидел один на плоту, и огни порта были первыми лучами солнца. Первыми лучами моего нового, третьего дня на море.

ВИЖУ КОРАБЛЬ!

Вначале я вел счет дням, отмечая в них главные события: первый день, 28 февраля, — день катастрофы. Во второй день прилетали самолеты. Третий день был самым томительным: не произошло ничего примечательного. Плот двигался, подгоняемый бризом. У меня не было сил грести. Небо заволокло тучами, стало прохладно, и теперь, без солнца, я уже не мог ориентироваться и не знал, с какой стороны могут появиться самолеты. Что касается плота, то он ведь четырехугольный — нет ни носа, ни кормы. Он может плыть в любую сторону, незаметно вращаясь, и если нет ориентира, то невозможно узнать, движется ли он вперед, к земле, или в противоположную сторону. А море одинаково со всех сторон... Бывало, я ложился на заднем борту, по отношению к движению плота (то есть на «корме»), и накрывал лицо рубашкой. Когда вставал и оглядывался вокруг, то плот уже двигался так, что я оказывался лежащим на переднем борту — на «носу». В таких случаях я не мог узнать, изменил ли плот свое направление или же просто повернулся вокруг своей оси. Нечто подобное случилось на четвертые сутки и с подсчетом времени.

Рисунки В. ВАКИДИНА

В полдень я сделал две вещи: во-первых, вставил весло на од-

ном из бортов, чтобы знать, как будет двигаться плот. Во-вторых, я нацарапал ключами на борту черточки, по одной за каждый прошедший день, и поставил числа. Нацарапал первую черту и поставил цифру 28. Нацарапал вторую и написал 29, а против третьей черты — 30. Это была ошибка: было не тридцатое февраля, а второе марта. Я сообразил это лишь на четвертые сутки, когда стал вспоминать, сколько дней было в прошедшем месяце — 30 или 31. И я вспомнил, что это был февраль, и хотя теперь мне самому смешно, но эта ошибка спутала мое представление о времени. На четвертый день я уже не был вполне уверен, правильно ли веду счет дням. Три дня прошло? Или четыре? А может, пять? Судя по черточкам, прошло три дня, но я не был в этом уверен — точно так же, как не был уверен, в каком направлении движется плот. Я решил оставить все как есть, чтобы не запутаться еще больше. От всего этого я совсем потерял надежду на спасение.

Уже четверо суток я ничего не ел и не пил. Трудно было собраться с мыслями — ни о чем не хотелось думать. Обожженная кожа покрылась волдырями и нестерпимо горела. Инструктор военно-морской базы учил нас, что ни в коем случае нельзя подставлять спину солнечным лучам. Это стало одной из моих главных забот. Я снял с себя мокрую рубашку и обвязал ее вокруг пояса — она слишком раздражала кожу. Я был без воды уже четвертые сутки, и дышать становилось физически трудно — я чувствовал острую боль в горле, в груди и под ключицами. Я решил выпить немного соленой воды. Морская вода не утоляет жажду, но она освежает. Я не пил так долго морскую воду потому, что знал: второй раз надо выпить ее еще меньше и много часов спустя.

Каждый день в начале шестого с удивительной пунктуальностью появлялись акулы. Вокруг плота начиналось пиршество. Огромные рыбы выпрыгивали из воды и через секунду оказывались растерзанными в куски. Обезумевшие акулы стремительно прорезали окровавленную воду. Они еще ни разу не пытались разбить плот, но своим белым цветом он привлекал их внимание. Всем известно, что акулы часто набрасываются на белые предметы. Они близоруки и хорошо видят только белое или блестящее. Инструктор предупреждал нас: надо прятать все яркие вещи, чтобы не привлекать акул. Никаких ярких вещей у меня не было. Даже циферблат моих часов был черный. Но я чувствовал бы себя спокойнее, если бы имел с собой какие-нибудь белые предметы, чтобы бросить их подальше от плота, когда акулам вздумается перевернуть его. На всякий случай, начиная с четвертого дня, я всегда после пяти вечера держал весло наготове, чтобы защищаться от акул.

Ночью я устраивал весло под себя поудобнее и старался заснуть. Не могу сказать, случалось ли это только во сне, но каждую ночь я видел перед собой Хайме Манхарреса. Мы беседовали недолго о чем-нибудь, и затем он исчезал. Скоро я привык к его посещениям. При свете дня я понимал, что это, должно быть, галлюцинации, ночью же не было никакого сомнения, что Хайме Манхаррес сидит там, на противоположном борту, и говорит со мной. А на рассвете пятого дня он тоже, как и я, пытался заснуть. Он молчал и клевал носом, пристроившись на другом весле, но вдруг встрепенулся и стал пристально всматриваться в морскую гладь, а потом сказал мне:

— Смотри!

Я поднял глаза и увидел километрах в трех от плота огни, то вспыхивающие, то гаснущие, которые могли принадлежать только кораблю. У меня уже давно не было сил грести, но, увидев огни, я встал и покрепче ухватился за весла. Корабль медленно скользил вперед, и на мгновение я увидел не только огни мачты, но и тень от нее, скользящую по воде.

Ветер оказывал сильное противодействие. Несмотря на отчаянные усилия, я, кажется, не смог ни на один метр изменить направление плота, сносимого ветром. Огни все больше отдалялись. Я покрылся испариной и почувствовал страшную слабость. Через двадцать минут огни исчезли совершенно. Звезды стали угасать, а небо посерело. Опустошенный, один среди бесконечного моря, я оставил весла, встал на ноги и несколько минут кричал как безумный...

Когда показалось солнце, я опять лежал на весле. Я был в полном изнеможении. Теперь уж я потерял всякую надежду на спасение, и мне хотелось умереть. Но странное дело: при мысли о смерти я тут же вспоминал о грозящей мне реальной опасности, и неизвестно откуда у меня появлялись силы.

На пятый день я решил, что надо во что бы то ни стало заставить плот изменить направление. Мне взбрело в голову, что, если я буду все время двигаться по ветру, я непременно приплыву к острову, населенному людоедами. В Мобиле в каком-то журнале — название я позабыл — я прочитал рассказ о человеке, который потерпел кораблекрушение и был съеден каннибалами. Но еще сильнее действовала на мое воображение книга «Моряк-отступник», которую я за два года до этого прочитал в Боготе. Это история про моряка. Его корабль во время войны взорвался на мине. Ему удалось доплыть до какого-то острова, и он провел сутки, питаясь дикими плодами, пока его не обнаружили каннибалы. Они бросили его в котел с кипящей водой и сварили живьем. Меня начали преследовать мысли об этом острове. Я уже не мог представить себе берег без каннибалов. Впервые за пять дней одиночества на море мой страх изменил направление: теперь я боялся не столько моря, сколько земли.

В полдень я лежал на борту точно погруженный в летаргический сон. От палящих лучей солнца, от голода и жажды я уже ни о чем не мог думать, утратил всякое чувство времени и направления. Попробовал встать, чтобы испытать свои силы, и увидел, что еле держусь на ногах.

«Конец», — подумал я. Мне показалось, что настало самое страшное из всего, о чем предупреждал нас инструктор: надо привязать себя к плоту. Когда не чувствуешь уже ни голода, ни жажды, не чувствуешь беспощадных укусов солнца на покрытой волдырями коже, не чувствуешь вообще ничего, остается последнее средство: развязать концы сетки и привязать ими себя к плоту. Во время войны было найдено много таких привязанных к плотам трупов, исклеванных птицами и разложившихся.

Но я решил, что у меня еще хватит сил дождаться ночи, не привязывая себя к плоту.

Я опустился в середину плота, растянулся там, погрузившись по шею в воду, и пролежал так несколько часов. От соленой воды начало болеть раненое колено. И тут я будто очнулся: ощущение боли вернуло меня к действительности. Мало-помалу прохлада воды возвращала силы. Вдруг я почувствовал сильную резь в животе. Хотел стерпеть, но не смог. С большим трудом я встал, расстегнул ремень, спустил брюки... Я почувствовал большое облегчение. Это было в первый раз за пять дней, и в первый раз рыбы начали отчаянно биться о крепкую веревочную снасть, стараясь разорвать ее.

Вид рыб, таких близких и блестящих, возбуждал во мне голод. Впервые меня охватило настоящее отчаянье. Но сейчас у меня, по крайней мере, была приманка. Я позабыл о своей слабости, схватил весло и приготовился. Я решил вложить последние силы в один точный удар и оглушить какую-нибудь из рыб. Не помню, сколько раз я ударил веслом. Я чувствовал, что попадаю, но каждый раз напрасно пытался разглядеть жертву. Около меня шло жуткое пиршество рыб, пожиравших друг друга. Хватая свою долю в бурлящей воде, скользила кверху брюхом акула...

Заметив акулу, я отказался от своей затеи, бросил весло и, потеряв надежду на успех, растянулся на борту. Но прошло всего несколько минут, и меня охватила неистовая радость: над плотом летали семь чаек.

Для голодного моряка, одинокого дрейфующего среди пустыни моря, чайки — весточка надежды. Обычно корабли провожает целая стая чаек, но только до второго дня плавания. Семь чаек над плотом — верный знак близости земли. Тут бы взяться за весла, но я едва мог простоять на ногах несколько минут. В полном убеждении, что я приближаюсь к земле, что до нее остается не более двух дней плавания, я зачерпнул рукой и попил еще немного морской воды, и снова лег лицом вверх, чтобы солнце не жгло спину. Я не накрыл лицо рубашкой — хотелось смотреть на чаек. Они летели в форме острого угла не спеша в сторону севера. Был второй час пополудни пятого дня моего плавания...

Я не заметил, как она появилась. Время приближалось к пяти, и я собирался спуститься в середину плота до появления акул. Тогда-то я и увидел маленькую чайку. Летая вокруг плота, она то и дело садилась ненадолго на другой конец борта. Рот наполнился холодной слюной. Мне нечем было поймать эту чайку. У меня ничего не было, кроме рук и хитрости, обостренной голодом. Остальные чайки исчезли, и осталась только эта маленькая, с блестящим оперением кофейного цвета. Она прыгала по борту.

Я лежал совершенно неподвижно. Мне казалось, что моего плеча касается плавник акулы, которая с пяти часов наверняка уже на своем месте. Но я решил рискнуть. Я не смел даже следить за полетом чайки, чтобы она не заметила движения моей головы. Она пролетела совсем низко надо мной. Я видел, как она удалилась и исчезла в небе. Но я не терял надежды. Я не думал о том, что мне придется ее растерзать. Знал только одно: я голоден, и если буду лежать совершенно неподвижно, то рано или поздно чайка приблизится к моей руке.

Я ждал, кажется, более получаса. Несколько раз она прилетала и вновь улетала. Был момент, когда я почувствовал близ своей головы рывок акулы, заглатывающей свою жертву. Но вместо страха я лишь острей ощутил голод. Чайка прыгала по борту. Это был пятый вечер моего дрейфа. Пять дней без еды! Я страшно волновался, казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди, но когда я почувствовал, что чайка приближается, я остался лежать неподвижно, как мертвый. Я лежал на широком борту, и я уверен, что в течение получаса не посмел даже моргнуть. Небо сияло, и было больно смотреть на него, но напряжение все росло, и я не решался закрыть глаза: чайка начала клевать мой ботинок. Прошло еще полчаса напряженного ожидания, прежде чем я почувствовал, что чайка забралась мне на ногу, а потом слабо клюнула раз-другой мои брюки. Я продолжал лежать в совершенной неподвижности, и тут она вдруг сильно клюнула меня в раненое колено. Я чуть вздрогнул от боли, но сдержался. Потом она двинулась по правому бедру и остановилась в пяти-шести сантиметрах от моей руки. Тогда я прервал дыхание и как можно незаметней с отчаянным напряжением, стал подвигать к ней свою руку...

ОТЧАЯННЫЕ ПОПЫТКИ УТОЛИТЬ ГОЛОД

Если лечь посреди площади в надежде поймать чайку, можно пролежать там всю жизнь и ничего не поймать. Но совсем другое дело — в сотне километров от берега. У чаек инстинкт самосохранения обострен лишь на земле, в открытом море эти птицы очень доверчивы. Я лежал так тихо, что маленькая игривая чайка, которая уже забралась мне на ногу, решила, наверное, что я мертв. Я видел ее на своем бедре, она клевала меня через брюки, не причиняя никакой боли, и я все ближе подвигал свою руку. Чайка заметила опасность и хотела улететь, но я резким движением схватил ее за крыло и прыгнул в середину плота в полной решимости немедленно съесть ее. Когда я терпеливо ждал, чтобы она села мне на ногу, я был абсолютно уверен, что, если удастся поймать чайку, я съем ее живьем вместе с перьями. Уже одно представление о крови этой птицы возбуждало жажду. Но теперь, когда я держал ее в руках, когда почувствовал, как бьется ее теплое тело, посмотрел в ее круглые и блестящие глаза, меня охватило сомнение.

Как-то я стоял на палубе с карабином в руках, думая подстрелить одну из чаек, летавших над кораблем. Один из офицеров, бывалый моряк, сказал мне: «Не будь жестоким. Видеть чайку для моряка все равно что видеть землю. Недостойно моряка убивать чаек». И хотя в течение пяти дней я ничего не ел, слова эти по-прежнему, смущая меня, звучали в моих ушах. Но голод оказался сильнее. Я взял птицу за голову и, как курице, начал скручивать ей шею. Она оказалась совсем хрупкой: шейные позвонки захрустели при первом моем движении, а потом я ощутил на пальцах теплую, живую кровь. Мне было жаль ее. Я чувствовал себя убийцей. Голова, еще трепещущая, осталась у меня на ладони. Струя крови окрасила воду внутри плота и раздразнила рыб. Белое, блестящее брюхо акулы мелькнуло рядом с плотом. В таких случаях обезумевшая от запаха крови акула способна перекусить стальную пластину. Челюсти акулы расположены снизу, и ей нужно перевернуться, чтобы проглотить добычу, но так как она близорука и очень прожорлива, то, атакуя кверху брюхом, сметает все, что попадается на ее пути. Мне сдается, что в этот раз акула хотела напасть на плот. Испугавшись, я бросил ей маленькую, не больше яйца, голову чайки; громадные рыбы за бортом немедленно вступили из-за нее в бой не на жизнь, а на смерть.

Прежде всего я принялся ощипывать чайку. Тело ее было очень нежным, а кости — такими хрупкими, что можно было сломать их пальцами. Я старался выдергивать перья как можно осторожней, но они плотно сидели в нежной белой коже, так что вырывал их я вместе с мясом. Темная и липкая плоть вызывала отвращение. Легко рассуждать, что после пятидневного голода можно съесть что угодно, но, как бы ты ни был голоден, мешанина из перьев и теплой крови, остро пахнущая рыбой, может вызвать тошноту. Пока я ее ощипывал, она совсем расползлась. Я прополоскал птицу внутри плота и резким движением вскрыл ее. От одного вида розовых и синеватых внутренностей меня передернуло. Я сунул в рот продолговатый кусочек мяса, но так и не решился проглотить его: мне казалось, что я жую лягушку. Я не сумел преодолеть отвращение, выплюнул все, что было во рту, и долго сидел неподвижно с этим сгустком разорванного мяса и окровавленных перьев в руке. Я мог бы использовать мясо чайки как приманку для ловли рыб, но у меня не было никакой снасти. Была бы хоть булавка или кусок проволоки! Но не было ничего, кроме ключей, часов, золотого кольца и трех проспектов из мобильского магазина. Я подумал о ремне, попытался сделать из пряжки что-то вроде крючка, но все мои усилия оказались напрасными. Невозможно сделать из ремня рыболовную снасть. Начинало смеркаться, и рыбы, почуяв кровь, прыгали вокруг плота. Когда совсем стемнело, я выбросил остатки убитой чайки за борт, прилег на весло и приготовился умереть.

Я действительно мог умереть в ту ночь от истощения и отчаяния. Поднялся сильный ветер. Плот опять подбрасывало на волнах, а я, даже не подумав о том, чтобы привязать себя к сетке, лежал на днище, и только моя голова и согнутые колени высовывались из воды. Но после полуночи наступила перемена: появилась луна. Она показалась впервые со времени катастрофы. В голубом свете луны море приобретает иной, более призрачный вид. В эту ночь Хайме Манхаррес не пришел ко мне. Я был один на дне плота, наедине со своей судьбой. Но почему-то всегда получалось так, что, когда надежда и воля к жизни покидали меня, обязательно происходило что-нибудь пробуждавшее во мне новую надежду. В ту ночь это был отблеск луны на волнах. Море взыграло, и в каждой волне мне чудились огни кораблей. Две последние ночи я совсем не думал о кораблях. Но в течение всей этой лунной ночи — моей шестой ночи на море — я вглядывался в горизонт почти с той же настойчивостью и надеждой, как и в первую ночь. Окажись я теперь снова в таком же положении, я умер бы от отчаяния; теперь-то я знаю, что там, где проплывал плот, корабли не появляются.

Я смутно помню утро шестого дня. Вспоминаю лишь как в тумане, что все утро пролежал на дне плота и был между жизнью и смертью. В такие минуты я всегда думал о родном доме и, как оказалось, довольно точно представлял себе жизнь родных без меня. Например, я совсем не удивился, когда узнал, что они отслужили по мне панихиду. Я как раз думал об этом в утро шестого дня. Я понимал, что им давно сообщили о моем исчезновении. Самолеты больше не появлялись, и это значило, что от дальнейших поисков отказались и объявили меня погибшим. И они были очень недалеки от истины. Я делал все, что мог, чтобы выжить, мне было достаточно самого ничтожного повода, чтобы воспрянуть духом и надеяться, но на шестой день надежда покинула меня. Я был трупом, плывущим на плоту.

К вечеру, вспомнив, что скоро появятся акулы, я решил сделать последнее усилие и встать, чтобы привязать себя к плоту. В Картахене два года назад я видел то, что осталось от человека, на которого напала акула. Мне не хотелось быть разорванным на части стаей этих хищных и прожорливых рыб.

Около пяти вечера пунктуальные акулы уже шныряли вокруг плота. С огромным трудом я встал, чтобы попытаться развязать концы веревочной сетки. Дул

свежий ветер, море было спокойно. Я почувствовал себя немного лучше. Вдруг я опять увидел тех же самых семь чаек, и вновь пробудилось во мне желание жить. Голод мучил меня. В эту минуту я бы съел все, что угодно. Но хуже всего было пересохшее горло и онемевшие до боли челюсти. Надо было пожевать что-то. Я подумал было о каучуке моих ботинок, но отрезать его было нечем. Тогда я вспомнил о рекламных проспектах. Они лежали в кармане брюк и почти расползлись от воды. Я оторвал клочок, сунул в рот, начал жевать, и... произошло чудо — рот наполнился слюной, и боль в горле стала слабее. Я продолжал медленно жевать. Вначале заломило в челюстях, но потом, пережевывая зубами проспекты, случайно оставшиеся у меня, я оживился, почувствовал себя бодрее. Я решил жевать их как можно дольше, чтобы избавиться от боли в челюстях. Мне показалось расточительством выплюнуть в море прожеванное. Кашица из жеваного картона медленно спустилась в желудок, и с этой минуты мне уже не казалось, что я должен погибнуть, что меня разорвут акулы.

Картонная кашица явно пошла мне на пользу — моя мысль лихорадочно заработала. Я стал думать, что бы еще мне пожевать. Будь у меня нож, я бы изрезал на куски подошвы моих ботинок и стал бы жевать их — самое соблазнительное из всего, что было у меня под рукой. С помощью ключей я попробовал оторвать чистую белую подошву, но из этого ничего не вышло. Я впился зубами в ремень и кусал его до боли в зубах, но не удалось оторвать ни кусочка... Кусая ботинки, ремень, рубашку, я, наверное, выглядел зверем.

Когда стемнело, я снял с себя мокрую одежду и остался в одних трусах. Не знаю отчего — может, от съеденных проспектов, — но я быстро заснул. То ли привыкнув к превратностям жизни на плоту, то ли от долгой бессонницы, я спал в эту ночь глубоким сном. Иногда удар волны будил меня, мне казалось, что вода смывает меня за борт, и я подскакивал в испуге, но тут же засыпал снова.

Наконец, наступило утро моего седьмого дня в открытом море. Почему-то я был уверен, что день этот не последний. Море утихло, но небо заволокло тучами. Когда часам к восьми выглянуло солнце, я чувствовал, что продолжительный сон влил в меня силы. На фоне нависшего свинцового неба летали семь чаек. Увидев их в третий раз, я не обрадовался, как прежде, а, наоборот, испугался. «Это заблудившиеся чайки», — подумал я с тоской. Моряки знают, что иногда стая чаек может заблудиться среди моря и кружить несколько дней над волнами, пока не увидит корабль, следуя за которым сможет вернуться к земле. Быть может, все три дня я в самом деле видел одну и ту же заблудившуюся стаю. Это означало бы, что с каждым днем я удаляюсь от земли все дальше и дальше.

Окончание следует

Перевел с испанского
ДИОНИСИО ГАРСИА

БОРЬБА С АКУЛАМИ ИЗ-ЗА РЫБЫ

Мысль о том, что в течение семи дней я не только не приблизился к земле, но все больше от нее удаляюсь, подорвала мою волю к сопротивлению. Но когда человек на краю гибели, у него всегда срабатывает инстинкт самосохранения. По разным причинам тот день — мой седьмой день на плоту — оказался непохожим на все другие дни. Море было спокойное и темное. Солнце не жгло мне кожу, а светило мягко и ласково, и теплый бриз слегка подталкивал плот и облегчал боль обожженного тела. Рыбы тоже стали совсем другими. Они с утра сопровождали плот и плавали у самой поверхности. Я видел их совершенно отчетливо, голубых, бурых, красных, самых разных цветов, формы и величины. Плот мой плыл точно в аквариуме. Владевшее мною отчаяние почему-то уступило место душевному успокоению. У меня было чувство, что все переменилось, что море и небо перестали быть враждебными и что сопровождающие меня рыбы — мои старые добрые друзья.

В то утро я уже не надеялся увидеть землю. Я считал, что плот унесло далеко в сторону от морских путей, туда, где могут заблудиться даже чайки, и мне стало казаться, что я в конце концов могу привыкнуть к морю, к моему печальному существованию на плоту и смогу продолжать его без больших умственных усилий. Прожил же я, несмотря ни на что, целую неделю — так почему же мне не жить и дальше на своем плоту? Море

Окончание. Начало в № 5—6.

было чистое и спокойное, а вокруг плавало столько соблазнительно красивых рыб, что, казалось, можно хватать их горстями. Акул нигде видно не было. Я смело сунул руку в воду и попытался схватить круглую, с синеватым отливом рыбу длиной не больше 20 сантиметров. Получилось так, будто я бросил в воду камень, — все до единой рыбы мгновенно ушли в глубину. Они исчезли в забурлившей воде, а потом одна за другой стали снова подниматься к поверхности. Чтобы поймать рукой рыбу, надо было действовать проворнее — рука под водой плохо слушалась, теряла силу. Наметив себе какую-нибудь из рыб, я хватал ее, но она выскальзывала из руки с быстротой, приводившей меня в замешательство. Я занимался ловлей довольно долго, ни о чем не тревожась и совсем не думая об акуле, которая, может быть, там, в глубине, ждет, пока я суну руку в воду по локоть, чтобы вмиг откусить ее. Так продолжалось до начала одиннадцатого. Рыбы пощипывали кончики моих пальцев, сначала слабо, как бывает, когда пробуют наживку, а потом все сильней. Полуметровая рыба, гладкая и серебристая, с мелкими и острыми зубами разодрала мне кожу на большом пальце. Осматривая рану, я заметил, что и другие укусы были не совсем безобидными: на всех пальцах оказались маленькие кровоточащие ранки.

Не знаю, кровь ли мою они почуяли или что-нибудь еще привело их, но через минуту плот окружили акулы. Никогда я не видел такого множества акул, никогда еще не наблюдал таких ярких проявлений кровожадности этих хищников. Они прыгали, как дельфины, преследуя и заглатывая свои жертвы. Я сидел посередине плота и в ужасе смотрел на это побоище. Внезапно выпрыгнувшая из воды акула ударила мощным хвостом по воде, и плот, покачиваясь, утонул в белой пене. Что-то блеснуло молнией, я инстинктивно схватил весло и приготовился ударить: я решил, что ко мне на плот прыгнула акула. Но я тут же увидел торчащий за бортом акулий плавник и понял, что в середину плота, преследуемая акулой, прыгнула блестящая зеленоватая рыба сантиметров в пятьдесят длиной. Собрав все свои силы, я ударил ее веслом по голове. Оказалось, что не так-то просто убить такую рыбу внутри плота. От удара плот закачался, и я чуть не свалился за борт. Минута была решительная: если я стану безудержно махать веслом, я могу упасть в воду, кишащую голодными акулами. Но медлить было тоже нельзя: рыба могла выпрыгнуть из плота. Я был между жизнью и смертью: мог отправиться в пасть акуле или же получить два килограмма свежей рыбы и утолить семидневный голод. Я прижался к борту, ударил во второй раз и почувствовал, как весло проломило голову рыбе. Плот закачался, под ним засуетились акулы, но я плотно прижался к борту. Рыба была еще живая и в последнем предсмертном рывке могла прыгнуть очень далеко. Одним движением я съехал на дно плота — там я мог зажать рыбу между ног или, если понадобится, вцепиться в нее зубами. Стараясь не промахнуться, зная, что от этого зависит моя жизнь, я, собрав все свои силы, опустил весло. Рыба осталась неподвижной, а воду окрасила струйка темной крови. Я почувствовал запах крови, но его почуяли и акулы. И вот, сжимая в руках двухкилограммовую рыбу, я затрясся от страха: акулы таранили плот. С минуты на минуту плот мог перевернуться, и тогда три ряда зубов, которыми усажена каждая челюсть акулы, моментально растерзали бы меня. И все же голос желудка оказался сильнее страха. Зажав рыбу между ног, я после каждого толчка старался как мог приводить плот в равновесие. Так продолжалось несколько минут. Время от времени я выплескивал окровавленную воду за борт. Постепенно вода внутри плота очистилась, и акулы успокоились. Но надо было быть начеку: из воды более чем на метр торчал акулий спинной плавник невиданных размеров. Я никогда не видел ничего подобного. Акула вела себя мирно, я знал, что если она почует кровь, то перевернет плот одним ударом хвоста. С большими предосторожностями я принялся вскрывать свою добычу.

Полуметровая рыба защищена броней из крепкой чешуи. Снять ее мне было нечем. Попробовал ключами, но не смог отделить даже одной чешуйки. Я никогда прежде не видел такой рыбы. Она была ярко-зеленого цвета, с очень плотной чешуей. Зеленый цвет с детства ассоциировался у меня с ядовитостью. Может показаться невероятным, но, несмотря на то, что в предвидении куска свежей рыбы желудок мой начал болезненно сокращаться, я остановился в нерешительности при мысли, что эта необычная рыба может оказаться ядовитой.

Если нет никакой надежды получить пищу, голод, оказывается, еще терпим. Но никогда голод так не мучил меня, как в тот раз, когда я сидел на днище плота и пытался разодрать ключами зеленое, блестящее тело рыбы. Скоро я понял, что надо действовать энергичнее. Я встал, наступил на рыбу ногой и сунул угол весла ей под жабры... Рыба все еще была жива, я снова ударил ее по голове. Потом попытался сорвать прикрывающий жабры твердый панцирь, и я уже не знал, чья кровь течет по моим рукам, рыбья или моя собственная: кожа на пальцах была ободрана до мяса.

Кровь снова встревожила акул, и я, чувствуя отвращение к окровавленной рыбе, опять, как это ни странно, был близок к тому, чтобы бросить ее акулам, как поступил с маленькой чайкой. Меня удручало мое бессилие. Осмотрев рыбу со всех сторон, я наконец нашел лазейку под жабрами, просунул туда палец и извлек внутренности. Как у всех рыб, внутренности у нее были дряблые и пустые. Говорят, что, если плывущую акулу сильно дернуть за хвост, желудок и кишечник вываляются у нее из пасти. В Картахене я видел подвешенных за хвост акул, из пасти которых свисал темный слизистый мешок внутренностей.

Я легко выпотрошил пальцем свою рыбу. Это была самка: среди кишок я увидел гирлянды икринок. Закончив эту операцию, я впился зубами в брюшину. Прогрызть чешуйчатый покров было трудно. Я сжал зубы до боли в челюстях, и только тогда удалось оторвать первый кусок. Я начал жевать холодное жесткое мясо. Мне всегда был противен запах сырой рыбы, но вкус ее оказался еще противнее. Но уже первый кусок принес мне облегчение. Я вырвал зубами новый. За минуту до этого я думал, что способен съесть целую акулу, но уже после второго куска почувствовал себя сытым. Мой страшный семидневный голод был утолен в одну минуту. Ко мне вернулись силы. Теперь я знаю, что сырая рыба утоляет жажду — раньше я этого не знал. Но факт был несомненный: я утолил не только голод, но и жажду. Довольный и ободренный, я подумал, что если два куска полуметровой рыбы смогли насытить меня, то теперь я обеспечен питанием на много дней. Я решил завернуть ее в рубашку и оставить в воде, чтобы подольше сохранить ее свежей, но сначала решил промыть ее. Я окунул рыбу в воду за бортом. В чешуе запеклась кровь, и надо было хорошенько прополоскать рыбу и протереть ее. Я снова без всяких предосторожностей окунул ее в воду и тут же почувствовал рывок акулы и скрежет ее челюстей. Я крепко сжал рыбу в руках; хищник дернул, я потерял равновесие и ударился о борт, но не отпустил свою рыбу. Я тоже пришел в ярость. Совсем не думая о том, что акула может схватить выше и откусить мне руку по локоть, я изо всех сил дернул рыбу к себе, но в руках уже ничего не было — акула унесла мою добычу. Вне себя от злости и отчаянья, я схватил весло и, когда акула вновь подплыла к плоту, ударил ее по голове. Акула выпрыгнула, перевернулась в воздухе и, сухо щелкнув челюстями, перекусила конец весла и проглотила его. В бешенстве я продолжал бить по воде сломанным веслом...

ЦВЕТ ВОДЫ МЕНЯЕТСЯ

Время приближалось к пяти вечера. Через несколько минут должно было появиться множество акул...

Вечер был такой же, как и в другие дни, но наступившая ночь оказалась темней обычного. Море взволновалось. Собирался дождь. Думая, что скоро у меня будет питьевая вода, я снял рубашку и ботинки, чтобы было, во что набрать ее.

К девяти часам подул холодный ветер. Я попытался спрятаться от него, опустившись в середину плота, но это не помогло: холод пронизывал меня до костей. Пришлось снова надеть рубашку и ботинки. Волны вздымались выше, чем 28 февраля, в день катастрофы. Плот опять бросало, как скорлупку, в темном бурлящем море. Спать я, конечно, не мог. Погрузился в воду по шею, потому что воздух становился все холодней. Я весь дрожал, мне показалось, что я не выдержу такого холода, и, чтобы согреться, я начал делать гимнастические упражнения. Но оказалось, что я слишком слаб для этого. Я как мог цеплялся за борт, чтобы не свалиться в море. Голову я положил на сломанное весло, два других весла лежали на дне плота.

Незадолго до полуночи ветер усилился, небо стало плотным и почти черным. Воздух стал влажным, но не упало ни одной капли. В начале первого ночи огромная волна, такая же, как та, что смыла все с палубы эсминца, подбросила плот, точно банановую кожуру, и мгновенно перевернула его. И опять, как и в тот день, я очнулся уже в воде, лихорадочно выгребая кверху. Выплыв на поверхность, я чуть не умер от ужаса: плота нигде не было видно. Я увидел над собой лишь громадные черные волны и на мгновенье вспомнил Луиса Ренхифо, сильного человека и хорошего пловца, который так и не смог догнать плот, хотя был от него всего в трех метрах. Однако я просто смотрел не в ту сторону. Пустой плот покачивался на волнах позади меня, совсем рядом. Я повернулся, догнал его в два взмаха. Два взмаха — дело двух секунд, но это были страшные секунды. Я был до того испуган, что через мгновенье уже лежал на дне плота. Сердце бешено стучало в груди, и я задыхался.

Я не мог пожаловаться на свою судьбу. Если бы плот перевернулся в пять часов вечера, меня бы разорвали на части акулы, но в двенадцать ночи хищники мирно плавают в глубине, особенно если море неспокойно.

Когда я пришел в себя, я увидел, что держу в руках сломанное весло. Все случилось неожиданно, и мои движения были совершенно инстинктивными. Я вспомнил, что, падая в море, ударился о весло головой и схватил его, когда уходил под воду. Другие два весла остались за бортом. Чтобы не потерять обломок последнего весла, я привязал его к сетке одним из свободных концов. На этот раз мне повезло, я спасся, но море продолжало бушевать, и плот мог перевернуться снова. Думая об этом, я расстегнул ремень и привязал себя к сетке.

Ветер не утихал. Плот метался по вспененному морю, но теперь я чувствовал себя в безопасности. О весле я тоже не беспокоился. Следя за тем, чтобы плот не перевернулся, я вспомнил, что, если бы холод не заставил меня надеть рубашку и ботинки, я потерял бы их вместе с двумя веслами. Что такой плот, как мой, перевернулся в бурном море, было вполне естественно. Он сделан из пробки и обтянут тканью, окрашенной

в белый цвет. Днище прикреплено к пробковой раме не наглухо: оно висит на сетке, образуя корзину. Сколько бы плот ни переворачивался, днище всегда принимает одно и то же нормальное положение. Единственная опасность — потерять плот, но теперь я был привязан к нему и считал, что могу быть спокоен. Однако кое-чего я не учел. Прошло пятнадцать минут — и плот перевернулся еще раз. Сначала я взлетел высоко и оказался в шквале холодного и влажного ветра. Я увидел глубокую впадину и понял, в какую сторону сейчас перевернется плот. Я рванулся было к другому борту, чтобы выровнять его, но ничего не вышло: слишком крепко я был привязан. В следующую секунду плот перевернулся, и я оказался под ним. Я задыхался, и мои руки судорожно искали пряжку ремня, чтобы поскорее расстегнуть ее. Времени у меня было мало. В хорошем физическом состоянии я могу продержаться под водой больше восьмидесяти секунд. С момента, когда я оказался под плотом, прошло не меньше пяти секунд. Пошарив вокруг пояса, я нашел ремень. Затем пряжку — она находилась у самой сетки. Надо было подтянуться одной рукой, чтобы ослабить натяжение. Я не сразу нашел, за что ухватиться покрепче, а когда нашел, подтянулся левой рукой, а правая отстегнула пряжку. Я почувствовал себя свободным. Высунув руку из воды, я ухватился за верхний край борта и стал подтягиваться. Я не успел вдохнуть воздуха, как плот снова перевернулся, теперь уже с моей помощью. Я глотал воду; горло, истерзанное жаждой, мучительно горело, но я не обращал на это внимания: главное было не отпустить плот. Наконец мне удалось высунуть голову из воды и глотнуть свежего воздуха. Я был в полном изнеможении. Не верилось, что хватит сил взобраться на плот. Но в то же время страшно было оставаться там, где еще недавно плавали акулы. Я внушил себе, что это будет последним сверхусилием, которое потребуется в моей жизни, подтянулся обеими руками и свалился в середину плота. Трудно сказать, сколько времени пролежал я без движения, страдая от острой боли в глотке и в стертых до крови концах пальцев. Помню, у меня было две заботы: дать легким отдохнуть и не дать плоту вновь перевернуться.

Наступил рассвет моего восьмого дня на море. Утро было ненастное. Если бы пошел дождь и у меня не хватило бы сил собрать воду, то, по крайней мере, он освежил бы меня. Но хотя воздух был насыщен влагой, так ни капли и не выпало. Море успокоилось только в девятом часу. Выглянуло солнце, и небо вновь стало ярко-синим.

Чувствуя себя совершенно истощенным, я выпил несколько глотков морской воды. Я прибегал к этому только тогда, когда боль в глотке становилась невыносимой. После семи дней ощущение жажды меняется: чувствуешь глубокую боль в горле и в груди, особенно под ключицами, и еще мучает удушье. Морская вода облегчала боль.

После ненастья море становится синим, как на картинках. У берега тихо покачиваются на волнах вырванные с корнем деревья. Над морем появляются чайки. В то утро, когда ветер утих, поверхность моря сделалась гладкой, как полированный металл, и плот мягко скользил по воде. Теплый воздух укрепил мое тело и мой дух.

Старая чайка, большая и темная, пролетела над плотом. Тогда у меня не осталось никакого сомнения, что земля уже близко. Ведь тяжелая старая чайка не залетит далеко от земли. Во мне снова пробудилась надежда. Я стал, как в первые дни, вглядываться в горизонт. Отовсюду летели чайки, их было очень много. Это обрадовало меня. Теперь у меня были спутники. Голод пропал. Я чаще прежнего стал пить по одному глотку морскую воду. Видя чаек над головой, я забывал о своем одиночестве. Я вспомнил о Мэри Эддрес. «Где она теперь?» — спрашивал я себя. Как раз в тот день, когда я безо всякой видимой причины вспомнил о Мэри Эддрес (может быть, потому, что летали чайки), она, оказывается, была в католической церкви и заказывала молебен за упокой моей души. Как она потом писала, молебен читали именно на восьмой день после моего исчезновения. За упокой моей души... Думаю, что и за покой моего тела, потому что в тот день, когда вспомнил о Мэри, а она была в церкви Мобила, я чувствовал себя счастливым среди моря, глядя на чаек — вестников земли.

Почти весь день я просидел на борту, наблюдая за горизонтом. День был необыкновенно ясным. Я был уверен, что смогу увидеть землю на большом расстоянии. Плот скользил по воде очень быстро: думаю, что даже двое гребцов с четырьмя веслами не смогли бы придать ему такую скорость.

После семи дней плавания на плоту человек может заметить самое незначительное изменение цвета воды. Седьмого марта в 3 часа 30 минут дня плот входил в иную область моря: вода из синей становилась темно-зеленой. В одном месте я даже увидел границу: по одну сторону поверхность моря была синей, как в течение всех дней до этого; по другую сторону — зеленой и как бы более плотной. Небо было усеяно чайками, низко пролетавшими надо мной. Я слышал шум от взмахов их сильных крыльев. Все это были первые признаки. Я подумал, что в предстоящую ночь придется не спать, чтобы вовремя заметить береговые огни.

НАДЕЖДЫ УТРАЧЕНЫ...

Старая чайка села на плот в девять вечера и оставалась на нем всю ночь. Я лежал спиной на сломанном весле — единственном, которое у меня осталось. Ночь была спокойная, и плот двигался по прямой в неизвестном направлении. «Куда его прибьет?» — спрашивал я себя в полной уверенности, что на следующий день, судя по всем признакам, я достигну земли.

Я не был уверен, что плот сохранил первоначальное направление...

Около полуночи, когда меня стал одолевать сон, старая чайка подошла и начала клевать меня в голову. Клевала она совсем не больно, не причиняя голове никакого вреда, лишь слегка прикасаясь к ней. Я вспомнил слова бывалого моряка и почувствовал угрызения совести: напрасно я убил маленькую чайку.

Я наблюдал за горизонтом до самого рассвета. Ночь была теплой. Я так и не увидел ни единого огонька, никаких признаков земли. Когда я лежал неподвижно, чайка, казалось, засыпала. Я опускал голову на грудь, и она тоже переставала двигаться, но стоило мне пошевелиться, как она подпрыгивала на месте и опять начинала клевать меня в голову.

На рассвете я переменил положение. Теперь чайка оказалась у меня в ногах, и я почувствовал, как она клюет мои ботинки. Потом она пошла по борту к моей голове. Я не двигался. Чайка тоже остановилась, а потом пошла дальше и приблизилась вплотную к моей голове. И снова, как только я пошевелился, она почти с нежностью стала клевать меня в волосы. Это было похоже на игру. Я несколько раз менял свое положение на плоту, и чайка вновь и вновь подходила к моей голове. На рассвете я уже без всяких предосторожностей протянул руку и схватил чайку за шею.

Я не собирался убивать ее — это значило бы зря погубить вторую чайку. Я был голоден, но мне бы в голову не пришло утолить свой голод этим дружелюбно настроенным существом, проведшим рядом со мной всю ночь и не сделавшим мне ничего дурного. Когда я схватил ее, она расправила крылья и шумно захлопала ими, пытаясь освободиться. Я сложил ей крылья сверху, чтобы она перестала дергаться, тогда она выпрямила шею, и в первых лучах нового утра я увидел ее глаза, прозрачные и испуганные. Если бы я и собирался растерзать ее, то, увидев ее большие печальные глаза, все равно отказался бы от такого намерения.

Скоро поднялось солнце, такое палящее, что воздух накалился уже с самого раннего утра. Я все лежал с чайкой в руках. Море оставалось таким же густо-зеленым, как накануне, но нигде не было никаких признаков берега. Воздух стал горячим и душным. Я отпустил свою пленницу. Она тряхнула головой, стремительно взмыла вверх и через какие-то секунды была уже в стае.

Солнце в то утро — мое девятое утро на плоту — жгло, как никогда прежде. Я все время старался уберечь спину от лучей, и все же она была вся в волдырях. Я убрал весло, на которое опирался, и погрузился в воду: я не мог уже прикасаться спиной к древесине. Плечи и руки тоже были в ожогах, я не мог до них дотронуться — собственные пальцы казались мне раскаленными углями. Глаза тоже сильно воспалились, и я не мог смотреть в одну точку: небо сразу же покрывалось ослепительно яркими кругами. До этого я особенно не задумывался о состоянии, до которого я дошел, а ведь я был изувечен, почти разрушен морской водой и палящими лучами солнца. С руки я легко снимал целые ленты кожи. Поверхность тела под кожей была красная, глянцевитая. Через некоторое время оголенное место начинало болезненно пульсировать и сквозь поры сочилась кровь.

Я забыл также о своей щетине. Не брился я уже одиннадцать дней. От малейшего прикосновения к густой щетине кожа лица, раздраженная солнцем, начинала страшно болеть. Я осмотрел свое тело, покрытое ожогами, представил себе, как исхудало мое лицо, и вспомнил, сколько пришлось мне перестрадать за эти дни одиночества и отчаянья. Вновь мною овладело уныние. Наступил полдень, и я потерял надежду достигнуть земли. Я знал: как бы скоро ни двигался плот, он все равно не достигнет земли раньше наступления ночи, если еще не стало видно береговой полосы.

Радость, которую я испытывал последние двенадцать часов, бесследно исчезла за какую-нибудь минуту. Силы покинули меня, и я на все махнул рукой. Впервые за девять дней я лег на борт ничком и, уже не испытывая никакой жалости к своему телу, подставил лучам солнца обожженную спину. Я знал, что если буду лежать так, то еще до наступления вечера неминуемо погибну.

Наступает момент, когда уже перестаешь чувствовать боль, когда сознание притупляется и ты теряешь всякое представление о том, что с тобой происходит. Когда я лег вниз лицом, положив голову на руки, то вначале я еще ощущал беспощадные укусы солнца. В течение нескольких часов смотрел я в пространство, заполненное светящимися точками, а потом закрыл глаза в изнеможении. Я уже не чувствовал жар солнца на теле, не ощущал ни голода, ни жажды — ничего, кроме состояния полного безразличия к жизни и смерти. Я подумал, что умираю, и мысль эта наполнила меня странной, темной надеждой.

Когда я открыл глаза, то увидел себя в Мобиле. Стояла нестерпимая жара, и я пошел погулять в компании еврея Массея Нассера (продавца магазина, у которого всегда покупали одежду моряки) и приятелей с эсминца. Массей Нассер и дал мне те проспекты...

В течение восьми месяцев, пока корабль стоял на ремонте, Массей Нассер уделял особое внимание колумбийским морякам, и мы в знак благодарности покупали только у него. Он хорошо говорил по-испански, хотя, как он сказал, никогда не бывал ни в одной латиноамериканской стране...

И вот сейчас, как во всякую субботу, мы были в загородном кафе на вольном воздухе, куда ходили только евреи и колумбийские моряки. На деревянном помосте танцевала все та же девушка. Она обнажила живот, а голову покрыла газовой вуалью на манер арабских танцовщиц из кинофильмов. Мы пили пиво и хлопали в ладоши. Массей Нассер веселился больше всех.

Трудно сказать, сколько времени длилось это видение, но помню, что внезапно я вздрогнул, увидев метрах в пяти от плота огромную желтую черепаху с пятнистой головой и немигающими, лишенными выражения глазами, похожими на два больших стеклянных шара; взгляд этих глаз леденил душу. Я думал, что это новая галлюцинация, и, охваченный ужасом, сел на борт. Как только я задвигался, чудовище (от головы до хвоста в нем было не менее четырех метров) погрузилось в воду, оставив на поверхности пенный след. Я не знал, действительность это или видение, я и по сей день не уверен, что все это было в действительности, хотя смотрел на гигантскую черепаху несколько минут. Она плавала, высунув из воды свою кошмарную пятнистую голову, и стоило бы ей только коснуться плота, как он тут же перевернулся бы.

Это ужасное видение вновь пробудило во мне страх, и страх придал мне новые силы. Я взял обломок весла и приготовился к схватке с этим или любым другим чудовищем, которое попытается перевернуть плот. Было около пяти часов дня, и акулы, как всегда в это время, уже выплывали из глубины моря на поверхность. Я посмотрел на черточки, которыми отмечал дни, и насчитал восемь. Вспомнил, что надо отметить еще один день, и процарапал ключом черту, в уверенности, что это уже последняя. Я не находил себе места от ярости и отчаянья: умереть оказалось не менее трудным делом, чем выжить. Утром, выбирая между жизнью и смертью, я выбрал смерть — и все-таки я был жив и держал в руках обломок весла, готовый отстаивать свою жизнь, к которой, казалось, меня уже ничто не привязывало.

Когда под лучами солнца, ка-

завшегося металлическим, я дошел до пределов отчаянья, когда жажда стала действительно невыносимой, случилось невероятное: в сети плота запутался какой-то корень красного цвета, похожий на те, что толкут в Бояка, чтобы получить краску, — их название я позабыл. Не знаю, как он там оказался, — за девять дней я ни разу не видел на поверхности моря ничего растительного. И все же корень был тут, в сетке плота, и служил еще одним доказательством близости земли.

Он был около тридцати сантиметров длиной. Голодный, но уже неспособный думать даже о голоде, я стал вяло жевать этот корень. У него был вкус крови. Маслянистый и сладковатый сок освежал горло. Я подумал, что таким может быть вкус яда, но продолжал совать в рот и пережевывать этот красный корень, пока от него ничего не осталось.

Можно пробыть в море сколько угодно, хоть год, но в конце концов наступает день, когда невозможно больше выдержать и часа. За день до этого я верил, что рассвет застанет меня на твердой земле, но прошло двадцать четыре часа, а вокруг по-прежнему простирались только вода и небо. Я уже ничего не ждал. Приближалась моя девятая ночь на море. «Девять ночей покойника», — подумал я, зная, что в это самое время мой дом в Боготе полон друзей: была последняя ночь бдения у алтаря покойника. Назавтра алтарь будет разобран, и все начнут понемногу привыкать к моей смерти. Меня никогда не покидала смутная надежда, что кто-нибудь, вспомнив обо мне, попытается найти меня и спасти; но, когда я понял, что для семьи это девятая ночь моей смерти, я почувствовал себя окончательно покинутым и подумал, что в таком случае лучше всего мне умереть. Я лег на днище плота и хотел громко сказать: «Я уже не встану!», но голос угас в пересохшем горле.

Я вспомнил колледж, потом поднес к губам медальон с Карменской божьей матерью и стал читать про себя молитву, представляя себе, как в этот самый час молятся дома. И я почувствовал облегчение, потому что решил, что я умираю.

НОВАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ — ЗЕМЛЯ

Моя девятая ночь оказалась самой длинной. Я лежал посредине плота, волны лениво ударялись о борт, но сам я уже не был хозяином своих чувств: с каждым ударом волны я вновь переживал случившееся. Говорят, что умирающие переживают за мгновения всю свою жизнь, — нечто подобное было и со мной в ту последнюю ночь. Я снова плыл на эсминце, лежал на корме рядом с Рамоном Эррерой среди ящиков с холодильниками, радиоприемниками, электропечами, видел Луиса Ренхифо на вахте 28 февраля и с каждым ударом волны снова чувствовал, как груз соскальзывает в море и я иду ко дну, а затем плыву вверх, к поверхности моря. Все мои девять дней одиночества, тоски, голода и жажды повторялись в сознании совершенно отчетливо, словно на киноленте. Сначала падение, потом крики товарищей вблизи плота, потом голод, жажда, и акулы, и воспоминания о Мобиле — все проходило передо мной в длинной веренице образов. Я делал все, чтобы не упасть за борт эсминца, старался покрепче привязать себя, чтобы меня не смыла волна, старался из последних сил, так, что ломило в запястьях и щиколотках; особенно острую боль чувствовал я в правом колене. Но крепко стянутые веревки не помогали: ударяла волна и смывала меня с палубы в пучину моря, и, когда я приходил в себя, оказывалось, что я снова, задыхаясь, плыву к поверхности.

За несколько дней до этого я думал привязать себя к плоту, настало время сделать это, но я не мог заставить себя встать и заняться этим нелегким делом. Учитывая, что я не осознавал положения, в котором оказался, нужно считать, что мне опять здорово повезло: я бы ничего не понял, если бы волна и вправду смыла меня за борт — реальность смешивалась для меня с галлюцинациями. Если бы плот перевернулся, я бы решил, что это новая галлюцинация, что я вновь переживаю падение с эсминца, как было не раз в течение этой ночи, и я бы пошел ко дну, в пасть акулам, которые так терпеливо ждали у борта все эти девять дней.

К утру подул холодный ветер. Меня лихорадило и знобило, холод пронизывал меня до костей. Я снова чувствовал боль в правом колене — морская соль высушила рану, но она была по-прежнему обнажена. С тех пор как она у меня появилась, я старался не тревожить ее, но в ту ночь я лежал лицом вниз, упираясь коленями в днище плота, и кровь в ране болезненно пульсировала. Теперь я могу сказать, что эта рана спасала мне жизнь. Как сквозь сон возникало во мне ощущение боли — и я вновь ощущал свое тело, чувствовал на горячем лице дуновение холодного ветра. Теперь вспоминаю, что в течение многих часов я бормотал что-то несвязное, говорил с приятелями, ел мороженое в компании Мэри Эддрес и где-то пронзительно звучала музыка.

Прошло, как мне казалось, бесконечно много времени, и я почувствовал, что голова у меня раскалывается, кровь сильно стучит в висках и болят кости. Правое колено вспухло, и было такое ощущение, будто оно раздулось и стало больше моего тела.

Когда начало светать, я пришел в себя и увидел, что я на плоту, но не знал, сколько времени пролежал в таком состоянии. С большим трудом я вспомнил, что нацарапал на борту всего 9 черточек, но никак не мог вспомнить, когда именно я нанес последнюю. Казалось, прошло очень много времени с того вечера, когда я съел красный корень, застрявший в сетке плота. Я еще ощущал во рту сладковатый вкус густого сока, но о корне помнил лишь очень смутно. Или это было во сне? Сколько дней прошло с тех пор? Я понимал, что светает, но не знал, сколько ночей пролежал на плоту в ожидании ускользающей от меня смерти. Небо стало красным, как на закате. Это тоже сбило меня с толку, я уже не знал, не мог понять, светает или вечереет.

Раненое колено не давало покоя, и я попытался переменить положение — уперся руками в днище, подтянулся, положил голову на борт и перевернулся на спину. Я посмотрел на часы: было четыре часа утра. Каждый день в это время я начинал вглядываться в горизонт, но теперь уже надежды не было. Я смотрел на небо, видел, как оно меняет цвет — от ярко-красного к бледно-синему. Воздух еще не нагрелся. Я чувствовал жар во всем теле и острую, пронизывающую боль в колене. Меня мучила мысль о том, что я не смог умереть, — я совсем обессилел, но был вполне живой и, сознавая это, еще острее переживал свою беспомощность. Я думал, что мне не пережить той ночи, а между тем все

оставалось по-прежнему: я был на плоту, и наступал день, еще один пустой день под нестерпимым солнцем, и с пяти часов вечера вокруг плота опять будут бродить акулы. Когда небо на восходе уже начинало голубеть, я посмотрел на горизонт. Всюду расстилалась спокойная зеленая гладь моря, но прямо перед собой я увидел в предрассветных сумерках длинную густую тень. В прозрачном небе четко вырисовывались силуэты кокосовых пальм.

Меня снова охватила досада. Днем раньше я увидел себя на гулянье в Мобиле, потом видел гигантскую желтую черепаху, а ночью побывал в родном доме в Боготе, в колледже Ла Салль и в компании своих приятелей с эсминца; теперь я видел перед собой землю. Случись это четырьмя или пятью днями раньше, я бы обезумел от радости, бросил плот к черту и пустился вплавь, чтобы поскорее достигнуть берега, но теперь я знал, что мне следует остерегаться галлюцинаций. Пальмы виделись слишком уж отчетливо, и, кроме того, расстояние до них все время менялось. То казалось, что они совсем близко, то на расстоянии двух или трех километров. Поэтому я не радовался, поэтому отдался прежнему желанию поскорей умереть, чтобы не сойти от галлюцинаций с ума.

Я снова стал смотреть на небо. Теперь оно было высоким и чистым, темно-синего цвета. В четыре сорок пять засиял восход. Сначала я боялся ночи, теперь и солнце было враждебно мне. Оно казалось могущественным и жестоким врагом, который является, чтобы бичевать мое и без того изъязвленное тело, чтобы сводить меня с ума голодом и жаждой. Я проклял солнце, проклял день, проклял судьбу, которая позволила мне выдержать девять суток на плоту, а не доконала жаждой, не бросила в пасть акулам...

Мне опять захотелось переменить положение, и я решил взять обломок весла, чтоб опереться на него. Он был привязан к сетке, я отвязал его, пристроил поудобнее под обожженную спину, а голову положил на широкий борт; и тогда, в первых лучах восходящего солнца, я совершенно отчетливо увидел длинную темно-зеленую полосу берега. Время приближалось к пяти, и небо было совершенно светлым. Не могло быть никакого сомнения, что передо мной действительно земля. Все надежды первых дней на плоту, когда я радовался самолетам, огням кораблей, чайкам, цвету воды, разом возродились во мне при виде земли.

Если бы в это время я съел два яйца, кусок мяса, хлеб и кофе с молоком — полный завтрак на эсминце, — то не почувствовал бы такого прилива сил, какой почувствовал теперь при виде земли или того, что я считал землей. В одну секунду я вскочил на ноги. Передо мной была темная береговая полоса с силуэтами пальм. Огней видно не было, но справа, на расстоянии примерно десяти километров, на склоне скалистого берега играли первые лучи солнца. Охваченный безумной радостью, я взял обломок весла и попытался направить плот прямо к берегу.

Я прикинул, что до него должно быть около двух километров. Руки мои были в страшном состоянии, спина болела при малейшем движении, но не для того терпел я девять суток — и уже начинались десятые, — чтобы сдаться, когда передо мной наконец была земля. Я покрылся испариной, от утреннего холодного ветра ломило в костях, но я все греб и греб.

Но это было не весло, особенно для такого плота, как мой, а кусок палки, который не годился бы даже на то, чтобы замерить им глубину. Радостное возбуждение неожиданно придало мне силы, и в первые минуты я сумел немного продвинуться вперед, но скоро почувствовал большую слабость, перестал грести, всмотрелся в пышную растительность на берегу и заметил, что параллельное берегу течение относит плот к скалам. Я сокрушался о потерянных веслах: достаточно было бы одного из них, чтобы противостоять течению. Я подумал, что придется дождаться, пока плот приблизится к скалам. Они блестели в первых лучах утреннего солнца, точно сложенные из стальных игл. Но я уже так отчаялся почувствовать твердую землю под ногами, что отбросил эту мечту как несбыточную. И хорошо сделал: потом я узнал, что это были скалы на Пунта-Карибана, и, отдайся я течению, я бы неминуемо разбился о камни.

Я старался рассчитать свои силы. Предстояло проплыть два километра, чтобы достигнуть берега. В нормальном состоянии я могу проплыть два километра меньше чем за час, но я не знал, сколько смогу выдержать, если за десять суток съел только кусок рыбы и небольшой корень, а все мое тело в волдырях и колено ранено. Однако другого выхода у меня не было. Я не успел все обдумать, не успел вспомнить про акул — я оставил весло, закрыл глаза и бросился в воду.

Холодная вода взбодрила меня. Оказавшись у самой поверхности воды, я потерял из виду полосу берега. И только в воде я понял, что не догадался сделать две вещи: снять рубашку и зашнуровать ботинки. Надо было сделать это, держась на поверхности, прежде чем начать плыть. Я снял рубашку и обвязал ее вокруг пояса, затянул и завязал шнурки и тогда уже поплыл. Сначала торопливо, с нетерпением; потом спокойнее, чувствуя, как тают мои силы с каждым взмахом, и к тому же не видя больше земли.

Не успел я проплыть и пяти метров, как почувствовал, что оборвалась цепочка с образком Карменской божьей матери. Я остановился и успел подхватить его, когда она уже утонула в прозрачном водовороте. Положить его в карман не было времени, так что я зажал образок в зубах и поплыл дальше.

Силы мои иссякли, а берега все не было видно. Меня снова охватил ужас: а что, если береговая полоса мне привиделась? Прохлада воды вновь привела меня в чувство, и я, собрав последние силы, поплыл к призрачному берегу. Так или иначе, я отплыл слишком далеко, и вернуться к плоту было уже невозможно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ НА НЕЗНАКОМОЙ ЗЕМЛЕ

Только пятнадцать минут спустя я снова увидел землю. До нее было больше километра, зато теперь я уже не сомневался, что это земля, а не мираж. Солнце золотило кроны кокосовых пальм. На берегу не было видно никаких признаков человеческого жилья, но это была земля.

Не прошло и двадцати минут, как я поплыл, а силы мои почти иссякли. Но я чувствовал, что доплыву. Я плыл спокойно, не поддаваясь эмоциям, сохраняя над ними контроль. Половину своей жизни я провел на воде, но толь-

ко в то утро девятого марта я по-настоящему понял, что значит быть хорошим пловцом. Я продвигался вперед, и силуэты пальм все четче вырисовывались на фоне неба.

Солнце уже висело над горизонтом, когда я подумал, что, пожалуй, смогу достать дно. Я сделал попытку, но оказалось, что еще глубоко. Стало ясно, что впереди нет песчаной отмели, что придется плыть к самому берегу. Не могу сказать, сколько времени я плыл. Солнце становилось все жарче, но теперь оно не жгло кожу, а приятно согревало тело. Проплыв первые метры в холодной воде, я опасался судорог, но потом быстро разогрелся. А потом вода стала теплее, и я, уже совсем задыхаясь, плыл как в тумане, но с такой целеустремленностью, которая была сильней голода и жажды.

Я уже ясно различал густую листву, блестевшую в мягких лучах утреннего солнца, когда во второй раз попробовал достать дно. Там, под подошвой моих ботинок, была твердая земля! Испытываешь очень странное ощущение, когда ступаешь на землю после десяти дней дрейфа.

Но скоро я понял, что самое трудное еще впереди: я был в полном изнеможении, едва держался на ногах, и волна прибоя, откатываясь, тащила меня назад. Одежда и ботинки казались страшно тяжелыми, но даже в таком положении не утрачиваешь чувства стыда: я думал, что в любую минуту могут появиться люди, и потому не снял с себя одежду, которая мешала мне двигаться. Чувствуя себя на грани обморока, я продолжал бороться с волнами.

Вода была мне выше пояса. Ценой невероятных усилий я добрался до места, где вода доходила мне до коленей. Тогда я решил ползти, стал на четвереньки и пополз к берегу, но тщетно — волны отталкивали меня назад. Мелкий колючий песок растер рану на колене, я понял, что она начала кровоточить, но боли в тот момент не чувствовал. Кончики пальцев были ободраны до мяса, песок забивался под ногти, но я погрузил в него пальцы еще глубже и рванулся вперед. Вдруг меня снова охватил страх: земля, позолоченные солнцем пальмы закачались перед глазами, и мне показалось, что я стою на зыбучем песке, что меня заглатывает земля. Страх придал мне силы, и я, превозмогая боль, не щадя ободранных, кровоточащих пальцев, продолжал ползти против волн. Десять минут спустя все пережитые страдания, десятидневные голод и жажда дали себя знать — и, чуть живой, я упал на твердую и теплую землю и долго лежал, ни о чем не думая, никого не благословляя, даже не радуясь тому, что благодаря воле, надежде, неистребимому желанию жить я наконец нашел спасение на неведомом тихом берегу.

Оказавшись на земле, прежде всего ощущаешь тишину. Спустя некоторое время начинаешь слышать отдаленный печальный ропот волн и уже вслед за ним, услышав шум ветра в пальмовых ветвях, начинаешь наконец понимать, что ты на суше, что ты спасен, хоть и лежишь неизвестно где.

Придя в себя, я начал оглядывать все вокруг. Место казалось диким. Глаза мои инстинктивно искали следы человеческого присутствия, и метрах в двадцати от себя я увидел изгородь из колючей проволоки. Рядом проходила узкая и извилистая дорога со следами копыт, вдоль которой была разбросана скорлупа кокосовых орехов. Эти доказательства присутствия человека вызвали во мне безграничную радость. Я уронил голову на песок и стал ждать.

Понемногу силы возвращались ко мне. Был седьмой час, и солнце поднималось все выше над горизонтом. У дороги среди скорлупы я заметил несколько целых орехов. Я подполз к ним, прислонился к стволу пальмы и сжал между коленей круглый гладкий орех. Как и пять дней назад, когда поймал рыбу, я жадно искал в орехе места, через которые можно было бы добраться до содержимого. Поворачивая плод в руках, я слышал внутри плеск жидкости. Этот приглушенный звук еще сильнее возбуждал жажду. За десять дней, проведенных в море, у меня ни разу не было чувства, что я схожу с ума; но теперь, когда я вертел в руках кокосовый орех и слышал плеск свежего, чистого, недоступного сока, я ощутил себя на грани помешательства.

В кокосовом орехе, в верхней его части, есть три глазка, расположенные в форме треугольника, но для того, чтобы пробуравить их, нужно мачете. У меня же были только мои ключи. Я несколько раз пытался пробить ключами плотную шероховатую скорлупу. Наконец я сдался, отшвырнул орех в сторону и снова услышал, как заплескался сок.

Моей последней надеждой оставалась дорога. Скорлупа разбитых орехов говорила о том, что кто-то приходит сюда срывать их с деревьев. Это означало, что жилье где-то близко, потому что никто не станет ходить слишком далеко за тяжелыми кокосовыми орехами.

Я думал об этом, прислонившись к стволу пальмы, когда вдруг услышал далекий собачий лай. Я насторожился. Послышалось звяканье металла. Звуки доносились со стороны дороги, и они приближались.

Это была молодая, невероятно худая негритянка, одетая в белое. Она несла алюминиевую кастрюльку, и крышка мерно позвякивала в такт ее шагам. «В какой я стране?» — подумал я, глядя на приближающуюся женщину, похожую на негритянку с Ямайки. Я подумал о Сан-Андресе и Провиденсии, обо всех Антильских островах. Судьба посылала мне первый благоприятный случай, но он мог оказаться и последним. «Понимает ли она по-испански?» — подумал я, стараясь угадать что-нибудь по ее лицу. Она шлепала по дороге своими пыльными туфлями, ничего не замечая. Я очень боялся упустить этот случай, и от волнения у меня родилась абсурдная мысль, что, если я заговорю по-испански, она меня не поймет и, бросив на произвол судьбы, оставит лежать тут, на краю дороги.

— Хэлло, хэлло! — умоляюще проговорил я.

Девушка повернула ко мне голову, и ее большие глаза раскрылись от испуга еще шире.

— Help me![1] — крикнул я в полной уверенности, что она меня понимает.

Заколебавшись, она огляделась вокруг и, испуганная, пустилась бежать по дороге.

Я думал, что умру от горя. На мгновение я увидел себя мертвым и растерзанным кондорами. Но тут я услышал собачий лай. Он приближался. Сердце мое забилось сильней, я уперся руками в землю и поднял голову. Я ждал. Прошла минута, еще минута. Лай раздавался все ближе,

[1] «Помоги мне!» *(англ.)*.

но вдруг все смолкло, и я уже не слышал ничего, кроме шума прибоя и шелеста листьев на верхушках кокосовых пальм. Наконец, когда истекла самая длинная минута в моей жизни, появился тощий пес, а за ним осел с двумя корзинами. Следом шел бледнолицый белый мужчина в соломенной шляпе; брюки его были подвернуты выше коленей, за спиной у него висел карабин.

Выйдя из-за поворота и увидев меня, он остановился в изумлении. Собака, подняв хвост палкой, подошла и обнюхала меня. Незнакомец молча, не двигаясь, стоял на месте; потом он снял с плеча карабин, поставил его прикладом на землю и застыл, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Не знаю почему, но я думал, что могу находиться где угодно, только не в Колумбии. Не вполне уверенный, что он поймет меня, я решил все же заговорить по-испански.

— Сеньор, помогите мне! — сказал я.

Человек не ответил, а продолжал рассматривать меня, не мигая; взгляд его был непроницаем. «Не хватает только, чтобы он пристрелил меня», — равнодушно подумал я. Собака лизала мне лицо, но у меня не было сил отогнать ее.

— Помогите же мне! — повторил я умоляюще, уже теряя надежду, что он поймет меня.

— Что с вами? — спросил он участливо.

Как только я услышал его голос, я сразу понял, что не меньше голода, жажды и отчаянья меня мучило желание рассказать кому-нибудь все, что со мной случилось. От возбуждения давясь словами, я выпалил:

— Я Луис Алехандро Беласко, один из моряков с эсминца «Кальдас», упавших в море 28 февраля.

Я был уверен, что все должны знать об этом. Думал, что, как только я назову свое имя, этот человек бросится помогать мне. Но он даже не пошевелился. Он по-прежнему смотрел на меня, ничуть не беспокоясь о собаке, которая лизала теперь мое раненое колено.

— Вы кур возите? — спросил он, решив, вероятно, что я с какого-нибудь каботажного судна, торгующего птицей и свиньями.

— Нет, я военный моряк.

Только тогда незнакомец начал двигаться. Он закинул карабин за спину, сдвинул шляпу к затылку и сказал:

— Я отвезу на пристань эту проволоку и вернусь за вами.

Я испугался, что еще одна возможность спасения от меня ускользнет.

— Вы обязательно вернетесь? — спросил я встревоженно.

Он ответил, что вернется. Сказал, что вернется непременно. А потом дружелюбно улыбнулся мне и погнал осла, продолжая свой путь. Собака осталась со мной и все обнюхивала меня. И только когда человек был уже довольно далеко, я догадался спросить и почти прокричал ему вслед:

— Что это за страна?

И он с необыкновенной простотой и естественностью дал ответ, который я меньше всего ожидал услышать:

— Колумбия.

ШЕСТЬСОТ ЧЕЛОВЕК ПРОВОЖАЮТ МЕНЯ В САН-ХУАН

Как и обещал, он вернулся. Я не успел еще начать беспокоиться (прошло не больше пятнадцати минут), он уже возвращался со своим ослом, корзины на спине которого были теперь пустыми, в сопровождении негритянки с алюминиевой кастрюлей. Она, как я узнал потом, была его женой. Все это время собака не отходила от меня. Она перестала обнюхивать меня и лизать мои раны и лежала рядом в полудреме, пока не увидела приближающегося осла; тогда она вскочила и замахала хвостом.

— Идти сможете? — спросил незнакомец.

— Попробую, — сказал я и попытался встать, но тут же свалился.

— Не сможете, — сказал мужчина, подхватывая меня.

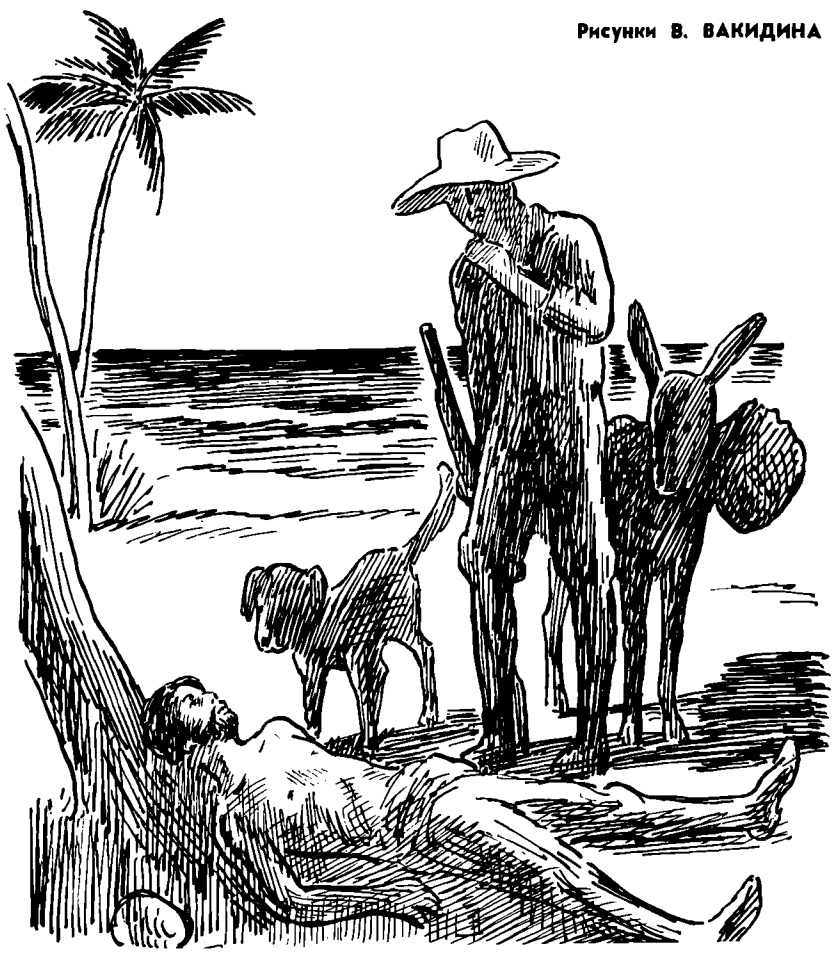
Они с женой посадили меня на осла, стали по бокам, держа меня под руки, и мы тронулись в путь. Собака радостно прыгала впереди.

Вдоль всей дороги росли кокосовые пальмы. В море я терпел жажду, но теперь, двигаясь по извилистой тропе, окаймленной пальмами, я больше не мог выдержать ни минуты. Я попросил дать мне кокосового сока.

— Я не взял с собой мачете, — сказал он мне.

Но сказал он неправду: мачете висело у него на поясе. Позже я узнал, почему он отказал мне. Оказывается, он съездил в соседнее селение, которое на-

Рисунки В. ВАКИДИНА



ходилось в двух километрах от места, где я лежал, и поговорил с людьми, и те сказали, что мне нельзя ничего давать, пока врач меня не осмотрит. А ближайший врач был в двух днях пути оттуда, в Сан-Хуане-де-Ураба.

Через полчаса мы пришли к дому — деревянному строению с железной крышей, стоявшему у дороги. Там были еще трое мужчин и две женщины. Все вместе они сняли меня с осла, отнесли в комнату и уложили на постель. Одна из женщин пошла на кухню, принесла кастрюлю кипятка, заваренного корицей, и села у постели, чтобы попоить мечя из ложки. После первого глотка мне страшно захотелось еще, но уже после второго я успокоился, и тогда мне захотелось рассказать все, что со мной случилось.

Никто из них ничего об этом не знал. Я хотел рассказать им все по порядку, чтобы они узнали, как я спасся. Я считал почему-то, что в каком бы месте на земле я ни очутился, там все уже будут знать о катастрофе, и был раздосадован, когда понял, что ошибался. Женщина между тем поила меня из ложки, как больного ребенка.

Несколько раз я принимался рассказывать. Четверо мужчин и две другие женщины невозмутимо стояли у моей постели и смотрели на меня. Это напоминало какую-то торжественную церемонию. Если бы не чувство радости от сознания того, что я спасся от акул, от бесчисленных опасностей моря, подстерегавших меня в течение десяти дней, я бы подумал, что вокруг меня существа с другой планеты.

Женщина, которая меня поила, была, несомненно, очень доброй. Как только я принимался рассказывать, она говорила мне:

— Молчите пока, потом расскажете.

В то время я бы съел все, что попало мне под руку. Из кухни до меня доходил ароматный пар готовящегося завтрака, но все мои просьбы были напрасны:

— Когда врач осмотрит, мы вас накормим.

Но врач так и не пришел. Каждые десять минут мне давали по нескольку ложек сладкой воды. Младшая из женщин, совсем еще девочка, мягкой тканью, смоченной в теплой воде, промыла мои раны. Время шло, и с каждым часом я чувствовал себя все лучше. Я видел, что меня окружают друзья. Если бы они вместо того, чтобы поить меня сладкой водой, сразу накормили меня, организм мой этого не выдержал бы.

Человека, который нашел меня на дороге, звали Дамасо Имителa. В тот же день в десять часов утра он отправился в ближайшее селение Мулатос и вернулся с несколькими полицейскими. Они тоже ничего не знали о случившемся: газеты туда не доходят. В одном магазине есть электрогенератор, и на его энергии работают холодильник и радиоприемник, но там не слушают известия. Как я потом узнал, когда Дамасо Имителa рассказал инспектору полиции о том, что нашел меня на берегу и что я с эсминца «Кальдас», то пустили электрогенератор, включили приемник и весь день слушали известия из Картахены. Но о катастрофе уже не говорилось, и только с наступлением ночи диктор кратко упомянул о случившемся. Тогда инспектор полиции, все полицейские и шестьдесят человек жителей Мулатоса отправились в путь, чтобы оказать мне помощь. В начале первого ночи они наводнили дом и своими криками прервали мой первый спокойный сон за последние 12 дней.

Казалось, все жители Мулатоса, мужчины, женщины и дети, пришли, чтобы посмотреть на меня. Так я впервые встретился с толпой любопытных; в последующие дни такие толпы окружали меня повсюду. Многие принесли с собой керосиновые лампы и карманные фонарики. Поднимая меня с постели, инспектор полиции и его многочисленные помощники разодрали мне обожженную кожу. Они устроили настоящую свалку.

Было очень душно. Я задыхался, окруженный толпой благожелателей. Когда меня вынесли на улицу, я был ослеплен светом множества ламп и карманных фонариков, светивших мне прямо в лицо. В гуле человеческих голосов выделялся голос инспектора, отдававшего приказания. Конца моим странствиям все еще не было видно. С тех пор как упал с эсминца, я непрестанно двигался в неизвестном направлении, и в это утро продолжал двигаться, по-прежнему не зная куда, не представляя себе, что со мной собирается сделать эта заботливая толпа.

Дорога до Мулатоса оказалась длинной и трудной. Меня уложили на гамак, прикрепленный к двум длинным жердям, и восемь человек — по два на каждом конце жердей — понесли по узкой извилистой дороге, освещаемой светом ламп. Мы шли под открытым небом, а от света ламп было жарко, как в запертой комнате. Восемь человек менялись через каждые полчаса. Мне в это время давали по нескольку глотков воды и кусочки содового печенья. Хотелось знать, куда меня несут, что собираются со мной сделать, но вокруг говорили все разом, и понять что-либо было невозможно. Не говорил один я: инспектор полиции, руководивший людьми, запретил подходить ко мне и задавать вопросы. До моих ушей доносились крики, приказания, обрывки фраз. Когда мы пошли по длинной улице Мулатоса, полицейские уже не могли удерживать толпу, рвавшуюся ко мне. Было около восьми часов утра.

Мулатос — рыбацкое поселение, в котором нет телеграфа. Ближайший городок — Сан-Хуан-де-Ураба. Туда два раза в неделю прилетает из Монтерии небольшой самолет. Когда мы вошли в поселок, я подумал, что наконец мы пришли куда-то и хоть что-нибудь теперь для меня прояснится — может быть, я получу известия о родных. Но на самом деле в Мулатосе я был только на половине своего пути. Меня поместили в одном из домов селения, и все жители стали в очередь, чтобы посмотреть на меня. Я вспомнил о факире, которого за 50 сентаво я видел два года назад в Боготе. Чтобы увидеть его, надо было простоять несколько часов в длинной очереди, и когда наконец ты входил в комнату, где в стеклянной урне сидел факир, не хотелось уже никого и ничего видеть, а хотелось только поскорее выйти наружу, чтобы размять ноги и вдохнуть свежего воздуха.

Разница между факиром и мной была та, что факир жил под стеклянным колпаком и сидел без пищи девятые сутки; а я провел без еды десять суток посреди моря да еще сутки, лежа в постели. Передо мной проходила нескончаемая вереница лиц — белых, черных. Духота была страшная. Я уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы отнестись ко всему этому с юмором, и подумал, что вполне

могли бы продавать у входа билеты и показывать меня за деньги.

В том же гамаке из Мулатоса меня потащили в Сан-Хуан-де-Ураба, но сопровождавшая толпа сильно выросла — теперь в ней было не менее 600 человек. Среди них женщины, дети и даже животные: некоторые ехали верхом на ослах. Но большинство шло пешком. Шли почти целый день. Окруженный таким множеством людей, которые по очереди несли меня, я чувствовал, как постепенно возвращаются ко мне силы. Думаю, что весь Мулатос забросил тогда свои дела. С раннего утра заработал электрогенератор, и из радиоприемника, включенного на полную мощность, зазвучала музыка. Было как на празднике. А я, виновник торжества, лежал на кровати, и все селение стало в очередь, чтобы увидеть меня; и те же самые люди длинным караваном, запрудившим извилистую дорогу, отправились проводить меня в Сан-Хуан-де-Ураба.

Всю дорогу мне очень хотелось есть и пить. Кусочки содового печенья, небольшие глотки воды подкрепили меня, но в то же время обострили голод и жажду. Наше вступление в Сан-Хуан-де-Ураба напомнило мне сельский праздник. Встретить нас вышли все жители этого живописного, овеваемого морским ветром городка. Власти заранее приняли меры, и полиции удалось сдержать толпу, вышедшую на улицы, чтобы увидеть меня.

Таким был конец моего путешествия. Доктор Умберто Гомес, первый обследовавший меня врач, объявил мне радостную новость, но прежде осмотрел меня, чтобы убедиться в том, что я смогу ее выдержать, и только потом, погладив меня по щеке, сказал с доброй улыбкой:

— Самолет ждет вас. Вы полетите в Картахену и там встретитесь с родными.

МОЙ ГЕРОИЗМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ТОЛЬКО В ТОМ, ЧТО Я НЕ ДАЛ СЕБЕ УМЕРЕТЬ

Никогда бы я не подумал, что человек может превратиться в героя только потому, что пробыл десять дней на плоту, терпя голод и жажду. А ведь ничего другого я не мог сделать. Если бы на плоту был запас пресной воды и галеты, компас и рыболовные снасти, я, наверное, тоже был бы жив и здоров, как и теперь, но с одним различием: меня бы не считали героем. Таким образом, героизм в данном случае заключается лишь в том, что я не дал себе умереть от голода и жажды в течение десяти дней.

Я не прилагал никаких усилий к тому, чтобы стать героем, — я думал только о том, чтобы спастись. Но так как мое спасение само по себе оказалось окруженным ореолом славы, то получилось нечто вроде торта с сюрпризом, и мне не осталось ничего, кроме как принять свое спасение вместе со своим геройством.

Меня спрашивают, как чувствуют себя герои. Я не знаю, что на это ответить. Сам я чувствую себя таким же, как прежде. Ни внутренне, ни внешне я не изменился. Ожоги от солнца уже не болят, рана на колене зажила. Я тот же самый Алехандро Беласко, и это ничуть меня не огорчает.

Кто изменился, так это люди вокруг меня. Мои друзья любят меня больше прежнего. Наверно, и враги мои ненавидят меня еще сильней, чем прежде, хотя не думаю, чтобы у меня были враги. Когда на улице меня узнают, то начинают рассматривать как диковинного зверя; и поэтому я решил ходить в штатском до тех пор, пока люди не позабудут, что я пробыл десять суток на плоту, лишенный воды и пищи.

Когда становишься известным, то прежде всего создается впечатление, что днем и ночью всем и каждому хочется, чтобы ты говорил о себе. Я понял это еще в военно-морском госпитале Картахены, где ко мне приставили часового, чтобы никто не мог со мной говорить. Через три дня я уже чувствовал себя хорошо, но мне по-прежнему не разрешали выходить на улицу. Я уже знал, что, когда меня выпустят, придется без конца рассказывать всем свою историю. Часовые говорили мне, что в Картахену понаехало множество репортеров со всех концов страны, чтобы брать у меня интервью и фотографировать меня. Один из них, с двадцатисантиметровыми усами, сделал пятьдесят снимков, но ему так и не позволили расспрашивать меня о моих приключениях. Другой, превосходивший его отвагой, переоделся врачом, обманул часового и проник в мою палату. Он имел шумный и заслуженный успех, но ему пришлось нелегко. Вот как это было.

В мою палату могли входить только мой отец, часовые, врачи и санитары госпиталя. И вот однажды ко мне вошел врач, которого я никогда раньше не видел — очень молодой, в обычном белом халате, в очках и со стетоскопом на шее. Вошел он стремительно, не сказав ни слова. Унтер-офицер охраны растерянно посмотрел на него, затем потребовал удостоверение. Молодой врач обшарил все карманы и, слегка смутившись, сказал, что позабыл взять с собой документы. Тогда унтер-офицер заявил ему, что говорить со мной он не сможет без специального разрешения директора больницы. Оба пошли к директору. Через пятнадцать минут они вернулись.

Первым вошел унтер-офицер и сообщил, что врачу дали разрешение осматривать меня в течение пятнадцати минут.

— Это психиатр из Боготы, но мне сдается, что он переодетый репортер, — добавил унтер-офицер.

— Почему? — спросил я.

— Потому что он очень испуган. А потом, психиатры не пользуются стетоскопом.

Тем не менее он беседовал с директором госпиталя в течение десяти минут, прибегая к сложным медицинским терминам, и они пришли к соглашению.

Не знаю, повлиял ли на меня разговор с унтер-офицером, но, когда молодой врач вошел в палату, он уже не казался мне врачом. И репортером тоже не казался: до этого я никогда не встречался с репортерами. Он был похож на переодетого священника. Он как будто не знал, с чего начать; на самом же деле он просто искал способа удалить из комнаты унтер-офицера.

— Будьте добры, — обратился он к нему, — достаньте где-нибудь лист бумаги.

Он, наверно, полагал, что унтер-офицер пойдет за бумагой в контору. Но был приказ ни в коем случае не оставлять меня одного, так что унтер-офицер только выглянул в коридор и крикнул:

— Принесите-ка поскорей писчей бумаги!

Моментально появилась бумага. Прошло уже более пяти минут, а врач все еще не задал ни одного вопроса. Получив бумагу, он приступил к обследованию: дал мне лист и попросил нарисо-

вать корабль. Я нарисовал. Потом он попросил подписать рисунок. Я сделал и это. Затем он попросил нарисовать загородный дом. Я как можно лучше нарисовал дом и цветущий банан рядом. Он попросил подписаться, и тогда я окончательно убедился в том, что это переодетый репортер. Но он продолжал играть роль врача.

Когда я кончил рисование, он взял рисунки, посмотрел на них, сказал что-то и стал задавать мне вопросы относительно моего приключения. Дежурный напомнил ему, что задавать мне такие вопросы запрещено. Тогда он начал осматривать меня, как это делают обыкновенные врачи. Руки у него были ледяные. Если бы дежурный потрогал их, он бы тут же выбросил его из комнаты. Но я ничего не сказал: нервозность этого человека и то, что это в самом деле мог быть переодетый репортер, очень располагали меня к нему. Пятнадцать минут еще не истекли, когда он, забрав листы, бросился вон.

На следующий день поднялась страшная суматоха: рисунки со стрелочками и надписями появились на первой полосе газеты «Эль тьемпо». «Вот где я стоял», — говорила надпись, и стрелочка указывала на мостик корабля. Они ошиблись: я стоял не на мостике, а на корме. Но рисунки были мои.

Этот случай открыл мне глаза на интерес, который газеты проявляли к моему десятидневному плаванию. Интерес этот разделяли все, и даже мои товарищи по команде потом не раз просили меня рассказать им всю историю. Когда я приехал в Боготу уже почти совсем выздоровевший, я понял, что в моей жизни произошла важная перемена. Меня встретили на аэродроме с почестями, президент республики поздравил меня с подвигом, представил к награде. Я узнал, что останусь служить на флоте, но буду повышен в звании.

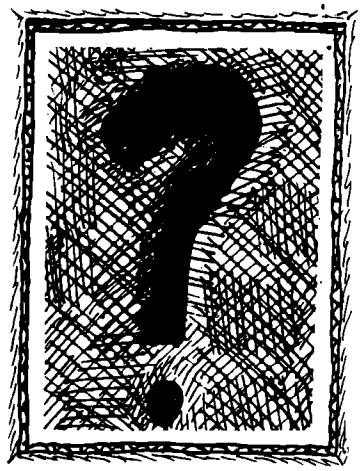
...Кроме того, меня ожидало еще кое-что, о чем я и не подозревал: предложения торговых фирм. Я был очень доволен своими часами, которые шли точно все десять дней моей одиссеи, но мне не приходило в голову, что это может принести какую-то пользу часовой фирме; тем не менее она вручила мне пятьсот песо и новенькие часы. За то, что я употреблял определенный сорт жевательной резины и подтвердил это в одном объявлении, мне дали тысячу песо, а обувная фирма, ботинки которой я носил, дала мне за мое заявление две тысячи. За то, что я разрешил передать мою историю по радио, мне дали пять тысяч... Никогда бы не подумал, что прожить десять дней в море без еды и питья окажется таким выгодным делом, но это так: на сегодняшний день я получил уже почти десять тысяч песо. Однако повторить свое приключение я бы не согласился и за миллион.

В моей жизни героя нет ничего примечательного. Я встаю в десять часов утра и отправляюсь в кафе поболтать с приятелями или же иду в какое-нибудь рекламное агентство, где на основе моих приключений готовят новое объявление. Почти ежедневно я хожу в кино, и не один, но имя спутницы называть не стану: пусть оно останется про запас.

Каждый день я получаю отовсюду письма. Пишут незнакомые мне люди. От Перейры, подписавшегося Х. В. С., я получил длинную поэму с многократными упоминаниями плотов и чаек. Мне часто пишет Мэри Эддрес, заказавшая молебен за упокой моей души в дни, когда я плыл на плоту.

Я рассказал свою историю по радио и телевидению, рассказывал ее своим друзьям и еще рассказал старушке вдове, у которой есть большой альбом с фотографиями и которая пригласила меня к себе в гости. Некоторые утверждают, что вся эта история — фантастический вымысел. Интересно, что в таком случае я делал все эти десять дней?

Перевел с испанского
ДИОНИСИО ГАРСИА



ЖИЛЬ ПЕРРО,
французский писатель

ПО СЛЕДАМ БЕССЛЕДНОГО

Повесть

Наш кордон задержал машину «пежо-104» около пяти часов утра. В кабине — трое парней и три девчонки (ровесницы моей Мартин), музыкальные инструменты. Сильный запах алкоголя. Я не люблю эту контрольную службу в ранние утренние часы, даже если Париж пуст, как в доброе старое время, а небо именно такое, каким и должно оно быть в июне. Вся ночная грязь проходит через наши руки. Мы выгребаем мусор из грузовиков, которые тащат его на свалку, — вот что мы делаем.

Я требую, чтобы водитель предъявил документы — машина перегружена, и это уже само по себе нарушение правил. Он протягивает мне права, выданные на имя Фредерика Ваннье, родившегося 9 марта 1948 года в Париже. Отвратный тип с заросшей волосами шеей, рубашка вроде женской блузки. Такая же, как у того фотографа, который последнее время стал захаживать к Мартин. По моему настоянию он ищет документы на машину в отделении для перчаток, но там ничего нет, кроме всякого мелкого барахла, в конце концов он оборачивается к своим спутникам и спрашивает, где серая карточка. В отличие от водителя все сидящие в машине сильно «под мухой», особенно девчонки. Если бы только эти несчастные идиотки знали, что о них говорят, едва лишь за ними захлопнется дверь! Пойди попробуй им это втолковать. Я призываю к порядку полицейского Делаттра, который позволил себе грубое замечание. При одной только мысли, что Делаттр способен такими же сальными глазами смотреть на ноги Мартин, мне хочется смазать ему по морде. Никто не знает, где документы. Я спрашиваю, кто владелец машины, но не получаю никакого ответа. Они словно языки проглотили. Я направляюсь к нашему автобусу и звоню в центральный комиссариат города, сообщаю номер машины и узнаю, что она была украдена вчера в девятнадцать часов вечера со стоянки на улице дю Бак. Мне остается лишь пересадить всю банду в автобус. Еще три несчастные девчонки попали в лапы проходимцев.

Студент с юридического. Единственный сын. Воспитан матерью. Ну и физия! Жаль, что не он украл машину.

— Что-то в тебе мне нравится, Фредерик, но судьи не станут до этого докапываться: раз бригадир застал тебя за рулем, они отправят тебя куда следует.

— Я вел машину, потому что был не так пьян, как другие.

— И ты не знаешь, кто на ней приехал?

— Нет.

— Надо говорить «нет, господин инспектор». Ну, продолжим. Ты приехал к Мишель вчера вечером в девять. На метро. Ты так говоришь. Вы собрались, трое ребят и три девушки, чтобы отпраздновать окончание экзаменов. Я тоже, если хочешь знать, кончил юридический. Итак, виски и девицы! Бездна удовольствий, не так ли?

— Не меньше, чем когда запустишь булыжником в морду полицейскому.

— Ты хочешь заработать пощечину?

— Пить начали только в четыре утра. До этого играли.

— В покер? На деньги?

— Играли, говорю, кто на чем. Я гитарист.

Слюнтяи. Двадцать один год. Когда мне было столько, я таскал автомат. Он еще ходил в коротких штанишках, а я уже топал по Алжиру. Я хотел бы посмотреть на тебя там, куколка. Чего им не хватает — так это войны.

— А что, ты часто лезешь в драку с полицией?

— Я не занимаюсь политикой. Один раз, в прошлом году, в мае, меня арестовали на бульваре Сен-Мишель и доставили в Божон для установления личности, но я был просто зрителем.

Разумеется! В Алжире все тоже всегда были только пастухами!

— Ну ладно, продолжим. Мне кажется, что ты все-таки влип. Девчонки не в счет! Хорошо. Остаются Даниэль, Этьен и ты. У Даниэля есть свидетель, который видел, как он садился в автобус, чтобы ехать к Мишель. Вычеркнуть. Этьен? Но у него даже нет водительских прав. Вычеркнуть. Три минус два — один, остаешься ты.

— Можно водить машину и не имея прав.

— Ты думаешь? Позволь мне записать это черным по белому.

— Нет, я просто говорю, что я уже видел, как Этьен вел машину.

— Украденную?

— Я этого не сказал.

— Будь логичным: ты знаешь кого-нибудь, кто одолжил бы свою машину типу, у которого нет водительских прав?

— Я не знаю.

— Я тебя не прошу, чтобы ты его выдал, я прошу тебя быть логичным. Если он ведет машину,

которую ему никто не разрешил брать, значит он ее украл, да или нет?.. А! Здравствуйте, господин комиссар. Извините меня, я не слышал, как вы вошли. Кража машины. Можно продолжать?..

Мальчишка в ловушке. Еще минута, и мой Лорэ припрет его к стенке. Какой-нибудь тертый парень из предместья мог бы еще выпутаться, но этот нет. Слишком образован. В тисках логики. С такими легче всего. Они хотят быть последовательными и выдают всю нить. Откуда этот птенец?

— Ваннье? Твоя фамилия Ваннье?

— Да, господин комиссар.

— Ты не родственник Мориса Ваннье?

— Я его сын. Вы знали отца?

— Очень хорошо знал.

— Вам повезло. Я его никогда не видел.

— Ты смеешься над нами!

— Объясни инспектору.

— Я, господин инспектор, родился после смерти отца, который отдал жизнь за Францию.

— О таких вещах не рассказывают с улыбкой! Индокитай?

— Эльзас. Мой отец умер в 1948 году от ран, полученных на эльзасском фронте в 1944-м.

— Перестань смеяться!

— Оставьте его, Лорэ. Он угнал машину?

— Нет, господин комиссар. Одна девчонка из их банды видела, как вчера вечером он выходил из метро. Но он знаком с вором и мог знать, что машина украденная. Возможно, что он был сообщником.

— Раз не он, то бросьте с ним возиться. Пойдем-ка, я тебя подвезу.

Сын малыша Мориса. Чего только не бывает в жизни! Мальчишка не похож на отца. Мне не нравится, как он смотрит на меня. Что он, смеется надо мной, что ли? Мне следовало, может быть, оставить его в лапах Лорэ. Фанфарон несчастный. Впрочем, нет. Просто ему на все наплевать. И что это они все теперь готовы плыть по течению, как дохлые собаки?

— Вы познакомились с моим отцом в армии?

— Нет. В Сопротивлении.

— Сопротивлении? Он был участником Сопротивления?

— Группа «Марс». Разведка и саботаж. Твой отец был в группе с ее возникновения в марте 1941-го и до арестов в феврале 1944-го, когда все полетело к чертям. Тебе об этом никогда не рассказывали?

— Никогда. Для матери эпопея начинается с освобождения Парижа, когда отец добровольцем вступил в дивизию Леклерка, а кончается самым глупым образом месяцем позже на каком-то эльзасском шоссе.

— Что ты собираешься делать?

— Ничего, жить как все. Я пошел на юридический, потому что это ни к чему не обязывает и никуда не ведет.

— Но кража машин может привести в тюрьму.

— Возможно, что там не хуже, чем где бы то ни было. Скажите, что не давало покоя моему

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

отцу? Жажда самопожертвования? Престиж военной формы? После освобождения вы, например, не испытали никакого желания подставлять под пули свою шкуру в Эльзасе. Вы спокойненько устроились в полиции.

— В сентябре сорок четвертого я был в Ноенгамме.

— Что вы там делали?

— Ничего особенного. Это концентрационный лагерь. Я же тебе сказал, что в феврале сорок четвертого была целая волна арестов. Всю группу схватили.

— И отца тоже?

— Ему удалось бежать три месяца спустя. Он не был бы горд тобой, если бы видел тебя сегодня.

— Я горжусь им, и этого достаточно. Я горжусь отцом, погибшим за Францию и за Эльзас-Лотарингию.

— Ты воображаешь, что очень умен, а на самом деле ты желторотый кретин, который смеется над тем, о чем не имеет ни малейшего представления.

— Вам хотелось бы, чтобы я плакал? Для этого достаточно моей матери. Она плачет ровно двадцать один год. Поставьте себя на мое место: мой отец — Неизвестный солдат. Вам приходилось видеть много людей, проливающих слезы над могилой Неизвестного солдата?

— Ты, конечно, не был бы таким, если бы он был жив.

— Трудно сказать. Я предпочитаю, во всяком случае, отца в могиле отцу, который служил бы в полиции. Я сойду здесь. На этой улице одностороннее движение. Прекрасно, я думаю, что могу вас не благодарить. Ведь не ради сына вы разыграли из себя доброго самаритянина, а в память о папочке. Это первая услуга, которую он мне оказывает, если не считать пенсии. Все дело в терпении. До свидания, и спасибо все же.

— Ты ошибаешься, дитя. Я вытащил тебя из этого дела не ради твоего отца и не ради тебя. Так лучше мне самому. Обидно было портить себе настроение.

— Что вы хотите этим сказать?

— Когда я пришел, ты был готов все выложить на стол и выдать своего друга. Я уже знал одного Ваннье, который предавал своих товарищей, и с меня хватит. До свидания. Желаю удачи.

Он вернулся с таким ужасным лицом. Боже мой, кажется, у него сужены зрачки. Он сведет меня с ума. Я принесла ему в жертву все, всю мою жизнь. Он мечется, как зверь в клетке. Они его, конечно, напоили. Если бы только напоили. Это еще ничего. Газеты пишут, что среди молодежи все больше наркоманов. Настанет день, какой-нибудь негодяй предложит ему попробовать, и он не найдет в себе сил отказаться. Мой Фредерик! Это будет как заколдованный круг, навсегда, навсегда. Так говорили по телевидению. Я покончу с собой. Нет, я не имею права, я буду ему нужна. Надо принять таблетку либриума. Почему он не пьет кофе? Я опаздываю, и Ренар опять будет на меня кричать. Но я так боюсь, не сделал ли он какой-нибудь глупости с досады, что провалил экзамен. Почему он так зло шарит глазами по фотографиям на камине? Алтарь, как он выражается. Он смотрит на отца так, будто никогда раньше его не видел. Что он делает? Он хочет сорвать ордена?..

— Медаль за участие в войне. Военный крест. Почему нет креста за Сопротивление? Ведь вы-

давали же медали участникам Сопротивления.

— Твой отец ушел в армию, он не был в Сопротивлении. Кофе совсем остыл. Пей же.

— А что он делал до освобождения?

— Странный вопрос. Представь себе, он работал. Хотя это было и не так легко.

— И он совсем не участвовал в Сопротивлении?

— Ты думаешь, у него было на это время? Почему ты у меня об этом спрашиваешь?

— Просто так. Может быть, он участвовал в Сопротивлении, но не говорил тебе об этом?

— Может быть. Ты будешь пить кофе? Мне надо уходить.

— Но когда его арестовали, ты должна же была все-таки задать себе вопрос: почему?

Кто ему сказал? Я с ума сойду.

— Арестовали... Так это из-за комендантского часа. Немецкий патруль задержал его после комендантского часа.

Он не имеет права. Что он в этом поймет? Они не могут сейчас придумать, из-за чего бы такого им еще побеситься, но я хотела бы видеть его в те дни. Нет, нас судить — это слишком легкое дело. А мне смешны все их баталии с полицейскими. Кто мог ему сказать?

— А группа «Марс»?

— Что? Группа «Марс»? Послушай, у меня нет времени отвечать на твои загадки. На обед для тебя бифштекс и возьми огурец. До вечера. Не делай глупостей.

Либриум у меня в сумочке. Я приму две таблетки на работе. Тем хуже для врача. Ренар на меня наорет. Но за что мне такое наказание? За что?

Коробка скоростей, очевидно. Я провожусь с ней до вечера. Они покупают машины, из которых можно выжать двести на шоссе, и разъезжают на первой скорости по улочкам Сен-Жермен-де-Пре. Что же удивительного, если все выходит из строя. Ну ладно, повозимся, это не хуже, чем просто гонять лодыря. Все равно делать нечего. Э-э, нет, вот тащится какой-то клиент. Он, видно, с ума сошел. У меня не четыре руки, чтобы ремонтировать его развалющий драндулет. Не на такого напали. Еще один папочкин сынок, но, видно, не такой богач, как вчерашний.

— Извините меня, мне нужен господин Сирио.

— Пожалуйста, это я.

— Я сын Мориса Ваннье. Мне хотелось бы с вами поговорить.

Странное дело! Чего ему от меня надо?

— Видите ли, я ведь на работе. Не могли бы вы подъехать часам к семи?

Хозяин нас заметил. Ну и прекрасно. Направляется сюда.

— В чем дело, Жан? По-моему, вы жаловались, что у вас работы выше головы.

— Это я его отвлек. Вы, несомненно, директор?

— Да, я директор. Чем могу быть вам полезен?

— Посоветуйте мне, какую лучше приобрести машину. Меня очень соблазняет «пежо-092».

— Позвольте заметить, что это очень дорогая машина.

— Я сдал трудный экзамен, и мой крестный хотел бы это отметить. Вы находите в этом что-нибудь дурное?

— Напротив, мосье. Прилежные молодые люди стали редкостью и заслуживают поощрения. Вы хотели бы новую машину?

— Хорошая комиссионная машина меня бы устроила.

— У меня есть здесь машина, которой практически не пользовались, я счастлив предложить вам ее испробовать.

— Было бы лучше, если бы ваш механик поехал со мной.

— Разумеется. Жан, на автостраде покажите, как она ходит на предельной, и не запаздывайте. Вы будете совершенно изумлены.

Этот малый хитер. Морис тоже был хитер. Слишком нажимает на акселератор. Видно, не привык к такой колеснице.

— Как вы узнали, где я работаю?

— Это целая история. Я сначала обратился в министерство ветеранов войны, и меня посылали из одного товарищества в другое, пока я наконец не напал на некоего Пуарье. Он мне дал ваши координаты.

— Как поживает Пуарье? Мы с ним не виделись сто лет.

— Похоже, что он процветает и время его рассчитано по минутам. Спешил на самолет, отбывающий в Ниццу. Крупное дело. Он говорит «наши дорогие погибшие товарищи» через каждые три фразы. Он меня уверял, что почти ничего не знает о моем отце. Мне трудно в это поверить. Ведь Пуарье был командиром группы.

— Голько с февраля сорок четвертого. Он входил в группу, которая заменила нас после арестов. Вы слишком торопитесь, когда увеличиваете скорость. Они в некотором роде приняли эстафету. По-своему, это было даже хорошо, потому что все большее значение приобретала политика, и у них в этом отношении головы работали лучше. Мы бы не могли во всем разобраться. Теперь первый поворот направо.

— Пуарье мне сказал, что вы занимали в группе очень ответственный пост.

— Можно сказать, что это я создал ее в сорок первом, конечно, вместе с товарищами. Такую работу не провернешь один.

— Мой отец был с вами?

— От начала до конца. В то время я работал на заводе, где делали танки для бошей. Морис был чертежником. Нам удалось наладить связь с Лондоном, и понемногу мы создали целую организацию, секции которой были во многих местах благодаря моим старым связям по профсоюзной работе. Мы передавали информацию, касающуюся производства, и время от времени позволяли себе какую-либо саботажную акцию. Нам говорили потом, что это было нарушением правил — объединять саботаж и разведку.

— Мой отец играл важную роль?

— Морис? Он был незаменим. Это он готовил почту для Лондона. Уже в сорок втором ему пришлось уйти с завода, и он работал только для нас на центральной явке. В центральную поступали все сведения. Надо было их рассортировать, унифицировать и готовить шифрованные сообщения. У Мориса совсем не было времени для сна. Под конец мы отправляли почту в Лондон через каждые две недели.

— До февраля сорок четвертого?

— Да, до февраля.

— Всех арестовали?

— Кроме Пуарье и других. Они были в некотором роде за кулисами. Мелкие поручения время от времени.

— Обычно целая группа не проваливается вся сразу.

— Да, но тут были минуты слабости.

— Минуты слабости у Мориса Ваннье, да? Послушайте, может быть, мой отец был доносчиком? Но я полагаю, что имею право это знать.

— Доносчиком? Вы странно выражаетесь, так у нас никто не говорил.

— Но ведь он все-таки выдал своих друзей.

— Не он один. Я, может быть, поступил бы так же на его месте. Там-то уж умели заставлять говорить, можете не сомневаться.

— Тем, кто выжил, все, может быть, кажется проще. Мертвые, наверно, были бы менее деликатны.

— Я отсидел четырнадцать месяцев в Бухенвальде. Я весил тридцать два кило, когда подошли союзники.

— И значит, это мой отец вас выдал?

— Он выдал нас всех, раз уж вы так настаиваете. Семнадцать расстрелянных, двадцать восемь брошенных в концлагеря, двенадцать оттуда не вернулись. Надо сказать, что время было особенное. Приходилось делать совсем не то, что хочешь.

— Семнадцать расстрелянных.

— Убавьте скорость. И после обгона берите сразу правее — сзади мотоциклист. Да, семнадцать.

— И вы не таите на него зла?

— А кому это нужно? Морис, он был такой же жертвой, как и мы все. Как и расстрелянные. Может быть, даже больше. В то время я, конечно, не рассуждал бы так, но проходят годы, и начинаешь думать по-другому. Даже еще когда я вернулся из лагеря, я был очень настроен против него, но он лежал в госпитале, весь начиненный свинцом, который он приволок с собой из Эльзаса. Я не могу отделаться от мысли, что он сам хотел таким путем покончить с собой. Он расплатился за все. Я говорю вам то, что я думаю, и я считаю, что с вашей стороны было бы очень дурно его осуждать. Вы не можете понять. Это выше вашего понимания. Это выше понимания любого из нас. Поворачивайте назад, я не хочу получить нагоняй.

— Они его пытали? Они его очень мучили?

— Надо полагать. Меня там не было.

— Вы не знаете, кто бы мне мог что-нибудь еще рассказать об этом?

— А зачем? Вы бы лучше продолжали сдавать ваши экзамены. Я, право, не знаю. Может быть, Венера могла бы вам что-нибудь рассказать, но она очень больна.

— Венера?

— Да. Марсель Карруж. Ее на-

зывали Венерой. Я уже не помню, кому пришла в голову мысль дать нам всем имена звезд и планет. Прибавьте скорость, я говорю вам, что мне из-за вас попадет. Вашего отца звали Луной, потому что он всегда хотел спать и еще потому, что английские самолеты прилетали за почтой в полнолуние. А меня в то время, поскольку я был своего рода шефом, называли Солнце.

Какой взгляд он бросил на меня, когда я ему сказал, что мы оба принадлежим к поколению сыновей. Не спорю, ему двадцать один год, а мне тридцать девять, но тем не менее я все равно прав. Хотя он и смотрел на меня так, будто я какой-то исторический памятник. А пока из-за таких молодых ослов вроде него я должен платить специальный дополнительный налог по возмещению государству убытков, причиненных майскими баталиями в прошлом году. Я отдал полжизни, выхаживая мать, которая еле живой вернулась из лагеря, и не пришлось бы мне потратить вторую половину на то, чтобы расплачиваться за веселые проделки моих младших братьев. Поколение, прищемившее себе зад двумя стульями, между которых оно желает усесться. Старики удаляются на покой с прекрасной биографией — благодаря войне, молокососы позволяют себе устраивать шутовские революции, а мы, сорокалетние, должны гнуть спину, чтобы машина продолжала вертеться, и первые нас презирают, а вторые освистывают. Общество потребления, мой милый. А ты знаешь, как мы смотрели в 1946-м на первый апельсин после пяти лет похлебки из брюквы? Каким он окинул взглядом нашу квартиру, с каким презрением смотрел на мини-юбку Моники! Так ей же еще только тридцать, и она имеет право показывать свои ноги. Будь я на месте матери, я бы разделался в два счета. «Да, мой мальчик, я Венера, та, которую звали Венерой, и если вы видите меня в таком состоянии, то причиной тому не только возраст, это и по вине сволочи-предателя, каким был твой отец». А вот и он. Пай-мальчик, возвращающийся с первого причастия с просвиркой в животике. Нет, ты так дешево не отделаешься, мой милый.

— Ну, вы довольны?

— Ваша мать просто чудо.

— Виски? Мартини? Ну что вы? Это же минутное дело. Ничего удивительного. Мать никогда не умела таить зло. Она всегда всем все прощает.

— Я приходил не за прощеньем, я хотел, чтобы мне объяснили. Она мне сказала, что быть в Сопротивлении означало прежде всего сделать выбор и вступить в борьбу. А все, что могло произойти потом, уже не зависело от самих людей. Их могли подвергнуть таким чудовищным физическим и моральным пыткам, что даже самые лучшие не выдерживали. Я повторяю вам ее собственные слова: «самые лучшие, самые смелые». Но даже в худших случаях в их активе оставалось то, что они добровольно вступили в борьбу. И этого было достаточно, чтобы компенсировать самый тяжелый пассив. Это невероятно, а?

— Невероятно. Моя мать невероятная женщина, и ваш отец был невероятным мужчиной.

— Меня совершенно не интересует ваше мнение об отце. Какое право вы имеете его осуждать? Вас подвергали пыткам?

— А его?

— Его? Несомненно, они его пытали.

— Я вижу, мать ничего вам не рассказала, придется мне это сделать вместо нее. Им не было никакой необходимости его пытать. В течение того самого часа, когда его арестовали, прежде чем до него дотронулись хотя бы пальцем, он выдал им адрес подпольной квартиры, которая служила центральной явкой. Они нашли там достаточно имен и адресов, чтобы накрыть всю группу. Вы понимаете, что я вам говорю? Ему было достаточно продержаться хотя бы шесть часов. Начала бы действовать принятая система тревоги, и его друзья бросились бы на центральную квартиру, чтобы вынести архивы. Но нет. Он не пожелал пойти навстречу даже тени риска. Он не оставил другим ни малейшего шанса. Он хладнокровно отправил их на смерть в концентрационные лагеря. Вы видели мою мать: она в таком состоянии уже двадцать пять лет. Из-за вашего отца. Мой отец умер от рака в сорок пятом, уверенный в том, что она раньше его сошла в могилу. Теперь вы понимаете, что мне становится смешно, когда вы пускаетесь в рассуждения о вашем активе и пассиве. Вы действительно не хотите допить ваше виски?

Он сильно постарел за эти два дня, мальчишка Мориса. Мне, может быть, следовало промолчать. И что меня дернуло? Но эти маленькие крикуны, которые считают нас гестаповцами, могут вывести из себя кого угодно!

— Смотрите-ка, это снова ты. Что новенького? Сколько машин угнали за эту пару дней?

— Вы прекрасно знаете, что я не занимаюсь кражей машин. Я видел Сирио и мадам Карруж, и я пришел вам сказать, что вы сволочь.

— Осторожнее, оскорбление комиссара полиции может обойтись дороже, чем угнанная машина.

— Я не вор. Зачем вы это сделали?

— Не знаю. Может быть, я подумал, что папа-герой тебе не особенно подходит, и я ничем не рискую, преподнося тебе папу-подлеца, он устроит тебя больше.

— По вашему мнению, почему он поступил так? Что его заставило?

— Не знаю.

— Но это ваша профессия.

— Может быть, он был просто трусом. Одни имеют склонность к героизму, а другие к трусости.

— Но почему он даже не стал ждать, пока они начнут его пытать?

— Тебя никто не пытал, а ты уже начал выдавать своего дружка Этьена.

— Вы не имеете права сравнивать. И к тому же я говорил не раздумывая.

— Тогда допустим, что твой отец тоже говорил не раздумывая. Недостаток выдержки.

— Вы думаете, я такой, как он?

— Не знаю.

— Я уверен, что есть объяснение. Он не мог быть до такой степени трусом. Вы слушаете меня? Он не мог быть таким трусом, чтобы выдать всех без причины.

— Не знаю. Это известно одному богу и гестапо.

— Вы думаете, я смогу разыскать тех, кто его арестовал?

— Забавно. А в сущности, почему бы и нет? Ведь есть же такие типы, которые пишут книги, отправляясь сначала пить чай с отставными гестаповцами и выслушивая их воспоминания. Почему бы и тебе не поступить таким образом? Но учти, тебя могут постигнуть большие разочарования.

— Вы поможете мне найти адреса этих людей?

— А если они уже сыграли в ящик? Время не стоит на месте. И захотят ли они тебя принять? Попытаться, конечно, можно, но в нашем деле все основано на принципе: услуга за услугу.

— У меня нет денег.

— Идиот. Время от времени какую-нибудь информацию.

— Об Этьене?

— На юридическом у вас там бывает всякое. Ты мог бы нам помогать. Успокойся: ты имел бы дело не со мной, это не мой район. Я познакомил бы тебя с одним коллегой, и, может быть, вы нашли бы общий язык.

— Как мой отец с гестапо?

— Ты же сам сказал, что это несравнимые вещи.

— Вы действительно большая сволочь. Можете арестовать меня, если вам угодно.

— Я предлагаю тебе подумать до завтра. А я посмотрю, не смогу ли я раздобыть для тебя эти адреса.

Париж — Штутгарт за четыре дня и на двадцати девяти машинах, из которых две «феррари». Он не торопился. Одна норвежка задержала его на целые сутки в Страсбурге на туристской молодежной базе. Высаженный на какой-нибудь развилке, он растягивался на траве, положив рюкзак под голову, и проглатывал страниц тридцать, прежде чем снова встать и вытянуть руку, показывая большим пальцем на восток. Он купил накануне отъезда шесть книг, посвященных Сопротивлению, и он зубрил их, как свои учебники перед экзаменами, с той разницей, что он сам готовился быть экзаменатором. Несомненной пользой от этих чтений было чувство морального превосходства, которое он извлекал из прочтенных страниц, готовясь к встрече с Рихтером. Когда он орал: «Ге-ста-по!», «Ге-ста-по!» — вместе с другими там, в Латинском квартале, он ни о чем не думал. Он подобрал это слово, как поднял бы камень, чтобы швырнуть в полицейских, не глядя, какие отвратительные черви были им прикрыты. В остальном книги оставляли желать лучшего. Когда речь шла о Сопротивлении, герои были всегда величественны, а предатели казались отмеченными клеймом предательства с колыбели. Слишком просто. Ему не удавалось представить себя ни героем, ни предателем. Нет, какой-то механизм должен был сработать для того, чтобы Луна отправила Солнце в Бухенвальд, Венеру в Равенсбрюк, семнадцать других на расстрел, и тайной этого механизма владеет Рихтер. Он сумеет у него ее вырвать без криков, без пыток, достаточно будет одного потрясения, которое испытает немец при его появлении. Каждому свой черед. Он испытывал от этого заранее такое острое наслаждение, что почти пробежал семь километров, отделявших Штутгарт от дачного по-

селка, название которого сообщил ему комиссар Шалэ.

Девушка, похожая на его норвежку, показала ему дом Рихтера. С дороги дома не было видно. Он вошел в обвитую плющом калитку и пошел по аллее, по обеим сторонам которой были цветочные клумбы. Аллея вела к расположенной на холме буковой рощице. Пройдя еще пятьдесят метров, он оказался перед гаражом с тремя отделениями, где стояли «мерседес-300» и маленький красный «фиат». Третье отделение было пустым. Он сделал еще несколько шагов, затем вернулся назад и оставил в пустовавшем отделении гаража свой изорванный рюкзак. За следующим поворотом он увидел дом. Это было длинное низкое строение в современном духе — стекло и бетон. Можно подумать, что находишься в Калифорнии или на Лазурном берегу. Ребята смотались из Парижа одновременно с ним, но в южном направлении. Вся банда, в том числе и Этьен, временно отпущенный на свободу. Они взяли с собой музыкальные инструменты и надеялись, что смогут подрядиться в каком-нибудь кабачке, а если нет, то будут подрабатывать у владельцев загородных вилл вроде этой, устраивающих вечера; когда есть девчонки, это не так трудно. Вместо него взяли Бенда Мерло, который неплохо играет на гитаре. Своя манера и выучка. А он лег курсом на восток, к прошлому. Почти полное отсутствие конкурентов по автостопу. Он не ожидал, что в конце путешествия окажется в таком райском уголке. Его звонки были напрасными. Шесть часов вечера. Солнце еще достаточно припекает. А что, если Рихтер тоже отдыхает где-нибудь на юге? Он открыл дверь и крикнул: «Есть кто-нибудь?» Коридор выстлан плитками из пластика под мрамор, на стенах абстрактные картины. Он учил английский, испанский, а по-немецки не знал и трех слов. Ангорская кошка пересекла коридор с видом оскорбленного султана. Он закрыл дверь и обогнул дом с правой стороны. Другая сторона выходила на юг. Терраса, плетеные стулья под защищающими от солнца зонтиками. Ступеньки из мрамора, быть может тоже пластикового, вели к изумрудному бассейну. Две женщины, принимавшие солнечную ванну, лежа на надувных матрасах, поспешно прикрылись полотенцами. Стараясь не краснеть, он спустился вниз по ступенькам и сказал:

— Я ищу Карла Рихтера.

Они обе были медного цвета, тела натерты кремом, волосы затянуты повязкой, на глазах темные очки со стеклами, широкими, как блюдце. Старшей не меньше сорока лет. Вторая, которой могло быть двадцать пять, ответила с забавным акцентом:

— Его здесь нет.

— Тем хуже. Я подожду. У меня в запасе три месяца.

Она сняла очки и улыбнулась. Ее взгляду было больше чем двадцать пять лет. Казалось, она хотела рассмотреть, чего он действительно стоит. Ее улыбка относилась, конечно, к его туристской рубашке, порванной на левом локте, его синим джинсам, вылинявшим и облегавшим его слишком плотно, его белым от пыли туфлям, но у ее больших глаз было то задумчиво-расчетливое выражение, какое он замечал у барышников в деревне, где когда-то проводил каникулы.

— Вы увидите его, конечно, раньше чем через три месяца, — сказала она, — он вернется к вечеру. Вас прислали из института?

— Нет. Из какого института?

— Французского института в Штутгарте. Мой отец активно участвует в его работе.

Не мог же комиссар быть все-таки такой дрянью, чтобы послать его по ложному следу.

— Я действительно нахожусь у господина Рихтера? Карла Рихтера?

— Разумеется. Меня зовут Грета. Я его дочь. Эта дама, которую вы видите здесь, она — как у вас говорят? — да, моя мачеха. Вторая жена моего отца. Он развелся с моей матерью. Я не так сказала «мачеха»? Извините, если я говорю с ошибками...

— Вы говорите неплохо, но у вас очень забавный акцент.

— Это потому, что я училась в Англии и все языки у меня немного путаются. Вы не хотите присесть?

— Нет, спасибо.

— Тогда отодвиньтесь, а то от вас на меня падает тень.

Он сел. Ступенька была очень горячей, и от солнечных бликов на воде было больно глазам. Он забыл свои темные очки в одном «опеле» между Страсбургом и Штутгартом.

— Лучше я зайду еще раз, когда ваш отец вернется. Я не хотел бы вам мешать.

— Вы никому не мешаете.

Старшая женщина сказала несколько слов по-немецки, и Грета подхватила:

— Да, Марта предлагает вам искупаться в бассейне, это вас освежит.

— У меня нет с собой плавок.

Они поговорили между собой еще, затем Грета предложила с улыбкой:

— Вы можете купаться голым. Мы, в Германии, поклонники природы и не видим ничего дурного в том, чтобы ходить без одежды.

— Нет, спасибо.

Марта рассмеялась, полотенце сдвинулось и открыло ее грудь, такую же загорелую, как все тело. Крупная женщина, с плечами шире, чем у него, могучий бюст, основательный зад, но живот плоский и мускулистый. Одна из этих старых шлюх, которые умеют за собой следить. Грета, напротив, казалось, сошла с картины Кранаха: тонкая, почти хрупкая, с маленькой грудью, с чуть выдающимся вперед животиком, накинутое полотенце четко обрисовывало ее бедра. Брюнетка, и не думающая подделываться под блондинку по примеру мачехи.

Он сидел, надеясь, что загар скроет кровь, прилившую к его щекам.

— Раз вы не хотите купаться, вы могли бы тогда приготовить нам мартини.

Она показала пальцем на большой голубой ящик, стоявший в тени одного из зонтов. Он встал, подошел и поднял крышку. Поток холодного воздуха обдал его лицо. Внутри были бутылки, стаканы и какие-то инструменты, назначение которых было ему неизвестно, — все это покоилось на слое ледяных кубиков.

— Вы не умеете приготовлять мартини по-английски?

Единственное желание: забрать свой старый рюкзак в гараже и дать отсюда тягу как можно скорее.

— Я сейчас вас научу.

Это был не такой мартини, который ему обычно приходилось пить. Крепче и лучше. Но он отказался от второго стакана. Все это было странно. Может быть, комиссар предупредил Рихтера, и его будут атаковать теперь с двух сторон. Он почти хотел, чтобы это было так. Он не чувствовал себя так скверно перед Сирио и даже перед сыном Венеры.

Марта и Грета допивали свой третий мартини, когда раздался звонок. Он не заметил белый телефон, стоявший у подножия лестницы, шнур, извиваясь на га-

зонах, тянулся до самой виллы. Грета сняла трубку и быстро поговорила с кем-то, а потом с Мартой.

— Это мой отец, — сказала она наконец. — Сегодня вечером он останется у своих друзей.

Разумеется.

— Неважно. Я приду еще раз. Скажите ему, что я не спешу.

— Он желает, чтобы вам было у нас хорошо, и спрашивает, какова цель вашего визита.

— Одно личное дело. Я объясню ему сам.

Она протянула ему трубку, но он покачал головой:

— Нет, я хочу его видеть.

Она обменялась еще несколькими фразами с Рихтером, прежде чем окончить разговор.

— Отец самым сердечным образом приглашает вас остаться на эту ночь у нас, в вашем распоряжении комната для гостей. Он вернется завтра утром и будет рад с вами познакомиться. Ваши вещи в машине?

— Я добрался до вас автостопом. У меня всего лишь рюкзак, который я оставил в гараже.

Она не разобрала слова «автостопом». Тогда он сделал обычный знак, подняв руку и оттопырив большой палец. Казалось, Марте стало с ним скучно, и телефонный звонок породил в ней какие-то замыслы. Она оживленно поговорила с Гретой и быстро направилась к вилле, обернув вокруг бедер полотенце.

— Она собирается поехать к своим друзьям, — объяснила Грета. — Мы будем с вами ужинать одни.

Он взял рюкзак в гараже и на обратном пути встретился с Мартой, которая мчалась по аллее, подобрав подол юбки. Комната была как и все остальное в доме: простота и роскошь. Он принял душ и сел в кресло на террасе со стаканом мартини, который ему приготовила Грета. На ней было платье из гибкого и блестящего металла. Он видел такие раньше только на витринах. Две пластинки прикрывали кончики грудей. Она вытащила на террасу стол и накрыла его, упорно отказываясь от всякой помощи. Сейчас она была на кухне. С наступлением сумерек стало прохладнее, но от плиток пола исходило тепло. Он потягивал холодный мартини, бездумно глядя на спокойный ландшафт, простиравшийся перед ним. Холмы, поросшие виноградником, и еще прозрачные дымки тумана над овражками. Откуда-то донесся звон колокола. Оказывается, не так-то уж и плохо проиграть войну. Он не мог отогнать от себя мысли о Сирио, потеющем в душном гараже под машинами. Немецкими машинами к тому же. Может быть, Пуарье в своей конторе на Елисейских полях делает дела вместе с Рихтером. Грета ему сказала, что ее отец занимается экспортом и импортом.

За ужином, отлично приготовленным, она попросила его рассказать о майских событиях. Это был самый лучший месяц в его жизни. Потом он несколько поостыл. Та же история, что и с Сопротивлением, ставшим достоянием книг: он не мог заставить себя поверить в то, что партизанские баталии на бульварах и все такое прочее могут привести к чему-либо. Слишком просто. Игра в сыщики-разбойники для времяпрепровождения. Но, конечно, он был не прав. Когда дело касалось его, все усложнялось из-за матери. Она всегда все усложняла. Он забыл о ней по-настоящему на какое-то время только в мае.

Его рассказы привели Грету в восторг, в особенности история с девушкой, которую избили полицейские. Она сказала, что он спешит и не дает подробностей. Если, однако, тем самым она готовилась намекнуть, что гестапо и французская полиция стоят друг друга, он мог бы ей рассказать несколько эпизодов, почерпнутых им из книг. Например, про женщину, которую заставили говорить, пытая зажженной свечой. Но она, видимо, почувствовала его сдержанность, потому что перестала задавать вопросы и убрала со стола. На этот раз он не предложил ей своей помощи. Она вернулась с коробкой гаванских сигар, выбрала одну и раскурила ее для него после целого ряда приготовлений. Странная женщина. Она, казалось, находила все это совершенно нормальным. Ни одна из девушек, с которыми он был знаком, не согласилась бы даже просто пойти для него за коробком спичек. Он положил ногу на балюстраду террасы и курил сигару, думая о том, что первый тайм все же выигран, поскольку он добрался до места. Она вскоре присоединилась к нему и поставила свое кресло рядом. Они смотрели, как ночь окутывала холмы, на которых то там, то здесь вспыхивали огоньки. Она курила длинные сигареты «Пэл-Мэл», вставляя их в мундштук из слоновой кости. Они просидели так около часа и обменялись словами лишь один раз, когда она спросила, что он предпочитает: виски или коньяк. Она тоже положила ноги на балюстраду, и ее платье-кольчуга сползло вниз, обнажив колени. О чем она думала?

Раз она чувствует себя так спокойно в его обществе, то, значит, ее отец ничего не рассказывал ей о прошлом, так же как его мать молчала двадцать один год. И продолжает молчать. Взрыв, истерика, когда он сказал ей о своем отъезде в Германию, слезы, но ни слова. Грета положила внезапно руку на его запястье и сказала:

— Посмотрите, какая луна. Я могла бы просидеть так всю ночь, глядя на луну и все эти звезды.

— Марс, Венера...

— Я не такая ученая. Вы знаете, где Венера? Я могу показать только Полярную звезду, которая вот здесь, Волопаса, который вот там, и, конечно, Молочную дорогу, она прямо над нами...

Молочную дорогу? Когда он понял, что она говорит о Млечном Пути, его разобрал такой дикий смех, что ей пришлось его поцеловать, чтобы он перестал смеяться. Они ушли в комнату для гостей.

— Мой отец вас ждет на террасе, и завтрак уже готов.

Лицо свежее, и улыбается так, как будто ничего и не произошло. Он сам только что проснулся, в теле удивительная легкость, но душа в полном смятении. Он дал себя провести, Рихтер может смеяться ему прямо в лицо.

Он принял душ, оделся и вышел из комнаты, не побрившись, так как не знал вольтажа электросети. Солнце уже светило вовсю. Грета, в халатике, переставляла чашки и тарелки с подноса

на стол, за которым сидели Марта в розовом утреннем платье и мужчина лет шестидесяти, в белых полотняных брюках, светло-зеленой рубашке и черном галстуке.

— Вот и наш гость, папа.

— Рад вас видеть. Нам всегда доставляет удовольствие принимать молодого француза в своем доме.

Он казался искренним. Энергично пожал протянутую ему руку. Физиономия, располагающая к доверию: цвет лица розовый, седые вьющиеся волосы, близорукие глаза за очками в роговой оправе. Три маленьких шрама, скрестившихся в виде звездочки на левой скуле, скромно напоминали о военном прошлом. Он говорил без акцента, но медленнее, чем Грета.

— Я прошу вас, садитесь. Кто вас прислал?

— Я сын Мориса Ваннье.

— Ваннье? Господин Ваннье из Софрено?

— Ваннье из группы Сопротивления «Марс».

Рихтер продолжал намазывать маслом ломтик хлеба. Грета села за стол и уткнулась в чашку чаю, как притихшая кошка. Он старался на нее не смотреть, но ему трудно было не встречаться глазами с Мартой, сидевшей напротив и подмигивавшей ему с видом соучастницы.

— Группа «Марс», — пробормотал Рихтер, — я должен признаться, что память начинает мне изменять.

— Семнадцать расстрелянных, двенадцать замученных в концлагерях. Вы арестовали моего отца, но ему удалось бежать. Он поступил потом во французскую армию и был смертельно ранен на фронте в Эльзасе.

— Это был, несомненно, смелый человек. А вы кажетесь моложе своих лет. Вам никак нельзя дать больше двадцати.

— Мой отец умер только в 1948 году.

— А-а, понимаю. И вы уверены, что мне приходилось им заниматься?

Черт бы их побрал, они, несомненно, в сговоре! Рихтер со своей слабеющей памятью, Марта со своими подмигиваниями, Грета, которая поглаживает грудь, чуть прикусив нижнюю губу. Надо все бросить.

— Да, вы занимались им, господин Рихтер. Гестапо очень даже им занималось.

— Гестапо? Но в этом случае я здесь ни при чем.

— Нет, вы сотрудник гестапо.

— Позвольте! — заорал Рихтер. — Я имел честь принадлежать к абверу — разведывательной службе вермахта. Мы были немецкими офицерами, и я прошу вас не путать нас с подонками Гиммлера, которые повесили нашего шефа адмирала Канариса.

Он был красен от негодования, бутерброд дрожал в его вытянутой руке. Грета сидела как на углях. Марта разинула рот.

— Я рассматриваю это приравнивание как оскорбление, и я не понимаю, как вы согласились разделить завтрак с человеком, которого считаете гестаповцем.

Ему захотелось заплакать от бешенства или от жалости к самому себе, он уже не мог понять. Все на него орут, даже этот немец. Разумеется, в его книгах упоминалось об абвере, так же как о СД, гестапо, службе Риббентропа, тайной полевой жандармерии — поди разберись. Авторы сами признают, что они в них путаются. А рожа Рихтера, когда он кричал: «Мы были немецкими офицерами!» Как будто оставалось только вскочить и встать навытяжку. И вдобавок ко всему голая ступня Марты путешествует по его правой ноге, а взгляд полон сочувствия, каким награждают несправедливо наказанного малыша.

— Простите меня и пейте ваш чай, — успокоительно произносит Рихтер. — Вы слишком молоды, чтобы понять мое возмущение. Есть слова, которые заставляют меня терять самообладание. Ваш отец был доставлен в гестапо?

— Он был доставлен к вам, неважно, гестапо это или нет. К вам лично...

— Ваннье... Группа «Марс»... Я очень огорчен, но я уже ничего не помню, — говорит Рихтер, прожевывая сосиску. — Перед моими глазами прошло так много людей... Вы не могли бы мне что-нибудь подсказать?

— У них у всех были имена планет или звезд. Была, например, Венера. Начальника группы называли Солнце. Моего отца звали Луной.

— Ах, «Марс»! Великолепно. Отличная группа. Они действовали как раз в такой среде, где у нас было мало осведомителей. Да, я теперь прекрасно вспоминаю, к нам в руки попал один из членов группы, который дал возможность сразу забрать всех.

— Это был мой отец. Я хочу знать, почему он все рассказал.

— Мы были офицерами и...

— Я знаю. Его не пытали.

— Погодите минутку. Я начинаю припоминать. Да, это было в январе или феврале 1944 года. Скверное время. Как говорят у вас, не знали, за что схватиться. Так вот, вы ошибаетесь: не я арестовал вашего отца. Ты знаешь, Грета, кто арестовал отца нашего друга? Это Рюди.

Грета кивнула головой с понимающим видом. Марта наконец сняла свою ногу.

— Другой офицер абвера?

— О нет, нет! Рюди даже не немец. Он сотрудничал у наших французских помощников.

В книгах об этом писалось. Сборище подонков, еще худших, чем гестаповцы.

— Я хочу его видеть. И не пытайтесь меня уверить в том, что он умер. Это не так, раз ваша дочь его знает. Вы даже сказали: «Рюди не немец».

Рихтер отставил тарелку и закурил сигарету «Пэл-Мэл», которую он взял из протянутой Гретой пачки.

— Послушайте меня, — сказал он наконец, — я буду с вами откровенен. Мы прибегали к помощи этих людей, и в этом не было ничего хорошего, но у нас были горы трудностей, и Восточный фронт пожирал лучшие силы. Я признаю, эти люди допускали отвратительные вещи. Абсолютно отвратительные. Вы видите, я говорю с вами откровенно. Но в деле с вашим отцом, как вы признаете сами, все происходило корректным образом. В таком случае зачем вам разыскивать Рюди? Я не хочу устраивать вам встречу с Рюди. Это совсем неподходящая компания для такого молодого человека, как вы. Если бы я знал, что с вашим отцом обращались некорректно, я бы сам вместе с вами отправился к Рюди. Но раз он не может вам ничего сказать, повторяю: зачем вам видеться с Рюди? Великая вещь в жизни, мой юный друг, это уметь переворачивать страницы...

Он развивал эту тему еще несколько минут, закончил свою речь призывом к объединению Европы и, встав из-за стола, предложил сыграть партию в гольф. Прощание было коротким: вы всегда будете желанным гостем в моем доме; Грета довезет вас до Штутгарта — она отправляется туда за покупками.

Перед вокзалом в Штутгарте она сунула ему в руку две купюры по двести марок и сложенный вчетверо клочок бумаги.

— Это адрес Рюди, — сказала она. — Я даю его тебе, потому что ты был так мил со мной.

Окончание следует

Перевел с французского
Н. РАЗГОВОРОВ

ПО СЛЕДАМ БЕССЛЕДНОГО

Повесть

ЖИЛЬ ПЕРРО,
французский писатель

Он бродил до вечера по улицам Гамбурга. В нем жило непреодолимое влечение к кораблям, гаваням, морю. Были ли у его сверстников такие же затаенные, вышедшие из моды мечты, о которых они стыдливо умалчивали? Он выпил пива с норвежскими моряками, отправлявшимися в Бостон. Помощнику повара пришлось остаться на берегу из-за аппендицита. Он не знал, шутили они или нет, предлагая ему занять вакантное место. Бостон не входил в извечный сказочный маршрут, начинавшийся в Александрии и кончавшийся в Вальпараисо. Но все-таки. Он с увлечением читал Верселя, Сендрара, Пейссона, Конрада. Потом — как и все — Сэнт-Экзюпери и Камю. Сын мой, ты будешь человеком. Славный парнишка, учившийся с ожесточением, чтобы заслужить стипендию и оправдать принесенные матерью жертвы. Май шестьдесят восьмого года сделал для него очевидным то, мысль о чем терзала его уже давно: стоит ли карабкаться на ярмарочный шест, чтобы добыть в награду протухшие окорока? После этой бури ни малейшего свежего ветерка, мертвый штиль, единственная отрада — побренчать на гитаре. Никакого желания попытаться спилить шест. Когда он вернулся из Божона, он нашел квартиру пустой и мать в больнице. Очередная серия сеансов лечения сном. Так было с самых давних пор. Сын Венеры не знает, что ему-то еще повезло. Семнадцать расстрелянных, двадцать восемь сосланных в концлагеря и мальчишка, получивший в наследство мать-неврастеничку: прекрасные трофеи, папочка. Почему она ему никогда ничего не говорила? Он долгое время думал, что смерть его отца объясняет все, а также смерть Шарля, их первого сына, его старшего брата, скончавшегося от лейкемии в 1949-м, в шестилетнем возрасте. Детство, благочестиво проведенное между алтарем отца — на камине, и алтарем брата — на ночном столике матери. Нельзя все время жить с мертвыми. Другие вспоминают о них лишь в день всех святых. Он мог бы дать голову на отсечение, что его мать никогда больше не знала мужчины. Совершенно зря. Родители его друзей разводились, заводили любовников и любовниц, а он оставался у подола безупречной матери, лезшей для него из кожи вон, как в романе Бальзака. Мать Горио. Это было столь же невероятным, как и его мечты о кораблях, бороздящих океан на пути в Такому.

Но вот уже неделя, как его преследует мысль о том, что все может быть объяснено иначе, и болезненная преданность двум усопшим вовсе ни при чем. Его мать тоже занимает свое место среди трофеев. Думаешь, что вышла замуж за порядочного человека, и оказываешься в постели доносчика. Если бы старик еще был способен просто покончить с собой сразу, никому не мозоля глаза. Чем должны были быть эти четыре года агонии, с призраками расстрелянных, с возвращением ссыльных, превратившихся в живые скелеты? Конечно, мать не могла не свихнуться между сорок четвертым и сорок восьмым. Смерть Шарля в сорок девятом была последним ударом. Бедная старуха. Но она-то понимает, почему ее муж все выложил еще до первой зуботычины? А может быть, здесь и понимать нечего. А та сволочь, комиссар, он действительно искренне уверен, что склонность доносить на своих товарищей может передаваться от отца к сыну? Нет, даже если норвежцы не шутили, даже если бы не требовались документы и профсоюзная карточка, он все равно бы не променял этого Рюди на Бостон.

Он взял на обед кислую капусту и, запивая ее пивом, ждал в забегаловке около бюро, адрес которого ему дала Грета. Он направился туда сразу же по прибытии в Гамбург. Это была жалкая лавчонка, обклеенная афишами, восхвалявшими достоинства различных ночных кабачков. Пожилая женщина, сидевшая за прилавком, не говорила по-французски и упорно старалась всучить ему билет на экскурсию в «Гамбург-секси». В конце концов она велела зайти в десять часов.

На этот раз в бюро был народ. Человек шесть мужчин разного возраста, черноволосые, с матовой кожей, курили, сосредоточенно рассматривая кончики своих ботинок. Старушка улыбнулась ему и сделала знак рукой, предлагая набраться чуточку терпения. Было всего лишь без четверти десять. Вошло еще несколько мужчин мрачноватого вида, с блуждающими взглядами. В пять минут одиннадцатого крохотный «фольксваген» остановился на краю тротуара, и старушка мотнула головой. Он понял это как знак, что из машины выйдет Рюди. Трудно сказать, сколько ему можно было дать лет. Он был маленького роста, очень худой, бледный, на лбу челка, жидкие, соломенного цвета волосы, на носу очки, тонкие, еле заметные губы. Может быть, лет пятьдесят пять. Но, в контраст всему этому — живая походка юноши, шаг твердый, как у завоевателя.

Окончание. Начало в № 8

— Добрый вечер. Вы господин Рюди, не правда ли?

Человек вздрогнул. Он был ошеломлен, что подтверждал испуганный взгляд, которым он обвел всех в комнате.

— Я был у Карла Рихтера и теперь приехал повидаться с вами. Я сын Мориса Ваннье, которого вы арестовали во время войны, мне бы очень хотелось получить возможность, если это вас не слишком затруднит, побеседовать с вами о человеке, который был моим отцом.

У него был целый день на то, чтобы тщательно отделать эту первую фразу. Не спугнуть рыбку, зажимать тиски не спеша.

— Морис Ваннье? Группа «Марс»? Ах, боже мой! Ах, какой сюрприз! Если бы мне сказали, что в один прекрасный день...

На лице такая радость, будто он жил все эти двадцать пять лет в ожидании именно этого дня: сжал его ладони своими бледными пальцами, вцепился в запястья, добрался до локтей. Можно было подумать, что перед ним сын однополчанина, свалившийся с неба. Кто мог предположить, что все это будет так отвратительно?

— Я вижу, сегодня вечером вы заняты, но завтра...

— О нет! Нет, старина! Вы — мой, я вас не отпущу! Подумать только, сын Ваннье. Единственная проблема — это ваш костюм. Я бы не сказал, что вы хорошо экипированы для совместной поездки с моими герцогами. Я говорю «моими герцогами», полюбуйтесь на них, вы видели рожи этих метисов?.. Ни пиджака, ни галстука? Но мы для вас все подыщем. Кстати, вы совершеннолетний? Двадцать один год? Прекрасно, прекрасно. Заходите в эту клетушку. У нас был две недели назад один мексиканец вашего роста, который облевал свой пиджак. Он отлично вам подойдет. Вы будете повыше ростом, чем ваш папа? Ах, Морис Ваннье, вы только скажите! Нет, нет, старина, не нюхайте, все было отдано в химчистку. И держитесь, вот отличный галстук. Превосходно одет для экскурсии в «Гамбург-секси».

Он переигрывал, это было несомненно, но тем не менее, казалось, что он испытывает радость. Они вышли в большую комнату. Рюди обратился на испанском языке к мужчинам, которые находились между дверью и прилавком. Один за другим все вышли на улицу, бросили окурки на тротуар, пригасили их подошвами ботинок и стали залезать в маленький автобус.

— Я занимаюсь клиентами с испанским языком. На этот вечер у нас как раз чистокровные испанцы. Работать с ними прямое наслаждение. Достаточно показать им полуобнаженную женщину, и они уже впадают в транс. Вы любите женщин? Прекрасно, старик, я обещаю, что у вас будет великолепный вечер!

Он предпочел бы лечь спать. После ночи у Рихтера и блужданий по Гамбургу у него к вечеру уже слипались ресницы. Рюди расспросил его о Рихтере и заставил его рассказать о том, как отец записался в дивизию Леклерка, какие получил раны, когда умер.

— Как это грустно. А ваша мать, она еще жива?

— Вы знали также мою мать?

— Нет, нет. Абсолютно нет.

глаз. Взгляд холодный и испытующий. Каждый раз, когда он сам поворачивал голову, чтобы посмотреть на Рюди, тот обращал к нему лицо, озаренное притворной улыбкой, и одновременно разглаживал свои жидкие волосы на лбу. А эта манна каждую минуту трогать его за локти или плечи? Казалось, Рюди испытывал потребность убедиться в том, что все это не сон, и сын Мориса Ваннье действительно сидит рядом с ним в маленьком автобусе, направляющемся к Сан-Паули.

Они остановились перед ночным кабаре с ослепительной неоновой вывеской. Рюди пересчитал при выходе клиентов и ввел свое стадо в пустой мрачный зал, где воняло недокуренными сигарами. Испанцы покорно заняли места за столиками.

— Идите сюда, здесь нам никто не будет мешать.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

Что-то торопливое и неестественное в голосе.

— Моя мать умерла пять лет назад.

— А, очень хорошо.

Почему это — «очень хорошо»?

— Так, значит, вы теперь сирота без всякой поддержки в этом мире и, очевидно, без денег. Как бы я хотел иметь возможность помочь вам стать на ноги.

Он не знал, что ответить. Рюди, разумеется, не производил впечатления человека, который мог бы разыгрывать роль благодетеля. Он чувствовал, что Рюди все время не сводит с него

Три музыканта лениво подняли инструменты, затем на эстраде появилась девица в монашеском платье и начала раздеваться под звуки вальса «Дунайские волны».

— Подумайте, всего лишь пятнадцать человек. Еще год назад у меня их бывало до пятидесяти. Копенгаген нас скоро начисто сожрет. Если вы не торопитесь, можете полюбоваться. Я уже был здесь не раз и все это видел.

— Господин Рюди, я приехал в Гамбург, чтобы поговорить с вами об отце.

— Не называйте меня Рюди. Здесь я — Пауль Мюллер. Рю-

ди — это имя было у меня во время войны, Рюди фон Мерод. В Аргентине, где я жил с сорок пятого по шестьдесят первый, но там скверный климат, я называл себя Пабло де Сантанилла. А моя настоящая фамилия Дюран. Почему вы смеетесь?

Мрачноватого вида официант поставил на их столик стакан воды и бокал виски. Рюди взял стакан с водой и вынул из кармана маленький пузырек, содержимое которого он вылил в воду.

— У меня такой желудок, какого я не пожелал бы и своему худшему врагу. Что вы хотите знать о своем отце? Ваша мать должна была вам все рассказать.

— Она мне никогда ничего не говорила. Я узнал случайно, совсем недавно, что он участвовал в Сопротивлении и что вы его арестовали. Я никак не могу понять, почему он говорил.

— Ваш вопрос неправильно поставлен, — сказал Рюди. — Если бы ваш отец не говорил, то я понимаю, что вы могли бы спросить, почему? Все говорят, дорогой мой, все.

— Конечно, если применены соответствующие средства.

— Вы знаете, тут многое преувеличивают. Я, например, — и, конечно, Рихтер вам это сказал,— я не был зверем.

— Он говорил как раз противоположное.

— Прекрасно. Я вижу, что он предпочел выступить перед вами в роли джентльмена. Ну что же, действительно, ему не приходилось пачкать себе руки, потому что это делали за него другие, и ему доставляли людей готовеньких, как на подносе. Если ему надо было еще что-то из них вытащить, он шептал им: «Я, абвер, немецкий офицер, не трону волоска на вашей голове, но если вы будете упрямиться, я отправлю вас в гестапо». Ловко придумано, не правда ли? Хорошо, я признаю, что иногда мне приходилось прибегать к энергичным мерам, но это было необходимо очень редко. Зачем утомлять себя, зачем бить и пытать, когда достаточно просто слегка подействовать на воображение? Я сейчас объясню вам мои приемы. Однажды я проходил на бульваре Сен-Жермен мимо магазина хирургических инструментов. Поверьте мне, старина, это было как озарение свыше! Дикие штуковины, знаете ли, блестящие и такие острые, что от одного взгляда на них мурашки начинали бегать по спине. Я их держал в ящике стола, и, когда ко мне приводили какого-нибудь упрямца, я не говорил ничего, но я вынимал свои инструменты один за другим и клал их перед собой. Потом я бросал взгляд на парня и произносил грустным голосом: «Ты хочешь, чтобы мне пришлось прибегать к этим вещам?» Ответь он мне «да», я, право, бы не знал, что и делать. Но, как правило, этого было достаточно.

Они посмотрели три следующих номера, после чего Рюди хлопнул в ладоши, чтобы собрать своих испанцев, которых он пересчитал у двери.

— Вы не едете с нами дальше?

— Я почти не сомкнул глаз прошлую ночь. Я думаю, что мне лучше идти лечь спать.

— Но мы только начали наш разговор. Не валяйте дурака! Я еще должен вам рассказать невероятные вещи о вашем отце!

Маленький автобус покинул Сан-Паули и бесконечно долго колесил по темным улицам. Он заснул, каждое резкое торможение его пробуждало, но он снова тотчас же засыпал, несмотря на неприятное чувство, которое вызывал постоянно уставленный на него взгляд Рюди. Он по-настоящему проснулся, только когда автобус остановился. Рюди улыбался, приглаживая волосы на лбу. Казалось, что его улыбка включалась автоматически, стоило ему только коснуться своей челки. Автобус стоял около большого строения, стены которого были выкрашены известью. Здесь находился манеж, над центральным скаковым кругом возвышались трибуны, где уже расположилось с полсотни американцев, мужчин и женщин, приветствовавших появление новых зрителей радостными криками. Испанцы прошли с высоко поднятыми головами и сели в стороне. Между двумя группами воцарился холодок. Но на дорожке уже появилось пять неоседланных лошадей с голыми наездницами. Они сделали несколько кругов шагом, затем перешли на рысь. Американцы нагибались, чтобы лучше видеть, испанцы сидели на своей трибуне прямо, одним глазом посматривая на обнаженных амазонок, другим, презрительным, на американцев, куривших и испускавших крики.

— Если я правильно понял, вы заставили говорить моего отца, выставив перед ним вашу кухонную батарею?

— Дело было не в этом, мой дорогой мальчик, он стал бы говорить и без кухонной батареи, он был достаточно умен, чтобы все понимать. Вы бы предпочли, чтобы он дал себе выпустить потроха? Героизм? «Марсельеза» на ложе пыток! Взгляните перед собой и подумайте обо всех бравых солдатах, которые погибли под Сталинградом или в Норвегии. Для чего? Для того чтобы их внучки за двадцать пять марок показывали овой зад иностранцам? Старик, надо оставить героизм идиотам. Да послужит он им утешением. Если бы я был на вашем месте, я не стал негодовать из-за того, что мой отец, видите ли, открыл рот, но я упрекнул бы его в том, что он три года разыгрывал из себя героя, не положив себе в карман кругленькую сумму денег. А я хотел бы вам сказать, что монеток около него было много. Тридцать тысяч фунтов стерлингов, это сколько на нынешние франки?

— Не знаю. Но, конечно, солидная пачка.

— А если я вам скажу, что есть тридцать тысяч фунтов, которые ждут вот уже двадцать пять лет, чтобы мы их поделили между собой, что вы мне на это ответите?

— Что вы сумасшедший.

— Тридцать тысяч фунтов. Больше чем по двадцать миллионов старых франков каждому, если мы их поделим.

Он действительно казался немного помешанным. На кругу лошади мчались галопом, наездницы припали к их шеям, вцепившись в гривы. В воздухе стоял сильный запах конского пота.

— Послушай, ты славный парень, и я рискну рассказать тебе всю историю. В феврале сорок четвертого мы держали под своим контролем одну подпольную радиостанцию, у которой была связь с Лондоном. Никто в Лондоне не знал, что их передачи попадают в наши руки. Однажды мы расшифровали сообщение о том, что некто Боб должен быть выброшен с самолета во Франции. Его основная миссия состояла в том, чтобы принять командование группой, осуществлявшей саботажные акции в Нормандии, но он должен был 18 февраля быть проездом в Париже и передать тридцать тысяч фунтов стерлингов организации «Марс», потребовавшей денежных фондов. Надеюсь, можно тебе и не говорить, что я навострил ухо: тридцать тысяч — это большие деньги. Попади они мне в руки, я мог бы скрыться и отсидеться в каком-либо тихом уголке,

пока кончится вся заваруха. К несчастью, время и место встречи между Бобом и представителем «Марса» были переданы по другой радиостанции, которая не находилась под нашим контролем. Единственный способ накрыть Боба и его сокровище состоял в том, чтобы напасть на след «Марса». Мы трудились день и ночь, лезли из кожи, но я опускаю все эти детали. Короче, восемнадцатого утром, когда я уже готов был поставить крест на этом деле, происходит чудо: мне выдают Луну. Луна — это твой отец. Я быстро узнаю, что у него встреча с Бобом за завтраком в ресторане «Ля Куполь», на бульваре Монпарнас. Я устраиваю мышеловку с помощью двух ребят. Теперь слушай внимательно. Я вижу, как появился Луна, которого я опознал по фотографии, и я слежу за ним внутри ресторана, полагая, что он наведет меня на Боба. Луна замечает моих ребят, у которых был действительно несколько подозрительный вид. Он спускается вниз, где туалет, покупает жетон и заходит в кабину телефона-автомата. Я стою как раз напротив у писсуара. Он говорит пять или десять секунд максимум, вешает трубку и направляется к выходу. Что я должен делать? Если я его арестую на тротуаре, в таком случае, очевидно, прощай, Боб! Ты знаешь «Ля Куполь»? Огромный зал, за столиками человек двести. Если бы у меня были люди, я бы часть поставил у дверей, а с другими обыскал всех, но у меня только два человека, чтобы дело осталось между нами: нельзя же, чтобы деньги попали к Рихтеру. Улавливаешь?

— Более или менее. Но я не понимаю, куда вы клоните?

— Терпение. Ясно, что твой отец позвонил кому-то, чтобы сообщить о слежке и попросить осторожно вывести Боба, которого он, очевидно, уже заметил, когда шел в туалет. Сказано — сделано. Но бедняге Бобу в этот день решительно не везло. Отправившись из «Ля Куполь» на Северный вокзал, он сразу же наткнулся на полицейский контроль и предпочел проглотить цианистый калий. Что же касается денег, он, очевидно, сказал товарищу твоего отца, где он их спрятал после приземления. Я знаю, что с собой денег у него не было — мои ребята все-таки обшарили всех, кто выходил из «Ля Куполь» с пакетом или портфелем. И, слушай меня как следует, с тех пор никто никогда не слышал ни слова об этих тридцати тысячах фунтов. Исчезли! Испарились! Через мои руки прошли все шефы «Марса», и ни один не знал, куда девался пакет. Кроме того, разумеется, кто-то его слямзил, но у него не было охоты об этом болтать. Хитрец, который уже тогда думал, как будет жить после войны.

— Я не понимаю. Если кто-то взял деньги, то как же их можно от него получить. Он же их, очевидно, растратил.

— Ты хочешь сказать, что он пустил их в оборот. Этого сорта люди не тратятся на танцовщиц. Держу пари, он сможет нам отдать тридцать тысяч и у него еще останется на сигареты. Даже после всех девальваций.

— А зачем ему их отдавать?

— Так ведь он же их украл, старик. Это совсем нехорошо. В этом его убедить нетрудно. Вот тут-то как раз и нужен ты. Я в особом положении. Я могу, конечно, заявиться во Францию, но до поры до времени лучше этого избегать. Этот тип может послать меня ко всем чертям. «Убирайся прочь, поганый живодер, или я позову полицию». А ты, ты — сын Луны, и не твоя вина, что твой папа был излишне разговорчив. Тебя нельзя выставить за дверь. У тебя есть право, ты понимаешь? Ты молод, и тебе нужны деньги, чтобы стать на ноги.

— Но вам придется сказать мне его имя? Вы знаете, кто это?

— Ты очень хитрый! Нет, каждому его доля денег и его доля работы. Я ввожу тебя в курс дела, ты находишь типа из «Марса», который быстро разбогател после войны, а потом уже мы беремся вдвоем доить золотого тельца. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я не знаю, что вам ответить. Все это слишком неожиданно. Я должен подумать. И есть вещи, которых я не понимаю.

— Например?

— Ну вот хотя бы я не понимаю, почему вам не удалось узнать от моего отца, с кем он говорил по телефону, хотя вы добились того, что он выдал вам всех своих товарищей?

— Так это потому, что он начал говорить почти что сразу. Мы едва только прибыли на авеню Анри-Мартен, как он уже выдал нам всю свою организацию! Я был не один, ты понимаешь, я не мог оставить у себя человека, который раскрывает нам всю сеть. Рихтер явился в отель «Лютеция» ровно через пять минут. Я позволил ему начать всю охоту, но ни слова не сказал о телефонном разговоре: пока тридцать тысяч ливров находились еще неизвестно где, у меня оставалась надежда. Та же тактика с другими типами из «Марса»; я допрашивал их о деньгах, но не говорил ни слова про телефон. Только твой отец знал, кто присвоил деньги, но я подозреваю, что он предпочел выйти из игры. Ему не было смысла ворошить грязное белье. Короче говоря, это что-то вроде наследства, которое он тебе оставил. Ты не находишь?

— Если вам угодно. Но вы уверены, что этот тип раскошелится?

— Ты его найдешь, ты вызовешь меня, и остальное — это уже не твоя забота.

Может быть, Пуарье?

Бульвар Монпарнас. Парочки полицейских прогуливаются с мечтательным видом, не сцепив, однако, свои мизинцы, как это сделали бы сенегальские стрелки. Несколько бородатых юношей, сидя на корточках, рисуют на тротуаре портреты Че Гевары и лики Христа, которые получаются похожими друг на друга и на рисующих. Недовольный глотатель огня упрямо требует, чтобы ему бросили еще одну монетку. Одиннадцать часов вечера. 31 июля. Обычный прилив машин, ищущих место для стоянки, привычное смешение маxи-платьев и мини-юбок, комбинезоны и брючные костюмы, стирающие грань между полами.

Он вошел в ресторан и увидел Рюди, сидящего в глубине направо, который заметил его тоже и начал поглаживать свои волосы, что тотчас же вызвало на лице автоматическую улыбку. Он сделал ему знак оставаться на месте, прошел дальше и спустился вниз, где находился туалет. Он приобрел жетон у дежурной телефонистки и зашел в кабину телефона-автомата. Его разговор длился всего несколько секунд. Он вышел из кабины, поднялся наверх и пересек весь ресторан. Рюди привстал с места, когда он проходил недалеко от него, и сделал неуверенный жест правой рукой. В ответ он покачал головой, предлагая тому еще немного потерпеть. Рюди опустился на табурет, улыбка исчезла, в глазах за очками без оправы появилось

беспокойство. Он шел к двери, сдерживая себя, чтобы не бежать. Никогда в жизни он не был так счастлив. Высшая радость. На сей раз в игре все зависело от него. Но это была не игра и даже не театральное действие, хотя он в точности повторял жесты и поступки, совершенные его отцом двадцать пять лет назад: это была почти религиозная церемония. Ему трудно было бы объяснить, что он переживает.

Выйдя на террасу, он подошел к комиссару, перед которым стояла рюмка коньяка. Их круглый столик не был виден с того места, где сидел Рюди.

— Все в порядке, — сказал он, садясь за столик, — еще несколько минут терпения.

— Но что за цирк! Если бы я знал, я не оставил бы свою жену одну укладывать чемоданы.

Комиссар собирался на следующий день выбраться наконец из Парижа в Бретань, где он всегда проводил отпуск.

— Я повторяю тебе, что не смогу заняться этим делом. Было бы лучше сразу поручить все это другому коллеге.

— Нет, нужно, чтоб это были вы.

— Почему я? И зачем все эти клоунские выходки? Ну, если ты просто взялся меня дурачить...

Дежурная телефонистка, пройдя весь ресторан по стороне, противоположной той, где сидел Рюди, вышла на террасу, негромко крича: «К телефону! К телефону!» Она держала в руках маленькую черную доску, на которой было написано мелом: «Месье Рюди фон Мерод».

— Странное имя, — пробормотал комиссар.

— Оно вам что-нибудь напоминает?

— Я не сказал, что оно мне что-нибудь напоминает, я сказал, что это странное имя. Ты перестанешь меня злить? Послушай, мне все это надоело, и я ухожу...

— Погодите, вот этот человек!

Дежурная телефонистка закончила свой обход, и Рюди большими шагами помчался к двери. Он встал, чтобы преградить ему дорогу.

— Добрый вечер. Пройдите, пожалуйста, сюда.

Крепко сжав рукой щуплое плечо Рюди, который не оказывал никакого сопротивления, он подвел его к столику и усадил на заранее приготовленный для него стул.

— Разрешите вас познакомить с комиссаром Шалэ. Комиссар, перед вами господин Дюран, он же Пабло де Сантанилла, он же Пауль Мюллер. Вы узнаете его?

— Никогда не видел эту птицу.

— Он работал для абвера под именем Рюди фон Мерод, и вы, конечно, видели его на авеню Анри-Мартен после вашего ареста.

— Я чувствовал, что его имя мне что-то напоминает. Но я его вижу в первый раз. Я никогда не был на авеню Анри-Мартен.

— Я же вам объяснил, что Рихтер взял дело в свои руки, — сказал Рюди, пожимая плечами, — кроме вашего отца, все члены группы «Марс» были доставлены в отель «Лютеция», и я беседовал затем только с шефами организации.

— Рюди фон Мерод, комиссар, наемный палач, скрывавшийся в Аргентине, потом в Германии. Вы можете его взять, я отдаю его вам.

— Ты говоришь о прекрасном подарочке как раз накануне моего отъезда в отпуск. Но для начала я хочу, чтобы ты объяснил, что к чему во всей этой истории.

Он объяснил. Поездка в Германию, встреча с Рюди, рассказ об аресте отца, тридцать тысяч фунтов стерлингов.

Его голос дрожал от волнения.

— Сначала я подумал на Пуарье. Но Пуарье не было необходимости воровать деньги, чтобы открыть контору «Импорт — экспорт» на Елисейских полях: он унаследовал свое дело от отца. Другие члены группы, которым удалось выжить, стали работать там же, где и до войны, и никто из них не живет не по своим средствам. Пуарье, с которым исподволь завел об этом речь, мне даже сказал, что товарищество нередко бывает вынуждено оказывать то одному, то другому финансовую помощь. И тогда я начал размышлять...

Поставьте себя на место моего отца. Его выдали Рюди только утром того дня, когда была назначена встреча, и он ничего об этом еще не знает. У него нет никаких оснований предполагать, что ему грозит опасность. Он приходит в «Ля Куполь», он замечает Рюди и его типов, но почему он должен думать, что они поджидают именно его? Он видит Боба, он видит Рюди и его людей, и он, конечно, приходит к выводу, что Боба засекли и теперь хотят воспользоваться им как приманкой. Следовательно, он не мог звонить товарищу, чтобы тот пришел и вывел Боба. Это означало бы отправить товарища прямо в пасть к волку. Но в таком случае кому же звонил мой отец? Потому что он действительно звонил — Рюди на этом категорически настаивает. Ни один из бывших членов группы «Марс» ничего не знает об этом звонке, хотя они минута за минутой восстановили все малейшие обстоятельства провала их сети. Не так ли, господин комиссар? Можно, конечно, предположить, что разговор был случайный, не связанный с Сопротивлением, но это маловероятно. Я не могу себе представить, что мой отец позволил себе роскошь прогуливаться под носом у Рюди для того, чтобы договориться о визите к зубному врачу. Телефонный звонок был рискованным делом, и должна была быть причина, почему мой отец пошел на этот риск. Причиной был Боб. Мне потребовалась целая неделя, чтобы я до этого дошел. Боб может быть засечен или даже уже задержан и затем посажен за столик как приманка? Этого предположения достаточно, чтобы мой отец не стал к Бобу подходить и не стал никого за ним посылать. Но если эта гипотеза ошибочна? В конце концов нет никаких доказательств, что Рюди явился в «Ля Куполь» из-за этого дела. Ловушка может быть расставлена кому-нибудь другому, не имеющему никакого отношения к Бобу и «Марсу». Вывод: надо предупредить Боба, надо дать ему понять, что контакт невозможен и что он должен как можно скорее оставить это опасное место. Как осуществить это, не прибегая к излишнему риску? Отец нашел решение за десять секунд. Я просиживал здесь вечера, прежде чем сумел понять, что же он сделал. «Ля Куполь» — это единственный ресторан, который я знаю, где не вызывают клиентов через радиорепродуктор к телефону: дежурная телефонистка обходит зал с черной доской, которую вы видели. Отец действовал совершенно так же, как и я на ваших глазах. Он взял жетон, набрал номер «Ля Куполь» и попросил телефонистку найти господина Боба. Реакция Боба была как раз такой, на которую рассчитывал мой отец и какая только что была у Рюди — он испугался и поспешил убраться из опасного места. Что же касается Рюди, то он ничего не понял и даже не заметил телефони-

стки и ее черной доски. Вот как мой отец спас Боба.

— А что это меняет? — спросил комиссар.

— Бобу от этого не легче, — сказал Рюди, — он все равно сразу же влип на Северном вокзале и предпочел сыграть в ящик. Ну, а я признаю, что дал себя провести, но не так-то уж трудно распутывать все задним числом на холодную голову. Я был в самом пекле. Конечно, бывали ошибки.

— Мой отец был тоже в пекле! И однако он мгновенно понял, что надо делать!

— Никто никогда не отрицал того, что твой отец был очень умен. Короче, если я правильно понимаю, ты заставил этого типа поверить, что ты нашел того, кто украл деньги, и он может явиться, чтобы завершить дело?

— Абсолютно верно. Я думал, что правильно поступлю, отдавая вам в руки этого поганого живодера. Но теперь я не уверен, что это так, если судить по вашему лицу.

Лицо по меньшей мере раздосадованное. Как будто вся эта история смертельно скучна — и только. Он ни разу не взглянул на Рюди с самого начала встречи. Посматривал на соседний столик, за которым громко смеялась смуглая девушка в костюме цыганки. Надо сказать, что обстановка была неподходящая. Люди рассказывали о своем отпуске тем, кто уезжал. Завтра Бретань. Красные носки и сандалеты. Он будет удить рыбу. Рюди был, вероятно, для него всего лишь старым протухшим карпом, вытащенным из бочки забвенья. Полицейские любят только свежую рыбу.

— Ну нет, ты хорошо поступил. Не беспокойся, этим подонком займутся.

— Господин комиссар, — сказал Рюди, — можем мы поговорить одну минутку наедине.

Они встали и вышли на бульвар. Пять или шесть минут спустя комиссар вернулся один.

— Его уже увезли?

— Нет, я его отпустил.

— Что?! Вы хотите сказать, что он на свободе?

— Не горячитесь. Для профформы его приговорили бы к смертной казни, помиловали, пожизненная каторга, ускоренное сокращение сроков, на свободе через пять лет — и все это на денежки, которые сдирают с налогоплательщиков.

— Мне на них наплевать! Я расскажу обо всем журналистам! Я донесу на вас!

— Послушай меня и не валяй дурака. Твой Рюди нам полезен. Он поставляет информацию нашей службе разведки.

— Он? Да он таскает туристов по ночным кабачкам Гамбурга!

— Вот именно, он возится с дерьмом, и иногда в его руки попадают любопытные вещи. Наши спецслужбы, как ты понимаешь, вынуждены работать с людьми самого разного сорта. Я этого не одобряю, заметь, но я констатирую. Такова уж их профессия. Я прошу тебя быть разумным и понять, что было бы очень неудобно, если бы это выяснилось на суде и стало достоянием публики. Нас бы смешали с грязью, ты понимаешь?

— Я не собираюсь защищать честь французской специальной службы.

— Разумеется, но ты должен, может быть, подумать о чести своего отца и о покое своей матери. Если будет суд, дело группы «Марс» выплывет на поверхность. Подумай, прежде чем ответить.

— Мне не надо думать, я уже столько думал, что понял, почему мой отец выдал группу.

— Это интересно. Растолкуй мне, пожалуйста.

— Он хотел прикрыть Боба и дать ему достаточно времени для спасения. Боб был какой-то очень важной фигурой. Шеф, посланный из Лондона, чтобы возглавить всю сеть саботажа на севере Франции. Мой отец занял гестапо или абвер — короче, немцев — птицами помельче, чтобы избежать риска подвергнуться пыткам и выдать Боба, его приметы. Это как в шахматы, когда жертвуют пешкой, чтобы спасти короля.

— Спасибо за пешки. Семнадцать человек к стенке, чтобы спасти одного, которого никто не знает и которому ничто не грозит, ибо твой отец должен был полагать, что Боб сумел бесследно скрыться. Что это тебе, кино, что ли?

— Я читал один рассказ, где шеф группы поступил именно так.

— Прекрасно. Вот что я тебе предлагаю: я задержу Рюди, устроим суд, и ты выложишь судьям свое объяснение. Надо же их будет чем-то поразвлечь. Согласен?

— Уходите. Оставьте меня в покое. Я больше не хочу вас видеть.

Комиссар встал, сделал два шага к тротуару, вернулся и снова сел.

— Скажи мне, малыш, тебя действительно так мучает вся эта история с твоим отцом?

— А что же в этом странного?

— Если бы ты мне так не хамил, когда мы встретились, я бы тебе ничего не рассказал. Я потом жалел.

— Ваши сожаления не помешали вам предложить мне адрес Рихтера при условии, что я буду работать осведомителем. Та же работа на факультете, какая у Рюди в его кабаках. Еще хуже, потому что у Рюди нет друзей среди его клиентов.

— Полицейский как дантист, он ищет гнилое место, червоточину, но это не значит, что он за нее несет ответ. Рюди тоже искал червоточину, предлагая тебе это дело с тридцатью тысячами, и факты говорят о том, что он ее нашел, ты все-таки провел некоторое расследование вокруг Пуарье. Ты видишь, все не без червоточины. Надо с этим смириться.

— Я наводил справки о Пуарье из простого любопытства. Тридцать тысяч меня не интересовали. Я только хотел расставить ловушку Рюди.

— Ну, скажем, что у тебя еще нет червоточины. Потерпи, это придет. До свидания.

— А вы довольны? Вы сможете спокойно отправляться в Бретань?

— Разве у меня довольный вид?

Комиссар протянул руку, несколько секунд она висела в воздухе, потом он пожал плечами и ушел.

— Три плюс четыре, итого у нас получается семь, включая сервис, месье.

Он забыл даже расплатиться, придется и это сделать за него.

В действительности, теперь все было уже не до такой степени невыносимо плохо. Да, трус, а не герой смотрит с фотографий на камине. Только и всего. Не пускать же себе пулю в лоб из-за старых снимков. Куда хуже матери, которая бесконечно пичкает себя либриумом, чтобы как-то отделить живого человека, державшего ее в своих объятьях, от предателя, который послал на расстрел товарищей. Банальные пожелтевшие фотографии и ря-

дом награды, которые кажутся смешными теперь, когда все знаешь; что же до наследственной склонности к предательству, то комиссару теперь-то уже крыть нечем. Дело закончено. И если рассмотреть реальные итоги, то, честно говоря, он мог обойтись без этой поездки в Германию и отправиться с ребятами на юг. Но он ни о чем не жалеет. Ему многое стало ясно. Невероятно даже, как много он смог понять за какие-то несколько недель. Он и не знал в мае шестьдесят восьмого, до какой степени он был прав, желая, чтобы все стало по-другому. Правда, он не знал тогда, что для этого мало баррикад в Латинском квартале. Не изменишь общества, сдирая мостовую, словно его кожу. Подлецы научились принимать удары. Не эти несчастные ослы из полиции, а другие, те, которые, как гангрена, разлагают все живые ткани организма. Мировая война, пять лет планета в огне и в крови, тридцать или сорок миллионов убитых, но как они ловко вывернулись, чтобы склеить куски, подлатать машину, засунуть Сирио снова в гараж и построить дом для Рихтера из стекла и бетона, еще более роскошный, чем тот, какой был у него раньше. Вплоть до Рюди, подобранного французскими спецслужбами после его «работы» в гестапо. Или в абвере? Какая разница? Комиссар был прав: червоточина разъедает все. И надо все выскоблить. Но это будет нелегко. Ничего не достигнешь, если ограничишься тем, что будешь считать себя непричастным ко злу и поигрывать на гитаре, как эти юные бородачи-наркоманы, которые размалевывают тротуары в надежде извлечь пару монеток из кармана комиссара или Пуарье, а то и самого Рихтера. Ничего не добьешься, сколачивая банды дебоширов и крикунов, заканчивающих обычно свои гастроли по городу в крепких руках жандармов. Нет, нужно быть целой армией. Армия, она медлительна, она тяжеловесна, она заставляет тебя идти шагом в ногу с другими, она иногда топчется на месте, не все ее генералы — блестящие полководцы, но это — армия. Бывают солдаты, которым трудности оказываются не под силу, — вроде того, на пожелтевшей фотографии, — но разве это так уж важно в конечном счете, если есть армия и она продолжает идти вперед, несмотря ни на что? Он присоединится к этой армии, приведенный в ее ряды странными и невольными вербовщиками, с которыми он встречался весь этот месяц. Комиссар, Пуарье, Рихтер, Рюди. И даже Сирио, которого в мрачные годы звали Солнцем и который с покорной почтительностью снова стал гнуть спину, потому что политика — это не его ума дело.

— Браво, старик, вы нанесли удар, делающий вам честь!

Улыбка вымученная, несмотря на энергичные потирания черепа. Рюди, который, значит, следовал за ним от Монпарнаса до улицы Лекурб. Чего ему еще надо?

— Если бы не мое случайное сотрудничество с некоторыми господами, вам удалось бы вывести меня из игры и продолжать поиски одному. Но не стройте иллюзий, дело бы накрылось для вас тоже. Прежде чем меня отправили бы на галеру, я бы устроил хорошенький пожар.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я бы все рассказал, и вам бы не удалось прикарманить эти тридцать тысяч.

— Вы все еще о них думаете?

— Больше чем когда бы то ни было. Вот уже двадцать пять лет как я о них думаю и, поймите, я уже не могу отказаться от такого лакомого кусочка. Кстати, один вопрос: вы обещали комиссару долю?

Форменный псих. Он мог отделаться от него, дав ему пинка под зад, но они уже дошли до его двери, и, может быть, следует воспользоваться этим, чтобы получить ответ на вопрос, который он задает себе с Гамбурга.

— Комиссару Шалэ? Вы бредите? Долю чего?

— Не будем играть в кто кого перехитрит. Вы умны, но и я не идиот. Я попал пальцем в небо, считая, что ваш отец успел куда-то переправить денежки, но не пытайтесь меня убедить, что вы на этом успокоитесь.

— А что я, по-вашему, должен делать?

— Разыскать тридцать тысяч фунтов. Должны же они где-ни-

будь быть, эти проклятые банкноты. Раз Боб никому их не передал в «Ля Куполь» и раз их у него не было с собой, когда он выходил из ресторана, значит он приехал в Париж уже без этих денег. Я думаю, что он не захотел рисковать и тащить их в поезде, где в любой момент могла быть проверка багажа, и он, наверно, зарыл их где-нибудь после своего приземления, решив, что укажет место кому-нибудь из группы «Марс».

— Не думаете ли вы, что я стану перерывать лопатой все поля Франции, чтобы найти пачку гнилой бумаги?

— Не смешите меня, у меня больной желудок. Вы, разумеется, знаете, что в Лондоне сохранились архивы. Нетрудно точно установить место, где был выброшен Боб в ночь с семнадцатого на восемнадцатое февраля. Невозможно мне отправиться в Англию по такому делу, но ничто не препятствует вам этим заняться. Как только мы получим координаты, достаточно прибыть на место и расспросить местных жителей. Очень редко бывает, чтобы кто-нибудь что-нибудь не заметил, даже если дело было зимней ночью. Держу пари, мы очень быстро узнаем, в каком секторе приземлилась наша птичка.

Ему дико хотелось расхохотаться. Стивенсон, «Остров сокровищ», пергаментные карты с нарисованными черепами, ройте на месте скрещенных теней двух пальм возле остроконечного утеса. Если бы ему предсказали что-нибудь подобное, когда ему было десять лет, он бы обезумел от радости.

— Послушайте, я здесь живу, поднимемся ко мне, нам будет удобнее вести наш разговор.

— С величайшим удовольствием, старик! Я вижу, что вы становитесь разумным. Но не думайте, что я на вас злюсь, совсем нет, на вашем месте я вел бы себя, вероятно, так же. Зачем делить, если тебя никто не заставляет? Но с этим покончено? Да? Мы идем локоть к локтю?

— Локоть к локтю... Но, кстати, Боб мог передать свои фунты людям, которые ожидали его на месте высадки?

Рюди замер на ступеньке лестницы, лицо у него побелело, глаза уставились в одну точку.

— Нет, — наконец пробормотал он, — они должны были его выбросить blind[1], без встречающего пикета. В сорок четвертом было известно, что иногда наши агенты просачивались в группы Сопротивления, и поэтому предпочтение отдавалось прыжкам blind, чтобы парашютисты не попадали в руки наших людей сразу на месте приземления.

Логический бред маньяка. Он думал о своем сокровище слишком долго, чтобы позволить себе усомниться в его существовании. До самой смерти он будет изобретать все новые и новые доводы, поддерживающие в нем эту веру.

— Входите, прошу вас.

— Кто это?

— Моя мать.

Дверь в кухню была полуоткрыта, и сквозь нее можно было видеть женщину, стиравшую белье в раковине под краном.

— Но вы же сказали, что она умерла?

Прыжок Рюди назад был столь неожидан, что даже не было времени как следует изумиться. Он едва успел сгрести его в охапку и швырнуть в комнату. Потом он захлопнул дверь и запер ее на засов.

Он никогда не задавал себе вопроса, была ли его мать красивой, до того как жизнь наложила на нее маску, ставшую ее лицом, и он не знал, что ненависть может породить красоту. Прекрасная и внушающая ужас в своем порыве ненависти, она надвигалась на них с высоко поднятой головой, с прищуренными глазами, руки по локоть в перчатках из мыльной пены. Она остановилась перед Рюди и сказала приглушенным голосом, почти шепотом:

— Это он приходил сюда утром восемнадцатого февраля за твоим отцом, и это он заставил меня сказать, куда ушел отец.

— Он тебя бил?

— Он до меня не дотронулся. Он вынул револьвер и приставил его дуло ко лбу Шарля, который спал, и он пригрозил мне, что убьет его на моих глазах, если я не скажу. Я знала все встречи, на которые должен был отправиться отец, он не имел права ничего записывать и был так утомлен, что ему изменяла память. Я сказала, что он завтракает в «Ля Куполь». Твой отец заставил меня поклясться, что я не произнесу ни слова даже под пыткой, но мы не подумали о Шарле. Я уверена, что он поддался им, потому что я поддалась первой. Мы никогда об этом не говорили, но я знаю, что он сам дал себя убить, чтобы не думать о моем и своем позоре.

Самым поразительным — после стольких криков, сцен и драм — было ее абсолютное спокойствие, то, как она владела собой и своим голосом. Она сделала еще несколько шагов, и Рюди пятился, отступая, пока не оказался притиснутым к стене — глаза вытаращены, как у ночной птицы, застигнутой рассветом, — прижат к перегородке, как те чучела сов, которых он видел в деревне на дверях овинов. Тогда она подняла обе руки, зажала пальцами щеки мужчины и жестом, которым рвут старую тряпку, врезала в серую кожу десять глубоких борозд: кровь причудливо смешалась с хлопьями пены. Рюди даже не пытался защищаться, но когда он увидел, как ногти поднимаются к его глазам, он заорал во все горло:

— Остановитесь! Выслушайте меня! Вы не знаете правды!

Она опустила руки, и они повисли вдоль туловища.

— Он ничего не сказал. Накануне ареста он заплатил за квартиру, которая им служила центральной явкой, и машинально сунул в карман квитанцию, вместо того чтобы ее выбросить. Ему нельзя поставить это в вину, поймите, это был совершенно измотанный человек. Я нашел квитанцию с адресом, когда обыскивал его на авеню Анри-Мартен.

Теперь наступил черед его матери отшатнуться с лицом, окаменевшим от недоумения.

— Я вам не верю. Мой отец не подставлял бы себя нарочно под пули в Эльзасе, чтобы искупить всего лишь опрометчивый поступок.

— Но он не знал, что была найдена квитанция. Никто этого не знал. Было выгоднее заставить людей из «Марса» поверить в предательство, чтобы их деморализовать. И разумеется, вашему отцу тоже ничего не говорили о квитанции, потому что в тюрьме он мог общаться с другими заключенными. Вероятно, в

[1] Blind — вслепую *(англ.)*.

конце концов ему бы сказали, но так как он бежал...

— У него было время в тюрьме подумать о квитанции.

— Я повторяю вам, это был совершенно измотанный человек. Едва его привезли на авеню Анри-Мартен, как он тут же уснул на стуле. Даже после побега он не смог ничего вспомнить.

Твердая уверенность в том, что ты никого не предал, и невозможность доказать это вдовам расстрелянных, товарищам, которые вернутся из лагерей. Дилемма нашла свое решение на эльзасском шоссе.

— Почему Рихтер мне ничего не сказал?

— Может быть, он забыл. А может быть, он побоялся, не обвините ли вы его в том, что он убил вашего отца своим молчанием.

— А почему вы лгали мне в Гамбурге?

— Я хотел, чтобы вы помогли найти тридцать тысяч фунтов. Мне казалось, что будет проще подбить вас на это, если вы будете считать себя сыном предателя.

Они обменялись с матерью долгим взглядом, потом он сказал таким же спокойным голосом, какой был у нее:

— Убирайтесь прочь.

Он открыл засов и, когда Рюди прошел мимо, ногою сильно пнул его к лестнице. В шум от катившегося вниз по ступенькам тела несколько раз врывался приглушенный крик, потом наступила тишина, потом, как в комических фильмах, завершающая точка — хлопнувшая входная дверь.

Затем он подошел и взял в руки фотографию, стоявшую на камине. Его отец, такой молодой, что казался старшим братом. Луна, усталый солдат, у которого упрямо смыкались ресницы, но на целый месяц он очнулся от своего долгого сна, чтобы вывести сына на ту дорогу, где его самого настигла смерть, но по которой сын должен идти дальше. Он спрятал фотографии и ордена в ящик комода. Он видел в зеркале, что мать смотрела, как он это делает, и он знал, что она с ним согласна.

— Я выйду, — сказал он наконец.

Ему необходимо было движение. Он не остановится теперь после уже сделанных им шагов.

Перевел с французского
Н. РАЗГОВОРОВ

РОБЕРТ ТРОНСОН,
английский писатель

БУДНИ КОНТРРАЗВЕДЧИКА

Роман

«...Сейчас для нашей контрразведки самое главное — не превратиться в посмешище для ЦРУ».
Сэр Генри Спрингбэк
(Из речи на заседании Объединенного совета контрразведки по случаю вступления в должность первого начальника британской службы внутренней безопасности. 1964 г.)

1. Плотайной ход

Хаббард-Джонс спрыгнул с автобуса и нырнул в ближайший подъезд. Он украдкой огляделся по сторонам, посмотрел вперед, назад. Через минуту огляделся снова, на сей раз внимательно и не торопясь. Вдруг следом за ним подкатят какие-нибудь широколицые славяне в черной машине с дипломатическим номером или подъедет в такси элегантная черноволосая красотка, иностранная контрразведчица... Но ничего похожего он не увидел.

Значит, все в порядке: слежки за ним нет. Снова разочарование — никакого интереса к его персоне с *их* стороны. Он пожал плечами и двинулся через дорогу.

На противоположном тротуаре он остановился полюбоваться собой у витрины табачной лавки и остался много доволен тем, что увидел. Приподнятое настроение, в котором он покинул заседание Объединенного совета контрразведки, вернулось к нему.

— Хаббард-Джонс, — обратился он к своему отражению в стекле. — Хаббард-Джонс, приятель, ты, верно, что-то затеял.

— Доброе утро, сэр.

В стекле рядом с ним возникла высокая тощая фигура. Хаббард-Джонс пришел в неописуемую ярость, и хорошее настроение мигом улетучилось. Однако он даже не повернул головы и лишь процедил, как чревовещатель, сквозь зубы:

— За каким чертом вас сюда принесло, Джонсон?

— Я иду обедать, сэр. У меня сейчас перерыв...

— Сколько раз я вам говорил, — накинулся на провинившегося Хаббард-Джонс, позабыв о конспирации. — Сколько раз! И вам, и всем остальным: встретили меня на улице — сделайте вид, будто не знаете. А если я черт побери, веду слежку за опасным агентом? И вообще! Вы нас провалите, Джонсон! — вопил он. — Нас всех поубивают из-за вас...

Тут он смолк, заметив, что вокруг в ожидании драки собралась небольшая толпа.

Окинув зевак гневным взглядом, Хаббард-Джонс круто повернулся и зашагал прочь.

Он пересек еще одну улицу и оказался в узком переулке под названием Пикок-Лейн. Там, между конторой строительного подрядчика и довольно сомнительным заведением, где перекрашивали автомобили, помещался его отдел. Хаббард-Джонса трясло от негодования.

— Я из этого Джонсона кишки выпущу! — гремел он на весь переулок, пиная ржавые мусорные контейнеры у входа в дом под вывеской «Акционерное общество Футлус. Производство документальных, видовых и короткометражных фильмов». — И вообще, мне положена шикарная контора на Майфер[1], а не такая дыра, — добавил он поспокойнее, прыгая на одной ноге и потирая другую: он больно ушиб ее о зловредный контейнер.

У Хаббард-Джонса настроение всегда менялось неожиданно и резко, в этом он походил на английскую погоду. Сейчас его терзала обида на несправедливость.

Войдя в контору, Хаббард-Джонс остановился у стеклянной двери с надписью «Постановочная

[1] Аристократический район Лондона.

часть» и злобно воззрился на пятерых сотрудников, которые лениво перебирали за столами бумажки.

— Забываете о конспирации! Распустились! — завопил на них Хаббард-Джонс.

Сотрудники подняли на него равнодушные глаза. Такие вспышки были им не в новинку, и они уже не принимали их всерьез. Хаббард-Джонс повернулся на каблуках и, громко топая, стал подниматься по лестнице. На полпути он остановился, подумал и дальше двинулся на цыпочках. На верхней площадке он неслышно подкрался к двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен» и постоял минуту, прислушиваясь.

— В-девять, — услышал он. — В-девять. А-пять. А-семь...

Звучит неплохо, серьезная шифровальная работа, как и полагается на секретной службе. Хаббард-Джонс самодовольно усмехнулся.

За дверью в неприбранной комнате царил покой. Придурковатый шотландец Джок Мак-Ниш, положив ноги на стол, разглядывал картинки в порнографическом журнале и самозабвенно жевал резинку. Молодой человек и девушка играли в морской бой.

— ...и А-восемь, там, наверно, что-то есть.

— Ничего, — объявила девушка. — У меня Г-три, ваш крейсер пошел ко дну, мистер Бейтс...

Дверь распахнулась, и на пороге возник жирный, пучеглазый Хаббард-Джонс. Сотрудники на миг оцепенели, потом с виноватыми лицами кинулись к своим бумагам. Хаббард-Джонс не произнес ни слова. Он лишь окинул всех скорбным взглядом и в горестном молчании проследовал в свой кабинет, или, как он его называл, «святилище».

— Вот это влипли! Подловил он нас все-таки, — проговорил, наконец, Рональд Бейтс.

— Ерунда, просто он не в духе. Видно, ему влетело на этом дурацком совещании за то, что много о себе понимает. И поделом ему, воображале, — сказала девушка, повернулась к своей машинке и с силой застучала по клавишам, словно вымещая раздражение на своего шефа.

— Неловко как-то получилось. Он приходит, а мы тут бездельничаем, играем в морской бой, конечно, ему неприятно, — сокрушался Рональд. Он слегка кривил душой — особой неловкости он не испытывал, а просто считал, что добросовестный человек должен на его месте устыдиться такого поведения.

— Заткнись, Рон, — злобно оборвал его Мак-Ниш.

Рональд вспыхнул, но заткнулся. Это был обыкновенный молодой человек, совсем неприметный, и лишь что-то простодушное и открытое в его лице отличало его от других.

Дверь «святилища» отворилась.

— Скромница! Идите сюда, быстро, — скомандовал Хаббард-Джонс.

— И когда он перестанет называть меня Скромницей, — вздохнула девушка, вставая и поправляя белокурые волосы. — У меня есть имя — Джина, Джина Кафф.

Хаббард-Джонс перекрестил ее в Скромницу в честь своей любимой литературной героини — персонажа из серии приключений в картинках, которая публиковалась в «Ивнинг стандард».

Скромница остановилась на пороге кабинета, обернулась и с мольбой взглянула на Рональда — пусть хоть он поймет, как тяжело ей приходится. Рональд смущенно опустил глаза, а Джина вздохнула еще раз и исчезла в кабинете, с такой силой захлопнув за собою дверь, что на полках забренчали пустые коробки от кинопленки, загрохотали ящики с наклейками «Сценарии», «Последовательность кадров» и тому подобное. «Акционерное общество Футлус» служило всего лишь вывеской для одного из отделов службы национальной безопасности, но правила конспирации здесь блюлись свято.

Хаббард-Джонс гордился своей должностью. Он надувался спесью от сознания собственной значительности, хотя отдел его был не из особо важных, и работа там была лишена всякой романтики. «Отделу наблюдения за иностранными гражданами» вменялось в обязанность совместно с иммиграционными властями и Особым управлением Скотланд-Ярда [1] вести повседневную слежку за подозрительными иностранцами, обосновавшимися в Соединенном Королевстве. До того как заведующим назначили Хаббард-Джонса, на этом посту много лет находился отставной армейский майор, служака, начисто лишенный воображения. Единственным его вкладом в дело была подробнейшая картотека ресторанов и кафе с восточной кухней. Майор считал, что быстрый рост числа подобных заведений в Великобритании свидетельствует о наличии опасного заговора со стороны восточных государств.

Отдел не располагал особыми возможностями. На его счету не имелось ни одного пойманного шпиона, и роль он играл весьма незначительную, а вернее — он был попросту не нужен. Но теперь его шеф вознамерился все это изменить, по крайней мере так он всем говорил...

«Пока что никаких изменений не видно», — грустно размышлял Рональд. Несмотря на туманные разглагольствования шефа о великом будущем, в отделе царила все та же будничная рутина. Время от времени Хаббард-Джонс пытался оживить работу несогласованными с начальством безумными тратами. Крупные суммы из скудных ассигнований (которые, кстати говоря, сокращались из года в год) выбрасывались вдруг на:

а) сомнительные мероприятия: «Бейтс, всем сотрудникам нужно пройти специальную тренировку. Ходят слухи, что начальство УВБ [2] собирается переформировать отдел в десантный отряд по борьбе со шпионажем»;

б) опасные мероприятия: «Да, вот еще что, Бейтс. Я взял нового сотрудника, Мак-Ниша. Официально его оформить нельзя, поэтому платить я ему буду из наличного фонда. Он туповат, но нам понадобятся крепкие ребята, если придется, — тут он перешел на невнятный шепот, — убивать, когда наступит время...»;

в) личные цели: «Хватит ворчать, Бейтс. Без вас знаю, что девчонка печатает плохо, но, черт побери, глава отдела имеет право выдавать денежные премии по своему усмотрению».

Рональда глубоко тревожили эти нелепые выходки. Он с пуританской бережливостью относился к деньгам налогоплательщиков. В особенное уныние его поверг последний неоправданный расход шефа — Хаббард-Джонс не только выбросил на ветер неслыханную сумму государственных денег, но и лишил своих сотрудников единственного прибежища, превратив уютную уборную в коварную западню.

Почти всю уборную теперь загромоздила старинная газовая колонка, настоящее страшилище. Казалось, будто она наглухо привинчена к стене, на самом же деле она стояла незакрепленная на полу и могла в любую минуту рухнуть на ноги незадачливому посетителю. Это гяжеловесное сооружение из труб, баков и кранов, памятник какому-то давно умершему хитроумному водопроводчику, скрывало за собой секретную дверь в потайной

---

[1] Британская уголовная полиция.

[2] Управление внутренней безопасности.

ход — очередная глупость Хаббард-Джонса, которая влетела в немалую копеечку.

— Нам нужен запасной выход, — повторял он несколько месяцев подряд. — Да нет же, Бейтс! Какой еще пожар, дурак вы набитый! Это на случай, — здесь он понижал голос до выразительного шепота, — на случай, если *они* нападут на нас с парадного хода.

Навязчивая идея об *их* (кто бы они ни были) нападении все чаще и чаще приходила в голову Хаббард-Джонсу. И когда получили очередную квартальную субсидию, он без зазрения совести истратил ее на аренду заброшенного гаража на пустыре позади конторы... И теперь (если допустить, что нашелся бы подобный смельчак) можно было через дыру за колонкой головой вниз соскользнуть между двумя стенами в набитый старыми покрышками стенной шкаф гаража.

«Но кто полезет туда по своей охоте?» — размышлял Рональд, стараясь не задеть злобную колонку. И в сотый раз спрашивал себя: «Что я делаю? Зачем я здесь? И что будет дальше?» И в сотый раз был вынужден признать, что не может ответить ни на один из этих вопросов.

В огромной картотеке Управления внутренней безопасности на одной маленькой карточке поместилась вся официальная биография Рональда. Там было сказано:

Бейтс Р. (образов. — средняя школа). Место прохожд. воен. службы — Кент. Перев. в разведывательный корпус. Имеет офицерское звание. По оконч. службы завербован в систему безопасности. Назначен зам. зав. отделом наблюд. за иностр. гражд. Дополнение: оч. добросовестен; отлично составляет документацию.

Рональд немало бы огорчился, доведись ему прочесть это бесстрастное жизнеописание. В нем не было ни слова о тяжелом детстве, которое он теперь винил во всех своих недостатках и слабостях. (Правда, там не упомянули также и причины, по которой Рональда перевели на секретную службу — а именно: того, что он показал себя никуда не годным солдатом). Но разве могла официальная бумажка передать, каким разочарованием оказалась для Рональда служба в контрразведке? Солдатом он частенько мечтал о заманчивой стороне этой профессии — белых смокингах, бесшумных пистолетах и пышногрудых брюнетках. Реальность оказалась куда прозаичнее: томительные месяцы в продутых сквозняком коридорах службы внутренней безопасности и ускользающая призрачная мечта о романтическом задании, которое можно доверить только ему. Его не направили в блистательный МИ-5[1] или куда-нибудь в этом роде — нет, его ждал отдел Хаббард-Джонса. И Хаббард-Джонс преподнес ему самую горькую пилюлю (этого тоже не было в карточке), когда объяснил, почему он выбрал себе в помощники именно Рональда.

— А, Бейтс, рад видеть вас в числе своих сотрудников, — встретил он его. — Теперь слушайте: главная наша задача — это обскакать все другие отделы контрразведки.

Рональд тупо уставился на своего нового шефа, пораженный его необычайным уродством.

— Вот единственная причина, — безжалостно сообщил Хаббард-Джонс, — по которой я просил назначить вас сюда. Вы столько времени болтались в Управлении — у вас там должны быть полезные связи. Так вот, держитесь за них. Я не постою за расходами, чтобы получать информацию о других отделах безопасности и обскакать их. Ясно?

Сокрушительный удар? Но худшее было впереди...

Патриота Рональда привела в ужас легкость, с какой он сумел выполнить недостойное требование шефа. Пока Рональд набирался храбрости, чтобы обратиться к кому-нибудь из знакомых сотрудников Управления внутренней безопасности, один из них сам предложил ему свои услуги. В последующие несколько месяцев почти весь фонд отдела на «непредвиденные расходы» перешел в карман этого информатора, а картотека о соперниках Хаббард-Джонса необычайно разрослась.

Рональду не понадобилось много времени, чтобы понять, как мешают в избранной им карьере энтузиазм, преданность, трудолюбие и другие свойственные ему черты. И сейчас он угрюмо размышлял об этом, подпирая спиной газовую колонку в уборной. В дверь забарабанили.

— Ты здесь, Рон? Он тебя зовет, — пробасил голос с сильным шотландским акцентом.

Минута покоя истекла, Рональд тяжело вздохнул и вышел.

Хаббард-Джонс, казалось, был теперь в отличном расположении духа. Он сидел у Рональда на столе, хлопая себя линейкой по толстой ляжке. В «святилище» у открытой двери Скромница застегивала блузку.

— Живей, живей, живей! — орал Хаббард-Джонс. — Хватит ковырять в носу, Бейтс! Вы — контрразведчик. Нечего ворон считать.

Он игриво хлопнул Рональда линейкой по ноге.

Рональд тоскливо подумал, что выглядит как наивный мальчуган.

— Как прошло заседание, сэр? — спросил он вежливо, вспомнив, что шеф только что вернулся из Управления.

— Очень, очень интересно. Об этом я и собираюсь с вами поговорить. Кто-то что-то затевает... Мак-Ниш, убирайтесь, и вы, Скромница!

Мак-Ниш и Скромница нехотя вышли, а он продолжал:

— Видите ли, до начала совещания я постоял у сэра Генри Спрингбэка под дверью, я хотел... То есть, собственно, я приехал в Управление рано. И разыскивал столовую, хотел выпить чашку кофе. Ну, вы сами знаете, Бейтс, это здание — настоящий лабиринт.

Рональд уныло кивнул. Его невыразимо угнетала привычка шефа бесстыдно подслушивать под дверьми.

— Останавливаюсь я, значит, случайно в этом коридоре, хотел спросить у кого-нибудь, как оттуда выбраться — оказалось, что я рядом с кабинетом сэра Генри... Этот старый дурак кудахтал, как истеричная наседка, и все было слышно: «Не могу, не могу — это же государственная измена», потом слышу, еще кто-то (я не разобрал кто, он говорил чертовски тихо) отвечает... Знаете, что он сказал?

Рональд кротко покачал головой.

— Он сказал: «Ваше единственное спасение — никому об этом ни слова. *Даже не упоминайте об этом курьере. Если вы проболтаетесь на заседании, все набросятся на вас*». Вот так. Каково, Бейтс?

Рональд помолчал минуту и спросил:

— А что было потом?

— Чья-то идиотка секретарша вышла из соседнего кабинета, и мне пришлось спрятаться в шкафу со щетками и ведрами. Но они что-то затевают, это точно. Сэр Генри все заседание подпрыгивал и разевал рот, как издыхающая рыба, — и *никто ни словом* не обмолвился о курьере.

— Но...

— Бейтс, глава службы внутренней безопасности утаил информацию особой важности о вражеском шпионаже! Намеренно утаил от всего Объеди-

[1] «Милитари Интеллидженс-5» — британская контрразведка.

ненного совета контрразведки! И все, что вы, черт вас побери, можете сказать — это «но»!

— Но...

— К черту, Бейтс, я вам сейчас сверну вашу дурацкую шею! — Хаббард-Джонс в ярости стукнул по столу кулаком.

Воцарилась долгая и напряженная тишина. Рональд ждал затаив дыхание. Но, как ни странно, Хаббард-Джонс вдруг совершенно спокойно сказал:

— Слушайте внимательно, Бейтс, как раз такой возможности я и дожидался. Мне надо подсидеть старого Генри, значит, нужно разузнать, что именно он утаил... Итак, беритесь за это дело, дружище!

На Рональда надвигалось багровое лягушачье лицо с выпученными глазами.

— Бейтс, это приказ!

Совесть подсказывала Рональду, что нужно возмутиться. Но он свято верил в дисциплину, и неповиновение было для него столь же омерзительно, как джин для трезвенника. А кроме того, он попросту боялся своего шефа, когда тот входил в раж. Он с тяжелым сердцем снял трубку и набрал номер Управления внутренней безопасности.

— Не поиграть ли нам завтра после работы в гольф? — спросил он, когда его соединили.

Он говорил неестественно веселым голосом, хотя лицо у него было виноватое — и немудрено, ведь этот бывший бойскаут принимал теперь участие в купле-продаже государственных секретов.

— В гольф? Вообще-то я сейчас очень занят садом. У меня куча дел — надо пересадить пятьдесят кустов, — услышал Рональд в ответ.

— Да бросьте, вы проведете время в двадцать раз приятнее. Встретимся завтра, а?

Код был несложен. «Гольф» означал СЕМУВБ, «Сводку ежедневных мероприятий Управления внутренней безопасности», особую книгу с подробным отчетом о каждом действии в системе британской контрразведки, «пятьдесят кустов» — цену в фунтах за то, чтобы эту книгу просмотреть. Бодрое встречное предложение Рональда — двадцать фунтов было с презрением отвергнуто, собеседники долго торговались, хитроумно подбирая фразы, и, наконец, сошлись на сорока пяти фунтах.

— Ну как? — осведомился Хаббард-Джонс, когда Рональд в изнеможении положил трубку.

— Я получу ее завтра вечером, значит, в субботу и воскресенье я смогу над ней поработать.

— Ладно, — сказал Хаббард-Джонс, даже не поблагодарив подчиненного за подобную самоотверженность.

Рональд задумался — единственное утешение было в том, что, заключая столь позорную сделку, он все-таки сумел сберечь пять фунтов государственных денег.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ

Антони де Вир Бакстер Лавлейс, член клубов Уайта, Брукса и Будла[1], дважды упомянутый в журнале «Закройщик и портной» в числе десяти самых элегантных мужчин Великобритании, отложил «Файнэншл таймс» и собрался идти обедать. Щегольская внешность этого невысокого, стройного человека странно не вязалась с обстановкой в запущенном здании на Уайтхолле[2], где под вывеской одного из отделов министерства сельского и рыбного хозяйства скрывалось Управление внутренней безопасности. Лавлейсу было тридцать два года, он двигался изящно, как женщина, отличался аристократической внешностью, вкрадчивыми манерами и непомерным самодовольством.

В длинном коридоре, куда выходила дверь его кабинета, не было ни души, только вдалеке у лифта виднелась изможденная фигура, слегка напоминавшая одну из злых карикатур на Невиля Чемберлена[3] в дни Мюнхена. Это был сэр Генри Спрингбэк. Бедняга сэр Генри! Шесть лет службы в системе британской безопасности превратили его из способного и дельного администратора в жалкого и беспомощного неврастеника.

Прошел всего лишь год, как Бакстера Лавлейса назначили на пост Главного офицера связи объединенной контрразведки, пост, созданный со специальной целью — глава службы внутренней безопасности явно терял способность здраво мыслить и нуждался в прочной опоре. Сейчас, подкрадываясь к понурому сэру Генри, Лавлейс испытывал законную гордость. Многие отделы контрразведки похвалялись тем, что они довели сэра Генри до нервного тика, агентство «Б» ставило себе в заслугу, что у их шефа постоянно трясутся руки. Но Бакстер Лавлейс превзошел их всех. По его вине сэр Генри страдал тяжелой нервной экземой. Она покрывала коростой его бледное и унылое лицо.

— Ой! — взвизгнул сэр Генри, когда ему на плечо опустилась затянутая в безукоризненную перчатку рука. Он испуганно отпрянул назад и, безмолвно открывая и закрывая рот, в ужасе воззрился на своего первого заместителя.

— Что у вас за привычка, Лавлейс, подкрадываться сзади! — вымолвил он наконец.

— Нечистая совесть?

Сэр Генри тихо застонал.

— Зачем вы меня на это толкнули? Это — сокрытие информации, должностное преступление...

— Я вас ни на что не толкал. Вы занимаете ответственный пост, от вас ждут самостоятельных решений.

— Но если узнает министр внутренних дел или эти ужасные типы из отдела борьбы со шпионажем...

Перед ними остановился лифт, и сэр Генри Фаулер Спрингбэк, королевский советник, кавалер ордена Британской империи, вошел в кабину, сопровождаемый своим злокозненным заместителем. В лифте уже находился один пассажир — маленький старичок с добрым лицом. При виде сэра Генри его слезящиеся глазки засияли собачьей преданностью.

— А, это вы, Кроум. — Сэр Генри заметно повеселел. — Лавлейс, вы ведь знаете Кроума?

— Конечно. Кто же его не знает?

Действительно, весь штат Управления внутренней безопасности знал и любил старика Кроума, старшего клерка центрального сектора документации. Он бродил по всему зданию, шаркая ногами и благодушно улыбаясь, и где бы ни появился этот согбенный, тощий старичок в поношенном черном костюме, пахнущем чернилами, и сверкающих белизной воротничке и манжетах, везде ему были рады.

---

[1] Лондонские фешенебельные клубы.

[2] Улица в Лондоне, где расположены правительственные учреждения.

[3] Английский премьер-министр, участвовавший в подписании мюнхенского соглашения с Гитлером (1938 г.).

— Это чиновник старой школы, — говорили о нем. — Теперь таких не бывает.

Сэр Генри обожал Кроума.

— Как вы себя чувствуете, Кроум? — заботливо спросил он.

— В моем возрасте жаловаться не приходится, сэр. Подумываю об уходе на пенсию. Уже недолго осталось... Что с вами, сэр? — обеспокоился старик, увидев, что сэр Генри переменился в лице.

Откуда было Кроуму знать, что за последнее время сэра Генри терзали странные суеверия — он выдумывал свои собственные приметы. Если он замечал на улице монахиню или беременную женщину, то сидел, скрестив указательный и средний пальцы, пока машина не минует три светофора. Вид катафалка на много дней погружал его в уныние. Но старик Кроум был для него связан с самой опасной приметой. Сэр Генри убедил себя, что умрет в тот день, когда старик Кроум уйдет на пенсию.

— Что с вами, сэр? — повторил Кроум.

Лифт остановился, и двери растворились.

— А? Что? Ничего, ничего, благодарю вас, Кроум, — горестно ответил сэр Генри.

Бакстер Лавлейс, радуясь, что лицо у его шефа дергается сильнее обычного, пошел через вестибюль к выходу. Старик Кроум сочувственно покудахтал и тоже покинул лифт, но сэр Генри словно застыл на месте.

По пятницам старик Кроум всегда задерживался на службе — в нем жил природный ужас перед незаконченными делами, которые могли остаться на следующую неделю. Начальство всячески поощряло его рвение.

— Кроуму цены нет, — говорили они. — Что бы мы без него делали?

И не один сэр Генри страшился того часа, когда старик выразит желание уйти на пенсию.

В эту пятницу Кроум завершил свою добровольную сверхурочную деятельность сравнительно рано. В 6.15 он взял котелок, зонтик и портфель, собрал ворох секретных бумаг, которые надлежало сдать в особый сейф, и на лифте спустился в подвал.

Несколько лет назад весь подвал был перестроен, и теперь, выйдя из лифта, вы попадали из помпезного интерьера конца прошлого века в обстановку, представляющую собой нечто среднее между декорацией к научно-фантастической пьесе и вокзалом в стиле модерн.

Кроум пошел по длинному коридору, миновал объявление «Только с пропусками класса «А» и остановился перед массивной стальной дверью. На ней было второе объявление, еще более грозное: «Внимание! Охрана имеет приказ стрелять в каждого, кто пытается проникнуть в данное помещение без пропуска».

У Кроума зажужжало над головой — он попал в зону телевизионного контроля. Затем стальная дверь в десять дюймов толщиной бесшумно отворилась, обнаружив замки, которые сделали бы честь Форту Нокс [1].

— Привет, мистер Кроум, вы сегодня пораньше, чем обычно, — сказал вооруженный автоматом охранник в черной форме, возникший по ту сторону двери.

Он провел старика Кроума во второй лифт — зловещую ультрасовременную коробку из бронированной стали, отливающей змеиным блеском.

Через мгновение Кроум очутился в просторном бетонном зале. Здесь двое охранников дежурили в будке из пуленепробиваемого стекла. Кроум пересек барьер с рентгеновской установкой — она проверяла, нет ли у входящего оружия, — затем попал под лучи аппарата с чувствительным элементом, реагирующим на фотопленку в любой, даже микроскопической фотокамере, и остановился перед будкой.

— Привет, мистер Кроум, все работаете?

— Что поделаешь, мистер Ледбеттер. Гм... я, значит, хотел бы... — Кроум заглянул в свои бумаги: — Мне нужны Альфа Ноль Три, Гамма Две Единицы и Омега.

Старший охранник повторял кодовые группы, а второй вручал Кроуму соответствующие ключи. Затем они повернули в будке тяжелое колесо, и открылась еще одна стальная дверь — в противоположном конце зала. Дверь вела в хранилище, где под железобетонными, устойчивыми против ядерной радиации сводами в сорок футов толщиной хранились в сейфах самые секретные тайны державы.

— Почему это он проходит не как все? Пропуск не показывает, в книге не расписывается, и вообще? — спросил второй охранник, когда согбенная спина Кроума исчезла за дверью. Охранник был новичок и еще не знал всех особенностей службы внутренней безопасности.

— Вот что, парень, — строго заметил ему старший, — старик Кроум здесь на особом положении. Для него, можно сказать, свои законы.

— Но ведь у него пропуск класса «В». Как же он проходит?

— Класс «В» или не класс «В», ты запомни: Кроум надежнее многих, кто ходит сюда по праву, — с жаром заявил начальник охраны. И уже спокойнее добавил: — Да и как его не пустишь, если он один из всего Управления знает, где что находится.

В хранилище между тем Кроум уже засунул в свой портфель толстый фолиант, на обложке и на каждой странице которого стоял красный гриф: «Совершенно секретно. Ни при каких обстоятельствах не выносить из хранилища». Кроум запер сейф и двинулся к другому, обозначенному «Омега». Там в отдельных ячейках с особыми шифрами находились катушки магнитофонной ленты, числом более тысячи (на каждого сотрудника Управления внутренней безопасности, начиная с главы Управления и кончая официантом, разносившим по кабинетам чай). Это были записи всех телефонных разговоров с внешним миром.

Кроум раскручивал карандашом пленку в ячейке под своим именем и с законной гордостью патриота думал про себя, что за страну, где так замечательно обстоит дело с внутренней безопасностью, тревожиться нечего.

Он вытянул хвостик пленки с четкой надписью: «четверг, 23 сентября, время 12.53—12.56, звонил Бейтс, предмет разговора — гольф», аккуратно срезал его серебряным перочинным ножом и намотал на ручку зонтика.

Без двух минут семь Кроум был на вокзале Ватерлоо. Он купил вечернюю газету и не спеша спустился по мраморным ступеням в сверкающую белым кафелем уборную. Заплатив четыре пенса, Кроум получил салфетку и одежную щетку. Он снял пальто, повесил его вместе со шляпой, зонтиком и портфелем на вешалку, завернул манжеты и с наслаждением погрузил руки в теплую воду.

Через три умывальника от него другой посетитель поднял голову и стал энергично вытирать лицо. Это был Рональд Бейтс. Кроум украдкой наблюдал за ним в зеркале. Рональд надел пиджак, подошел к вешалке, взял портфель Кроума и, громко топая, побежал вверх по лестнице на перрон. На соседнем крючке он оставил точно такой же портфель, где лежали 45 фунтов стерлингов в мелких засаленных купюрах.

[1] Место, где хранятся золотые запасы США.

3. Избранник судьбы

Хаббард-Джонс с бритвой в руке застыл в волнении перед зеркалом. Лицо у него было наполовину покрыто мыльной пеной, но все-таки оно выглядело этим утром необычно.

— Я избранник судьбы, — звучно обратился он к своему отражению, и ванная откликнулась на эти пророческие слова мелодичным эхом.

Из спальни доносилось приглушенное хныкание и шуршание. Скромница одевалась.

— Убирайся к черту! — крикнул он ей и снова погрузился в мечты об уготованной ему великой судьбе. 9.45. Понедельник, 27 сентября. Он твердо знал — наступил его день.

Его день. Быть может, этому дню суждено стать национальным — нет, всемирным! — праздником. Люди приколют на грудь значки с его портретом, и все усядутся за праздничные столы. «Что вы делаете в день Хаббард-Джонса? Едете куда-нибудь?» — «Нет, мы собираемся провести его дома, в семейном кругу, ведь для нас это священный день».

Хаббард-Джонс сделал над собой усилие и добрился. Уж если этому дню суждено стать днем его величия, нужно начинать его достойно...

Стуча каблуками, Скромница взбежала по деревянной лестнице, и вот она уже в конторе «Акционерного общества Футлус».

— Вы сегодня рано, — заметил Рональд.

В его словах не было и тени сарказма. Четверть двенадцатого — это действительно было рановато для Скромницы. Четких заданий отделу не давали, сотрудников нанимали бог весть по какому принципу, и поэтому рабочий день начинался поздно. Но добросовестный Рональд всегда являлся в девять, а сегодня и того раньше — он встретился в кафе с Кроумом, чтобы снова обменяться портфелями.

— Я приехала на метро, — объяснила девушка, усаживаясь на стол, за которым работал Бейтс, и, помолчав, добавила:

— Он меня все время обижает...

Рональду очень хотелось попросить ее слезть с фотокопий, аккуратно разложенных на столе, — это были снимки с двадцати страниц книги, которую он брал у Кроума, — он слышал, как хрустит плотная бумага, но не мог вымолвить ни слова, чтобы спасти плоды своего труда, он только смотрел на гладкое колено и белое-белое плечо. Скромница наклонилась к нему поближе:

— Знаете, что он сегодня утром болтал?

Рональд, в восхищении от ее красоты, лишь помотал головой.

— Он снова завел свою старую песню: мы диверсионно-десантный отряд, и сегодня особенный день, и все мы этого дня столько времени ждали, а сам он на пороге великих дел.

— Кто знает, может быть, так оно и есть. Поглядите.

Рональд протянул руку за фотокопиями, на которых сидела Скромница, и потащил из-под нее лист бумаги. Девушка вдруг вскочила, сбросив плоды его труда на пол.

— Ах, неужели и вы такой же, как все! — воскликнула она, бросилась в «святилище» и заперлась там на ключ.

Хаббард-Джонс приехал перед самым обеденным перерывом — он все утро отмечал в баре на углу «День Х.-Дж.».

— Сэр, они действительно ведут странную игру, — сказал ему Рональд, как только шеф появился на пороге. — Вот посмотрите. Вы сказали, что сэр Генри упомянул какого-то курьера. И курьер должен был прибыть в лондонский аэропорт накануне этого заседания. И он прибыл. Но его машину по дороге в Форин оффис[1] обстреляли. Курьер был убит, а мешок с диппочтой украден! — Рональд перевел дыхание. — И он не первый, — продолжал Рональд, но шеф бесцеремонно его перебил:

— А что я говорил? Черт возьми, я—гений! Гений! Что я говорил? Утайка. Он это утаил. Даже не упомянул на совещании. Ну, теперь сэр Генри Спрингбэк у меня на вертеле. Я его зажарю! Зажарю!

— Минуточку, сэр, я не закончил. Это не все. Это только начало.

— С меня достаточно!

— Нет, взгляните, сэр, — кодовое название материалов, которые этот курьер вез, — Терпсихора!

Хаббард-Джонс тупо поглядел на Рональда. Он нетвердо держался на ногах.

— Тер-р — как вы сказали?

— Терпсихора, муза танца.

— А-а... Бейтс, вы пьяны.

— Но, послушайте, сэр, — было еще три курьера, их точно так же убили в течение предыдущих двух недель. Вот кодовые названия их материалов. Клио, Талия, Евтерпа... Понимаете?

— Что понимаю? Бейтс, у вас ничего не разберешь.

— Это все имена муз. Понимаете — эти задания все связаны между собой. И их должно быть еще пять — ведь муз было девять...

Но уж этого Хаббард-Джонс снести не мог — он никому не позволит считать его неучем!

— Черт вас побери! Я не хуже вас знаю, сколько было муз. Я тоже учился в школе.

Стараясь держаться с достоинством, он проследовал к двери в свой кабинет, но дверь была заперта.

— Какого черта! — завопил он. — Кто там?

— Пошел вон, — донесся из-за двери голос Скромницы.

— Ну это мы посмотрим. Запомните: мы теперь десантный отряд.

Хаббард-Джонс сделал шаг назад и изо всех сил бросился на упрямую дверь в ту самую минуту, когда Скромница, убоявшись своего непослушания, отперла ее. Хаббард-Джонс с разбегу влетел в кабинет, потерял равновесие, стукнулся головой об угол письменного стола и рухнул замертво.

Рональд и девушка склонились над бесчувственным телом, и в это время в комнате появился Джок Мак-Ниш.

— Что случилось?

Рональд и Скромница объяснили как умели, стараясь не выставлять Хаббард-Джонса в уж очень нелепом свете. Джок примерился и тяжелым башмаком три раза сильно ударил шефа в бок.

— Это тебе за безмозглого шотландца, — прошипел он и пошел прочь. — Запомни, Рон, — добавил

---

[1] Британское министерство иностранных дел.

он, вдруг обернувшись: — Уж если бить, то лучше лежачего.

И исчез за дверью.

Наступили три хлопотливых дня.

Они были полны хлопот для Хаббард-Джонса: долгие часы он сидел в одиночестве у себя в кабинете с забинтованной головой и перевязанной грудью и обдумывал, как наилучшим образом подложить бомбу, которая потрясет Управление внутренней безопасности до железобетонного основания.

Они были полны хлопот для Рональда Бейтса: у него не шла из головы так неожиданно выплывшая тайна «Девяти муз». Он впервые столкнулся с настоящей разведывательной операцией, в которой действовали живые, из плоти и крови шпионы. Он был взволнован и встревожен.

У старика Кроума тоже хлопот был полон рот: человек по натуре справедливый, он не хотел отдавать предпочтение одному какому-то отделу и изрядно потрудился в эти дни, пустив по рукам книгу СЕМУВБ, причем процедура обмена происходила в самых неожиданных местах, включая вагон метро, читальню Общества христианской науки и комнату ужасов в Музее восковых фигур мадам Тюссо.

— Господи! — ужаснулся сэр Генри, открывая дверь своего кабинета и увидев там троих коллег.

Мелкий проступок, совершенный на прошлой неделе, не давал сэру Генри покоя. Ему все время мерещился огромный заголовок в «Таймс»: «ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ СКРЫВАЕТ УТЕЧКУ СЕКРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ».

В помутившемся сознании сэра Генри рождались мысли о всевозможных напастях, его терзали мрачные предчувствия. Он уверил себя, что сегодня решится его судьба. Самолично им составленный гороскоп гласил: «Если сегодня, в четверг, 30 сентября до конца заседания Объединенного совета контрразведки его преступление не будет раскрыто, значит все обойдется, и никто не узнает его позорную тайну». Но дорога на службу в это утро кишела дурными приметами: на каждом шагу беременные женщины, монахини и катафалки. И теперь, увидев, что в кабинете его дожидаются трое, он понял: это конец.

Слева направо сидели:

Первым — Крэбб, начальник Особого управления Скотланд-Ярда, известный больше по прозвищу Кислятина, которое он получил еще в бытность свою молодым констэблем [1]. Говорили, что за тридцать восемь лет службы он ни разу не улыбнулся.

Вторым — Бойкотт, заместитель начальника Особого управления, самый молодой в стране полицейский в столь высоком чине (всего двадцати восьми лет от роду), поборник использования современных методов.

Третьим — Бакстер Лавлейс.

Первый и второй созерцали друг друга с нескрываемым отвращением. Третий взирал на них обоих с презрительным безразличием.

Сэр Генри не сомневался, что начальство Особого управления явилось его арестовать, а Бакстер Лавлейс пришел поиздеваться.

— Господи! — повторил он и добавил: — Прессе уже все известно?

— О чем это вы? — спросил Бакстер Лавлейс. — Вы сегодня очень опоздали. Все вас ищут. — Безжалостные зеленые глаза Бакстера Лавлейса буравчиками сверлили объятого ужасом сэра Генри. — Что это вам вздумалось лазать словно вору по пожарной лестнице на потеху всему Управлению? Вы что, нездоровы? — добавил он с любопытством, но без тени сочувствия.

Сэр Генри (он уже протянул вперед руки в ожидании наручников) икнул и привалился в изнеможении к двери.

— Дело в том, — продолжал Бакстер Лавлейс, — что Бойкотт, по-видимому, откопал какие-то весьма неаппетитные сведения. Давайте займемся ими, у нас есть еще десять минут до этого проклятого совещания.

Начальник Особого управления Крэбб прокашлялся и вставил:

— Мне нужно кое-куда позвонить. Докладывайте без меня, Бойкотт.

Крэбб явно не желал принимать в подобном деле никакого участия. Он оглядел своего заместителя. Казалось, будто гробовщик мысленно прикидывает размеры гроба для смертельно больного.

Успех Крэбба на полицейском поприще объяснялся его блестящей интуицией, которую он сочетал с обстоятельной и упорной логикой. Он приучил себя рассуждать вопросно-ответным методом, и сейчас, как всегда, прибегнул к нему.

В. Долго ли еще ты сможешь терпеть Бойкотта у себя на шее?

О. Нет.

В. Как же ты думаешь от него избавиться?

О. Пока еще не знаю, но нужно придумать что-нибудь похитрее.

И, взяв пальто и шляпу, он вышел.

Заместитель начальника Особого управления Эдвард Бойкотт поднялся во весь свой шестифутовый рост, с грохотом опрокинув низкий столик. Он знал, что Бакстер Лавлейс его не переваривает, но это его вдохновляло и радовало.

В ходе его молниеносной карьеры начальство нашло у Бойкотта лишь один недостаток — бестактность, а если такое заметили в полиции, значит бестактность эта была поистине вопиющей. За полгода пребывания на посту заместителя начальника Особого управления он нажил немало врагов среди начальства, и это являлось для него предметом гордости.

— Кажется, у вас все еще продолжаются неприятности с «Девятью музами», — отметил он с удовольствием.

Бакстер Лавлейс незамедлительно перешел в контратаку:

[1] Младший полицейский чин.

— Именно. И все благодаря вам. Эти несчастные курьеры просто сидячая мишень, никакие меры для их охраны не принимаются.

— А чего же вы хотите, если МИ-5 не желает сотрудничать с моими людьми? Но я не для того сюда пришел, чтобы снова все это обсуждать, — добавил Бойкотт поспешно.

Он имел в виду недавний инцидент на одном из заседаний Объединенного совета контрразведки. Бойкотт тогда обвинил МИ-5 не только в том, что они подслушивают его телефонные разговоры, но и в том, что у него в кабинете в Скотланд-Ярде установлен магнитофон. И хотя это была чистая правда (МИ-5 устанавливают аппараты для подслушивания повсюду, на случай если какой-нибудь зарвавшийся контрразведчик из другого ведомства вздумает сунуть нос в их дела), начальство славного департамента, все трое [1], как один, поднялись в глубоком негодовании. И все трое, как один, заявили, что не допустят подобных оскорблений, и опять-таки все вместе, как один, покинули зал заседаний. Позднее они официально сообщили, что прекращают всякие отношения с Особым управлением, пока Бойкотт не возьмет свои слова обратно и не принесет извинений за клевету. Бойкотт, конечно, и не подумал извиняться, невзирая на давление сверху И сейчас с горделивыми нотками в голосе он продолжал:

— Меня интересует, мистер Лавлейс, через кого происходит утечка информации о дате и часе приезда курьеров с донесениями «Девяти муз». — Он заглянул в блокнот: — У вас, кажется, есть служащий по фамилии Кроум?

— Кроум? — Сэр Генри навострил уши. — О, Кроум вне всяких подозрений.

— Тогда, быть может, вам небезынтересно будет узнать, сэр Генри, что этот Кроум за последние несколько дней положил в банк 450 фунтов стерлингов.

В кабинете воцарилось тягостное молчание, которое, наконец, прервал Бакстер Лавлейс.

— Возможно, этому есть самое простсе объяснение, — неуверенно заметил он. — Выиграл в лотерею или еще что-нибудь...

У Бойкотта задергался кончик носа, как у гурмана, почуявшего аромат тонкого и редкостного блюда. Он двинулся на Бакстера Лавлейса, опрокинув при этом горшок с цветком.

— А выигрыш положил на три разных счета? И мелкими купюрами?

Наступила одна из счастливейших минут в жизни Бойкотта.

Справка. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ МЕТОДОВ В КОНТРРАЗВЕДКЕ

Когда Бойкотта назначили заместителем начальника Особого управления, он сделал весьма странное заявление представителям прессы: «Наша контрразведка должна руководствоваться тем, что в эпоху электроники в любом деле можно обойтись без участия человека».

В отличие от своего начальника Кислятины Крэбба Бойкотт придерживался самых современных взглядов. Он хотел прославить свое имя тем, что обуздал Науку и заставил ее послужить суровому ремеслу охотников за шпионами. Это он, Бойкотт, несмотря на серьезное противодействие, настоял на приобретении гигантской ЭВМ, которую с трудом втиснули в одну из комнатушек в Скотланд-Ярде. Теперь его правота подтвердилась. Вероломство старика Кроума было обнаружено с помощью электронной техники.

В трудную минуту Бойкотт мчался к своей ЭВМ, как древние греки к дельфийскому оракулу. Он обратился к ней и на этот раз. Его электронная любимица получила обильную информацию обо всех, кто имел какое-либо отношение к секретной операции под кодовым названием «Девять муз», донесения о которой так ловко похищались, стоило им прибыть в Англию. Прошло не более минуты, и ЭВМ выдала несколько десятков фамилий. Многие из них, к превеликому неудовольствию Бойкотта, уже отбывали в тюрьме длительные сроки по обвинению в государственной измене, другие давно покинули Англию. В конце концов у Бойкотта осталось шесть человек. Все они занимали высокие правительственные посты, и потому, естественно, Кроум в их число не попал. Бойкотт приказал установить тщательное наблюдение за этими потенциальными предателями.

Один из подозреваемых был хрупкий старичок из руководства Управления внутренней безопасности, милейшее существо по фамилии Пирсон.

Внешне он сильно напоминал Кроума. Не удивительно поэтому, что полицейские, которым была поручена слежка за Пирсоном (снабженные фотографией своей жертвы, они постоянно вертелись возле Управления), избрали объектом слежки старика Кроума...

Конец справки

Вернемся в Управление внутренней безопасности, где в главном конференц-зале заседает Объединенный совет контрразведки.

Дама Берта Спротт [1], единственная женщина среди руководства службой безопасности, сообщила, что в четверг присутствовать на заседании (которое стало роковым) не сможет. Поэтому за столом собрались одни мужчины, числом не меньше двадцати или тридцати, верные стражи наших государственных тайн. Выглядело это сборище необычно — бороды, повязки на глазу, темные очки, броские шрамы, нависшие брови... Кинорежиссер с самым необузданным воображением не рискнул бы выбрать ни одного из них на роль тайного агента.

В зале царило уныние, лишь двое из присутствующих были настроены жизнерадостно: Хаббард-Джонс и, как это ни странно, сэр Генри Спрингбэк.

Последний председательствовал и занимал место во главе стола, рядом с ним по одну сторону сидел Бакстер Лавлейс, по другую были три пустых стула, где, если бы не присутствие Бойкотта, восседали бы «Трое безымянных» из МИ-5. Непривычный оптимизм сэра Генри объяснялся утренней новостью. Ведь если Кроума посадят в тюрьму (а это неизбежно), он, по сути дела, останется на государственной службе, и значит день его отставки, грозившей сэру Генри, как он вбил себе в голову, неминуемой смертью, отодвинется в далекое будущее.

Этот просвет среди туч, нависших над головой сэра Генри, дал ему силы вынести дополнительное бремя. Заседание подходило к концу, однако никто пока еще не швырнул ему в лицо обвинения в том, что он утаил важную информацию. Он заглянул в повестку дня — оставалось «разное», и сэр Генри был уверен, что с этим пунктом все как-нибудь обойдется, а там заседание закончится — и он спасен!

От возбуждения он начал подпрыгивать в кресле.

На другом конце длинного стола второй оптимист — Хаббард-Джонс, избранник судьбы, дожидался своего часа.

Хаббард-Джонс окинул взором длинный стол: вот командор Бертрам Стадхоум Солт, толстый пожилой морской офицер, он возглавляет какой-то мелкий отдел морской контрразведки, дальше сидит грозный бригадир Радкинс, в чьем ведении находится таинственная сеть контрразведчиков, извест-

---

[1] После того как один американский журнал предательски опубликовал в 1967 году фамилии нескольких руководителей британской секретной службы, расконспирированный бывший глава МИ-5 был хитроумно замещен не одним, а тремя сотрудниками. Этот безымянный триумвират именуется в сфере безопасности как «Люди без имени», или «Безликие», или «Наши таинственные друзья». *(Прим. автора.)*

[1] За выдающиеся заслуги перед государством английский монарх жалует мужчин титулом «рыцаря», а женщин — титулом «дамы».

ных просто как «радкимены», дальше Бойкотт, у которого победоносно пылали нос и уши, кисло-мрачный, как всегда, Крэбб, еще семь членов Внутреннего совета, и, наконец, на председательском месте... По странному совпадению, Хаббард-Джонс и сэр Генри думали об одном и том же — пройдет «разное», и тогда все в порядке.

Худой прыщавый агент, который уже давно нагонял сон на всех присутствующих докладом о возможности саботажа на одном ядерном заводе, казалось, исчерпал свою тему.

«В заключение...» Магические слова — слушатели начали просыпаться и зашуршали бумагами. «В заключение нужно отметить, что несчастный случай мог иметь место и не в связи с саботажем. Дело в том, что использовались шарикоподшипники того же типа, как и в детских роликовых коньках...»

— Что это он там бормочет, болван окаянный! — громко обратился бригадир Радкинс к командору.

Агент, впервые выступавший на важном заседании, побагровел и хотел было отпарировать такой же грубостью, но, взглянув на своего критика, осекся. Бригадир был огромен, лыс, с лицом как масляный блин, который перерезала прямая линия — рот почти без губ, и в довершение всего на нем были очки с одним светлым, а другим темным стеклом. Прыщавый молодой человек насмерть перепугался, кое-как закончил доклад и быстро сел.

«Разное» прошло быстрее обычного. На сей раз ни один из присутствующих не стал выступать. Это произошло главным образом потому, что сэр Генри, ко всеобщему удивлению и смущению, закрыл глаза и затянул фальцетом «Пребудь со мной» [1].

Несколько подхалимов, решив, что отныне заседания будут кончаться молитвенным пением, поднялись с мест и начали подтягивать. Бакстер Лавлейс подумал, что, видимо, пост главы службы внутренней безопасности перейдет к нему не позднее чем через две недели.

Распевая псалом, сэр Генри неприметно оглядел комнату и, ловко улучив минуту, сделал неожиданный рывок к дверям. Однако Хаббард-Джонс, увидев, что жертва ускользает, ринулся вдогонку, оставив заседающих с разинутыми в изумлении ртами.

— Простите, мне некогда, — бросил через плечо сэр Генри, ныряя в дверь с надписью «Джентльмены». — У меня срочный визит — неотложное дело.

— Вы не сможете уделить мне немного времени? — Хаббард-Джонс пролез в дверь вслед за сэром Генри. — Нам нужно кое-что обсудить, — добавил он, притиснув сэра Генри к кафельной стене. — Речь идет о сокрытии утечки секретной информации.

Сэр Генри в ужасе смотрел в белесые рыбьи глаза Хаббард-Джонса, который размахивал у него под носом авторучкой и листком бумаги...

Бакстер Лавлейс мрачно растолкал жужжащих, как пчелиный рой, контрразведчиков и кинулся к двери с надписью «Джентльмены».

Совет в полном составе покинул конференц-зал и недоуменно толпился в коридоре. «Какого черта понадобилось этому Хаббард-Джонсу?» — можно было прочесть на всех лицах.

Приняв молниеносное решение, как Нельсон в его лучшие дни, командор Солт на цыпочках вернулся в конференц-зал к телефону.

— Лейтенанта Игара, — скомандовал он хриплым шепотом, когда его соединили со штабом. — Это ты, старина? Послушай, тут один парень, Хаббл-Смит, или как его, что-то замышляет...

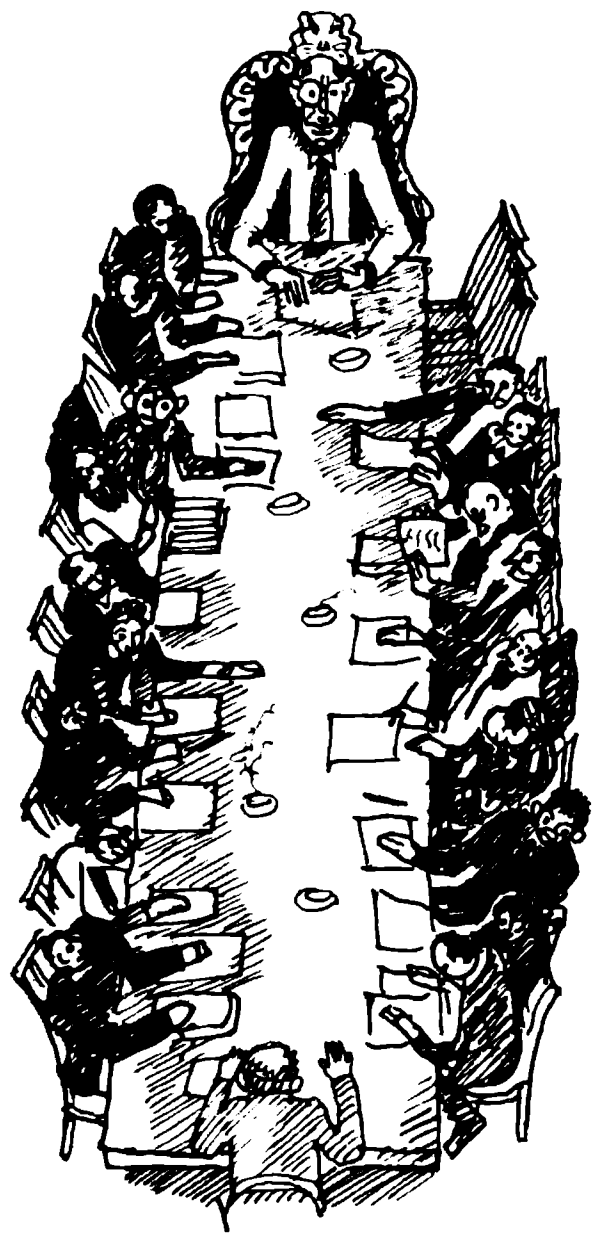
Услышав шаги в коридоре, он велел собеседнику подождать, вставил в глаз монокль и тревожно поглядел на дверь конференц-зала. Издалека донесся четкий голос Бакстера Лавлейса:

— Вызовите «Скорую помощь», — приказал он, объятый радостью. — У сэра Генри, кажется, легкий сердечный приступ.

Продолжение следует

Перевела с английского НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВА

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА



[1] Религиозный псалом. *(Прим. перев.)*

БУДНИ КОНТРРАЗВЕДЧИКА

РОБЕРТ ТРОНСОН,
английский писатель

Роман

5. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ТАЙНОГО АГЕНТА

— Невероятно, — в восхищении проговорил премьер-министр., — Поверьте, Х-2, вы заслужили благодарность нации. Но как вы снесли такие мучения и пытки?

— Я читал про себя «Грантчестер» [1]. Руперт Брук всегда помогает мне в тяжкую минуту.

Как это ни удивительно, беседа протекала в крощечной неуютной комнатушке в Кенгуру-Вэлли. Агент Х-2, он же Рональд Бейтс, лежал на узкой и жесткой кровати, вперив взор в растресканный потолок, где ему рисовалась заманчивая сцена беседы с премьером. Но сегодня он не находил в мечтах обычного утешения. Он не мог ощутить истинной радости от слов главы нации, от его преклонения перед героизмом Рональда. Тень Хаббард-Джонса, так неожиданно получившего пост в Совете контрразведки, вставала между мечтателем и его грезами.

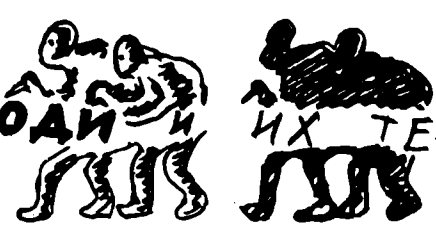
Рональд снова вернулся к проблеме, которая не давала ему покоя с самого утра. По сути своей проблема особой сложности не представляла. Должен ли он сообщить начальству ужасную правду? Или не должен? Рональд не мог этого решить.

Задача встала перед ним еще тогда, когда Хаббард-Джонс в великом возбуждении объявил:

— Бейтс, сегодня день Д. [1]. Мы выходим на передовую.

Он не нашел на нее ответа и на следующей неделе, когда ему попался на глаза документ (его подготовил Хаббард-Джонс, и подписал дрожащей рукой злосчастный сэр Генри), предоставляющий их отделу неограниченные фонды.

Проблема оставалась нерешенной и в последующие дни, когда Хаббард-Джонс купил себе новую машину (транспорт отдела), меховое пальто Скромнице (защитная одежда), дорогую мебель для «святилища» (деловые контакты). И вот прошли две недели, а Рональд все еще ничего не решил...



6. ЛЮДИ И ИХ ТЕНИ

Рональд озабоченно вздохнул. Сегодня он был сам не свой.

— С-тире-точка-тире-точка, — уныло бормотала Скромница. — Ну и задаст же он мне, если я этого к вечеру не выучу!..

Тут дверь распахнулась, и через комнату в свой кабинет пронесся Хаббард-Джонс, *новый* Хаббард-Джонс.

— Бейтс! — завопил он из «святилища». — Идите сюда.

Рональд встал, предчувствуя скорый конец своей карьеры контрразведчика. Скромница посмотрела на него с состраданием.

Рональд с трепетом представил себе, как шеф, приняв гитлеровскую позу у нового шведского письменного стола, учинит ему жестокий нагоняй. Вместо этого, к своему превеликому изумлению, он

Продолжение. Начало в № 1.

[1] Произведение известного английского поэта Руперта Брука (1887—1915), исполненное патриотических мотивов.

[1] День начала операции в военной терминологии.

Рис. И. ГОЛИЦЫНА

увидел, что Хаббард-Джонс притаился на четвереньках в углу у нового итальянского бара.

— Поглядите в окно! Быстро!

Рональд повиновался с некоторой опаской: а вдруг по дороге к окну шеф тяпнет его за щиколотку, как бешеный пес.

— Что там происходит, Бейтс? Да встаньте так, чтобы вас не было видно, идиот!

Рональд отпрянул в сторону.

— А теперь доложите, что там делается, — все подробно!

— Ничего особенного. Рабочий из соседнего гаража разговаривает с девушкой...

— Кому это интересно, остолоп! Что-нибудь необычное? Двоих мужчин не видно?

— Двое какие-то стоят, но ничего особенного в них нет.

— Один косоглазый, в клетчатой кепке и комбинезоне?

— Да.

— А другой очень высокий, в темно-синем макинтоше? Закодируйте их, — приказал Хаббард-Джонс, вспомнив один учебный фильм.

— В кепке — «Красный-один», в макинтоше — «Красный-два», — без запинки откликнулся Рональд, вспомнив этот же фильм. — «Красный-один» идет к телефонной будке.

— Ясно. Они ходили за мной по пятам все утро.

Хаббард-Джонс потянулся к бару за бутылкой виски, сделал большой глоток и устроился на ковре поудобнее.

— Как же вы не понимаете, Бейтс? У нас были огромные затраты на расширение отдела. Вы, верно, думаете, что я швыряю деньги на ветер, а ведь это необходимо по ряду веских причин.

— Вы хотите сказать, что они хотят выяснить эти причины?

— Именно! — Виски и богатое воображение помчались наперегонки. — Именно! Выслеживают. Они не дураки, эти русские, а может, китайцы. Они быстро пронюхали: здесь что-то затевают. Не сводите с них глаз, мне надо знать каждое их движение.

Хаббард-Джонс говорил и сам начинал себе верить. Все так и есть. Он устроил хитрую ловушку с приманкой, и *они* в нее попались. Он шантажировал бедного сэра Генри также из патриотических побуждений. Джонс, гроза шпионов, вступил в смертный бой с врагами нации.

Позабыв об опасности, он вскочил и зашагал по комнате, глаза у него горели, и он вдохновенно врал своему доверчивому приспешнику.

— Мы выведем подлецов на чистую воду. «Наши таинственные друзья» из МИ-5 назвали мой план «План Х.-Дж.». Они считают его гениальным, — скромно пояснил он.

— Эй, — Рональд задохнулся от неожиданности. — Они... они фотографируют нас — нашу вывеску, дом!

Крошечный фотоаппарат, который «Красный-один», прикрыв носовым платком, поднес к глазам, развеял его сомнения. Да, за ними шпионят.

— Что вы предпримете дальше, сэр? — спросил он.

Хаббард-Джонс не имел ни малейшего представления о том, что предпринять дальше, но он прибегнул к своей обычной уловке:

— А разве вам не ясно, Бейтс?

— Э... значит, когда они уйдут, то есть если они уйдут, мы должны выследить их, они выведут нас к своей базе.

— Точно! Вы понемногу начинаете соображать, Бейтс.

— Благодарю вас, сэр, ох, черт! — Рональд замер в волнении. — Они уходят. «Красный-один»...

Но Хаббард-Джонса словно ветром сдуло. Украв чужой план, он незамедлительно приступал к его осуществлению.

Через мгновение он появился снова. Рональд не сводил глаз с улицы: а вдруг незнакомцы скроются.

— Сэр, они уже на середине переулка. Я пойду за ними.

— Нет, это моя обязанность, — отрезал Хаббард-Джонс. — Я проскользну потайным ходом. Где они сейчас?

— Сворачивают налево. Но вас они узнают, сэр.

— Не волнуйтесь, я замаскирован.

Рональд обернулся — на его шефе была мятая шляпа, темные очки и засаленный макинтош. В одной руке он держал старый парусиновый портплед, в другой — белую палку, с какими ходят слепцы.

— Им меня теперь не узнать! — прокричал он за дверью, и тут же послышался оглушительный грохот и отчаянный вопль. Должно быть, в спешке Хаббард-Джонс позабыл о коварстве шаткой колонки.

Октябрь был на исходе, но день стоял по-летнему ясный. Осеннее солнце ласково грело плечи Хаббард-Джонсу, который шагал по узким улочкам, стуча белой палкой. Оно не жалело своих лучей и для двух агентов Особого управления, расположившихся на травке в Сент-Джеймс-парке. На скамье неподалеку объект их слежки спокойно ел бутерброд — был обеденный перерыв.

— До чего будет жалко, если старика сцапают, — сказал один из агентов с неподдельным волнением.— Я к нему привязался всей душой.

— Точный, как часы, — согласился его коллега. — С ним никаких забот. Хочешь — пойди пропусти стаканчик или еще что, всегда знаешь, где он будет.

— Эх, если бы все такие...

Оба вздохнули, подумав, насколько у них обычно бестолковые и несобранные поднадзорные.

На скамье старик Кроум достал серебряный перочинный ножик и начал преспокойно чистить яблоко. На коленях у него лежала раскрытая газета. И вдруг скамья зашаталась — рядом села толстуха лет сорока, крашеная блондинка, с битком набитыми хозяйственными сумками. Приятное одиночество Кроума было нарушено.

— Гляди-ка, он встал! Он никогда не ходит кормить уток так рано.

Агенты всполошились.

Оставшись одна, женщина, которая испортила Кроуму обеденный перерыв, рассеянно подобрала оставленную стариком газету и положила в одну из своих огромных сумок. Затем она устало поднялась и побрела по длинной асфальтовой дорожке.

— Видал? Вот так точно было показано в учебном фильме. И именно здесь, в этом парке. Он оставил ей газету с заданием.

Агент вскочил на ноги.

— Так оно и есть. Она его связная.

Приказ, который они получили непосредственно от Бойкотта, был предельно ясен.

— Верно! Теперь он нам не нужен, идем за ней. Ты первый — передашь ее мне у выхода.

Хаббард-Джонс уже давно преследовал «красных». В целях конспирации нужно было переодеться, и он укрылся для этого в темном подъезде. Содержимое портпледа пошло в ход, и через мгновение Хаббард-Джонс (ни дать ни взять уменьшенная копия Распутина: войлочное пальто с капюшоном и длинная накладная борода) снова шел по

следу. «Красные» спокойно шагали, не ведая, что за ними крадется переодетый сыщик. Хаббард-Джонс, в свою очередь, не замечал, что от него ни на шаг не отстает бдительный полицейский, у которого возникли на его счет немалые подозрения.

Кислятина Крэбб говорил по телефону, когда к нему в кабинет неожиданно ворвался Бойкотт. Начальник Особого управления обладал немалым жизненным опытом, поэтому он ничуть не смутился, увидев своего заместителя, хотя разговор шел именно о нем и был весьма нелестного свойства. Крэбб и бровью не повел и закончил, даже не изменив тона:

— Сейчас я вам об этом больше ничего сказать не могу.

Он положил трубку и желчно спросил у своего подчиненного:

— Вас никогда не учили, что нужно стучать в дверь?

Задумайся Бойкотт над этим вопросом, он наверняка ответил бы отрицательно, но сейчас он не был расположен к пустым словопрениям.

— Кроум встретился со своей связной, — выпалил он, опрокинув подставку для шляп.

— Какой Кроум?

— Тот, через которого происходит утечка информации из УВБ. Я засек его при помощи электронной машины.

Хотя предательство Кроума раскрылось весьма косвенным образом, Бойкотт наперекор всему расценивал это разоблачение как победу электронной техники.

— А, вот вы о ком... — На Крэбба эта новость, казалось, не произвела ни малейшего впечатления.

— Оставьте свой издевательский тон. Мое подозрение окончательно подтвердилось. Связная, некая миссис Кромески, *замужем за поляком.*

Он подался вперед и сшиб у Крэбба со стола пепельницу.

— Ее выследили. Вот ее адрес.

— Ну что же, Балморал-Касл-Драйв, адрес не вызывает подозрений.

— Вы думаете, если это окраина, то там тишь да гладь. Работаете по старинке. С новыми методами мы бы их всех давным-давно переловили.

Крэбб не слушал. Он вспоминал, на чем прервался телефонный разговор, когда Бойкотт вошел в комнату. «Не волнуйтесь. При первом же удобном случае я приготовлю для Бойкотта крепкую петлю, а уж он не замедлит сунуть в нее голову...» — пообещал он собеседнику.

Прославленная интуиция Крэбба подсказывала ему сейчас, что удобный случай подвернулся, а Бойкотт, ни о чем не подозревая, продолжал свой доклад:

— Теперь еще несколько слов о связной, этой самой Кромески. Прошу вашего распоряжения установить круглосуточное наблюдение за ее домом. Возможно, это потребует большого числа людей, но, на мой взгляд, игра стоит свеч.

У Кислятины в глазах промелькнула еле заметная искорка.

— Не знаю, как и быть. Сейчас ожидаются два государственных визита.

— Ах, государственные визиты! — Бойкотт не признавал никаких мероприятий Особого управления, которые не были непосредственно направлены на охоту за шпионами.

— Ну ладно, — согласился шеф с покорной миной. — Если уж вы так настаиваете...

Этого Бойкотту было достаточно. Молниеносно, как кобра на свою жертву, он кинулся к телефону и отрывисто залаял в трубку, отдавая приказ об установке диктофонов, подключении аппаратуры для подслушивания телефонных разговоров и подготовке электронной системы наблюдения за каждым уголком и щелью в доме Кромески.

Тем временем Крэбб по своему обыкновению анализировал обстановку вопросно-ответным методом.

В. Крепка ли эта петля?

О. Выдержит. Она выдержит целое полицейское управление.

Как всегда унылый и бесстрастный с виду, Кислятина в душе безудержно хохотал. В битве между наукой и интуицией победа суждена интуиции — в этом он не сомневался.

Был час «пик». Хаббард-Джонс на заднем сиденье попавшего в пробку такси кипел от негодования. «Дураки набитые, фараоны косолапые!» — выкрикивал он, к вящему изумлению шофера.

Он снова переживал события дня. Как все удачно складывалось, пока идиот полицейский не сунул нос не в свое дело!

«Красные — один и два» привели его в район Нотинг-Хилл, к солидной вилле, стоявшей особняком в глубине большого сада. Сад был окружен высоким, футов в девять, забором. Забор венчала полоса битого стекла. Два огромных платана заслоняли окна верхних этажей. Настоящее шпионское гнездо, такое пришлось бы по душе любому матерому разведчику — уединенное место, но и от центра недалеко, в глаза не бросается, и тем не менее вид зловещий — не подступись. Хаббард-Джонс разглядывал виллу, пуская от удовольствия слюни.

На тротуаре напротив были сложены строительные материалы. Укрывшись за грудой кирпича, Хаббард-Джонс торопливо отмечал про себя самые характерные черты этой крепости, которой он дал кодовое название «Роковой дом».

Тем временем «Красные — один и два» ждали у ворот. К восторгу Хаббард-Джонса, их долго и внимательно разглядывали через маленькую решетку, прежде чем впустить. Хаббард-Джонс удостоверился, что на улице ни души, и полез на свое кирпичное укрытие — сверху лучше видно.

То, что он заметил, превзошло все его ожидания! Из одной дымовой трубы «Рокового дома» показался тонкий металлический стержень и медленно пополз вверх.

— Антенна! — трепетно прошептал Хаббард-Джонс, не видя, что из-за его спины вынырнула полицейская каска.

Хаббард-Джонс полез было в карман за микрофотоаппаратом, но почувствовал, что его схватили за ноги.

— Попался! — победоносно завопил страж порядка.

Стараясь удержать равновесие, Хаббард-Джонс замахал руками, но тут почва стала ускользать у него из-под ног, и в мгновение ока оба — и преследователь и жертва — оказались погребенными под целой тонной кирпича.

После этого дела пошли из рук вон плохо. Чертовы ослы в полицейском участке притворились, будто никогда не видели карточки ЦСБ [1], которой Хаббард-Джонс без всякого успеха размахивал у них под носом, грозя позвонить самому министру внутренних дел. Его бесцеремонно втолкнули в хо-

[1] Карточка Центральной службы безопасности — удостоверение личности, которое выдается британским агентам невысокого ранга. Удостоверение якобы дает право на покупку вещей в кредит, поэтому на нем имеется фотография владельца и описание его наружности. Специальный кодовый номер обозначает должность агента и отдел, где он служит. Эти карточки очень легко подделать, и почти все иностранные разведки фабрикуют их в неограниченном количестве. *(Прим. автора.)*

лодную камеру, где пахло дезинфекцией и мочой.

Выпустили его только через несколько часов, когда разыскали инспектора. Тот высокомерно заявил:

— Но вы должны признать, что все это выглядело весьма подозрительно. Наш сотрудник простонапросто выполнял свои обязанности. Ну ладно, ладно, какого черта вы разорались — ваши дурацкие карточки засекречены, у нас в полиции только инспекторы и высшее начальство знают, что это за бумажка...

— Я этого так не оставлю, — пригрозил Хаббард-Джонс самодовольному фараону, с достоинством покинул участок и сел в подъехавшее такси. По дороге он ругал полицейских последними словами и возмущенно повторял: «По крайней мере, обратно они могли меня отправить в полицейской машине».

7.

СОВЕЩАНИЕ 1. ЗДАНИЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ ВИКТОРИИ. Бойкотт, обращаясь к своим коллегам — полицейским электронного века:

— Теперь все зависит от нас, нельзя терять ни минуты. Главное — любой ценой удержать преимущество во времени. Я никогда не прощу себе, если, положим, МИ-5 опередит нас в этом деле... («Безликие», пожалуй, были единственным отделом безопасности, который не проводил в ту ночь совещаний. Тем не менее все, что говорил Бойкотт, передавалось в секретный штаб МИ-5 на Керзон-стрит и записывалось там на магнитофон)... у нас имеется то преимущество, что мы используем современное оборудование, мыслим по-современному. И главное наше преимущество — никому, кроме нас, не известно о доме Кромески.

Он торжествующе махнул рукой, сбив со стола бюст сэра Роберта Пила [1].

СОВЕЩАНИЕ 2. ФЕШЕНЕБЕЛЬНЫЙ КЛУБ НА МЕЙФЕР. — Этот осел Бойкотт воображает, будто напал на интересное дело. Его ребята, по-моему, выследили сегодня какую-то женщину. — Бригадир Радкинс беседовал со своими начальниками подразделений. — Пустая затея, конечно, а все же не спускайте с него глаз. В последнюю минуту его всегда можно будет обойти и успех приписать себе...

СОВЕЩАНИЕ 3. ЗАЛ ИНСТИТУТА ЖЕНЩИН НА ОКРАИНЕ ЛОНДОНА. Дама Берта Спротт — на ней изящный туалет, она только что с приема у королевы — держит речь перед сотрудницами своего отдела, отменными уродинами, известными больше как «Ищейки» [2].

— Если предоставить мужчин самим себе, с ними не оберешься хлопот. Я всегда говорю: в интересах нашей контрразведки мужчин нужно держать от нее подальше. А потому, душеньки, займемся-ка этой старой крысой Радкинсом — следите за каждым его шагом.

СОВЕЩАНИЕ 4. ПОХОРОННАЯ КОНТОРА НА ДОЛЛИС-ХИЛЛ. — Разузнайте толком, что замышляет эта чертова кукла Берта Спротт со своими ведьмами, — приказал безымянный глава сектора «Б» службы внутренней безопасности. (Как обычно, он вещал из-за ширмы. Он без малейшего на то основания убежден, что ни одна душа, включая собственных сотрудников, не знает, кто он такой.)

СОВЕЩАНИЕ 5. КАЮТ-КОМПАНИЯ ВОЕННОГО КОРАБЛЯ «Х». Командор Солт, обращаясь к лейтенанту Игару:

— Ах, «Девять муз»? Я, старый морской волк, в литературе не очень-то разбираюсь. Но ты, сынок, пока суд да дело, пристраивайся в кильватер к нашему безымянному дружку из сектора «Б».

СОВЕЩАНИЯ С 6 ПО 30. ПОДВАЛЫ, ЧЕРДАКИ, КЛУБЫ, ГОСТИНЫЕ И Т. Д. Совещания мало чем отличаются от описанных выше. Почти все отделы службы безопасности сумели тайком кое-что выведать. В эту ночь стадное чувство сгнало их вместе — повсюду строились всевозможные догадки об операции «Девять муз».

СОВЕЩАНИЕ 31. «АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ФУТЛУС». — Бейтс, если вы не прекратите свою надоедную болтовню о девяти музах, я вас кастрирую.

Хаббард-Джонс по-прежнему считал, что разговор о музах ведется ему в пику, что ставится под сомнение его эрудиция.

— Но послушайте, сэр, ведь это наверняка связано с шайкой, которую вы раскрыли. То есть если они действительно, как вы говорите, новая ударная группа из-за «железного занавеса»...

— Заткнитесь, Бейтс. От вас голова идет кругом.

Это совещание началось неудачно. Получаса потратили, приколачивая к стене «святилища» огромную карту района Нотинг-Хилл. Задача оказалась не из легких — изуродовали стену, Рональд зашиб молотком палец, а у Хаббард-Джонса вконец испортилось настроение.

— Бейтс, сколько у нас всего людей?

— Тридцать восемь человек, сэр.

— Без вас знаю, что в отделе тридцать восемь сотрудников, дурак вы набитый. Отвечайте четко, если вы на это вообще способны, сколько сотрудников могут немедленно выйти на операцию?

Рональд, проглотив обиду, потянулся за списками.

— В нашем распоряжении восемь человек и один в отпуске.

— Чем занимаются остальные?

— Четверо уехали по обмену от Общества англо-хорватской дружбы, пятеро следят за венгерским рестораном, где...

Хаббард-Джонс не захотел слушать дальше. Встав в наполеоновскую позу, он изрек:

---

[1] Основатель лондонской полиции. В 1826 г. в бытность свою министром внутренних дел Англии провел реформу полиции, и полицейских с тех пор называют «бобби» (сокр. от Роберт).

[2] По сути дела, это подсобная группа, используемая другими отделами для специального наблюдения. Под видом контролеров уличного движения они могут проникнуть куда угодно. *(Прим. автора.)*

— Снимите их с этого задания. Они мне нужны.

— Но, сэр, это не так просто...

— Мне понадобятся все, кого удастся заполучить, — не унимался Хаббард-Джонс. Он взял гигантскую булавку с красным бумажным флажком и подошел к карте. — Необходимо круглосуточное наблюдение за данным объектом. Линкольн-Террас, 96. Кодовое название — «Роковой дом».

Он театральным жестом всадил булавку в карту. Карта, словно она только этого и ждала, плавно соскользнула на пол. Хаббард-Джонс издал яростный вопль и стал ее топтать.

Он гонял карту пинками по всему кабинету, извергая на нее потоки брани, пока не зашиб ногу — ту самую, на которую утром свалилась газовая колонка. Это его полностью доконало, и он, чуть не плача, повалился в кресло у письменного стола.

Рональд подождал, пока шеф немного отойдет, и начал снова его уговаривать:

— Может быть, лучше передать это дело МИ-5 или Особому управлению?

— Чтобы они потом приписали себе все заслуги? Да вы рехнулись!

Посидев в удобном кресле, Хаббард-Джонс вновь обрел спокойствие, и в нем, как обычно, опять произошла молниеносная перемена — теперь это был хладнокровный руководитель, лаконичный, твердый, как кремень, невозмутимый.

— Вот что, Бейтс. Я получил приказ от верховной власти нашей страны. Я знаю, что делаю, и не потерплю ваших мелкотравчатых попыток мне помешать. Я начал это дело, и я намерен довести его до конца. Ясно?

— Да, сэр, — покорно ответил Рональд.

— Отлично. Значит, сколько у нас людей?

— Девятнадцать, сэр.

— Мало. Чем занимаются остальные?

— Ну, кое-кто приставлен к венскому цыганскому трио.

— Кое-кто? Сколько их? — Напряженная тишина. — Бейтс, я вас спрашиваю.

— Двенадцать, — уныло признался Рональд.

— Двенадцать? — возмутился Хаббард-Джонс. — Двенадцать сотрудников мотаются за этими жалкими цыганами? Отозвать.

— Ни за что, — вырвалось у Рональда из глубины души.

Рональд был в восторге от венского трио. Он знал подноготную всех музыкантов и жадно прочитывал ежедневные сообщения агентов о каждом их шаге.

— Конечно, сэр, на первый взгляд может показаться, что двенадцать человек для них и многовато, но ведь их трое, понимаете, сэр, — трио...

— Да я что, по-вашему, не знаю, сколько человек в трио?

Хаббард-Джонсу снова почудилось, будто его образованность подвергается сомнению. Он вытаращил на Рональда водянистые глаза, точь-в-точь обозлившаяся рыба.

Пришлось Рональду уступить — жертва немалая. Теперь он ничего больше не узнает о своих обожаемых цыганах: женился ли Иозеф на той официантке и что будет с Францем, неужели ревматизм в кисти заставит его навсегда бросить музыку?

— Значит, решено. Бейтс, тридцать два сотрудника ведут наблюдение за «Роковым домом». Так-то будет лучше.

Но тут в Рональде заговорило дотоле ему неведомое мстительное чувство — пускай и Хаббард-Джонс попрыгает.

— Да, кстати, почему бы нам не снять еще шестерых с задания? Ведь понадобятся все, кого удастся заполучить.

— Каких шестерых?

— Занятых на операции «Красотка».

Хаббард-Джонс неожиданно смутился.

— Да, верно. Как там обстоят дела? Не вижу донесений.

— Вот они, у вас на столе. Поступают ежедневно с ноября прошлого года, — Рональд с наслаждением сыпал соль на рану, элорадно упиваясь неведомым дотоле чувством. — Результатов у них, похоже, никаких, хотя времени прошло и немало.

Хаббард-Джонс раскрыл пухлую папку. Действительно, незадолго до того, как Рональду поступить в отдел, Хаббард-Джонс пришел к выводу, что добиться продвижения по службе легче всего, шантажируя начальство. Многообещающей мишенью казался Бакстер Лавлейс — человек необыкновенно привлекательный и, как это ни странно, в свои тридцать с лишним лет до сих пор неженатый.

— От него всегда разит одеколоном, вы заметили, Бейтс? — сообщил Хаббард-Джонс, листая донесения. —И еще, — продолжал он, словно оправдываясь. — Он ни разу не оставался в своей шикарной берлоге наедине с женщиной.

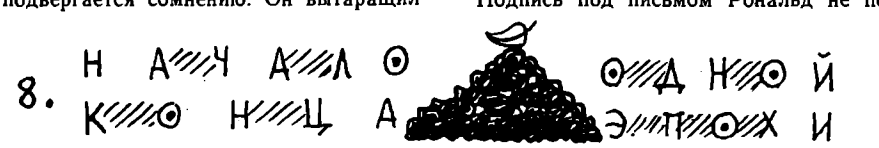
— Он ни разу не оставался там и наедине с мужчиной, — возразил Рональд, дивясь своей смелости.

Но Хаббард-Джонс твердил свое:

— Черт побери, а ведь он и точно из этой породы. Если бы это доказать, тогда держись! — размечтался он. — Гомосексуалист на важном государственном посту. Это угроза национальной безопасности, Бейтс. Наш прямой долг — оставить сотрудников на операции «Красотка». Пусть следят за каждым шагом Лавлейса вне службы.

Рональд всегда был глубоко предан начальству. Поэтому он так долго, в упорной борьбе с собой пытался сохранить хотя бы долю уважения к Хаббард-Джонсу. Сейчас, однако, от этого уважения не осталось и следа, его сменило острое недоверие. Рональд давно уже лишился покоя. А полтора месяца назад он вдруг сел и написал Лавлейсу письмо, в котором сообщал ему о слежке, установленной за Лавлейсом по приказу Хаббард-Джонса.

Подпись под письмом Рональд не поставил.



Сэр Генри, точный как всегда, приехал на маленькую площадь вовремя и расплачивался за такси под мерный бой церковных часов.

После сердечного приступа сэр Генри возвратился на службу слишком рано, невзирая на запрет врача. Сэр Генри испытывал непреодолимое отвращение к своим коллегам, но он не мог жить без служебной рутины, она была ему необходима, как воздух, а колкости Бакстера Лавлейса он сносил легче, чем придирки своей супруги.

Сэр Генри был таким же рабом своих привычек, как старик Кроум. Вот уже многие годы в последнюю пятницу месяца в половине пятого вечера он приезжал сюда, на площадь с облезлыми старыми домами, окруженную тесным кольцом машин. И сегодня он снова стоял здесь, безучастно глядя перед

собой, — на церкви били часы, с платанов на землю падали осенние листья. Сэра Генри ждала здесь минута сладостного отдыха, которую он урывал от долгих и подчас мучительных заседаний. Ибо в последнюю пятницу каждого месяца он выполнял тяжкую обязанность: докладывал кабинету министров, как обстоит дело с государственной безопасностью... «Сколь печальные повести мне подчас приходится излагать», — горестно думал сэр Генри.

Сегодня битком набитый портфель казался тяжелее обычного. Но у подъезда дома № 28 он ощутил внезапный прилив сил. Сэр Генри распрямил усталую спину, лихо заломил набекрень шляпу и нажал кнопку звонка.

Под звонком на маленькой карточке было аккуратно напечатано: «Мисс Домина Уиплеш».

В эту же самую пятницу наступила передышка и для всей службы безопасности, где в последнее время развивалась непривычно бурная деятельность. Правда, в основном кипучая энергия контрразведчиков уходила на отчаянные попытки разведать что-нибудь об операции «Девять муз» в других отделах и заключалась в слежке друг за другом. Тем не менее это было занятие трудное и небезопасное. И вот, в пятницу по всему Лондону руководящие деятели контрразведки со вздохом облегчения собирали принадлежности для гольфа — до понедельника наступило неофициальное перемирие.

Бойкотту, однако, эти два дня не сулили отдыха. Последние две недели он был занят по горло операцией «Шпионская группа на Балморал-Касл-Драйв». Ежедневно его ЭВМ набивали информацией о каждой мельчайшей подробности из жизни миссис Кромески, но аппарат упорно не желал дать ключ к разгадке загадочного дела, в котором она была замешана. Бойкотт с безрассудством отчаяния занимал слежкой все больше и больше людей, а Кидлятина Крэбб, хладнокровно взирая на все это, выжидал, когда его обреченный заместитель сам себя погубит.

Конец недели не сулил отдыха и Рональду Бейтсу. Он вот уже полмесяца усердно трудился, осуществляя, правда в меньших масштабах и без ведома высокого начальства, операцию, подобную той, что проводил Бойкотт. Однако по странной иронии судьбы он в отличие от Бойкотта добился кое-каких результатов. Было установлено, что зловещая антенна регулярно появляется над крышей «Рокового дома», а кроме того, не оставалось сомнений, что там творятся какие-то темные дела в духе «плаща и кинжала». Но какие?.. В пятницу по дороге домой Рональд томился дурными предчувствиями. Таинственный враг, возможно, прекрасно осведомлен о затее Хаббард-Джонса и лишь посмеивался в кулак. А вдруг Хаббард-Джонс вообще замахнулся не по плечу? Тогда отделу несдобровать. От этой мысли Рональд похолодел. Глубоко задумавшись, он стал переходить улицу, но вдруг услышал скрипучий голос:

— Бейтс! Подите сюда!

Рональд недоуменно оглянулся. Кто бы это мог быть? Машина рядом с ним нетерпеливо загудела, и водитель высунул в окно огромную лысую голову. Рональд увидел лицо, как масленый блин, и на лице очки с разными стеклами — темным и светлым. Машина была очень старая, маленькая, чуть ли не с детскую коляску, и неописуемо грязная.

— В чем дело? — спросил Рональд. — В чем дело, сэр? — поправился он: во внешности водителя было что-то начальственное, наводившее трепет.

— Влезай, парень! — Водитель пинком открыл дверцу, и Рональд, обойдя машину, послушно взобрался на ободранное сиденье. Он терялся в догадках, что бы это мог быть, но тут заметил среди остроумных изречений, начертанных пальцем на грязном стекле, лаконичную фразу: «Радкинс — шпион» — и все стало ясно.

Рональд не знал, чего от него хотят, и застенчиво поглядывал краешком глаза на знаменитого контрразведчика... Машина внезапно дернулась, с оглушительным треском вылетела на шумную, людную улицу и покатила по ней.

Некоторое время Рональд молчал, потом, собравшись с духом, подсказал:

— Сэр, на этой улице одностороннее движение. Потому они все нам и гудят.

Его совет не возымел никакого действия. Бригадир Радкинс лихо свернул вбок и сосредоточенно повел машину против движения со скоростью двадцати миль в час, не глядя на светофоры, не обращая никакого внимания на другие автомобили и на оскорбительные выкрики в свой адрес...

Рональд закрыл глаза — ему было страшно смотреть на сумятицу, которая сопровождала их продвижение вперед. «Я попал в лапы к сумасшедшему», — с ужасом подумал он.

— С ума сошел! Окончательно спятил! — неожиданно откликнулся бригадир словно в ответ мыслям Рональда.

— Кто, сэр? — кротко спросил Рональд, боясь разгневать похитителя.

— Как кто? Ваш начальник, конечно. Остолоп. Тупица.

Рональд при всем желании не нашел, что ответить, и промолчал.

— Моих ребят называют «радкимены». Да, «радкимены». Все они у меня не профессионалы, а любители. Единственный профессионал — я сам. И так лучше. А взгляните на мои очки — ловко придумано, правда? У меня их две пары. В одной паре темное стекло левое, а в другой — правое. Если очки незаметно поменять, можно напугать собеседника до полусмерти. Помню, Генри Спрингбек чуть однажды не рехнулся из-за этих очков.

Бригадир неожиданно резко повернул, въехав на тротуар.

По сравнению с мостовой, забитой транспортом, здесь было настоящее раздолье, и Радкинс погнал машину вдоль тротуара. Пешеходы разлетались от него, как испуганные голуби.

— От любителей куда больше пользы. Все двери им открыты. Кого только нет среди них: бизнесмены из Сити, букмекеры, сельские дворяне, актеры, юристы, даже парочка католических священников имеется.

Он внезапно остановился. Они находились посредине пустынной серой улицы. «Наконец-то, — подумал Рональд. — Теперь бригадир заговорит о деле». Рональд чувствовал, что сейчас услышит нечто исключительно важное.

— Какое у нас сегодня число, Бейтс?

— Двадцать девятое октября, сэр.

— Прекрасно. Ну, всего доброго. Рад был встретиться.

Неожиданно бригадир ловким движением выбросил вбок огромную ногу и пинком открыл дверь, у которой сидел Рональд. Рональд очутился на мостовой, вокруг не было ни души, машина, стреляя отработанным газом, исчезла из глаз, оставив в прозрачном осеннем воздухе густое облако черного дыма.

На некотором расстоянии отсюда, в запущенной подвальной квартире сэр Генри и мисс Уиплеш пили чай. Сэр Генри был доволен и покоен.

— Как дела на службе, милый? — спросила мисс Уиплеш, будто преданная жена.

— Ужасно, — признался сэр Генри. — Ужасно.

— Бедняжка, — откликнулась она совсем по-матерински.

Обсудили здоровье сэра Генри, поговорили о странных болях в спине, мучивших в последнее время мисс Уиплеш. Потом, взглянув на часы, она воскликнула:

— Половина шестого! Сижу и болтаю, словно мне нечего делать. Сейчас надо будет принять одного выжившего из ума старикана. Он наверняка явится раньше положенного!

С этими словами она выбежала из комнаты и стала громко звать свою горничную Розу. Сэр Генри вздохнул. Волшебные минуты пролетели. «Может, она и про меня говорит «выживший из ума старикан»?» — с горечью подумал он. Сэру Генри вдруг пришло в голову, что, пожалуй, это самое подходящее для него определение.

Не успел он выйти от мисс Уиплеш, как Роза закричала из прихожей:

— Старый дурак опять забыл портфель!

— Боже! — воскликнула мисс Уиплеш. — Вечная история!

Она взяла тяжелый портфель из блестящей кожи, туго набитый секретнейшими докладами, предназначенными только для глаз членов кабинета министров, — возвратясь в управление, сэр Генри обязан был тут же их уничтожить.

— Роза, голубка, догони его, пожалуйста!

— Эй! — закричала толстуха Роза, карабкаясь по ступенькам, ведущим из подвала на улицу. Сэр Генри был уже далеко, он заворачивал за угол. Роза бросилась следом со всей быстротой, на какую были способны ее старые ноги. Она побежала через сонную площадь, не замечая мчавшегося на нее фургона. Фургон сшиб старуху, отшвырнул ее далеко в сторону, и ей тут же пришел конец.

Фургон (вел его Мак-Ниш) направлялся к «Роковому дому». Мак-Ниш не обладал чувствительным сердцем и даже не подумал остановить машину. Он видел, что свидетелей нет, и просто-напросто понесся дальше, не ведая, что судьба избрала его своим орудием...

Когда Розу сбило, портфель сэра Генри вылетел у нее из рук и, описав высоко в воздухе длинную дугу, упал на кучу осенних листьев в скверике посредине площади. Листья падали и падали, и через несколько часов портфеля уже не было видно. Портфель остался здесь лежать на всю долгую зиму и мало-помалу сгнил. К весне десяток государственных секретов особой важности превратился в кучку полезного и питательного удобрения.

В ту же самую пятницу вечером сэр Генри повесился у себя в кабинете. По случаю выходного дня тело его обнаружили только утром в воскресенье.

Он позвонил мисс Уиплеш и узнал, что Роза ушла с его портфелем и не вернулась. Но покончил он с собой не из-за этого. Хотя ему было отлично известно, что от дома мисс Уиплеш до русского посольства рукой подать, а за несколько шиллингов Роза готова расстаться со своей бессмертной душой, он в тот момент не предпринял ничего... Нет, он наложил на себя руки несколько позднее, когда, вернувшись в управление, нашел на своем столе вежливую записочку, приглашавшую его на неофициальное торжество — проводы, которые коллеги устраивали мистеру Кроуму в связи с его уходом на пенсию.

9. НЕКРОЛОГИ

Первыми о смерти сэра Генри узнали «Трое безымянных» из МИ-5.

Тот, который услышал эту весть по телефону, не промолвил ни слова. Он положил трубку и молча прошел мимо своих двух коллег («Безликих») к щиту, занимавшему целиком одну стену. Там на сложной схеме, отображавшей взаимосвязь всех отделов безопасности, значились фамилии их руководителей. «Безликий» зачеркнул фамилию сэра Генри и вернулся на свое место. Двое остальных кивком головы дали понять, что им все ясно, и заседание продолжалось.

Бакстер Лавлейс получил сообщение о смерти своего шефа по прямому проводу, соединявшему его элегантную квартиру с Управлением безопасности. Лавлейс не смог уехать за город на эти дни, а сидеть в воскресенье в Лондоне ему было обидно, поэтому он пребывал в дурном расположении духа. Чтобы как-то отвлечься, он лепил фигурку из пластилина, отрабатывая каждую деталь.

— Ну конечно. В этом весь сэр Генри. Нарочно выкинул такой номер в воскресенье, чтобы не дать людям спокойно отдохнуть. Ладно, сейчас я приеду.

Он повесил трубку и вернулся к своему занятию. Фигурка была дюймов в девять высотой и сильно смахивала на Бойкотта.

Бакстер Лавлейс отыскал на письменном столе огромную булавку и с силой воткнул ее фигурке под ложечку...

— Ох! — простонал Бойкотт, отрываясь от мощного телескопа, направленного на открытую балконную дверь дома Кромески.

— Что случилось, сэр? — спросил полицейский инспектор, вошедший с каким-то донесением в руках.

— Не иначе, как язву заработал, — горделиво объявил Бойкотт, схватившись за живот. Язва, по его мнению, была болезнь достойная, полностью в духе века электроники.

— Вот, только что получено для вас, сэр.

Бойкотт решил, что труды его увенчались долгожданным успехом. Он нетерпеливо вырвал у инспектора бумажку. Оказалось, что это всего-навсего сообщение о трагической смерти сэра Генри. Бойкотт смял сообщение в комок и отшвырнул прочь.

— Кому это интересно! — пробормотал он в раздражении, возвращаясь к телескопу.

Командор Солт тоже наблюдал через окно за внешним миром, но при посредстве огромного морского бинокля.

— Что за унылая картина вокруг! — заметил он мрачно.

— Унылая картина сейчас на Уайт-Холле — старик Спрингбек повесился у себя в кабинете, — с присущим ему остроумием сообщил лейтенант Игар, подавая шефу рапорт.

— Та-а-а-к, — протянул бравый командор, вставил в глаз монокль и принялся за чтение. — Пожалуй, это сигнал опасности. Давай-ка, приятель, свернем на некоторое время все дела. Надо выждать.

— Ничего удивительного, — констатировал бригадир Радкинс. — У бедняги Спрингбека кишка была тонка для такой работы. Но все-таки это уж чересчур. Старый дурак.

— Сибилла! — позвал жену старик Кроум. — Достань-ка мне черный галстук. Только что трагически скончался мой бывший шеф.

Он узнал о смерти сэра Генри из шестичасового выпуска последних известий и огорчился до глубины души.

— Но я уже упаковала все галстуки, Эдвин.

— Прости, дорогая, я тебе доставляю столько хлопот, но сама понимаешь...

Завязывая галстук в спальне перед зеркалом, он сказал дрогнувшим голосом:

— Это конец целой эпохи. Он и я, пусть на разных ступенях служебной лестницы, были последние — я в этом убежден — самые последние хранители старых традиций государственной службы.

У старого честного труженика навернулись слезы на глаза, а жена посмотрела на него растроганным взглядом.

Но тяжелее всех воспринял печальную новость Хаббард-Джонс. Он попросту впал в неистовство.

— Черт побери! — вопил он. — Проклятье! Безмозглый осел! Да как он посмел!

Хаббард-Джонс метался по своей роскошной новой квартире, швыряя на пол и опрокидывая все подряд и изрыгая проклятия:

— Черт! Черт побери! Черт их всех побери!

10. ОПЕРАЦИЯ „ЖМУРКИ“

Стоял холодный ясный вечер, какие бывают в пору первых заморозков. В небе висела полная луна, круглая и белая, словно тарелка. Безлюдные воскресные улицы в ярком лунном свете казались театральными декорациями. Фургон «Акционерного общества Футлус» с головокружительной скоростью несся по Кэмден-Хилл.

На крыше фургона под брезентом распростерся мертвецки пьяный Хаббард-Джонс, загримированный под Черного менестреля [1].

За рулем сидел Джок Мак-Ниш. Ему было невдомек, что смерть толстухи Розы, случившаяся по его вине, послужила толчком для операции «Жмурки».

Сидя рядом с Мак-Нишем, Рональд Бейтс размышлял об удивительных событиях последних часов, из-за которых он попал теперь в эту историю.

Началось все с того, что Рональда срочно вызвали на службу. Факт сам по себе невероятный, ибо в обычное время Хаббард-Джонс скорее пустился бы вплавь через Ла-Манш, чем согласился работать в воскресенье. Вместо приветствия шеф торжественно объявил:

— Бейтс, сегодня вечером мы должны проникнуть в «Роковой дом». Начинаем операцию «Жмурки».

— Какую операцию?

— А вы что, черт возьми, не соображаете? Я вам сто раз о ней говорил. — В действительности мысль об операции «Жмурки» пришла ему в голову полчаса назад. — Это вторая часть «Плана Х.-Дж.», дубина вы эдакая.

Находясь в подпитии, Хаббард-Джонс снова и снова возвращался к идее о блистательном маневре, который раскроет тайну «Рокового дома». Но до сего дня все это оставалось заманчивой мечтой, не влекущей за собой решительных действий. Однако теперь над Хаббард-Джонсом нависла страшная угроза — место сэра Генри займет Бакстер Лавлейс, и тогда прости-прощай его привилегии, которых он только что добился. Наступало время укрепить свои позиции, доказать на деле, что его отдел — боевой отряд контрразведки. И доказать незамедлительно.

— Так вот, — продолжал он. — Массированный рейд. Как можно больше людей. Вооруженных до зубов. — Тут даже он понял, что хватил через край, и несколько сбавил тон. — То есть, не поднимая особого шума, кто-то один из нас должен пробраться в дом.

— Вот оно что, — сказал Рональд. И добавил: — И кто же?

Хаббард-Джонс притворился, будто не слышит. Некоторое время он шагал взад и вперед по комнате, погруженный в раздумье. Наконец как ни в чем не бывало он объявил:

— Бейтс, как только мы туда приедем, вы перелезаете через забор, и после этого вам следует...

— Ни за что, — прервал Рональд с твердостью, неожиданной для самого себя.

— Вы отказываетесь выполнить приказ, Бейтс?

— Да.

Они молча уставились друг на друга. Трудно было сказать, кто из них удивлен больше.

И сейчас в уютной и теплой кабине Рональд вспоминал с некоторым даже удовольствием, как он впервые в жизни выказал неподчинение. Правда, Хаббард-Джонс сразу насел на него, пустив в ход весь набор приемов, которым располагает уязвленное начальство, и Рональд чуть было не утратил свой бунтарский дух. Еще немного — и он бы уступил, но тут нечто неожиданное и трогательное вновь придало ему мужество: Рональд откинулся на спинку подпрыгивающего сиденья, и перед его глазами опять прошла следующая сцена.

[1] Черные менестрели — ансамбль негритянской песни.

Место: Отдел наблюдения за иностранными гражданами.

Время: вечер того же дня.

На сцене: передний план — Скромница, Рональд Бейтс. Задний план («святилище») — Хаббард-Джонс.

Рональд в тревоге ходит из угла в угол.

Хаббард-Джонс. Ох! Ой! Какая боль в спине! У меня, должно быть, смещен позвонок.

Рональд. Ничего не поделаешь. Придется мне взять это на себя. Ему такое сейчас не под силу.

Скромница. Нет! Пожалуйста, не надо, мистер Бейтс.

Рональд. О чем это вы?

Скромница *(смущенно)*. Если... если все кончится плохо, если кого-то ранят или убьют, когда нужно будет лезть в этот дом, или еще что... пусть лучше его, а не вас...

Рональд. Но ведь... Вы и он...

Скромница *(неожиданно взяла его за руку обеими руками)*. Да ничего у меня к нему нет... Просто я боюсь его — он командует, и я сразу теряюсь и не могу за себя постоять. Пожалуйста, мистер Бейтс, не подвергайте себя такой опасности!

Рональд *(неожиданно дерзко)*. Надо бы и мне так командовать...

Скромница. Нет, нет! Глупый, ведь вы мне и нравитесь потому, что вы не такой, как он. *(Глаза у нее сияют, Рональд зачарованно смотрит на нее. Волшебный миг.)* Пожалуйста, мистер Бейтс! Поберегите себя. *(Скромница дарит ему нежный поцелуй и выбегает из комнаты.)*

Рональд возвращается к действительности и смотрит на часы. Слежка за «Роковым домом» показала, что наиболее удобный момент для прорыва — это одиннадцать часов вечера. Сейчас двадцать пять двенадцатого. Время упущено. Их операция должна бы уже сейчас идти полным ходом.

Подготовительная стадия проходила удачно. В десять часов через забор в сад «Рокового дома» забросили несколько кусков мяса со снотворным. Через четверть часа свирепые сторожевые псы спали глубоким сном. Вокруг все дышало покоем. Хаббард-Джонс, смирившись наконец с тем, что Рональд не возьмет на себя его обязанностей, тоже, казалось, успокоился. Весь день он пил, не переставая, но тем не менее позволил облачить себя в черный кожаный комбинезон и намазать себе лицо черной ваксой.

Скромница вслух читала по списку, а Рональд и Джок Мак-Ниш вооружали и снаряжали нетвердо стоящего на ногах и с ухмылкой озирающегося шефа.

1 нож с длинным тонким лезвием, 2 ножа с широким лезвием, 1 автоматический пистолет 32-го калибра, 2 микрофотокамеры.

И так далее... Длиннейший список, но наконец десантный отряд в составе одного человека был полностью экипирован и готов к бою.

И только когда шефа укладывали на крыше фургона, стало ясно, что он мертвецки пьян.

Хаббард-Джонса спрятали под куском брезента, приставную лестницу унесли, и вдруг из-под брезента высунулась перекошенная черная физиономия:

— Мне не дали бомбы со слезоточивым газом!

— Дали, дали. Я все проверила дважды, — ответила Скромница. Она вышла с ними попрощаться и, дрожа от холода, стояла у фургона. Машина тронулась в путь, когда было далеко за одиннадцать. Скромница помахала им вслед рукой.

Джок гнал сломя голову и не обращал ни малейшего внимания на Хаббард-Джонса, если тот вдруг начинал отчаянно барабанить по крыше, требуя, чтобы машину остановили. Только благодаря Мак-Нишу налет вообще состоялся. Было уже без четверти двенадцать, когда веревку с крюком зацепили за платановую ветвь, и Хаббард-Джонс повис, качаясь, над забором «Рокового дома»... Рональд и Джок ждали, напрягши слух. Наконец послышался тяжелый глухой удар...

— Приземлился!

Затем раздались неверные шаги, приглушенные проклятия, что-то звякнуло. Хрипение, кашель, плевки — из-за забора поднялось клубящееся белое облако.

— Боже милостивый! Он хлопнул об землю слезоточивую бомбу, — догадался Джок.

Полицейский констебль Уорт любил ночные дежурства. Он с удовольствием бродил в одиночестве по пустынным улицам, погруженный в свои мысли. Он перебирал в памяти все когда-либо нанесенные ему обиды, стараясь ни одной не пропустить. А в этот ясный вечер, совершая обход залитых луной улочек и переулков, Уорт неотступно думал о самой большой своей обиде. Это было нечто из ряда вон выходящее, и вот уже две недели воспоминание о ней наполняло его душу сладостной болью. Подумать только — явился инспектор и приказал (конечно, чтобы задержать продвижение Уорта по службе) освободить из-под ареста преступника (задержанного Уортом с риском для жизни), который выдал себя за слепца, оказал сопротивление властям и совершил нападение на офицера полиции... Тут Уорт заметил неподалеку в тени дерева огромный фургон. Констебль насторожился. Фургон мог быть связан с нарушением порядка, нарушение порядка могло означать арест, аресты же, по мнению простодушного Уорта, означали продвижение по службе.

Используя полицейский прием, известный под названием «растаять в ночной темноте», он стал крадучись подбираться к фургону.

Облако слезоточивого газа развеялось, кашель затих вдали, и Рональд и Джок принялись за запасное колесо, из которого предварительно был выпущен воздух. Они положили колесо на мостовую, разбросали вокруг инструменты, надеясь таким образом создать впечатление, будто заклеивают прокол, если вдруг привлекут к себе чьи-нибудь любопытные взоры.

— Дай бог ему унести оттуда ноги!

— Черта с два, — бесстрастно ответил Джок. — Ничего у него не выйдет. Поручил бы мне — я с четырнадцати лет взламываю замки и залезаю, куда надо. И сцапали меня всего два раза. Так-то. И вообще, на черта нам мерзнуть вдвоем, — рассудил он, забрался в кабину и тут же заснул.

Рональд остался один, он так замерз, что у него не гнулись пальцы. Он считал своим долгом думать и тревожиться о Хаббард-Джонсе, но мысли его были заняты только Скромницей...

Внезапно ему в лицо посветили фонариком.

— Что случилось, приятель?

— Ничего страшного, констебль, всего-навсего прокол. Я уже почти привел колесо в порядок.

Уорт прошелся с фонариком вокруг фургона и увидел надпись: «Акционерное общество Футлус. Документальные, видовые и короткометражные фильмы». Подозрения констебля мигом развеялись, он преисполнился доброжелательности.

— Снимаете фильм, сэр?

Рональд начал излагать легенду, сочиненную на подобный случай.

— Совершенно верно. Были на съемках с шести утра. А сейчас уже почти дома, и надо же такому случиться.

— Ну, ребята, вы вкалываете не хуже нашего. Давайте-ка я вам пособлю, устали небось.

— Ничего, констебль... Я и сам справлюсь... Уже почти все...

Рональд принялся завертывать гайки, надеясь так потянуть время, но Уорт, ткнув носком башмака в колесо, заключил:

— Верно, у вас тут все в порядке. Теперь гоните домой, и на боковую.

— А я не спешу... То есть, конечно, на боковую, — неумело изворачивался Рональд.

— Вы один, сэр?

— Э-э... не совсем.

Рональд открыл дверцу и изо всех сил встряхнул храпящего Мак-Ниша.

— Значит, он вернулся? — поинтересовался Джок спросонья.

Рональд отчетливо и громко прокричал ему в ухо:

— Констебль любезно помог мне, Джок. Можно ехать.

— Ну и ну! — вырвалось у Джока.

— Что делать? Не бросать же здесь шефа одного, — взволнованно зашептал Рональд. Джок лишь пожал плечами.

— Благодарю вас, констебль, — обратился Рональд к Уорту. — Пожалуй, мы двинем дальше.

Уорт закрыл за Рональдом дверцу и вежливо откозырял:

— Спокойной ночи, сэр. Поезжайте осторожнее.

Сразу же за углом Джок остановил машину.

— Пойдем глянем, — сказал он.

Они вылезли из машины и на цыпочках двинулись обратно. На Линкольн-Террас ни души, вокруг мертвая тишина.

Вдруг из «Рокового дома» донесся оглушительный взрыв. Джок и Рональд в ужасе посмотрели друг на друга.

— Смотри-ка! — прошептал Джок. — Он, кажется, провернул это дело.

На заборе появилась черная тень. Прыжок — и тень благополучно приземлилась, но в тот же миг из мрака вынырнула еще одна черная тень. Завязалась схватка, замелькали руки, ноги... И на середину мостовой в пятно лунного света выкатилась полицейская каска.

— Я смываюсь, — заявил Джок. — Он теперь в лапах у правосудия.

Рональд, к своему изумлению, каким-то образом очутился рядом с Джоком в кабине. Фургон понесся по улице. Рональд понимал, что не проявил должной храбрости, но трусость всегда заразительна.

Схватка на мостовой была недолгой — через минуту Уорт подтащил свою жертву к ближайшему фонарю. Крупные капли пота, стекая, оставляли следы на черной ваксе, и лицо у Хаббард-Джонса было все в полосах. Тем не менее Уорту не стоило большого труда узнать черты, столь глубоко врезавшиеся ему в память. Да, ночка сегодня выпала удачная.

— Ах, это опять ты! — воскликнул бравый констебль. — Ну уж теперь держись...

Продолжение следует

Перевела с английского НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВА

БУДНИ КОНТРРАЗВЕДЧИКА

Роман

РОБЕРТ ТРОНСОН,
английский писатель

11. ТЯЖЕЛЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рональд брел по Пикок-Лейн, еле волоча ноги. Он провел остаток ночи без сна, терзаясь сомнениями. Может быть, нужно пойти в полицейский участок Ноттинг-Хилл и выручить Хаббард-Джонса? Или ему следует обратиться в Особое управление и убедить их арестовать всю шайку в «Роковом доме», пока те не удрали, предупрежденные об опасности визитом Хаббард-Джонса?

Не в силах, как обычно, отважиться на самостоятельный поступок, он решил пойти на службу — вдруг там есть какие-нибудь новости, которые помогут ему принять нужное решение.

У двери «Акционерного общества Футлус» он остановился в сомнении. А что, если Хаббард-Джонса уже выпустили и он его ждет? Рональд уныло отворил дверь и вошел. И тут его подстерегала засада. Ему зажали рот с силой так, что все тело пронизала резкая боль, заломили назад руки, потащили вверх по лестнице и втолкнули в комнату, где он обычно работал.

— Бейтс, — лаконично объявил один из пленивших Рональда.

Рональд, ничего не понимая, поднялся с пола. Несколько человек вели тщательный и методичный обыск, не оставляя без внимания ни единой щели.

— Отойдите к стене, Бейтс. Руки на голову.

Рональд повиновался и обнаружил рядом с собой Джока Мак-Ниша, тоже обхватившего голову руками и выглядевшего весьма нелепо. Они обменялись недоуменными взглядами. Ни Хаббард-Джонса, ни кого-либо из сотрудников не было видно.

Из «святилища» появился высокий и красивый молодой блондин.

— Так это вы Бейтс? Вас ждут, мистер Бейтс. — И с этими словами он взял Рональда за ухо и повел в «святилище».

Справка. Операция «Жмурки», ретроспективно. Когда слезоточивый газ рассеялся и кашель стих, Хаббард-Джонса охватило странное блаженство — газ и пары виски настроили его на смешливый лад, и в высшей степени серьезное предприятие казалось теперь ему чуть ли не шуткой. Он с необычайной легкостью проник в дом, как и было задумано, через окно второго этажа, и очутился в узком коридоре.

Где-то вдали часы пробили полночь.

Он соскользнул по лестнице к массивной двустворчатой двери, которая вела в комнату с многочисленными яркими телефонами, пестрыми морскими кодами и мрачными телетайпами. Хаббард-Джонс озирался, как в тумане, пытаясь сообразить, зачем он здесь. Увидев огромный радиопередатчик, он смутно припомнил, что нужно выяснить, на какую он настроен волну.

Но, осторожно подкрадываясь к передатчику, Хаббард-Джонс заметил и многое другое: большие красные ведра с надписью «пожарное ведро», заглавия на морских кодах, неожиданно четко возникшую надпись, которая начиналась словами «Министерство оборо...», потом он почувствовал запах сигары и осознал, что тут кто-то есть. И с него сразу слетел весь хмель.

Он молниеносно обернулся, хватаясь за пояс... В дверях стояли командор Солт и лейтенант Игар. Они смотрели на Хаббард-Джонса участливо, словно посетители в больнице.

— Так-так-так, — произнес командор.

К подобному сюрпризу Хаббард-Джонс не был подготовлен. Он настроился на встречу с вооруженными до зубов представителями восточного мира, но никак не ожидал увидеть перед собой холеных морских офицеров с сигарами в зубах. Хаббард-Джонс схватил первое, что нащупал на поясе (это была маленькая ручная граната), швырнул ее в моряков и бросился бежать. Он уже снова забрался на второй этаж, когда раздался взрыв и на пол посыпались штукатурка, крючки и фотографии военных кораблей. *Конец справки. Вернемся в отдел наблюдения за иностранными гражданами, в «святилище», где Рональд только что выслушал гораздо более выразительное изложение этих же событий.*

Продолжение. Начало в № 1, 2.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

Бакстер Лавлейс окинул Рональда ледяным взглядом. Затем посмотрел на полного бледного человека с моноклем, сидевшего справа от него; затем на нахального блондина по левую руку; наконец, на девушку в углу, которая стенографировала беседу (это была Скромница — жива, слава богу, хоть и заплаканная, расстроенная, на Рональда даже не взглянула).

— Я глубоко разочаровался в вас, Бейтс.

— Виноват, сэр, — пробормотал Рональд, вытянувшись по стойке «смирно». Все это очень походило на заседание военного трибунала.

— Я назначил вас в этот отдел, так как полагал, что вы будете оказывать сдерживающее влияние на Хаббард-Джонса, всем известного несколько неустойчивой психикой. Кстати, если вас это в какой-то мере утешит, вчерашний эпизод положил конец его карьере. Я отправил его туда, откуда он к нам пришел, — обратно к иммиграционным властям. Что касается вас, Бейтс, вы поощряли его безумные затеи. Одним словом, Бейтс, *вы* проявили себя в крайне невыгодном свете. Я закрываю отдел — все равно от него никогда не было толку. А вы, — зеленые глаза сверкнули ледяными искрами, — вы можете считать себя в резерве на неопределенный срок.

Это было равносильно смертному приговору — изгнание из контрразведки, из прекрасного мира мечты.

Рональд прошел к своему столу и начал собирать вещи. Дверь в «святилище» осталась полуоткрытой, и он улавливал обрывки разговора между Солтом и Бакстером Лавлейсом.

— Что вы думаете делать с остальными сотрудниками? — спросил Солт.

— *Некоторых* мы переведем в другие отделы, но...

— Переведите девушку ко мне. Я давно ищу секретаря.

Рональд уже почти ничего не воспринимал, и эта убийственная просьба даже не задела его. Затем снова послышался голос Лавлейса:

— Некоторые из них вообще ни на что не годны, обыкновенные преступники. Одного вдобавок разыскивает полиция. Он стащил кипу ордеров на обыск и пользовался ими, чтобы проникать в частные дома. Стоило хозяину отвернуться, и он хватал, что плохо лежит, совал в чемодан и исчезал...

У Джока Мак-Ниша лицо внезапно покрылось испариной.

— Разрешите выйти по нужде? — обратился он к своей охране. Те вопросительно взглянули на лейтенанта Игара.

— Один пройдет с ним и станет у двери.

Джока вывели. Через несколько секунд, как Рональд и ожидал, загремела, падая, колонка. Потайным ходом воспользовались в последний раз, и впервые с толком.

В отличие от Джока Бакстер Лавлейс покидал здание через парадный ход.

— Ну, слава богу, они хоть не занимались подрывной деятельностью. Просто-напросто по воле одного психопата и одного дурака, — он уничтожающе взглянул на Рональда, — выброшена на ветер огромная сумма государственных денег. А вы, командор, дешево отделались. Не стоило, конечно, вам самим браться за обыск, следовало подключить Особое управление — это их дело. Но от них теперь, пожалуй, ничего не добьешься. Кажется, они все до одного торчат возле какой-то лачуги где-то на окраине.

И он исчез за дверью.

— Неплохая работа, неплохая, — потирал руки командор Солт. — Нам повезло, что все это случилось сегодня — Лавлейс первый день на новом посту вместо Спрингбека. Ну, крошка, идем, — обратился он к Скромнице, которая покорно ждала, когда о ней вспомнят.

Девушка пошла за своим пальто, по-прежнему пряча глаза от Рональда, но он успел заметить, что она опустила какой-то листок в карман его макинтоша.

— Не повезло вам, Бейтс, — посочувствовал командор. — Я всегда говорю: если работаешь у нас в контрразведке, главное — умение лавировать. Иными словами, сиди и не рыпайся.

Командор пропустил Скромницу в дверь и доверительно подмигнул Рональду: «Военная добыча».

Рональд сидел в кафе, устремив взгляд в чашку с чаем. Все кончено! Вот ему нет и тридцати, а карьера его уже оборвалась. Он мрачно полез в карман за запиской Скромницы. К своему удивлению, он обнаружил там еще одно письмо. На дорогом конверте стояло: «Рональду Бейтсу, эсквайру [1]. Лично. Конфиденциально».

Скромница ему писала:

«Дорогой мистер Бейтс! Простите, не смогла предупредить вас, но через два часа, как вы уехали, те, которые вас ждали сегодня утром, ворвались и держали меня здесь всю ночь. Около восьми утра пришел, который на вас орал. И я так виновата, я все выболтала тому с моноклем. Он мне скомандовал, я и струсила. Тороплюсь, больше писать не могу. Ваша Джина (Скромница)».

«Джина (Скромница)», — печально размышлял Рональд. Он никогда не знал, как ее называть, и обращался к ней просто «вы», а она не пошла дальше «мистера Бейтса». Он грустно перечитал записку, а затем вскрыл дорогой конверт.

«Мне необходимо встретиться с Вами в частном порядке и кое о чем переговорить. Не смогли бы Вы быть у меня сегодня в 8 часов вечера? Проверьте, чтобы за Вами не было слежки.

Искренне Ваш А. де В. Б. Л.

P. S. Не принимайте близко к сердцу утренних событий».

12. ПЕТЛЯ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Кислятина Крэбб явился с визитом к Бойкотту во временный штаб. Маленькая комната, некогда служившая гостиной, была завалена кипами бумаг: вся подноготная мистера и миссис Кромески, их прошлое, друзья, враги — все было здесь. Крэбб в восхищении оглядел комнатку и начал свой внутренний диалог:

— В. Как обстоит дело с Бойкоттом?

[1] Ставится после фамилии человека состоятельного или с образованием.

— О. Прекрасно.

— В. Петля затягивается.

— О. Все туже и туже, осталось лишь дернуть как следует.

— Неплохо, — похвалил Кислятина, указывая на горы толстых папок.

— За две недели набралось, — снисходительно отвечал Бойкотт.

— За девятнадцать дней, — кротко поправил его шеф. — На вас сейчас работает чуть ли не все управление.

Бойкотт начал объяснять в двадцатый раз:

— Сразу положительные результаты получить трудно. Каждый шаг в том доме фиксируется. Каждое письмо, каждый телефонный звонок. Мы знаем, кто к ним ходит, с кем они встречаются вне дома. Вся эта информация ежедневно поступает в ЭВМ. Пройдет еще немного времени — и они у нас в руках. И не одно мелкое звено, как бывало раньше, а вся их грязная сеть.

— Понятно, — добродушно отозвался Крэбб. — Ну что же, только не забудьте: на следующей неделе состоится государственный визит. Президент одной африканской республики.

— Африканской? — Бойкотт вскочил на ноги, сбив со стола поднос с чайником и чашками.

— Да, — продолжал Крэбб. — Вы, наверное, знаете кое-что о деятельности здешних студентов из этой страны. Забавные ребята. Они, судя по донесениям, недолюбливают своего президента, так что нам велено смотреть в оба.

— Но, черт побери, — встревожился Бойкотт, — я не могу снимать людей с этого задания. Если хоть на день прервется поток информации, нужно будет начинать все сначала. ЭВМ должна получать материал регулярно. Это ее хлеб насущный.

— Боюсь, что недельку ей придется поголодать. В штабе еле-еле хватает людей для охраны королевской семьи, не говоря уж об африканских президентах.

У Бойкотта запылал нос.

— Я ставлю вас в известность об этом, так как со следующей недели вам предстоит взять на себя руководство всей нашей конторой.

Бойкотт уронил карандаш.

— Поэтому я к вам и зашел. В понедельник у меня начинается курс лечения, срок — месяц. Доктора велят — ничего не поделаешь, а иначе разве бы я стал перекладывать все дела на ваши плечи?

— Ну что же, — сказал Бойкотт, заметно повеселев. — И прекрасно, то есть я не про вашу болезнь. Я насчет этого государственного визита. Не беспокойтесь, все будет в порядке. Не хотите ли все осмотреть, раз уж вы к нам заехали? У нас есть очень интересное новое оборудование.

Он провел Крэбба наверх, откуда была видна тыльная часть дома 110 на Балморал-Касл-Драйв.

Комната была невелика и с трудом вмещала огромное количество техники, не говоря уже о сотрудниках. Они преспокойно распивали чай, но с виноватым видом засуетились вокруг аппаратуры, притворяясь, будто работают, когда в комнату втиснулись Крэбб и Бойкотт.

— Что-нибудь новенькое? — бодро спросил Бойкотт. Он видел, что Крэбб настроен недоверчиво, и размечтался: хорошо б сейчас доложили, что в саду напротив только что сел вертолет и высадилась целая группа агентов, и на рукавах у всех у них красные повязки: «СССР. Кадровый шпион».

— Кладбищенское спокойствие, сэр.

— Кажется, ваши сотрудники не сумели установить у Кромески диктофоны? — поинтересовался Крэбб.

— Об этом лучше спросить Гендерсона. Передайте, что его хочет видеть начальник управления.

Через несколько минут появился Гендерсон, эксперт-связист. Лицо у него было сконфуженное.

— Дело вот в чем, сэр. Сперва пошел Морисси под видом газовщика. Потом констебль Нил, притворился электромонтером. Опять ничего не вышло. Тогда отправился я сам, будто я водопроводчик. Единственное, что мне удалось, — это пристроить диктофон в ванной.

— Что же вам мешает? — терпеливо спросил Крэбб.

— Да все эта женщина, сэр. Миссис Кромески. — Гендерсон слегка покраснел. — Она... ну ходит за нами по пятам.

— Зачем?

— Она... она делает разные намеки...

— Интимного характера?

— Именно, сэр. Грязные предложения. И не дает работать.

— Ладно. Надевайте фуражку водопроводчика и отправляйтесь туда снова. И примите ее предложения.

— Но я женатый человек, сэр.

У Крэбба не было ни малейшего намерения помогать Бойкотту, но в нем заговорил профессионал. Он не терпел отсутствия инициативы в работе.

— Вы можете оказаться женатым человеком без работы и без пенсии, если не будете выполнять приказов, Гендерсон.

Гендерсон судорожно вздохнул — ему ничего не оставалось как подчиниться.

— Вот видите, такая простая деталь человеческого поведения ускользнула от вашей электроники, Бойкотт. Ну, мне пора. Не забудьте насчет государственного визита. Да, кстати, надеюсь, Кроум у вас по-прежнему под наблюдением?

— Зачем? Это бы его только настораживало. Мы и так знаем, где его найти, если понадобится.

— В прошлую пятницу он вышел на пенсию.

— Это не имеет значения.

— Боюсь, что имеет, и немалое, — веско заметил Крэбб. — Он, кажется, скопил изрядную толику и приобрел участок земли в Аргентине. Улетел туда сегодня утром с женой. К сожалению, с Аргентиной у нас нет соглашения о выдаче преступников.

Бойкотт разинул рот и вытаращил глаза.

— Похоже, он ускользнул у вас прямо между пальцев, Бойкотт, не так ли?

С этими словами Крэбб покинул своего заместителя.

У ближайшей телефонной будки он остановился. Кислятина знал, что только по телефону-автомату можно говорить без опаски, все частные аппараты прослушивались.

Он набрал одиннадцать цифр. В трубке зажужжало. Затем послышался гудок особого тона. Крэбб набрал еще шесть цифр, и его соединили непосредственно с «Тремя безымянными».

— Он ваш. Можете его брать в любой день на следующей неделе.

— Крэбб подловил для нас Бойкотта, — сказал «Безликий» двум остальным «Таинственным друзьям».

— Превосходно.

Один из них встал, прошел к схеме и, взмахнув карандашом, вычеркнул фамилию Бойкотта из списка.

13 НОВАЯ ЭРА

У Рональда весь день прошел в заботах и беготне, и его подавленность как рукой сняло — он заметно приободрился.

Ни на минуту не забывая о многозначительной просьбе Лавлейса: «Проверьте, чтобы за вами не было слежки», — он носился из одного кинотеатра в другой и с риском для жизни соскакивал на ходу с автобусов, чтобы оторваться от хвоста, который, возможно, был к нему приставлен. Для большей верности он хватал одно такси за другим и на полдороге внезапно менял маршрут. К семи часам Рональд исколесил весь город, умаялся окончательно и остался без гроша.

И вот он бредет, прихрамывая, по Пикадилли к Белгрейвии[1], где находится дом Лавлейса. Улица Нейпиар-Кресент состоит из роскошных особняков, в большинстве из них разместились посольства, но дом № 32 разделен на квартиры — самые большие и дорогие квартиры во всем королевстве. Перед Рональдом раскрываются тяжелые двери, и он попадает в вестибюль, какой можно увидеть лишь на экране кино.

В квартире Бакстера Лавлейса его встречает экономка в черном платье из плеяды преданных слуг семейства Лавлейс.

— Мистер Антони ожидает вас в кабинете, сэр. Будьте любезны, следуйте за мной.

Рональд идет за нею по устланному толстым ковром коридору, где на стенах красуются портреты предков семейства Лавлейс.

— Мистер Бейтс, сэр, — объявляет экономка.

Лавлейс сидит за письменным столом в другом конце огромного кабинета. В комнате полумрак, обои цвета выдержанного красного вина, мебели немного, но она массивна и роскошна.

— Входите, Рональд.

Рональд вспыхнул от радости. Такая важная персона называет его просто по имени — о подобном он никогда не мог и мечтать.

— Присаживайтесь, — говорит Лавлейс. — Вы, наверно, замерзли. Выпейте коньяку.

Бокал похож по размерам и весу на бочонок, коньяк — старый, ароматный, налит щедрой рукой. Рональд чувствует, как он согревается в жарко натопленной квартире.

— Я должен извиниться перед вами за нелепый утренний спектакль, но я был вынужден его устроить. *Все* должны были поверить, что вы вышли из игры.

— Понимаю, — сказал Рональд, не представляя себе, о чем идет речь.

— Я вам доверяю. Это вы мне писали, не так ли? Анонимное предупреждение о том, что Хаббард-Джонс установил за мной слежку?

Рональд кивнул. За последние двое суток произошло так много событий, что об этом письме он начисто забыл.

— Я могу положиться лишь на очень немногих. По правде говоря, сейчас только на двоих. Это вы и бригадир Радкинс, — печально говорил Лавлейс. — Вы, наверно, догадались, поговорив со стариком на прошлой неделе, что у меня к вам дело.

Рональд полагал, что теперь его уже ничем не удивишь, но это сообщение его потрясло — значит, нелепая прогулка в машине с бригадиром считалась деловым разговором!

Лавлейс подлил Рональду еще коньяку и продолжал:

— Вам, видимо, небезызвестно, что положение сейчас создалось напряженное. Министр внутренних дел просил меня занять пост главы службы внутренней безопасности, но он отлично знает, что мое назначение не всем придется по душе...

— Сэр, ваше назначение встретят с восторгом! — воскликнул Рональд. Его начинало клонить в сон.

— Нет, многие будут против. Начальникам отделов при Генри Спрингбеке все, что угодно, сходило с рук. Я такого не позволю, и они это отлично понимают. Они будут всячески ставить мне палки в колеса. Но я их одолею. Одолею! — Лавлейс зашагал по комнате. Казалось, он разговаривает сам с собой, а не с Рональдом. — С ними нетрудно управиться. Пусть перегрызают друг другу глотки. Они передерутся, и выстоят только сильнейшие. И тогда я скажу свое слово. Я создам самую эффективную контрразведку в Европе, нет, во всем мире.

Бакстер Лавлейс сверкнул на Рональда зелеными кошачьими глазами и снова подлил ему в бокал.

— И мне это будет нетрудно: моя семья и семьи, с которыми она породнилась, заключая браки, управляют нашей страной вот уже много поколений. Вице-короли, послы, премьер-министры, лорды-канцлеры, истинный правящий класс... — он внезапно прервал себя. (Рональд старался сидеть прямо и щурил один глаз — все перед ним двоилось и плыло.)

— Я вас совсем заговорил. Вы, конечно, жаждете узнать, зачем я вас сюда пригласил. Пока я занимаюсь делами на внутреннем фронте, деятельность нации вовне продолжается. Нам необходимо выяснить, как происходит утечка важнейшей секретной информации. Операция...

— «Девять муз», — не утерпел Рональд и готов был откусить себе язык.

— Вам о ней известно? Боюсь, что известно всем. С этой минуты вы работаете непосредственно на меня. Ни один человек, повторяю, *ни один* не должен об этом знать. Если вам понадобится помощь, свяжитесь с бригадиром Радкинсом, но только в случае крайней необходимости.

Он протянул Рональду визитную карточку и ключ.

— Связь со мной и бригадиром будете держать через эту даму.

Рональд попытался разобрать фамилию на карточке, но не смог.

— Это ключ от квартиры, адрес вот здесь, на ярлыке. Ваша легенда — вы приобрели эту квартиру и въедете, как только она будет отделана. Ваша связная — художница по интерьеру, так что вы можете встречаться с ней ежедневно у себя на квартире — обсуждать цвет обоев и тому подобное. Ясно?

Рональду стоило немалого труда понять, что от него требуется.

— Но у меня нет денег, — сказал он наконец. — И все знают, что нет. Как же я купил такую квартиру?

— Просмотрите вечерние газеты, и вы увидите, что выиграли пять тысяч фунтов—первый приз в викторине компании, производящей консервированную фасоль. И вы сообщили корреспондентам, что всегда мечтали жить в фешенебельном районе.

— Понимаю.

— А теперь, — Лавлейс подлил Рональду еще, — теперь я расскажу вам, как обстоят дела с этими проклятыми «Девятью музами».

---

[1] Фешенебельный район в центре Лондона.

— Четырех уже прихлопнули, — подсказал Рональд, с трудом выговаривая слова. Он пытался вспомнить их имена, но не мог.

— Это Клио, Талия, Эвтерпа и Терпсихора. На прошлой неделе убрали Каллиопу и Эрато. Кровавые убийства. У нас почти не остается курьеров.

— А муз осталось три, — победоносно заключил Рональд после долгих упражнений в устном счете.

— Две. Потому что с Мельпоменой расправились сегодня утром. Так что, сами видите, нужно действовать без промедления.

Но Рональд уже полностью отключился. Он вроде бы и не спал, глаза у него были открыты, но голова пуста, как банк в воскресный день. Он только сумел удержать в памяти слова Лавлейса: «Девять муз»— это ряд секретных донесений, которые мы получаем из...»

Рональд Бейтс (недавно назначенный специальный тайный агент) не помнил, как он покинул квартиру Лавлейса. Он умудрился выйти оттуда без посторонней помощи, но двигался словно во сне. Тактичная экономка проводила его до лифта. Он пересек импозантный вестибюль, даже не пошатнувшись. Швейцар распахнул перед ним дверь такси, вызванного Лавлейсом по телефону.

Когда машина отъехала от дома, двое промерзших до костей следопытов, которые прятались за столбом, вздохнули с облегчением.

— Пробыл у него не меньше двух часов, — отметил один.

— Ага. В лицо я его не разглядел, но, похоже, совсем молоденький.

— Теперь шеф обрадуется. Первое дельное донесение за столько месяцев.

Никто не подумал сообщить людям Хаббард-Джонса, следившим за Бакстером Лавлейсом, что в этот самый день еще утром отдел их прекратил свое существование.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ТАЙНЫЙ АГЕНТ НА СЛУЖБЕ НАЦИИ

Вагон покачивается, электричка, подпрыгивая, громыхает по рельсам. Рональду знаком каждый стык, каждая шпала еще с той поры, когда он дважды на день совершал этот путь — в школу и обратно. Вот и сейчас он ловит себя на том, что повторяет шепотом, как заклинание, названия станций, — может, это его подбодрит, а то он совсем приуныл.

«Эрлсфилд, Уимблдон, Рейнс-Парк, Нью-Молден, дайте мне силы в минуту опасности!»

Из статейки, напечатанной в одном скандальном еженедельнике, Рональд узнал, что его дом в Сент-Маргаретс оказался «гнездом порока». В доме после смерти матери хозяйничал мерзавец-отчим, но Рональд боялся, что отвечать придется ему.

Промозглый ноябрьский вечер, мокрый снег, лохматые тучи. Рональд кутается поплотнее в макинтош, и перед ним снова проходят события последних четырех дней, неудачное начало его деятельности в роли специального тайного агента, подчиненного непосредственно главе службы внутренней безопасности...

Четыре дня! А ведь кажется, будто со вторника, когда он проснулся в тяжелом похмелье после визита к Бакстеру Лавлейсу, прошел целый год. Проснувшись, он не мог вспомнить, как добрался до дому, но самое страшное — он напрочь забыл, в чем состоит его секретное задание.

— «Девять муз»! — в ужасе бормотал он, бреясь дрожащей рукой. — Ключ от квартиры! Фамилия связной!

По счастью, ключ и визитная карточка нашлись у него в кармане, и он кое-как добрался до Сохо[1]. Разыскивая дом, указанный в адресе, он изводил себя упреками.

«Первый случай отличиться, и ты его проморгал. Господи, такая возможность никогда больше не подвернется! Дом 3-а, наверное, на другом конце улицы. Поторапливайся!..»

Но вот и дверь квартиры, которая якобы перешла в его собственность. Он принялся было отпирать хитрый замок, как вдруг вспомнил: «Болван! Сперва нужно проверить, как зовут связную. Где эта чертова визитная карточка?..» *«Жаклин д'Инди. Оформление интерьеров (благоухающая жасмином роскошная восточная красавица, в сумочке — револьвер системы Биретта, убивает наповал).*

— Ш-ш-ш-ш!..

Рональд замер на пороге. Оказывается, она уже здесь, в маленькой душной квартирке, стоит на коленях под столом и водит по деревянным панелям каким-то непонятным прибором. Рональд удивленно разинул рот. Аппаратик тонко гудел, вспыхивали красные и зеленые лампочки. Наконец все смолкло.

— Диктофонов пока что нет, вас не подслушивают. — Из-под стола показалась голова.

На Рональда сквозь толстые стекла очков грустно и ласково глядели близорукие серые глаза. Мисс д'Инди выползла и поднялась на ноги. В ней оказалось больше шести футов росту! Великанша с печальной улыбкой протянула Рональду большую вялую руку.

— Меня зовут Джеки, — представилась она.

Мисс д'Инди все утро отхаживала Рональда черным кофе и аспирином и согревала теплом женского участия. А незадачливый контрразведчик мучился, сознавая, что он здесь вообще не по праву. И окончательно скис, когда связная предложила, наконец, перейти к делу.

— Вот вам на расходы. Здесь сто фунтов. Время от времени будете пускать окружающим пыль в глаза — ведь вы выиграли огромную сумму.

Рональд взял деньги, чувствуя себя при этом Иудой Искариотом, а вовсе не тайным агентом.

— Здесь фотокопии всех документов, относящихся к операции «Девять муз», — продолжала Жаклин, поднимая с пола, как пушинку, два толстенных альбома с образцами обоев. — Они заложены между образцами. Вам, наверное, не терпится взглянуть на них, так что лучше я оставлю вас одного.

Пока она надевала огромное пальто, Рональд в ужасе листал покрытые неразборчивыми письменами шифрованные страницы. Его переполняло чувство глубокой вины, и он решил во всем признаться доброй великанше. Однако, когда он обернулся, ее уже и след простыл. Рональд хотел броситься вдогонку, но тут раздался долгий и грозный звонок в дверь.

Звонок заливался, не умолкая, и Рональду пришлось отпереть. Его тут же отбросило в сторону — в крошечную переднюю ворвалась, с силой хлопнув

[1] Район в центре Лондона.

дверью, какая-то неизвестная приземистая личность.

Рональд тупо разглядывал посетителя. Молодой, толстый, как бочонок, коротышка, черноволосый, с бородкой. Бородка ему не шла, кричащее пальто сидело, словно на корове седло, а черная кожаная шляпа без полей окончательно уродовала и без того мерзкую физиономию. Он протянул Рональду засаленное удостоверение ЦСБ.

— Смит. Районный уполномоченный МИ-пять, — с развязностью коммивояжера назвался он.

Рональд взял удостоверение, но не смог разобрать ни единой буквы. Он ошарашенно последовал за своим визитером в тесную гостиную.

— Да, квартирку тебе подсунули не ахти...

— Послушайте, я не знаю, к чему вы клоните, но я бросил контрразведку. Мне только что досталась крупная сумма, большой выигрыш...

— Не морочь мне голову. Нам все известно: вы с Лавлейсом что-то затеваете. «Наши таинственные друзья» приказали мне не спускать с тебя глаз.

— Но послушайте, мистер Смит... — опять завел было Рональд, однако Смит снова перебил его:

— Зови меня Содовый, как все. Это из-за желудка. Ни к черту не годится, только и спасаюсь питьевой содой.

Тут Рональд понял — ему казалось, что на улице работают пневматической дрелью, на самом же деле это грохотало в животе у контрразведчика из МИ-5.

— Да, — продолжал Смит, — наши ребята говорят, что я не гожусь для слежки: меня слышно за версту. — Он закатился визгливым смехом. — Кстати, тебе, наверное, дали кучу денег. Одолжи до пятницы десять монет. Моя птичка желает нынче вечером повеселиться, просится на ярмарку в Баттерси.

Рональду пришлось выложить две пятифунтовые бумажки. И лишь много часов спустя он вспомнил, что эта ярмарка закрылась на зиму...

— Смею вас уверить, — начал Рональд высокопарно, — вы не туда попали... *Не хватайте эти книги, там секретные документы!* — Он негодующе захлопнул альбом.

— Ах, секретные? «Безликие» знают все ваши секреты. Давай-ка, Бейтс, уговоримся — зачем мне тратить время, мотаться за тобой? В этих краях есть дичь поаппетитнее! Я тебе предлагаю: если ты двинешь куда-нибудь, дай мне знать, куда и зачем. Нам обоим так спокойнее. Решено?

Предложение, конечно, шло вразрез с законами служебной этики, но Рональд его принял. Иначе от мерзкого мистера Смита было не отвязаться.

В то утро, во вторник, Рональд, долго не мог заставить себя приняться за работу. Наконец его загрызла совесть, он раскрыл один из альбомов; и ему сразу попался на глаза документ, который он без особого труда прочитал. Там излагались обстоятельства гибели семи «муз». Жуткие, словно из комиксов взятые подробности. Сами курьеры, сотрудники службы безопасности и случайные люди, не имеющие отношения к делу, попадали в кровавую западню и становились жертвами злодейских убийств. Рональд осознал, с каким беспощадным врагом он выходит один на один, и ему ледяными тисками сжало сердце. Теперь и он, Рональд Бейтс, попал в число тех, за кем охотится эта неразборчивая в средствах шайка.

Когда Рональд справился с первым приступом панического страха, он впал в отупелое состояние (сработал защитный рефлекс), которое и поддерживал в себе до конца недели, — он составил строжайший режим дня и неукоснительно ему следовал. Ровно в девять утра Рональд садился за стол и раскладывал перед собой все свои секретные бумаги. Затем он брался за один из списков, которые был в состоянии разобрать, а именно за список агентов, тех, кто мог хоть что-нибудь знать о «Девяти музах». К списку прилагались фотографии, особые приметы, описания черт характера, привычек, слабостей. Рональд тщательно изучил все это; ему даже казалось, что он знает агентов лично.

В четверть одиннадцатого, когда являлась Жаклин, Рональд сидел, зарывшись в бумаги.

— Все работаете, Ронни? Только не переутомитесь, — грустно говорила она и шла на кухню варить кофе.

Сразу после ее ухода Рональд складывал бумаги аккуратной стопкой, считал до 250 (за это время Жаклин удалялась на нужное расстояние от дома), а затем украдкой пробирался в соседнее кино. Там целый день крутили один и тот же шпионский детектив, и Рональд семь раз его посмотрел.

Ему не хотелось думать, принимать решения... Будь что будет!

И все же он ни на минуту не забывал о нависшей над ним смертельной угрозе. У себя в квартире, запершись на все замки, он был спокоен, но вне дома старался держаться поближе к самым людным местам. Однако поездка в полупустой пригородной электричке в Сент-Маргаретс была делом небезопасным. И Рональд, предательски нарушив джентльменское соглашение, вынудил Содового Смита сопровождать его. Рональд решил: если ему суждено погибнуть смертью героя, то пусть эта гибель (хоть и совершенно бессмысленная) произойдет в присутствии свидетеля, который сообщит Бакстеру Лавлейсу прискорбную весть...

Недолгая и невеселая жизнь Рональда в роли специального агента проходила еще более одиноко, чем прежде. До четверга он вообще видел только одну Жаклин, да Содовый Смит несколько раз приходил клянчить деньги. Но четверг оказался днем встреч со старыми друзьями. По дороге из кино после двух сеансов шпионского детектива он вдруг услышал оклик: «Рон!» — перед ним стоял Джок Мак-Ниш.

— Выпьем по такому случаю, Рон, — предложил Маш-Ниш, и они спустились в какую-то грязную пивную в полутемном подвале.

— Что поделываешь, Рон? — поинтересовался Джок за стаканом виски.

Рональд начал уныло плести свою легенду, отлично сознавая, насколько неправдоподобно она звучит. Однако наивный шотландец принял все за чистую монету.

— Тебе повезло. — Он придвинулся ближе. — Слушай, ты не одолжишь мне двадцатку? Сижу без гроша.

Пришлось Рональду расстаться еще с двадцатью фунтами из своей быстро тающей казны.

— Рон, ты настоящий друг. Если тебе что понадобится — приходи. Ты меня всегда найдешь здесь И я в этих краях не последний человек.

Когда Рональд вышел из пивной, на улицах уже почти не было народа, но крепкое виски, выпитое с Джоком, придало Рональду бодрости, и он быстро шагал вперед, позабыв на время, что обречен. Вдруг рядом с тротуаром у входа в ночной клуб остановилось такси, и оттуда вышли полный элегантный мужчина и высокая блондинка.

— Мистер Бейтс! — воскликнула блондинка радостно. — Я вас узнала по макинтошу.

Это была Скромница. А мужчина был командор Солт.

— Привет, Скром... то есть Джина.

Рональд, запинаясь, в первый раз назвал ее по имени.

— Киска, — строго поправил командор.

— Командор — поклонник Джеймса Бонда[1], — объяснила девушка. — Помните, там у него была Киска?

Командор Солт по-хозяйски обнял Киску-Скромницу-Джину за плечи. Рональд содрогнулся от ревности.

— Что поделываете, Бейтс?

— Мне, знаете ли, повезло. Я принял участие в одной викторине...

Легенда звучала как заезженная пластинка, но, к счастью, тут вмешался шофер такси:

— Может, все-таки расплатимся, приятель? Или прикажешь торчать здесь всю ночь?

Нахмурясь, командор принялся выговаривать таксисту за грубость, а Киска (или Скромница, или Джина) торопливо зашептала Рональду в ухо:

— Мистер Бейтс, он знает, что вы в чем-то замешаны. Он послал за вами «хвоста» в прошлый понедельник после скандала у нас в отделе. Вы весь день гоняли по городу и увернулись, и он догадался — что-то здесь кроется. Он прямо кипит...

Ей не удалось ничего больше сказать — командор закончил с шофером и позвал:

— Пойдем, крошка, а то мы опоздаем на первое отделение. Спокойной ночи, Бейтс, желаю удачи.

И они исчезли в дверях. Беспомощная, еле заметная улыбка, губы сложились, словно для поцелуя, — вот и все, чем наградила Рональда на прощание его любовь.

У него навернулись слезы на глаза при мысли о том, что он никогда больше не увидит Джину. Поезд замедлил ход; вот и Сент-Маргаретс. Здесь ему молча всадят под ребра безжалостный нож или столкнут на рельсы под колеса поезда.

Рональд вспомнил станцию метро Эрлс-Корт и то, что там случилось...

Его там снял уличный фотограф, и Рональд, плохо соображая от холода и с похмелья, не увидел в этом ничего особенного. И лишь много позже он с неприятным чувством стал искать в карманах карточку, которую фотограф ему всучил. Он нашел ее. На ней не было ни адреса, ни фамилии, только рдели красные буквы единственного слова: «СМЕРТЬ...»

Поезд дернулся и остановился. Рональд кинулся из вагона на перрон. Свисток, поезд отправился дальше. Тишина... На перроне никого, лишь какой-то толстый коротышка.

Удивленный и даже несколько разочарованный Рональд быстро пошел к выходу.

— Эй, Бейтс! Какого черта?! Вытворяешь невесть что!

Содовый догнал его, когда Рональд уже вышел на улицу.

— Видишь, не очень-то легко от меня отделаться. Ты мне скажешь, куда идешь, или нет?

Рональд колебался, не зная, что делать. Он сам вовлек агента МИ-5 в эту идиотскую поездку, а тревога оказалась ложной, и теперь ему было неловко. Но все равно, опасность миновала, и теперь общество Смита могло ему только помешать.

— Послушай, но у меня действительно личное дело. Ну зачем тебе идти со мной? Мне недалеко.

И вдруг произошло то, чего он страшился. Две ослепительные вспышки! Два резких громких хлопка!

Рональд в мгновение ока схватил Содового за плечи, и они растянулись на мокром тротуаре.

— Берегись!..

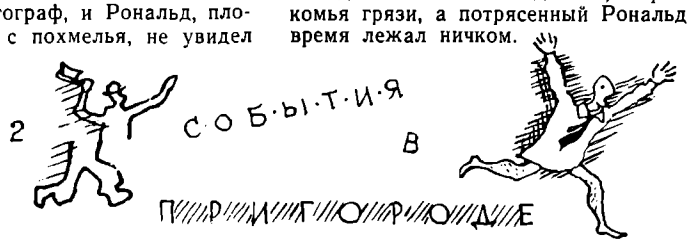
Снова выстрел. Пуля просвистела у Рональда над самой головой, задев волосы. Единственным укрытием была стоявшая неподалеку машина. Он пополз к ней, таща Смита за собой.

— Ты что вытворяешь? Пусти, тебе говорят, тянешь в самую грязь!

— Пригни голову, дурак!

— Да ты взбесился! Это же фейерверк. *Сегодня день Гая Фокса*[1], дубина!

Содовый в гневе поднялся, стряхивая с плаща комья грязи, а потрясенный Рональд еще некоторое время лежал ничком.



«Пятое ноября», — думал, злясь на себя, Рональд. Запах мокрой земли и пороха живо напомнил ему детство. Он брел по знакомым улицам (Содовый Смит не отставал ни на шаг), а вокруг шипели в кострах головешки, огненные колеса фейерверка угасали, едва взорвавшись, плакали в огорчении дети.

Рональд со Смитом шли дальше, и вдруг они увидели нечто странное и неожиданное — из-за угла, из переулка выбежал долговязый человек в одной рубашке, без брюк, а за ним мчался второй, низенький, размахивая мясным секачом и выкрикивая угрозы.

— Остановите его! Ради бога, задержите! — завопил долговязый, поравнявшись с Рональдом и Смитом.

— Давай его выручим? — предложил Рональд.

— Еще чего! Видел топор?

И они двинулись дальше. Вдруг Содовый остановился.

— Я знаю этого типа.

— Какого? С топором?

— Нет, другого, без штанов. По-моему, он из особого управления.

Они подошли к калитке дома № 29. У подъезда стояли двое юнцов.

— Сюда нельзя, — сказал юнец повыше. Ему было лет шестнадцать.

— Между прочим, я владелец этого дома, — сообщил Рональд не без важности.

---

[1] Джеймс Бонд — герой низкопробных шпионских романов И. Флеминга.

[1] 5 ноября; по традиции в этот день по всей Англии пускают фейерверки и сжигают на костре соломенное чучело Гая Фокса, замыслившего в 1605 году взорвать парламент.

— Ну и что? Здесь молодежный клуб. Старше двадцати одного вход воспрещен.

Рональд заколебался, но дело решил Содовый Смит. Он схватил молодых людей за воротники и как следует тряхнул обоих.

— С дороги, или я вам головы поотрываю!

Юнцы отлетели в сторону. Рональд даже проникся к своему коллеге некоторым уважением.

Они вошли в дом. Их ослепил свет мощной лампы без абажура, которая висела высоко под потолком. Дом ритмично содрогался от невыносимо громкой музыки. Пахло горьким, дурманным дымом. Рональд был человек неискушенный, но Содовый сразу узнал запах каннабиса [1]. И музыка и дым доносились из гостиной — там, сидя на полу, несколько человек пили кока-колу и курили тонюсенькие сигареты, а посредине комнаты две девицы самозабвенно извивались в танце.

Поднявшись по лестнице, Рональд прошел в родительскую спальню и там нашел отчима — грозу своего детства.

— Привет, Рон, — пробормотал старик, словно они только вчера расстались, а ведь они не виделись одиннадцать лет.

— Что здесь происходит? — строго спросил Рональд.

— Я хотел воспитывать из молодежи верных слуг отечества. Я старый солдат. Хотел прививать им воинскую дисциплину, делать из них людей... — Вдруг он разрыдался. — Забери меня отсюда, Рон. Забери! Я знаю, ты всегда меня не любил. Из-за твоей мамы и вообще, но, пожалуйста, забери меня. Прошу тебя, прошу. Я думал, бойскауты, клубы и все такое... А они все у меня отняли, Рон. Я ничего не могу с ними поделать...

— Не волнуйся, я тебя выручу. Сейчас мне надо идти, но я тобой займусь.

Внизу хохот Содового Смита перекрывал рев музыки, и Рональд оставил уполномоченного МИ-5 развлекаться в молодежном клубе.

Дождь прошел, и фейерверк теперь весело вспыхивал в небе. Рональд решил вернуться домой на автобусе. На остановке было темно. Он прислонился к дереву — и вдруг его разобрал смех. Сколько раз в юные годы он рисовал себе картины мести ненавистному отчиму, представляя, как тот униженно, валяясь у него в ногах, просит пощады. Сегодня мечты его воплотились в жизнь, а ему все равно. Над деревом разорвалась ракета и на миг осветила остановку, и в яркой вспышке перед Рональдом возникло знакомое лицо. Густые усы, длинные черные бакенбарды, нависшие брови над мрачными глазами. Самое заметное лицо из списка агентов, который он ежедневно изучал:

Лейнионшард К. Дж. (кодовое имя «Одежная щетка»). Агент-двойник. Кличка «Косматый»...

Секунда — и Рональд бросается вперед. Однако Лейнионшард успел сесть в уходящий автобус.

Рональд кинулся к пареньку с велосипедом.

— Следуй за этим автобусом!

— Что?

— Гони за этим автобусом! Речь идет об интересах нации!

Паренек невозмутимо разглядывает Рональда.

— А ты что, фараон, что ли? — спрашивает он.

— Я контр... Неважно, кто я. Ты заметил на остановке такого черного, заросшего, лохматого?

— Видел. Он здесь постоянно болтается.

— Живет где-нибудь поблизости?

— Ага. Точно где не знаю, но недалеко.

Рональд не смел верить своей удаче. Его охватило сильнейшее нервное возбуждение. Наконец-то он напал на нужный след! Он засек Лейнионшарда, а это настоящий шпион...

Через несколько домов от той же автобусной остановки Бойкотт в своем временном штабе, коттедже напротив дома Кромески, шагает взад и вперед по комнате. В отсутствие Кислятины, Крэбба он один осуществляет руководство Особым управлением. Он сделает все, чтобы мир не забыл его кратковременного пребывания на этом посту. Перед ним встают газетные заголовки: «Раскрыта огромная шпионская сеть». И Бойкотт вспоминает, что не видел сегодняшних газет. Он берет «Ивнинг ньюс», и ему бросается в глаза совсем другой заголовок: «Приветствуем высокого гостя». Но Бойкотта привлекает иное сообщение — несколько строк в конце полосы: «Демонстрация африканских студентов». И фотография — группа африканцев мокнет под дождем, в руках у них знамена и лозунги.

Бойкотт берется за телефонную трубку.

— Задание первоочередной важности, — пролаял он, когда его соединили со Скотланд-Ярдом. — Собрать и обработать в ЭВМ следующие данные: первое — число обучающихся у нас студентов-африканцев; второе — число серьезных инцидентов во время государственных визитов за последние пятьдесят лет; третье... Подождите минуту, — прервал он себя. — Ко мне пришли. Заходите.

Это был старший инспектор, который номинально руководил операцией (на самом деле Бойкотт вмешивался во все, ставя его в нелепое положение), и с видимым удовольствием сообщил неприятную новость:

— Гендерсон накрылся.

— Что значит «накрылся»? — Бойкотт не одобрял, когда его сотрудники отходили от принятой терминологии.

— Он был за забором — на Балморал-Касл-Драйв — забавлялся с миссис Кромески...

— Забавлялся?! Посещения Кромески входят в его служебные обязанности.

— В общем, исполняя свои служебные обязанности, он сегодня влип. Мистер Кромески вернулся домой раньше обычного.

— И что случилось?

— Вот у меня доклад из местной каталажки, то есть, я хочу сказать, из полицейского участка. Кромески погнался за Гендерсоном, их обоих сцапали, то есть, я хочу сказать, арестовали, попался какой-то остолоп-фараон, — инспектор взглянул на доклад, который держал в руках, — сержант Уорт. Его только что назначили в эту дыру, то есть, я хочу сказать, в этот район. Он пришил Гендерсону непристойное поведение, Кромески — покушение на убийство и обоим вместе — нарушение общественного порядка и еще пятьдесят обвинений.

Бойкотт возмутился до глубины души. Вспомнив о телефонной трубке, он сказал:

— Я позвоню попозже. У нас неприятности. Мне придется зайти в полицейский участок.

Продолжение следует

Перевела с английского НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВА

[1] Наркотик, распространенный на Западе.

РОБЕРТ ТРОНСОН,
английский писатель

Роман

3. В ПОИСКАХ „КОСМАТОГО".

— Бригадир Радкинс в восторге от вашего плана, Ронни, — говорила Жаклин. — Я только что звонила ему. Он ждет вас в понедельник утром. Он доволен вами. По-видимому, «Косматый» самый опасный агент из всего списка; наверно, поэтому вы и остановились на нем — не хотели тратить время на прочую мелюзгу.

Рональд испуганно кивнул — видно, в докладе о своей встрече он из хвастовства несколько исказил истину (работа под началом у Хаббард-Джонса явно не прошла для него бесследно).

— Лейнионшард не просто агент-двойник — он трижды двойник. Он без конца перебегает от одних к другим и всем уже опостылел. В прошлом году он связался с албанцами. Это, конечно, небезынтересно. «Бамбуковый занавес»! Бригадир считает, что курьеров убивают подосланные из-за «бамбукового занавеса».

«Клуб спортсменов и артистов» помещался в огромном старинном особняке на Мейфер. Это был штаб «радкименов». Рональд явился туда с утра пораньше для встречи с бригадиром.

— Мистер Бейтс? Я Дженнифер, секретарь бригадира Радкинса. Он просил извинения, вам придется немного подождать, он делает сейчас зарядку. А я пока, если разрешите, покажу вам клуб.

Она повела его по тирам, гимнастическим залам, электронным мастерским. Несмотря на ранний час, тренировки по борьбе каратэ и дзю-до шли полным ходом, а несколько бизнесменов, прежде чем отправиться на службу в Сити, усердно вникали в хитроумные тонкости шифровального мастерства. Клуб отлично служил целям бригадира Радкинса и его контрразведчиков-любителей. Само название клуба обеспечивало доступ туда широкому кругу, его исключительное положение позволяло принимать в клуб только избранных — энтузиастов, преданных своему увлекательному делу.

Наконец Дженнифер подвела Рональда к высокой двустворчатой двери с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Постучала, вошла, объявила: «Мистер Бейтс» — и вышла, оставив Рональда на пороге огромного бального зала. На другом конце Рональд увидел бригадира, одетого в белую рубашку с открытым воротом и мешковатые синие шорты. Рональд подошел поближе. Старик возился с узкопленочным проекционным аппаратом. Рональд понял, что сейчас ему покажут какой-то фильм,

Продолжение. Начало в № 1—3.

скорее всего о «Косматом», — ленту, снятую скрытой камерой где-нибудь за «железным (или «бамбуковым») занавесом».

Бригадир, однако, запустил старый, изорванный мультфильм о похождениях «Лягушонка Флипа». Через незанавешенное окно свет бил на служившую экраном облупленную стену, и разобрать, что показывалось в картине, было невозможно, однако бригадир все время прыскал и похохатывал.

— Мое правило — с утра посмеяться от души, — заметил бригадир, когда фильм кончился. — И еще зарядка. Вы делаете зарядку по утрам, Бейтс?

— Да, сэр, — соврал Рональд.

— Молодец! Мне понравился ваш план, Бейтс. Значит, я посылаю ребят в Сент-Маргаретс, и они под видом агентов, рекламирующих крем для бритья, прочесывают всю округу и собирают информацию о «Косматом». Отличный план. Дженнифер! — завопил он вдруг. — Сколько нам нужно времени, чтобы приступить к осуществлению плана вот этого парня, Бейтса?

— Приступаем сегодня же во второй половине дня. Полковник Поттинджер...

— Служит у одного промышленного воротилы, — пояснил бригадир.

— ...и мистер Блэр-Блэр...

— А этот занимается социальными контактами.

— ...начали разработку. У них уже подготовлена кампания подобного рода, и они готовы провести ее в жизнь. Они хотели бы сейчас обсудить кое-что с вами.

— Пусть войдут, — приказал бригадир. — А теперь, Бейтс, ответьте мне: что сейчас, по-вашему, самое главное для британской контрразведки?

Рональд не мог сразу же дать ответа. У него перед глазами понеслись, сменяя друг друга, словно напечатанные яркими буквами, изречения:

Сейчас для нашей контрразведки самое главное —

Сэр Генри Спрингбек: **«Не превратиться в посмешище для ЦРУ».**

Юстас Хаббард-Джонс: **«Обскакать все другие отделы».**

Командор Б. Солт: **«Умение лавировать».**

Эдвард Бойкотт: **«Помнить, что в эпоху электроники в любом деле можно обойтись без человека».**

Дама Б. Спротт: **«Держать подальше от контрразведки мужчин».**

Пока Рональд ломал голову над правильным ответом, бригадир ответил себе сам:

— Сейчас для нашей разведки самое главное...

Его прервала Дженнифер, войдя в сопровождении двух ходячих карикатур — полковника Поттинджера и мистера Блэр-Блэра. Тем не менее бригадир закончил свою мысль:

— ...это ловить шпионов. И все.

— Вас только за смертью посылать! — накинулся Бойкотт на шофера, который привез пакет из Скотланд-Ярда.

— Весь центр забит машинами, сэр. Государственный визит. Встречают, — пояснил шофер.

Бойкотт вскрыл пакет. Он нетерпеливо листал страницы: детали, детали, и наконец заключение. ЭВМ никогда не лжет, а сейчас она благословляет его предприятие. Вероятность того, что какой-либо неприятный инцидент серьезно повлияет на ход данного государственного визита, составила 0,8753421066 к тысяче. Ничтожная цифра!

В дверь постучали, и вошел старший инспектор.

— Прошу извинения, мистер Бойкотт, с вами хочет поговорить наша сотрудница констебль Харти.

Констебль Харти, женщина в летах, не раз принимала участие в операциях Особого управления. Это была чопорная старая дева, сейчас она выступала в роли хозяйки коттеджа, из которого велось наблюдение за домом Кромески. Среди соседей распустили слух, что она принадлежит к таинственной и фанатичной религиозной секте «Братья пламени и серы». Соседи, отпугнутые миссионерским пылом хозяйки, предпочитали держаться от нее подальше.

Бойкотту Харти не нравилась. Она не вязалась с эпохой электроники, скорее она была в духе Кислятины Крэбба с его пристрастием к мистификации.

— В чем дело?

Харти мученически вздохнула и положила на стол две пятифунтовые бумажки.

— Что это за деньги?

— Видите ли, сэр, днем пришли рекламные агенты, их называют «белые кролики».

— Какие еще «белые кролики»?

— Они уже много лет рекламируют стиральный порошок «Зизз». У меня случайно была пачка этого порошка. Они попросили ее показать и задали мне вопрос: «Какой стиральный порошок самый лучший?» Я, случайно, знаю ответ, который нужно давать «белым кроликам» на их вопрос: «Зизз» — самый лучший, самый пенистый и мягкий, замочите белье, и вы убедитесь в этом». За такой ответ полагается приз — пять фунтов. Вот он.

— Ах так!

— Да, а примерно через час в дверь звонят снова — на этот раз рекламные агенты «Розового лепестка» — это крем для бритья. А я случайно заметила, что им пользуется констебль Хэммонд. Он бреется после ночных дежурств и в ванной оставляет тюбик. Я им показываю тюбик...

Бойкотт выбежал из комнаты и ринулся по лестнице наверх. Харти взяла свои денежные призы и помчалась за Бойкоттом, не прерывая рассказа:

— А они спрашивают: «Кому из мужчин, проживающих поблизости, нужнее всего прекрасный крем для бритья?» Я ответила, что такой мужчина живет неподалеку, на Лалуорт-Кресент, у него страшно густая растительность на лице. Так я выиграла еще один приз, снова пять фунтов.

Она вошла за Бойкоттом в спальню. Бойкотт разносил подчиненных за неосмотрительность.

— Почему мне не сообщили об этих визитерах? Этих щедрых благотворителях?

— Сэр, но это обычные рекламные агенты.

— Идиоты! Сколько их тут побывало? — рявкнул Бойкотт, задрожав от ярости.

С каким блеском, с какой хладнокровной наглостью действовал враг! Бойкотт был потрясен.

Дежурный полистал журнал текущих событий и сообщил:

— Значит, так: пятнадцать «белых кроликов» и двенадцать в пластмассовых костюмах, вроде тюбиков.

Вдали от ЭВМ Бойкотт вынужден был сам заняться устным счетом. 15+12=27×6=162, удвоим на всякий случай = 324, возьмем для верности 350 наших агентов.

— Немедленно снять всех сотрудников с государственного визита и перебросить сюда! — приказал он старшему инспектору.

— Но, сэр...

— Делайте, что вам сказано!

Подчиненный, бледный как полотно, взял теле-

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

фонную трубку. Бойкотт обернулся к Харти — та потихоньку всхлипывала от обиды — и скомандовал:

— Вызовите мою машину! Я еду в город к ЭВМ.

Гарри Мерч, служащий крупного агентства, глава рекламной группы «белых кроликов», горделиво поглядывал на своих агентов, которые резво скакали по Балморал-Касл-Драйв во славу стирального порошка «Зизз». Как вдруг...

Из-за угла в костюмах-тюбиках появились «радкимены». Они веселились от души. В отличие от Гарри они не принимали своего дела всерьез, и их радостные вопли смущали покой домашних хозяек. У них уже имелась полная информация о «Косматом», которую было давно пора доложить на базу. Однако они решили продлить небывалое удовольствие и с шумом и криками носились по Балморал-Касл-Драйв, неподалеку от дома, где любила и грешила миссис Кромески. Так они вторглись на территорию и в сферу деятельности «белых кроликов».

Для Гарри Мерча это был удар ниже пояса. На его глазах подрывались устои профессионального этикета. Он подбежал к веселящейся группке.

— Эй вы! Я руководитель рекламной группы «Белые кролики»! Вон с моего участка!

— А разве здесь частное владение? — с изысканной вежливостью ответил контрразведчик-любитель мистер Блэр-Блэр.

И это окончательно взбесило Гарри.

— Вон отсюда! Катитесь к черту!

— Убирайтесь сами!

Тут Гарри не стерпел и ударил мистера Блэр-Блэра по голове, тот не остался в долгу, и «тюбики» и «кролики» принялись дубасить друг друга.

Местные жители и сотрудники Особого управления, из штаба Бойкотта, столпились вокруг и с интересом наблюдали за сценой, которой суждено было получить известность под названием «Битва на Балморал-Касл-Драйв».

4. ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Рональд поднимался на эскалаторе, поглядывая из-за раскрытой газеты на «Косматого», который стоял пятью ступеньками выше.

Он теперь решил работать в одиночку. Этому было две причины: во-первых, привитая Хаббард-Джонсом жажда славы, а главное — он больше не доверял весельчакам-любителям бригадира Радкинса. Они обошли Рональда, не взяв его с собой на операцию «Розовый лепесток»; причем Рональд отлично понимал — они боялись, что он испортит им все удовольствие от столь занимательного мероприятия. Рональд, не находя себе места от беспокойства, ждал их до десяти часов вечера, когда они возвратились сильно навеселе, распевая во весь голос. Рональд пришел к выводу, что с профессиональной точки зрения у этой любительской организации есть весьма серьезные недостатки.

Наконец после того, как Рональд по настоянию «радкименов» осушил, стоя на столе, большую кружку пива, они дали ему прочесть свой доклад. К. Дж. Лейнионшард (кодовое имя «Одежная щетка») действительно снимает квартиру в пригородном районе Сент-Маргаретс и живет там между многочисленными поездками за границу. Кроме того, каждый вторник по утрам он ездит в Лондон.

Сегодня как раз был вторник. Рональд некоторое время покрутился у вокзала Ватерлоо и действительно засек Лейнионшарда, когда тот в толпе пассажиров шел с перрона. Рональд последовал за ним и оказался на Оксфорд-Серкус [1].

Лейнионшард уверенно шагал вперед и привел Рональда к зданию в стиле «модерн» 30-х годов. Рональду дом показался смутно знакомым. «Косматый» вошел в здание, а Рональд притаился за колонной церкви Поминовения усопших. Сзади раздался знакомый голос:

— Интересно, зачем ему понадобилось в Дом радиовещания? [1]

Это был бригадир Радкинс.

Рональд обозлился: когда наконец старый идиот оставит его в покое? Не доверяет он ему, что ли? И в то же время устыдился своей небрежности. Идя по следу, он сам привел за собой «хвоста».

— Вперед! — приказал бригадир. — А то проворонim мерзавца.

Они торопливо прошли в огромный людный вестибюль. Лейнионшард уже садился в лифт. Следопыты бросились за ним...

— Прошу прощения, джентльмены. — Перед ними возник дежурный — пожилой человек, в черной, словно у гестаповца, форме. — Разрешите узнать, по какому вы делу?

— Прочь с дороги, болван! — взревел бригадир, но в эту минуту двери лифта сомкнулись, и «Косматый» исчез из глаз.

Делать было нечего, пришлось объяснять дежурному, что им нужно повидать одного человека.

— Тогда вам помогут вот эти дамы, — сказал дежурный, незаметно, но решительно оттесняя Рональда и бригадира к столу справок.

Две безупречно одетые женщины с бесстрастными лицами подняли на них глаза.

— Если вы назовете фамилию нужного вам лица, — сказала одна из них, — мы его разыщем.

— У нас секретное дело. Черт побери, вы что, не знакомы с «Положением о государственных тайнах»?

— Каким положением?

— Ш-ш-ш-ш!.. — зашипел бригадир, словно вестибюль был битком набит шпионами.

— Но поймите, — женщина тоже невольно пере-

[1] Площадь в центре Лондона.

[1] Штаб Би-Би-Си. Некогда это здание считалось сердцем страны, и его фотография висела в домах истинных патриотов. Однако с ростом популярности телевидения радио — и изображение его штаба — утратило свое былое значение. Сейчас этот дом — нечто вроде предприятия, производящего шумовой фон, который домашние хозяйки с успехом заглушают воем пылесосов. *(Прим. автора.)*

шла на шепот, — мы не знаем, кто вам нужен, как же мы можем вам сказать, где его найти?

— Идиотки! Кто здесь представляет службу безопасности? Мне надо с ним поговорить.

— Одну минутку.

Дамы зашушукались, укрывшись за батареей телефонов. Рональд видел, что вокруг него и бригадира смыкается кольцо стражей в гестаповской форме. Если бы только старый дурак позволил ему вести переговоры...

Наконец одна из дам позвонила куда-то. Она говорила еле слышно, но Рональд все же сумел разобрать:

— Бути? Слава богу, вы на месте... Да, двое. И, по-моему, из самых опасных.

Кавендиш Бутхорн положил трубку и вышел из своего кабинета, потом вернулся и сказал секретарше:

— Я скоро приду, Кей, внизу двое каких-то чудаков. Нужно их срочно утихомирить.

Несмотря на срочное дело, прошло минут двадцать, пока он добрался до вестибюля. Он был популярной личностью, и ему приходилось по дороге останавливаться с каждым встречным.

Кавендиш Бутхорн, по прозвищу Бути, происходил из семьи землевладельцев, которая в иное время определила бы своего слабоумного младшего отпрыска на церковное поприще. Теперь его пришлось устроить в Би-Би-Си. Он был человек покладистый и совершенно неспособный ни к какому делу. За сорок лет чем только ему не пришлось заниматься — он вел детские передачи, комментировал скачки, переходил из отдела в отдел, а теперь ведал приемом посетителей.

Должность эта была не такой легкой, как может показаться. Дом радиовещания постоянно осаждали всевозможные чудаки. Более солидное учреждение не постеснялось бы вышвырнуть их за дверь. В Би-Би-Си, однако, памятуя о своем долге перед обществом, таких визитеров уговаривали покинуть здание по своей собственной воле. Эти мирные уговоры как раз и составляли обязанность Бути.

Он разработал определенную систему. Будь то восьмилетний ребенок, явившийся жаловаться, что его просьбу не включили в концерт по заявкам малышей, или же религиозный маньяк, считавший радио дьявольским порождением и замысливший убить генерального директора, — Бути всех принимал одинаково: беглый осмотр здания и нехитрое угощение в буфете. После столь радушного приема даже самые ярые противники корпорации должны были, по мнению Бути, смягчиться.

Так и Рональд с бригадиром очутились в буфете. Они сидели и попивали слабый кофеек, которым их угостил Бути. Бригадир сменил гнев на милость и благодушествовал к вящей тревоге Рональда — тот с досады не находил себе места и уже предпринял несколько попыток сбежать и самостоятельно взяться за поиски Лейнионшарда, но поднаторевшие в своем деле чернорубашечники-дежурные (они не отставали от следопытов ни на шаг) были все время начеку. Рональд в отчаянии оглядел унылый буфет и поднялся.

— Прошу прощения, мне нужно выйти.

— Первая дверь налево, — любезно откликнулся Бути. — На ней надпись «Джентльмены».

В то же время он сделал дежурным знак, чтобы они следовали за Рональдом. Как видно, не такой уж он был все-таки дурак.

В прохладной кабине Рональд, приникнув лбом к белому кафелю (дежурные тактично остались в дверях), думал про себя: «Какое идиотство! Какая получается ерунда!»

— Послушайте, — спросил из соседней кабины приятный низкий голос. — Почему вы за мной следите?

Рональд поднял глаза и увидел над переборкой мрачное лицо К. Дж. Лейнионшарда.

— Не очень-то у вас ловко получается, — продолжал трижды двойник. — Я мог запросто оторваться от вас, только мне было любопытно, что вам от меня понадобилось.

У Рональда словно отнялся язык. Не получив ответа, Лейнионшард направился к умывальнику, а Рональд, зачарованный, поплелся за ним, так и не вымолвив ни слова. «Косматый» с любопытством рассматривал своего преследователя, его все это явно забавляло. Наконец Рональд вновь обрел дар речи и помимо своей воли выпалил (как это уже случалось):

— «Девять муз».

Что он наделал! Что натворил!.. Как теперь быть?

Но Лейнионшард и бровью не повел.

— А, вот в чем дело! — сказал он. — Вам это обойдется недешево. Придется выложить, дайте подумать, пятьсот монет. Найдете меня в комнате 4020а.

Он вытер руки и вышел.

Рональд вернулся в буфет вне себя от возбуждения. Бригадир с аппетитом уплетал булочки. Бути, отвернувшись, переговаривался с другими столиками, и Рональд незаметно для него сообщил бригадиру новость.

— Только вот как бы нам отсюда выбраться, сэр?

— Положитесь на меня, — ответил бригадир.

Он снова настроился на серьезный лад и шарил под столом в огромной сумке, которая была у него с собой.

Бути, снова обернувшись к своим гостям, разглагольствовал о том, как изменились люди на радио.

— Нашел, — объявил вдруг бригадир.

Он вытащил руку из-под стола и показал Рональду черный блестящий шарик. Широко размахнувшись, бригадир швырнул шарик на пол. Тот покатился между столиками, стукнулся о барьер кассы и, полыхнув ярким огнем, взорвался.

— Пожа-а-а-р! Горим!.. — завопила кассирша.

По буфету поплыли густые клубы едкого черного дыма.

— За мной! — крикнул Рональду бригадир, кидаясь к выходу, над которым была надпись «Для обслуживающего персонала».

Пока Бути сообразил позвонить дежурному офицеру безопасности и сообщить, что в здании находятся два буйных сумасшедших, прошло немало времени. Была организована погоня, но Рональд с бригадиром успели скрыться в лаборатории звукозаписи, заперев за собой дверь, на которой записка гласила: «Будем через десять минут».

— Значит, пятьсот фунтов? — переспросил бригадир, снова роясь в сумке. — Секрет нашего ремесла в том, Бейтс, что нужно иметь под рукой абсолютно все.

Он вытащил три банки мясных консервов, старый пистолет, компас, перочинный нож, популярное издание книги «Маленькие женщины»[1] («Непременно прочтите, Бейтс. Отличная вещь») и, наконец...

[1] Сентиментальный роман английской писательницы XIX века Луизы Олкотт.

— Нашел! — Ворох засаленных старых фунтовых и десятишиллинговых ассигнаций. — Помогите сосчитать.

Считать пришлось долго. Получилась толстенная пачка. Ее втиснули в конверт с грифом «Би-Би-Си», а конверт тщательно заклеили.

Между тем кто-то уже давно изо всех сил барабанил в дверь. Теперь можно было открывать, что бригадир и сделал. На пороге толпилась группка прыщавых и очкастых молодых людей.

— Проверяем вентиляционную систему, — объяснил бригадир.

— Давно пора. Здесь настоящее пекло. А дверь почему заперли?

— Помощник у меня стеснительный. Не терпит посторонних взглядов, когда работает. Как нам быстрее попасть в комнату 4020а?

Погоня, видно, уже отказалась от поимки двух сумасшедших, и Рональд со своим компаньоном без особых приключений отыскали нужную комнату. Там сидела чопорная дама лет тридцати.

— Нам нужен К. Дж. Лейнионшард, — обратился к ней Рональд.

— Мистер Лейнионшард — наш внештатный корреспондент. Он был здесь сегодня. Ждать он не мог, но оставил статью для «Нью нэйшенс» — видимо, это для вас? Он, помнится, упомянул о гонораре. Что-то вроде пятисот фунтов, — добавила она с гримасой отвращения.

— Правильно. Вот, пересчитайте, если хотите, — предложил бригадир, вручая ей конверт.

— И не подумаю! — фыркнула дама, протягивая бригадиру толстую рукопись.

Рональд с жадностью глядел на рукопись. На обложке было написано карандашом несколько слов по-гречески, но в греческом и латыни Рональд был не силен и надписи прочитать не смог.

— А теперь нам лучше разойтись в разные стороны. — Бригадир засунул рукопись к себе в сумку. — Я пойду первым. Постарайтесь пробраться через заднюю дверь.

— Но, послушайте-е, — протянул Рональд, как обиженный ребенок, у которого отняли новую игрушку. — Когда же я вас теперь увижу? Ведь это ключ к разгадке...

— А вы зайдите ко мне часа в четыре, — ответил бригадир, не глядя Рональду в глаза, и исчез.

5. ДЕРЖИТЕ ПУТЬ НА ВОСТОК, ЮНОША

Рональд Бейтс понимал, что тайна «Девяти муз» уплывает у него из рук, что ее разгадают счастливчики из привилегированного общества, чье образование включает знание греческого языка. С этой мыслью он шел по Брукстрит к штабу бригадира Радкинса. Впереди него шагал рабочий, сгибаясь под тяжестью длинного цилиндра, завернутого в бумагу. Обогнав рабочего, Рональд вдруг услышал знакомые звуки, словно журчание воды, набегающей на гальку, и, обернувшись, увидел, что это Содовый Смит, переодетый в рабочую спецовку. Агент МИ-5 со вздохом облегчения опустил свою тяжелую ношу на мостовую.

— Смотри, Бейтс, твои «хвосты» тянутся за тобой всем скопом.

Рональд с тяжелым чувством вспомнил: ведь Киска-Скромница-Джина предупреждала его, что командир Солт установил за ним слежку. Треволнения последних дней многое выбили у него из головы.

— Как это всем скопом?

— Господи, ну и дубина ты, Бейтси! За тобой таскается половина всех отделов вашего управления.

Содовый широким жестом обвел улицу. В подъездах торчали, уткнувшись в газеты, какие-то бездельники. С противоположного тротуара на Рональда пялили глаза-бусинки две женщины — транспортные контролерши. Настоящие или же из отдела Берты Спротт?

— Ну хоть ты оставил меня в покое, — сказал Рональд наконец, так и не разобрав, шутит Содовый или же говорит серьезно.

— Да, «Наши таинственные друзья» потеряли к тебе интерес — ты ведь едешь за границу. — Содовый притворился, будто не заметил, как Рональда огорошило это сообщение. — А я теперь на новом задании. Слава богу, а то бегать за тобой по кино — со скуки можно было помереть. Однако мне пора двигать дальше. Будь другом, пособи. Эта чертова штуковина весит не меньше тонны.

Рональд взялся за один конец цилиндра. Что-то в этом свертке напомнило Рональду о днях его солдатской службы.

— Что у тебя там? Ни дать ни взять — базука.

Рональд пошутил, но Содовый не откликнулся на эту шутку. Он в сердцах вырвал у Рональда тяжелый сверток и пошел прочь.

— Не суй нос, куда не надо! — прокричал он, исчезая в подъезде дома напротив отеля «Кларидж».

Рональд уже битых два часа ждал в библиотеке «Клуба спортсменов и артистов». С каждой минутой ему становилось все тоскливее. Ведь если бригадир, такая заметная фигура, ходил за ним сегодня все утро, а он об этом и не подозревал, значит, Содовый прав — целая вереница самых разнообразных преследователей может висеть у Рональда на «хвосте». Поэтому Радкинс и сбежал с ключом к разгадке тайны. Поэтому его и заставляют ждать — ему больше не доверяют.

Он стал обдумывать, не подать ли ему в отставку, пока не выгнали, но тут появилась Дженнифер и провела его в бальный зал.

— Извините, мистер Бейтс, что вам пришлось ждать так долго, мы все сегодня просто сбились с ног.

В огромной комнате, казалось, никого не было, но вдруг послышался знакомый голос:

— Входите, Рональд, и закройте дверь.

На раскладушке в изящной позе сидел Бакстер Лавлейс.

— Урания погибла. Ее сегодня злодейски убили,— сказал он просто. — Остается одна...

— Полигимния, — вставил Рональд: уж если он не умеет читать и писать по-гречески, то имена муз он, во всяком случае, знает.

— Как я вам уже говорил, эта муза — девятая — ключ ко всем предыдущим восьми донесениям. Без нее им нечего делать. И предотвратить ее гибель — задача жизненной важности.

— Да, конечно, — согласился Рональд. Он не помнил, говорил ли ему Лавлейс что-нибудь подобное, но счел за лучшее согласиться.

— Пока что у вас все идет очень хорошо. Очень хорошо! Но нам нельзя медлить. Последнее донесение прибудет в ближайшие несколько дней. Вы помните, конечно (я говорил вам), предатель, через которого происходит утечка информации, несомненно, должен занимать высокий пост в системе безопасности.

— Помню, — снова соврал Рональд.

— Кто бы это ни был, он умнее, чем я думал. Мы расставили ему всевозможные ловушки, но он умудряется их обходить и по-прежнему передает информацию. Нам придется действовать не только с молниеносной быстротой, но и с крайней осторожностью.

Осторожность! Рональда охватил ужас и виноватое смятение.

— Я хочу сказать вам, — начал он, решив хоть в чем-то придерживаться правды, — что МИ-5 сразу же приставили ко мне агента. Наверно, они установили у вас в квартире диктофоны.

— Разумеется, — нетерпеливо ответил Лавлейс. — Они подслушивают всех. Вообще-то, МИ-5 никому не делают зла, если их не задевать, как этот кретин Бойкотт. Никакого зла... Впрочем, и добра от них не жди, — заключил он.

Наступило молчание. Рональд было наорался мужества и хотел честно сказать Лавлейсу, что не помнит, в чем состоит его задание, но Лавлейс заговорил сам:

— Вы отыскали «Косматого». Это ваша заслуга, и это доказывает, что мы имеем дело с «бамбуковым занавесом». А то я уже подумывал, не замешано ли здесь ЦРУ.

Рональд обомлел. Прошло немало времени, покуда он разобрался в сложной системе межведомственного соперничества в британской службе безопасности. Но чтобы страны-союзницы могли шпионить друг за другом — такое не укладывалось у него в голове.

— Янки создали сильнейшую организацию, они не останавливаются ни перед чем, и эти убийства вполне могли бы быть делом их рук, — пояснил Лавлейс, заметив ужас и недоумение Рональда. — Однако вернемся к делу. Информация, полученная от Лейнионшарда, — это несколько строк по-гречески. Вы, наверное, видели.

Лавлейс подвинул к Рональду толстую рукопись.

— Кассаглис, четырнадцать, улица Леопосси. Афины, — перевел Лавлейс. — Очевидно, Кассаглис — кодовое имя агента, работающего там на китайцев. Нам дали адрес — значит, с нами хотят вступить в переговоры. Такую возможность упускать нельзя, и вам, к сожалению, придется завтра вылететь в Грецию.

Рональда зашатало от восторга.

— ...Как правило, мы агентов за границу не посылаем, это делает Форейн оффис. Но подобного рода миссию им доверять не следует. А выбор пал на вас, Рональд.

— О сэр, я готов... я счастлив... — пробормотал Рональд в волнении.

— Великолепно! Правда, мы вынуждены информировать этого старого дурака «Q» [1], так требует протокол. Вы встретитесь с ним сегодня. Они с бригадиром сочинили для вас какую-то легенду. Кстати, мерзкий тип из МИ-5 — Смит, что-ли? — он все еще ведет за вами слежку?

— Уже нет. Собственно говоря, я его сегодня видел. Его перевели на новое задание.

— Превосходно. — Лавлейс улыбнулся своей кошачьей улыбкой.

Помощник комиссара полиции города Лондона, ведающий кадрами, выключил у себя в кабинете радио и зевнул. Он всегда по вторникам работал допоздна, но не потому, что так повелевал служебный долг, просто в этот вечер его жена не ходила на курсы.

— Что у нас осталось еще? — спросил он молодого инспектора с мрачным лицом. Тому вовсе не улыбалось сидеть в Скотланд-Ярде весь вечер.

— Опять этот чертов сержант Уорт из Твикенема никому не дает покоя. — Он протянул начальнику длинное заявление.

— Уорт? Фамилия знакомая. Это не он ли постоянно впутывается в какие-то истории с ребятами из ведомства «плаща и кинжала»?

— Он самый. Но сейчас он жалуется, что они его преследуют. И грозит написать министру внутренних дел, если мы не примем меры.

— Гм... Трудное дело. — Помощник комиссара в раздумье запыхтел трубкой. Он гордился тем, что всегда умело решал вопросы, связанные с «трудными» полицейскими, вроде Уорта. И сейчас он вдруг довольно усмехнулся.

— Есть! В Особом управлении скоро откроется вакансия. Прекрасно! Если Уорт не может с ними управиться, пусть переходит к ним работать.

И он наложил на заявление соответствующую резолюцию.

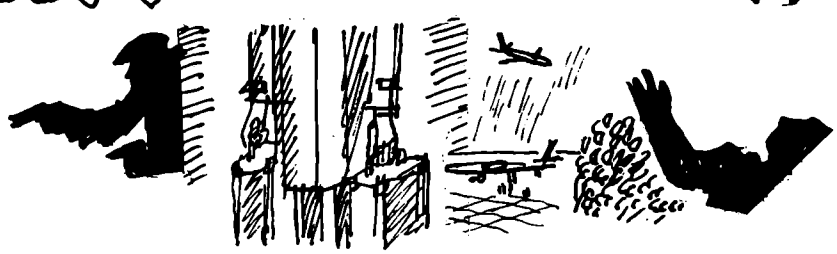
Перевела с английского
НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВА

Окончание следует

---

[1] Глава отдела в британском министерстве иностранных дел, занимающегося исключительно пересылкой шпионов. *(Прим. автора.)*

БУДНИ КОНТРРАЗВЕДЧИКА



Роман

РОБЕРТ ТРОНСОН,
английский писатель

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ПОЛЕТ К ОЛИМПУ.

Рональд Бейтс не привык странствовать по свету. Он с завистью поглядывал на своих спутников — тем, видно, путешествия были не в диковинку. Рональд же минуты не мог посидеть спокойно. Он беспрерывно щелкал выключателем лампы над своим креслом, обследовал содержимое кармана на обивке (там оказались гигиенические пакеты и маршрут полета) и даже заполнил вопросник авиакомпании, похвалив надменных стюардесс, перед которыми отчаянно робел. Но после трех часов полета Рональд стал томиться, и ему в голову снова полезли назойливые мысли.

«Q» оказался совсем молодым, высокого роста, тощим, как скелет. Говорил он тоном, не допускающим возражений, с изысканным акцентом выпускника привилегированного университета.

— Мне разве не полагается... ну хотя бы револьвер? — отважился попросить Рональд, когда беседа подходила к концу.

— Это еще зачем? Вы что, на дядю Сэма работаете? Я вообще не понимаю, зачем вас ко мне направили, вы не по моей части. Но эта гадюка Лавлейс считает, что вам в Афинах понадобится помощь. И я дал задание одному нашему агенту связаться с вами. Его фамилия — Димитриос. Его крыша — сеть оздоровительных спортклубов, он там управляющий. А вы — коммивояжер компании по производству спортивного инвентаря.

Затем Рональд получил: 1) легенду — ее нужно было выучить наизусть и уничтожить; 2) паспорт и билет первого класса до Афин и обратно, и то и другое на имя Ричарда Барсетта; 3) кодовый знак — X08; 4) портфель, набитый рекламными каталогами; 5) квитанцию на номер, заказанный для него в афинском отеле «Тумбергер»...

Револьвер он все-таки себе раздобыл. Уязвлен-

Окончание. Начало в №№ 1—4.

ный саркастическими замечаниями «Q», Рональд отправился в Сохо, в грязную пивную, где Мак-Ниш однажды потчевал его крепким виски.

— Тебе нужна пушка, Рон? — Джок даже не спросил зачем. — Выкладывай пятьдесят монет, и я погляжу, что можно сделать.

Джок скоро вернулся с пистолетом, завернутым в газетный лист.

Дома, к своему великому негодованию, Рональд узнал в «пушке» револьвер 32-го калибра из арсенала Отдела наблюдения за иностранцами.

Теперь встал вопрос, как носить оружие. Кобуры, которую надевают через плечо под пиджак и носят под мышкой, у Рональда не было. В кармане пистолет слишком заметен. Наконец, вспомнив читанную однажды книгу, Рональд приладил пистолет под брюки пониже колена и туго примотал к ноге лейкопластырем.

Рональд потянулся (пистолет при этом впился ему в ногу) и в который раз принялся разглядывать своих попутчиков.

Двое (они летели вместе) особенно привлекали его внимание. Чем дольше он на них смотрел, тем очевиднее ему становилось, что это тоже тайные агенты. Высокие, элегантные, искушенные путешественники в отлично отутюженных (не то что у Рональда) костюмах. Один из них смутно напоминал Шона Коннери, другой слегка походил на Патрика Мак-Гуна[1]. Стоило им улыбнуться — и надменные стюардессы из кожи вон лезли, чтобы им угодить. Это особенно бесило Рональда. Он бросил на двух джентльменов презрительный взгляд (чего они не заметили) и с вызывающим видом надел темные очки — он думал, что так, пожалуй, сойдет за киноактера, путешествующего инкогнито.

— Леди и джентльмены! Мы приближаемся к Афинам. Просьба застегнуть ремни и не курить, — приказал строгий женский голос.

Самолет покатился по дорожке и остановился. Рональд, слегка прихрамывая — мешал тяжелый пистолет, — спустился по трапу. Сейчас ему в лицо дохнет теплом лунная эгейская ночь.

Но в Афинах лил холодный проливной дождь.

Стоя в растерянности посреди своих чемоданов, Рональд пытался вспомнить, как по-гречески «такси», и очень удивился, когда к нему подъехала машина.

— Отель «Тумбергер», — прошептал он неуверенно шоферу.

Таксист смотрел на него в полном недоумении.

— Разрешите помочь? — Это был джентльмен, который слегка походил на Патрика Мак-Гуна. Он нагнулся к шоферу и отчетливо произнес: — «Томбаггер».

Таксист сразу понял, и Рональд, сконфуженно поблагодарив незнакомца, полез в машину. Что-то тяжело стукнулось о землю.

— Извините, пожалуйста, — человек, смутно напоминавший Шона Коннери, просунул голову в окно машины и вручил Рональду его пистолет. — Кажется, это вы уронили?

Рональда разбудил телефон.

— Мистер Барсетт? — шепеляво спросили в трубке.

— Вы не туда попали. Моя фамилия Бейтс.

— Мистер Ричард Барсетт, — настаивал шепелявый. — С вами говорит мистер Димитриос.

Страшная действительность обрушилась на Рональда, над ним словно захлопнули крышку гроба.

— Извините, — произнес он, запинаясь. — Да, это я, Барсетт.

— Я хотел бы с вами увидеться. Я буду у вас в девять.

Рональд посмотрел на часы. До прихода Димитриоса — десять минут. Он еле успевает побриться и одеться. И когда он завязывал галстук, раздался стук в дверь.

Но это был не Димитриос. Официант вкатил в комнату сервировочный столик.

— Ваш завтрак, сэр.

Рональд вроде бы не заказывал завтрака, но ничего, так будет даже лучше. Кофе и гренки прибавят ему храбрости в беседе со связным. Необходимо исправить впечатление, которое могло сложиться у Димитриоса после телефонного разговора. Надо предстать перед ним хладнокровным опытным агентом, как те двое в самолете. Он оглядел комнату. Кровать не застелена, вот что плохо... Но времени все равно не остается. Пистолет не влезает в карман, надо спрятать его в простынях.

Рональд надел темные очки, вышел на балкон со стаканом апельсинового сока в руке и принял картинную позу — совсем как персонаж из великосветской пьесы перед началом действия.

Димитриос появился в одиннадцатом часу. Рональд закоченел на балконе, зубы у него стучали, от холода он потерял дар речи. И первые слова принадлежали Димитриосу.

— Вы — сидячая мишень. Сейчас же идите в комнату, — прошипел тот.

Рональд повиновался, досадуя, что опять свалял дурака.

Димитриос первым делом закрыл окна и задернул портьеры. Он оказался совсем не таким, каким его представлял себе Рональд. Низенький, лысеющий толстяк под пятьдесят, в прошлом, наверно, красавчик, ничего зловещего во внешности. Связник нежно улыбнулся и протянул Рональду свою визитную карточку, нацарапав на ней «Q711». Рональд в ответ, как ему было велено, там же написал «X08». Димитриос взглянул на кодовый знак и сжег карточку. Затем внимательно оглядел номер, сунул руку в вазу с цветами и, словно фокусник, вытащил крошечный магнитофон.

— Видали? Нужно соблюдать предельную осторожность. Афины кишмя кишат шпионами. — И раздавил аппаратик каблуком. — Ваш Кассагалис неуловим. Мы не сумели выяснить, кто он такой. Однако от него получен сигнал через хозяйку дома на улице Леопосси (адрес вам дал «Косматый»). Кассагалис ждет вас одного сегодня в одиннадцать утра. Мне пора, а вы постарайтесь быть там ровно в одиннадцать. За Кассагалисом, по-видимому, следят. Он не станет ждать.

В кафе отеля «Тумбергер» перед Рональдом поставили какое-то несъедобное блюдо. Он не хотел есть и, чтобы отвлечься от тягостных мыслей, развернул местную газету, выходившую на весьма сомнительном английском языке. Его внимание привлекла маленькая заметка в самом низу страницы.

Под заголовком *«Убийство африканского прези-*

[1] Знаменитые киноактеры: созданные ими образы тайных агентов во многом влияют на поведение профессиональных разведчиков *(Прим. автора)*. Шон Коннери играет Джеймса Бонда в фильмах по романам И. Флеминга *(Прим. перев.)*.

дента, прибывшего в Англию с государственным визитом» сообщалось:

«Высокий гость и почти все сопровождавшие его лица убиты в отеле «Кларидж» в Лондоне противотанковым снарядом, влетевшим в апартаменты президента через окно...»

— Мистер Барсетт, вас ждет машина, — провозгласил швейцар в ливрее, и Рональд лишь через несколько дней нашел время подумать над удивительным газетным сообщением.

Рональд доехал до площади Омония, пересел там на метро и вышел на станции «Монастираки».

Монастираки — блошиный рынок. Лавки и лавчонки образуют на нем улочки и тупики. Рональда тянули во все стороны, навязывали ему старую аттическую бронзу, предлагали почистить башмаки. Он спросил дорогу на улицу Леопосси, нашлись добровольные толмачи, и в мгновение ока вокруг Рональда собралась толпа. Греки — сердечный народ, и вся толпа жаждала оказать помощь заблудившемуся чужестранцу. Разгорелся спор, какой дорогой лучше идти, самые неистовые затеяли драку...

Двадцать минут двенадцатого! Обливаясь потом, Рональд пробивался вперед по нескончаемым переулкам, которые нельзя было отличить один от другого. Человек пятьдесят ретивых помощников не отставали ни на шаг, спор и крики не затихали. Наконец Рональда подтолкнули к маленькому дому.

— Спасибо. А теперь вы можете идти. Вы очень любезны, но меня ждут здесь одного.

Слова эти не возымели действия. Проделав с Рональдом столь долгий путь, его свита решила ждать до конца. С душевным трепетом Рональд постучал в дверь. Ему открыла косоглазая приземистая женщина с густой черной бородой.

— Кирос Кассагалис, — неуверенно произнес Рональд.

Доброжелатели громким нестройным хором, как в древних греческих трагедиях, повторили имя. Женщина, казалось, поняла.

— Ochi, — сказала она в ответ.

Слово прозвучало как «о'кэй»[1], и Рональд, оттолкнув хозяйку, бросился в дом. На ходу он потянулся за пистолетом и с ужасом вспомнил, что оставил его на постели в номере...

Женщина закричала ему вслед. По ее тону было ясно, что Рональд здесь — незваный гость. Но он не мог терять времени на объяснения. Он помчался по лестнице. Косоглазая не отставала, колотя Рональда метлой по спине. Снизу доносился возмущенный гомон — похоже, бывшие друзья не одобряли его действий.

Рональд ворвался на чердак и закрыл на засов дверь. На чердаке недавно кто-то был — валялись окурки, грязная мужская сорочка... Женщина вопила под дверью. Надо убираться, как бы она не вызвала полицию. За окном вилась по стене виноградная лоза. По ней можно спуститься во двор и сбежать. Рональд перекинул ноги через подоконник и вдруг заметил надпись на грязном стекле: «Х08. Бегите. Звоните 027—165. К.». Разглядывать надпись повнимательнее Рональду было некогда.

Рональд укрылся в маленьком кафе неподалеку и с жадностью глотал сладкий и терпкий турецкий кофе. Костюм у него был изорван, измазан, в волосах, словно у Диониса, застряли виноградные листья...

После второй чашки Рональд немного успокоился, подошел к стойке, набрал номер 027—165 и почти сразу услышал приятный мужской голос.

— Кирос Кассагалис, — сказал Рональд.

— Nè, — вежливо ответил голос. Ответ, несомненно, был отрицательный[1].

— Извините, — Рональд уныло повесил трубку.

Он заметил часы над стойкой — две минуты двенадцатого. Почему же на его часах две минуты первого? И все неожиданно встало на свои места. Накануне вечером в самолете, когда все ставили часы по афинскому времени, Рональд от волнения напутал и перевел свои на час вперед. Теперь ясно, почему Димитриос утром опоздал и почему Кассагалиса не было в том доме. Нужно вернуться туда, Кассагалис, наверно, ждет. Преисполнившись надежды, Рональд стал осторожно красться назад к калитке в заборе, через которую он убежал. В пять минут двенадцатого Рональд был на месте. Как теперь снова пробраться в дом, обманув бдительность хозяйки? И вдруг раздался оглушительный взрыв. Дом медленно осел и развалился, поднялось густое облако пыли, на дорогу посыпались камни и обломки.

У Рональда душа ушла в пятки — бомба предназначалась ему и, очевидно, Кассагалису. Шатаясь, Рональд побрел назад в кафе и там хрипло попросил: «Ouzo!» Это греческое слово он знал хорошо.

«Ouzo» — приятный, мягкий напиток. По вкусу он напомнил Рональду анисовые леденцы, излюбленное лакомство его детства. Рональд проглотил подряд шесть рюмок. Хозяин восхитился, но сделал ему знак, что хватит.

— Весь «ouzo» Греции не зальет моего горя, — еле ворочая языком, пожаловался Рональд. И вдруг отчетливо понял, что может легко и просто положить конец всем бедам. Нужно вернуться в отель, собрать вещи, взять билет на самолет и домой — в Лондон, на Кенгуру-Вэлли, в свою конуру, единственное место, где он чувствует себя в безопасности. Рональд хватил еще несколько рюмок в честь этого мудрого решения и покинул кафе.

Участливые посетители подсадили его в такси — за три часа, проведенные в кафе, Рональд со многими подружился. Греки любят чудаков, и этот растерянный и прибитый, весь в пыли и грязи молодой человек, который то плакал, то смеялся, вызвал всеобщее сочувствие.

В отеле «Тумбергер», однако, чудаки были не в почете. И когда Рональд свалился посреди шикарного людного вестибюля и, свернувшись калачиком, заснул в трогательно-детской позе, никто не выразил желания ему помочь.

Портье позвал коридорных. Они подобрали спящего и отнесли в лифт. Поднявшись на восьмой этаж, они отволокли Рональда к дверям его номера. Один поддерживал бесчувственного постояльца, другой отпирал дверь.

В комнате, притаившись за портьерами, ждал убийца...

Он выстрелил три раза и попал в коридорного, который держал Рональда; оба рухнули на пол. Второй коридорный пустился бежать, но и его настигла пуля. Убийца втащил труп в комнату, швырнул его на два других тела, выбрался из номера, захлопнул дверь и покинул отель через служебный выход.

[1] Как это ни странно, по-гречески оно означает «нет» *(Прим. автора)*.

[1] Однако по-гречески это означает «да» *(Прим. автора)*.

2. СРЕДИ МЕРТВЫХ

Неподалеку, в старомодной, но тоже роскошной гостинице, командор Солт принимал душ, распевая одну из трех известных ему песен. Он был чрезвычайно доволен собой.

Агенты службы внутренней безопасности, которые носились за Рональдом по Лондону, как гончие псы, остались в аэропорту не солоно хлебавши. И лишь командор удержал след. Ни один из отделов не имел права посылать своих сотрудников за границу, но бравый командор через товарищей по оружию, полупьяных морских волков, получил два места на военном транспортном самолете до Кипра. Там на английской базе он разыскал собутыльников своей юности, и его отправили на торпедном катере в Пирей. Оттуда полчаса на такси... и вот цел и невредим он в Афинах.

Командор закрыл воду.

— Собирайся, Киска! — закричал он. — Нам пора.

Измученная путешествием, Джина (Скромница, Киска) жалобно застонала в ответ. Солт взял ее с собой как для собственного удовольствия, так и для пользы дела. Быть может, ее придется подключить, чтобы выудить у Рональда нужную информацию. Правда, сейчас, судя по ее виду, Киска не годилась ни для того, ни для другого.

— Держись, старушка, — приказал командор и, сев на кровать, взял телефонную трубку. — Соедините меня с английским посольством.

Чиновник посольства сообщил ему, что морским атташе в Афинах является капитан Горацио Снаппер. Командор пришел в восторг.

— Передайте ему, что в гостинице «Гранд Бретань» Берти Солт ждет его звонка.

На другом конце великолепного бульвара, именуемого проспект короля Константина, Рональду Бейтсу снилась Скромница. Он нежно обнял ее во сне... и пробудился.

Его охватил слепой всепожирающий ужас, от которого помутилось сознание. Он с трудом выбрался из-под теплых трупов. Одежда его насквозь пропиталась кровью. Рональду опять стало дурно. К горлу подступила тошнота. Он долго мылся, оттирая кровь щеткой, и переоделся в другой костюм. Ужас постепенно сменился потусторонним безразличием. Рональд тупо взирал на леденящую душу сцену и думал: «Мне нужна помощь, иначе конец».

Он позвонил Димитриосу. Никто не ответил.

«Английское посольство», — подумал было Рональд, но он знал, как печальна участь тайного агента — собственная страна должна отречься от него...

И вдруг ему вспомнилась надпись на грязном оконном стекле: «Х08. Бегите...» Кассагалис, кто бы он ни был, наверное, знал про бомбу и хотел предупредить его. Рональд снова взял трубку. «Соедините меня с номером 027—165». Наплевать на языковой барьер — телефонистка отеля переведет, если надо. Его соединили. В трубке раздался голос:

— Кассагалис слушает.

Рональд облегченно вздохнул.

— Х08, — сказал он.

— Я ждал вашего звонка. Я встречусь с вами в «Американском баре» в восемь. Ясно? — И телефон замолчал.

Рональд причесался, переступил через мертвые тела и вышел из номера. Он покинул отель, как и убийца, через служебный выход.

Командор Солт и капитан Горацио Снаппер прогуливались по саду английского посольства. Солт объяснил Снапперу, что его интересует. Капитан послал на разведку младшего офицера. Через некоторое время тот вернулся и вручил шефу листок бумаги.

— Ага, — сказал Снаппер, пробежав листок глазами. — Твой паренек, кажется, остановился в отеле «Тумбергер» под именем Ричарда Барсетта.

— Да, это он. Те же инициалы — Р. Б.

— В 15.35 он говорил по телефону. Вот смотри, — и морской атташе показал командору запись разговора с Кассагалисом.

— Твои ребята держат ухо востро, — не мог не признать Солт.

— Это заслуга торгового атташе. Он платит телефонисткам больших отелей, и они записывают на магнитофон все разговоры. А иначе как же мы будем знать, чем занимаются янки-дудли, не говоря уже о макаронниках и лягушатниках. Только делишки типа «плаща и кинжала» вроде ваших устарели. — Он сочувственно поглядел на командора. — Теперь в моде промышленный шпионаж.

Рональд вежливо помог двум пожилым американкам выйти из старинного дилижанса.

— Какие прекрасные манеры! — восхитилась одна из них.

— И что за очаровательный акцент! — с восторгом отозвалась другая.

— Окажите любезность, выпейте со мной, — попросил Рональд — он боялся остаться один.

Рональд выбрался из отеля через гараж и некоторое время бродил по улицам. Его терзал страх, он хотел затеряться в шумной, многоликой толпе...

На площади Синтагма Рональд увидел то, что ему было нужно. Возле американского туристского бюро стоял запряженный лошадьми дилижанс, готовый повезти туристов по Афинам. Небольшая группа американцев рассаживалась в карете. Рональд заплатил пятьдесят драхм и получил право на четырехчасовой осмотр города.

Рональду пришлось нелегко. Он пристроился к двум энергичным старушкам и таскал за ними их сумки, фотоаппараты, путеводители. Они поднялись на Парфенон, обежали храм Зевса Олимпийского, постояли у Башни ветров, побывали на Старом рынке, на Римском рынке[1] и т. д., и т. п. Но зато Рональд был среди людей.

Ровно без десяти восемь он привел своих дам в помпезно-роскошный «Американский бар».

— И это американский бар? Совсем непохоже. Настоящий бар у нас в «Тумбергере». Давайте возьмем такси и поедем туда.

Рональд задрожал при одной мысли об этом.

---

[1] Рынки античных времен в Афинах.

— Но уж если вам так нравится здесь... Однако не обольщайтесь: вся эта резьба и бронза — подделка. В Штатах бары из пластика и хромированного металла.

Рональд, не сознавая того, выбрал место, крайне неудачное со стратегической точки зрения. За его столиком можно было незаметно наблюдать: а) с балкона над стойкой; б) у стойки (глядя в зеркало); в) из-за столика у прилавка с закусками. Как только Рональд со своими спутницами появился в баре, командор Солт занял позицию «б». Через несколько минут джентльмен, похожий на Шона Коннери, и его друг, похожий на Патрика Мак-Гуна, заняли позицию «в». Позицию «а» выбрали Димитриос и убийца из отеля, они сидели там уже двадцать минут.

В тот день телефонистка отеля «Тумбергер» заработала неслыханные деньги.

3. ТОУЗ ПОИСК

Капитан Горацио Снаппер позвонил в «Американский бар» и вызвал к телефону Солта.

— Что нового? — осведомился Снаппер.

— Сижу рядом сам знаешь с кем, — хрипло зашептал Солт. — Он тут с двумя старушками. Американки. Вполне возможно, из ЦРУ.

— Ну так вот. Этот твой Бейтс или Барсетт долго там не пробудет. Его ищет вся афинская полиция. В «Тумбергере», у него в номере, обнаружили двух убитых служащих и пистолет. А утром он подложил бомбу в какую-то лачугу на Монастираки. Взрывом убиты две женщины.

— Ну и ну! — ахнул Солт. — Кто бы подумал!

И с уважением покосился на Рональда.

К половине девятого Рональд потерял всякую надежду. Придет теперь Кассагалис или нет, все равно ждать его в ярко освещенном и многолюдном баре слишком опасно. В довершение всего американки напились. Они громко хохотали, привлекая всеобщее внимание. Винные пары примирили старушек с «Американским баром», и теперь были тщетны все попытки Рональда увести своих дам.

Он снова оглядел переполненный зал (преследователи в позициях «а», «б» и «в» вытянули шеи и тоже стали всматриваться в публику — а вдруг Рональд кого-то увидел) — ему казалось, будто несколько минут назад он слышал голос, отдаленно похожий на голос Кассагалиса. Голос этот принадлежал очень высокому элегантному негру с бородой и в золотых очках. Однако негра уже и след простыл.

И тут в баре появился продавец лотерейных билетов. Он шел от столика к столику, нахваливая свой товар. Яркие бумажки были прикреплены к длинному шесту, и продавец казался участником какого-то символического восточного обряда. *А символом была смерть!*

Рональд сразу понял: этот человек подослан его убить. Они словно узнали друг друга, когда продавец билетов бросил на него взгляд, входя в зал. Все будет совсем просто — он наклонится над его столиком и бросит Рональду в бокал капсулу с ядом... Повинуясь безотчетному порыву, Рональд вскочил и направился к убийце.

Преследователи в позициях «а», «б» и «в» тоже вышли из-за столиков, а вслед за ними поднялись двое греческих полицейских в штатском, которые искали убийцу из отеля «Тумбергер»... В шумном баре воцарилась напряженная тишина. Все это напоминало сцену из третьесортного вестерна, где герой и злодей медленно шагают навстречу друг другу по залитой солнцем улице.

— Купи билет, счастливый билет, — забормотал тощий горбатый продавец, столкнувшись нос к носу с Рональдом. — Счастливый билет. Погляди.

Он помахал билетом под носом у своей жертвы. Первые три цифры были «Х08». На обороте стояли слова: «Оторвитесь от хвостов и ждите меня на горе Ликавиттос. Скорее. К.».

Рональд испуганно оглянулся. Кто-то пробежал к телефону (Солт), двое попытались укрыться за колонной (Димитриос с коллегой), еще двое сделали вид, будто изучают меню (двойники Коннери и Мак-Гуна), переодетые полицейские начали спускаться по лестнице... И тут Рональд неожиданно рванулся к выходу и в мгновение ока исчез.

— Эй! — завопили покинутые кавалером старые американки. — Не бросайте нас одних! — И тоже кинулись к дверям.

Вслед за американками помчались разведчики, контрразведчики и сыщики. И вся орава (девять человек, включая дам) застряла в узком дверном проеме. Садясь в такси, Рональд успел заметить, как две его старые леди расправлялись с семью мужчинами. Они с силой колотили всех подряд без разбора фотоаппаратами.

— Грязные насильники! — гремела одна.

— Сексуальные маньяки! — вторила ей другая.

Впервые с той минуты, как он отправился на это задание, Рональд Бейтс точно знал, что слежки за ним нет.

Гора Ликавиттос высоким утесом вздымается над самым центром города. Когда-то, много веков назад, на ее вершине выстроили византийскую церковь, а недавно правительство соорудило фуникулер и смотровую площадку, с которой открывается самая красивая в Афинах панорама.

Но у Рональда, когда он поднялся на вершину, не было ни малейшего желания любоваться пейзажами. Он походил среди столиков кафе, занимающего часть смотровой площадки, никто не обратил на него внимания, и он устроился в углу потемнее.

— Послушайте, я думал, вы лихой парень, а вы... лопух. — Перед Рональдом стоял элегантный негр из «Американского бара». (Значит, это все-таки Кассагалис.) — Когда я узнал, что этим бандитам никак не удается вас пристукнуть, я решил: вот твердый орешек, такого второго не сыщешь. Но когда вы сидели в баре, и вся эта братия не спускала с вас глаз, а вы даже не замечали, я понял — вам просто-напросто...

— Везет, — угрюмо подсказал Рональд.

Кассагалис издевательски засмеялся.

— Помогите мне отсюда выбраться!

— Помочь? Детка, вы обратились не по адресу. Эти головорезы мечтают свернуть вам шею, но я им нужен еще больше, чем вы.

— Что же мне делать?

— Поступайте как знаете, только я вам не компания. Вряд ли вы унесете отсюда ноги. А я сегодня смываюсь на рыбацкой лодке.

— Кто вы такой?

— Детка, я бродяга, скитаюсь по белу свету. Но хватит болтать, мы попусту тратим время. Несколько дней назад прихватили последнюю, «девятую музу». Какие-то ловкие пареньки в полицейской форме сцапали ее в Лондоне у самого входа в Форейн оффис — вы как раз садились в афинский самолет. Наших это взбесило.

— А при чем тут ваши люди?

— Да вы шутите! Операция «Девять муз» была направлена на сбор сведений об одном из звеньев гигантской системы поставок оружия. Такой еще не было со времен Гитлера, с той поры, как он нацелился прибрать к рукам Европу. Донесения «муз» сообщали, где и в каких количествах закупают оружие белые боссы из ЮАР и их дружки из Португалии и Родезии. Эти белые боссы объединились против нас, африканцев, и вооружаются до зубов. Ваш Форейн оффис проявляет немалый интерес к подобным делишкам и запросил у разведки фотокопии донесений «Девяти муз». Ваши дипломаты обещали и нас посвятить в эти тайны. Но ваша контрразведка хлопала ушами — стоило курьерам «Девяти муз» добраться до Англии, как их убивали, а донесения похищались. И ни Форейн оффис, ни мы этих документов в глаза не видели.

— А при чем здесь Афины?

— В Афины приходит вся информация о поставках и отсюда переправляется дальше. Но я выяснил (жаль только — поздно), что агент вашего «Q», Димитриос, — двойник. Он сообщал одному важному английскому боссу о сроке прибытия «муз» в Англию. Этот босс, оказывается, вложил в торговлю оружием миллион фунтов.

— А кто он? — спросил Рональд.

— Если бы я знал! — с угрозой в голосе сказал Кассагалис. — Но он умело заметал следы. А скажите — от этого кое-что может проясниться, — когда именно вы узнали, что я в Афинах?

— Во вторник, приблизительно в 12.30.

— Полтретьего по афинскому времени. Все ясно. В три часа меня чуть было не пристукнули ребята Димитриоса. Ну что же. Оставляю вас с этим приятным известием.

— Но мы заплатили Лейнионшарду пятьсот фунтов, — пролепетал Рональд (ему казалось, что Кассагалис не оправдывает сделанных на него затрат).

— «Косматому»? Ай да молодец! И мы заплатили ему пятьсот фунтов, чтобы он организовал встречу с вами. Он наобещал, что мы получим от вас исчерпывающие сведения о торговле оружием. Ничего себе! Урвал тысячу фунтов. И за что? Дал одному слепцу в поводыри другого слепца. А вернее, послал немного потолковать с глухим.. Ну что же, еще увидимся...

И Кассагалис как сквозь землю провалился.

Дела в баре принимали смехотворный оборот. Семеро преследователей: Солт, Димитриос с подручным, таинственные незнакомцы, похожие на двух киноактеров, греческие сыщики зорко следили друг за другом. Если вставал один, вставали все; если один шел к телефону, остальные, сгрудившись вокруг, беззастенчиво подслушивали; если один шел в уборную... И так далее. Близилась ночь, и Солт решил, что пора этому положить конец.

— Послушайте, ребята, — предложил он. — Я знаю: нас, англичан, считают тупоумными ослами, но мы гении по части компромисса. И я предлагаю вот какой компромисс. Мы все охотимся за одним и тем же парнем. Никто не знает, где он. Хватит нам здесь торчать, уйдем все разом, каждый куда надумает. И пусть победит достойнейший.

Все молча обдумывали это предложение, пока Димитриос многословно переводил его греческим сыщикам.

— Мне здесь до смерти надоело, — добавил Солт. — Джин кончился, а ничего другого я не пью.

Предложение обсудили, и оно было принято — теперь Солт мог пуститься по следу Бейтса в одиночку.

Рональд не знал, сколько времени он простоял, обняв столб ворот, прислонясь щекой к его прохладной шершавой поверхности. Быть может, прошли часы, а может быть, минуты.

На горе Ликавиттос Рональд окончательно лишился присутствия духа — ему казалось, будто расстилавшийся внизу город кишит убийцами, жаждущими его крови. Как в тумане он сел в фуникулер, спустился вниз и бесцельно побрел по темным закоулкам Колонаки[1]. И вдруг нежданно-негаданно перед ним возник этот дом — величественный особняк с массивным гербом над дверьми. Глаза у Рональда наполнились слезами. Он почувствовал себя Моисеем у земли обетованной, на которую ему не дано было ступить.

Дом! Тот уголок земли чужой, где Англия моя — английское посольство. Рональд зарыдал и стал покрывать поцелуями стену, отделявшую от него клочок родины в далекой стране.

Он отлично знал, что не имеет права войти в эти ворота. Его прогонят прочь как разоблаченного шпиона или выдадут полиции как убийцу. И все-таки Рональду стало легче от ощущения, пусть обманчивого, что здесь его прекрасная родина. *«Там сейчас пьют чай,* — подумал он, — *говорят по-английски, заключают футбольные пари...»*

И вдруг позади него раздался веселый голос:

— Кого я вижу!

Рональд подумал, что у него начинается бред. Ровно неделю назад в это же самое время он встретил Солта в Сохо, когда тот расплачивался за такси. И сейчас по странной игре воображения на темной афинской улице перед Рональдом снова возникла та же самая картина. Однако видение подошло, взяло его под руку и обратилось к нему с добрым советом:

— Нечего вам здесь околачиваться, Бейтс, старина. Они первым делом явятся за вами сюда. Залезайте в такси, и прокатимся по городу.

Солт боялся поверить своему счастью. Он приехал в посольство выяснить у капитана Снаппера, нет ли чего-нибудь нового о неуловимом Бейтсе. И такая удача! Командор оглянулся — а что, если за ним увязался, нарушив договор, кто-нибудь из преследователей Бейтса? Но горизонт был чист. Солт громко приказал таксисту: «Ехать, ехать, кругом, кругом. Понимай?» — и сделал рукой кругообразное движение, словно ведьма, помешивающая в котле.

Несколько минут они молчали. Солт украдкой поглядывал на Рональда, соображая, с какой бы стороны к нему подобраться.

— Боюсь, дела ваши плохи, Бейтс, — сказал он наконец. — Но мы вас отсюда вызволим.

Командор первым же выстрелом попал в цель. Детское лицо Рональда исказилось от волнения. Он напоминал заблудившегося щенка, который наконец нашел хозяина.

— Вам повезло, что я вовремя на вас наскочил. Не волнуйтесь, флот выручит. На рейде вас дожидается один из крейсеров Ее Величества.

---

[1] Район в Афинах.

— Слава богу, слава богу, — жалобно забормотал доверчивый Рональд. Ему даже в голову не пришло спросить у Солта, почему тот в Афинах.

— Сейчас я вас оставлю, — продолжал его спаситель. — Таксист отвезет вас в Пирей, в один кабачок. Вы там будете в 23.15. В 23.30 туда явится британский морской патруль якобы для того, чтобы арестовать вас как дезертира. Затем вас препроводят на борт военного корабля «Лифмоулд», в полночь он отходит на Мальту.

— Спасибо вам. Вы спасли мне жизнь.

— Прежде чем мы расстанемся, — сказал Солт, — на всякий случай, на самый крайний случай, ну вдруг до прихода патруля какая-то непредвиденная случайность...

— Да? — отозвался Рональд, готовый на что угодно, лишь бы удружить этому старому морскому волку, такой надежной опоре в минуту жизни трудную.

— В общем, пожалуй, вам бы лучше передать мне те сведения, которые вы здесь добыли. Вы виделись с Кассагалисом? Вам удалось узнать что-нибудь новое о «Девяти музах»?

До этой минуты Рональд не задумывался, удалось ли ему что-либо выяснить. Но внезапно все для него стало ясным. Эта мысль, должно быть, зародилась у него подсознательно, когда он стоял у ворот посольства, она неотвязно преследовала его с тех пор, и он теперь понял: он знает тайну «Девяти муз»...

Как пес, ластящийся к хозяину, он любовно поглядел на Солта и все ему выложил...

Солт вылез из такси у гостиницы «Гранд Бретань».

— Счастливо, старина. Не забудьте — Англия ждет от нас подвигов, и все такое.

Командор с чувством пожал Рональду руку, и в душе у него шевельнулось что-то похожее на жалость к простаку, которого он посылал на верную смерть.

— До свидания, командор. До встречи в Лондоне!

— Черта с два мы с тобой встретимся, — пробормотал себе под нос Солт и приказал швейцару: — Скажите таксисту, чтобы отвез его в ту пирейскую таверну, где собираются все шлюхи. — И вошел в гостиницу.

Не обращая внимания на хнычущую Киску, он позвонил в полицию и сообщил, где и когда они смогут арестовать убийцу.

— Все сложилось превосходно! — воскликнул командор, положив трубку. — Мне дадут адмирала.

— За что? — спросила ничего не понимающая Киска.

— А за то, моя радость, что я раскрыл тайну «Девяти муз». Вот за что.

— А как же бедный мистер Бейтс?

— А его повесят. Если только Димитриос со своими молодчиками не сцапает его раньше.

— Убийца! — закричала Киска.

— Еще одно слово, и я тебе все кости переломаю. Укладывай вещи и не хнычь.

Киска повиновалась, хотя сердце ее разрывалось от горя. А Солт вышел на балкон посмотреть, все ли спокойно на горизонте.

— Черт побери, — выругался он вдруг. И крикнул в комнату Киске: — Выключи свет!

Через площадь к гостинице решительно шагали агенты, похожие на Шона Коннери и Патрика Мак-Гуна. Они остановились под балконом Солта и посмотрели вверх.

— Сейчас они, пожалуй, ворвутся сюда. Киска, бросай чемоданы, мы сбежим через черный ход!

— Кто эти люди? — спросила Киска.

— Не знаю. Я даже не знаю, на кого они работают. И не собираюсь выяснять.

Агенты все не уходили, они совещались о чем-то вполголоса.

— Надевай пальто, крошка. А мне надо в гальюн.

Командор скрылся в ванной, и Киска торопливо нацарапала в темноте на листке бумаги: *«Кто бы вы ни были пожалуйста помогите мистеру Бейтсу он в полиции или у мистера Димитриоса. Ваша Дж. Кафф (мисс)».*

Она выбросила записку с балкона. Листок затрепетал на ветру и стал медленно опускаться. Но Киска так и не узнала, подобрали двое агентов ее сигнал бедствия или нет.

Стрелки часов подходят к половине двенадцатого. С минуты на минуту появится морской патруль. В таверне танцуют под варварские ритмы джаза.

— Станцуем, дорогой? — спрашивают за спиной у Рональда. Рональд оборачивается и видит нежно улыбающегося Димитриоса.

— Пора домой, милый мистер Бейтс.

Двое злобных головорезов хватают Рональда под руки и тащат из зала, словно он мертвецки пьян и они, его дружки, хотят отвезти его домой. Несколько громил ждут на улице. Рональд отбивается, но его тянут к машине, где уже открыта задняя дверца. И в эту минуту издалека доносится вой полицейских сирен. Рональд вырывается и бежит прочь, не разбирая дороги. Чем-то тяжелым и твердым, наверно рукояткой пистолета, его бьют по затылку. Рональд теряет сознание.

Так заканчивается четверг, 11 ноября, самый богатый событиями день в жизни Рональда Бейтса.

4. ПОРА, КОГДА ЦВЕТЕТ СИРЕНЬ

«Два дня назад произошло одно из самых досадных недоразумений в истории нашей страны (говорилось в передовой статье «Дейли мейл»). *Из-за вопиющей небрежности начальника Особого управления Скотланд-Ярда был злодейски убит прибывший к нам с государственным визитом глава дружественной державы. Напрашивается вопрос: когда же Эдварда Бойкотта, чья непростительная безответственность сделала возможным подобное преступление, уберут с ответственного поста, на который его вообще не следовало назначать?»*

Кислятина Крэбб читал за завтраком газету в своем маленьком уютном коттедже недалеко от Доркинга.

«Будем надеяться на скорейшее выздоровление и возвращение к работе надежного и опытного руко-

водителя, мистера Крэбба, которого во время его болезни Бойкотт замещал. Мы уверены, что он сумеет исправить тяжелое положение, создавшееся в системе нашей внутренней безопасности».

«Эта статейка сыграет определенную роль, если меня представят к ордену Британской империи», — подумал Кислятина и по обыкновению задал себе вопрос, на который сам и ответил.

В. Сколько еще продержится Бойкотт?

О. Его вынудят подать в отставку сегодня же. А сообщение в прессе появится до пятницы.

В комнате зазвонил один из трех телефонов — прямой провод из Управления службы безопасности.

— Дорогая, возьми, пожалуйста, трубку, — попросил Крэбб свою маленькую, седую, улыбчивую в отличие от супруга жену.

— Ах, доброе утро, мистер Лавлейс.

Крэбб отрицательно замотал головой.

— Нет, к сожалению, не лучше, а скорее хуже.

Крэбб громко застонал. Он не собирался показываться в управлении по крайней мере еще две недели.

— И вдобавок Бойкотт так его подвел. Для больного человека всякое потрясение...

Кислятина взял отводную трубку. Бакстер Лавлейс говорил:

— А у меня новость, которая его порадует. Под давлением сверху — вмешался парламент и даже королевский двор — это чудовище Бойкотт был вынужден наконец подать в отставку.

Больной вскочил и начал лихо отплясывать шотландский танец. А когда его жена закончила разговор с Лавлейсом, Крэбб снова взялся за «Дейли мейл».

«Но Бойкотт должен нести ответ не только за смерть президента. Ему предъявлено также обвинение в нарушении служебной этики. Вчера Джозеф Кромески, жертва войны, возбудил судебное дело о возмещении морального ущерба — его жену бесчестно соблазнили. И кто же? Один из сотрудников Бойкотта. С ведома шефа этот негодяй, используя свое служебное положение...»

Тут случилось нечто небывалое. Крэбб издал горлом странный звук и схватился за грудь.

— Что с тобой, милый? — испугалась жена.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — Крэбб смеялся.

— Артур! — за тридцать лет совместной жизни жене не довелось видеть на лице Кислятины даже тени улыбки.

— Ха-ха-ха-ха! — хохотал Крэбб, не в силах остановиться.

— Артур, чему ты... — она с трудом заставила себя произнести это слово, — смеешься?

— Ха-ха! — Кислятина ткнул было пальцем в газету, но вдруг лицо у него окаменело, и он, смолкнув, повалился на пол.

— Удивительный случай, — сказал через полчаса врач, обернувшись к рыдающей вдове. — Я, признаться, слышал, что люди умирают от смеха, но вижу такое впервые в жизни.

«Цветет сирень в моем саду.
А под окошком у меня
Улыбаются гвоздики и...»

Рональд, раздетый догола, распятый, как Христос, на шведской стенке в огромном гимнастическом зале, читал про себя «Грантчестер». Но внутренней силы и выдержки любимые стихи ему не прибавляли.

— Где Кассагалис? — в двадцатый раз спросил Димитриос.

— Не знаю! — крикнул Рональд.

— Двинь-ка ему еще, Тассо. В живот (лицо у Рональда давно превратилось в кровавое месиво).

— О-о-о-о-о! — взвыл Рональд.

— Попробуем другой вопрос. Что вы знаете о «Девяти музах»?

— Кассагалис говорит...

— Не то, что говорит Кассагалис, а то, что вам сказали в Лондоне.

— Я не помню. Я тогда выпил слишком много коньяку, я опьянел, и все вылетело из головы.

— Дурацкая отговорка. Глупо. Адонис, попробуем что-нибудь другое.

— Зачем вы меня мучите? Я ничего не знаю!

— И все-таки, дорогой мистер Бейтс, скажите мне, пожалуйста, где находится Кассагалис. Я очень вас прошу.

— Англия, земля родная! — весело воскликнул командор Солт, спускаясь по трапу с океанского пакетбота вслед за бледной, еле держащейся на ногах Киской. Они вернулись кружным путем: восточный экспресс до Парижа, автобус до Брюсселя, затем в наемной машине до Остенде, пересекли на пароме Ла-Манш и прибыли в Гарвич. «Никому и в голову не придет искать меня в Гарвиче», — самодовольно размышлял Солт.

— Ваш паспорт, пожалуйста, — сказал представитель иммиграционных властей.

Солт, вручая паспорт, глянул чиновнику в лицо и обомлел — на него пялились знакомые рыбьи глаза.

— К сожалению, паспорт у вас просрочен. Придется вас здесь задержать, сэр, — объявил Хаббард-Джонс с мрачным удовлетворением: наконец-то сбылась мечта, которую он так давно лелеял, теперь он сможет отомстить командору за все.

Лихорадочное забытье и проблески сознания слились для Рональда в нескончаемый поток боли.

Рональду виделся отец, которого он не помнил, и он закричал: «Папа, папа, подожди!», и отец остановился, а Рональд вдруг понял, что это старик Кроум. «Мистер Кроум, я не знал, что вы мой отец». — «Конечно, я твой отец, Рональд, ведь меня не убили». Рональд бежит к нему, но это уже отчим обнимает его колени и молит: «Забери меня отсюда, Рон», а потом оказывается, что это не отчим, а сэр Генри Спрингбек. «Я думал, вы тоже умерли». — «Умер, умер, я и не жил никогда», — горестно отвечает сэр Генри.

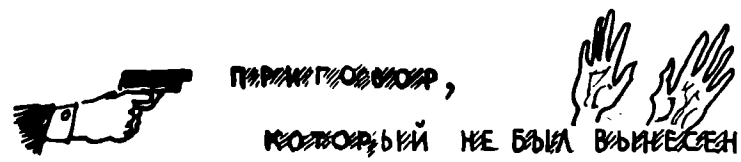
Наступил проблеск сознания, и Рональд увидел, что его держит за ноги не отчим и не сэр Генри. Человек, похожий на Шона Коннери, отвязывал Рональду ноги от шведской стенки. Второй, похожий на Патрика Мак-Гуна, разрезал веревки на руках.

— Вы сможете идти сами?

— Конечно, смогу, — хотел ответить Рональд, но вместо этого жалобно закричал и беспомощно соскользнул на пол.

Новый проблеск сознания — Рональда, завернутого в одеяло, кто-то несет, как ребенка, на руках. В углу валяется Димитриос. Тассо, избитый до неузнаваемости, распростерся на полу. Изуродованные трупы вокруг — это остальные мучители. Рональд не испытывает мстительной радости, ему бесконечно жаль бедняг.

Запахло бензином. «Готово», — говорит один из его спасителей. «Бежим!» — отвечает второй, тот, что несет Рональда на руках, и они выбегают из здания, объятого пламенем. Рональду смутно вспоминается какая-то поговорка, что-то вроде: «Из огня да в полымя». И он снова теряет сознание.



5. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ ВЫЯСНЕН

— Так кто же все-таки ваши спасители? — спросил Бакстер Лавлейс.

— Я их больше не видел, — Рональду было трудно говорить — у него не осталось передних зубов. Прошла неделя с тех пор, как его вытащили на руках из афинского гимнастического зала, но синяки на лице еще не прошли, а кроме того, давали себя знать переломанные ребра.

— Я очнулся в монастыре. Там ко мне были очень добры.

— А как вам удалось выбраться из Греции? Ведь вас разыскивала полиция.

— Меня переодели монахиней.

— Ну слава богу, вы дома. Тут уж вас все похоронили. Итак, что мы предпримем дальше? Вы, конечно, правы. Но как доказать, что за всем этим стоял Радкинс?

— Это, безусловно, он, — Рональд снова начал рассказывать. — Когда мы получили от «Косматого» рукопись, бригадир сбежал с нею, не дал мне даже прочитать адрес. Через полчаса после этого бригадир, видимо, позвонил Димитриосу, и тот пытался убить Кассагалиса. А когда вы послали меня в Афины, он хотел убрать и меня.

— Знаю. Знаю. А я так доверял старому черту. Я видел: это хитрая лиса, но он оказался хитрее, чем я думал.

— А кто, кроме него, мог организовать похищение докладов «Девяти муз», такую широкую операцию? Ни у кого больше не хватит на это людей. Наврал, должно быть, с три короба своим любителям-контрразведчикам, а те, дураки, и рады пострелять.

— Это не доказательство. Улик никаких нет.

— А я все рассказал командору Солту, — вспомнил вдруг Рональд. — Может быть, он разобрался, что к чему?

— Командор Солт служит сейчас на старой посудине, патрулирует северные берега Шотландии. Ваша приятельница-блондинка рассказала мне, как он с вами поступил. Я тут же позвонил своему двоюродному брату (он — начальник морского штаба), и с Солтом расправились по заслугам.

— Но он хотел мне помочь.

— Бедный Рональд, вы все так же доверчивы, ваши приключения ничему вас не научили. Видно, придется рассказать вам все, как было.

И Рональд узнал о вероломстве командора.

— ...Однако вернемся к делу. Нужно вывести бригадира на чистую воду.

— Нам поможет Жаклин, мисс д'Инди. Я говорил с ней по телефону сегодня и все рассказал...

— Что? Да вы просто дурак! Теперь из-за вас все пропало! — Лавлейс подошел к камину и нажал кнопку.

— Жаклин — честный человек. Ей можно доверять.

— «Честный», «доверять» — эти слова безнадежно устарели в наш циничный век. Вы доверяете мне? Я честный человек?

— Конечно, доверяю. Иначе я не был бы здесь. Но сказать, что вы честный, я не могу. Вы спокойно наблюдали, как Солт заманил бедного Хаббард-Джонса в ловушку. А потом закрыли, пользуясь этим, наш отдел.

— Я не только наблюдал, я поощрял Солта. Ведь вам известен мой принцип — разделяй и властвуй, пускай псы пожирают друг друга.

— И вам чаверняка было известно, — продолжал Рональд (он долго об этом размышлял, пока его отхаживали в монастыре в Афинах), — что МИ-5 специально подстроили убийство президента и, таким образом, отделались от Бойкотта.

— Это я их надоумил, — скромно признался Лавлейс.

Вошла экономка в черном платье и подала хозяину серебряный поднос.

— Благодарю вас, миссис Паунси.

Когда за нею закрылась дверь, Бакстер Лавлейс взял с подноса маленький пистолет системы Беретта.

— А теперь, Рональд, встаньте, пожалуйста, — и он навел на него пистолет.

Рональд встал, полагая, что это шутка.

— Вряд ли у вас с собой оружие, но на всякий случай — руки на голову! И пройдемте в сад на крыше.

Рональд не двинулся с места.

— Послушайте, не могу же я пристрелить вас здесь, ковер стоит несколько тысяч фунтов.

Этот странный довод почему-то оказал действие. Рональд прошел через стеклянную дверь на плоскую крышу, засаженную кустами и деревьями. Листья блестели под дождем. Лавлейс с пистолетом в руке проследовал за Рональдом.

— Вы дурак, Рональд. Я выбрал вас для этого дела только из-за вашей наивности. Я думал, вам ничего не удастся выяснить. А чтобы окончательно сбить вас с толку, я подсыпал вам снотворного в коньяк, когда давал задание. А потом напустил на вас уличного фотографа... Тем не менее вы все-таки ухитрились докопаться до сути.

Рональд в ужасе уставился на Лавлейса.

— Так это ваших рук дело?

— А кто же еще сумел бы с таким блеском разработать подобную операцию? Каждое донесение «Девяти муз» содержало перечень различных европейских фирм, торгующих оружием. Фирмы получают огромные заказы из Южной Африки. Я все до последнего пенни вложил в эти предприятия. На прошлой неделе акции необычайно поднялись. И я заработал полмиллиона. Не будь вы таким идиотом и не впутай в это дело Жаклин, я бы все свалил на бригадира. Но с ней подобный номер не пройдет. Малютка Джеки похожа на безмозглого страуса, но такую умницу поди поищи. Она сумеет разобраться, что к чему... И теперь мне ясно, откуда взялись ваши ангелы-хранители. Это она наняла каких-то частных агентов. Жаклин знала, что вы едете в Грецию на верную смерть. А она всегда питала к вам необъяснимую слабость.

Да, я надеялся безбедно прожить жизнь на свои дурно пахнущие денежки, но, видно, придется отправиться по стопам старика Кроума куда-нибудь в Аргентину. Жаклин того и гляди явится, чтобы меня арестовать. А ну-ка, пройдите к парапету.

Рональд помимо воли сделал шаг назад.

— Дальше!

«Стой, остановись!» — повторял себе Рональд. И шел дальше. Крыша кончилась. И он полетел

вниз. Однако он успел уцепиться за выступ карниза и повис, раскачиваясь в воздухе. Ногой в элегантном ботинке Лавлейс изо всех сил ударил Рональда по пальцам.

— Какая жалость! Если бы вы погибли в Греции, из вас бы сделали героя.

— Бросьте пистолет, мистер Лавлейс, и подойдите сюда.

С пожарной лестницы спрыгнула великанша Жаклин в необъятном прозрачном плаще. В руке она держала кольт новейшей системы.

— О господи, как это банально! — сказал Лавлейс, неохотно подчиняясь команде. — Словно в бездарном телевизионном спектакле. Героя спасает звонок в дверь.

Рональд нащупал ногами выступ в стене и устроился понадежнее.

— Помогите, пожалуйста! — робко попросил он, но на него не обратили внимания: из-за кустов на крыше появился бригадир.

— Молодец, Джеки. А я записал все, что здесь говорилось, на магнитофон.

— Явился на расправу, — злобно отметил Лавлейс.

Бригадир снял с плеча сумку для гольфа и высыпал на крышу ее содержимое. Среди палок и мячей он нашел автомат. Радкинс поднял его, взвел курок и стал напротив Лавлейса.

— Беги, Джеки, приведи того босса из Особого управления, и мы арестуем мерзавца.

— Он какой-то странный, этот инспектор. По-моему, он у них недавно. Но ничего не поделаешь. Ведь Особое управление теперь вообще без начальства.

Бригадир и Лавлейс, оставшись одни, молча глядели друг на друга.

— Помогите! — тихонько молил Рональд. Но тщетно.

Бригадир спокойно приказал Лавлейсу:

— Бросайтесь с крыши.

— Чего ради?

— Ваша исповедь записана на пленку. Вам теперь меня не впутать в эту историю. Вас погубило тщеславие. Я знал, что так будет.

Рональд не верил своим глазам. Бригадир Радкинс, чудаковатый старик, оказался хладнокровным и беспощадным убийцей... Дождь лил и лил, держаться за мокрый карниз становилось все труднее.

— Помогите! — крикнул Рональд громче, но опять никто не обратил на него внимания.

— Вы опоздали, — говорил Лавлейс. — Деньги в швейцарском банке, а номер счета известен одному мне. И я не собираюсь кончать с собой. Я получу двадцать пять лет...

— Сорок пять, по меньшей мере, — прервал бригадир. — Вы занимаете высокий государственный пост.

— Лорд-канцлер — мой дядя, моя кузина замужем за генеральным прокурором, половина палаты лордов — моя родня. Я получу двадцать пять лет, не больше. А потом мне сократят срок. И я выйду, когда мне не будет пятидесяти. И еще могу рассчитывать на приличную пенсию.

Бригадир издал собачий рык и побагровел до синевы.

— Номер счета, — прошипел он сквозь зубы, — или я тебя пристрелю.

Лавлейс улыбался по-кошачьи.

— Не глупите — я не скажу, вы это прекрасно знаете.

— Половина денег принадлежит мне.

Но тут возвратилась Жаклин с инспектором.

— Помогите! — закричал Рональд во весь голос: хоть Жаклин его услышит. Но она уже исчезла в роскошной гостиной.

Инспектор вытаскивал из кармана наручники. Выглядел он действительно странно — плащ до пят, голова редькой, близко посаженные глаза.

— Вы — Антони де Вир Бакстер Лавлейс? — торжественно спросил инспектор.

— Вы меня прекрасно знаете, Уорт. А вас, бригадир, остается только пожалеть. Этот еще похуже Бойкотта.

С формальностями ареста было покончено.

— Помогите! — отчаянно завопил Рональд.

— Что вы стоите как чурбан? — накинулся бригадир на инспектора. — Помогите Бейтсу, а уж я сам присмотрю за этим типом. — И бригадир повел Лавлейса в гостиную, подталкивая в спину дулом автомата. Лицо старого контрразведчика перекосила кровожадная гримаса.

6 ВСТРЕЧА НА КЕНГУРУ-ВЭЛЛИ

Дождь лил не переставая. Рональд еле шел от боли — сказывались афинские приключения, вдобавок ныли натруженные мускулы рук, саднило ладони, разодранные о каменный парапет. Рональда душила лютая злоба.

Замок квартиры в Сохо был покрыт царапинами. Кто-то здесь побывал в его отсутствие. Но Рональд не обратил на это никакого внимания. Ему казалось, что теперь ничто на свете не растрогает его, не поразит, не заставит испытать волнение. В квартире звонил телефон. Рональд не подошел. Телефон зазвонил снова. Потом опять. Наконец Рональд сердито крикнул в трубку: «Убирайтесь к черту!»

— Простите, как вы сказали?

Рональд узнал голос Дженнифер, секретарши бригадира, и стал ей врать что-то несуразное.

— А я уж подумала, что вы сошли с ума, — заметила Дженнифер. — Бригадир просит вас непременно быть сегодня вечером на одном заседании. В девять часов.

— К черту. Ни на какое заседание я не пойду, — отрезал Рональд, дивясь себе.

— И все-таки вам следует на нем присутствовать, — настаивала Дженнифер. — Ведь оно состоится на Даунинг-стрит [1].

Рональд окончательно утратил те качества, которыми раньше обладал в избытке, — патриотизм, преданность, верность. И только честолюбие, пустое честолюбие заставило его в конце концов принять приглашение на дом к главе государства.

— Ладно, — согласился он угрюмо. — Приду.

— Невероятно! — в восхищении воскликнул премьер-министр. — Поверьте, Бейтс, вы заслужили благодарность нации.

Рональд зажег сигарету.

— Но как вы снесли такие мучения и пытки?

Рональд не стал им рассказывать о том, что он читал про себя «Грантчестер». Он вообще за все заседание не произнес ни слова. Все присутствующие — министры, «безликие», множество неизвестных Рональду высокопоставленных лиц — восхищались его храбростью, умом, несокрушимым чувством долга. Но Рональд мрачно молчал.

— К счастью, все закончилось благополучно, — продолжал премьер-министр. — Удачно и то, что не будет процесса над Лавлейсом — это бы плохо отразилось на национальном престиже.

— И все-таки бригадир Радкинс поступил неэтично, застрелив Лавлейса, — заявил лидер оппозиции: он вспомнил, что еще ни разу в этот вечер не выступил с критикой.

— Мерзавец пытался бежать, — соврал бригадир, даже не покраснев.

— Не будем ссориться, — вмешался министр обороны. — Мы должны на коленях благодарить Бейтса — ведь он разоблачил змею, которую мы согрели у себя на груди.

— Внимание, внимание! [2] — с энтузиазмом завопили адмиралы, генералы, министры, главы департаментов.

Министр иностранных дел поднялся со своего места и повел хоровод, затянув: *«Ведь он чудесный парень...»*

Исполнилась заветная мечта Рональда — его провозгласили национальным героем, но Рональд при этом не испытал ничего, кроме глубокого отвращения. Покраснев от ярости, он вскочил.

— Заткнитесь! — шепеляво крикнул он (на месте передних зубов у него зияла дыра).

«И это знают все... И это знают...» [3]

Пенье смолкло, и правители Британии недоуменно уставились на молодого человека.

Гнев рвался у Рональда из самой глубины души. Он отчаянно искал нужные слова, такие, что смогут предельно ясно выразить его бесконечное презрение к этим людям. Но нужные слова потонули в волне негодования, охватившей все его существо.

И он выбежал вон из высокого, обитого шелком зала и с силой захлопнул за собой дубовую дверь.

В зале наступила неловкая тишина.

Потом министр внутренних дел заметил:

— Проклятье. Бейтс пришелся бы сейчас весьма кстати, его пример помог бы нам поднять моральное состояние службы внутренней безопасности. Последнее время там в этом отношении неблагополучно.

— Тогда, — предложил «Q», — надо найти кого-нибудь еще. Введем в рассказ нового героя.

— А представьте себе на минуту, что эта дубина Солт вернулся бы в Лондон раньше Бейтса? И помчался докладывать Лавлейсу то, что выведал у Бейтса в Афинах? Правда, Бейтс в разговоре с Солтом умышленно исказил истину, обвинив во всем меня. Но все равно Лавлейс был бы предупрежден — и чем бы это могло кончиться?

Присутствующие взволнованно загудели:

— Мы бы, наверное, так никогда и не узнали...

— Лавлейсу все сошло бы с рук.

— Он остался бы среди нас...

— Предатель во главе службы безопасности...

— Нам чертовски повезло...

— Кстати, а кто именно помешал Солту вернуться в Лондон?..

— Понятия не имею...

— А это не Джонс, или как его там? Который...

— Конечно же! Хаббард-Джонс. Он давно подозревал Солта.

— Правильно, он тогда устроил налет.

— Хаббард-Джонс! Хаббард-Джонс!

Скоро все вокруг твердили эту фамилию, словно спасительное волшебное слово.

Заседание подошло к концу.

— Жаль, что этот паренек нас подвел, — посетовал министр обороны. — Он мог бы нам сослужить неплохую службу.

Присутствующие единодушно согласились.

— Никуда не денется, — сказал бригадир. — Я эту породу знаю. Вернется как миленький. Что в старину говорили иезуиты? Дайте мне агента, когда ему двадцать, — и он мой навсегда.

И вот Рональд ковыляет вверх по лестнице. Он на Кенгуру-Вэлли, у себя дома — здесь, в убогой комнатенке, его единственное прибежище. Заседание на Даунинг-стрит, однако, не идет у него из головы. Зачем бригадиру понадобилось делать из Рональда героя? Приписывать ему все заслуги — будто он один разгадал тайну «Девяти муз», будто он бесстрашно, рискуя жизнью, вынудил Лавлейса сознаться в своих преступлениях? Зачем? Зачем? Старый негодяй, безусловно, замешан в этом деле. Быть может, соображал Рональд, Радкинс действовал из патриотических побуждений (хотя его патриотизм и оборачивался всем во вред), надеясь пустить свою долю доходов на расширение организации контрразведчиков-любителей? А Лавлейс искал только личной выгоды... Мысли у Рональда путались от боли и усталости. И вообще, какое ему до всего этого дело?

Он закрыл за собой дверь, опустился в единственное свое неудобное кресло и горестно вздохнул. Послышался шорох. Рональд поднял взгляд и увидел белокурую голову и синие глаза, любовно смотревшие на него.

— Привет, Скромница, то есть Киска, — сказал он. Его теперь уже ничто не удивляло.

— Зовите меня Джина, — попросила девушка. — О мистер Бейтс, Рональд... Ронни! Я люблю вас! — И она разразилась слезами, а вслед за нею и Рональд.

— Что с тобой сделали! — плакала Джина, гладя его изуродованное лицо.

— Да, мне пришлось тяжко, — признался Рональд.

Крепко обняв его, она попросила:

— Давай уедем. Развяжись с этими подлецами. Обещай мне.

— Обещаю, — поклялся Рональд. — Не беспокойся. Я к ним ни за что не вернусь! Никогда.

— Послушай, любимый, умерла моя тетя и оста-

---

[1] Даунинг-стрит, 10 — резиденция британского премьер-министра.

[2] Возглас, которым в британском парламенте отмечают заслуживающие интереса высказывания.

[3] Традиционная английская песня, которую поют, чествуя кого-нибудь.

вила мне маленькую зеленную лавку на окраине. Над лавкой — квартира. Давай поселимся там и забудем их — всю эту подлую банду.

— Давай! — радостно подхватывает Рональд. — И забудем. Больше мне ничего не надо. Забыть о них навсегда.

7. БУДУЩЕЕ ТАЙНОГО АГЕНТА

В лондонском аэропорту приземлился сверхзвуковой трансатлантический авиалайнер. На площадке для встречающих стояли два тайных агента. Один из них наблюдал в мощный бинокль за приземлившимся самолетом. К самолету подкатили трап, открылась дверца, появилась старшая стюардесса. Она достала белый кружевной платок и вытерла им левую руку.

— Это значит, — пояснил агент с биноклем, — что тот тип, за которым наши охотятся, выйдет вместе с пассажирами.

— Понятно, — отвечал его коллега, младший по должности, хоть и старший по возрасту. В нем с трудом можно было узнать Рональда Бейтса.

Рональд украдкой поднес ко рту ручные часы (крошечный радиоаппарат) и передал сообщение. За несколько лет он сильно изменился. Он потолстел, облысел. Это был пожилой человек, и трогательно ребяческого в нем ничего не осталось. Искусственные зубы (подарок благодарной нации за выдающиеся заслуги) были плохо вставлены и громко лязгали, когда он говорил.

Через полчаса агентам объявили по радио, что операция закончена. Наши благополучно прикончили того типа, за которым охотились.

— Прекрасно. Теперь можно и по домам, — сказал Рональду начальник. — До скорой встречи!

На вокзале Виктория Рональд купил газету и сел в пригородный поезд. По дороге он вызубрил подробности футбольного матча на кубок страны, который состоялся в тот день в Хайбери.

Со станции пришлось ехать на автобусе, а потом долго идти пешком. Но вот Рональд дома, в ненавистной лавчонке, насквозь пропахшей гнилой картошкой.

— Это ты, Рон?

— Да, дорогая.

— Раковина опять засорилась.

— Сейчас прочищу.

Он снимает макинтош и неохотно бредет на кухню, где его ожидают супруга и дети.

Джина уже не та, что в первые дни их семейной идиллии. Лицо у нее всегда недовольное, она растолстела и оплыла. Рональд тихонько отстраняет двух детей, хватающих его за брюки, и нагибается к третьему, который на высоком креслице сидит за столом. Он хочет поцеловать младенца, но тот шлепает его по лицу куском хлеба с вареньем. Рональд вздыхает. Сверху в потолок стучат палкой, и доносится плаксивый голос старика отчима: «Джина! Кто там пришел? Я знаю, это полиция. Они меня заберут, не пускай их...»

Джина оборачивается к Рональду:

— Я не могу больше его выносить. Ему место в сумасшедшем доме. — Она в сердцах швыряет на стол рядом с тарелкой Рональда несколько мокрых пеленок. — Мне не под силу везти этот воз, все на мне — этот старый дурак, ребятишки, лавка. А ты только и знаешь бегать весь день по стадионам...

Позднее, когда, уложив своих отпрысков спать, Рональд и Джина коротают вечер у телевизора, она говорит неожиданно:

— А знаешь, все-таки это странно.

— Что странно? — спрашивает Рональд.

— Не думала, что ты можешь так увлечься футболом.

— Сегодня была очень интересная игра, — и Рональд принимается бойко излагать газетный отчет о футбольном матче.

Он оглядывает неприбранную комнату, бросает украдкой взгляд на Джину, толстую, раздражительную, и вспоминает шумный лондонский аэропорт, радостное волнение, с которым он настраивает часы-аппарат...

«Я ничего не могу с собой поделать, — думает он. — *Я одержимый, одержимый».*

Его охватывает панический страх — а что, если жена узнает?

«Господи, только бы она не догадалась! Только бы не узнала... Только не это...»

ЭПИЛОГ

Министр внутренних дел —
Премьер-министру

Как Вы справедливо заметили, возникла настоятельная необходимость назначить «новую метлу» на пост главы Управления внутренней безопасности.

После консультации с руководством я считаю возможным предложить только одну кандидатуру на этот жизненно важный участок.

С точки зрения интересов нации, а также из соображений репрезентативного характера самой достойной кандидатурой является Юстас Хаббард-Джонс, чьи блистательные успехи на поприще внутренней безопасности Вам хорошо известны.

Премьер-министр —
Министру внутренних дел

Касательно Вашей памятной записки: горячо одобряю. Прошу передать мои личные поздравления новому главе Службы внутренней безопасности.

Конец

Сокращенный перевод с английского
НИНЕЛЬ ГВОЗДАРЕВОЙ

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

Рассказ

Уилбрехем задержался перед дверью бюро мистера Пайна и вновь — в который уже раз! — вынул из кармана утреннюю газету. Объявление было немногословным:

«Каждому. Вы счастливы? Если нет, зайдите к мистеру Паркеру Пайну, Ричмонд-стрит, 17».

Майор глубоко вздохнул и, уже не колеблясь, прошел через вращающуюся дверь в приемную.

— Здравствуйте, — сказал мистер Пайн. — Садитесь. И расскажите, что я могу для вас сделать.

— Моя фамилия Уилбрехем. Майор Уилбрехем...

— Так. Недавно из колоний? Из Индии? Восточной Африки?

— Из Восточной Африки.

— Прекрасные места, если я не ошибаюсь. Ну а теперь вы снова дома, и вам здесь не нравится. Не так ли?

— Вы совершенно правы. Но как вы догадались?

Пайн махнул рукой.

— Это моя профессия — все знать. Тридцать пять лет я был занят тем, что составлял статистические таблицы в одном правительственном учреждении. Теперь я ушел на пенсию и решил использовать свой опыт в совершенно другом деле. Все очень просто. Если человек несчастлив, его состояние можно отнести к одной из пяти рубрик, их не больше, уверяю вас. Как только мы классифицировали его недуг, можно приступить к лечению.

Кое в чем я похож на врача. Врач ставит диагноз больному и рекомендует соответствующее лечение. Когда нельзя помочь, я сразу говорю об этом пациенту. Но если я уж взялся, то гарантирую выздоровление. Могу вас заверить, майор, что девяносто шесть процентов ушедших в отставку строителей империи, как я их называю, несчастливы. Они сменили бурную жизнь, полную ответственности и опасностей, и на что? На скромную пенсию, отвратительный климат и постоянно преследующее их ощущение, будто они рыбы, выброшенные на сушу.

— Все, что вы говорите, правильно, — согласился майор. — Меня особенно мучает скука. Скука и бесконечная болтовня о ничтожных деревенских новостях. Но что мне делать? У меня есть кое-какие средства, помимо пенсии, и уютный домик неподалеку от Кобхема. Но там не порыбачишь и не поохотишься. Я не женат. Мои соседи прекрасные люди, но их фантазия не выходит за пределы нашего острова.

— Значит, все дело в том, что ваша жизнь пресна? — подытожил Пайн.

— Чертовски пресна!

— И вы предпочли бы волнения и, может быть, даже опасности?

Старый служака пожал плечами:

— У нас этого не найдешь.

— Нет, сэр, здесь вы ошибаетесь. Лондон, если хотите знать, кишит опасностями. Вы видели лишь одну сторону жизни в Лондоне, спокойную и скучную. Но есть и другая, и я могу показать вам ее.

Уилбрехем задумчиво посмотрел на Пайна. Что-то внушающее доверие было в этом человеке. Он был полноват, чтобы не сказать толст. Высокий лоб с залысинами, на носу очки с толстыми стеклами.

— Но я должен предупредить вас, — продолжал Пайн, — это связано с определенным риском.

Глаза майора заблестели.

— Тогда все в порядке. И дорого это стоит?

— Пятьдесят фунтов. Плата вперед. Если через месяц вы будете скучать по-прежнему, я отдам деньги обратно.

Уилбрехем раздумывал недолго.

— Это честное предложение. Я согласен. Вот чек.

Пайн нажал кнопку на письменном столе.

— Сейчас двенадцать. Я хочу попросить вас пообедать с одной дамой. Обычно это моя привилегия, но сегодня я очень занят.

В комнату вошла брюнетка с осиной талией, длинными ногами и чувственным ртом.

— Мадлен Десара, — представил ее Пайн.

Майор растерянно начал поправлять галстук.

— Счастлива познакомиться с вами, — пропела Мадлен.

— Оставьте мне свой адрес. Вы получите необходимые инструкции, — закончил беседу Пайн, и Мадлен подхватила майора под руку.

...Она вернулась в три.

— Ну как? — встретил ее Пайн. Мадлен покачала головой.

— Он меня боится. Я кажусь ему вампиром.

— Я так и думал. Вы придерживались моих инструкций?

— Мы болтали о людях, сидевших за соседними столиками. Ему нравятся блондинки с голубыми глазами, сдержанные и не слишком высокие.

— Это несложно. Принесите мне картотеку Б, посмотрим, что у нас там есть в запасе.

Он просмотрел список.

— Фреда Клегг. Да, полагаю, Фреда Клегг — это то, что нужно. Но сначала поговорим с мисс Оливер.

На следующий день Уилбрехем получил письмо: «Поезжайте к двадцати часам в Иглмонт, Фрайерс-Лейн, Хемпстед. Спросите миссис Джонс. Скажите, что вы представитель пароходной компании «Гуава».

Без четверти восемь душный вагон метро выбросил Уилбрехема в Хемпстеде. Фрайерс-Лейн оказался длинным темным переулком. В глубине дворов за кронами деревьев прятались большие особняки, некогда знавшие лучшие времена, а теперь постепенно приходившие в упадок.

Уилбрехем медленно шел по улице и всматривался в едва различимые номера домов на садовых калитках. Внезапно он услышал приглушенный крик.

Майор остановился и прислушался. Крик повторился снова, и на этот раз можно было явственно различить: «На помощь!..» Не задумываясь ни на минуту, Уилбрехем толкнул полуразвалившуюся калитку и увидел, как в кустах какая-то девушка отчаянно отбивалась от двух огромных негров. Один из них зажал девушке рот. Никто не заметил подбежавшего Уилбрехема. Мощный удар в подбородок свалил одного бандита на землю, а другой выпустил жертву и обернулся. Уилбрехем словно ждал этого — резким хуком он повалил и второго. Бандит откатился в сторону, вскочил и побежал к калитке. За ним последовал его сообщник. Уилбрехем вернулся к девушке. Она тяжело дышала, прислонившись к шершавому стволу вяза.

— Как я вам благодарна! — сказала она. Голос ее дрожал. — Если бы не вы...

Только теперь Уилбрехем увидел, кому он так своевременно пришел на помощь. Это была блондинка двадцати одного — двадцати двух лет, с голубыми глазами, пожалуй, немного бесцветная, но миловидная.

— Успокойтесь, — мягко сказал Уилбрехем. — Теперь все в порядке. Я полагаю, что нам лучше уйти отсюда. Как бы они не вернулись!

На губах девушки показалась легкая улыбка.

— Не думаю. После того, что вы с ними сделали... Ах, это было потрясающе!

В лучах ее восхищенного взгляда майор покраснел.

— Я не люблю, когда к дамам пристают с ухаживаниями. Скажите, вы сможете идти, если я возьму вас под руку?

Когда они выходили из калитки, девушка оглянулась на дом.

— Непонятно, — прошептала она. — Дом совершенно пуст.

— Конечно, пуст, — подтвердил майор, разглядывая закрытые ставни и запущенные садовые дорожки.

— Написано: «Уайтфрайерс». — Она показала на едва заметную табличку на калитке. — Но так назывался дом, куда я должна была прийти.

— Не думайте теперь об этом, — сказал майор.

В такси он продолжал успокаивать свою спутницу. Она доверчиво улыбнулась:

— Кстати, мое имя... Фреда Клегг.

Через десять минут Фреда уже попивала маленькими глотками горячий кофе и благодарно смотрела на своего спасителя.

— Все это кажется мне сном, ужасным сном. А ведь еще недавно мне хотелось, чтобы что-нибудь произошло. Но нет, это не для меня.

— Расскажите же, что с вами случилось.

— Боюсь, для этого придется сначала рассказать кое-что о себе.

Уилбрехем склонил голову поощряюще, но чуть-чуть поспешно:

— Прекрасная тема.

— Я сирота. Мой отец был капитаном и умер, когда мне было восемь лет. Спустя три года умерла и мать. Я работаю в Лондоне, в компании «Вакьюэм Гэз». Однажды вечером на прошлой неделе я встретила на пороге дома незнакомого джентльмена. Это был мистер Рейд, адвокат из Мельбурна. Оказывается, он знал отца и некогда даже вел его дела.

«Мисс Клегг, — сказал он, — у меня есть основания предполагать, что вы можете оказаться обладательницей некоторого состояния благодаря одной финансовой операции, которую затеял ваш отец незадолго до смерти». — «Не может быть!» — вырвалось у меня. «Вы вряд ли слышали об этом. Сам Джон Клегг никогда не принимал этого дела всерьез. А между тем, деньги оно сулит немалые, если, конечно, у вас остались нужные документы. Их ведь могли и уничтожить после смерти отца. Вы сохранили бумаги?» — «Мать хранила его вещи в старом морском рундуке. Я как-то заглядывала в него, но там ничего интересного». — «Я бы удивился, если бы вы распознали ценность этих документов», — улыбнулся мистер Рейд, и тогда я принесла ему все бумаги, что сохранились после смерти отца. Он бегло просмотрел их и решил взять с собой, чтобы внимательно рассмотреть на досуге. Рейд пообещал непременно поставить меня в известность, если обнаружится что-либо ценное.

А во вторник пришло письмо, где он просил приехать по адресу: Уайтфрайерс, Фрайерс-Лейн-Хемпстед. Я должна была быть здесь в половине восьмого и обсудить с ним дело чрезвычайной важности.

Я немного задержалась, разыскивая улицу, а когда, наконец, нашла вход, на меня напали эти ужасные дикари. Боже, как хорошо, что вы проходили мимо!..

Ее глаза были куда красноречивее ее слов.

— И я рад, мисс, что оказался рядом. Попадись мне еще эти бандиты! Вы их видите в первый раз, не так ли?

— Конечно. А почему вы спрашиваете?

— Знаете ли, мисс Клегг. Мне совершенно ясно, что кто-то хочет непременно завладеть бумагами вашего отца. Этот мистер Рейд наплел вам небылиц, лишь бы взглянуть на них. Но, очевидно, он не нашел самого главного.

— И верно! Когда я во вторник вернулась домой, мне показалось, что кто-то рылся в моих вещах. По правде сказать, я решила, что это моя любопытная домохозяйка. Но теперь...

— Вот видите! Кто-то проник в вашу комнату и, не найдя бумаг, решил, что вы носите их с собой. Тогда он и организует покушение на вас. План несложный — или у вас забирают бумаги, или же держат взаперти, пока не признаетесь, куда спрятаны документы.

— Да я и сама ничего не знаю! — в отчаянии воскликнула Фреда.

— А я и того меньше... Но, видимо, бумаги очень ценные. Я-то знаю, с какими неожиданностями встречаются моряки в дальних странах. Но что же теперь делать? В полицию, насколько я понимаю, вы обращаться не хотите?

— О нет!

— Я тоже мало верю Скотланд-Ярду. Давайте поищем бумаги вместе, если моя помощь не покажется вам обременительной.

— Что вы, мистер Уилбрехем! Но о чем могла идти речь в этих бумагах? Может быть, о спрятанных сокровищах?

— Вполне возможно! — воскликнул майор, и в нем проснулся романтик-мальчишка. — Вперед!

Фреда жила близ Ноттингем-Хилл-Гейта. Она провела майора на второй этаж, где разместилась крохотная спальня и такая же крохотная гостиная.

— Я говорила с хозяйкой, — сообщила она. — В субботу приходил человек делать новую проводку. Он утверждал, что у меня в комнате было короткое замыкание. И он пробыл здесь некоторое время.

— Покажите мне рундук вашего отца. — Майору не терпелось приступить к поискам.

Фреда открыла крышку обитого латунью ящика.

— Он пуст!

Майор задумчиво кивнул.

— А больше вы нигде не хранили бумаги?

— Нет.

Уилбрехем внимательно осмотрел внутренность огромного рундука.

— Здесь в обивке тайник! — Он не смог сдержать волнения. — Там что-то есть!

В следующий момент он вытащил сложенный вчетверо клочок грязной бумаги.

— Но это всего лишь какие-то нелепые рисунки, — разочарованно вздохнула Фреда, приникая к плечу мистера Уилбрехема, чтобы лучше разглядеть находку.

— Это написано на суахили, одном из африканских языков, — торопливо пояснил майор. Он подошел к лампе.

— Ну что там?

Уилбрехем прочел бумагу еще раз и, тихо смеясь, повернулся к девушке.

— Ну вот оно, ваше сокровище.

— Мое сокровище? Не надо шутить. Вы имеете в виду испанское золото на затонувшем галионе или еще что-нибудь подобное?

— Может быть, не так романтично, но нечто в этом роде. На бумаге указан тайник, в котором спрятана слоновая кость. Есть закон, который предписывает, сколько можно отстрелять слонов. Какому-то охотнику удалось обойти запрет. За ним была уже погоня, когда он спрятал эту записку. Здесь довольно точно указано, как искать тайник.

— Вы полагаете, что это большой клад?

— Целое состояние!

— Но как эта бумага попала к моему отцу?

Уилбрехем пожал плечами:

— Может быть, матрос признался на смертном одре. Ваш отец не знал суахили и не придал документу большого значения.

Фреда вздохнула:

— Как все это захватывающе интересно!

— Остается только решить, что делать с этим ценным документом. Оставлять его здесь мне бы не хотелось. Эти люди могут вернуться за ним. Вы рискнете доверить его мне?

— Но ведь это опасно!

— За меня вы можете не беспокоиться. Со мной справиться не легко. — Он сложил листок и спрятал его в бумажник. — Я смогу увидеть вас завтра вечером?

— Я прихожу домой в половине седьмого.

Уилбрехем был точен, как гринвичский меридиан. В половине седьмого он позвонил у двери дома Фреды.

— Вы не майор Уилбрехем? — спросила служанка. — Для вас записка.

Майор торопливо вскрыл конверт:

«Дорогой майор! Случилось нечто странное. Больше я ничего не могу вам написать, но не смогли бы мы встретиться в доме Уайтфрайерс? Приезжайте как только сможете. Преданная вам Фреда Клегг».

Пока Уилбрехем читал письмо, его брови медленно ползли вверх. Записка Фреды очень обеспокоила его. Что могло произойти, чтобы девушка, и к тому же одна, отправилась туда, где вчера произошел этот ужасный случай?

Он покачал головой. Ничего глупее нельзя было придумать. Может быть, снова появился этот Рейд? Что заставило ее поехать в Хемпстед? Его смущало письмо, уверенный тон которого как-то не соответствовал характеру Фреды Клегг.

Было без десяти восемь, когда он подошел к Фрайерс-Лейн. Темнело. Он осмотрелся вокруг: ни души. Дряхлая калитка отворилась без шума. Дом был погружен в темноту. Внезапно через ставни пробился луч света. В доме кто-то есть!

Уилбрехем прыгнул в кусты и подошел к дому с тыльной стороны. Одно из окон на первом этаже было не прикрыто. Он влез внутрь, тихо открыл дверь. Ни малейшего звука. Он посветил фонариком. От кухни вели ступеньки, а за ними дверь в переднюю часть дома. Он толкнул дверь и прислушался. Никого. Теперь он находился в гостиной. Направо и налево вели двери. Сначала — в комнату направо. Он медленно нажал на ручку. Дверь подалась. Тонкий луч фонаря ощупал сантиметр за сантиметром. Комната была пуста и безжизненна.

В тот же миг он услышал позади шум, обернулся, но слишком поздно. Страшный удар обрушился на голову Уилбрехема.

Он не мог сказать, сколько времени прошло, пока он пришел в себя. Возвращение к жизни было болезненным, голова раскалывалась. Он попытался пошевелить рукой, но почувствовал резкую боль в запястье — он весь был опутан веревками!

Высоко сверху пробивалась слабая полоска света — значит, он в подвале. Майор перевел глаза в сторону — сердце рванулось из груди: рядом с ним лежала Фреда со спутанными руками и ногами. Глаза ее были закрыты, но тут она вздохнула, и ее испуганный взгляд упал на майора.

— И вы тоже?! — воскликнула она. — Как это случилось?

— Я вас подвел, — сказал Уилбрехем. — Как дурак, попал в западню. Скажите, вы прислали мне письмо, в котором предлагали встретиться здесь?

Девушка широко раскрыла глаза:

— Я? Но ведь это вы прислали мне письмо?

— Мы попались на один и тот же крючок, — пробормотал майор.

Внезапно оба вздрогнули. Прозвучал голос, который, казалось, доносился из преисподней. То был голос маньяка и убийцы, от одного звука которого волосы вставали дыбом.

— Мистер Рейд, — прошептала Фреда.

— Рейд — лишь одно из моих имен, моя дорогая, — ответил голос. — Одно из многих. К сожалению, я должен признать, что вы оба нарушили мои планы. Вы обнаружили этот дом, и хотя еще ничего не сообщили полиции, но такая возможность не исключена. Я не могу этого допустить. Это дом, из которого нет возврата. Мне очень жаль, но вы должны погибнуть.

Он помолчал несколько секунд, потом продолжил:

— Без кровопролития. Я этого не люблю. Мой метод намного проще и, насколько мне известно, не так болезнен. Прощайте, вы оба.

— Послушайте! — воскликнул Уилбрехем. — Делайте что хотите со мной, но эта молодая женщина не сделала ничего, ровным счетом ничего. Отпустите ее!

Голос Уилбрехема заглушил бурный поток воды, каскадом лившийся вниз по ступенькам.

— Нас хотят утопить! — Фреда билась в истерике. — Это моя вина. Я впутала вас в это дело.

— Не думайте так, моя милая, меня беспокоит только ваша судьба. Сам я в жизни попадал в разные переделки и всякий раз выбирался из них. Главное — не терять мужества.

— Вы великолепный человек, я еще никогда не встречала таких людей, разве только в романах!

С большим усилием Уилбрехему удалось ослабить веревки. Он поднес кисти к зубам и распутал узлы. Через минуту он освободил и девушку. Вода уже доходила до щиколоток.

— А теперь — наружу!

Путь из подвала преградила дверь. Майор внимательно осмотрел ее.

— Доски довольно ветхие.

Он всей тяжестью налег на дверь. Дерево затрещало, и дверь вывалилась из петель. В следующую минуту они уже были на улице. В ноздри бил тяжелый липкий аромат цветущих лип. Нестерпимо ярко сверкали звезды.

— Ох, — воскликнула Фреда, — как это было страшно!

— Мое дорогое дитя, ты очень смелая, ангел мой, ты не могла бы, я хочу сказать... Я люблю тебя, Фреда.

На несколько минут время остановилось. Потом Уилбрехем сказал:

— А самое главное — тайна сокровища принадлежит нам!

— Но ведь они отобрали у тебя бумагу?

— Я отправил ее по дороге на адрес моего портного. Разбойникам достался фальшивый документ. Знаешь, Фреда, в наш медовый месяц мы поедем в Восточную Африку и поищем тайник.

Мистер Паркер Пайн покинул свое бюро и поднялся на верхний этаж. Здесь, в мансарде, сидела мисс Оливер, автор сенсационных романов, а теперь начальник штаба мистера Пайна. Перед ней стояла пишущая машинка, рядом валялись записные книжки, рукописи и большой кулек с яблоками.

— Очень хорошая история, мисс Оливер, — весело сказал Пайн.

— Все в порядке? Меня это радует.

— Только вот эта штука, вода в подвале, — робко начал Пайн. — Не думаете ли вы, что на будущее надо придумать что-нибудь пооригинальнее?

Мисс Оливер покачала головой и достала из кулька яблоко:

— Не думаю, мистер Пайн. Люди привыкли читать о подобных вещах. Вода, которая течет в подвал, ядовитый газ и тому подобное. Они читали об этом, и им доставляет особое удовольствие пережить это в жизни. Публика консервативна, мистер Пайн. Она питает пристрастие к старым, банальным трюкам.

— Конечно, вам лучше знать, — согласился Пайн. И он подумал при этом о сорока шести нашумевших романах мисс, которые стали бестселлерами в Англии и Америке и были переведены на все языки мира. — А каковы издержки?

Оливер протянула ему записку.

— Все очень скромно. Перси и Джерри, оба «бандита», получат немного. Лорримору, актеру, который играл Рейда, причитается пять гиней, ну а голос в подвале мы, конечно, записали на пленку.

— Уайтфрайерс оказался для меня очень выгодным, — сказал мистер Пайн. — Я купил его за гроши, а между тем он стал местом действия одиннадцати захватывающих драм.

— Да, совсем забыла, — добавила мисс Оливер, — гонорар Джонни. Пять шиллингов.

— Кто такой Джонни?

— Мальчик, который подливал в подвал воду из бидона.

— Да, кстати, мисс Оливер, вы знаете еще и суахили?

— Нет, это бюро переводов.

— Ну и причудливы пути современного бизнеса! — пробормотал мистер Пайн.

— Жаль только, — вздохнула мисс Оливер, — что Уилбрехем не найдет слоновой кости, ну да всего не предусмотришь.

Мистер Уилбрехем сидел в шезлонге и задумчиво смотрел на календарь. «Срок прошел. Пожалуй, надо зайти и забрать деньги, — подумал он. Но, будучи справедливым человеком, он увидел и другую сторону вопроса. — Я ведь не выполнил договора. Кто знает, что бы случилось со мной, если бы я пришел к этой Джонс. Я ведь познакомился с Фредой именно по дороге к ней».

Миссис Уилбрехем тоже думала о своем. «Ну и дура же я была! Всерьез поверила этим людям и выложила три фунта. А все произошло само собой. Сначала мистер Рейд, а потом эта странная история, и Чарли вошел в мою жизнь. Подумать только, что мы встретились чисто случайно!»

Она повернулась в кресле и посмотрела на мужа долгим восхищенным взглядом.

Перевел с английского Г. ГАЕВ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

АЛ. АЗАРОВ

МАШИНИСТКА

Рассказ

В свои неполные двадцать четыре года комиссар уездной милиции Дынников считал, что должность обязывает его быть серьезным. Поэтому он старался улыбаться как можно реже, говорил отрывисто и глядел на собеседника так, словно у него болел зуб. Закованный в кожаные доспехи, перекрещенные множеством скрипящих ремней, высокий и громогласный, он смерчем проносился по милицейским коридорам, пугая слабонервных мешочниц, и бывал очень доволен, если слышал за спиной подавленные шепоты: «Никак сам пришел, — оборони, господи!»

Уездная милиция после споров на исполкоме недавно выбила себе новый дом и теперь вселялась в него: перевозила шкафы, колченогие столы и стулья, оставшиеся по наследству от разгромленного в свое время хозяйства управы. Подводы у милиции не было, и скарб тащили на горбу, причем Дынников подавал пример — шел первым, неся завязанную в скатерть пишущую машинку.

Эта машинка была его гордостью. Такой же, как офицерские желтые ремни и шпоры с кавалерийским звоном. Он выменял ее в ЧК на три пристрелянных маузера в деревянных кобурах и нисколько не жалел об этом, хотя и считал маузер лучшим из всех пистолетов и ставил его выше кольта или манлихера: маузер имел перед ними многие преимущества: дальность боя, большое количество зарядов и внешнюю внушительность. Чекисты, повздыхав, отдали машинку, забыв предупредить, что она не работает. Два вечера ковырялся в ней Дынников, отмачивая ржавчину в пайковом керосине, прочищая детали златоустовской финкой, а на третий день собрал, протер носовым платком и с великой осторожностью опробовал. Пуговки клавиш под его пальцами немузыкально хрустнули, а тонкие рычаги издали рыдание, и Дынников ограничился тем, что отбарабанил на бумаге одно слово: «Приказ». После этого он спрятал машинку в шкаф и запер на ключ. А утром послал на биржу труда заявку, написанную от руки фиолетовыми чернилами.

Город был маленький, и уездная милиция насчитывала всего два десятка милиционеров в волостях, да столько же было у Дынникова. Пятеро агентов уголовного розыска, находящихся в подчинении у начосоча, начальника секретно-оперативной части, или мотались по уезду, или подлечивали ранения в больнице. А недавно одного из них зарезали в овраге и на грудь прикололи английской булавкой бумажку с обещанием скорой смерти Дынникову. Убийц не поймали, и начосоч держал бумажку на столе как напоминание о неоплаченном счете бывшему гимназисту восьмого класса Сержику Шидловскому. Шидловский, племянник уездного предводителя дворянства, года два путался с анархистами, а когда тех прихлопнула губернская ЧК, подался в леса, объявив себя «идейным» борцом с новой властью...

Агента хоронили рано утром в городском сквере, в братской могиле, где уже лежали первый председатель уездного исполкома, заезжий балтийский моряк и семеро рабочих-активистов, убитые в прошлом году во время налета кавалерийской банды.

Шел снег. Было зябко. И Дынникова била мелкая дрожь. Утром заболел трубач, а без него оркестр — барабан и скрипка — играть отказывался, пришлось искать по всему городу граммофон и пластинку с музыкой, и агента похоронили под марш иностранного композитора Бизе. Дынников сказал речь и первым выстрелил из пистолета в белесое небо. Потом дали залп милиционеры и пошли по городу строем с развернутым знаменем. Из ворот глазели обыватели, а мальчишки бежали стороной, сталкивая друг друга в сугробы.

В кабинете Дынников достал машинку и, страдая от неумения, выколотил по буковке документ — первый машинописный документ в истории уездной милиции, — гласивший, что сего числа агент уголовного розыска Александров отчисляется, как бессрочно убывший по причине смерти. Окончив, он подписался, покрутил ручку телефона и, дозвонившись, выбранил заведующего биржей, не сыскавшего за полмесяца машинистку. Заведующий сказал, что он здесь ни при чем, что, если бы требовался слесарь или плотник, тогда хоть сейчас и сколько угодно, но Дынников его возражений не принял и остался очень недоволен.

Последующие сутки он помнил об этом разговоре, а потом, за делами, забыл и чрезвычайно удивился, увидев однажды в коридоре барышню с чистеньким личиком, ничем не похожую ни на мешочницу, ни на карманницу, сидевшую на скамейке перед его кабинетом в обществе двух

вызванных Дынниковым жуликов. Жулики заигрывали с барышней, а та прижимала к боку тощенькую сумочку из числа тех, которые воры называют «радикулями» и которые открываются в толчее без малейшего затруднения. Дынников исподлобья глянул на жуликов, тут же потерявших живость, и позвал их для разговора в кабинет. Воришки были мелкие, промышлявшие на базаре, и Дынников снизошел до беседы с ними лишь потому, что имел данные о старых их связях с самогонщиками, через которых надеялся подобраться к Шидловскому и его банде; и оказалось, что данные эти верные, и разговор получился полезным для дела. Через полчаса жулики ушли, вежливо помахав клетчатыми кепочками, и Дынников, подписав накопившиеся бумаги, взялся за газеты. Их было две — губернский «Призыв» и московские «Известия», — и Дынников читал их от корки до корки. В них были трудные слова, не входившие в словарь бывшего путейца; он спотыкался на них, а если смысл ускользал, то записывал столбиком в сохраненную с фронта полевую книжку, чтобы при случае, мучительно стесняясь, расспросить начосоча, что они значат и как их понимать. Начосоч, в прошлом реалист предпоследнего класса, успевший побывать в ссылке, бежать из нее, а потом долгие месяцы мотаться с фронта на фронт политпросветчиком, был, по мнению Дынникова, человеком великого ума, и разъяснения его Дынников всякий раз вписывал в книжку и запоминал буква в букву.

Газеты приходили с опозданием. Губернская — на суткидвое, московская — поболее недели. Город стоял в стороне от железной дороги, большак то заносило снегом, то он раскисал до невозможности, а порой почту успевали скурить, раньше чем она доползала до уезда. Газеты были как набат. Они гремели, тревожили, звали, и Дынников любил их за это: он и жил словно на биваке, и всегда был готов хоть сейчас в седло и шашки вон, марш, марш! На Деникина. На Врангеля. На мирового эксплуататора и его псов — генералов из Антанты. В милицию его направил губком, и он был не то чтобы недоволен, но принял назначение без особого восторга, хотя и не стал возражать — раз надо, значит надо. Но где-то втайне ждал, что придет срок, и его позовут, и вчитывался в газеты, в статьи Ленина, ища в них подтверждения, что ждать осталось недолго. Но товарищ Ленин говорил о другом: о мире, о плане электрификации, о том, что безотлагательным сейчас является вопрос о ликвидации разрухи. Читая это, Дынников соглашался: разруха виделась во всем, и Шидловский был ее символом. Ленинские слова о ликвидации относились к Шидловскому, который все еще жил и жалил где мог, а еще больше — к Дынникову, не сумевшему ликвидировать его под самый корень.

Дочитав газеты, Дынников сложил их по сгибу, чтобы занести начосочу, и, спрятав в папку с бумагами, выглянул в коридор. Здесь он и обнаружил, что барышня все еще сидит и даже дремлет, и с интересом посмотрел: на месте ли сумочка? Сумочка оказалась в целости, и Дынников, довольный, громко кашлянул и, когда барышня открыла глаза, строго спросил, кто она такая и по какому делу вызвана.

— Я к товарищу Дынникову, — сказала барышня тоненьким голосом.

— Я Дынников.

Барышня покопалась в своем ридикюле и достала сложенную вчетверо бумажку. Насколько Дынников успел заметить, на дне ридикюля, кроме носового платка, не было ничего. Он усмехнулся, но тут же поспешил нахмуриться и, коротким кивком пригласив барышню следовать за собой, вернулся в кабинет.

— Зачем? Откуда? — спросил Дынников, когда барышня переступила порог. И, не дожидаясь ответа, развернул бумажку. — С биржи? — обрадовался он.

— Да, — сказала барышня, терзая пальцами сумку.

— Машинистка?

— Машинистка.

— Хорошо!

Рисунки С. СЕРАФИМОВА

Так как он был рад, то хотел сказать ей что-нибудь приятное, но опыта разговора с барышнями не имел и поэтому ограничился лишь тем, что пододвинул ей стул и спросил, деликатно принижая голос:

— На каких системах работаете?

— На всех.

— Выходит, и на «ремингтоне»?

— И на «ремингтоне».

— Совсем хорошо. У нас, понимаете, «ремингтон»...

Больше всего он опасался, что барышня не расположена к «ремингтону» и предпочитает какую-нибудь другую машинку, и поторопился соблазнить ее преимуществами службы в милиции, а именно — пайком и талонами на дрова. Получалось, что паек здесь выше губернского, а дров сколько угодно, и Дынников, сидевший на трех четвертях фунта хлеба и вобле, мысленно поклялся, что вырвет в исполкоме для машинистки дополнительные талончики на сахар и муку.

— А еще — отдельная комната, — говорил он, спеша закрепить соглашение. — И работы немного — у нас и переписка пустяковая, не то что в других местах. Так, по мелочам: приказ какой или протокольчик... Вас как звать-то?

— Катя.

— Значит, согласны. У нас тут хорошо, вам понравится. Люди интересные, работа... Чай по вечерам пьем — имеем запас китайского, от Высоцкого и компании. Желаете — можем и обмундирование дать...

Он внутренне сгорал от стыда, обещая обмундирование, которого у уездной милиции не было, и готов был снять с себя, если понадобится, кожаную куртку с сапогами в придачу. И отдал бы, вырази она такое желание. Но Катя ничего не сказала, и он поторопился закруглиться:

— Так как же — согласны?

— Согласна.

— Завтра и приступайте.

— Когда?

— С утра.

— Хорошо, — сказала Катя.

Дынников был настолько доволен своей дипломатией, что както не обратил внимания на то, что она, кажется, и не собиралась отказываться и была смущена не меньше его самого. Торопясь закрепить договор, он отомкнул шкаф, вытянул с полки машинку и отнес ее к столу.

— Вот! Желаете попробовать?

Испуг, мелькнувший в глазах Кати, он отнес за счет грохнувшей с полки папки и, поставив машинку на стол, предложил с хозяйской радушностью:

— Постучите, может, чего не так.

Машинистка милиции нужна была позарез. Бумаг писалось много, а тут подвернулся такой случай — и человек вроде приятный, и документы хорошие: дочь учителя, с шестью классами гимназии. Со временем, когда осмотрится, можно будет передать ей и делопроизводство, непосильным бременем легшее на плечи Дынникова после того, как он собственноручно подписал ордер на арест делопроизводителя, прикарманившего реквизированный в пользу государства браслет с камушками. Словом, дело бы для Кати нашлось, поэтому Дынников и галантничал, и обхаживал ее, и теперь медлил отпускать, опасаясь, что она до утра передумает, а где он еще сумеет сыскать машинистку в разоренном гражданской и бандитами городке?

«Ремингтон», надраенный наждаком, великолепно сиял, от него густо пахло керосином.

Дынников достал из ящика лист хорошей бумаги и собственноручно заправил в машинку, сдув предварительно пыль с черного каучукового валика.

— Сейчас и приказ соорудим.

— Приказ? — спросила Катя.

— По всей форме: зачисляется гражданка Истомина Екатерина на должность с декабря месяца пятого дня двадцатого года.

— Сейчас писать? — сказала Катя, и в глазах у нее промелькнул ужас.

— Передумали?

— Нет, почему же! — сказала Катя решительно и подвинулась к столу. — Диктуйте, пожалуйста.

— Пишите: приказ...

Катя ударила по клавише, и «ремингтон» содрогнулся. Машинка гудела, а Дынников холодел от неприятных предчувствий.

— Что же вы? — сказал он вялым голосом. — Или неисправность какая?

«Ремингтон» в четвертый раз тренькнул и умолк. И Дынников явственно расслышал сдавленное рыдание.

— Вы чего? — спросил он. — Палец накололи?

Рыдание прорвалось наружу и утопило слова, но Дынников все-таки успел разобрать их, и глаза его округлились.

— Совсем? — спросил он пораженно. — Совсем не умеете?

— Совсем...

— Может, разучились?

— Н-нет...

Дынников сел. Он был готов к чему угодно. Но только не к этому.

Он поглядел на худенькое ли-

чико, упрятанное в сгиб руки, на прозрачную Катину щеку и осторожно спросил:

— А научиться ты не сможешь?

— Не знаю... попробую...

— Тут и пробовать нечего. Подумаешь, паровоз!

— Я постараюсь, — сказала Катя. — Я очень постараюсь. У меня папа болен. И сестре семь лет.

— Ну и хорошо, — сказал Дынников невпопад.

— Что «хорошо»?

— А все! — сказал Дынников облегченно, поскольку в этот самый миг принял решение. — Приходи утром и стучи.

Он поискал какие-нибудь ободряющие слова, не нашел и сказал ласково, как только мог:

— Дура... такая большая, а дура...

И когда Катя подняла голову, засмеялся смущенный и в то же время очень довольный тем, что тяжелое объяснение уже позади, а будущее, по всей видимости, должно сложиться хорошо, если только Катя сама этого захочет.

Дни отлетали, как лоза, срубленная шашкой. К весне Катя навострилась бойко управляться с «ремингтоном», и Дынников вынес ей благодарность, а перед распутицей выхлопотал ордер на сапоги. Работы было много. Дынникова ежедневно дергали на происшествия, он возвращался под вечер, в снегу или грязи по самый воротник, валился на диван и, если в кабинете никого не оказывалось, блаженно постанывая, стаскивал сапоги. Случалось, Катя заглядывала в комнату, и он торопливо садился потурецки и, кося на нее тяжелым глазом, углублялся в бумаги.

За годы гражданской, госпиталей и работы в милиции Дынников как-то успел позабыть, что женщина, в особенности молодая, может быть не только дельным товарищем, во всем равным мужчине и исполняющим мужскую работу, но и просто женщиной — существом тонким и таинственным. А поняв это, в присутствии Кати чувствовал себя до крайности неловко и был напряжен, как струна.

Говорили они только о работе, о входящих-исходящих, и Дынников толком ничего не знал о Катином житье. Однажды он решил, что надо бы побывать у нее дома, но повод все не подворачивался, а прийти без приглашения Дынников стеснялся — не мог он без спросу ввалиться в чужой дом и сидеть распивать чаи с незнакомым Катиным отцом. Да и будут ли чаи, тоже еще вопрос... До самой весны Дынников не попал к Кате в гости, хотя случалось, что с делом или без дела оказывался рядом с ее домом и даже досконально успел изучить разные внешние мелочи по части резьбы на наличниках окон и познакомился с живущей во дворе собакой — большой, страшной на вид и доброй до глупости дворнягой.

С весной у милиции прибавилось хлопот, и Дынников, забегавшись до чугунной тяжести в ногах, не то чтобы забыл окончательно о своем намерении, но отложил его до лучших времен, в крайности до той поры, когда поймает и прихлопнет банду Шидловского.

Шидловский к весне совсем обнаглел. Отоспавшись за зиму на дальних хуторах, когда сошли снега и след уже не мог навести на ухоронки, — дважды выскакивал на большаки и грабил потребительские обозы с городскими товарами. Тогда же он подловил за городом банковского инкассатора и сопровождавших его возницу и красноармейца, избив их так, что все трое харкали кровью, а старичок инкассатор стал заговариваться и был свезен в губернию в сумасшедший дом.

Дынников, составляя донесение, глухо ругался и попросил добавить людей, заметив, что один милиционер на полторы волости все равно что безногий на холме: отовсюду виден, а сам ни до чего не добежит. В ответ, при пакете с выговором, пришел на рысях полуэскадрон из летучего отряда по борьбе с бандитизмом. И Шидловский вроде бы притих. Дынников, начосоч и председатель ЧК считали, что притих он ненадолго, и держали кавалеристов в городе, а командир горячился, клялся, что если дать ему самостоятельность, то он весь уезд перетряхнет, но достанет Шидловского и порубит его своею правой рукой.

— И не думай, — говорил ему Дынников, — Шидловский не дурнее тебя: ты из города — он в лес, ты в город — он из леса. Только шум и панику наведешь.

Командир, человек восточный, гордый, досадливо дернул усом.

— Э, не то говоришь! Как волка травят, видел?

— Так то волка!

— Жаловаться на тебя буду. Мешаешь!

— Валяй! — сказал Дынников, но приказа своего не отменил и в губернию не ответил на запрос, почему он держит в бездействии шестьдесят конников и их заслуженного командира, а Шидловский остается непойманным и не наказанным судом революционного трибунала.

И Дынников и начосоч крепко надеялись на своего человека, засланного к Шидловскому еще зимой и, по слухам, вошедшего к нему в доверие. Человек этот был не местный, надежный партиец, и если он пока не подавал о себе вестей, то это значило, что срок еще не приспел. Снаряжая его в путь, Дынников специально наставлял, чтобы он не лез в огонь раньше нужного, а сидел тихо, разведывая досконально, где и у кого имеет Шидловский хлеб и помощь, и постарался бы по возможности сохранить в целости свою безвременно седую голову.

Лихой командир конников всего этого не знал и думал о Дынникове как о трусе и мямле, разводящем турусы на колесах, тогда как революция требует решительных и беспощадных действий. Почти ежевечерне он считал своим долгом без стука захаживать в кабинет, цепляя при этом за косяк лакированными ножнами; ногой придвигал табурет, садился напротив стола и, картинно держа руку на кинжале в серебряном окладе, спрашивал:

— Сидишь? Пишешь?

— Пишу, — отвечал Дынников миролюбиво.

— Стихи пишешь?

— Сводку.

— А мои люди живот себе растят!

— Зачем же растят? — удивлялся Дынников. — И не со скуки толстеют, а от обжорства. Ты зачем пришел — по делу или как?

— По делу, по делу, — говорил командир и мизинцем дотрагивался до усов. — Почему приказа не даешь? Почему в городе держишь? Застоятся кони, помрут кони!

— Помрут — взыщу! — еще миролюбивей говорил Дынников, закипая внутренним гневом. — У тебя все? Ну иди работай.

Командир поднимался, и шашка его роскошно бряцала. Выходя, он неизменно оглядывался через плечо на сапоги Дынникова и ронял:

— А шпоры носишь?

И качал папахой с нестерпимо алым верхом.

И долго еще слышался Дынникову его голос из соседней комнаты, где, оторвав Катю от дела, изливал душу командир.

Устав жаловаться, он принимался рассказывать о погонях за батьками и атаманами, о сабельных схватках, о том, как один на один вот этой правой рубал в бою и махновцев и григорьевцев, и при этом всегда получалось, что самый главный бандит пускался наутек, а командир догонял его, валил с седла и приводил пешего на аркане. Слушая это, Дынников тихо корчился от раздражения, терял терпение и стучал в стену кулаком: ну надо же уметь так врать! А еще считается, что у джигита слово — золото!

При этом Дынников отчетливо представлял заинтересованное Катино лицо, кричал ей, чтобы зашла, и, дав пустяковое поручение, нудно выговаривал за мелкие и давние провинности, отпуская не раньше, чем командир, устав ждать, уходил восвояси.

— В другой раз накажу, — говорил Дынников Кате на прощание и углублялся в сводку: карманная кража, поджог, растрата...

А весна набирала силу. Снег сошел, в городе влажно пахло травой, и под окном Дынникова, застя солнце, взмахивал зелеными знаменами многорукий тополь.

В один из весенних дней с дальнего конца уезда к Дынникову добрался подпоясанный сыромятным кнутом мальчишка и принес за подкладкой треуха замусоленную бумажку. Верный человек, посланный в банду, давал знать, что скоро Шидловский выйдет из леса и что задумал он идти на город, на банк, а потом — в случае удачи — распустить своих и пробираться с награбленным в Центральную Россию. Помочь же ему в налете будто бы должны люди в городе, о которых ничего узнать не удалось.

Дынников расспросил мальчишку, где и как он получил письмо, накормил пайковым супом и отпустил, наказав держать язык за зубами.

Тем же вечером на двери своего дома Дынников обнаружил тетрадочный листок с угольным рисунком — череп и скрещенные кости над могильным холмиком — и подпись: «Привет от Шидловского».

Партиец не ошибся: у банды в городе были свои люди.

Листок Дынников спрятал, а Кате продиктовал приказ полуэскадрону с вечера идти по волостям на свободный поиск банды и долго потом втолковывал горячему кавказцу, что приказ этот выполнять не нужно — надо только выйти за город, в овражье, и ждать там, держа с милицией полевую телефонную связь.

Наконец командир уразумел, в чем дело, и, разом все простив Дынникову, побежал поднимать своих джигитов, которые и впрямь застоялись и от скуки начали уже потихоньку бузить.

А несколько часов спустя Дынников узнал о Кате такое, что заставило его сначала задуматься, потом призадуматься и, наконец, прийти к твердому решению немедленно уволить ее из милиции, как чуждый и враждебный революции элемент.

Оказалось, что Катя знакома с Шидловским. И не просто знакома, но, как выяснилось, он ухаживал за ней, еще будучи гимназистом, и до начала нынешней зимы слал ей с оказией черт знает где добытые цветы, и прекратил посылать лишь тогда, когда Катя устроилась машинисткой. И что хуже всего, она, видевшая — не слепая же! — как и Дынников, и другие товарищи недосыпают — ищут шидловский след, молчала обо всем, утаивала. Возможно, прежние ее отношения с Шидловским были небезгреховными, хотя она и отрицала это и расплакалась в ответ на гневные слова Дынникова.

А вышло все на поверхность так.

Дынников, озабоченный мыслью, что где-то в городе ходят пособники банды и, вполне возможно, ищут случая свести с милицией счеты, подумал вдруг, что Кате ежедневно приходится одной идти через весь город и что ее спокойно могут подкараулить. Он даже вскочил из-за стола, опасаясь, что она уже ушла, и на миг ему стало до того страшно, что сердце его ухнуло куда-то вниз, как сорвавшийся с обрыва камень. Успокоился он и малость пришел в себя, лишь расслышав за стеной спотыкающийся стук — Катя хоть и выучилась обращению с «ремингтоном», но печатала медленно, двумя пальцами и била по клавишам изо всех своих слабых сил.

Преодолев привычную робость, Дынников на деревянных ногах, еще более мрачный, нежели обычно, зашел в канцелярию и, кося глазом, сказал Кате, что хотел бы встретиться с ее отцом, учителем Истоминым, и переговорить относительно вечерних курсов для милиционеров. Партия и товарищ Ленин призывали партийцев и всех трудящихся людей учиться, и Дынников, самоучкой постигнувший и письмо и арифметику, обрадовался и газеты с ленинским наказом держал при себе. Он уже не раз говорил с начосочем, что неплохо бы соорудить для милиции хоть какие курсы, и они вдвоем мозговали, где взять денег на оклад учителям.

— О курсах, с папой? — сказала Катя. — А когда?

— Сегодня.

— Не знаю, — сказала Катя задумчиво. — Впрочем, попробуйте, может быть, он и согласится.

Он подождал, пока Катя уберет «ремингтон», и вышел с ней на улицу в пугающую темноту. Крышку деревянной коробки маузера он отстегнул еще на лестнице и потихоньку перевел флажок предохранителя в положение «огонь», а саму коробку передвинул, чтобы была под рукой.

Катя шла быстро, торопясь, и Дынников молчал по дороге, то и дело сбиваясь с шага и тоже невольно частя. Это мешало ему вглядываться в опасные тени переулков, и он обрадовался, когда они подошли к ее дому. Знакомая собака выбралась из лаза под воротами, обнюхала и облизала его руку.

— Ну вот еще, — сказал он, смущаясь. — Поди-ка прочь...

Вслед за Катей поднялся Дынников по шаткому крыльцу в темненькие сени, а оттуда в комнату, в живое, душное тепло человеческого жилья.

— Посидите, — сказала Катя и быстро ушла за перегородку, откуда секунду спустя донеслись ее шепот, шуршание матрасных пружин и ответный шепот с покашливанием, мужской, сердитый.

В комнате было тесно от множества вещей — пузатых комодиков, стульев с гнутыми спинками, этажерок, на одной из которых в чинном порядке выстроились фарфоровые слоны с задранными хоботами, углового столика под кружевной накидкой и другого стола, обеденного, посредине которого, однако, стояла не лампа, а ваза с крашеным бессмертником. Лампа висела под потолком, и вниз от нее тянулись цепи с черными шариками; к одной из них была привязана ниточкой китаянка в розовом платье. Дынников ожидал, что Катин отец окажется уютным старичком в пенсне при шелковой тесьме. А из-за перегородки, стуча босыми пятками, вышел мужчина с заспанными глазами, еще нестарый и ростом на полголовы выше Дынникова. Не подавая руки, он осмотрел Дынникова с фуражки до шпор, оправил сбившуюся рубаху и сказал, растягивая слова:

— Весьма рад.

И сел, коротким жестом предложив Дынникову место на диване. Под рубашкой у него густо вились темные волосы. Дынников, завязывая разговор, потрогал пальцем куклу в розовом.

— Китайка?

— Китаянка, — сухо поправил Истомин. Выслушав предложение Дынникова, он покачал головой.

— Почему же? — спросил Дынников. — Мы не бесплатно просим: и деньги выделим, и паек, по возможности, конечно.

— Не в этом дело, — сказал Истомин. — Мой предмет далек от интересов ваших коллег. Я историк, а история России... Впрочем, вы читали Веселовского? Карамзина?

Из-за перегородки выскользнула Катя и остановилась поодаль, держа в руках ярко расписанные чашки.

— Папа!

— Карамзина? — недобро сказал Дынников. — Не доводилось. Ну и что же?

Истомин, раздумывая, постукивал пальцами о стол.

— Извольте. История, если хотите, не только предмет, но и отношение к эпохе. Не так ли? Для вас монархия — это всего лишь расстрелянный чекистами Николай Второй и распутинщина. А для меня — Петр и Екатерина Великая, Иоанн Грозный, Калита и Василий Темный, наконец, славные имена ревнителей земли русской. Не будь их, не было бы России, и народа ее, и вас, и меня... И когда я говорю о монархии, то вижу и поле Куликово, и рать Невского, изгоняющую тевтонов. И горжусь, что они были, несли Руси — а следовательно, и мужику, пахарю — всяческий прогресс и процветание.

— Мужику? — сказал Дынников.

Не ожидая ответа, он поднялся, тяжело поводя плечами. Истомин был ясен ему, прозрачен до самого дна.

— Значит, говорите, мужику? — повторил Дынников.

— Не верите? Не укладывается в ваши догматы, гражданин комиссар? И все же сам по себе народ темен и сер. И не в силах двигать историю. Эпохи создаются личностью. Вспомните Петра и скажите: вправе ли мы, говоря о промышленности и мореплавании, стереть со скрижалей его имя и позабыть, что им создавались и флот, и рудники, и потрясающая мир столица?

Лицо у Кати было несчастное, и Дынников хотел было успокоить ее, сказать, что это не вина, а горе — такой вот отец, но промолчал, подумав, что лучше поговорить с ней завтра.

Теряя к Истомину последний интерес, он огляделся равнодушно — так, на прощание — и наткнулся взглядом на фотографический портрет в рамке из ракушек.

— Кто? — спросил он, делая шаг к портрету. — Откуда он у вас?

В два шага он обогнул стол и, локтем посторонив Истомина, снял карточку со стены. Сомнений не было: ему улыбался Шидловский — бандит и убийца Шидловский.

— Это мой ученик, — сказал Истомин. — Бывший ученик, видите ли.

Чашки звякнули в Катиных руках.

— Почему? — сказал Дынников. — Почему не знал?

Он слушал Катю, не перебивая, укладывая каждое слово в память, как булыжник в стену. Они падали, и стена становилась все выше и толще, отделяя Катю от него и оставляя ее где-то там, в чужом мире, гимназисткой с косой и бантом, обожающей танцы в благородном собрании. В этом мире были и томики Северянина, переложенные памятными ленточками, и записочки от влюбленных мальчиков, и Шидловский, вальсирующий как бог.

— Дальше, — сказал Дынников жестко.

Не всегда прошлое укладывается в личное дело в картонной папке. В ней не нашлось места ни для того вечера, когда восьмиклассник Шидловский объяснялся в любви шестикласснице Истоминой, самой тихой и самой красивой девочке в гимназии; ни для цветов, положенных на крыльцо этой зимой чужими руками, в захватанном многими пальцами конверте: «Оплакиваю ваше предательство и свою любовь. Серж». Вечер от письма отделили три года: для Кати они заполнились тоской и смятением души; для Шидловского — кровью; для Дынникова — госпиталями гражданской и больничкой здесь, в уезде, где накладывали ему на новые раны рвотно пахнущие карболкой бинты.

Дынников помял в пальцах письмо, которое Катя отыскала в оклеенном плюшиком альбоме.

— Еще были? Лучше сразу скажи.

— Нет, — сказала Катя чужим голосом. — Клянусь вам!

— Где он?

— Не знаю... Мы два года не встречались, ни разу...

— Хорошо, — сказал Дынников.

Он совал карточку в карман, обламывая рамку, и все не мог попасть — пальцы ходили ходуном. Дынников знал себя, знал, что может произойти сейчас, через миг, и поэтому, так и не спрятав карточки, ринулся к двери.

Уже выходя, он через плечо бросил Кате то самое слово, услышав которое она приглушенно охнула, прикусывая пальцы, прижатые к губам.

Ярость захлестывала его.

На углу Дынникова догнала ласковая дворняга. Потыкалась мордой о галифе, вежливо взвизгнула и отстала. Дынников тоскливо выругался окопными словами, какими давно уже не ругался.

В эту ночь он все не спал, курил, ворочался на жестком кабинетном диване, а пришел в себя только поутру, когда от верного человека с неожиданной оказией подошло второе письмо. Дынников позвал начосоча и, по-

ка тот читал, разглядывал тополиную зелень за окном и думал о Кате.

— Выходит, сегодня? — сказал Дынников. — Я ему верю.

Если только разведчик не обманулся, если Шидловский не раскусил его и не обернул себе на пользу свою с ним близость, то нападение должно было произойти ныне где-то за полночь. Неясно было только, откуда и как — в седлах или пешими — войдут в город бандиты. Выходит, не зря дрогли от росы в овраге сорок конников, а другие двадцать месили грязь на проселках, создавая видимость, что отряд, рассыпавшись, ловит ветер по волостям.

Дынников любовно прикрыл газетой полевой телефон, чтобы не лез поколупленной краской в посторонние любопытные глаза, и сел писать приказ: об отрешении от должности машинистки, уличенной в связях с преступным элементом. Закончив и крупно расчеркнувшись внизу, он составил рапорт начальнику губмилиции, где брал на себя всю ответственность за происшедшее и просил замены для пользы общего дела.

Бумага была толстая, скверная, в ней попадались корявые щепочки, и перо цеплялось за них, разбрызгивая чернила. Дынников писал, спотыкался, видел лицо Кати и совершенно не к месту вспоминал мелочи, еще недавно его волновавшие: мягкие, почти прозрачные колечки волос на шее, когда она сидела, наклонившись за «ремингтоном», смешную опечатку — «приток» вместо «притон», — позабавившую и Дынникова, и милиционеров, еще какие-то, совсем уж глупые пустяки. Вспомнилось, как всем наличным составом ходили за город, в рощу, пострелять по врангелевской морде на мишени — изрешетили и ее и сосну, и начосоч промахнулся и убил пролетавшую ворону. Наган в Катиных руках клонился к земле, она закрывала оба глаза, отворачивалась, и пуля уходила «в молоко». Дынников навскидку бил из маузера, вколачивая свинец в смертельную точку над переносицей Врангеля.

Возвращались за полдень, мокрые по пояс, в полном упоении собственной меткостью, немного хвастались, что если б в бою, то уж точно, под самую бровь, наповал, и поддразнивали обидчивого начосоча его вороной. У сквера, возле могилы, постояли, сняв шапки, спели «Мы на горе всем буржуям...» и, повыше подняв над плечами пробитый пулями щит, строем прошли до милиции.

Вспомнилось и другое — как тащили по коридору упиравшегося Мишку, поджигателя бедняцких хозяйств, пойманного Дынниковым в засаде. Мишка что есть силы цеплялся за скамьи и доски пола квадратными носами добротных яловых сапог и голосил по-дурному. Потом вдруг успокоился, позволил поднять себя на ноги и сказал, ни к кому в частности не обращаясь:

— За меня Шидловский заплатит! Слезами не отмоетесь, сволочь краснопузая!

И пошел в камеру, стряхивая с колен мелкий коридорный сор.

Катя тогда стояла у стены и прижимала ладони к вискам. Проходя мимо нее, Мишка молодцевато сплюнул и приосанился, а Катя отпрянула и стояла бледная, пока его не отвели в подвал.

— Напугалась? — спросил ее Дынников.

— Ужас какой! — сказала Катя и потерла пальцами виски.

— Этот свое отгулял, за другими черед, — сказал Дынников. И успокоил: — Всех переловим.

Сейчас Дынников вспомнил это, и Катину бледность, и пальцы ее, прижатые в испуге к вискам, и думал, что, вполне возможно, не Мишки, а за Мишку испугалась она тогда, и казнил себя, не разгадавшего ее раньше. Понемногу ему стало казаться, что она нарочно влюбила его, завлекала по-хитрому и делала так, быть может, потому, что сговорилась с Шидловским, задумавшим заманить в западню и погубить комиссара уездной милиции. Подумав так, он решил не читать ей покамест приказа, а положить его в стол до времени: ночью Шидловскому своего не миновать, тогда и будет у них настоящий разговор обо всем, и о Кате в том числе.

Дынников запер стол и вышел в канцелярию.

Катин «ремингтон» поперхнулся.

— Здравствуй, — сказал Дынников как ни в чем не бывало и даже заставил себя улыбнуться. — Пальцы не распухли?

Он всегда спрашивал о пальцах, зная, что от работы они у нее опухают, болят и по вечерам она их держит в мисочке с теплой водой.

— Не очень, — сказала Катя.

По ее лицу он понял, что она сейчас заговорит о вчерашнем, и поторопился опередить ее, спросив:

— До вечера управишься?

— Постараюсь, — сказала Катя.

— Это хорошо... а то дело есть. Ты как: можешь остаться на вечер и всю ночь?

— Да, — сказала Катя.

— Это хорошо! — повторил Дынников и ушел, боясь, что она все же втянет его в преждевременный разговор о случившемся и он не выдержит, выдаст себя неосторожным словом.

До вечера он просидел в кабинете за делами, звонил по полевому телефону, проверяя, не оборвался ли провод, приводил в порядок старые бумаги, готовил все к тому, чтобы новый комиссар, которого пришлют из губернии на его место, мог вступить в должность без проволочек.

С темнотой на несколько минут заглянул начосоч, получил последний приказ и ушел. Во всем помещении, на два этажа, их осталось трое — дежурный милиционер внизу, Дынников и Катя. И так — втроем! — им и предстояло встретить надвигающуюся на город ночь.

Дынников спустился вниз, взял у дежурного чайник с заваркой и пару пайковых ржаных сухарей, шершавых от серой соли, сполоснул кружки и позвал Катю пить чай. От волнения он почти не чувствовал голода, медленно крошил зубами окаменевший сухарь и, убивая время, рассказывал Кате длинную госпитальную историю о себе, молоденькой врачихе и санитарке — историю, в которой его любили безумно и которая не содержала в себе ни грамма правды. Он и сам не знал, зачем врет, но продолжал наворачивать небылицы. Если он хотел поразить ее воображение, то рассказать следовало бы об окопной червивой чечевице, об отчаянной лихости ребят из взвода Дынникова, перебивших в ночном бою без малого две офицерские роты дроздовского полка и почти поголовно полегших поутру в круговой обороне.

Дынников кончил на том, что санитарка и врачиха чуть не передрались из-за любви.

Катя молчала, тишина давила Дынникова, и он обрадовался, когда телефон загудел, давая вызов. Сняв трубку, он назвал себя, услышав знакомый голос с восточным акцентом, и ответил, что у него пока тихо, а будет шум — так он не замедлит, даст знать.

— Совсем отсырели тут, — пожаловался кавалерист, и Дынников различил в трубке гулкий его вздох. — Плохо без костра.

— Плохо, — согласился Дынников. — Но зажигать не смей!

— Кого учишь?

— Ладно, — сказал Дынников и посоветовал: — Вы там поприседайте, что ли, а то и впрямь закоченеете.

И, услышав: «Сам приседай!» — засмеялся и положил трубку.

Дело шло к концу. Еще час, полчаса, и Шидловский полезет в город, на банк, в самую засаду. Уйти назад ему не удастся: при отходе его перехватят конники, и тогда бандитам останется или поднять руки, или быть порубленными. Думая об этом, Дынников досадовал на свою дурацкую болезнь, держащую его без пользы у канцелярского стола. Еще с прошлого года он ослаб глазами, стал плохо видеть в темноте, а с куриной слепотой в засаде делать нечего.

Ночь сгущалась, оклеивала окна черным.

— Давай еще налью, — сказал Дынников Кате и потянулся за ее кружкой.

— Не надо, — сказала Катя.

— От Высоцкого же!

— Ах, какая разница... Ну скажите, зачем вы так?

— Как? — спросил Дынников неискренне.

— Все притворяетесь... Что происходит? Да не молчите же!

Дынников хотел было сказать, что скоро она узнает все, но не успел: за окном гулко прозвучали копыта, и в ту же минуту задребезжал телефон.

И тут же ударил выстрел.

Стреляли не в городе. Рядом. Внизу.

Дынников вскочил вслушиваясь. И различил негромкий стук парадной двери, голоса и сдавленный крик дежурного милиционера.

Дынников в один прыжок выскочил из-за стола. На ходу подхватил стул и воткнул его, как заслонку, в дверную ручку. На два оборота повернул ключ.

На столе жужжал телефон. Дынников вернулся и сказал в трубку, что Шидловский напал на милицию и думает, наверное, что все бросятся сюда, а он той порой ударит по банку.

Он говорил и свободной рукой указывал Кате на окно и злился, что она не понимает.

— Да прыгай же! — крикнул он, теряя терпение. — Здесь невысоко. Прыгай, дура!

— Нет, — сказала Катя.

Дынников не понял.

— Тут низко! Успеешь!

— Нет!

Он видел ее белое лицо, холодеющие от ужаса глаза, а сам вынимал из деревянной кобуры маузер и лихорадочно соображал, куда положил наган. Вспомнил, что в стол, отбросил трубку, достал наган из ящика, и вовремя — в дверь уже ломились.

— Открывай, комиссар!

— Сейчас! — спокойно сказал Дынников.

И навскидку выстрелил в дверь.

Он стрелял и стрелял, и в филенке одна за другой появлялись черные дырочки. В коридоре грохнуло. Ухнул, падая на пол, пробитый осколком гранаты телефон, и, брызжа осколками, зазвенело стекло в окне.

— Врешь! — крикнул Дынников. — Врешь, не возьмешь!

Он хотел шагнуть к Кате, прикрыть ее, но не успел. Удар пришелся ниже левого плеча, и комната мягко поплыла перед глазами

Последнее, что Дынников увидел, это Катю. Она стояла, тоненькая, у стола, лицом к двери, держа обеими руками его маузер — очень большой и очень черный. И еще увидел он желтенький язычок, лизнувший дульный срез; распахнутую настежь дверь, сломанный стул и падающего ничком Шидловского — в серой гимназической шинели с нестерпимо блестящими пуговицами, льняным чубом, льющимся на глаза. Было Дынникову не больно, только странно, что он может видеть сразу так много, но додумать эту мысль он уже не успел...

Перехваченную за городом банду милиционеры и чекисты частично порубили в бою. Остальных обезоружили и свезли в губернскую тюрьму для следствия и суда революционного трибунала.

Катю и Дынникова похоронили вместе.

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Написано в 1805 году Джеймсом Гокинсом, сквайром, в его доме, в поместье Оттертон, графство Девон.

Бен Ганн, в прошлом пират, скончался восемь месяцев тому назад, дожив до весьма почтенного возраста — восьмидесяти лет

Мы похоронили его на маленьком кладбище в Ист-Бэдлей, в том самом приходе, где он родился в 1725 году. Он лежит меньше чем в двадцати ярдах от могилы своей матери, которая дала ему жизнь и сердце которой он, по его собственным словам, разбил. Впрочем, мне всегда сдавалось, что Бен относился к числу бедняг, склонных взваливать на свои плечи более тяжелое бремя вины, нежели они того заслуживают.

Лично я никогда не видел в Бене Ганне пирата. Для меня он всегда оставался тем человеком, которого я встретил в тот страшный день на Острове сокровищ, когда он окликнул меня в лесу и я услышал историю, показавшуюся мне тогда бессвязным набором слов.

В конечном счете, Бен являлся скорее прислужником, вроде Дарби Мак-Гроу, чем настоящим пиратом, и люди Флинта относились к нему с насмешливым презрением. Вместе с тем он отнюдь не был таким простаком, каким казался. Хитрость, расчетливость и осторожность Бена не раз сослужили ему хорошую службу на протяжении его сумбурной жизни.

Одинокая жизнь на острове сделала Бена другим человеком, и он никогда больше не преступал закона.

Мы с Беном стали большими друзьями еще задолго до смерти сквайра Трелони и доктора Ливси. Он всегда относился ко мне особенно тепло — ведь я первый встретил его на острове. Бен охотно рассказывал мне истории, которые ни за что не поведал бы ни сквайру, ни доктору. И если я теперь предаю его рассказы гласности, то лишь потому, что он сам разрешил сделать это после его смерти.

Сдается мне, что Бен, соглашаясь на опубликование своей истории, видел в ней нечто вроде посмертной исповеди. До самых последних дней его угнетал страх перед возмездием. Мне никак не удавалось убедить Бена, что смелое поведение во время борьбы против бунтовщиков с «Испаньолы» полностью искупило все его прегрешения.

Вначале я собирался изложить историю Бена Ганна так, как он сам поведал ее, но это оказалось мне не по силам. Дело в том, что рассказ Бена никогда не был стройным и последовательным: он начинал говорить об одном, затем перескакивал на другое. Вместе с тем повествование много потеряло бы, если бы не велось от первого лица. Я пошел по среднему пути, позволив себе произвести отбор эпизодов и изложить их в соответствии со взглядами и мышлением Бена.

Я уверен, что он ничего не утаивал от меня. Он относился ко мне с полным доверием, и я надеюсь, что оправдал это доверие до конца.

К сему: Джим Гокинс.
Поместье Оттертон, 1805 год.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сын приходского священника

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мне было всего семнадцать лет, когда священник Аллардайс поселился со своей семьей в Ист-Бэдлей, приняв приход, предложенный ему новыми владельцами Большого поместья.

К тому времени мы уже свыклись с переменами, потому что с тех пор, как умер старый сквайр и имение за отсутствием прямых наследников перешло к Кастерам, в приходе все перевернулось вверх дном. Кастеры и раньше-то, видно, не были хорошими людьми, а внезапное богатство не сделало их лучше. Именно их плохое обращение с мелкими владельцами и арендаторами в округе и привело к тому, что должность приходского священника оказалась свободной: Гиббинс предпочел стать капелланом у одного из Бофортов, а на его место прибыл священник Аллардайс с женой и двумя детьми.

Я тогда был у Аллардайсов садовником, выполнял для них также различную другую работу, а сверх того помогал отцу, когда начинались зимние дожди и требовалось особенно много могил. Священник платил мне фруктами и овощами со своего огорода. Семья у нас была большая, и мать с радостью принимала все, что я только мог принести в дом,

тем более что новый сквайр запретил собирать на его полях колоски после жатвы.

Аллардайсы относились ко мне хорошо, особенно дочь, мисс Далси, прекрасная девушка с независимым характером. Брат Ник был года на два, на три моложе ее и учился в колледже на врача. Мисс Далси очень любила брата и не уставала говорить о его способностях. Тогда я не очень-то прислушивался к ее словам. Знай я, как тесно переплетутся наши с Ником пути в последующие годы, я расспросил бы о нем побольше.

Священник был человек прямой, суровый и непреклонный и мастак читать проповеди. Мы понимали лишь отдельные слова, когда он говорил с амвона, такой он был ученый. Жена его носила роскошные платья, каких мне никогда не приходилось видеть. Дела мужа ее не занимали, она жила исключительно сыном и с малых лет испортила его своим баловством. Зато мисс Далси всегда сопровождала отца в его обходах и меньше чем за месяц стала в приходе всеобщей любимицей.

Мы жили в маленьком домике из двух комнат у самой церковной ограды. Кастеры никак не могли собраться ее починить, и зимой грязные ручьи с кладбища текли через наш двор.

Как я уже говорил, в приходе царил полный разброд, а все из-за того, что Кастеры ввели строгий запрет против охоты в своих владениях и огораживали земли, которые при старом сквайре всегда считались общественным выгоном.

Зачинщиком всех этих притеснений называли Бэзила Кастера, сына нового владельца. Ему тогда было лет около двадцати пяти. Высокий, бледный, рыжий, хилого сложения, он чем-то напоминал хорька. Бэзил Кастер твердо решил стать настоящим сквайром и ездил только верхом. Однако он был никудышным наездником и то и дело шлепался с седла наземь. Зато Кастер хорошо стрелял из охотничьего ружья; однажды с расстояния в двести шагов он ранил в руку Эйба Гудинга, когда тот ставил силки на опушке Бэйкерских зарослей. Эйбу удалось уйти, но пришлось бежать из дому и завербоваться в солдаты, чтобы избежать ссылки за море. А вскоре после этого мой дядя Джейк подстрелил последнего в своей жизни фазана, положив начало событиям, которые забросили меня на другой край света. Но об этом я расскажу чуть дальше. Сначала нужно объяснить, каким образом оказался замешанным во все это Ник, сын священника.

Через несколько месяцев после того, как приехали Аллардайсы, появился и их сыночек. Он набедокурил в Лондоне: променял учение на игру и на скачки и так залез в долги, что сидеть бы ему в долговой тюрьме, если бы мать вовремя не подбросила денег.

Ник вовсе не производил впечатления неисправимого повесы. Он был рослый, широкоплечий, густые волосы курчавились, на открытом лице весело сияли голубые глаза. Руки Ника белизной и нежностью кожи напоминали женские, но в силе не уступали рукам нашего кузнеца Неда Саммера, и Ник почти всегда одолевал Неда, когда они летними вечерами затевали корнуоллскую борьбу на траве.

По речи Ника сразу было слышно, что это настоящий джентльмен, однако с нами он держался как с равными.

Ник и Бэзил очень скоро стали врагами, и моя семья оказалась замешанной в их ссоре, потому что все началось из-за дяди Джейка. Бэзил убил его, да так жестоко и подло это сделал, что стал самым ненавистным помещиком во всей округе от Экса до Тэймера.

Под рождество чуть ли не все торговцы дичью в округе уповали на Джейка, и он не жалел сил, чтобы оправдать их надежды — за счет Кастеров. Конечно, это было нехорошо и противозаконно, однако не давало еще права Бэзилу Кастеру расставлять в лесу капканы на людей. Сторожа — другое дело. С ними у нас шел честный поединок, в котором побеждал наиболее ловкий. Но капкан с зубьями, как у пилы, и с хваткой голодной акулы — от такой штуки хоть у кого душа закипит смертельной ненавистью.

Однажды ночью Джейк не вернулся домой. Он часто проводил под открытым небом по два-три дня — когда охотился, когда отсыпался в одном из своих тайников после особенно бурной выпивки, но теперь его отсутствие очень уж затянулось. Мы отправились на розыски и прочесали чащу до береговых утесов на юге. На второй день поисков мой брат нашел его — мертвого. Дядя Джейк попал в один из капканов Кастера и истек кровью. Его дворняжка Тафти лежала полумертвая от голода рядом с хозяином и жалобно скулила. Если бы Джейк не выучил собаку вести себя тихо на охоте, он еще дожил бы, возможно, до выездного суда.

Хоронить Джейка собралось очень много людей, пришли даже из Попплефорда. Много недобрых слов было высказано и много сумрачных взглядов обращалось в сторону помещичьей усадьбы, но дальше этого не пошло.

Впрочем, нашелся смельчак, который не побоялся выложить то, что у него накопилось на душе. Это был Ник Аллардайс. Ник не участвовал в похоронах, но когда мы с отцом принялись засыпать могилу, он появился на кладбище и остановился около нас в раздумье, покуривая длинную виргинскую сигару.

Наконец, он сдвинул сигару в угол рта и сдержанно произнес:

— Вы, Ганн, по-видимому, не собираетесь посчитаться за брата?

Отец поднял голову и осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что его никто не услышит.

— Дом, в котором я живу, принадлежит Кастерам, и ваш отец платит мне из десятины, которую получает от Кастеров. Нас дома тринадцать ртов, и всех-то надо накормить и одеть. Мне ли думать о том, чтобы сводить счеты, мистер Аллардайс?

Он был благоразумен, мой отец, и знал свое место.

Ник ухмыльнулся и пошел прочь, кивнув мне на прощанье. Он знал, как я смотрю на это дело, но знал также, думается мне, что в словах моего отца заключен здравый смысл.

В этот миг за оградой послышался стук копыт, и Бэзил Кастер взбежал по ступенькам и зашагал через могилы туда, где мы работали. Ник замер на месте в нескольких ярдах от нас.

Кастер постоял около свежей могилы, похлопывая по тощей ноге своей тяжелой плеткой с набалдашником из слоновой кости, и вдруг рассмеялся. Это был резкий, скрипучий смех, заставив-

ший меня вспомнить звук бороны, скребущей по гравию.

— Что ж, Ганн, — сказал он, — одним браконьером стало меньше, притом, если я верно слышал, самым отъявленным изо всех них!

— Будь у здешних людей хоть капелька мужества, Кастер, лежать бы и вам в этой могиле! — раздельно произнес Ник.

Змеиный взгляд Бэзила Кастера скользнул по Нику. Краска залила его лицо, тут же сменившись смертельной бледностью.

— Побереги лучше свое остроумие для черни Ковент-Гардена, Аллардайс, а не то как бы не остаться твоему отцу без прихода! — взвизгнул он.

Ник стоял все так же неподвижно, не спуская глаз с Бэзила.

— Если ты расставишь свою западню для меня или для когонибудь из нашей семьи, — произнес он наконец, — я вызову тебя на поединок. Мне все едино — кулаки, дубинки, пистолеты или шпаги! Я ведь тебе не какой-нибудь льстивый арендатор, Кастер!

Я ждал, что Бэзил тут же набросится на него. Он подался вперед, потом вдруг остановился, повернулся кругом, сбежал по кладбищенской лестнице, вскочил в седло и поскакал прочь; только искры засверкали из-под копыт его кобылы.

В тот день Ник по-настоящему завоевал мое сердце. Он посеял что-то новое в моей душе, и этому посеву суждено было дать всходы, которые продолжали расти даже тогда, когда от могучего тела Ника остался лишь скелет — этот скелет ты видел сам, Джим...

ГЛАВА ВТОРАЯ

О следующей стычке Бэзила и Ника я узнал с чужих слов. Случилась она в ночь Охотничьего бала, который давали в Большой усадьбе накануне рождества. На этот раз причиной раздора оказалась женщина, красавица мисс Фейрфилд из Эксминстер-Холл.

По-видимому, Ник произвел на балу выгодное впечатление своей внешностью и искусством танцора. Так или иначе мисс Энн решила стравить его с Бэзилом. Да и какая хорошенькая женщина не поступит так, если представится случай! Кончилось тем, что молодые люди крепко повздорили, и Ник предложил тут же решить дело поединком. Ему явно не терпелось увидеть, какого цвета кровь у Бэзила.

Разумеется, до дуэли не дошло. Об этом позаботился сквайр Кастер. Но он не ограничился этим: вызвав священника Аллардайса, сквайр предложил ему на выбор — либо священник отправит своего сына обратно в Лондон, а еще лучше за море, либо расстанется с приходом.

По этому поводу в доме Аллардайсов состоялся семейный совет. Мать Ника была целиком на стороне сына и говорила, что

Рисунки УИЛЬЯМА СТОБСА

нельзя давать спуску этим Кастерам. Отважные поступки Ника сделали его героем в наших глазах. Каждый из нас, молодых, только обрадовался бы, увидев Бэзила на носилках. Мы ни минуты не допускали мысли, что Ник может проиграть единоборство.

Но священник судил более здраво. Он не собирался терять хороший приход из-за сына, которого буйный нрав сделал притчей во языцех. Короче, он предложил Нику готовиться к новой жизни в колониях, а пока держаться подальше от Бэзила Кастера.

Ник встретил это решение без особой радости. Я подозреваю, что мать и сестра подбивали его не повиноваться отцу.

Мы виделись с ним часто в это время. После случая у могилы Джейка Ник стал относиться ко мне с особым расположением и сделал меня чем-то вроде личного слуги. Главной моей обязанностью было доставлять его по ночам домой из таверны и других злачных мест. Нелегко мне приходилось, когда нужно было заставить его, мертвецки пьяного после очередной пирушки, держаться в седле. Однажды мы пустились вперегонки с плимутской почтовой каретой и чуть было не попали под нее. В другой раз мы загнали стадо коров Кастера на посевы. Следующая выдумка Ника заключалась в том, что мы нацепили черные маски и под видом разбойников остановили карету на Йеттингтонской дороге. Ник отобрал у ехавшего в карете сидмутского нотариуса и его жены кошельки, драгоценности и часы, но на следующий же день отослал добычу владельцам, присовокупив письмо, в котором говорилось, что он прозрел и отныне решил стать честным человеком.

Месяца три-четыре мы тешились такого рода забавами, но тут вмешалась моя мать. Она пошла к священнику Аллардайсу и заявила, что либо это прекратится, либо ей придется обратиться к сквайру. На следующий же день священник Аллардайс отправился в Плимут и оплатил сыну проезд на бриге до Чарлстона. Вернувшись, он вручил Нику сотню гиней на дорогу и дал ему три дня срока на то, чтобы собраться в путь.

Ник решил ехать. Сдается, беспутная жизнь ему не очень-то нравилась — просто он не мог придумать ничего лучшего. Приняв решение, он тут же начал строить планы. А задумал он стать плантатором в Каролине. Не знаю, собирался ли Ник Аллардайс сеять табак или хлопок, или думал вести хозяйство на английский лад, но только планам его не суждено было осуществиться, потому что хотя мы в конце концов и очутились в тех краях, но в обществе таких людей, которые сколачивали себе богатство совсем иными путями и собирали урожай не в поле, а в открытом море.

На прощание приятели Ника в Эксетере решили устроить пирушку. Я поехал с ним.

Теплой весенней ночью мы возвращались домой через общинные земли. По пути мы проезжали мимо усадьбы Кастеров, лежавшей в двух милях на восток от деревни. Полная луна ярко освещала широкий фасад и пор-

тик с колоннами. На западе, где местность понижалась к морю, чернели притихшие леса.

И тут Ник предложил такую штуку, которую можно объяснить только тем, что он был еще пьянее меня.

— Бен, — сказал он вдруг, — давай-ка сыграем сейчас Кастерам утреннюю зорю! Через неделю я буду уже далеко, и мне никогда больше не представится такой случай!

Не дожидаясь ответа, он пришпорил свою кобылу, ворвался в ворота усадьбы и помчался по главной аллее, стреляя в воздух из пистолетов и честя во всю глотку Кастеров так, как их, наверно, еще никто не честил.

Примерно на полдороге аллея круто поворачивала, и на мгновение я потерял Ника из виду. Наконец я миновал поворот и в тот же миг увидел выскочивших из усадьбы людей. Их было двое или трое, один из них — тощий и высокий. Я признал в нем самого Бэзила Кастера.

Пожалуй, Ник все-таки был трезвее, чем хотел казаться, потому что он тоже заметил их и круто свернул с аллеи на узкую дорожку, которая вела между купами рододендронов в сторону большой рощи.

Я был готов повернуть и спасаться бегством, предоставляя Нику самому расхлебывать заваренную им кашу, но сзади уже подоспел вооруженный сторож. Остался только один свободный путь. Я ринулся следом за Ником и успел проскочить в рощу перед самым носом у тех, кто выбежал из усадьбы.

Под деревьями было темно, как в мешке, и мне пришлось сбавить ход. Шум погони стих. Я подумал, что преследователи вернулись домой, и, привязав пони к дереву, решил отыскать Ника, прежде чем он выкинет еще какую-нибудь штуку. Это было опрометчивое решение, и оно обошлось мне дорого, но ведь я был еще мальчишкой да к тому же успел привязаться к Нику.

Через рощу вела узенькая тропка; я двинулся по ней, медленно и осторожно, как учил меня когда-то на охоте дядя Джейк, и дошел до небольшой прогалины. Здесь стояла маленькая хижина, которой сторожа пользовались ночью.

Только я ступил на прогалину, как из-за деревьев выглянул краешек луны, и я увидел Бэзила. Он стоял неподвижно перед хижиной, держа ружье наперевес в левой руке.

В ту же секунду на другом краю поляны в свете луны появился Ник; он вел лошадь в поводу. Кастер круто повернулся и выстрелил, даже не вскидывая ружья к плечу.

Ник вскрикнул и покачнулся, продолжая держаться за повод, а его лошадь поднялась на дыбы. Я увидел, как Бэзил, швырнув ружье на землю, бросился к Нику, но тут плотные облака заслонили луну, и поляна погрузилась в густой мрак.

Я услышал тяжелое дыхание, треск кустарника и ринулся туда. Тут снова выглянула луна, и я увидел Ника. Он прислонился к дереву, а его лошадь беспокойно переступала с ноги на ногу чуть поодаль. Бэзил Кастер стоял на коленях между Ником и лошадью, опираясь на руки и наклонив голову.

Крикнув: «Мистер Аллардайс! Это я, Бен!», я подбежал к Нику. В этот момент Бэзил как-то странно кашлянул и упал замертво на траву Я обернулся к Нику — он медленно валился наземь, цепляясь руками за ствол. Даже при слабом лунном свете я видел, что его рубашка и шарф потемнели от крови; правая рука Ника сжимала нож.

Размышлять было некогда. На тропе, по которой я пришел, слышались крики, шум доносился и со стороны усадьбы.

Я подвел к Нику лошадь.

— Вы можете сесть в седло?

Он ничего не ответил, через силу поднялся на ноги и стал искать стремя. Я помог ему вдеть левую ногу и подсадил его. Ник вскочил в седло и повалился на шею лошади, а я взялся за повод.

Мое былое увлечение охотой спасло нам жизнь в эту ночь. Я знал владения Кастеров как свои пять пальцев. Мне удалось без труда провести сторожей и выйти через пролом в ограде со стороны Колитон Рейли. По конной тропе мы добрались до старого форта, и когда в небе над Оттерхедом зарделась заря, были уже на дорожке, ведущей к скалам.

Зайдя в густой ельник, я остановился и дал Нику выпить добрый глоток бренди из фляги, подвешенной к седлу. Потом я осмотрел его и увидел, что пуля вошла в мякоть левой руки. Нетрудно было сообразить, что за нами от самой поляны должен был протянуться кровавый след и как только совсем рассветет, нас без труда разыщут. Видно, Ник подумал о том же, потому что он сказал:

— Наложи-ка мне жгут, Бен, пока я не истек кровью... Они в любой момент могут настигнуть нас.

Я срезал ветку и затянул с ее помощью жгут, свитый из его шарфа. Ник глотнул еще бренди и попытался изобразить улыбку.

— У меня не было выбора, Бен. Либо я его, либо он меня. Ты ведь видел? Он выстрелил без предупреждения и подбежал прикончить меня!

— Нам сейчас некогда говорить об этом, мистер Аллардайс, — ответил я. — Надо найти место, где можно будет укрыть вас, пока я схожу за помощью.

— Поступай как знаешь, Бен, — сказал Ник.

Инстинкт заставил меня идти к скалам. Примерно в миле от того места, где мы сейчас стояли, начинался глубокий овраг, полого спускающийся к берегу моря. Если нам удастся незаметно добраться до оврага, мы успеем спрятаться в одном из тайников дяди Джейка — маленькой пещере в песчанике над ручьем, в четверти мили от моря.

Прежде всего надо было отделаться от лошади, тем более что подковы оставляли слишком заметный след. Я ссадил Ника и хлестнул как следует кобылу прутом, погнав ее в сторону Оттерхеда.

Нас выручил туман. Дважды Ник терял сознание, но каждый раз тут же приходил в себя и брел дальше. Мало-помалу, почти через час после того, как бросили лошадь, мы добрались до пещеры Джейка — укромной расщелины с песчаным полом, вход в которую надежно прикрывали плющ и кустарник.

Ник был еле жив после перенесенного и лежал совсем без движения, пока я раздевал его и промывал рану. Я ослабил жгут и перевязал руку, порвав на бинты подкладку куртки Ника. Час или два я еще крепился, но потом и сам уснул. Тем временем люди Кастера обшаривали скалы, не подозревая, что мы тут же рядом.

За час до заката я проснулся и выглянул из пещеры. Кроваво-красное солнце спускалось к Хэлдонским холмам, кутаясь в тяжелые багровые облака. Я прислушался — с берега доносился какой-то скрипучий звук. Нетрудно было сообразить — то Сэм Редверс крал гравий. Мне сразу стало легче на душе: Сэм превратился в бунтаря с тех пор, как Кастеры прибрали к рукам все права на прибрежную поло-

су, лишив его средств к существованию.

Я прополз через кустарник и выглянул из него; совсем рядом орудовал Сэм. Заметив меня, он тотчас смекнул, в чем дело, и, продолжая свою работу, постепенно приблизился к кустам.

— Я спрятал мистера Аллардайса в пещере Джейка посередине оврага, — сообщил я ему.

На лице Сэма отразилось сильное удивление.

— А мы считали, что он уже мертв, — ответил он. — Сторожа говорили, что из него кровь хлестала, как из зарезанной свиньи, они прошли по вашим следам до старого форта. И как только вам удалось спуститься по оврагу?

— Что происходит в деревне? — спросил я его вместо ответа.

— Сквайр Кастер обещал сто гиней тому, кто найдет вас живыми или мертвыми.

Этим было сказано все. Я понял, что чуть не все население к западу от Дорчестера будет усиленно разыскивать нас.

Я объяснил Сэму, что надо сделать.

— Прежде всего доставь нам чистые бинты, теплую одежду, одно-два одеяла и хоть сколько-нибудь еды. Потом дай знать мисс Далси, но только не проговорись никому, где мы укрылись.

Я не сомневался, что мисс Далси готова сто миль пройти босиком, чтобы помочь брату.

— Я вернусь, как только стемнеет, — сказал Сэм. — Но к пещере подходить не стану, чтобы не навести никого на след. А положу все в мой кожаный мешок и оставлю его вон под тем утесом.

Он показал на большую скалу, возвышавшуюся в таком месте, куда не доходил прилив.

— А еще я скажу вот что, Бен, — продолжал он. — Один из вас рассчитался сполна с Кастерами, и я этого никогда не забуду. Я вас не брошу, хотя бы мне за то пришлось стоять рядом с вами на суде.

Край солнца уже коснулся холмов, и начало темнеть. Я вернулся обратно к пещере и обнаружил Ника сидящим. Он шарил вокруг себя, пытаясь найти флягу. Я разыскал ее и дал ему выпить глоток, после чего передал то, что услышал от Сэма, и спросил, верно ли я поступил, попросив сообщить обо всем его сестре.

Ник пробормотал в ответ что-то неразборчивое. Видно, его уже начинала одолевать лихорадка. Вскоре он опять уснул, а я, скрестив ноги, сел караулить у входа в пещеру.

Должно быть, я вздремнул, потому что звук шагов по гравию заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Я не решался выйти, но тут трижды раздался крик козодоя, причем третий крик последовал с перерывом. Это был

один из наших старых охотничьих сигналов, и я понял, что спокойно могу спускаться на берег.

Там меня ждал Сэм с полным мешком всякого добра, а рядом с ним — мисс Далси собственной персоной.

— Вы подождите, Сэм, — попросила она. — Спрячьтесь пока. Бен приведет меня обратно.

Я взял ее за руку и повел вверх по оврагу. За четверть часа мы добрались до тайника.

В пещере царила непроглядная тьма. Слышно было только тяжелое, свистящее дыхание Ника. Сэм догадался положить в мешок потайной фонарь, который я и зажег. Ник лежал на спине, красный от жара, весь в испарине. Мисс Далси велела разобрать мешок, а сама стала разбинтовывать рану. Я как раз выкладывал съестные припасы на выступ и стоял к ней спиной, когда раздался громкий щелчок и Ник протяжно застонал. Обер-

нувшись, я увидел, что мисс Далси улыбается.

— Нашла, — сказала она, показывая мне хирургические щипцы, в которых была зажата пуля Бэзила. Из маленького надреза под самой ключицей Ника сочилась кровь.

Мисс Далси наложила на обе раны мазь, затем плотно и надежно перевязала их.

— Здесь нельзя разжигать огня, — снова обратилась она ко мне. — Я пришлю одеяла и побольше теплой одежды. Укрывайте его хорошенько и не давайте шевелить рукой, даже миску держать не давайте. А это возьмите себе, Бен, вам пригодится.

Она протянула мне плитку табаку и короткую глиняную трубочку.

— Я буду здесь завтра в это же время, — сказала она на прощанье, когда я отвел ее на берег.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы провели в пещере девятнадцать дней и двадцать ночей, и не было ночи, чтобы к нам не приходила мисс Далси, когда с Сэмом, когда одна. И это несмотря на то, что Кастеры и их подручные день и ночь прочесывали окрестные деревни и патрулировали побережье. Они знали, что мы где-то поблизости, но так и не смогли нас найти. Я все думал, что будь у них хоть капля здравого смысла, они должны были установить наблюдение за мисс Далси и проследить ее до ручья. Может, они и пытались, да она их перехитрила. Так или иначе нас никто не нашел. Тем временем рана Ника заживала с чудесной быстротой.

Вы спрашиваете, почему я не взял ноги в руки и не улизнул, раз я не был замешан в убийстве? Так вот, дело в том, что мне это и в голову не приходило, я чувствовал себя надежнее рядом с Ником. Меня брал страх при одной только мысли о том, чтобы расстаться с Ником и обороняться в одиночку.

Я был молод тогда, теперь мне куда ближе до могилы, но на вопрос, почему я не задал стрекача из пещеры и не попытался поладить с Кастерами, выдав Ника, могу только сказать, что лучше я убил бы самого себя на месте.

И ведь, когда Ник и мисс Далси разработали свой план, Ник предлагал мне покинуть его. Сказал, что мать прислала достаточно денег, чтобы мы могли оба уехать за границу, а если я останусь, он готов поделить со мной деньги пополам. Но я ответил, что какой бы путь он ни избрал, его выбор подойдет и мне, что я скорее всего попадусь, едва уйду от него, и только наведу на его след шерифа и Кастеров.

Услышав эти слова, Ник улыбнулся и ответил:

— Хорошо, Бен, дружище, я втянул тебя в эту переделку, и я должен тебя выручить! Ты поступил, как настоящий товарищ, и я этого никогда не забуду.

Ник не счел нужным обсудить свои замыслы со мной, и я только много позднее узнал, что придумали мисс Далси, ее мать и один их родственник, бывший военный моряк, нашедший себе хорошее местечко на суше, в Плимуте. Весь их план основывался на том, что Ник как-никак без пяти минут врач.

И вот однажды вечером Ник велел мне сложить все наши вещи в принесенный мисс Далси саквояж и быть готовым выходить в полночь, как только Сэм подаст сигнал. Сказал, что мы поплывем морем, поскольку водный путь для нас единственно безопасный. Сперва доберемся до Фалмута на побережье Корнуолла, а там пересядем на военный корабль, который доставит нас через океан в Кингстон, или в Порт-оф-Спейн, или еще какой-нибудь порт, откуда потом можно будет перебраться в Мэйн.

— Свое плавание мы отработаем, — объяснял Ник. — Я в качестве судового врача, ты будешь моим слугой. Тебя никогда не манило море, Бен?

Я ответил отрицательно. Мальчишкой я ходил на лов макрели и убедился, что плохо переношу качку. К тому же мне вовсе не улыбалось очутиться на борту военного корабля. Я знал в деревне людей, которые служили на флоте, и все они предпочли бы умереть, чем попасть туда снова.

Видно, Ник разгадал мои сомнения, потому что он продолжал:

— Да ты не тревожься, Бен! Хорош я буду, если в награду за верность помещу тебя на полубак военного корабля. Нам бы только добраться, а там нас ждут плантации и богатство, и никакие королевские указы нас не достанут!

Мне хотелось еще спросить, почему нельзя было устроиться на обычном торговом судне, но тут с берега донесся сигнал Сэма. Мы вышли из пещеры и стали пробираться вниз по оврагу. Из мрака донесся скрип уключин, потом скрежет киля о гравий.

В то время я так плохо разбирался в морском деле, что думал весь путь до Фалмута проделать на шлюпке. А когда мы отошли подальше от берега и нас стало бросать на волнах, я сильно усомнился, что мы вообще доберемся туда.

Ник чувствовал себя ненамного лучше, чем я. Он сидел молча на корме, погруженный в мрачные размышления. Внезапно из темноты вынырнул, заставив меня вздрогнуть от неожиданности, корпус судна.

Мы вскарабкались по веревочному трапу. Для Ника с его рукой это было не так-то просто, но все же он справился. Человек, который доставил нас, подогнал шлюпку к корме, где ее привязали, и тоже поднялся на судно.

Едва мы ступили на борт, как на корабле началось движение, послышались слова команды. Судно быстро заскользило по ветру, а нас повели вниз, в маленькую каюту, где мы могли спать на рундуках. После стольких тревожных ночей я здорово устал, и необычность обстановки

меня не трогала. Я заснул как убитый и проснулся только двенадцать часов спустя.

Проснувшись, я первым делом увидел Ника. Он сидел у столика и уписывал баранину с белым хлебом. Должно быть, Ник захватил собственные припасы, потому что на бриге в отношении еды были не очень-то разборчивы. Мы провели на нем двое с половиной суток, и все это время команда в составе семи человек получала только пожелтевшую солонину да червивые сухари.

Приключения — вещь хорошая, Джим, для того, кто их любит; я же, оглядываясь теперь назад, вижу, что был рожден для мирной, спокойной жизни, а не для суровых испытаний. Тем большее восхищение вызывал у меня Ник. Он получил утонченное воспитание, всегда имел все, что только можно купить за деньги, и тем не менее сразу почувствовал себя на море как рыба в воде.

Мне мало что запомнилось из этого моего первого путешествия. Бриг назывался «Милость господня»; это был голландский контрабандист, шедший из Гааги с грузом цветочных луковиц на палубе (голландские тюльпаны как раз вошли в моду в Англии) и с какими-то бочонками в трюме.

Обращались с нами на бриге любезно, как и положено с платными пассажирами. Постепенно мой желудок перестал бунтовать, и я свыкся с качкой гораздо быстрее, чем ожидал сам. Вскоре я уже с удовольствием стоял на носу, слушая пение ветра в вантах и провожая взором бегущие вдаль зеленые валы. Я забывал о своем положении, в то время мне еще не было и девятнадцати, и будущее рисовалось мне в радужном свете.

Мы достигли Фалмута без происшествий. Однако здесь Ник предупредил меня, что нам придется оставаться на борту, пока к судну, на котором мы поплывем через океан, пойдет плашкоут. Шлюпка доставит нас на этот плашкоут, и наше путешествие начнется всерьез.

...Это произошло два дня спустя.

Мы стояли на якоре довольно близко от берега, и я увидел толпу людей, спускавшихся к пристани между двумя шеренгами солдат морской пехоты в красных мундирах. Я одолжил подзорную трубу и стал рассматривать эту группу, которая тем временем начала грузиться на плоскодонное суденышко. Вскоре я понял, что это каторжники, скованные вместе по четыре. Плашкоут взял курс на корабль, стоящий у самого горизонта, милях в шести-семи от берега.

Я все еще следил за этой необычной сценой, когда Ник тронул меня за локоть. Он стоял в новом плаще, держа в руке саквояж.

— Пошевеливайся, Бен! — сказал он. — Вот и наш транспорт.

Мы спустились в шлюпку и подошли к плашкоуту, который в это время достиг уже середины пролива. Сидевший на корме сержант вежливо поздоровался с Ником и сухо кивнул в ответ на мое приветствие.

Всего на плашкоуте плыло десятка четыре ссыльных; и только один, сидевший вблизи меня, не был подавлен своим положением. Он устремил зоркие зеленые глаза на горизонт, и было в его лице нечто такое, что я подумал — этот оставляет Англию без всякого сожаления. Остальные жадно всматривались в родную землю.

Время от времени, когда внимание сержанта отвлекалось разговором с Ником, каторжник устремлял на охранника взгляд, полный холодной ненависти. Я содрогнулся бы от такого взгляда, хотя ноги и руки каторжника были надежно закованы в кандалы.

Около полудня мы подошли достаточно близко к кораблю, чтобы прочитать его название, написанное большими буквами на корме. Он смахивал на фрегат четвертого-пятого ранга, но и в то же время от него отличался: на корме и на носу было необычно много надстроек. Удивило меня и то, что девять из десяти пушечных портиков забиты. Это не был обычный тюремный транспорт — перевозкой ссыльных занимался предназначенный для этого корабль «Неистовый». Многочисленные надстройки и забитые пушечные портики лишали «Моржа» всех качеств военного корабля.

Было что-то зловещее в этом судне, сочетавшем в себе признаки фрегата, «купца» и плавучей тюрьмы. Я ступил на его палубу с предчувствием чего-то недоброго, чему и сам не мог найти названия. Словно здесь притаилась сама смерть, и всем, кто находился на борту — капитану, команде, солдатам, каторжникам, никогда не суждено было больше увидеть сушу. Возможно, Ник тоже ощутил нечто подобное. Когда он полез через бульверк и я протянул руку, чтобы взять саквояж, я коснулся его ладони — она была влажная и холодная. Вдруг он поежился, и его глаза точно сказали: «Ну что ж, Бен, кажется, дело начинается всерьез!»

Нас встретил капитан, степенный пожилой человек в синем мундире без эполетов. Он деловито обратился к Нику:

— Мистер Аллардайс, если не ошибаюсь?

Ник улыбнулся и кивнул, а капитан продолжал:

— Вы с вашим слугой поместитесь в средней части корабля, рядом с солдатами. Когда пробьет шесть склянок, я распоряжусь, чтобы фалмутские пассажиры были выстроены для осмотра. Мы уже двоих зашили в брезенты, мистер Аллардайс. Надеюсь, что теперь, когда вы присоединились к нам, у нас больше не будет больных до самого Порт-Ройяла.

— Это зависит, — ответил Ник учтиво, — от их нынешнего состояния, сэр.

Капитан выразительно взглянул на него, но ничего больше не стал говорить. Минут десять спустя, пытаясь разместить наши вещи в отведенной нам тесной клетушке позади грот-мачты, я почувствовал, как «Морж» накренился и заскользил по волнам. Выглянув в открытую дверь, я увидел расправляющиеся на ветру паруса. По вантам и реям, словно обезьяны, сновали матросы.

Ник обратился ко мне:

— Раньше это был сорокавосьмипушечный фрегат, Бен. Рассчитан на команду в сто десять человек. Угадай, сколько теперь людей на борту?

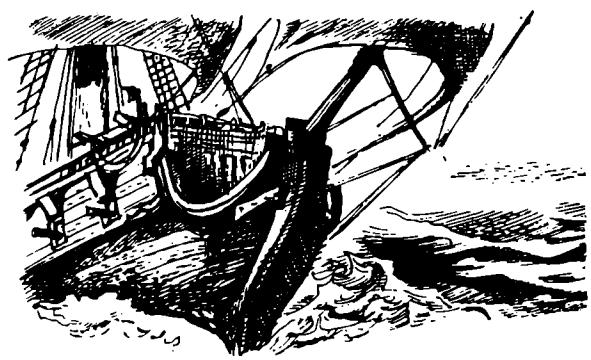
Я ответил, что не имею ни малейшего представления и не понимаю, как он может это знать, едва ступив на борт.

— Человек всегда должен стремиться знать, что происходит вокруг него, — ответил Ник, озабоченно потирая свой длинный подбородок. — Я беседовал с нашим спутником, сержантом морской пехоты Хокстоном. Команда насчитывает шестьдесят человек, а этого совершенно недостаточно. Далее, на корабле находится два десятка солдат под командой двух офицеров. А под палубой, там где раньше из портиков скалились пушки, закованы в цепи двести сорок человек, Бен, — слишком много, сдается мне, чтобы можно было устроить для них моцион на палубе, даже если разбить их на группы!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

...Стоит подробнее рассказать о судне, которому суждено было сыграть такую большую роль в дальнейших событиях.

Это был фрегат водоизмещением всего в триста тонн, маневренный и быстроходный. В свое время «Морж» мог, вероятно, обойти большинство судов той же оснастки, но переоборудование из военного корабля в транспорт ухудшило его остойчивость, он сильно кренился на волне и уваливался при встречном ветре — очевидно, из-за нагромождения шатких надстроек.



Мне еще предстояло хорошо узнать этот корабль и его повадки, Джим. Я уже говорил, что быстро почувствовал себя на море, как прирожденный моряк, — вероятно, потому, что был крепок и вынослив, хотя и маловат ростом, и еще потому, что от моего родного дома было рукой подать до пролива.

Мне сразу пришлись по сердцу лихие обводы «Моржа», его стройные мачты и послушание рулю в неожиданный шквал, и потому, что я полюбил судно, мне было жаль его, обреченного ежегодно мотаться через океан с грузом несчастных узников, вместо того чтобы меткими залпами гнать французов и испанцев с морских просторов в порты, заделывать пробоины.

«Морж» был двухдечный корабль; нижнюю, пушечную палубу превратили в плавучую тюрьму для каторжников.

Командир корабля, капитан Айртон, был моряк лет пятидесяти, высокий и сухощавый, весь в шрамах. Он взялся перевозить каторжников лишь потому, что состояния не имел, а пенсии на жизнь не хватало.

Должность помощника капитана занимал лейтенант Окрайт, совсем еще юноша; однорукий боцман, старый морской волк, опекал его, словно бабушка любимого внучка. Охраной командовали два хлыща, совершенно не подходившие к должности офицера; они направлялись к месту своей службы в Вест-Индии. Собственно, все их обязанности выполнял сержант Хокстон — тот самый служака с бычьей шеей, который доставил нас на борт, — и он очень скоро снискал всеобщую ненависть на корабле не только у каторжников, с которыми обращался самым варварским образом, но и у команды и солдат.

Списанный с флота фрегат не самое подходящее судно для перевозки каторжников. Но в том году в портах западного побережья сильно возросла преступность; после заключения мира последовало несколько неурожаев, а неурожаи повлекли за собой возмущения, и весенние судебные сессии в Уинчестере, Дорчестере, Эксетере и Тонтоне приговорили к высылке шестьсот сорок мужчин, женщин и детей.

Мало кто из них, даже осужденные на короткие сроки, мог надеяться когда-либо вновь увидеть родные места. Война заметно сократила приток черных рабов, и безжалостные надсмотрщики-метисы заставляли белых невольников работать до изнеможения.

Даже английские власти были смущены последним отчетом с «Неистового»: около сотни каторжников отдали богу душу в пути, еще тридцать человек скончались вскоре по прибытии на место. Мертвый невольник плантатору ни к чему, да и немощный тоже. Из Порт-Ройяла посыпались жалобы, и власти постановили, чтобы очередную партию каторжников сопровождал судовой врач.

Все это я узнал, понятно, гораздо позже, когда жизнь свела меня с беглыми каторжниками и рабами из Вест-Индии. В то время там часто встречались мужчины и парни, которым нечего было продать, кроме собственных рук, и которые шли в кабалу на плантации за скудное вознаграждение, стол и жилье.

Карибские пираты пополняли свои ряды почти исключительно за счет беглых каторжников и рабов, а также насильно завербованных моряков. Последние, попав в плен к пиратам, предпочитали примкнуть к победителям и променять солонину и линек на буйную жизнь в тени виселицы. Видя, как судовладельцы и офицеры обращаются с моряками, я только удивлялся, что они все не перебегают к пиратам. Если вы относитесь к человеку, как к тупому, злобному животному, Джим, он скорее всего таким и станет и вцепится в вас зубами, едва вы зазеваетесь.

...Я затрудняюсь даже описать вам, что делалось на пушечной палубе, где были собраны люди, которым предстояло стать грозой морей под главенством этого архидьявола Флинта.

Прежде всего вас поражало зловоние: около двухсот пятидесяти человек, скованных по четыре, занимали пространство, в котором могло разместиться от силы полсотни подвесных коек. А пушечные портики, как я уже говорил, были забиты, и воздух проходил только через два зарешеченных отверстия — одно у носа, другое у кормы, — если не считать люки, отпираемые дважды в день для раздачи пищи.

До того, как очутиться на «Морже», эти люди не один день провели в застенках, умирая с голоду, и к нам попали только самые выносливые, уцелевшие от страшных эпидемий, подобно ангелу смерти опустошавших тюрьмы между судебными сессиями.

Всякие люди собрались здесь: молодые деревенские парни и престарелые, седые бедняки, рослые верзилы с огромными кулачищами и жалкие калеки, жертвы законов против бродяжничества. И всех их объединяло мрачное отчаяние, из-за которого вольному человеку было опасно приближаться к ним иначе, как в сопровождении вооруженных до зубов солдат.

В тот день, когда трое каторжников скончались и были зашиты в брезент для похорон на морском кладбище, Ник попытался убедить капитана регулярно выпускать узников на палубу, что-

бы они прогулялись и ополоснулись морской водой. Он объяснял, что ежедневное пребывание на морском воздухе и относительная чистота тела помогут предотвратить эпидемию, способную за неделю скосить две трети каторжников. Но капитан и слышать не хотел о массовых прогулках. Он отвечает за безопасность на корабле. Людей у него в обрез, и он не может выделить никого в помощь малочисленной охране. Двадцать два человека на двести сорок негодяев!

Ник заметно помрачнел после этого разговора. Он все чаще прописывал своим подопечным больничный рацион и прогулки у люка, чем изрядно обозлил солдат, которые должны были час за часом стоять в карауле, вместо того чтобы отдыхать между вахтами.

Однажды вечером, когда люки задраили после очередного обхода, Ник, опираясь на борт и глядя, как заходящее солнце превращает море в чашу с червонным золотом, облегчил передо мной свою душу.

— Бен, — сказал он. — Я скорее за них, чем против! Если бы они вырвались наверх и пошвыряли за борт всех людей короля, я стоял бы рядом и размахивал шляпой, приветствуя это справедливое дело!

От таких слов у меня по спине побежали мурашки — это говорил человек, получивший хорошее воспитание и сам занимавший на борту должность офицера!

Ник продолжал:

— Есть там, внизу, один человек, способный на это, человек, которого ни угрозы, ни голод не заставят плыть по течению. Этот человек не будет невольником, Бен. Он уже испытал эту долю и вырвался на свободу, и сделает это снова.

Ник выпрямился и сплюнул в море.

— Будь прокляты те, кто способен гнать за море своих собратьев, словно скот на продажу! — выпалил он. — Это Кастеры и им подобные толкают людей на беззаконные дела, а кто раз провинился, у того уже нет никаких надежд снова стать человеком! Ты понимаешь, как это действует на людей, Бен? Их сердца превращаются в сгустки ненависти!

Я знал человека, о котором он говорил, — это был Пью. И вам тоже довелось его узнать, Джим, только он был лет на двадцать моложе, когда я впервые столкнулся с ним.

Он был прикован к главной цепи, тянувшейся во всю длину пушечной палубы, вместе с тремя другими узниками, такими же головорезами, как сам Пью. Первым слева от него сидел могучий детина лет двадцати, у которого

руки были как дышла, а буйный взор с трудом пробивался сквозь заросль темных волос и бакенбард. Звали его Андерсон, уже тогда он прославился неукротимым, вспыльчивым нравом.

Дальше следовал Черный Пес, щуплый рябой юноша, проходя ученичество у замочных дел мастера, он проявил повышенный интерес к чужим замкам. Свое прозвище он получил благодаря длинным черным волосам, которые оттеняли его бледное лицо и придавали ему сходство со спаниелем. Черный Пес с самого начала подпал под влияние Пью и все те годы, что я их знал, оставался его подручным.

Последний из четверки, сидевший у самой переборки, был тоже

ваш старый знакомый — не кто иной, как Израэль Хендс. До тех пор он еще ни разу не встречался с остальными тремя, которые попали на судно из одной тюрьмы. Угрюмый от природы, Израэль держался особняком и все время усердно обрабатывал какую-то поделку из кости, неустанно шлифуя ее о звенья своей цепи. Я решил тогда, что он трудится над моделью парусника, намереваясь продать ее за несколько пенсов по прибытии на место. Позже оказалось, что Хендс ухитрился из столь необычного материала изготовить короткий, но страшный нож. Я говорю об этом потому, что оружие, изготовленное Хендсом во мраке под палубой, сыграло немалую роль в нашей судьбе.

Здесь уместно, пожалуй, рассказать вам несколько больше об этом милом квартете, ставшем ядром дьявольской шайки, с которой мне пришлось плавать в последующие годы.

Пью — признанный главарь четверки до появления Джона Сильвера — начинал свою жизнь мальчиком на побегушках в Дептфорде; я слышал от него, что он не знал ни отца, ни матери. Может быть, это было к лучшему, потому что они скорее всего кончили свою жизнь на виселице. Юношей Пью попал в море, в первые годы Испанской войны был капером. Подобно большинству приватиров, он быстро разобрался, что выгоднее — иначе говоря, предпочел каперству открытое пиратство и стал грабить подряд все суда, независимо от национальности.

В отличие от Сильвера Пью никогда не связывался с работорговлей, а продолжал пиратствовать у берегов Аравии, пока военные корабли не очистили Персидский залив; тогда он вернулся на родину и стал контрабандистом. На берегу близ Фоуи в схватке с таможенной полицией Пью был ранен; приятели скрылись в ночном мраке, а его взяли. Его ожидала виселица, только молодость и могучее сложение спасли ему жизнь: раб Пью представлял для правительства большую ценность, чем труп на виселице на перекрестке корнуоллских дорог...

Туповатый Джоб Андерсон был портовым грузчиком; его схватили в той же стычке. Он родился в Бристоле и еще в юности столкнулся с контрабандистами. Подобно большинству этих людей, Джоб любил выпить; глотнув вина, он превращался в льва, а трезвый был послушен, как ягненок.

Израэль Хендс, которому тогда было около тридцати, успел уже стать прожженным негодяем. Он плавал с самым пресловутым из всех пиратов, знаменитым Эдвардом Тичем, более известным под кличкой Черная Борода. Незадолго до моей встречи с Хендсом кровавой карьере Тича положил конец сметливый лейтенант из колоний, молодой парень по фамилии Мэйнард.

Израэль Хендс был у Тича пушкарем и спасся только благодаря тому, что находился на берегу на излечении после одной из милых забав своего капитана. Черная Борода любил подшутить: в разгар веселой пирушки в каюте он вносил еще большее оживление, незаметно опуская под стол пистолеты и посылая наугад пули в ноги своим собутыльникам. Дня за два, за три до встречи с кораблем Мэйнарда у капитана как раз проходила очередная попойка, и Израэль Хендс, сидевший напротив Черной Бороды, получил пулю в колено; с тех пор и до конца своих дней он всегда прихрамывал.

После гибели Тича Израэль бежал в Нью-Провиденс, островную республику пиратов, и плавал со многими капитанами, в том числе с Инглендом, Девисом и Стид-Беннетом.

Израэль явно родился под счастливой звездой. Ингленда высадили на остров, Стид-Беннет был пойман и повешен, но пушкарь каким-то образом вышел сухим из всех переделок и вернулся в Бристоль, намереваясь зажить в довольстве на свою долю в пиратской добыче.

Однако ром погубил Хендса, как губил других его приятелей, и уже через полгода ему пришлось заняться мелким воровством, чтобы добыть средства к существованию. Летом он участвовал в ограблении таможенного склада в Уотчете и в итоге оказался в кандалах рядом с Пью.

Ну вот, Джим, это, собственно, все. Должен сказать, что, на мой взгляд, этой четверке еще повезло, потому что уже к двадцати годам они были самым подходящим украшением для виселицы. Что поделаешь, так повелось — люди, которых толкает на преступление нужда, рассчитываются сполна и отправляются на тот свет, а негодяи вроде Пью и Хендса благополучно здравствуют и бесчинствуют до глубоких седин.

А теперь расскажу, как мы в этом злополучном плавании столкнулись с самым прожженным изо всех них.

Как я уже говорил, в безветренный вечер мы с Ником стояли, беседуя, возле носового люка. Вдруг у самого горизонта с левого борта вспыхнуло яркое пламя. Впередсмотрящий поднял тревогу, и капитан вышел на палубу узнать, что случилось.

Сначала мы подумали, что там горит корабль, но минуту или две спустя пламя превратилось в красную точку, а затем и вовсе исчезло. Мы решили, что это был сигнал бедствия. Капитан Айртон тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Последующие события показали, что лучше бы капитан проявлял человеколюбие на своем судне.

Мы внимательно наблюдали за горизонтом, но новых сигналов не последовало. Должно быть, потерпевшие крушение, заметив огни «Моржа», подожгли свой парус в последней отчаянной попытке привлечь наше внимание.

Мы подошли к ним только под утро. Розовое сияние зари осветило безбрежный океанский простор и на нем — одиноко дрейфующий баркас.

Ник вооружился подзорной трубой, потом передал ее мне. Я увидел рослого, широкоплечего человека. Он был одет в костюм из доброго сукна, отделанная позументом шляпа оставляла открытым высокий чистый лоб. Он улыбался во весь рот, зато его товарищ, коренастый моряк с почерневшим от солнечных лучей лицом, лежал при последнем издыхании плашмя на банках.

— Вы подниметесь сами, или

вам надо помочь? — крикнул капитан Айртон.

Человек в шляпе лихо отдал ему честь и звонко ответил:

— Я поднимусь к вам мигом, сэр, но за Томом придется спустить люльку: бедняга чуть жив!

Здоровяк поднялся по трапу и ступил на палубу, приветствуя капитана почтительным жестом и широкой, до ушей, улыбкой, от которой его кроткие голубые глаза вспыхнули мальчишеским задором.

— Докладывает капитан Сильвер, сэр, — заговорил он приятным и вежливым голосом, — бывший шкипер и совладелец барка «Розалия» — невольничьего судна, вышедшего из Гвинеи двадцать девять дней тому назад! Господь благослови вас, сэр, мой добрый плотник и я не забудем, что вы спасли нам жизнь, во всяком случае, мне, так как боюсь, что бедняге Тому уже ничто не поможет.

Айртон спросил, сколько дней они пробыли в лодке.

— Двадцать три, — последовал ответ. — От всей команды осталось только четверо после того, как на корабле вспыхнул пожар, спустя неделю после отплытия!

— Что же случилось с остальными двумя? — осведомился капитан.

— Отдали концы, сэр, как честные моряки, служившие своему капитану до последнего вздоха, — отчеканил Сильвер. — А теперь, сэр, я ваш слуга на всю жизнь, прошу извинить меня, только дайте мне добрую кружку холодной воды. Отныне я пью одну воду, сэр. Скорее умру, чем разбавлю ее чем-нибудь!

Пока они беседовали, два моряка спустились в баркас и положили бесчувственного плотника в люльку. Затем его подняли на борт и отнесли в каюту.

В тот день и последующую ночь я больше не видел спасенных. С ними обращались хорошо, и Ник, которого вызвали осмотреть плотника, сообщил мне, что он встанет на ноги через день-два, а Сильвер пребывает в полном здравии, словно не было никакого бедствия.

— Уж если кого называть удачником, то именно этого работорговца, — сказал Ник. — Чтобы такое вынести, нужно иметь сложение и запас сил, как у хорошего быка.

Продолжение следует

Сокращенный перевод
с английского Л. ЖДАНОВА

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Роман

ГЛАВА ПЯТАЯ

Всяких людей можно встретить на море, Джим. За двадцать лет скитаний я повидал и хороших и плохих, но Сильвер ни в какие мерки не ложился.

Угадать, что у него на уме, было просто невозможно, и никто, даже сам Флинт, не мог чувствовать себя в безопасности рядом с ним. Иногда вы приходили к окончательному и бесповоротному убеждению, что он последний мерзавец, негодяй от клотика до киля, но в следующий миг он хлопал вас по плечу и вел себя так, что вы спрашивали себя — уж не возводите ли вы напраслину на лучшего товарища, какого только можно себе представить?

Люди вроде Флинта, Билли Бонса или Хендса были перед ним милыми детками. Назовите их головорезами, свирепыми, как разъяренный бык, но Сильвер, тот вообще был не человек, а помесь дьявола, башибузука, рубахи-парня и горничной.

В отличие от Пью или, скажем, Черного Пса Джон рос не оборванцем. Отец его, как я слышал, держал постоялый двор в Топшеме и сколотил достаточно денег, чтобы дать сыну хорошее образование. Да только Сильвер-младший оказался слишком твердым орешком для школьных учителей. Обломав об одного из них палки, предназначенные для его же воспитания, Джон бежал и завербовался на каботажное судно.

Вскоре он стал уже плавать в дальние рейсы, не раз ходил в Левант. Одно из плаваний едва не кончилось печально для Джона. Вместе со всей командой он попал в плен к алжирским пиратам; да только Окорок оказался слишком скользким, чтобы эти нехристи смогли удержать его. Однажды ночью он прокрался на полуют и выбросил капитана за борт, после чего расправился с вахтенными, освободил белых пленников и привел пиратскую галеру в Геную с богатой добычей.

Набив карман, Джон Сильвер приобрел пай в одной из Восточных компаний и со временем сделался бы преуспевающим дельцом, если бы его судно, «Кентскую Деву», не захватили пираты. С ними он очутился в лагере капитана Ингленда на Мадагаскаре.

В те времена Мадагаскар был пиратским раем, и Джон очень скоро стал своего рода главнокомандующим всей северной части этого кровавого острова.

Когда на корабле Ингленда вспыхнул бунт и капитана высадили на острове Св. Маврикия, Сильвер остался с ним. Вместе они затеяли работорговое предприятие, которое привело их в Карибское море. Здесь их пути разошлись. Джон всерьез занялся работорговлей, подрядившись поставлять невольников на плантации Нового Света и дважды удачно сбыл живой груз, а на третий раз его постигло худшее, что только может случиться на корабле, — пожар в открытом море.

Сам он, как всегда, ухитрился спасти свою шкуру, и он не обманул капитана, сообщив, что, кроме него, спаслось еще трое. Но Сильвер сказал капитану не все. Об этом я узнал потом от Тома Моргана, того самого плотника, которого подняли скорее мертвого, чем живого, на борт «Моржа».

Он видел собственными глазами, как Сильвер убил ножом белого и вышвырнул за борт негра. Смертельный страх перед Сильвером остался у Тома на всю жизнь, и не без основания: он считал, что быть бы и ему за бортом, не подбери мы их вовремя. Он был на редкость догадлив, этот Том Морган.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Говорят, если ты выудил человека из воды и спас его от гибели, то будешь связан с ним на всю жизнь, Джим. Что-то в этом роде произошло и теперь. В несколько часов Сильвер сделался на корабле своим человеком. Молодой помощник капитана поместил его у себя в каюте, а столовался Джон вместе с самим капитаном и офицерами охраны.

Продолжение. Начало в № 1.

Долгое плавание нагоняет скуку, а в Сильвере они нашли приятного собеседника: когда Джон был в ударе, слушатели забывали обо всем на свете.

Большинство матросов быстро привыкли называть Сильвера его корабельным прозвищем — Окорок. Обходительность Джона и щедрость, с которой он раздавал серебро из позвякивающего парусинового мешка, спасенного от пожара, быстро сделали его всеобщим любимцем.

Как ни странно, изо всех только Ник не поддался тогда его чарам.

— Не пойму я что-то этого Сильвера, — сказал он мне однажды. — Каждый раз, когда мне встречаются этакие краснобаи, я настораживаюсь. Откуда вдруг такое благочестие у работорговца?

В самом деле, получив однажды разрешение присутствовать при осмотре каторжников, Сильвер деловито семенил между рядами кандальников и извергал из себя потоки благочестивых речей, которые сделали бы честь любому расстриге.

— И еще, — продолжал Ник. — Когда мы были внизу, я слышал, как один из ссыльных назвал его Окороком. Откуда эти люди могут знать кличку Сильвера?

В тот же вечер мы приблизились к разгадке этой тайны.

Вскоре после захода солнца в нашу каюту просунулась голова Сильвера.

— Прошу извинить меня, мистер врач, — произнес он с обычной почтительностью. — Капитан Айртон был так любезен, что разрешил мне спуститься вниз к этим бедолагам и раздать им немного табачку!

Я немало удивился, но Ник и глазом не моргнул.

— Без охраны? — спросил он с расстановкой. — И вам не страшно, мистер Сильвер, появляться одному среди этих людей?

— Нет, сэр, нисколько, — ответил Сильвер невозмутимо. — Да и чего мне страшиться? Когда небесный кормчий соблаговолил направить мой челн прямо к вашему судну, он сделал это не для того, чтобы я был растерзан шайкой кандальников! Я убежден, что он уготовил мне более достойную сульбу, сэр!

Ник громко расхохотался.

— Ладно, мистер Сильвер, — сказал он самым любезным тоном. — Я уже спускался сегодня в трюм и ничуть не жажду сделать это еще раз. Вот ключ от люка.

Мы прошли вдвоем на нос. Вахтенные удивились, что мы идем без солдат, но Сильвер не колеблясь нырнул в темное отверстие люка. Я последовал за ним.

Рисунки **УИЛЬЯМА СТОБСА**

Едва мы очутились одни, как он доверительно обратился ко мне:

— Бен, дружище, мне кажется, я могу сказать тебе правду и положиться на тебя. Понимаешь, сердце мое обливается кровью, когда я вижу, что с человеческими созданиями обращаются как со скотом. Поэтому я собрал в ведерке кое-что из еды, чтобы отдать самым достойным среди этих несчастных. Ты поднимись быстренько по трапу и пройди к каюте. В ней никого нет, по-

мощник на вахте, а ведерко стоит сразу за дверью.

На то, чтобы забрать ведерко и вернуться, у меня ушло минут пять или десять, но, когда я достиг конца трапа, из темноты протянулась рука и затащила меня за переборку. Голос Ника прошептал мне на ухо, чтобы я не двигался с места. Очевидно, Ник шел за нами до носового люка, а потом подождал, когда я пройду на корму, и спустился по трапу.

В колеблющемся свете фонаря я увидел Сильвера. Он шептался о чем-то с Пью, и Хендс тоже пододвинулся к ним, насколько позволяла цепь. Мы с Ником напрягали слух до предела, но смогли уловить только два слова: «Флинт» и «Порт-Ройял».

Наконец Сильвер выпрямился и крикнул:

— Бен, ты здесь?

Ник живо поднялся вверх по трапу, успев сказать, чтобы я сразу же привел Сильвера к нему.

Я прошел к Джону и подал ему ведерко, которое затем перешло в руки Пью.

Сильвер громко произнес:

— Ну вот, поделите это с соседями, а завтра получите еще — для тех, кто этого заслуживает.

— Господь да благословит вас, мистер Сильвер, — отозвался Черный Пес. — Никто из нас никогда не забудет вашу доброту — верно, парни?

Послышалось одобрительное бормотание, однако что-то подсказывало мне, что все это говорится для меня, а не для Сильвера.

Как только мы поднялись и заперли люк, я сказал Сильверу, что Ник ждет его. Он сразу же подчинился. Ник сидел на своем рундуке и попыхивал сигарой.

— Сильвер, — начал он резким тоном, едва я прикрыл дверь. — Вы сами расскажете, какое дело задумали, или мне обратиться к капитану?

Надо было в эту минуту видеть лицо Сильвера. Выражения сменялись одно за другим, пока не застыла на лице смесь грусти и печального удивления.

— Добро, мистер врач, — вымолвил он наконец. — Чувствую, что вы раскусили меня, и поделом — не пытайся провести такого образованного джентльмена, как вы!

— Ладно, ладно, — ответил Ник со смехом в голосе. — Итак, сколько человек вы отобрали для себя?

Сильвер не спеша сел; он успел полностью овладеть собой.

— Лучше говорить все как есть, раз вы меня обошли. Могу только добавить, что вы не проиграете, если поладите со мной, мистер Аллардайс. Дело обстоит несколько сложнее, чем вы думаете. Двое из тех, что гниют там внизу в кандалах, мои старые корабельные товарищи. А я не такой человек, чтобы отвернуться от друзей, застрявших на подветренном берегу, вот какое дело, мистер врач!

— Которые двое?

— Габриэл Пью и Израэль Хендс, — ответил Сильвер без запинки. — Я плавал с ними обоими — с первым на борту «Королевской удачи», со вторым года два назад, когда было покончено с Эдом Тичем, и Хендс явился без гроша в кармане на Нью-Провиденс!

— Насколько мне известно, — ухмыльнулся Ник, — «Королевская удача» была пиратским судном, а Нью-Провиденс — заповедным краем пиратов, где они могли сбывать добычу, не опасаясь нескромных вопросов?!

Сильвер даже не сморгнул.

— Совершенно верно, — сказал он. — Как и то, что у вас острый глаз и хорошая память. Да только вы, похоже, никогда не слыхали о королевской амнистии, которой я воспользовался вместе с большинством членов Берегового братства.

С этими словами он достал из кармана и бросил на стол грязный свиток пергамента.

Свиток был испещрен буквами, написанными рукой какого-то законника; внизу красовалась большая красная печать, потрескавшаяся и обломанная по краям, но сохранившая рисунок королевского герба.

Ник внимательно изучил пергамент, и раз уж я взялся поведать вам все, что знаю о золотой поре карибских флибустьеров, стоит, пожалуй, рассказать поподробнее об «индульгенции Вудса-Роджерса».

Капитан Вудс-Роджерс стал губернатором нескольких островов Карибского моря лет за сорок до событий, о которых я вам говорю. Ему удалось склонить английского короля на то, чтобы объявить полную амнистию всем, кто бросит разбойный промысел и вместо этого займется колонизацией заморских земель, став честным плантатором или торговцем. Пиратам разрешалось сохранить все добытое • имущество: корабли, золото, серебро, драгоценности...

Большинство членов Берегового братства воспользовалось прощением, и в той части света пиратство прекратилось на много лет. Конечно, как только Вудс-Роджерс умер, все началось сначала. Время от времени губернаторы Ямайки и других владений объявляли новые амнистии, но все они назывались по имени первого человека, которому эта мысль пришла в голову.

— Слыхал я об «индульгенциях», но вижу впервые! — сказал Ник. — Однако мне непонятно: если амнистия объявлена для всех, почему ваши приятели до сих пор в кандалах?

— Находятся люди, — произнес Сильвер назидательно, — которым недостает ума воспользоваться милостью Его Величества и начать новую жизнь. А вот я, сами видите, распростился с прошлым и занялся честным промыслом, как записано на этом клочке бумаги.

— А капитану Айртону известно об этом? — спросил Ник.

— Нет, сэр, — отчеканил Сильвер. — Я решил, что ему это незачем. И давайте договоримся сей же час, что все будет шито-крыто. Там внизу сидят двое добрых моряков, которые пригодятся мне, когда я обзаведусь кораблем.

— Но ведь вы можете просто купить их, — заметил Ник.

— Нет, сэр, не могу, — возразил Джон. — Шкипер сказал, что все каторжники на корабле уже расписаны по плантаторам Северной и Южной Каролины.

— Что же вы намерены сделать? — спросил Ник.

— Помочь им сняться с якоря, когда мы зайдем за провиантом в Порт-Ройял, — ответил Сильвер прямо. — Они мне нужны, и я добьюсь своего — это мой долг перед друзьями!

— Вы, видно, очень доверчивый человек, что делитесь со мной своими планами, — медленно произнес Ник.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь. — Сильвер осклабился. — Вы извините меня, но мне сдается, что с вами можно поладить. Двадцать гиней за молчание!

Ник расхохотался.

— А если я пообещаю вам молчать совершенно бесплатно? — предложил он.

Глаза Сильвера сузились.

— Одно из двух, мистер Аллардайс. Либо вы на редкость великодушный джентльмен, либо знаете сами, почем фунт лиха! Итак, по рукам, сэр?

— Только эти двое? — спросил Ник.

— Только двое, провалиться мне на этом месте! — воскликнул Сильвер.

Отсюда все и началось: у меня на глазах Ник Аллардайс, сын приходского священника, и Джон Сильвер, пират и работорговец, ударили по рукам и стали, так сказать, птицами одного полета... После той ночи они с Сильвером редко разлучались.

...Но вот настал долгожданный день, когда мы услышали крик впередсмотрящего:

— Земля!

Мы подошли к первому из множества островов, протянувшихся вдоль горизонта, словно изумруды по краю огромной синей чаши. А вслед за тем показался ослепительно-белый Порт-Ройял, и мы бросили якорь на рейде, окруженные кораблями всех размеров и всех наций.

Плоскодонные лодки с командой из чернокожих негров или бронзоволицых метисов, а в лодках целые горы дынь, апельсинов, гранатов, при виде которых текут слюнки... В обширном полукруге залива огромные корабли под английским, французским, голландским или испанским флагом, с зарифленными парусами... Шхуны, люгеры, шнявы, барки, бриги, ялики... Неиссякаемый поток людей, перекликающихся на дюжине различных языков. А краски, Джим! Ярко-красные мундиры морской пехоты, золотистый песок за полосой прибоя, слепящая глаз белизна правительственных зданий вдоль пристани, серебряные блики на оружии часовых на крепостном валу и на металлических пуговицах нарядно одетых мужчин. Добавьте к этому огненно-красные и желтые юбки мулаток с корзинами на голове. А в громоздящемся за набережной городе, дома которого точно расталкивали друг друга, спеша спуститься к прохладному берегу, — дьявольский разгул...

Но подлинное лицо города открылось мне лишь потом, а в то утро я переживал, быть может, самые счастливые часы моей грешной жизни.

Сильвер был моим первым проводником по городу. Он был в ударе, весь излучал дружелюбие и охотно рассказывал обо всем, что нам попадалось навстречу. Так мы бродили час или два; вдруг откуда-то вынырнул рослый негр и сунул Сильверу клочок бумаги, а сам замер на месте, словно ожидая ответа.

Сильвер прочел записку, прищурился, затем хлопнул меня по плечу и попросил обождать его на молу, около которого стоял наш корабль.

— У меня срочное дело, — объяснил он торопливо. — Речь идет о судне, которое я могу приобрести очень дешево, только надо не мешкать.

Он пересек набережную и исчез в кабачке, меньше чем в кабельтове от того места, где его остановил негр. Вряд ли я стал бы задумываться о случившемся, если бы не заметил, как Сильвер на секунду замер у входа в кабачок и воровато осмотрелся по сторонам. Он был весь какой-то подобравшийся и напряженный, точно охотничий пес перед норой.

Странное поведение Джона заставило меня насторожиться. Я сказал себе, что в этой записке речь шла скорее о двух висельниках с пушечной палубы «Моржа», чем о будущем судне господина Сильвера. Иначе зачем бы ему проверять, что никто из нашей команды не видит, как он идет заключать сделку?

И я решил последить за Сильвером — выждал минуту-другую, потом направился к улице Форт-Кос, чтобы подойти к кабачку с другой стороны.

Совершив обходной маневр, я очутился возле нагретой солнцем задней стены кабака. Между грубо обтесанными бревнами зияли широкие щели, в которые могла бы пролезть крыса. Людей с этой стороны было немного, и я уселся подле стены, время от времени заглядывая в щель. Я не боялся вызвать подозрений — здесь на каждом шагу сидели бездельники.

Не могу сказать, чтобы увиденное и услышанное в тот раз подтвердило мои догадки.

Сильвер сидел за столиком у дальней стены, и вместе с ним еще двое, моряки с виду. Такой зловещей парочки мне никогда не приходилось встречать. Зная кое-что о прошлом Сильвера, я без труда догадался, что это флибустьеры, и притом главари, судя по одеянию одного из них.

Именно он в первую очередь привлек мое внимание. Бросались в глаза его могучее сложение и высокий рост; широкие плечи и узкие бедра обличали человека, умеющего не только нанести мощный удар, но и ловко уйти от ответного выпада. На нем был выгоревший красный камзол, вроде тех, что носят кавалеристы, и поношенные, но еще прочные флотские сапоги, плотно облегающие икры. Поверх шелкового кушака с длинными кистями он затянул широкий пояс с пряжкой и четырьмя зажимами, в которые были вставлены пистолеты. Голубая батистовая рубаха с открытым воротом потемнела от пота. Завершался весь этот несколько поблекший наряд простым шерстяным колпаком, который плотно облегал череп флибустьера, наводя на мысль, что он лысый и обычно носит парик.

Однако больше всего меня поразила не одежда, а лицо этого человека. Продолговатое, полисьему коварное, оно все было усеяно темными точечками.

Разумеется, он не родился с таким лицом; говорили, что Флинта изуродовало взрывом, который едва не отправил его на тот свет и испещрил порошинками все лицо от лба до шеи.

Мне всегда казалось самым страшным во Флинте не лицо, не голос и даже не жуткое хладнокровие, а его смех. Когда Флинт смеялся, наступал час вспомнить про катехизис и перебрать в памяти все свои прегрешения, потому что смеялся он редко, а если смеялся, то это означало, что кто-то из окружающих может не спеша собираться в путь на тот свет. Смех Флинта был какой-то особенный, утробный, ни один звук не вырывался при этом из его горла, и лицо оставалось совершенно неподвижным, только плечи тряслись.

Второй пират обладал далеко не такой выразительной внешностью, хотя и обращал на себя внимание добротной морской одеждой и чистым бельем. Из-под надвинутой на лоб треуголки торчал большой нос с горбинкой — единственная примечательная черта его широкого обветренного лица. Возраст Флинта невозможно было определить, этот же выглядел лет на сорок; его можно было принять за владельца небольшого морского судна или жемчугопромысловой шхуны. Вообще, казалось, он попал в эту компанию случайно.

Все трое переговаривались вполголоса, и было видно, что речь идет о весьма серьезном деле. Вдруг занавес около них раздвинулся, и вошел еще один человек. Он нес чашу с пуншем, за край которой были зацеплены изогнутыми ручками медные кружки.

Сильвер приветствовал его с большим радушием, дружелюбно похлопав по спине. Я услышал, что он назвал его Дарби. И до чего же этот человек был непохож на троицу за столом: низко-

рослый, кривоногий и горбатый — словом, жалкий калека с бессмысленным выражением глаз, какое бывает у полоумных.

Он вяло улыбнулся в ответ на приветствие Сильвера, но ничего не сказал, только издал какие-то кудахтающие звуки. Позднее я узнал, что он немой. За несколько лет до того он попал в плен к испанским пиратам с острова Тортуга и доставил им развлечение на один вечер, после чего бежал... с отрезанным языком.

Это был Дарби Мак-Гроу, тот самый, к которому я взывал голосом Флинта в день решающей стычки на плече Подзорной Трубы. Дарби принадлежал Флинту душой и телом.

Вы не ошиблись, Джим, если предположили, что второй спутник Флинта, в черной суконной одежде, был Билли Бонс, тот самый старый морской волк, который доставил вам и вашим друзьям столько неприятностей, но зато подарил такое богатство.

Негр, стоявший на страже у входа, был человеком Билли — беглый раб с флоридских плантаций, известный в Порт-Ройяле под кличкой Большой Проспер. Он был беззаветно предан Бонсу, спасшему его от погони, когда беглеца настигали волкодавы. Негр следовал за Бонсом как тень, готовый убить даже самого Флинта по первому знаку Билли.

Это был удивительный человек и непревзойденный боец. Он пользовался необычным оружием — деревянным молотом с железными нашлепками и длинной рукояткой. Своим молотом он орудовал с такой легкостью, словно это была зубочистка, сшибал по три человека разом, а то и больше. Большой Проспер всегда шел во главе абордажников.

Мне не пришлось долго подслушивать: распив пунш, все трое поднялись и прошли следом за Дарби во внутреннюю комнатку за занавесом. Видно, речь пошла о таких делах, которые они предпочитали обсуждать в более укромном месте...

Возвратившись на корабль, я рассказал Нику обо всем случившемся, однако он лишь потрепал меня за ухо и сказал, что Сильвер, конечно, не овечка, но ведь и убийство не лучше (имея в виду нас) — так по какому праву я шпионил за ним?

Я забрался на свою койку и попытался осмыслить виденное и слышанное за этот день. Однако прогулка на берегу после трехмесячного плавания утомила меня больше, чем я думал.

...Очнувшись от сна, я вышел на палубу и увидел, что давно наступил день. В этот момент судовая лебедка подняла полдюжины больших бочек с грузовой баржи и опустила их в кормовой трюм. Стояла ясная солнечная погода, с моря дул освежающий бриз. Я протер глаза, прогоняя остатки сна, и окинул взором залив. Ничто не говорило мне, Джим, что это последнее утро, которое я встречаю как человек с незапятнанной совестью.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Пират поневоле

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большую часть этого дня мы с Ником провели вместе на берегу.

Ник был очень ласков, разговаривал со мной как с братом, убеждал, что мне недолго горевать из-за неприятностей, которые он на меня навлек, наш побег и для меня обернется началом новой жизни, о какой я не мог бы и мечтать в Англии.

Я собрался с духом и задал ему вопрос, который тревожил меня вот уже неделю, если не больше, — каким способом, по его мнению, Долговязый Джон освободит своих друзей, Хендса и Пью. Он ответил мне без околичностей, что Сильвер спрятал напильники в объедках, которые я отнес в трюм, и, наверно, оба уже освободились от кандалов и только ждут удобного случая бежать с корабля. И конечно, Сильвер придумал, как выпустить их из-под палубы; недаром он вызвался быть посредником между квартирмейстером «Моржа» и корабельным поставщиком и так

пристально следил за погрузкой бочек в кормовой трюм. Поэтому Ник и решил сойти на берег. Он предпочитал быть в стороне, если что-нибудь сорвется и Сильвера накроют с поличным.

Ответ Ника успокоил меня, и я не стал больше ломать себе голову: какое нам дело до затеи Сильвера!

Мы вернулись на корабль на закате и узнали, что все припасы получены и через два дня поутру мы отчаливаем. Хендс и Пью все еще находились на борту, и меня это встревожило, но потом я рассудил, что Сильвер скорее всего дожидается темноты, чтобы выпустить их через кормовой трюм и незаметно переправить на берег.

...Проснулся я от страшного вопля. Было еще темно, до рассвета оставалось не меньше двух часов. Ночь выдалась безлунная, и я не видел койки Ника, не знал даже — на месте ли он. На корабле царила дикая сумятица, слышались крики, топот бегущих ног, звон металла и редкие выстрелы.

Наконец я собрался с духом и высек огонь кремнем, который всегда лежал у меня под рукой на полочке. При первой же вспышке я разглядел Ника, он сидел на бочонке у самой двери, бледный как мел. Выражение его лица испугало меня еще больше, чем зловещий шум на палубе.

— Оставайся на своей койке, Бен, — резко произнес Ник. — Выходить наружу сейчас равносильно смерти!

— Что случилось? — выдавил я из себя, стуча зубами.

— Они захватили корабль! — ответил он коротко.

— Каторжники?

— Шайка Сильвера!

Я не представлял себе, как это могло случиться. Корабль стоял всего в четверти мили от берега, под самыми дулами крепостных пушек. Я знал, что капитан и офицеры охраны — на берегу; они гостили в доме губернатора со дня нашего прибытия. Но ведь на корабле всегда оставалось от десяти до пятнадцати вахтенных, не говоря уж о часовых, число которых ввиду близости берега удваивалось после захода солнца. Другими словами, на палубе находилось не менее двух десятков караульных с огнестрельным оружием. Даже если приятели Сильвера освободили половину каторжников, что может сделать сотня безоружных, истощенных бедняг, на которых смотрят сквозь люки ружейные дула?

Только я хотел выглянуть в ветровое окошко, как кто-то забарабанил в дверь нашей клетушки.

— Приготовь нож, Бен, будем отбиваться! — буркнул Ник.

В ту же минуту за дверью раздался голос Сильвера — совсем не такой, каким я привык его слышать до сих пор. В разгар схватки Джон ревел, как разъяренный бык.

— Стой, Том! Костоправ тоже часть нашей добычи! Веди ребят на полуют, и отправьте за борт последних «омаров»!

Люди Тома сразу повиновались, и я услышал, как Ник усмехнулся. Сильвер часто называл его «костоправом» — обычная кличка судовых врачей. А под «омарами» он подразумевал солдат, прозванных так из-за красных мундиров.

Финал был коротким... Я услышал несколько выстрелов... Поток брани... И, наконец, громкий всплеск. «Счастливец тот, кто умеет плавать!» — подумал я.

А затем к нам в дверь постучался сам Сильвер.

— Придется отворить, мистер Аллардайс, — сказал он. — Мы поднимаем паруса, и ребята требуют, чтобы каюта была немедленно открыта!

— Добро, — ответил Ник с расстановкой. — Первые двое, кто переступит порог, не смогут потом хвастаться своим подвигом, Окорок! У нас пистолеты, а промахнуться на таком расстоянии невозможно!

Сильвер только расхохотался в ответ.

— Бросьте, мистер Аллардайс. Никто здесь не тронет вас, покуда я нахожусь на борту. Только поэтому я позволил себе заглянуть к вам в ваше отсутствие и одолжить ваши пугачи! Открывайте и приступим к переговорам!

— Я предпочитаю, Джон, чтобы во время переговоров нас разделяла дверь! — ответил Ник непреклонно.

— Как хотите, — уступил Сильвер. — Я не желаю вам зла и говорю об этом прямо. Кое-кому из наших нужен врач. Ваши познания — ваш выкуп, если можно так выразиться. Это вас устраивает, мистер Аллардайс?

— Вполне, — ответил Ник. — С условием, что это распространяется также и на Бена!

— Идет! — согласился Сильвер, после чего Ник без колебаний отодвинул задвижку и распахнул дверь.

Перед нами с окровавленной саблей в руках стоял Сильвер, за ним, держа потайной фонарь, плотник Том Морган.

Рядом с Морганом стояла кучка людей. Я узнал негра Проспера и Израэля Хендса. При виде мундира Ника они заворчали, но Сильвер одним движением руки заставил их умолкнуть.

— Все наверх! — скомандовал он. — Крепостные пушки откроют огонь, как только первый из этих плавающих «омаров» выкарабкается на берег!

Несколько человек уже облепили кабестан, поднимая якорь, другие карабкались по вантам, чтобы разрифить паруса.

— Что ж, пошли вниз, костоправ, — сказал Сильвер. — Посвети нам, Том.

Мы прошли на корму и спустились в каюту капитана. Даже при слабом свете фонаря были видны следы схватки. Три-четыре убитых матроса распластались у трапа, все еще сжимая в руках свои ружья. Дверь капитанской каюты была взломана, внутри лежали еще убитые — два солдата, отстреливавшиеся из-за поваленного стола.

Я никак не мог поверить в случившееся, а ведь в конечном счете мы с Ником сами были во всем повинны, одно своевременно сказанное слово могло предотвратить гибель честных людей, павших на своем посту.

Сильвер налил себе вина из капитанского графина, затем нашел еще две стопки и протянул нам.

— Итак, — произнес Ник, опрокинув свою стопку, — вы захватили корабль и собираетесь выйти из гавани под дулами крепостных пушек. А каковы ваши намерения относительно нас, единственных оставшихся в живых на борту людей короля?

— О, для вас дело найдется, — заверил Сильвер, вытирая свою саблю о скатерть и вкладывая ее в ножны. — Вахтенные и «омары» оказались упорнее, чем я ожидал. Билли получил неприятный удар, след от которого останется на его шкуре до судного дня, а четверо других схватили по пуле — следствие излишней горячности и недостаточной осмотрительности!

— И мне предлагается залатать шкуры этих негодяев в обмен за собственную жизнь? — спросил Ник холодно.

— Так точно, — ответил Сильвер. — Билли единственный здесь, кто умеет проложить курс по карте. Если он истечет кровью, нам придется нелегко.

— А я принимал вас за опытного моряка, Сильвер, — язвительно заметил Ник.

— О, вы переоценили меня, — усмехнулся Сильвер. — Кораблевождение никогда не было моим делом. Я квартирмейстер, мой долг — заботиться о том, чтобы команда четко и быстро выполняла все приказания. Однако хватит разговоров. Выбирайте: целительное прикосновение врача или перерезанные глотки и двойной всплеск воды за бортом?

— А что потом? — не унимался Ник.

Я обливался холодным потом, ожидая, что терпению Сильвера вот-вот придет конец.

— Потом? — переспросил Сильвер, подняв брови. — Возможно, мы предложим вам присоединиться к нашей компании — подпишете пиратский контракт, и все в порядке, будете получать свою долю добычи. Ведь вы же, так сказать, человек ученый, можете пользу принести.

Вот как все это было, Джим! Ник согласился лечить раненых в обмен на наши жизни, и я был только рад этому.

Мы отправились вниз. К моему удивлению, большинство каторжников все еще оставались в кандалах. Однако задавать вопросы было некогда. Нас ждали раненые...

Билли даже ни разу не застонал, пока Ник зашивал ему щеку при свете фонаря, который держал Морган. Помните багровый шрам на лице Бонса, сохранившийся у него до конца жизни? Крепость уже дала первый выстрел, который заставил всех людей на палубе укрыться за бульверком.

Двое других раненых были мне совершенно незнакомы.

Тогда-то он его и получил, и счастье Билли, что удар был скользящий, не то снесло бы ему полголовы. Едва операция была закончена и повязка наложена, как Билли поспешил к штурвалу.

Когда Ник закончил свое дело, снова появился Сильвер, неся вино, хлеб и сыр. Я понял по его лицу, что мы благополучно вышли из гавани и слышанные мною пушечные выстрелы не достигли цели. Крепостные пушкари заслуживали того, чтобы их вздернуть на виселицу: не смогли хотя бы одним ядром поразить корабль.

Ника и меня в тот день наверх не выпускали.

Около шести склянок пришел за лечением Израэль Хендс. Ник положил на его рану какую-то едкую мазь — и не без удовольствия, потому что Израэль отличался желчным и вспыльчивым нравом, и мы не испытывали к нему никакого сочувствия. Он был, конечно, храбрым бойцом и не нуждался в роме для отваги, лучше его никто не умел метнуть нож, но вряд ли вам захотелось бы оказаться рядом с ним в безлунную ночь, в особенности с деньгами в поясе.

Попозже спустились еще двое — оружейник и парусный мастер из команды «Моржа». Они уцелели потому, что были оглушены во время схватки, а потом им посчастливилось попасть на глаза Сильверу, который привел их в сознание, окатив морской водой. Оба моряка, сытые по горло строгостями капитана Айртона и линьком его боцмана, охотно согласились присоединиться к пиратам. От них-то мы и узнали, как был захвачен корабль.

Ник не ошибся в своей догадке насчет Хендса и Пью — они перепилили кандалы еще в четырех днях пути от Порт-Ройяла. Но Ник не знал, что Хендс освободил также Андерсона и молодого слесаря, Черного Пса. Это было важной частью их плана, потому что могучая сила Андерсона и ловкость замочных дел мастера сослужили пиратам хорошую службу. Кроме них, среди каторжников было отобрано около дюжины самых отчаянных головорезов. Правда, распилить кандалы не успели, но Израэль не зря столько потрудился, изготовляя костяной нож. Черный Пес открыл им два замка, скреплявших восемь каторжников с главной цепью; тем временем Андерсон освободил еще четверых, выдернув голыми руками крюк из палубы, и эта группа прямо в кандалах ринулась в бой.

Теперь мы подошли к самой хитроумной части плана. Вы помните, что Сильвер посредничал при закупке провианта, помните большие бочки, которые грузили в кормовой трюм? Так вот, две бочки были легче других: вместо свинины в них были... Флинт и Большой Проспер.

До заката они просидели тихонько, затем вылезли и приня-

лись за временную переборку, отделявшую кормовой трюм от застенка.

Когда заступила ночная вахта, Проспер уже выпилил лаз в переборке и прокрался к Хендсу и Пью. Затем четверо коноводов собрались в кормовом трюме, а освобожденные кандальники во главе с Проспером и Черным Псом притаились у трапа, чтобы встретить солдат, которые ринутся вниз на первый же шум.

Итак, все было готово, ждали только сигнала — морской песенки. Ее должны были затянуть Бонс и полдюжины головорезов Флинта, когда их лодка подойдет к «Моржу».

Как только послышалась песня, Флинт, Пью, Хендс и Андерсон выскользнули из трюма и напали на солдат, которые уселись играть в карты на носовом люке.

Пираты действовали почти без помех, об этом говорят ничтожные для такого дела потери.

Пока шла расправа с караульными, лодка Бонса пристала к борту, и его отряд ворвался на полуют, преследуя уцелевших. Тем временем Флинт и его компания открыли люки, и на палубу выскочили каторжники. Они в несколько минут расправились с оставшимися людьми короля. Все сошло гладко. Будь на борту хоть один из старших офицеров, дело обернулось бы иначе, но на корабле находились только лейтенант и двое гардемаринов, да и те прыгнули за борт, едва поднялась тревога.

Вот примерно и все, что я помню о захвате «Моржа». Обычно флибустьеры в тех краях предпочитали суда поменьше, не с такой глубокой осадкой, ведь там кругом мелководье. Но у Флинта были свои замыслы, для выполнения которых он нуждался в добром корабле.

В первый же день началось переоборудование «Моржа», и наверху застучали молотки.

Мы с Ником не успели еще понять, в чем дело, как внизу опять появился Сильвер. Он пришел переговорить с каторжниками, и, сидя в кормовом трюме, мы слышали всю его речь. Надо сказать, что во всякого рода переговорах от главарей всегда выступал Сильвер. Флинт был плохим оратором, так же как и Бонс. Только Долговязый Джон был наделен даром красноречия, а с такой командой, как у него, хорошо подвешенный язык играл далеко не последнюю роль.

Итак, незадолго до заката Сильвер, стоя на трапе, обратился к каторжникам с воодушевляющей речью.

— Друзья, — начал он. — Сдается мне, что вы все до одного родились под счастливой звездой. Вы сидели тут, словно медведи на цепи, и что вам предстояло? Убить всю жизнь на то, чтобы выращивать сахарный тростник и табак на плантациях Виргинии, набивать чужие карманы! Да только теперь дело обернулось иначе, после того как ваш дорогой капитан выудил меня из могилы и предоставил возможность набрать команду из самых подходящих кандидатов в джентльмены удачи, каких только мне доводилось видеть. А у меня на это дело глаз наметанный, недаром я пил из одной чарки с первыми бойцами не только здешних вод, но и более южных широт! «Что он за человек?» — скажете вы, и правильно — только дурак поверит моряку на слово. Буду говорить все как есть, напрямик — зовут меня Джон Сильвер, я квартирмейстер этого корабля и подчиняюсь отныне только капитану Флинту, да и то лишь тогда, когда на горизонте появится приз! «Что с нами будет?» — спросите вы. И опять правильно. А мой ответ таков: это зависит только от вас самих, с той минуты, как с вас снимут кандалы и вы подниметесь на палубу!

Итак, друзья, вопрос ясен, решайте теперь сами. Никто вас не неволит: ни я, ни Флинт, ни даже король Георг, которому теперь до вас уже не дотянуться! Можете подписать с нами контракт, будем делить добычу поровну. Но я нарушил бы свой долг, если бы не предупредил тех, кто пойдет с нами и станет служить у меня, будь то под «Веселым Роджером» или любым другим флагом, что я человек такой — люблю отдавать приказания и люблю, чтобы их выполняли быстро и весело. А если вам это не по душе и есть среди вас кто-нибудь, кому захотелось бы поспорить со мной, то пусть выйдет вперед и скажет об этом. Посмотрим, кто из нас лучше владеет абордажной саблей, вымбовкой и любым другим оружием по выбору вызвавшего! И еще скажу, раз уж об этом зашла речь, — коли найдется среди вас такой человек и одолеет меня и я выйду живым из поединка, то будет он с той минуты моим начальником, а я дам отбой и стану козырять ему наравне со всеми! Вот и все, что я хотел вам сказать. А вот и наши оружейные мастера, они снимут с вас кандалы и сделают джентльменами удачи тех, кто хочет добыть себе богатство вместе со мной, капитаном Флинтом и лучшей командой, какая когда-либо выжимала выкуп из испанской колонии!

Можете себе представить, как приняли эту речь бедняги с пушечной палубы, люди, которые во всем отчаялись, а тут вдруг чудом обрели свободу. Они подняли такой шум, что, наверное, было слышно в Порт-Ройяле, и всю эту ночь двое оружейников разбивали цепи и посылали освобожденных наверх, подписывать контракт на квартердеке под присмотром Бонса.

Только один человек решительно отказался пожертвовать, как говорится, бессмертием души ради свободы. Об этом человеке, старике Джейбсе Пэтморе, вы услышите еще не раз. Я так и не смог выяснить, за что его сослали. Он знал наизусть почти все писание и говорил изречениями, хотя менее подходящую паству трудно было бы придумать. Он сказал оружейникам, чтобы не

касались его кандалов — мол, они надеты на него самим всемогущим богом и только богу дано снимать их.

Он умер бы с голоду, если бы Ник не проследил за тем, чтобы ему носили еду и воду. Позднее, когда Сильвер хотел ссадить старика на берег, тот заявил, что предпочитает остаться, и его оставили как своего рода корабельный талисман. Позднее удалось убедить его освободиться от оков; с тех пор бывшего проповедника часто можно было видеть по ночам сидящим на якорных цепях и громко распевающим псалмы. А в каждое полнолуние он прорицал конец света...

ГЛАВА ЬГОРАЯ

Мы шли через Наветренный пролив, затем вдоль берегов Гаити до острова Тортуга (что означает «черепаха»), который стал

сборным пунктом береговых братьев. Путь этот требовал большого искусства от штурмана. По чести говоря, Билли Бонсу следовало бы оставаться в каюте, особенно в самое жаркое время дня, но все чувствовали себя увереннее, когда он находился на своем посту, и надо признать, этот старый мошенник держался бодро, выстаивал на вахте чуть ли не двенадцать часов подряд.

Наше положение с Ником продолжало оставаться опасным, и нам приходилось все время быть начеку. Сами понимаете, что первое время мы находились на положении пленников и у нас просто не было выбора. Либо плыть одним курсом со всеми, либо отправиться за борт. Правда, Сильвер держался очень любезно, но зато Хендс и Пью по-прежнему видели в нас людей короля. Будь их воля, нас давно отправили бы на корм акулам.

Впрочем, это не мешало Нику считать нас наполовину пиратами уже потому, что мы несли главную ответственность за захват судна Сильвером.

Весь первый день мы с Ником только об этом и говорили. В итоге он пришел к заключению, что лучше предоставить событиям идти своим чередом, во всяком случае, пока мы не окажемся вблизи какого-нибудь поселения. А тогда что-нибудь придумаем.

У Ника оставалось достаточно денег, однако мы хранили это в глубокой тайне. Пронюхай кто-нибудь, что Ник носит пояс, набитый английскими гинеями, нам тут же пришел бы конец.

На второй день мы отправились на квартердек и подписали контракт. Так роспись Ника появилась на круглом листе, приложенном к условиям, сочиненным Сильвером в первую ночь. Я тоже нацарапал свое имя и приложил большой палец. Пираты всегда расписывались по кругу, чтобы по подписям нельзя было распознать главаря, если контракт попадет в руки судей.

А теперь пора рассказать вам, Джим, что представляло собой Береговое братство сорок с лишним лет назад.

Начнем с того, что между пиратами и пиратским атаманом были совсем другие отношения, чем между командой военного корабля и адмиралом. Пираты чувствовали себя гораздо свободнее и вольнее, и ни один человек, даже такой, как Флинт или Девис, не мог безраздельно распоряжаться командой вроде нашей, исключая моменты боевых схваток и абордажа.

Капитана выбирали всеобщим голосованием, отдавая предпочтение лучшим бойцам и тем, кто особенно искусно умел разработать план захвата приза. Точно так же его могли и сместить, что нередко случалось, если команда была недовольна ходом дел.

Далеко не всегда капитан был моряком — взять хоть того же Флинта, — и тогда ему приходилось во всем полагаться на настоящего шкипера, вроде Билли, а уж тот прокладывал курс к цели, намеченной атаманом, — во Флоридский пролив или район Багамских островов, где проходили торговые пути в прибрежные города с малочисленными гарнизонами, либо наперехват испанских серебряных караванов, которые дважды в году отчаливали от Перешейка.

Подлинным хозяином на корабле в промежуток между набегами был квартирмейстер — нечто среднее между казначеем и боцманом; обычно в этой роли выступал образованный или полуобразованный человек вроде Сильвера. Квартирмейстеру надлежало обладать твердой рукой и острым языком, особенно когда начинался дележ добычи. По сути дела, именно он заправлял всей командой и отвечал за дисциплину на корабле.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, что на пиратском корабле вовсе не знали субординации. Люди посмышленее держались заодно и помыкали обитателями нижних палуб. Экипаж пиратского судна делился на «господ» и на «чернь».

К числу «господ» относились капитан, штурман, квартирмейстер, старший канонир, боцман, рулевой, плотник и оружейные мастера. Они составляли своего рода комитет, который умел навязать свою волю остальным.

«Чернью» называли рядовых членов палубной команды и марсовых; им при дележе добычи причиталось на одну треть меньше, чем «господам». Ник принадлежал к «господам», как лекарь; я же, не имея никакой морской выучки, всегда находился вместе с «чернью».

На борту пиратского корабля действовали определенные правила. Все было предусмотрено и записано, словно в корабельном уставе на военном судне.

Так, запрещалось приводить женщин на борт, и нарушение каралось смертью. Не дозволялись также дуэли на корабле; всякого рода недоразумения полагалось разрешать на берегу при секундантах. Лучшие пистолеты с захваченного приза вручали тому, кто первым заметил противника. Тем, кто потерял в бою руку или ногу, глаз или хотя бы палец, увеличивали долю. И так далее, всего около сотни правил, включая пункт, ограничивающий пирушки на корабле после полуночи, и запрет играть в карты на деньги во время плавания. Кстати, если бы Хендс и ирландец О'Брайен не нарушили этот запрет, вам никогда не удалось бы захватить у них «Испаньолу».

Я еще не рассказал вам о прошлом двух главарей — Флинта и Бонса.

Флинт стал на путь разбоя еще в юности, плавал с Инглендом, Девисом, Черной Бородой и даже со Стид-Беннетом, пока сам не стал капитаном. Он был сыном каторжника, сосланного на Барбадос в конце прошлого столетия за участие в бунте против короля Джеймса. Всего после того бунта из западных графств сослали за моря около тысячи человек.

Отец Флинта был в то время совсем молодым. Когда короля Джеймса сменил голландец Вильгельм и объявил амнистию, он получил участок земли на острове, женился на квартеронке и стал семьянином. Наш Флинт был у него третий сын и мог бы вырасти почтенным плантатором или судовладельцем, если бы не испанцы, которые во что бы то ни стало хотели изгнать англичан, французов и голландцев, так как испанский король объявил своими владениями всю Вест-Индию и Мэйн.

Однажды ночью на поселение напал испанец-приватир и сжег все дотла, повесив старика Флинта и двоих старших сыновей на жердях под крышей их собственного дома. Младший Флинт отсиделся в зарослях, а потом примкнул к французским буканьерам в районе Сан-Доминго. Вместе с ними он много лет успешно сражался против испанцев.

Подобно Сильверу, он воспользовался королевской амнистией, однако лишь затем, чтобы получить передышку и попытаться раздобыть судно покрупнее. Мелкие суда и шхуны теперь его не соблазняли, он мечтал атаковать серебряный караван или большое поселение на материке.

Совсем иначе сложилась жизнь Бонса. Много лет он был благонравным шкипером, ходил между

Бостоном и Кубой, пока пираты не ограбили его корабль около Гаваны. Бонс ожесточился и решил вернуть свое добро тем же путем, каким потерял. Бонс держался особняком от остальных, и никто его не попрекал за это, потому что он был ужасен в сражениях, одинаково искусно владея абордажной саблей и железным костылем.

Билли был превосходным моряком, умел читать, писать и считать. Если бы не потеря брига, он, без сомнения, стал бы со временем членом Бостонского городского совета и владельцем полудюжины судов, управляемых Бонсами-младшими.

В этом нашем первом плавании меня больше всего поразило то, что Ник продолжал водить дружбу с Сильвером. Сначала я подумал, что Ник обхаживает Сильвера, стараясь обезопасить нас от других пиратов, а также подготовить нам возможность улизнуть с корабля, как только мы придем в какой-нибудь порт, откуда можно будет добраться до Чарлстона. Очень скоро, однако, мне стало ясно, что дело обстоит куда серьезнее, что беспечный сын священника и сладкоречивый головорез не только поладили друг с другом, но и сколачивают вокруг себя наиболее смышленых членов команды. Похоже, Сильвер уже тогда задумал при первом случае отделиться и составить свою команду.

Вот как обстояли дела в тот день, когда мы бросили якорь у острова Тортуга и большинство команды сошло на берег. Ник отозвал меня в сторону, сказал, что хочет потолковать со мной, и я спустился вместе с ним в ту часть пушечной палубы, которую отвели под кубрик.

Нужно сказать, что к этому времени «Морж» совершенно преобразился. Все «курятники» на палубе исчезли, а высота бульверка на всем его протяжении была увеличена фута на полтора. Пираты всегда предпочитают высокий бульверк и чистую палубу: бульверк защищает от картечи и пуль, когда корабли сходятся для схватки, а отсутствие лишних надстроек создает меньше целей для ядер противника.

Когда мы спустились, Ник снял свой пояс, отсчитал пятьдесят гиней, ссыпал их в мешочек и протянул мне.

— Зачем это? — спросил я. — Что я буду с ними делать?

— Эти деньги твои, Бен, — ответил он. — Сбереги их, они помогут тебе перебраться в любое место по твоему выбору. А я остаюсь, во всяком случае, пока у нас с Сильвером не соберется достаточно денег, чтобы развернуть большое дело на берегу. До сих пор ты шел за мной, но дальше я не вправе тебе приказывать. Отсюда на Мэйн ходит немало судов, и Сильвер тебя пристроит. Ну, что ты скажешь на это, Бен?

Сначала я вообще ничего не мог вымолвить, до того меня потрясли его слова. Наконец я произнес:

— Так, значит, я вам больше не нужен, мистер Ник? Значит, это конец?

— Видишь ли, Бен, — заговорил он, — я забочусь о твоем же благе. До сих пор я не разлучался с тобой, так как считал себя обязанным за все то, что ты сделал для меня. Уберечь тебя от лап девонского шерифа было моим долгом, но теперь нам уже ничто не грозит, и было бы нечестно толкать тебя в новую петлю, когда можно избежать ее.

— А как же вы сами? — спросил я.

— Бен, я понимаю, тебе должно показаться странным — как это я решаюсь по собственной воле войти в шайку таких головорезов. А все потому, что ты считаешь меня не таким, как они.

— Еще бы! — воскликнул я. — Клянусь небом, разве можно сравнивать!

Ник рассмеялся.

— Эх, Бен, простая ты душа! — сказал он. — Один человек выжимает пот из невольников, пока за сахар и табак не купит место в парламенте, чтобы стать одним из Кастеров, — это называется коммерцией! Другой, вроде Сильвера, действует более откровенно, идет напролом, рискуя башкой, срывает куш на море — это называют пиратством! А какая, в сущности, разница?!

Но это рассуждение было слишком глубокомысленным для меня. Знай я тогда священное писание так же хорошо, как теперь, Джим, я напомнил бы ему, что надлежит воздать кесарево кесарю и божье богу. Да дело-то в том, что все возможности просветить свой ум на этот счет я упустил, так как на проповедях крепко спал, а то и просто предпочитал играть в «орлянку» на могильных плитах за ризницей.

— Не буду убеждать тебя поступать вопреки совести, — продолжал Ник, — но ты подумай о тех, кого мы увезли из Англии, вспомни кандальников с нижней палубы. В чем они провинились? В том, что, движимые голодом, присвоили какую-нибудь мелочь, как это было с твоим дядей Джейком? И зачем далеко ходить за примерами... Оглянись на свою собственную семью — живут в сырой лачуге у церковной стены и кланяются и раболепствуют перед Кастерами ради куска хлеба, который им необходим, чтобы были силы работать на тех же Кастеров! Где уж тут высшая справедливость! Неужели человек должен ползать на брюхе, чтобы прокормить своих детей? Нет, Бен, я уже решился. Хватит быть беглецом, буду драться, пока не смогу развернуть большое дело. А там, глядишь, вернусь в Англию и схвачусь с Кастерами в открытую.

Может быть, Ник говорил искренне, а может быть, всеми этими разговорами о большой плантации он хотел обмануть меня или самого себя. Знаю только, что я предпочитал быть пиратом рядом с Ником, чем честным человеком вдалеке от него, — и я ему так и сказал, просто и ясно, как мог.

— Ладно, Бен, — молвил он наконец, — тогда я вот что скажу. Если бы ты взял курс на Чарлстон с этими гинеями, ты очень скоро сел бы на мель и все равно примкнул бы к пиратам. Но раз ты сделал выбор, выходит, я по-прежнему отвечаю за тебя. Тогда уж действительно оставайся со мной и постарайся не падать духом в беде. А я присмотрю за тобой, будем поровну делить хорошее и плохое, как делили до сих пор. Раздобудь абордажную саблю и пару пистолетов у оружейников, да пойдем на берег, выпьем за нашу дружбу!

Мы сошли на берег вместе с Сильвером, Морганом, Пью и другими, и к закату вся наша компания напилась в доску в вольном порту Тортуги. Нельзя сказать, чтобы мы составляли в этом смысле исключение, — к закату на Тортуге все перепивались до положения риз, кроме содержателей притонов и непьющих купцов-евреев, которые скупали у пиратов награбленное добро за десятую часть его рыночной стоимости, после чего отвозили скупленное на Кубу или в порты Мэйна и втридорога сбывали тем, кому эти товары некогда предназначались.

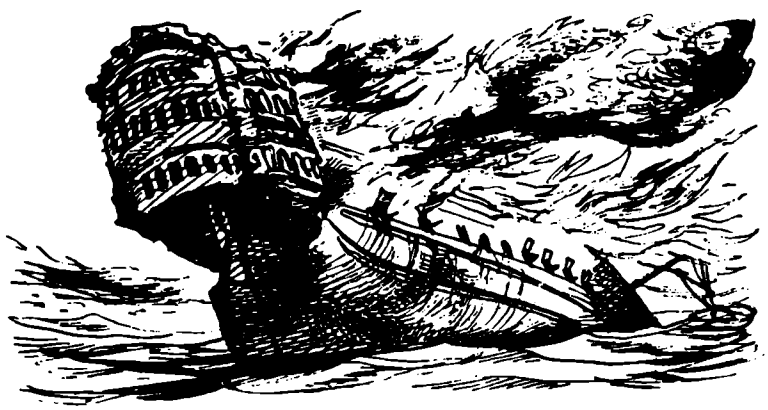
Продолжение следует

Сокращенный перевод
с английского Л. ЖДАНОВА

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Роман



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Не буду рассказывать всего, что приключилось за годы моих плаваний на «Морже», Джим. Да я все равно не смог бы вспомнить и половины, ведь человек склонен предавать забвению поступки, которых стыдится, а таких поступков на моем счету накопилось немало.

Опишу в самых общих чертах, что произошло после того, как мы подновили корабль и вышли с Тортуги на юго-запад, и подробнее о том, как нам удалось добыть такие богатства и схоронить их на Острове Сокровищ.

Помню первый захваченный нами приз — голландский барк «Ганс Фохт», шедший из Хука в Картахену.

У пиратов было заведено при виде встречного судна поднимать «Веселого Роджера» и выпускать одно ядро для острастки, чтобы заставить жертву лечь в дрейф.

Так было и с голландцем; он сдался, не дожидаясь второго выстрела. В трюмах мы обнаружили груз рейнвейна и коленкора, но больше всего нас обрадовали бочонки отличного пороха.

Пью и Сильвер обыскали все закоулки, и после них, наверно, не осталось ничего даже тараканам. Потом на полуюте «Моржа» составили опись добычи, чтобы выдать каждому его долю в конце плавания. Дележом всегда распоряжался Билли, проводя его с придирчивой точностью.

Все это время капитан-голландец сидел на люке трюма и бесстрастно покуривал огромную трубку, вырезанную в виде головы негра. Наконец, когда корабль был опустошен, Флинт сказал капитану, что тот волен плыть дальше. Однако часть его команды перешла к нам.

У нас был набор флагов всех национальностей, и мы пользовались ими, чтобы одурачить выслеженные корабли. Если показывалось английское судно, мы поднимали «Юнион Джек», но стоило нам подойти поближе, как на нок взлетал пиратский флаг и перед носом у жертвы плюхалось в воду пушечное ядро.

Самая хорошая охота была в проливе между Флоридой и Багамскими островами, но мы часто крейсировали и вдоль северного побережья Кубы, не брезгуя мелкой добычей. Иногда спускались на юго-запад до Подветренных и Наветренных островов.

Многие английские и французские губернаторы земель, отторгнутых от Испании, жили с нами в добром согласии. В Англии и во Франции найдется немало семейств, чьи поместья были куплены на выручку от краденого добра, которое поставляли губернаторам Флинт и другие пираты. И выходит, Ник и Сильвер по-своему были правы: бог и впрямь помогал тому, кто сам не зевал. Я не раз спрашивал себя, кто же бо́льшие грешники — буканьеры, с риском для жизни занимающиеся грабежом, или губернаторы, сидящие в полной безопасности на берегу и наживающиеся на перепродаже награбленного?

С таким кораблем, как «Морж», и с такой командой Флинт мог потягаться на ходу и в бою с любым судном в водах Мэйна. Девять из десяти кораблей, которым мы бросали вызов, поднимали белый флаг после первого же нашего выстрела. А если доходило до схватки, абордажный отряд во главе с Сильвером и Пью в два счета расправлялся с врагом.

Иногда Флинт приводил захваченное судно в какой-нибудь порт, где и сбывал его по дешевой цене. Однако чаще он отпускал ограбленное судно, надеясь, что оно еще доставит ему хорошую добычу.

Если в бою с нами судно противника получало сильные повреждения, мы поджигали его и бросали на произвол судьбы вместе со строптивым капитаном.

Случалось, хоть и очень редко, что нам давали отпор. Однажды мы замахнулись на американский люгер, да только там были отменные пушкари, потому что мы получили дюжину пробоин и потеряли бизань-мачту. Пришлось улепетывать на Гренадины, где мы зализывали свои раны.

Рассказывают, будто пираты завязывали пленникам глаза и заставляли идти по положенной на борт доске, пока они не упа-

Продолжение. Начало в №№ 1—2.

дут в море. За все годы, что я был джентльменом удачи, я ни разу не видел такой расправы, даже не слышал о ней. Мы никогда не проливали кровь, если этого можно было избежать. Чаще всего так оно и получалось: «купцы» вели себя как овцы при виде волков.

Дважды в год, когда подводная часть корабля обрастала настолько, что это тормозило ход, мы чистили днище. Килевать такой большой корабль, как «Морж», дело нелегкое. Мы отыскивали уединенную гавань, снимали пушки и такелаж, сажали судно на песок и с помощью воротов клали набок, после чего принимались соскребать водоросли и ракушки. Частенько мы заходили для килевания на Остров Сокровищ, или остров Кидда, как его еще называли.

Буканьеры облюбовали этот островок лет за сто до нас. Сруб на берегу поставил Кидд, он превращал его в укрепленный форт на то время, пока корабль стоял вверх дном.

Большинство пиратов изрядные лентяи, Джим, и хотя мы не раз посещали остров, мало кто уходил далеко от берегов Южного залива или Северной бухты. Но мы с Ником никогда не упускали случая поразмять ноги, и в тот раз Сильвер повел нас на Подзорную Трубу стрелять диких коз. Это у него я научился засаливать мясо.

Охотясь в лощинах Подзорной Трубы, мы вели себя как шкодливые мальчишки, и если на долю Ника или Долговязого Джона выпадал удачный выстрел, между скал раздавались веселые крики и смех. Много лет спустя, когда я очутился на острове один, мне нередко чудилось, что я слышу, как они перекликаются под соснами...

Флинт никогда не пользовался срубом Кидда. Он выставлял батарею на Острове Скелета и вел строгое наблюдение за проливом — вдруг появится чужак. И однажды чужак появился; это был французский корсар, который стал нашим сообщником.

Произошло это в наш третий заход на остров, и, видно, Флинт давно уже задумал большое дело, потому что он запретил Израэлю стрелять. Когда из-за мыса показался бушприт француза, он поднял «Веселого Роджера» на флагштоке, установленном на песчаной косе.

Оказалось, что и француз не ищет схватки: на его ноке тоже взвился флаг с черепом и скрещенными костями. Судно было крупное, больше нашего. Называлось оно «Ля Паон», по-нашему— «Пава», и для пирата у него была чересчур глубокая осадка. Вы видели этот корабль, Джим, во всяком случае, его остов: «Паву» оставили гнить на мели в Северной бухте после страшной трепки, которую ей два года спустя задали пушки военного корабля.

Французского капитана звали Пьер ле Бон. Это был настоящий франт, со страусовым пером на шляпе и в замшевых сапогах. Его небесно-голубой камзол сверкал позолоченными пуговицами и серебряными галунами, а белую, словно грудь чайки, сорочку украшало пышное кружевное жабо шириной в девять дюймов. И всегда он был вооружен до зубов. На усеянной драгоценными камнями портупее висела рапира, в патронташ воткнуты длинные, с серебряной инкрустацией мавританские пистолеты...

Конечно, его команда состояла не из одних французов. Это был еще более пестрый сброд, чем у нас: французы, голландцы, испанцы, американцы, негры, немало метисов. В тот раз мы их почти не видели, потому что «Пава» зашла только набрать воды, но у Флинта было свидание с ле Боном, и позже мы стали действовать с французом в паре, причем немало выгадали на этом.

После этой встречи нам долго сопутствовала удача.

Месяц спустя, когда мы крейсировали у берегов Гаити, нам попался один из кораблей вице-короля Вест-Индии с грузом шелка, атласа и прочих предметов роскоши для нового дворца в Куско. Немало собрали мы и с пассажиров: жемчужные серьги, золотые цепочки, груды звенящих монет. С одного этого приза на каждого пришлось фунтов семьдесят-восемьдесят, а «господа» получили и того больше.

Правда, на сей раз не обошлось без драки. Испанец был хорошо вооружен и вез солдат, но Флинт подкрался к нему из-за мыса на восходе. Солнце светило испанским пушкарям прямо в глаза, и они успели дать только один залп.

Рисунки УИЛЬЯМА СТОБСА

Мне впервые довелось участвовать в настоящем бою, и я понял, почему Флинт, не профессиональный моряк, пользуется таким уважением среди пиратов. Он первый вскочил на палубу испанца; его сопровождал Большой Проспер, орудуя своим грозным молотом, а за Проспером следовали черный от порохового дыма Хендс, Пью, Сильвер и Андерсон. Стреляя из пистолетов и рубя саблями абордажные сети, эта орава с проклятиями ворвалась на кормовую палубу испанца.

Противник сгрудился вокруг грот-мачты, ощетинившись мушкетами, которые косили наших издали по двое, по трое сразу. Я шел на абордаж рядом с Черным Псом и видел, как вражеская сабля отсекла ему два пальца на руке. Пират с визгом покатился по палубе, и ему тут же пришел бы конец, не застрели я ранившего его испанца.

Наши предводители атаковали солдат, окруживших своего капитана — высокого бледного человека в доспехах, с широкой бородой и сверкающими глазами. Флинт в несколько приемов разоружил его и нанес страшный удар, от которого капитан рухнул на палубу с разрубленным плечом. Вскоре испанцы бросили оружие, прося пощады.

Возможно, Сильвер и пощадил бы их, если бы не Флинт. «Смерть! Смерть!» — кричал он жутким голосом. Испанцы в страхе попрыгали за борт, и раненые с помощью Пью и Хендса отправились туда же.

Я встретил Ника около грот-мачты и едва узнал его. Он был весь изранен, и лицо у него было такое же свирепое и озверелое, как у других пиратов.

— Вот это жизнь, Бен, это жизнь!..

Его лицо и слова потрясли меня куда больше, чем вид палубы, на которой трупы лежали вперемежку с обломками такелажа, искрошенного пушками Израэля. Мы потеряли в этой схватке семнадцать человек, но все считали, что добыча того стоила.

Кстати, именно в тот раз Сильвер раздобыл своего попугая, которого вы знали под именем «Капитан Флинт», но тогда Джон называл его «Педро». Помните, Сильвер говорил, будто эта птица видела, как поднимали суда с сокровищами около Перешейка, и научилась там кричать «пиастры»?

У Долговязого Джона было много таких любимцев. Так, на Мартинике он однажды принес на корабль беломордую обезьяну, которую назвал «Епископом», потому что она любила, повиснув на вантах, бормотать что-то неразборчивое — ни дать ни взять священник, читающий проповедь. Обезьянка прожила на «Морже» довольно долго и успела стать всеобщей любимицей, но однажды ночью она добралась до запальных шнуров Израэля и чуть не подожгла корабль. После этого Джон велел Тому Моргану сколотить для нее клетку, проказница начала чахнуть, и пришлось хозяину выпустить ее на одном из Гренадинских островов.

Ограбление испанца длилось почти два дня, затем Флинт поджег судно, и целую ночь, уходя на юго-запад, мы видели в море огромный факел. Я пытался заглушить голос своей совести, вспоминая все, что говорил мне Сильвер о свирепости испанцев: как они истязают и убивают каждого англичанина, ступающего на землю Мэйна, как доводят цветных на плантациях до полного изнеможения, и бедняги тысячами гибнут во всех владениях, над которыми развевается красный с золотом флаг. Я надеялся, что после такой удачи Ник наконец-то вспомнит свои обещания и порвет с пиратами. Но он ничего не сказал, и я не стал ему напоминать. По правде говоря, я уже так привязался к морю, что готов был навсегда связать с ним свою жизнь; думаю, то же самое произошло с Ником, потому что он больше никогда не вспоминал о своем желании стать плантатором.

Вот как оно бывает, когда человек по своей воле избирает путь зла, Джим. Стоит только заглушить голос совести, и быстро станешь отпетым, вроде меня. А там, если бы и захотел повернуть назад, — поздно, все пути отрезаны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы ходили по морям, грабили, бражничали в портовых кабаках и ставили судно на килевание — дважды на Гренадинах и четырепять раз на Острове Сокровищ.

С Ником я виделся редко. Странно, казалось бы, ведь мы были в одной команде. Но дело в том, что он говорил по-французски как француз, и когда мы работали вместе с ле Боном, Ник немало времени проводил на «Паве», представляя интересы Флинта.

Конечно, он не терял связи с нами и даже ухитрился поспорить с Флинтом и Пью. С первым по поводу правила, запрещающего попойки на палубе после полуночи, со вторым из-за его жестокого обращения с пленными. Счастье Ника, что Сильвер оба раза становился на его сторону. Долговязый Джон всегда был за соблюдение правил; он даже посулил Флинту черную метку.

С той самой поры Флинт возненавидел Ника, хотя трудно сказать, как бы он обошелся без него: француз был хитрая бестия и урвал бы львиную долю добычи, если бы не Ник.

Старый ворчун Бонс всегда жаловал Ника и ко мне относился хорошо. Он учил меня мореходному делу, и я позволю себе сказать, что был способным и внимательным учеником.

Правда, в боях я особенно не отличался, больше помогал Дарби на камбузе. Это открыло мне доступ на корму, к «господам»; там я и проведал о том, что Флинт задумал смелый налет, суливший нам небывалую добычу.

А пока все шло как обычно, безмятежные дни чередовались со шквалами. Помню, мне больше всего по душе были «концерты», которые иногда затевались на палубе обычно в тихие лунные ночи. «Господа» и «чернь» собирались на баке и шкафуте, а полуют превращался в подмостки для скрипачей и плясунов. Как сейчас слышу и вижу: скрипки, пиликающие всякие диковинные мелодии, и босые ноги, отплясывающие по надраенной палубе. Остальные — у многих были хорошие голоса — в это время пели песенки своего детства, напоминавшие им о доме, о давно минувших годах.

В общем-то все они были дурные люди, Джим, но лишь единицы, вроде Пью и Флинта, — совсем отпетые мерзавцы, а другие, особенно бывшие каторжники и ссыльные, знали когда-то мирную жизнь у домашнего очага. И когда они пели в те лунные ночи, вы не отличили бы их от крестьян из нашей деревни.

...А теперь мы подошли к тому времени, когда Флинт и ле Бон сговорились вместе напасть на Санталену — маленькую колонию на Мэйне, где собиралась часть «Серебряного каравана».

До сих пор атаки на «Серебряный караван» сводились к налетам на отдельные суда, идущие к месту сбора; теперь же было задумано дерзкое предприятие, которое можно сравнить только с походом капитана Моргана на Панаму.

Хотя в Санталене было не так уж много домов, она играла очень большую роль. Отсюда корабли выходили под надежной защитой эскорта и могли уже не опасаться пиратов. Но примерно за месяц до отплытия каравана представлялась возможность застигнуть врасплох от четырех до десяти транспортов, охраняемых лишь пушками форта, и освободить от драгоценного металла склад на берегу. Да и в трюмах судов было чем поживиться.

Кстати, мне вспомнилась одна вещь, которая может вас заинтересовать. Когда мы попадали в те края, то обычно запасались пресной водой на одном из Подветренных островов. Это был даже не остров, а скорее длинная высокая скала, с виду напоминающая гроб. Мы называли ее «Сундук Мертвеца», и пиратская песенка, которую вы так часто слышали на «Испаньоле», посвящена как раз этой скале. За много лет до того на ней очутились пятнадцать буканьеров, спасшихся с разбитого корабля. Сильвер рассказывал мне, что им удалось выловить несколько бочонков рома, прибитых волнами к берегу, а есть, понятно, было нечего, и когда их подобрал один из кораблей Девиса, все они были мертвецки пьяны...

Флинт разузнал все о Санталене от юнги, единственного уцелевшего из кучки пиратов, высаженных той весной на необитаемом островке у Барбадоса. Всего их было шестеро. А вышло это вот как: пиратский капитан плохо ладил со своей командой и разделался с вожаками, прибегнув к подлому трюку, — отправил их на берег за черепахами, и бросил там на верную смерть, подкупив седьмого увести лодку.

Правда, у брошенной шестерки было оружие, несколько дней они стреляли птиц и ели их сырыми. Потом двое поссорились и убили друг друга. Еще трое помешались и тоже умерли, так что мы застали в живых одного лишь юнгу, парнишку лет пятнадцати. Он соорудил себе навес из одежды умерших товарищей, кормился черепашьими яйцами и дотянул до появления «Моржа».

Звали этого юношу Джордж Мерри — тот самый Джордж, который хотел выпустить из вас кишки на Подзорной Трубе, Джим, да только Бен Ганн тоже не зевал, укрывшись в кустарнике! Я не испытывал никаких угрызений совести, когда отправил его на тот свет. Джордж Мерри всегда отличался склочным и вероломным нравом. Однажды он получил выволочку от Сильвера за продажу метисам корабельного имущества; ему даже обрывок старого каната нельзя было доверить.

Джордж вполне вознаградил Флинта за свое спасение с голого островка. Годом раньше Мерри был юнгой на одном «купце» и наблюдал рождение Санталены,— его судно доставило тес на строительство форта. Он знал, сколько пушек в крепости и какого они калибра, знал, как подобраться к поселку с суши, каков гарнизон, сколько в нем колонистов и сколько опытных солдат из Европы. Флинт и ле Бон разработали хитроумный план набега, который сулил самую крупную добычу, какая когда-либо приходилась на долю двух судов с тех пор, как Ингленд и его сообщники перехватили в Персидском заливе паломников, шедших в Мекку.

План был бесспорно хорош. Я считал так тогда, считаю и теперь, ведь вон какой куш мы отхватили, но что поделаешь, если счастье отвернулось от Флинта в тот самый день, когда мы вышли из Санталенской гавани.

Флинт замыслил разделить свои силы: француз на закате совершит отвлекающее нападение с моря, а мы в это время высадимся на берег в десяти милях от Санталены, за болотистой низиной, прикрывающей подступы к поселку с севера. Ле Бон ждет нашего сигнала и крейсирует в виду берега, за пределами досягаемости пушек форта, пока мы не займём исходную позицию для ночного марша вверх по реке до висячего моста, про который рассказал Джордж Мерри. Оттуда мы незаметно спускаемся к морю и атакуем форт с суши; если встретим отпор, француз поддержит нас с моря огнем всех своих пушек.

Вычислив, что на предварительные маневры уйдет два дня, мы взяли курс на Мэйн и расстались с «Павой» в дневном переходе от Санталены. Француз пошел на юго-запад, «Морж» — прямо на север; Билли знал одну глубокую речушку, которая впадала в море как раз посередине между Картахеной и облюбованной нами целью.

Вечером Сильвер собрал всех людей на корме и объявил, что нас ждет добыча, которая позволит каждому, кто пожелает, навсегда оставить море и стать состоятельным джентльменом, завести собственный дом, экипаж и столько же рабов и жен, сколько есть у короля Дика на Мадагаскаре.

Затем он разбил нас на отряды. Два десятка человек оставались на корабле, остальные (сто тридцать один человек) должны были высадиться с лодок на берег, причем только ночью, чтобы нас не обнаружили с суши. Правда, туземцы не стали бы предупреждать испанцев, но мы могли нарваться на белого охотника.

Все шло, как было задумано. Мы разместились в шести шлюпках: из тех, кого вы знаете, на «Морже» остался один лишь Бонс. Флинт и Большой Проспер сидели в первой шлюпке, другими командовали Сильвер, Пью, Хендс, Андерсон и Ник. Я плыл с Ником, наша шлюпка была замыкающей.

Джордж Мерри, наш проводник, шел с Флинтом. Две долгие ночи длился трудный переход, который потребовал немалого напряжения сил. Наконец мы добрались до болота в дельте реки, на подступах к Санталене. Люди спрятались в укромном месте на берегу, после чего Флинт велел затопить шлюпки.

Понятно, пираты не обрадовались, видя, как уничтожалось их единственное средство к спасению. Один верзила из числа плимутских каторжников даже выразил вслух свое недовольство. Флинт дал ему высказаться, потом застрелил на месте. После этого уже никто не спорил.

Целый день мы провели в засаде, осаждаемые тучами зловредных насекомых. Двоих или троих поразил солнечный удар, еще один был укушен ядовитой змеей и умер меньше чем через час. Мы облегченно вздохнули,

когда сгустились сумерки и начался марш вверх по реке. Миль через десять-двенадцать отряд и впрямь достиг мостика, связанного местными жителями из лиан.

Мостик не охранялся, и мы пошли по нему гуськом. Переправляться здесь было все равно что идти с корзиной угля по канату над оловянным рудником в Корнуолле. По настоянию Израэля мы взяли с собой бронзовую пищаль, и несшие ее пираты по милости пушкаря чуть не угодили прямо в пасть к хищным рыбам и аллигаторам, которыми кишела река.

Начало штурма было приурочено к восходу солнца. Топкая местность и всевозможные лишения, которые мы перенесли в пути, подорвали наши силы, и было непохоже, что мы сможем нанести сокрушительный удар. Но Сильвер показал себя превосходным командиром. Ник говорил после, что если бы Долговязый Джон избрал честный путь, он мог бы стать генералом или адмиралом и прославить свое имя в веках; и я думаю, Ник был прав: Джон умел добиться успеха там, где другой ни за что не справился бы, — лишь бы впереди маячила славная добыча.

Примерно на полпути до побережья Ник передал мне свой мушкет. Он тащил тяжелый сверток из парусины, с которым ни за что не хотел расстаться. Я никак не мог понять, что за тяжесть такая в этом свертке, но Черный Пес объяснил мне, что это, должно быть, боеприпасы для пищали.

В тот самый миг, когда небо над заливом начало светлеть, мы наконец-то выбрались из топи и увидели первые признаки поселения. У самой реки стояло на сваях что-то вроде заставы, а на берегу стирала одежду метиска. Один из наших пополз через камыш и схватил ее.

Пленница ответила на все вопросы Флинта. Дело обошлось без угроз — взглянув на его синее лицо, она решила, что это сам дьявол вышел из мангровых зарослей. Мы узнали, что в домике на сваях находится всего двое солдат, остальных отозвали, чтобы подкрепить гарнизон, так как в прибрежных водах появился пиратский корабль.

Флинт спросил, сколько судов стоит в заливе и сколько боеспособных людей в Санталене. Она сказала, что судов пять: четыре из «Серебряного каравана» и один люгер, он зашел недавно на починку. Гарнизон состоит из полуроты пехотинцев и двадцати человек местного караула. Да еще есть моряки, которые сошли на берег.

Эта новость озадачила нас. Выходило, что нам противостоят не менее сотни человек, из них половина — опытные солдаты. И если моряки тоже окажут достойное сопротивление, мы можем обломать зубы о Санталену...

Израэль и Черный Пес прокрались в домик и мигом перерезали глотки часовым. Затем мы двинулись через камыш к двум рядам деревянных домов, которые составляли всю Санталену.

Сигналом для ле Бона должен был явиться «Веселый Роджер» на флагштоке бастиона. Таким образом, мы не могли рассчитывать на помощь с моря, пока не захватим форт, да и тогда ле Бон рисковал поразить ядрами своих. В крайнем случае, сказал мне Ник, француз высадит десант.

Первым попался нам сонный мулат, который вышел снять ставни с окон своей лавки. Мы набросились на него, не дав ему опомниться, и минуту спустя улицу заполнили вымазанные илом, орущие пираты. Они неудержимым потоком хлынули к берегу, где улица разветвлялась. Одна дорога вела на восток, к дому губернатора, другая — на запад, к форту, который стоял примерно на полпути к одному из двух мысов, замыкавших бухту.

По правде говоря, порт представлял собой довольно хлипкое сооружение из привозного леса, окруженное неглубоким рвом, в котором в эти часы не было воды из-за отлива.

Бастион соединялся с улицей подъемным мостом, и мост был спущен — непростительная глупость, ведь гарнизон знал, что с моря подошли пираты. Потом уже выяснилось, мы подоспели в то самое время, когда комендант собирался выйти из форта, чтобы проверить посты.

Я бежал изо всех сил, пытаясь сообразить, что же мы станем делать, когда окажемся у стен бастиона. Как-никак, высота их не меньше пятнадцати футов, а вместе со рвом и того больше, а у нас никакой лестницы нет.

Право же, мне следовало догадаться, что Флинт и это предусмотрел. В следующую секунду меня сбило с ног взрывом, от которого земля заходила ходуном, а в воздух взвился вихрь песка и обломков.

Ник подорвал мину под самыми воротами форта; одну створку отбросило далеко в сторону, другая распахнулась и повисла на массивных петлях. Оказалось, что в таинственном свертке он принес самодельную «адскую машину», равную по силе двенадцатифунтовому ядру. В открывшуюся брешь могло проникнуть по три человека в ряд, и первыми ворвались в бастион Большой Проспер и Флинт, который с яростными криками рубил налево и направо. Оглушенные взрывом солдаты были сметены, словно кегли. Быстрее, чем это рассказ жешь, мы рассыпались по всему форту и штурмовали главное здание, преследуя отступающих.

Комендант и два офицера попытались укрепиться в одном из верхних помещений, но Израэль направил на забаррикадированную дверь свою пищаль, и когда мы раскидали обломки, то обнаружили трех покойников. Бастион был наш.

Флинт послал меня и Андерсона поднять наш флаг; не прошло и пятнадцати минут с начала штурма, как над фортом уже развевался «Веселый Роджер».

Тем временем Сильвер атаковал дом губернатора. Сам идальго и его супруга были в постели — где еще быть им в четыре часа утра! — но патруль, только что сменившийся с поста в гавани, успел застрелить троих или четверых пиратов. Тем не менее, когда мы подоспели, Долговязый Джон уже связал губернатора и его домочадцев.

Возвращаясь вдоль берега, я увидел, как «Пава» медленно входит в маленькую гавань. Пушки стоявших на якоре кораблей молчали. Не иначе, их капитаны увидели «Веселый Роджер» над фортом и смекнули, что сопротивляться нет смысла.

Флинт первым делом вызвал на берег ле Бона с половиной его команды; вторая половина должна была держать на прицеле суда испанцев. Головорезам ле Бона велели охранять форт, куда мы согнали уцелевших солдат гарнизона; кроме того, французы расставили мушкетеров вдоль всей улицы, на случай, если санталенцы задумают освободить своего губернатора.

Вы не должны забывать, что в поселке еще находилось двести с лишним вооруженных испанцев с кораблей, и кто мог поручиться, что никто из людей идальго не ускользнул из поселка и не скачет во весь опор в Картахену за помощью.

Флинт прикинул, что половина добычи должна быть на берегу, другая половина на кораблях. Он решил начать с первой половины, а суда предупредить, чтобы не двигались с места, ина-

че их угостят изо всех пушек форта и «Павы».

А когда к бухте вскоре подошел и «Морж», испанские моряки, наверно, потеряли всякую надежду прорваться в море. Откуда им было знать, что у Билли Бонса всего двадцать человек!

Итак, Флинт, во всяком случае до конца этого дня, оказался полным хозяином положения. Пришло время заняться губернатором, который все еще сидел связанный в своем доме. Нам нужны были ключи от сокровищницы, единственного каменного здания во всем поселке. Дверь не уступала в прочности хорошим городским воротам, и вряд ли удалось бы ее взорвать, даже если бы у нас была взрывчатка.

Ле Бон и Пью предлагали засунуть старику между пальцами ног запальный шнур и поджечь, но Ник убедил Флинта разрешить ему потолковать с пленниками.

Флинт хорошо знал гордый нрав испанцев, он сказал, что дает Нику на переговоры полчаса и ни минуты больше. Если старик упрется, он и все его люди подвергнутся пытке огнем.

Ник решил испытать твердость женщин. Он сказал им, что только ему под силу убедить пиратов не жечь поселок и не истреблять все мужское население, включая малолетних. А что до женщин, то их, и белых и цветных, сделают рабынями, если не будет выдан ключ от сокровищницы.

Жена идальго не поддалась. Она была такая же храбрая и гордая, как ее супруг, и только честила Ника по-испански. Для женщины она бранилась совсем недурно, и плевалась тоже, чем немало меня удивила, ведь я считал ее благородной.

Зато сестра губернатора, тучная женщина, вся в побрякушках, которые звенели при каждом ее вдохе, оказалась сговорчивее. Когда Ник сказал, что Флинт готов подвесить ее брата за ноги и вертеть над огнем, как вертят свиную тушу, она залилась слезами и выпалила, что ключи от сокровищницы лежат в тайнике под кроватью идальго. Бедная женщина кричала, что пожертвует не только всеми сокровищами Санталены, но и рубиновым ожерельем, в котором была на приеме у испанского короля в Мадриде, — только бы мы не убивали их.

Думаю, Ник был рад не меньше моего, что обошлось без пыток. Флинт, который не забывал следить за морем, тоже был доволен, хотя и по другой причине: ему не терпелось управиться и уйти, пока не нагрянул эскорт.

Короче, мы прибрали к рукам все золото — сто десять слитков, да сверх того пятьдесят три мешка монет. Никто из нашей шайки не видел еще столько денег зараз; большинство вообще не представляло себе, что в Новом Свете могут существовать такие богатства.

Кроме того, нам досталось четыреста одиннадцать слитков серебра — целое сокровище! — и множество рубинов, топазов, изумрудов и бриллиантов на брошках, брелках и часах. В добычу входило также оружие тонкой работы, главным образом пистолеты и рапиры, инкрустированные драгоценностями.

Пока шла погрузка, Флинт следил, чтобы никто не выпускал из рук оружия, и сам стоял на пристани, держа в каждой руке по пистолету. Кругом раздавались ликующие крики, а он хоть бы раз улыбнулся.

Солнце уже приготовилось нырнуть в мангровые заросли за поселком, когда из форта явился Израэль. На берегу еще лежало серебро, и вид сокровища доставил пушкарю такую радость, что он засвистал веселую песенку.

Вдруг Флинт подошел к нему и прорычал:

— Крепостные пушки заклинены?

— Нет, капитан, еще нет, а куда спешить — ведь Билли еще не бросил якоря!

Флинт взорвался, как петарда.

— Куда спешить, чурбан безголовый? — заорал он. — До темноты мы уже должны принятся за транспорты, а с утренним приливом выйти на Тортугу. Может, ты хочешь, чтобы нас отправили в преисподнюю, пока мы тут копаемся?

Видели бы вы, как Израэль Хэндс припустил к форту, — только пятки засверкали. Меньше чем за час он вывел из строя пушки форта и залил водой пороховой склад.

Шлюпок было предостаточно, и, погрузив последний слиток на борт «Павы», мы принялись за суда.

До утра мы прочесывали транспорты, по полсотни человек на каждом; добычу перевозили на «Моржа». Мы не спали уже третью ночь и прямо-таки валились с ног, но Флинт с его пистолетами не отходил от нас, да и Сильвер был начеку. Глоток рома — вот и все, чем мы могли подкрепиться.

На рассвете, ровно через сутки после того, как мы выбрались из топи, все сокровища Санталены были уложены в наши трюмы, и мы снялись с якоря.

«Пава» отплыла немногим раньше нас, и я до сих пор не пойму, как это могло случиться, что мы так быстро потеряли друг друга. Мы шли одним курсом — на Тортугу, делить добычу, — но под вечер спустился легкий туман, а когда он незадолго до полуночи рассеялся, француза и след простыл. Сразу прошел слух, что ле Бон улизнул неспроста, ведь на его корабле находилось почти все золото и серебро.

Как бы то ни было, итог оказался бедственным для француза, да и для нас тоже: плыви мы вместе, ле Бон не попал бы в такую переделку. Да и все обернулось бы иначе, если бы мы, как намечалось, дошли до Тортуги.

На третий день после выхода из Санталены около полудня умеренный западный бриз донес до нас звуки пушечной стрельбы. Где-то за горизонтом шел бой, и Флинт тотчас велел рулевому править в ту сторону.

Вскоре мы увидели облако дыма, а затем Сильвер, глядя в подзорную трубу, громогласно возвестил:

— Разрази меня гром, если это не наш француз нарвался на испанский военный корабль!

Так оно и было, причем ле Бону явно приходилось туго. Приблизившись, мы увидели, что «Пава» потеряла грот и бизань; среднюю часть палубы охватило пламя, и в воздухе расплылся густой черный дым. Испанский корабль громил француза почем зря, стоя в двух кабельтовых от него.

Флинт мигом смекнул, как действовать.

— Поднять красно-желтый флаг! — скомандовал он. — Пушкари, по местам и ждать, когда подойдем вплотную. Хендс, без моей команды огня не открывать!

Пушкари побежали вниз, а Флинт продолжал:

— Сильвер, выдать всем на палубе шишаки! Сейчас дон испанец получит такую помощь, от которой ему не поздоровится!

Сильвер понял его с полуслова. У нас было достаточно испанского снаряжения, чтобы устроить небольшой спектакль на полуюте. Сильвер и Бонс раздали шишаки и кожаные куртки, затем приказали нам стать вдоль бульверка, кричать и размахивать руками. Тем временем Бонс повел наш корабль между двумя сражающимися сквозь облако дыма, затмившего солнце.

Мне кажется, испанский капитан, увидев наш маневр, смекнул, что к чему, да только поздно он спохватился. Очутившись борт о борт с испанцем, мы в упор дали залп ядрами и картечью. Последствия были ужасны, высокий корабль сразу накренился под углом сорок пять градусов. Вообще-то второй залп был уже не нужен, но пушкари «Моржа» не поленились добить противника. Пламя охватило его паруса, люди пачками прыгали за борт. Еще один поворот, и мы подошли к окутанному дымом французу, в тот же миг испанец со страшным грохотом взорвался.

Теперь все наше внимание обратилось на «Паву». Подходить к ней вплотную было опасно, огонь легко мог перекинуться к нам, поэтому мы легли в дрейф и живо спустили шлюпки. Наше счастье, что Билли настоял на том, чтобы взять с собой захваченные в Санталене лодки взамен затопленных нами при высадке на берег.

Я в числе первых ступил на палубу француза, и хотя душа моя успела уже очерстветь, мне стало не по себе. Вне сомнения, «Паве» до нашего прихода достался не один залп: кругом лежали мертвые и умирающие — половина команды, включая самого ле Бона, его штурмана и старшего пушкаря. Уцелевшие передавали друг другу ведра, борясь с огнем в средней части палубы. Не говоря ни слова, мы кинулись помогать.

Никогда не забуду два последующих дня.

Не будь «Пава» так сильно повреждена, мы могли бы не спеша перенести сокровища на «Моржа», а затем бросить ее. И мы начали было грузить золото в шлюпки, но погода ухудшилась, и всех послали на помпы. Стоило ослабить темп, как корабль оседал, все больше кренясь на левый борт. Еще до ночи нам пришлось сбросить в море все пушки и прочий груз; одна восьмерка сменяла другую на помпах — мы качали, не жалея сил.

Понятно, теперь мы не могли идти на Тортугу, «Пава» связала нам руки, и появись вдруг еще один испанец, мы не успели бы сделать ни одного выстрела. На наше счастье, неспокойное море оставалось пустынным, и, взяв «Паву» на буксир, мы потащились на юго-восток, чтобы у ближайшего островка передохнуть и очистить трюмы разбитого судна.

Случилось так, что ближайшим оказался остров Кидда. До него было два дня хода при попутном ветре, и мы потянулись туда, следуя друг за другом, словно два подраненных гуся.

Погода продолжала портиться, и Билли, чтобы управлять «Моржом», нужно было не меньше семидесяти человек. Примерно столько же осталось на «Паве» откачивать воду. Мы сменялись на помпах каждые полчаса, урывая минуты для еды и отдыха. Только страх потерять золото придавал нам силы выдерживать этот каторжный труд. И Сильвер не без умысла напомнил, что гибель семидесяти восьми человек из команды ле Бона увеличила долю остальных...

...Любопытно расположен остров Кидда, он же Остров Сокровищ. В этой части Карибского моря, от Пуэрто-Рико на юг и юго-восток до самого Тринидада, широкой дугой протянулись Малые Антильские острова. По обе стороны от главной дуги лежат на отшибе уединенные островки, но большинство из них, подобно Сундуку Мертвеца, представляют собой почти голые скалы, и только остров Кидда достигает сравнительно крупных размеров.

Флинт прикинул, что если мы доберемся до Южной стоянки, а еще лучше — до Северной бухты, можно будет посадить «Паву» на мель и разгрузить ее трюмы, а потом почистить днище «Моржа» и идти на Тортугу: ведь у нас, помимо золотых слитков, было немало добра для скупщиков. Наши «господа» — Флинт, Бонс, Сильвер, Хендс, Пью и Ник — сошлись на том, что этот план всего полнее учитывает разные обстоятельства. Команда тоже его одобрила, не зная, конечно, что Флинт и Сильвер замыслили оставить команду «Павы» на бобах, считая, что ле Бон хотел их надуть.

Нам опять здорово повезло. Погода неожиданно наладилась, и мы вошли в Северную бухту, никого не встретив по пути.

Ох и обрадовались мы, Джим, когда увидели над горизонтом знакомые вершины! Вряд ли у меня хватило бы сил еще один час качать воду, к тому же мы не сомневались, что весть о набеге на Санталену уже дошла до Панамы и все испанские корабли в Мэйне разыскивают нас.

Билли перешел на «Паву» и во время прилива посадил ее на мель под самыми деревьями — там, где вы видели ее в последний раз, — а мы сошли на берег, чтобы, как было заведено, поставить защитную батарею и подготовить «Моржа» к килеванию.

Всю добычу свезли на остров и разложили на четыре кучи — золотые слитки, серебряные слитки, монеты и оружие. И уж поверьте мне, Джим, любая из этих куч представляла целое состояние.

Когда все подсчитали и рассортировали, а «Морж» начал обретать свой прежний вид, Флинт велел всем собраться в час отлива. Прошел слух, что Сильвер будет говорить про дележ и про будущие дела. И вот мы сидим на горячем песке...

Стоит мне закрыть глаза, Джим, и я как сейчас все вижу.

Солнце светило над деревьями, над берегом плыл свежий, бодрящий запах смолы от сосен на двуглавой вершине, сладко пахли лесные цветы. Большинство людей сидели голые по пояс, обвязав голову от солнца яркими платками; пояса и портупеи они отложили в сторону.

Какой только народ тут не был — англичане, французы, голландцы, испанцы, левантинцы, мавры, курчавые негры, тьма метисов из всех поселений Мэйна. Были тут старики — лысеющие, с седыми бакенбардами — и мужчины в цвете лет, вроде Ника и Сильвера, и безусые парни, слишком юные для такой компании. И все они не сводили глаз с Сильвера, разве что изредка косились на разложенную на песке добычу, чтобы убедиться, что на нее никто не покушается.

Сильвер сдернул с головы шляпу и оглядел нас, лучезарно улыбаясь. Я до сих пор слово в слово помню, что он нам тогда говорил.

— Друзья, — начал он. — Когда мы подписывали контракт, я говорил кое-кому, что вы родились под счастливой звездой, и сдается мне, я оказался прав — д-да, поглядите туда, и вы согласитесь. За вас думают такие люди, как я и капитан, и сейчас самое время сказать об этом напрямик, как положено настоящим морякам, потому что нам еще придется немало поломать голову, чтобы переправить добычу в такое место, где мы пустим ее в оборот, как положено джентльменам удачи! А дело все в том, что сейчас мы не можем идти с нашей добычей прямо на Тортугу, придется подержать ее здесь, пока «Серебряный караван» не уйдет подальше, вместе с кораблями военного эскорта!

Что тут было, скажу я вам! Словно гром раскатился по рядам сидевших вокруг пиратов. Несколько человек вскочили на ноги, стараясь его перекричать. Ведь все настроились на немедленный де-

леж, и слова Долговязого Джона были для них горькой пилюлей. Однако он умел заставить слушать себя. Достаточно было ему обвести нас строгим взглядом и поднять в руке шляпу, как воцарилась тишина, и Джон продолжал:

— Запомните: вице-король мечтает украсить свои виселицы вашими особами не меньше, чем занять королевский трон в Мадриде! Идти теперь на Тортугу с нашей добычей — это же все равно что добровольно сложить сокровища на пристани Кадикса или явиться на главную площадь Панамы с петлей на шее! «У нас быстроходный корабль, мы можем уйти от погони, либо принять бой», — скажете вы. Верно, судно и впрямь доброе, — а сколько у нас груза? Вы мне вот что скажите: что с нами будет, коли до схватки дойдет? Потеряй мы хоть одну стеньгу — и крышка, и вообще, какой бой, когда повернуться-то негде! Один меткий залп — и наша песенка спета, один риф — и прощай вся казна! Нет, лучше всего не спешить, схоронить добычу здесь, в надежном месте, после чего вернуться за ней на двух, даже на четырех судах, потому что плох тот купец, который кладет все яйца в одну корзину!

Вторая часть речи Сильвера произвела заметное впечатление. Он совершенно верно сказал, что корабль, набитый золотом, мало пригоден для боя; куда там сражаться, когда на уме только одно: как бы улизнуть с добычей. Верно было и то, что чем дальше караван с эскортом уйдет в океан, тем больше надежд найти поселение, где нам окажут радушный прием.

Вдруг встает Джоб Андерсон и задает вопрос, который, без сомнения, беспокоил большинство пиратов.

— Ну ладно, Джон, допустим, мы с тобой согласились, сейчас не время выходить с добычей в открытое море — но кто же будет хоронить сокровище? Кто будет знать, где оно спрятано?

Его поддержали дружные возгласы, и Сильвер снова заулыбался. Он чувствовал, что самое трудное позади и команда опять в его руках.

— Вопрос прямой, Джоб, и ответ должен быть таким же прямым! — воскликнул он. — Верно, в нашем положении не очень-то приходится доверять друг другу, и лично я предпочел бы не связываться с таким делом — господи, пронеси, как говорится. Может, кто-то и доверяет мне, но я ничуть не обижусь, если другие откажут мне в доверии! Но ведь кому-то надо взять на себя эту задачу; и если хотите знать мое мнение, так, по-моему, лучше всего, как у нас заведено в серьезных делах, тянуть жребий. «Господа» — отдельно, «чернь» — отдельно, чтобы не было подвоха! «А дальше?» — спросите вы. А дальше все будет очень просто. Кому выпадет жребий, те останутся здесь зарывать сокровища, а мы ждем на борту сигнала, что дело сделано, после чего мы забираем их и держим, так сказать, заложниками, покуда не сбудем остальное барахло на французской Тортуге, снарядим суда и вернемся на остров для большого дележа!

— Сколько же надо выбрать? — крикнул Джордж Мерри.

— Как можно меньше, — отчеканил Сильвер. — Чем меньше их будет, тем легче за ними уследить, сдается мне!

В конце концов постановили, что «господа» выделяют одного представителя, а лопатами работать будет всего шесть человек. Нелегкий труд предстоял им с такой огромной добычей!

Жеребьевка состоялась в ту же ночь при свете костров, разведенных на берегу. Поверка показала, что «господ» десятеро, а «чернь» насчитывает сто семьдесят восемь человек. В жеребьевке не участвовали раненые, которым тяжелая работа на берегу была бы не под силу. Ник приготовил сто семьдесят восемь ярлычков, пометил крестиками шесть, после чего положил все в медный котел, который поставили между двумя самыми большими кострами.

«Чернь» первой тянула жребий. «Господа» окружили котел, а пираты подходили один за другим и доставали бумажку, после чего отходили в сторону.

Первые тридцать-сорок бумажек оказались без пометки, и напряжение достигло предела, когда наконец один из французов вытащил крест. Почти сразу же вслед за этим ярлык с меткой попался мулату, который перешел на «Моржа» с одного из наших призов.

Еще человек двадцать взяли чистые ярлычки, потом крест достался коренастому здоровиле, бывшему контрабандисту из Западной Англии, затем опять французу и, наконец, голландцу из нашей команды. Осталось полтора десятка человек — и один, последний, крестик.

Ей-богу, Джим, с меня пот катил градом. Мне ничуть не улыбалось закапывать золото в такой вероломной компании. Но жеребьевка была для всех, а тут еще Ник заметил, что я мешкаю, и воскликнул:

— Подходи, Бен, дружище, — ты единственный среди нас, кто за деньги рыл ямы, раньше чем стать джентльменом удачи!

Я шагнул вперед под общий хохот — все знали, что я был в прошлом могильщиком, — сунул руку в котел, взял ярлычок и стал его развертывать. Бумажка была сложена вчетверо, и дрожащие пальцы не хотели меня слушаться, наконец я справился и в беспокойном свете костра увидел... Шестым заложником оказался я.

Не помню точно, что было потом. Кажется, я ушел подальше от костров, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Все остальные обступили котел — предстояла еще жеребьевка среди «господ», — и внезапно раздался крик, который, наверное, было слышно на другом конце острова. Ник подбежал ко мне и сказал, что жребий пал на Флинта.

Худшей новости я не мог услышать. Остаться на берегу в обществе Флинта, пятерки головорезов и груды золота — от такого задрожали бы колени и у человека похрабрее меня, Джим.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро произошло нечто странное. Сильвер собрал нашу шестерку, отвел в сторону и объявил, что, пока не отчалит «Морж», мы должны находиться отдельно от всех, а именно в хижине на южном берегу залива, которую обычно занимал Флинт.

Мы побрели к хижине — двое французов, мулат, голландец, беглый каторжник-англичанин и я, — развели свой костер, чтобы приготовить еду, и тут мне вдруг пришла на ум история, которую я слышал от одного индейца. Он рассказывал про обычай своих языческих сородичей в Перу: как они, когда просили дождя у богов, приносили человеческие жертвы, а предназначенных для этого юношей и девушек до самой церемонии жертвоприношения держали обособленно, запрещали до самой церемонии с ними разговаривать и даже смотреть на них. Сами понимаете, от такого воспоминания я не повеселел.

Тем временем остальные пираты укладывали золото, половину серебра, монеты и самое дорогое оружие в ящики; вторую половину серебра было решено увезти с собой. Всего было девять ящиков — четыре с золотыми слитка-

ми, два с монетами, один с оружием и два с серебром. Оружейный мастер выжег на них клеймо «Моржа». Только ящик с оружием оказался неудобным для переноски, к остальным приделали толстые веревочные ручки.

Закончив работу, все, кроме нескольких «господ», отправились на корабль, и к ночи на берегу воцарилась непривычная тишина. Лишь позднее, когда на «Морже» раздали ром, над заливом поплыли приятные звуки песни.

Флинт не появлялся, и мы сгрудились вокруг нашего костра, чтобы поужинать. Нам было жутко и одиноко на пустынном берегу, где еще днем гудели голоса и толпились люди. Луна пока не взошла, и лес казался угрюмым и черным. Конечно, у нас был ром, но он почему-то не брал нас в ту ночь. Мы говорили вполголоса, и, помнится, наш разговор был совсем не похож на обычные беседы пиратов. Один из французов, молодой парень по имени Базен, спел трогательную песенку про свой родной дом в краю вина, около Бордо; от этой песни у меня сжалось горло... Когда пришло время спать, выяснилось, что хижина мала для шестерых, и я лег на воле, укрывшись своим плащом.

Уже за полночь я вдруг проснулся: кто-то дергал меня за плечо, одновременно зажимая мне рот рукой.

Я сел и при свете взошедшей луны увидел Ника; в тени под деревьями стоял еще кто-то. Не говоря ни слова, Ник жестом предложил мне встать и идти за ним к опушке. Здесь я разглядел, что второй человек — Джон Сильвер.

— Бен, — сказал Ник, убедившись, что нас не услышат в хижине, — ты вернешься на корабль с Джоном.

— А как же моя работа? — спросил я. — Ведь я выбран честно, по правилам.

— Ты — да, — ответил Ник.— Но Флинт — нет, и мы с Джоном решили последить за ним. Так что делай, как я сказал, ступай с Джоном. И если Флинт задумал какую-нибудь каверзу, ему придется иметь дело со мной.

— Он смекнет, что вы его раскусили, и сразу убьет вас, — сказал я.

— Пусть попробует! — Ник подмигнул Сильверу. — Да у него не будет выбора, придется взять меня с собой, ведь корабль уже отойдет. С началом отлива «Морж» покидает бухту, а когда поднимется солнце, он будет уже далеко. На-ка, выпей!

Он протянул мне склянку с какой-то жидкостью, пахнущей камфарой.

— Что это? — спросил я.

— Это поможет тебе прикинуться больным, — объяснил Ник. — А на самом деле, кроме пользы, ничего не будет, положись на меня!

По правде говоря, я был только рад, что мне не надо оставаться на острове в обществе Флинта, да и секрет тайника давил бы на мою душу тяжелее, чем десять пушечных ядер. Однако я видел, что они готовят какой-то подвох, и беспокоился за Ника.

— Когда тебя увидят на борту, Джон скажет, что ты захворал и в последнюю минуту я заменил тебя, — добавил он. — Так что на этот счет не беспокойся. Им один черт, кто останется на берегу, — ты или я.

Разговор был исчерпан, я сделал добрый глоток из склянки и вернул ее Нику. Сильверу не терпелось сесть в гичку, причаленную к берегу поодаль, и он поторопил нас.

— Ладно, идет, только держите наготове пистолеты и кинжал, — предупредил я Ника.

Он усмехнулся и протянул мне руку.

— Мы с тобой не раз в переделках бывали, Бен, — сказал он.

Это были последние слова, которые мне довелось услышать от Ника.

...Мы вернулись на судно без происшествий. Все было готово для выхода в море, и буканьеры лежали вповалку на палубе, забывшись в пьяном сне. Только вахтенные бодрствовали в ожидании отлива, да на корме виднелась коренастая фигура Билли Бонса. Я спрашивал себя, можно ли положиться на Сильвера, и разделяет ли Билли его подозрения относительно Флинта. Во всяком случае, Бонс, увидев меня, ничего не сказал, а через два часа всю команду вызвали поднимать якоря, и вскоре «Морж» уже вошел в пролив и лег на курс норд-вест, оставив Фок-мачту с левого борта.

Не знаю, что за снадобье дал мне Ник, но, видно, в нем было примешано снотворное: весь этот день, да и последующий тоже, меня одолевал сон, и все решили, что у меня болотная лихорадка, а то и что-нибудь похуже.

Стояла жаркая погода, почти без ветра, и команде не было покоя: мы все время лавировали в двух-трех милях от берега, чтобы не терять из виду Подзорную Трубу.

Утром пятого дня, когда мы подошли поближе, на полуюте вдруг раздался громкий крик, и тотчас палуба загудела от топота ног.

Я уже почти оправился и спросил одного из пиратов, в чем дело. Он ответил, что замечен сигнал Флинта, и показал на тонкий столб дыма, поднимавшийся со склонов Бизань-мачты, на западном берегу Южной бухты.

Мы вошли в бухту через пролив между островом Скелета и Буксирной Головой и бросили якорь на глубине четырех саженей.

Вся команда ринулась к левому бульверку, и поднялся невообразимый шум. Из-за своего малого роста я не видел берега, но зато услышал возглас Израэля:

— Гром и молния, это Флинт, и он один!

Этих слов было достаточно, чтобы я бросился к вантам бизань-мачты. Поднявшись по ним выше бульверка, я убедился, что Израэль прав. Флинт — без своей треуголки, голова обмотана голубым шарфом — медленно греб к судну. Он был один, и когда лодка приблизилась, стало видно, что наш капитан сам на себя не похож и едва управляется с веслами.

— Эгей! — окликнул его Пью.— Где остальные, капитан?

Флинт придержал правое весло, подвел лодку к борту «Моржа», схватил конец, брошенный ему Андерсоном, и привязал за фалинь.

Затем он поднял голову, и мы увидели, что лицо его еще страшнее обычного: бледное как мел, щеки провалились, воспаленные глаза горят, будто угли, в глубоких глазницах. Словно взяли череп и обтянули коричневой кожей.

— Остальные? — прорычал Флинт. — Остальные отдали концы, черт бы побрал эту вероломную сволочь!

Поднимаясь по трапу, он едва не сорвался; пришлось Андерсону спуститься и чуть ли не на руках втащить его на борт.

Когда Флинт ступил на палубу, стояла мертвая тишина. Команда таращилась на него, и он в ответ уставился на нас, обнажив желтые зубы в волчьем оскале.

— Ну, — сказал он наконец,— кто-нибудь жаждет присоединиться к ним?

Правая рука Флинта потянулась к одному из четырех пистолетов, висевших у него на поясе.

Никто не двинулся с места, все молча смотрели на ужасное, зловещее лицо капитана.

— Вы, кажется, ранены! — крикнул вдруг Билли с полуюта.

Он не добавил «капитан», и мне почудилось, что его голос, и без того хриплый, прозвучал еще грубее обычного.

— Так точно, — медленно ответил Флинт, — я ранен, и сделал это подлец-костоправ, когда я разделался с остальными, чтобы они не разделались со мной! Кто это все придумал? Уж я дознаюсь! Кто...

Флинт не договорил. Внезапно он пошатнулся и со всего роста рухнул на палубу. При этом шарф слетел с его головы, и обнажилась длинная рана, похожая на след от плети. Редкие волосы от левого виска к затылку слиплись от крови. Мало кто пережил бы такую рану, и Флинт только чудом остался жив.

— Вот тебе раз, — произнес как всегда невозмутимый Сильвер, — Флинт с раскроенным черепом, а остальная шестерка в земле сырой! А ну-ка, помогите отнести его в каюту. Если он сыграет в ящик, мы все останемся на бобах — сам черт не скажет нам, где тайник!

Вряд ли когда-нибудь на борту «Моржа» так бережно обращались с раненым. Флинта снесли вниз, рану промыли, потом сняли с капитана грязную одежду и уложили его на койку. Двести нянек суетились вокруг него, наперебой предлагая свои способы лечения. В конце концов вмешались Сильвер и Бонс. Израэль и Пью ни на шаг не отставали от них, и все четверо зорко следили друг за другом, точно коты, окружившие кошечку. По приказу Сильвера каюту освободили.

— Все будет в порядке, приятели, за капитана не тревожьтесь! Предоставьте это дело мне, и дайте ему покой!

Юный Джордж Мерри оказался самым недоверчивым.

— А может, Флинт начертил карту? — допытывался он.

— Мы проверили его одежду, половина команды видела, — ответил Пью. — Ничего похожего на карту, так что, сдается мне, у него все в голове.

Те, кто видел, как обыскивалась одежда капитана, подтвердили неутешительное сообщение Пью. С той минуты, как Флинт поднялся на борт, он все время находился у нас на глазах, и было ясно: либо он ничего не доверил бумаге, либо надежно спрятал карту на берегу.

В тот же вечер мы взяли курс на Тортугу; поднялся занавес для последнего известного мне акта в истории «Моржа» и его команды.

Продолжение следует

Сокращенный перевод
с английского Л. ЖДАНОВА

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Роман

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Что было после, Джим? Об этом можно в нескольких словах сказать так: для большинства нашей команды — смертный бой и кровавый конец, для некоторых ее членов, например, Пью и Сильвера, долгие страдания и невзгоды. И только для меня оборвалась стезя, которая вела прямиком в преисподнюю, и начался путь домой.

Я говорил уже, что после Санталены счастье отвернулось от Флинта. Но мы не подозревали, чем это обернется для нас, пока не попали в ураган восточнее Сен-Китса и корабль не занесло далеко на запад, в опасные для нас воды южнее Ямайки. Ураган сменился штилем, и вскоре мы — не забудьте, нас стало двести человек — начали ощущать острый недостаток воды, так что пришлось ограничить выдачу до кружки в день на человека.

Флинт не вставал с койки; его видели только «господа» да преданный Дарби, который день и ночь ухаживал за капитаном. Но мы знали, что Флинт жив, потому что в тихие ночи было слышно, как он бредит и горланит моряцкие песенки.

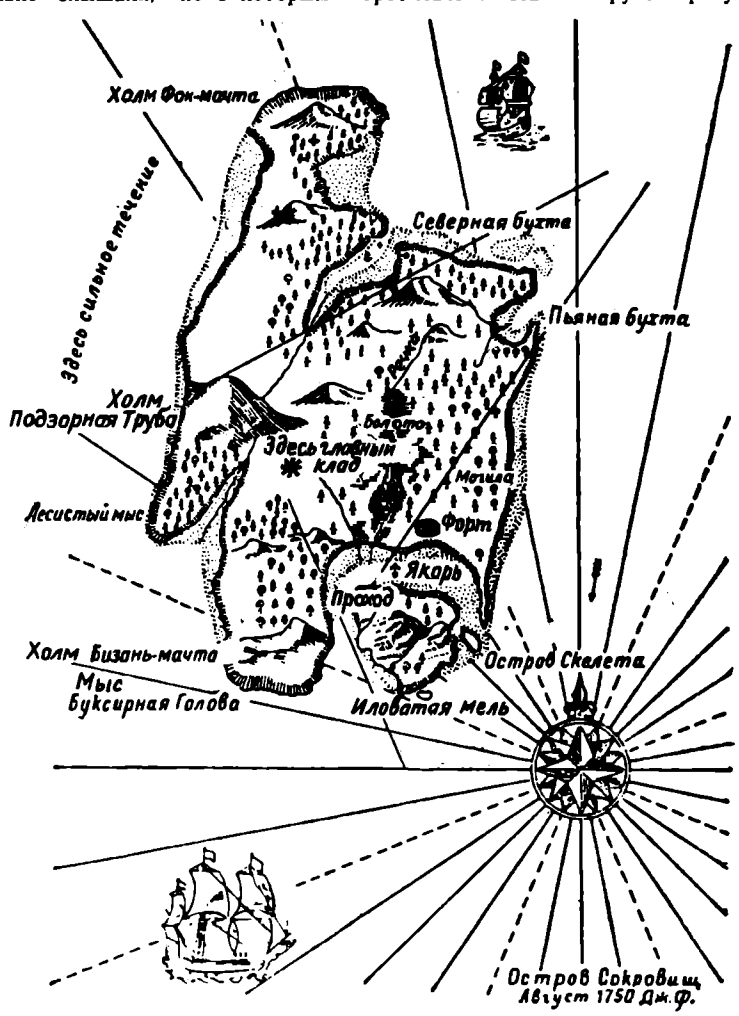
Сильвера мы почти не видели. Он подолгу просиживал в каюте капитана, теперь мне понятно — почему. Вместе с остальной тройкой он добивался от Флинта, чтобы тот заполнил белые пятна на карте острова Кидда, которую начертил Билли. Во всяком случае, так он сказал, когда команда, заподозрив неладное, прислала депутацию к квартирмейстеру.

Пора гнетущего бездействия кончилась неожиданно и ужасно. Только мы, набрав на островке чуть западнее Большого Каймана, воды, вышли из залива, намереваясь лечь на курс норд-вест, в сторону заходящего солнца, как из-за ближайшего мыса вынырнул новехонький фрегат с «Юнион Джеком» на стеньге. На всех парусах он шел наперерез «Моржу» со скоростью, вдвое превосходящей скорость нашего корабля, не успевшего еще, как говорится, расправить свои крылья.

Все понимали, что мы нарвались на морской дозор, о котором столько слышали, но с которым до сих пор ни разу не встречались.

В следующий миг фрегат развернулся и дал залп всеми пушками правого борта.

Никогда еще мне не доводилось ни наблюдать, ни тем более испытывать действие такого опустошительного залпа на палубе, битком набитой людьми. Одновременно рухнули фор-марс, бизань и часть грот-мачты. На шкафуте сразу



Продолжение. Начало в №№ 1—3.

было убито человек тридцать-сорок, да еще почти столько же покалечило обломками на носу и на корме. Изорванные паруса накрыли бак, словно саваном.

Все, кто мог, ринулись к трапам, подгоняемые хриплыми криками Билли с полуюта. Бонс торопился восстановить порядок и открыть ответный огонь, прежде чем фрегат подойдет ближе и обрушит на нас новый залп.

Я бежал, словно кролик. В моем плече застрял осколок, но я ничего не чувствовал; зато после не одну неделю чуть не выл от боли.

Мы сгрудились на нижней палубе — и хуже ничего не могли придумать. Не успели мы разобраться, что к чему, и выкатить хотя бы одну пушку, как фрегат накрыл нас в упор вторым бортовым залпом, который пришелся по пушечным портикам.

Последствия были ужасными. Если первый залп стоил нам полсотни убитых, то второй унес еще больше жертв, опрокинув наши пушки и разметав лафеты во все стороны, прямо на людей, которые лихорадочно разбирали такелаж и всякий хлам. В несколько секунд пушечная палуба обратилась в ад кромешный.

Сильвер лежал возле переборки, из-за которой мы с Ником когда-то смотрели, как он сговаривается с Пью и Хендсом. Его придавило пушечным стволом, сорвавшимся с лафета при внезапном крене «Моржа». Окорок кричал, как ребенок, но ему никто не мог помочь — каждый спасал свою шкуру.

Во всей этой сумятице только один человек сохранил присутствие духа: старший пушкарь Израэль Хендс. Вот уж истинно говорят, Джим, что человека трудно раскусить. Тупица Хендс, мрачный пьяница, только на то и пригодный, чтобы буянить или горланить песни после доброй порции рома, — этот отпетый прохвост совершенно преображался, стоя у пушки с запальным шнуром в руках. В такую минуту это был просто необыкновенный человек — хладнокровный, расчетливый, отважный, как гладиатор.

Движимый каким-то инстинктом, я ринулся к нему, чувствуя, что он один может сделать что-то, прежде чем третий залп превратит уцелевших в рыбий корм.

На корме, в самом углу между переборкой и камбузом, Хендс нашел то, что искал: двенадцатифунтовую пушку, которая смотрела в портик. Рядом лежали картуз пороха и два ядра — остальные выкатились наружу.

Пушка очутилась здесь совершенно случайно. Ее почему-то не поставили на место после килевания, но причиненное двумя залпами сотрясение каким-то образом развернуло лафет так, что дуло смотрело как раз в последний портик по правому борту.

Израэль поглядел вдоль ствола и удовлетворенно крякнул. Через его плечо и я увидел, что его так обрадовало. Фрегат находился от нас меньше чем в полукабельтове и как раз поворачивал к ветру, то ли готовясь дать новый залп правым бортом, то ли собираясь идти на абордаж. Корма фрегата являла собой мишень высотой с церковную стену, и Хендс, слегка поправив прицел, поднес к заряду запальный шнур.

В общем гуле одинокий выстрел прозвучал довольно жалко, но он достиг цели: ядро попало прямо в руль и разбило его. С этой минуты фрегат оказался беспомощной игрушкой волн и крепнущего ветра.

Забыв о царящем позади нас бедламе, мы с Израэлем вдвоем пробанили ствол, забили заряд и оттолкнули пушку от переборки, которая остановила откат. Теперь Хендс прицелился повыше, ядро пробило бульверк на корме и пронеслось над палубой фрегата, кося столпившихся людей.

Два наших выстрела произвели не меньшее действие, чем добрый бортовой залп, и они-то нас спасли. Подойди фрегат вплотную к «Моржу», нас смяли бы первым же натиском, и еще до конца месяца мы сушились бы под солнцем на виселицах.

Когда начался бой, дело шло к закату. На наше счастье, сумерки в Карибском море длятся недолго, и скоро совсем стемнело. Море, разделявшее оба корабля, стало фиолетовым, потом багровым, потом черным, а нас все дальше относило друг от друга. Фрегат был целиком во власти ветра.

Что же касается Бонса, то он, умело используя уцелевшие паруса, строго выдерживал курс норд-вест. Всю ночь Билли простоял на руле, пока остальные убирали обломки и ставили временные мачты на носу и на корме.

Плечо ныло, но мне было не до него. Уже светало, когда я наконец пошел спать, — слабый от потери крови, правая рука висела, будто палка.

Два человека, Израэль и Бонс, выручили нас, но был еще третий, кто отличился в этом бою, хотя и не на главной палубе. Не будь его, две трети наших раненых не дожили бы до Саванны, куда Билли вел «Морж».

На нижней палубе глазу открывалось зрелище, какого самая закаленная душа на всем Мэйне не снесла бы.

Сильвер лежал с расплющенной ногой подле искалечившей его пушки. Ослепший Пью в беспамятстве царапал грубые бинты на голове, громко стонал и так богохульствовал, что казалось — сейчас через люк ворвется молния и испепелит его.

Всего убитых было девяносто два, примерно столько же раненых; в числе погибших оказались наши лучшие люди — плотники, оружейники, парусные мастера.

Сильвер стойко переносил страдания. Я дал ему немного бренди, потом пошел на корму, чтобы отыскать медицинский сундучок Ника, в котором лежали его мази и инструменты. И я сказал себе, что многие на борту теперь, должно быть, проклинают Флинта за то, что он убил нашего судового врача. Не один член команды был обязан жизнью искусству Ника.

Лекарства куда-то запропастились, но пока я искал их, мне встретился полупомешанный псалмопевец Джейбс Пэтмор — тот самый старик, который не пожелал расстаться со своими кандалами, когда пираты захватили корабль в гавани Порт-Ройяла.

Джейбс по собственному почину взял на себя обязанности судового врача; и что всего удивительнее — сейчас он не производил впечатления помешанного. В аду на нижней палубе расхаживал сильный духом человек, чем-то напоминавший святого; он подавал напиться, зашивал зияющие раны, извлекал картечины и осколки, — короче говоря, орудовал инструментами Ника так, словно родился заправским хирургом.

Кстати, Джейбс тогда и Сильвера спас. Он очистил ему рану и наложил лубки, а Джон, чтобы

не потерять сознания, жевал табак и, обливаясь холодным потом, крепко сжимал своими ручищами два рым-болта. Джейбс перевязал пустые глазницы Пью, потом оказал помощь еще полсотне пройдох, после чего занялся легкоранеными вроде меня.

Билли неспроста выбрал Саванну: у него были друзья среди тамошних управителей. Многие английские губернаторы (да и испанские тоже) ладили с нами. Они были не прочь приобрести кое-что, не платя пошлины королю Георгу, и охотно предоставляли нам убежище, лишь бы мы не бесчинствовали в их городах.

Войдя в гавань и бросив якорь, мы сразу заметили корабль Юджина Девиса «Возмездие», спокойно стоявший в окружении мирных «купцов».

Девис был известный пират, под его началом все еще служили ветераны, плававшие с Робертсом. Правда, он и Флинт не были закадычными друзьями, но Сильвер хорошо знал Девиса; к тому же в этих водах действовало правило «ворон ворону глаза не выклюет». Каждому хватало поживы.

Увидев наше бедственное состояние, Девис тотчас прибыл на борт «Моржа». Он захватил с собой судового лекаря; тот осмотрел наших раненых, в первую очередь Джона, и сразу же сказал, что ногу придется отнять, если только Сильвер не хочет умереть от гангрены.

Долговязый Джон спокойно воспринял его слова.

— Ладно, режьте, — пробурчал он. — Лишь бы я потом смог выследить тот фрегат и его команду, чтоб им гореть в вечном огне!

Ампутацию провели незамедлительно, и все время, пока я еще оставался на борту, Сильвер балансировал на грани между жизнью и смертью. И только много лет спустя я услышал, что в конце концов он оправился и на одной ноге выказывал такую же прыть, как прежде на двух. Да, Джим, что ни говори, Долговязый Джон был на голову выше большинства людей, когда-либо стоявших на палубе корабля. За все годы моих скитаний я ни разу не встречал человека, равного ему.

Пью быстро поправлялся, но слепота сделала его еще злее прежнего. Само собой, он был обречен на нищенство, и я долго ничего о нем не знал, пока не столкнулся с вами.

Флинту не становилось ни хуже, ни лучше; он все так и лежал в каюте, общаясь только с Билли и Мак-Гроу. Видно, в эти дни и была дорисована карта, после чего Билли Бонс решил улизнуть с ключом от сокровища. Однажды утром, за несколько дней до того, как я сам оставил корабль, выяснилось, что он исчез. Никто не знал и не видел, когда и как ушел Бонс; занятые собственными невзгодами, пираты не придали значения его побегу, пока не смекнули, что к чему.

Мои мысли в ту пору были поглощены другим, для меня важнее всего на свете было выяснить, что же случилось с Ником, хотя бы для этого пришлось приставить нож к горлу Флинта, а добившись ответа, — прикончить нашего капитана.

Все это время Флинт ни разу не вставал с койки, вряд ли он даже знал о роковом бое, — ведь он постоянно находился в бреду, когда от раны, когда от рома. Быть может, он мог бы еще оправиться и снова стать во главе своей шайки, но Дарби был слишком туп, чтобы понять это, либо не меньше моего стремился прикончить Флинта: он позволял своему хозяину пить вволю; мы то и дело слышали, как Флинт горланит, зовя своего Дарби и требуя бутылку.

Долгожданный миг наступил через неделю после того, как мы бросили якорь. Большая часть команды съехала на берег сбывать, что удалось спасти из награбленного. Дарби отправился за фруктами, и Джейбс попросил меня позаботиться о капитане. «Что ж, можно и позаботиться...» — сказал я себе. Сойдя вниз, я раздобыл кинжал, после чего направился в каюту Флинта под полуютом. День выдался знойный, и почти все оставшиеся на борту спали.

Спускаясь по трапу, я услышал невнятное бормотанье Флинта, потом, уже возле самой двери, какой-то скрежет, будто ржавая цепь терлась о брашпиль.

Я шагнул в каюту и подошел к открытому иллюминатору, под которым помещалась койка Флинта. Кажется, только в эту минуту я до конца осознал, как его ненавижу. Меня била дрожь, но не от страха, в нем уже не было ничего страшного, он выглядел только щуплым и жалким под своим грубым одеялом, — уродливая голова запрокинулась на подушке, подбородок торчал кверху.

— Капитан, — сказал я, вытащив кинжал. — Я пришел узнать правду насчет Аллардайса и советую вам выложить все начистоту, пока я не перерезал вам глотку!

Он не ответил, не поглядел на меня, даже не шевельнулся, его глаза были все так же устремлены на открытый иллюминатор. В душной каюте слышалось только жужжание мушиных полчищ, круживших над батареей пустых бутылок на рундуке.

Я нагнулся, посмотрел на лицо Флинта... И громко расхохотался. Он был мертв. То, что мне показалось скрежетом, было его предсмертным хрипом. Стоя с кинжалом в руке, я хохотал как безумный. Возможно, я и впрямь был не в себе, а может быть, сказывалась слабость после ранения.

Так или иначе, мне было ясно, что я уже никогда не узнаю, как Ник встретил свою кончину в окружении несметных сокровищ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Не помню, сколько я так простоял, несколько секунд или час, но внезапно меня осенила мысль, что этот случай — своего рода знамение. Да-да, теперь я уверен, что именно тогда сделал первый, пусть еще нетвердый шаг по стезе, уводящей меня прочь от прежней беспутной жизни. И мной овладело такое смятение, что я стремглав выскочил из каюты, словно сам дьявол гнался за мной по пятам, и кинулся искать кого-ни-

будь, с кем я бы мог потолковать и посоветоваться.

На всем нашем злосчастном корабле был только один такой человек, и я направился к старине Джейбсу; он безотлучно оставался на борту, ухаживая за ранеными. Ограничиваться полупризнанием не было никакого смысла, и я рассказал ему все без утайки, начиная с того, как нам с Ником пришлось бежать, и кончая тем, как я вошел в каюту Флинта, замыслив убийство.

Джейбс Пэтмор внимательно все выслушал и сказал:

— Ясно как день, Бен, что всевышний задумал тебя спасти. Ты теперь на распутье — решай сам, по какому пути пойдешь.

— А какой у меня выбор, если не оставаться на «Морже»? — спросил я. — Я такой же преступник, как все остальные, новую жизнь начинать поздно.

— Никогда не бывает поздно, Бен, — возразил Пэтмор. — Иначе бог не вмешался бы и не убрал бы Флинта раньше, чем ты успел с ним расправиться. Вот тебе мой совет: уходи с корабля сейчас, сию минуту, пока тобой еще владеет раскаяние.

— Так уйдем вместе! — воскликнул я.

В тот миг я особенно нуждался в человеке, за которого мог бы держаться; но Джейбс только покачал своей седой головой.

— Мое место здесь, — спокойно произнес он. — Я уже давно это знаю. Видишь, я помог тебе одуматься — бог даст, найдутся и другие, кого он сочтет достойными спасения.

В это время с кормы донесся стон, кто-то из раненых просил пить. Джейбс выпрямился, благословил меня и пошел на корму, захватив кружку с водой.

Это была наша последняя встреча, и с того дня я ничего не слышал о Джейбсе Пэтморе. Больше тридцати лет прошло, он, верно, давно скончался, но если мне в час последнего суда понадобится заступник, я призову Джейбса, потому что, помяните мое слово, он попал в число святых.

Уложив кое-какие вещи, я вышел на палубу, подозвал одну из лодок, которые постоянно вертелись вокруг кораблей в расчете на поживу, и попросил отвезти меня на берег. Я ни с кем не попрощался и не взял с собой даже ножа: хотелось вступить в будущее свободным от всего такого.

Сойдя на берег, я повернулся лицом на север и зашагал вперед, надеясь в том или ином порту восточного побережья найти место на «купце», чтобы впервые после того далекого времени, когда я рыл могилы на ист-бэдлейском кладбище, зарабатывать деньги честным путем.

Не прошло и недели, как я уже был марсовым на трехмачтовой шхуне из Чарлстона и решил, что раз и навсегда покончил с пиратскими делами. Увы, мне предстояло убедиться, что изменить курс жизни не так-то просто. Преступное прошлое, как бы искренне человек ни раскаивался, готовит западню там, где он меньше всего ее ждет. Так получилось со мной, Джим, четыре года спустя, когда мне казалось, что девять десятых пути назад к честной жизни уже пройдено, прошлое напомнило о себе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Путь домой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Любопытно, как я вновь очутился на Острове Сокровищ — можно сказать, совершенно случайно, ведь он лежит вдали от обычных морских путей.

На этот раз я шел на небольшом бриге «Ласточка» из Филадельфии.

Нас было четырнадцать человек, включая капитана и его помощника. На полубаке добрую половину составляли испанцы, но боцман был янки, и мы с ним неплохо ладили, так как нам доводилось плавать вместе раньше. Звали его Оксли; этого человека я считаю своим вторым злым гением после Сильвера.

Мы шли курсом зюйд-вест и везли свиней на один из Гренадинских островов, но нас преследовали штили, и вскоре пресная вода оказалась на исходе. А при таком грузе нам требовалось особенно много воды; мы рассчитывали не меньше двух-трех раз пополнить в пути свои запасы.

Наконец полоса штилей осталась позади, но воды у нас не прибавилось, поэтому мы на всех парусах понеслись на юг. Однако сильные шквалы сбили нас с курса, и, заступив на вахту однажды

утром, я над горизонтом на юго-востоке увидел — что бы вы думали? — вершину Подзорной Трубы!

Меньше всего на свете мне хотелось очутиться на острове Кидда — и не только потому, что нам в этих широтах грозила встреча с буканьерами. Вот уже отчетливо видно береговую линию; и когда я убедился, что судно идет прямо в Южную бухту, у меня сердце сжалось.

— О чем думает капитан? — спросил я Оксли. — Ведь это излюбленное убежище буканьеров!

Штурман услышал мои слова и подозрительно поглядел на меня.

— А ты откуда знаешь? — осведомился он.

— Я бывал тут раньше, — признался я. — Несколько лет назад мы попали здесь в такую переделку, что едва унесли ноги! Хорошо еще, что пираты вытащили свое судно на берег для починки и не могли пуститься за нами в погоню.

К этому времени я уже научился не лазить за словом в карман, и у меня всегда была наготове какая-нибудь история.

— Пираты не пираты, а придется нам войти в бухту, — сказал штурман. — Вода кончается, без нее наш груз пропадет. На всякий случай усилить наблюдение!

Он ушел на корму, а я тут же поведал Оксли о сокровище. Можете себе представить, какое впечатление произвел на него мой рассказ! До сих пор я никому ни словом не обмолвился о том, что был на корабле Флинта, но тут положился на Оксли — и свалял дурака, потому что не прошло и часа, как он разболтал новость

всей команде. Придя с вахты, я увидел алчно горящие глаза и услышал рассуждения о том, что на острове, пожалуй, можно найти кое-что поценнее пресной воды.

— Бен, сходил бы ты к капитану да повторил ему то, что мне рассказал, — заявил Оксли. — Может, он задержится и позволит нам поискать. Ведь если мы и впрямь найдем клад Флинта, все богачами станем.

Однако капитан принадлежал к числу людей, считающих, что лучше синица в руке, чем журавль в небе (под синицей подразумевались двести свиней в трюме). К тому же мне пришлось сознаться, что я совершенно не представляю себе, где зарыт клад.

— Наберем воды и пойдем дальше, — решительно объявил он и велел мне возвращаться на свой пост.

Решение капитана чуть не привело к бунту. Моряки заявили, что коли вдруг выпал редчайший случай стать богачами из богачей, они не собираются упускать его из-за каких-то непоеных свиней. Выбрали депутацию, штурман поддержал их, и капитану ничего иного не оставалось, как уступить. Постановили, что небольшой отряд высадится на берег и попробует разыскать золото.

Совестно сказать, Джим, но мне не меньше других хотелось попытать счастья. Вот до чего доводит людей преклонение перед золотом! Исключая капитана, не было человека на бриге, который не считал бы, что сокровище уже в наших руках, остается только пустить его в оборот и зажить в роскоши и неге.

Мы бросили якорь почти на том самом месте, где Андерсон тащил на борт раненого Флинта. Минуло четыре с лишним года, как я видел эти берега, и, к стыду своему, должен сказать, что я меньше всего думал о бедняге Нике, — а ведь если бы не он, белеть бы моим костям на этом острове... Все мои благие намерения как ветром сдуло, в душе я снова был самый обыкновенный морской разбойник, готовый пристукнуть всякого, кто станет между мной и золотом.

Когда мы спускали шлюпку, подошел капитан; я заметил, что его губы скривились в усмешке.

— Бен Ганн, — небрежно обратился он ко мне. — Чем объяснить твою осведомленность о делах Флинта и его золотишке?

Я ждал этого вопроса и заранее приготовил ответ.

— Я был захвачен в плен пиратами как раз незадолго перед тем, как они спрятали здесь сокровище, — сказал я. — Пираты напали на наш корабль и потопили его недалеко отсюда. Это было вскоре после налета буканьеров на Санталену.

— О! — воскликнул капитан все с той же усмешкой. — Выходит, нам просто повезло, что ты оказался с нами?

И он ушел, напевая себе под нос, а мы, во главе со штурманом, попрыгали в шлюпку и навалились на весла так, словно сам черт гнался за нами.

До свиней ли тут! День за днем, вооруженные кирками и заступами, бродили мы под немилосердно палящим солнцем по злосчастному острову, роясь в земле, точно навозные жуки. А нашли только скелет одного из французов; я узнал его по распятию на шее, на которое обратил внимание в тот далекий вечер, когда мы сидели вшестером у костра на берегу Северной бухты.

Мы изрыли всю землю вокруг скелета, но, кроме распятия, так ничего и не обнаружили, да и то чуть не передрались из-за него.

На двенадцатый день, так и не найдя никаких признаков клада, мы побрели обратно в Южную бухту. Настроение у всех было прескверное. Неподалеку от шлюпки на берегу стоял капитан, все с той же язвительной улыбкой на губах.

— Ну как?.. — протянул он, когда мы вышли из леса с кирками и лопатами на плечах. — Хватит на «Ласточке» места сложить ваши драгоценные находки?

— Ни гроша нет! — воскликнул штурман и выругался. — И мы так думаем: Бен Ганн все это сочинил, чтоб ему гореть в вечном огне!

— Что вы говорите, — отозвался капитан, — весьма прискорбно, потому что места в трюмах довольно — без воды все свиньи околели!

Штурман первым поспешил признать свой промах и покаяться. Сразу после него слово взял мой приятель Оксли.

— Это Бен нас подбил, — заявил он, — а мы, дурни, развесили уши!

— Вот именно, — подхватил капитан уже более резким голосом. — Дурни! По справедливости, так заковать бы вас в кандалы, всю шайку, и отдать под суд в Филадельфии как бунтовщиков. Но без вас я не доведу судно до места, а потому я вас прощаю — при условии, что вы тотчас принимаетесь за дело и с приливом мы выходим в море! Живо наполняйте бочки и готовьтесь поднимать якоря, пока я не передумал и не всадил кому-нибудь пулю в лоб!

Честное слово, мы трудились так, что угодили бы самому придирчивому капитану. Через три часа все бочки были наполнены водой. Матросы заняли места в шлюпке, оставалось столкнуть ее и проститься с островом.

Капитан спокойно сидел на планшире, но едва я вошел в воду и взялся за борт шлюпки, как он поднял руку.

— Нет-нет, Бен, — сказал он. — На тебя мой приказ не распространяется, ты заслужил особую милость. Можешь остаться здесь и искать дальше, а отыщешь — помни: через пять лет я снова зайду сюда и стребую свою долю в возмещение за свиней, которые сдохли по твоей вине!

Я стоял по колено в воде и смотрел на него. Я не мог поверить, что моряк, которого никак нельзя было назвать буканьером, человек, который дважды в день собирал нас на молитву, способен бросить меня одного в таком месте. Кто-то из матросов засмеялся, но тут опять заговорил капитан:

— Я не шучу, Бен. Я решил оставить тебя на острове, как это сделали бы твои старые друзья, пираты. С той разницей, что они вряд ли позаботились бы о твоем пропитании. В старом блокгаузе ты найдешь мушкет, порох и дробь, найдешь также бочку солонины и еще кое-какие припасы. Ну а лопат и заступов даже больше, чем нужно, — вон их сколько лежит на берегу. Надеюсь, они тебе пригодятся. Времени у тебя сколько угодно, вся жизнь впереди, если только твои приятели не нагрянут сюда чистить днище!

С этими словами капитан поднялся и махнул Оксли, чтобы тот отчаливал; одновременно он выхватил пистолет и взвел курок на тот случай, если я ринусь следом за ними.

— Капитан, — вскричал я, — смилуйтесь!..

— Смилостивиться? — отозвался он. — С тобой обошлись куда милостивее, чем ты с моими свиньями!

Я стоял в воде и смотрел, как шлюпка идет к «Ласточке». Ни один из команды не решился спорить с капитаном, не попытался смягчить его. Вот уже подняты на борт последние бочки, поднята лодка, а через два часа бриг вышел из бухты и взял курс норд-вест.

На закате «Ласточка» была

уже маленькой точкой на горизонте. Я остался один на острове Кидда, в обществе коз и призраков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И все-таки мне не верилось, что «Ласточка» ушла совсем. Я твердил себе, что капитан просто решил проучить меня, и целую неделю не покидал берег злополучной бухты, до боли в глазах всматриваясь в море. Тщетно, никакого намека на парус... И когда стало очевидно, что меня бросили на произвол судьбы, я не выдержал и разрыдался.

...Первые два месяца пребывания на острове не оставили почти никакого следа в моей памяти. Я жил в блокгаузе, ел в основном солонину, поймал две черепахи. Первые ночи были для меня сплошной мукой. А затем малопомалу душевное равновесие восстановилось, и к концу третьего месяца, завершив знакомство с островом, которое началось для меня еще во время наших охотничьих вылазок на Подзорную Трубу, я более или менее пришел в себя.

В один из моих походов я набрел на старое кладбище, где лежали люди Кидда, погибшие в схватке на берегу, — а может быть, их скосила желтая лихорадка, когда еще строили блокгауз. Памятуя слова Ника о том, что болото по соседству с блокгаузом — источник вредных испарений, я решил поискать пещеру, где мог бы сложить свой нехитрый скарб и укрыться сам в пору ливней, первый из которых чуть не затопил старый сруб.

Я нашел то, что мне было нужно, над Пьяной бухтой. Пещера была сухая, прохладная и очень удобная для наблюдения за морем. Я все еще не терял надежды, что какое-нибудь судно, подобно «Ласточке», зайдет на остров за водой и подберет меня.

Как проходило мое время? Большей частью я охотился, причем старался беречь порох. Коз на острове было много, и я смог засолить мяса впрок, используя бочонки, подобранные на берегах Северной бухты; рассолом служила морская вода, которую я выпаривал в Пьяной бухте.

Немало времени ушло на то, чтобы построить лодку, которая вас так выручила. Пришлось вооружиться терпением, Джим, — ведь у меня не было ни топора, ни гвоздей, ни дегтя. Я пробовал конопатить швы козьим жиром, но он для этого не годился, зато из него вышло хорошее горючее для плошек, которые освещали мою пещеру после захода солнца.

Правда, в моем распоряжении были еще останки «Павы». Я тщательно их обследовал и собрал немало полезных вещей, в том числе огниво и длинные болты, из которых понаделал острог. Помните, Джим, что я сказал вам при первой нашей встрече? Человек, говорил я, коли постарается, всюду себя покажет. Так оно и есть: когда не на кого надеяться, положись на собственные силы и принимайся за работу.

Обеспечив себе добрый запас провианта, я начал шаг за шагом прочесывать остров. У меня был один-единственный ключ — останки француза, обнаруженные нами на склонах Фок-мачты. С этого места я и начал, решив еще раз осмотреть скелет, прежде чем хоронить его.

Судя по всему, француза застрелили сзади: затылочная кость была раздроблена, и я даже нашел в черепе пулю.

Поразмыслив, я решил, что у Флинта был только один способ победить в столь неравной схватке: разделить шестерку на несколько групп и бить их поочередно из засады. В самом деле, ведь сокровище состояло из трех частей: золото, серебро и оружие. Монеты, очевидно, схоронили вместе с золотом, серебро — отдельно, оружие — отдельно; осторожность не позволила бы Флинту сложить все в одну яму.

И ведь я верно угадал, Джим, карта это подтвердила. Флинт зарыл серебро в северном тайнике, оружие — в песчаном холме к северо-востоку от Северной бухты, а главную часть сокровища — в южной части острова, на склонах Подзорной Трубы. Но тогда я этого не знал, и приходилось действовать вслепую.

Поблизости от останков француза я нашел тайник с оружием. Видимо, сначала вся шестерка, выполняя команду Флинта, отнесла сундуки в намеченные места, а потом, когда оставалось только забросать клады землей, капитан разделил их по двое и учинил расправу.

Эта догадка подтверждалась моим вторым открытием: дальше к северу, у подножья восточного пригорка, я обнаружил скелеты мулата и другого француза.

Оба эти скелета лежали в зарослях примерно в сажени друг от друга. Мулат (я узнал его по зажатому в руке ножу с причудливой гравировкой), вероятно, пытался дать отпор, француз же был застигнут врасплох. Его сабля лежала в ножнах, и пистолеты были заряжены, но ржавчина успела сделать их непригодными к стрельбе.

Я очень внимательно осмотрел сам пригорок и весь прилегающий участок, искал останки Ника или какие-нибудь намеки на то, что тут копали землю. Но Флинт сработал чисто, я больше ничего не нашел.

К началу дождей я не успел осмотреть лишь возвышенный участок, который окаймляет с запада Южную бухту и упирается в Буксирную Голову.

Здесь-то, на самом гребешке, ведущем к Подзорной Трубе, и были захоронены главные богатства; и я сберег бы немало сил и времени, если бы сразу пришел сюда, вместо того чтобы бродить вокруг болота и в лесах.

После дождей я возобновил розыски.

Чуть ли не в первый день поисков наткнулся я на останки голландца и англичанина-контрабандиста. Они лежали в роще, у корней огромного дерева, которое служило приметой главного тайника, так что я, сам того не зная, прошел прямо над кладом. Здесь явно был бой — оба погибших держали в руках сабли, а в десяти ярдах ниже по склону валялся в кустах старый мушкет. Я тут же их похоронил.

Поразмыслив, я заключил, что Флинт подкрался к этой двойке уже после того, как прикончил всех остальных. Сперва он, очевидно, выстрелил из мушкета, потом отбросил его и ринулся вверх, паля из пистолетов. Противники Флинта выхватили сабли, но не успели дать отпор, как их уже скосили пули капитана.

Но что же произошло с Ником? Я выяснил судьбу пятерых, однако по-прежнему ничего не знал об участи человека, который был мне ближе остальных. Сопровождал ли он голландца и англичанина? Или действовал в одиночку? Если верно первое — где тело Ника? Наконец, поскольку ни один из найденной мной пятерки не успел выстрелить (трое держали в руках либо саблю, либо нож, а пистолеты остальных двоих так и остались заряженными), каким образом Флинт получил страшную рану, которая в конечном счете доконала его?

Я решил довести дело до конца и проверить маленькое плато между макушками Бизань-мачты.

Как вы помните, это один из самых красивых уголков острова: благоухающий ракитник, пе-

стрящие цветами кусты, заросли мускатного ореха, и надо всем этим — устремленные ввысь могучие стволы мамонтового дерева и шелестящих на ветру сосен.

В тот день, основательно утомившись, я устроился в тени, чтобы перекусить и промочить глотку из го́рлянки, которую всегда носил с собой. Утолив голод и жажду, я привалился спиной к дереву, и тут что-то блестящее на земле, примерно в ярде от моих пяток, привлекло мой взгляд.

С минуту я смотрел довольно безучастно: подумаешь, какой-нибудь кусочек кварца или капля росы!.. Но потом любопытство взяло верх, я поднялся, шагнул вперед и увидел — позолоченную пуговицу! От ужаса я отпрянул назад, как если бы сам Флинт вдруг бросился на меня из кустов: на земле у моих ног лежал облаченный в лохмотья скелет Ника Аллардайса.

Я прислонился к дереву, сердце отчаянно колотилось, грозя выскочить из груди.

Да, это был Ник... Он лежал в том самом положении, в каком вы потом нашли его: длинные руки вытянуты над головой, как у ныряльщика, ноги направлены в сторону Южной бухты, переплетенные пальцы указывают прямо на плато, где разыгралась последняя схватка.

И мне сразу все стало ясно. Ник был убит вместе с остальными, а потом Флинт оттащил его сюда и придал ему такую позу — шуточка как раз в духе нашего капитана, тем более что он возненавидел Ника еще с тех пор, как они повздорили из-за нарушения Флинтом корабельных порядков.

«Но какой в этом смысл?» — спросил я себя в следующую минуту. Шутка шуткой, но ведь должна быть и серьезная причина, чтобы тяжелораненый стал так утруждать себя! Да еще сложил руки покойника наподобие указательной стрелки...

И тут меня осенило. Ну конечно же! От волнения меня опять кинуло в дрожь. Флинт сделал из Ника указатель, руки мертвеца показывают туда, где захоронена главная часть клада!

Говорите, что хотите, Джим, но от золотой лихорадки можно излечиться разве что на том свете. Сколько времени я разыскивал останки Ника, чтобы вознести молитву над ними, а затем предать их земле по христианскому обряду, но мысль о сокровище, лежащем где-то совсем близко, разом все заслонила, и я ринулся, точно козел, вверх по лесистому склону, к свежим могилам голландца и контрабандиста.

Добежав туда, я упал на четвереньки и стал обнюхивать землю, как пес. И когда мне попался клочок, где растительность как будто была помоложе, чем кругом, я немедленно голыми руками принялся рыть землю, пока не ободрал в кровь пальцы и не обломал все ногти.

Солнце нещадно палило, пот катил с меня градом; наконец я опомнился и решил передохнуть. Было очевидно, что нужно сходить в пещеру за киркой и лопатой. Я тотчас отправился в путь, а когда вернулся, уже повеяло вечерней прохладой. Но я и не думал сдаваться. Казалось бы, у меня времени воз, но нет, я должен был приступить тотчас и не успокоился, пока лопата не стукнула о дерево. Увы, спустившийся мрак не позволял разглядеть, что я откопал... Тогда я вылез наконец из ямы и побрел, шатаясь, домой, к пещере.

Всю ночь я не сомкнул глаз, меня бросало в жар от одной мысли, что завтра утром кто-нибудь раньше меня поспеет к яме. Сдается мне, всевышний для того и создал золото, чтобы посмотреть, на какие глупости способен человек. Взять хоть меня: два года с лишним провел на острове в одиночестве, а теперь не мог уснуть, боясь, как бы козы и попугаи не посягнули на мои шестьсот тысяч фунтов стерлингов...

И вот рассвело. Однако в этот день я никуда не пошел, до того мне было худо. Накануне я сперва перегрелся, когда орудовал лопатой, точно одержимый, на солнцепеке, а вечером простыл на ветру. Итогом всего этого явилась лихорадка, и я почти целую неделю пролежал, выползая из пещеры лишь затем, чтобы набрать воды в го́рлянку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда я наконец оправился настолько, что смог пройти через весь остров и подняться на плечо Подзорной Трубы, то, сами понимаете, там все было попрежнему. Яма никуда не делась, и на дне ее, на глубине сажени, выглядывал из земли угол ящика. Правда, я был еще очень слаб, но это не помешало мне спрыгнуть вниз и в два счета взломать крышку.

Как я и ожидал, в ящике лежали золотые слитки, а рядом второй ящик — с монетами.

Опустившись на колени подле моей находки, я громко рассмеялся... Вот оно, богатство — добыто трудом сотен людей, досталось одному, сыну могильщика из далекого Девона, а что мне проку от него на необитаемом острове, где бочонок пороха дороже всех сокровищ на свете?

Эта мысль отрезвила меня. Нет, я не выкинул золото из головы — до самого конца моего пребывания на острове я почитай что только о нем и думал, — но дальше я уже вел себя, как подобает моряку, а не как дикарь, пляшущий вокруг горшка с серебряными монетами.

Я решил все как следует продумать, и меня сразу осенило, что надо, не теряя времени, подыскать новый тайник.

Больше ста человек знало про клад на острове Кидда, и рано или поздно кто-нибудь — скорее всего под предводительством Сильвера или Бонса — должен был явиться за ним.

Задумал я перепрятать сокровище в такое место, чтобы никакая карта, кому бы она ни досталась, не позволила его отыскать.

Но тут передо мной сразу возник следующий вопрос: как в одиночку перенести эти ящики?

Допустим, я с помощью блоков и талей, найденных на «Паве», подниму их из ямы. А дальше? Как я переправлю такую тяжесть через лес и топь в другой конец острова?

Словом, оставалось одно: разбить ящики и носить слиток за слитком, мешочек за мешочком, покуда в тайнике Флинта не останутся одни лишь сломанные доски.

Поставил я под большим деревом палатку из козьих шкур и переселился к кладу. По правде говоря, я просто не мог оторваться от денег. Бывало, вспомню ту пору, когда клад еще не был найден, и даже вздохну: как привольно мне жилось! Видно, такова цена богатства, Джим, каким бы путем оно ни досталось. Да вы небось теперь и сами в этом убедились.

Всю весну и часть лета провозился я с этим золотом. Вытащу слиток и отнесу на поляну среди зарослей, в нескольких сотнях ярдов на восток от ямы. И только подняв последний слиток, я сшил мешки из козьих шкур и принялся переносить золото в свою пещеру над Пьяной бухтой.

За один раз я мог взять либо два слитка, либо четыре мешочка монет, а это значило, что мне предстоит прогуляться с грузом не один десяток раз. К тому же мне приходилось намеренно удлинять путь, так как вскоре я обнаружил, что протоптал от ямы к пещере дорожку, по которой ничего не стоило выследить новый тайник. Тогда я начал разнообразить свой маршрут. То шел на юг и пересекал болото около Южной бухты, то поднимался на север, к заливу Лесистого мыса, потом круто сворачивал вправо и выходил к пещере с другой стороны.

Климат там благодатный, и дорожка быстро заросла, осталась только сеть неясных следов, которые разбегались во все стороны с плеча Подзорной Трубы и вполне могли сойти за козьи тропки.

Вы можете сказать, что моя пещера была не таким уж надежным тайником, — и ошибетесь. Я вам открою один секрет, которого не поведал тогда даже сквайру: в самом темном углу пещеры я выложил фальшивую стенку, за ней-то и хранился клад. Немало дней ушло у меня на то, чтобы запасти камни и глину, зато потом я мог при желании очень быстро замуровать вход в пещеру. Кстати, я как раз собирался это сделать, когда встретил вас на другой день после прихода «Испаньолы». Если бы люди Сильвера взяли верх, они ни в жизнь не нашли бы ни меня, ни сокровища. Представляю себе, какие физиономии были бы у бунтовщиков, когда пришлось бы убираться восвояси ни с чем!

Так вот, еще до начала дождей я успел перепрятать все до последней монеты, а потом пришлось заняться охотой, потому что запасы мои сильно истощились.

Все эти дни я не подходил к останкам Ника, но мысль о них не давала мне покоя.

До тех пор мертвецы меня, прирожденного, так сказать, могильщика, никогда не страшили. К тому же от пиратской жизни я стал совсем жестокосердным. Но здесь дело обстояло иначе. Ведь Ник был моим другом и единственным человеком, на кого я мог опереться все те годы, что мы делили с ним и хорошее и плохое. Больше того, Ник был последним звеном, которое связывало меня с родным домом, и я никак не мог смириться с мыслью, что он отдал концы.

В конце концов я собрался с духом и решил все-таки похоронить Ника и высечь на камне, как его звали, сколько лет ему было, — по моим подсчетам, в год смерти ему сравнялось тридцать лет. Конечно, не мешало добавить к этому стих-другой из библии, но сколько я ни скреб в затылке, ничего не мог припомнить. Ладно, сказал я себе, главное — потрудиться и вырыть для Ника добрую могилу на склоне над Южной бухтой. У подножья Бизань-мачты я нашел хорошую гранитную плиту. Во время одной из наших долгих стоянок на Тортуге Ник показал мне, как расписываться, научил также немного читать и считать, и теперь мне казалось, что я сумею, если очень постараюсь, высечь то, что задумал.

Из всех задач, какие я себе задавал на острове Кидда, эта оказалась самой каверзной. Правда, у меня был самодельный молоток из камня со сквозным отверстием и было долото, выточенное из куска якорной цепи, — но ведь надо еще верно написать!

Я испортил две плиты, обе расколол на втором «к» в слове «Ник» (только от вас, Джим, я узнал, что «Ник» пишется через одно «к»!). И когда мне, наконец, удалось справиться с именем, я сказал себе, что этого хватит. Изобразить «Аллардайс» было сверх моих сил, да и цифру «3» тоже, хотя ноль я, пожалуй, одолел бы.

Для могилы я выбрал место на небольшом уступе примерно в кабельтове от кустов, где нашел Ника, и понемногу закатил вверх по склону тяжелый камень с надписью, потратив на это почти целую неделю.

Я еще раз прошел к останкам Ника и напряг свою несчастную башку, пытаясь вспомнить заупокойную молитву, но сколько ни бился, нужные слова ускользали от меня. Кончилось тем, что от обиды и разочарования я разрыдался, как ребенок, и зашагал прочь.

До вечера было еще далеко, а мне вовсе не хотелось торчать в пещере и предаваться унылым размышлениям, поэтому я выбрал дальний путь, вдоль плеча Буксирной Головы и крутых утесов Бизань-мачты. Эта часть острова всегда меня привлекала. Я любил слушать волны, а здесь, у подножья обрыва, непрестанно ревел прибой, и в реве и вздохах могучих валов мне чудились величавые звуки органа и церковного хора...

Вечером я вернулся в пещеру совсем усталый, зато на душе у меня было легко. Поужинав, я сразу лег и впервые за много лет увидел во сне мать.

Рано утром я проснулся в отличном настроении и, как обычно, собрался пойти искупаться в заливе. Однако, выйдя из пещеры, я замер на месте, будто меня поразило громом. Вдоль берега, что называется, у самых моих дверей, прямо к Южной бухте медленно шла незнакомая шхуна. Она была так близко, что я отчетливо различал снующих на палубе людей.

Рисунки УИЛЬЯМА СТОБСА

Я до того опешил и растерялся, что продолжал стоять на виду — рот разинут, колени дрожат... Попытался крикнуть — не смог, язык словно прилип к гортани. Тем временем «Испаньола» скрылась за мысом, а затем над островом Скелета взмыли тучи птиц, и скрип талей дал мне понять, что вы уже спускаете шлюпки, чтобы перевалиться через пролив.

Окончание следует

Сокращенный перевод с английского Л. ЖДАНОВА

Р. Ф. ДЕЛДЕРФИЛД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БЕНА ГАННА

Роман

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

До сих пор не возьму в толк, как это вы меня сразу не заметили.

Я стоял как столб у входа пещеры, а ее с моря было видно очень хорошо; кстати, я потому в ней и поселился. Должно быть, вам было просто не до того: сторонники капитана лихорадочно соображали, как удержать корабль в своих руках, а мятежники помышляли только о несметном богатстве, ожидающем на берегу. Так или иначе меня не увидели, и, опомнившись, я нырнул обратно в пещеру, чтобы обмозговать, как быть дальше. Ведь я вас принял за пиратов, Джим...

Поразмыслив, я успокоился, а вместе со спокойствием ко мне вернулось и мужество. Как-никак, золото спрятано надежно, и замуровать его недолго. Я знал, что никто из вас еще не высадился на берег и вряд ли высадится до вечера — отлив не позволит. Поэтому я решил, прежде чем замуровывать клад, получше все разведать.

Вдруг вы зашли в Южную бухту всего-навсего пресной воды набрать?

Захватив мушкет, пули и порох, я выскользнул из пещеры и осторожно, стараясь не выдать себя, двинулся вперед. Охота на коз научила меня подкрадываться незаметно, в этом я теперь хоть с кем мог потягаться. Вдоль восточного берега я пробрался к зарослям между блокгаузом и Южной бухтой. Здесь, почти у самой воды, росла высоченная сосна; я вскарабкался на нее и с макушки увидел вдали шхуну.

Все утро я просидел на дереве и слез, только когда от шхуны отделились две шлюпки. Мне захотелось подобраться поближе к месту высадки. Я не сомневался, что густые заросли надежно скроют меня от глаз моряков.

Первое, что я увидел, — как вы выскочили из передней шлюпки и стремглав бросились в чащу. Я приписал это мальчишескому возбуждению и сразу же о вас забыл, потому что, когда на берег высыпали остальные, испытал новое потрясение: среди моряков был Джоб Андерсон, я тотчас узнал его.

Не дожидаясь, когда подойдет вторая шлюпка, я на всех четырех пустился наутек. Если бы не моя поспешность, я тогда же увидел бы Сильвера; впрочем, уже через час мы с вами встретились около осыпи, и вы помогли мне разобраться, что к чему.

Я смекнул, что отряд скорее всего пойдет по речке: это был наиболее легкий путь в глубь острова. А заросли по берегам позволяли мне следить за отрядом, оставаясь незамеченным.

Сильвер, как вы знаете, направился вверх по склону, прихватив с собой беднягу Тома, большинство же зашагало прямо по руслу реки, и я неотступно следовал за ними, прячась в кустах. Вскоре я опознал еще одного старого приятеля, плотника Моргана — того самого, которого мы подняли на борт «Моржа» вместе с Сильвером, после чего начались все наши злоключения.

Меня удивило, что Морган еще жив: ведь он был уже пожилой человек, когда мы встретились впервые. Кстати, я не сказал бы, что он с той поры очень изменился. Джордж Мерри — тоже мой старый приятель — в этот день оставался на шхуне. Он был в числе пятерки, открывшей огонь по ялику, на котором люди капитана гребли к блокгаузу.

На небольшой поляне, где русло реки расширялось, отряд — их было девять человек — остановился. Андерсон, видно, был за старшего, он первым подал голос:

— Ну что ж, братцы, здесь и передохнем, самое время выяснить, кто за кого!

Большинство отозвалось одобрительными возгласами, только один матрос — Алан, который плелся сзади, был явно чем-то озабочен.

— Вот что, Джоб, — сказал он, стоя подле могучего дуба, купавшего свои корни в потоке, — не пора ли тебе открыть карты и перестать играть втемную? Что значит все это перешептывание и шушуканье? Ты что же, надумал бросить корабль? Увести на берег всю команду в таком пустынном месте только потому, что капитан Смоллетт не дает спуску лентяям? Я хочу знать правду, Джоб, тотчас выкладывай, без этого я и шагу дальше не сделаю!

Андерсон с усмешкой поглядел на него, щуря глаза от солнца.

— Алан, — ответил он, — ты хотел слышать правду, так вот она! Мы пришли сюда за сокровищем и не уйдем, пока не добудем его, и Джон тебе об этом уже толковал, если я не ошибаюсь!

— Верно, — отозвался Алан,— это ведомо всем и каждому на борту. Ведомо с той минуты, как мы вышли из Бристоля, но я одного не возьму в толк: неужто ссора с капитаном увеличит нашу долю? Вот я что хочу знать!

Морган громко расхохотался.

— Послушай, ты, пустая голова! — воскликнул он. — Сокровище будет наше, наше — все, до последнего гроша! Пусть этот надутый сквайр не думает, что может заткнуть нам глотки какими-то двумястами монетами! Только не мне и не Джону, если я его верно знаю!

Окончание. Начало в № 1—4.

Видно, бедняга Алан лишь теперь стал догадываться, с кем жил в одном кубрике. На простоватом лице его отразились ужас и недоумение.

— Вы что же, хотите их прикончить? — вымолвил он. — Прикончить и все деньги загрести?

— Вот именно, — ответил Андерсон. — Ты попал в самую точку, Алан, а теперь выбирай, да поживее, с кем ты — с нами или с капитаном?

Алан постоял, переводя взгляд с одного на другого, и вдруг сорвался с места, намереваясь бежать назад к шлюпкам. Но Морган явно ждал этого и с громким криком подставил Алану ногу, так что тот кубарем покатился в кусты. Тут же Джоб бросился на беднягу, и в лесу прозвучал предсмертный вопль, который вы, находясь выше по реке, так отчетливо услышали.

Андерсон поднялся и вытер кинжал; Алан лежал недвижим, пораженный в самое сердце. А я со всей быстротой, на какую был способен, стараясь не шуметь, пополз прочь, чтобы вернуться в пещеру и замуровать сокровище. У меня больше не осталось никаких сомнений насчет происходящего на «Испаньоле».

Не прошло и десяти минут, Джим, как вы снова попались мне на глаза, и должен сознаться, я поначалу был в замешательстве, так как не мог решить, кто передо мной — разведчик пиратов или беглец, которому грозит та же участь, что и бедняге, павшему от руки Андерсона. К тому же вы, сами того не зная, шли прямо к моей пещере, и как-то надо было вам помешать.

Из укрытия я тщательно рассмотрел вас и решил, что вы бежали от пиратов, а значит, можете оказаться моим союзником. Тогда я выступил вперед и окликнул вас. И до чего же вы были ошарашены, Джим, не в обиду вам будь сказано: лицо испуганное, руки дрожат... Да, в тот момент пистолет ваш был не опаснее деревянной сабли.

К счастью для всех нас, вы предпочли рассказать мне всю историю. И я тут же, не сходя с места, решил, что отдам бо́льшую часть сокровища в обмен на возможность вернуться домой и начать новую жизнь.

Но сперва нам предстояла нешуточная схватка, это стало мне ясно, как только вы назвали имя главаря шайки. С великим облегчением услышал я, что карта у сквайра. Ведь ради нее Сильвер будет ходить за вами как привязанный, не подозревая, что карте теперь грош цена.

Когда над блокгаузом взвился «Юнион Джек», я сразу воспрянул духом: значит, ваши натянули нос Долговязому Джону, и он вряд ли сунется в этот угол острова. Затем пираты открыли огонь, и мы с вами разбежались в разные стороны. Я выбрал удобное место для наблюдения, в кустарнике выше белой скалы, под которой была спрятана моя лодка.

Дальше, Джим, вам вроде бы все известно, однако есть кое-какие вопросы, которые вы, наверное, хотели бы выяснить. Постараюсь в этом помочь...

Я смекнул, что мне пока лучше всего держаться в укрытии, помогать вам исподтишка. Прикинул силы обеих сторон. Вы мне сказали — их девятнадцать против шести, не считая вас самих, Джим. Но Эйб Грей перешел на сторону капитана, а двое были убиты; выходило уже не девятнадцать, а шестнадцать. Еще одного пирата убили вечером около блокгауза; итого оставалось пятнадцать бунтовщиков — девять на берегу и шесть на «Испаньоле».

Правда, один из оставшихся на борту, как вы помните, был смертельно ранен выстрелом сквайра Трелони, но тогда ни вы, ни я этого не знали; вот и получилось у меня пятнадцать против шестерых плюс один мальчик.

Когда стемнело, мне удалось подползти вплотную к пиратам, которые устроили попойку, собравшись у костра на краю болота. Здесь-то я и увидел вновь Сильвера, а рядом с ним сидел бывший пушкарь Черной Бороды, Израэль Хендс, все такой же худой и угрюмый.

Помните, в последний раз я видел Окорока в Саванне, когда ему отхватили ногу и он метался в жару на своей койке. И вот он опять передо мной, такой же подвижной, как всегда. Я невольно поразился проворству, с каким он сновал вокруг костра. Это был все тот же Сильвер, неунывающий и обходительный: он даже сам приготовил для всех ужин.

Пятерка пиратов во главе с пушкарем тоже съехала на берег, и вы тут явно прозевали случай совершить вылазку и вернуть себе шхуну, ведь в ту ночь на ней не оставалось ни одного человека. Меня так и подмывало отправиться на корабль самому, но я оставил эту мысль. Даже если бы мне удалось незаметно перерубить якорный канат, в одиночку я все равно не справился бы с парусами.

Рисунки
УИЛЬЯМА СТОБСА

Пираты прихватили с корабля ром, и, сами понимаете, еще до полуночи вся компания перепилась, один Сильвер остался трезвым. Они пели, кричали, спорили, в общем, подняли такой шум, что разобрать, о чем идет речь, не было никакой возможности. В конце концов все завернулись в одеяла и уснули как убитые, даже не выставив часового. Подкрадись люди капитана в это время, и можно было одним махом прикончить больше половины шайки, а остальных обратить в бегство, но вы явно предпочитали отсиживаться в блокгаузе.

Тогда я решил вмешаться. У меня была с собой узловатая дубинка, которой я глушил коз. С этим оружием я медленно, дюйм за дюймом, подполз к храпящим буканьерам и нанес одному из них удар, после которого ему не суждено было проснуться.

В тот же миг Сильвер с руганью вскочил на ноги, а его попугай поднял истошный крик; да только я уже был в безопасности. Пираты даже не видели, кто это на них напал, и я без помех добрался до своей пещеры, довольный тем, что хоть немного сократил численное превосходство противника.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро я поднялся чуть свет, наскоро перекусил, искупался в море, потом взял дубинку, мушкет и отправился на разведку.

На этот раз мне удалось поближе подобраться к мятежникам и кое-что подслушать. Но сначала я их пересчитал, чтобы точно знать, что на меня никто не нападет врасплох со спины. Все были налицо, включая того, которого я ночью зашиб насмерть.

Судя по всему, Сильвер уже успел повздорить с приятелями, а именно с Андерсоном, Хендсом и Джорджем Мерри. Все трое недвусмысленно выражали свое недовольство ходом событий, обвиняли Джона в скверном руководстве, даже грозили ему черной меткой.

Но Окорок легко их одолел. В бою ли, в споре ли, он мог дать сто очков вперед любому из этой милой тройки, а остальные еще доверяли ему и в перепалке со смутьянами заняли его сторону.

— А я вам говорю, — объяснял Сильвер, — что нам сейчас куда выгоднее вести переговоры, чем лезть на рожон! Кто не видит этого, — болван, который только того и заслуживает, чтобы ему продырявили его тупую башку! Судите сами: они сидят в надежном укрытии, у них два десятка мушкетов. Одни будут заряжать, другие, кто стреляет получше, укладывать нас наповал. «Штурмовать!» — кричит Джоб, и, наверно, он прав, когда говорит, что мы расправимся с ними раньше, чем они успеют прикончить половину нашего отряда. Что ж, братья, коли вам это по душе — давай вперед! Кто-то из нас отправится на тот свет, зато другим больше останется, можно и так рассуждать. Ну а если выйдет иначе? Вдруг атака не удастся? Представьте себе, что этот чертов сквайр, который вчера с качающейся лодки прострелил башку Дику, выпустит в нас три-четыре пули, прежде чем мы доберемся до них? А доктор, а капитан, а Эйб Грей, которого я еще до конца этой недели надеюсь поджарить на вертеле, — представьте, что они, раньше чем мы до них доберемся, уложат человек шесть? Тогда у нас не будет такого перевеса. Вот ведь что! То ли дело, когда нас чуть не втрое больше, чем их, — и уж мы сумеем использовать свое превосходство, или назовите меня шваброй! Пусть вы даже отделаетесь ранами — кто вас будет лечить и выхаживать в этом чумном климате, пока остальные откапывают сокровище? Нет уж, чертово отродье, раз я выбран вожаком этой шайки и меня еще не сместили, послушайте, что я скажу. А я задумал так: прежде всего добыть карту. Дальше... Дальше будет видно. Скажу лишь одно: когда дело будет сделано и мы переправим денежки на шхуну, никто из них жив не останется.

Речь Сильвера явно произвела впечатление, и хотя смутьяны по-прежнему оставались недовольны, пришлось им смириться под напором большинства. Сошлись на том, что Сильвер пойдет парламентером к защитникам блокгауза, предложит перемирие и посулит в обмен на карту сохранить им жизнь. Не согласятся — блокгауз будет взят штурмом.

Бунтари отправились на опушку леса следить за Сильвером, я же, полагая, что они скоро вернутся, остался на месте. И правда, не прошло и часа, как они возвратились. На этот раз больше всех бушевал Сильвер. Сколько я знал Окорока, никогда еще не видел его в таком бешенстве, а Израэль и остальные двое не преминули подлить масла в огонь, — дескать, они другого и не ожидали, надо было с самого начала их послушать.

Ваше счастье, что Сильвер так взбесился... Ему не терпелось добраться до ваших глоток, и он совсем упустил из виду такое страшное средство, как мина. А ведь Израэль мог бы за каких-нибудь два часа изготовить ее, — помните Санталену? Набей бочонок порохом и железным ломом, подложи у изгороди и врывайся через брешь! И тому же Израэлю ничего не стоило смастерить зажигательные снаряды, какими мы часто пользовались в бою. Один такой снаряд на крышу блокгауза — и она вспыхнула бы ярким пламенем. Дым мигом выгнал бы вас наружу, прямо под пули.

Но Сильвер изо всей военной науки припомнил только правило прикрывать атакующих огнем, да и то распылил свои силы, задумав идти на штурм сразу со всех сторон. Правда, это усложнило мою задачу, ведь я-то задумал пощипать их с тыла в разгар схватки, а при таком расположении мне было трудно выбрать безопасную позицию.

Только я отыскал в кустарнике удобный для стрельбы просвет, как из-за деревьев с северной стороны выскочили семеро пиратов и ринулись на частокол.

Я прицелился в ближайшего ко мне — он был голый по пояс, жилистый, коренастый, — и спустил курок в тот самый миг, когда кто-то из ваших уложил наповал его соседа. Но я поспешил и только ранил пирата; через секунду он уже был на ногах и нырнул в лес. Я сильно переживал свой промах, тем более что не успел перезарядить мушкет и выстрелить снова. А впрочем, моя пуля тоже сделала свое дело, ведь она сократила до пяти число прорвавшихся за ограду. В таких стычках подчас один лишний человек решает исход.

Ваш отряд задал жару этой пятерке, и не успел я перезарядить мушкет, как последний из нападавших перевалился через частокол обратно и зайцем пустился наутек. Было ясно, что штурм сорвался, орешек оказался пиратам не по зубам.

Израэль, изрыгая проклятья, бросился вперед и попытался поднять бунтовщиков на новую атаку, но он был среди них единственный, кто еще сохранил боевой дух, остальные предпочли отступить в глубину леса.

Осторожно вернувшись на свой удобный пост возле пиратского лагеря, я тотчас увидел, что ряды бунтовщиков заметно поредели. Осталось только восемь человек, да и то один был небоеспособен: моя пуля ранила его в голову и чуть не отправила на тот свет.

В жизни не видел такой унылой компании.

Они усердно прикладывались к бутылке с ромом и громко сетовали на свою неудачу, словно мальчишки, которых застигли врасплох в чужом курятнике и проводили колотушками.

Я переводил взгляд с одного на другого... Сильвер, мрачный, как грозовая туча; Израэль, уже порядком захмелевший; рослый ирландец в красном колпаке, которого Хендс потом зарезал на шхуне, а вы сбросили за борт к акулам; Дик — испуганный парнишка, пробежавший мимо меня в лесу; старик Том Морган, угрюмый и пришибленный; Джордж Мерри, упорно твердящий, что все кончилось бы иначе, послушайся Сильвер его совета; раненый пират — он перевязывал себе голову. И еще двое: один постарше, с седыми висками, другой — рыжий матрос, которого Сильвер склонил к изме-

не. Да, более жалкой ватаги мне не приходилось видеть. Ни как моряки, ни как джентльмены удачи они ломаного гроша не стоили.

Вдруг мне пришла в голову мысль застрелить Сильвера и одним махом все кончить. С того места, где я притаился, это было очень легко сделать, я даже прицелился, однако тут же подумал, что, если убью его, остальные скорее всего удерут на шхуне и бросят нас на острове. А это ни меня, ни вас не устраивало. Поэтому я решил пока оставить бунтовщиков в покое и выяснить, как обстоят дела вашего отряда.

Сделав большой круг, я вышел к блокгаузу с западной стороны и только стал соображать, чем бы подать сигнал, — вижу, идет доктор, вооруженный до зубов и невозмутимый, как скала. Я с первого взгляда его опознал, ведь вы мне сказали, что сквайр и капитан — оба высокого роста. Войдя в лес, он двинулся в северо-восточном направлении, и я сразу смекнул, что он задумал найти меня. Чистейшее безрассудство, я об этом ему потом сколько раз говорил. Ведь попадись он на глаза пиратам — и его песенка была бы спета. И вам от этого — никакого толку!

Так или иначе доктор продолжал смело шагать через лес, а я крался за ним, перебегая от дерева к дереву, как накануне, когда следил за вами. Наконец мы достаточно удалились от лагеря, и тогда я окликнул его. Он сразу остановился и взял мушкет наизготовку, но, сколько ни вертел головой, никак не мог меня обнаружить. Моя одежда из козьих шкур была хорошей маскировкой.

— Доктор! — крикнул я. — Стойте на месте, будем вести переговоры!

Он рассмеялся и повесил мушкет на плечо.

— Джим рассказал нам про вас, Бен Ганн, и вам нечего опасаться, — ответил он. — Неужели я для того рисковал жизнью, чтобы разговаривать с вами подобным образом!

Что верно, то верно... Я вышел из-за дерева и пригласил доктора пройти со мной в пещеру. И мы зашагали гуськом через топь, затем вверх на Двуглавую гору, к моему убежищу.

Я ожидал, что вид несметного сокровища ошарашит его, но не тут-то было. Доктор всегда оставался невозмутимым, и теперь он даже бровью не повел.

— Что ж, Бен, — сказал он, осмотрев клад и садясь на камень у входа, — похоже, вы нас опередили, так попробуем договориться по-доброму. Что вы скажете, если я предложу вам проезд на родину, никаких вопросов о прошлом и тысячу фунтов в придачу?

Предложение доктора превзошло мои самые смелые ожидания. Я был готов отдать все до последнего гроша, только бы поставить крест на прошлом и увидеть родной дом! Мы тут же, как говорится, ударили по рукам, после чего стали обсуждать, как управиться с бунтовщиками. Сначала доктор сказал, что мне следует нагрузиться козлятиной и идти в блокгауз, вступить в отряд капитана, но я быстро убедил его, что принесу вам гораздо больше пользы, свободно передвигаясь по острову. Чем смотреть в бойницу, как Сильвер снова поведет своих людей в атаку, я лучше постараюсь помочь вам выбраться из осады.

Но больше всего меня заботила судьба корабля. Доктор Ливси рассказал, что придет еще одно судно, да разве мог я ждать! При одной мысли о шхуне, стоящей в Южной бухте, меня бросало в дрожь, так мне не терпелось скорее ступить на палубу и идти домой под всеми парусами!

Я не стал вдаваться в подробности своей пиратской жизни, сказал только, что был силой завербован людьми Флинта, когда плыл в Америку с Ником в качестве его слуги. Уже потом, узнав доктора ближе, я рассказал ему, как был убит Кастер, и он обещал поручиться за меня, когда мы приедем в Девон. Не сомневаюсь, что он выполнил бы свое обещание, если бы в Англии не выяснилось, что Ник давным-давно написал письмо, в котором брал всю вину на себя и совершенно оправдывал меня.

Закончив переговоры с доктором Ливси, я проводил его до частокола, после чего еще раз проведал пиратов. Шесть человек сидели, распевая песни, у костра, а двое отправились на шхуну. Выяснив это, я вернулся к себе в пещеру, очень довольный тем, как все хорошо складывается.

А на рассвете третьего дня, идя по горе над Белой скалой курсом на лагерь бунтовщиков, я заглянул в бухту и вдруг обнаружил, что шхуны нет.

Хотите верьте, хотите нет, Джим, я сел на землю и разрыдался, словно ребенок. Как же я проклинал себя за то, что не уследил за бунтовщиками, не забил тревогу, когда они подняли паруса: ведь я-то решил, что это Сильвер увел корабль.

Придя в себя, я решил все-таки сперва навестить стоянку пиратов, а уже потом сообщить вам печальную новость. Можете представить себе мое удивление, когда я застал на прогалине кучку людей, ошарашенных и подавленных не менее, чем я сам! Сильвер и его компания почти в одно время со мной обнаружили пропажу судна, и теперь вся шестерка сыпала такими проклятиями, что сам черт, услышь он их, смутился бы.

Оставалось только предположить, что шхуна сорвалась с якоря (но как?) и ее унесло отливом. Не теряя времени, я поспешил через лес к блокгаузу. И обнаружил, что отряд капитана встревожен совсем другим происшествием.

— Джим пропал! — сказал мне доктор, даже не поздоровавшись. — Ушел вчера вечером, и с тех пор ни слуху ни духу!

Никто из них не допускал и мысли, что вы переметнулись к Сильверу, они все приписывали мальчишескому озорству. Да только от этого было ничуть не легче — кто мог поручиться, что вас не убили ночью? Сквайр жестоко бранил себя за то, что втянул мальчишку в столь безрассудное предприятие. А вообще-то все мы, и сквайр, и доктор, да и Сильвер тоже, попали впросак. Откуда нам было знать, что судно в целости и сохранности стоит в другом месте? Каждый был уверен, что оно исчезло навсегда.

И тут взял слово капитан. Хотя он сильно ослаб от двух ран, полученных накануне, голова у него работала лучше, чем у всех нас остальных, вместе взятых. Капитан сказал, что исчезновение корабля вынуждает наш отряд сменить убежище. Пока Сильвер разгуливает хозяином по острову, нужно тщательно охранять клад. Весь вопрос в том, как из блокгауза перебраться в пещеру?

Капитан, понятно, не мог идти сам, его надо было нести. Значит, у двоих будут руки заняты, и остаются только два бойца. Казалось, положение безвыходно. Но тут доктор напомнил о нашем козырном тузе — старой и теперь уже совершенно бесполезной карте. Он спросил меня, пойдет ли Сильвер ради карты на двухчасовое перемирие и можно ли положиться на его слово? Нелегкий вопрос!

— Конечно, — ответил я, — Джон все, что угодно, пообещает, только бы завладеть картой, что

же до его честности, то, поклянись он хоть на ста библиях, я не положусь на слово Сильвера.

Эйб Грей поддержал меня.

— Постойте, — вмешался капитан. — Вы забываете одну вещь: когда он получит карту, у него просто не будет другого выбора, как тотчас отправиться за кладом. Зная эту шайку, я не сомневаюсь, что они мигом похватают кирки и лопаты! И как только они перевалят через плечо Подзорной Трубы, никто не помешает нам дойти до пещеры.

Мы посовещались и решили, что лучшего не придумать. На самом-то деле мы просчитались, ведь Сильвер целых двенадцать часов не подавал виду своим приятелям, что карта у него! Он выложил ее лишь после того, как над ним и вами, Джим, нависла смертельная угроза. Тем не менее наша уловка себя оправдала, она помогла нам беспрепятственно совершить переход из блокгауза в пещеру.

Итак, я устроился в засаде у стоянки пиратов, а доктор и Эйб Грей с белым флагом в руках пошли парламентерами к бунтовщикам. Кроме передачи карты, условия соглашения предусматривали, что доктор окажет помощь раненым и пираты получат все находящиеся в блокгаузе припасы, нам же за это разрешался свободный проход в северную часть острова.

Сильвер и доктор Ливси совещались поодаль от остальных, даже Грей отошел в сторонку, но все стояли с оружием в руках, не спуская глаз друг с друга. Наконец доктор скрылся в чаще, и Сильвер проковылял к костру. Приятели тотчас окружили его, требуя ответа: что ему удалось выговорить?

— Провиант, без которого никто из нас не может обойтись, даже ты, Джордж Мерри, — отчеканил Долговязый Джон. — Теперь, когда шхуна ушла, где еще мы его возьмем? Может быть, кто-нибудь из вас подаст совет?

— Им и в блокгаузе не худо, с чего это они вдруг затеяли уходить? — спросил Морган.

— В северную часть острова... — подхватил Мерри. — Что им там понадобилось, в северной части? Вдруг сокровище лежит там, они подбросят нам бочку солонины, а сами все денежки загребут!

Сильвер косо взглянул на него: так он некогда глядел на тех, кого мысленно приговаривал к смерти за предательство.

— Послушай, Джордж, у тебя есть лучший план? — медленно вымолвил он. — Если да — выкладывай, и мы обговорим его, потолкуем, как быть, чтобы не подохнуть с голоду здесь, у костра!

— Перехватим их на марше, — сказал Джордж, — и перебьем всех до единого. Тогда все будет наше· сокровище, солонина, бренди, блокгауз, или я не джентльмен удачи и никогда им не был!

— Вот это верно, — негромко отозвался Сильвер. — Ты им никогда не был, иначе не предложил бы чушь, достойную дурачка, которого в младенчестве уронили вниз головой! А теперь слушайте, что я скажу, недоношенные павианы, — продолжал он, возвысив голос так, что с окружающих деревьев взлетели птицы. — Откуда нам знать, что доктор не пронюхал, где шхуна, и не стакнулся с этим пропойцей Хендсом и с ирландцем, чтобы те забрали их вместе с сокровищем? Разрази меня гром, так оно и есть, вот что они затеяли, и теперь у нас только один шанс: не спускать с них глаз, пока Хендс не приведет шхуну в условленное место и не подаст сигнал! Перебить их, говоришь? Да ведь тогда всем нам крышка, потому что некому будет ответить на сигнал Хендса, и останемся мы без сокровища и без судна!

С этими словами Сильвер круто повернулся и стал навешивать на себя оружие, чтобы идти в блокгауз. Казалось, даже спина Джона выражает его презрение к тупицам, с которыми он связался.

Сидя за кустами, я с трудом удерживался от смеха, такие рожи были у его приятелей.

Долго пираты молча переваривали сказанное Сильвером, потом Морган взял слово.

— Что ж, Джон, — решительно произнес он, вынимая трубку изо рта и сплевывая в огонь, — сдается мне, ты прав, и я с тобой заодно, недаром изо всех нас ты самый башковитый!

Да, Сильвер снова одержал верх. И так как он ни словом не упомянул о карте, я окончательно понял, что дела мятежников совсем плохи и отныне Окорок будет нам скорее союзник, чем враг.

Я думал о басне Сильвера, будто Хендс сговорился с нами, и удивлялся, как это они дали заморочить себе голову! Казалось бы, яснее ясного, что люди капитана никак не могли пробраться ночью на шхуну и подбить Хендса на такую немыслимую затею. И однако пираты клюнули на удочку. Не больно-то они доверяли друг другу, если не усомнились, что собственный товарищ им так легко изменил... Отведя душу отборной бранью, бунтовщики забрали свое оружие и нехитрый скарб и угрюмо побрели к блокгаузу. Я проводил их до частокола, потом отправился догонять отряд сквайра, который шел через топь к моей пещере.

Нелегко нам пришлось в болотных зарослях, мы не раз проваливались по пояс, но все же благополучно добрались до места. И уж я постарался устроить своих гостей возможно уютнее, капитану подстелил целую груду козьих шкур и запас побольше питьевой воды на случай осады.

А сколько мы в тот день ломали голову, Джим, пытаясь уразуметь, что с вами! Под вечер, когда «Испаньола» вошла в Северную бухту, доктор, Грей и я караулили в зарослях у подножия Двуглавой горы, чтобы Сильвер не застиг нас врасплох. Оттого-то мы и не увидели вас, когда вы в одиночку вели шхуну, а Хендс с кинжалом наготове ждал удобной минуты, чтобы расправиться с вами.

Как только стемнело, доктор и Грей возвратились в пещеру, а я решил проверить, чем заняты пираты. Сквозь щель в частоколе я увидел, как они, сидя у костра, прилежно потягивали оставленное вами бренди и распевали песни.

Убедившись, что нам пока не грозит никакая опасность, я еще до восхода луны направился обратно в пещеру. Задержись я на полчаса, вы встретились бы мне в лесу и не попали бы прямо в лапы врагу. Вот ведь как бывает...

Утром доктор, как и было условлено, пошел оказать помощь раненым пиратам, а два часа спустя вернулся и ошеломил нас известием, что вы в плену у бунтовщиков и, как только пираты вместо клада увидят пустую яму, ваша песенка будет спета.

Нам оставалось одно: попасть туда первыми и устроить засаду. Доктор Ливси, Эйб Грей и я тотчас вышли в путь по тропинке, которую я вытоптал, перенося золото. Но мы продвигались слишком медленно. Я-то привык к этим местам и мог еще прибавить ходу, но доктор, уже отмахавший с утра десять-двенадцать миль через топь, начал отставать. Тогда я объяснил ему, как найти яму, а сам припустил-

ся бегом и на длинном склоне пониже большого дерева обнаружил вас. Вы с пиратами стояли над останками бедного Ника и что-то обсуждали. Могильной плиты вы не увидели, так как прошли западнее.

Но как задержать пиратов, чтобы доктор и Грей раньше подоспели к яме? И тут мне пришло в голову изобразить привидение, голосом Флинта позвать Мак-Гроу, требуя рома, как это делал наш капитан в Саванне много лет назад.

К счастью для вас, Джим, моряки, даже самые отпетые, суеверный народ. Не сомневаюсь, от первого же моего крика их бросило в дрожь, а зубы их стучали, как испанские кастаньеты!

Во всяком случае, уловка достигла цели. Пираты сразу сбавили ход, тем временем подошли доктор и Грей, и мы засели в кустарнике на расстоянии половины мушкетного выстрела от пустой ямы.

До чего забавно было видеть выражение их лиц, особенно Сильвера, когда они заметили яму и, подбежав к ней, нашли... одну золотую монету, рукоятку от заступа и старые доски! Джордж Мерри задыхался от ярости. Не уложи я его первым же выстрелом, он искромсал бы своим ножом любого, кто попался бы ему под руку, будь то вы или сам Долговязый Джон. Доктор еще не отдышался после быстрого перехода, поэтому он промазал, зато пуля Эйба прикончила раненого пирата с повязкой на голове.

Ну вот, Джим, остальное вы и сами знаете. А чего не знаете, так я вам расскажу. Ведь, по чести говоря, я потом снова спас вас и ваших друзей, когда на обратном пути спровадил Окорока.

Хотите верьте, хотите не верьте, Джим, но это была, пожалуй, самая важная услуга, какую я оказал вам и вашим друзьям. Честное слово, этот коварный и сладкоречивый Сильвер задолго до прихода шхуны в Бристоль успел бы всем вам заморочить голову и подстроить какую-нибудь каверзу. Даже если бы я вас предупредил, что он замышляет новые козни, и вы заковали бы его в кандалы, все равно Долговязый Джон сумел бы выкрутиться и провести вас.

Было только два способа уберечь вас от его коварства: либо хладнокровно убить Джона, на что никто из вас не пошел бы, либо способствовать его побегу, что я и сделал и о чем никогда потом не жалел.

Как это было? Сейчас расскажу. И кончу на том свою повесть, которую вы обещали держать в тайне, пока я не отчалю в те края, где человеку позарез нужен надежный кормчий.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уже началось наше обратное плавание, а я не находил себе покоя, Джим, и все потому, что Долговязому Джону предоставили на корабле полную свободу.

Спору нет, нам не хватало людей, семь человек, один совсем еще мальчик, должны были выполнять работу тридцати. Но все равно, вы бросали вызов провидению, которое до сих пор было необычно милостиво к нам. И, глядя, как весело и беззаботно старый Джон орудует у себя в камбузе, я решил держать ухо востро.

Я наперед знал, что очень скоро Сильвер начнет прощупывать меня, — и не ошибся, это случилось уже на третий день нашего плавания, когда я принес в камбуз грязные миски из каюты капитана.

— Бен, — обратился он ко мне воркующим голосом, — Бен, дружище, скажи по чести старому товарищу, какую долю золота, добытого тобой в тайнике Флинта, обещал тебе капитан Смоллетт? Тысяч пять? Или десять?

Я ответил, что мы сошлись на тысяче фунтов и бесплатном проезде домой.

Сильвер сокрушенно поцокал языком.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Я бы не назвал это честным и справедливым дележом! Если учесть, что за проезд ты, как и все остальные, расплачиваешься своим трудом и что сквайру богатство от тебя же досталось!.. Тысяча, говоришь? Разрази меня гром, Бен, это же и сотой доли не составит!

— Джон, — сказал я ему на это. — Я давно уже уразумел, что одна честно заработанная гинея дороже тысяч, за которые расплачиваются виселицей!

— И ты прав, Бен, клянусь небом, ты прав! — подхватил старый мошенник. — Кто-кто, а уж я-то тебя понимаю! Но другие могут сказать, что сокровище тебе досталось честным путем! Ты сам его отыскал, сам перенес, и ты же обвел негодяев вокруг пальца!

С первой минуты, как Сильвер перешел на вашу сторону, он с великим осуждением говорил о своих прежних приятелях, точно забыл, что он сам подбил их на бунт. Это могло бы показаться смешным, не будь он таким законченным злодеем.

— Может, и так, — ответил я, — но не забудьте, что я тоже помогал доставить золото на борт «Моржа». И что бы вы ни говорили, мне голову не заморочите! Каждая монета добыта ценою крови и разбоя!

Долговязый Джон рассмеялся и добродушно похлопал меня по плечу.

— Э, Бен, — льстиво протянул он, — деньги странная вещь, ей-богу! Провалиться мне на этом месте, если найдется на свете хоть одна гинея, добытая честным путем! Взять хоть золотые слитки в нашем трюме... Им цена этак двести-триста гиней за штуку. Где мы их добыли? У испанцев, скажешь ты. А испанцы? Из рудников, скажешь ты. Ну а кто добыл золото в рудниках? Индейцы, вот кто, и они мерли при этом как мухи не столько даже от непосильной работы, сколько от плетей! Вот и ответь мне теперь: у кого больше прав на это золото? У индейцев, у испанцев? А может быть, у тебя?

Сильвер явно был в ударе, и я знал: стоит мне замешкаться на камбузе, и он убедит меня, что нет на свете занятия честнее, чем морской разбой, что пираты, захватывая и топя корабли, делают людям благо. Поэтому я выскочил на палубу и отправился на нос, чтобы обдумать, как уберечь всех нас от новой беды.

Я видел три возможности. Во-первых, можно прикинуться, будто я заодно с Сильвером, побольше выведать и предупредить капитана, чтобы тот заковал его в кандалы. Но чего я этим достигну? Еще не придумали тех кандалов, которые могли бы обуздать Сильвера больше, чем на две вахты... Убить его? Тоже выход, да только я себе твердо сказал, что с убийствами покончено, не подниму руки даже на мерзавца, который лучшего не заслуживает.

Третий выход заключался в том, чтобы позволить Джону бежать и сплавить его на берег. Я начал соображать, как это сделать, а тут Эйб Грей окликнул меня и сообщил последнюю новость: мол, решено войти в ближайший порт на Мэйне, чтобы набрать команду для перехода через океан. Как раз то, что мне нужно, сказал я себе. Помогу Сильверу улизнуть, а потом чистосердечно во всем признаюсь...

Все получилось куда проще, чем я рассчитывал. Ведь что вы сделали в первый же вечер, когда мы бросили якорь у берегов Суринама? Отправились на английский военный корабль и гостили на нем до полуночи, оставив меня и Эйба Грея охранять золото! Правда, вы заперли Сильвера на полубаке; да только, скажу по чести, меня разбирал смех, когда я увидел, как легко вы клюнули на его обещания исправиться и как уповаете на простую щеколду и на двоих моряков, которых Окорок столько раз обводил вокруг пальца.

За час до восхода луны я прошел на нос и окликнул Джона. Ответа не последовало, и, приглядевшись, я увидел, что дверь отперта. Сильвер сделал из проволоки крюк и отодвинул щеколду.

— Тем лучше, — сказал я себе. — Удрал, и слава богу, мне меньше хлопот.

И я отправился на корму, где Эйба поставили сторожить вход в капитанскую каюту. Так и есть! Лежит и храпит, мушкет и пистолеты бросил, хочешь — бери их, хочешь — так перешагни.

Только я хотел разбудить его криком «тревога!», посмотреть, как он вскочит и схватит оружие, — вдруг снизу донесся скребущий звук, словно кто-то волочил швартов по палубе. На миг я опешил, но тут же меня осенило: Сильвер еще на борту и добирается до дублонов, которые мы так любезно припасли для него...

Я разулся, прошел вперед, спустился на галерейную палубу и прокрался на корму — совсем как вы, когда задумали незаметно понаблюдать за раненым Хендсом. У кормового трапа я постоял прислушиваясь. Скребущий звук становился все громче. Так и есть, пилит...

— Джон! — тихо позвал я. — Это я, Бен. Пришел за своей долей!

Шум в парусной каюте стих, потом из люка вынырнула голова Сильвера. Он вспотел и весь был осыпан опилками; на костыле висела плотничья пила. Увидев меня, он ничуть не удивился.

— А, Бен, — вымолвил он. — Я так и думал, что ты не захочешь остаться в стороне. Ты очень кстати подошел, а то ведь с моей деревянной ногой много не унесешь, только на перевоз хватит. Прыгай сюда, подсобишь старому другу!

Я спустился в каюту и посмотрел на его работу. При свете потайного фонаря Сильвер выпилил в потолке квадратное отверстие и уже приготовился лезть за добычей.

— Джон, — продолжал я вполголоса, не сомневаясь, что Эйб пристрелит нас обоих, если проснется, — сколько ты задумал взять и как собираешься попасть на берег?

— Возьму, сколько смогу увезти, — ответил Сильвер. — А под кормой меня ждет негр с лодкой, он заберет нас с тобой.

Не спрашивайте меня, откуда он раздобыл этого негра и как с ним договорился, это выше моего разумения. Как бы то ни было, под кормой и впрямь качалась зачаленная лодка, и в ней сидел человек.

— Джон, — прошептал я, — мне с тобой не по пути. Бери один мешочек с монетами, так и быть уж, донесу его до лодки А если тебе этого мало, приготовься к схватке — и не только с Эйбом Греем, который проснется от первого же моего крика, но и со мной! Вот так, вот тебе мои условия, а теперь решай!

Мои слова поразили его, и несколько секунд он пристально глядел на меня, потом усмехнулся и хлопнул себя свободной рукой по животу.

— Разрази меня гром, Бен, да ведь ты это всерьез! — воскликнул он. — А я-то голову ломал, старался угадать, какую хитрость ты замышляешь!

— Так как же, Джон, — продолжал я, — на чем порешили? Ноги в руки — и на берег с дублонами в кармане — или путешествие в кандалах туда, где твою толстую шею ждет петля?

Сильвер понял, что проиграл.

— Эх, Бен, Бен, — вздохнул он, — подумать только, ты одолел меня!

Я не стал терять времени на разговоры, а протиснулся через выпиленный им лаз, выбрал мешочек поменьше и отнес его на палубу. Джон сбросил золото в лодку и остановился над свисавшим с кормы веревочным трапом.

— Бен, дружище, — начал Сильвер прощальную речь, — только не забывай моих слов о том, как люди добывают деньги! За двадцать лет я успел убедиться, что верно говорят: не зевай сам, и бог тебе поможет! Ну а кому нравится ради хлеба спину гнуть, пускай гнут, покуда вовсе не загнутся! Что до меня, Бен, то я одинокий волк. Хватит, набегался в стае, отныне я охочусь в одиночку, или можешь назвать меня грязной шваброй!

С этими словами он лихо козырнул мне, соскользнул по трапу в лодку и налег на весла.

Стоя у поручней, я провожал его взглядом, пока лодка не затерялась среди береговых огней.

Потом я пошел к Эйбу предупредить его о побеге Сильвера, пока капитан не вернулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ну, что еще добавить напоследок, Джим?

Капитан и сквайр не очень-то корили меня за то, что я позволил Сильверу бежать. А может быть, я их не понял, и они не меньше моего рады были от него избавиться. Так или иначе, когда мы вернулись в Англию, сквайр и доктор съездили в Эксетер и добились отмены приказа о моем аресте за соучастие в убийстве Кастера. Надо думать, им помогло письмо Ника, переданное доктору мисс Далси. Сам я этого письма не видел, но доктор Ливси рассказал мне его содержание. Ник сообщал, что он один повинен в убийстве Бэзила Кастера, которое совершил в целях самозащиты. Дескать, я только утром нашел Ника и, выполняя его приказ, доставил своего раненого хозяина в почтовой карете до Плимута, а про убийство узнал уже на борту корабля, когда не мог ничего сделать.

Не знаю, поверил ли шериф словам Ника; во всяком случае, меня не стали преследовать по закону, и после смерти старого сквайра Кастера, когда его поместье перешло в чужие руки, я смог вернуться в родные места.

Моя старушка мама и отец давно уснули вечным сном, и мне оставалось лишь оплакать их могилу, в которой вы торжественно пообещали схоронить меня, когда пробьет мой час.

Пожалуй, тяжелее всего мне пришлось, когда я собрался с духом навестить мисс Далси. Она по-прежнему жила в доме священника, бледная, уже совсем седая, но все такая же приветливая. Мисс Далси попросила меня рассказать все, что я помнил о Нике: как он выглядел, что говорил, часто ли вспоминал ее и как умер.

Я наврал ей с три короба, Джим, и ничуть в этом не раскаиваюсь, ведь правда прикончила бы ее. На прощание она дала мне гинею, и у меня не хватило духу отказаться. Мисс Далси безоговорочно поверила в историю, которую я сочинил прямо на ходу: будто бедный Ник много лет тому назад умер от лихорадки на своей плантации в Виргинии.

Надеюсь, вы подтвердите, что я, как вернулся в Англию, делал все, чтобы заслужить прощение. А если я иногда и прикладывался к бутылке с ромом, так это лишь потому, что меня грызло сомнение, не поздно ли я взялся за ум. Но ведь сказано же в писании, что в небесах одному раскаявшемуся грешнику радуются больше, нежели девяноста девяти праведникам, которым не в чем каяться.

Если это так, Джим, похоже, у меня еще есть надежда. А большего я не прошу и не жду, вот и весь сказ!

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, НАПИСАННОЕ ДЖЕЙМСОМ ГОКИНСОМ В 1811 ГОДУ

Вот уже больше шести лет, как я исполнил последнюю волю Бена и положил старого буканьера на покой там, где он просил, — рядом с его матерью.

Четыре с лишним года назад поставил я точку в конце своего пересказа его истории, полагая, что завершил удивительную повесть о сокровищах Флинта и о наших злоключениях на пресловутом острове.

Последний из моих сотоварищей, капитан Эйб Грей, умер в прошлом году отцом многочисленного семейства, почтенным человеком, владельцем нескольких добрых судов, перевозящих товары из Вест-Индии.

После смерти Эйба я считал себя единственным оставшимся в живых участником памятного плавания на «Испаньоле». Однако, как вы сейчас увидите, я ошибался.

Около года тому назад, в ненастный мартовский вечер, вошел слуга и доложил мне, что на газоне под окнами моего кабинета задержан какой-то подозрительный старик.

Сначала я подумал, что речь идет о браконьере, а многолетняя дружба с Беном научила меня снисходительно к ним относиться, слишком хорошо помнил я судьбу Джейка и печальные последствия, которые вызвало беспощадное применение Кастерами законов об охоте.

Но слуга утверждал, что это не браконьер, а моряк, и притом довольно жалкий: ему не меньше семидесяти лет, он крайне истощен и одет в лохмотья. Слуга добавил, что этот человек добивается встречи со мной, дескать, ему надо мне что-то сообщить.

Интересно, что́, кроме подаяния, могло понадобиться от меня нищему старику? Я велел накормить его и привести ко мне, а сам опустил занавески и сел у горящего камина ждать гостя.

Наконец раздался стук в дверь, и я увидел согбенного годами, предельно изможденного человека. Жидкие седые волосы свисали космами на поникшие плечи, и он чем-то смахивал на Бена Ганна, каким тот был, когда я впервые встретил его на острове. Держался он робко, я бы даже сказал, униженно; лохмотья поддерживал матросский ремень, и походка его, когда он, бормоча извинения, шел через кабинет, выдавала моряка. Обветренное лицо цветом напоминало красное дерево, голос был глухой и сиплый.

Отослав слугу, я предложил гостю сесть. Как только слуга вышел, чужак устремил на меня испытующий взор. Он так долго и пристально разглядывал меня, что я ощутил некоторое замешательство.

Наконец он произнес:

— Мистер Гокинс? Мистер Джим Гокинс, который некогда проживал в Черной бухте?

Я сухо ответил, что меня действительно зовут Джим Гокинс, и попросил перейти к делу.

Он тяжело вздохнул:

— Я только хотел удостовериться, потому что не ждать мне добра, коли я откроюсь не тому человеку, а уж чего проще, ведь сорок лет прошло, как я вас видел!

— Вы видели меня? — воскликнул я. — Где и когда?!

Но приступ кашля помешал старику ответить. Тогда я налил ему пунша, и он, твердя слова благодарности, поднес стакан к дрожащим губам.

— Я — Дик! — вымолвил он наконец. — Тот самый Дик, который изрезал библию и потом поплатился за это, да как поплатился!!

Я вскочил на ноги. Неужели этот скрюченный старец — тот самый молодой моряк, который вместе с двумя приятелями был оставлен на острове.

— Дик! — крикнул я. — Вы?!

Старик торопливо допил свой пунш, и в глазах его вновь отразился страх.

— Я наказан сполна за свои дела, — пролепетал он, испугавшись собственного признания. — Изо всех живых людей вы один можете опознать меня, и я пришел просить вашего снисхождения, мистер Гокинс!

Трогательно было видеть, с каким облегчением этот бедняга принял мое заверение, что его никто не будет карать. Согретый теплом очага и трапезой, он поведал мне все, что помнил о своем пребывании на Острове Сокровищ и последующих злоключениях.

Напоминаю вам, что последним из старой команды Флинта (не считая Сильвера) был Том Морган, ему перевалило уже за шестьдесят, когда мы оставили его на острове. Вторым в этой милой троице был рыжий Джим Фаулер, высокий молодой моряк, которого Сильвер подбил на бунт после того, как мы вышли из Англии.

Том Морган и Дик, оправившись от потрясения, решили как-то приспособиться на этом уединенном клочке земли. Молчаливый степенный Морган был по-своему верный товарищ и умел кое-что мастерить. Он понимал, что в Англии их все равно ждет только виселица, и решил извлечь максимум пользы из своего умения.

Молодой организм Дика справился с лихорадкой, которую он схватил, прежде чем они вспомнили совет доктора Ливси и покинули низину. Самый деятельный из всей тройки, Дик усердно занялся охотой, и они довольно сносно зажили в лачуге, которую соорудили на южном плече Подзорной Трубы.

Однако рыжий Джим никак не мог примениться к новым условиям. Уединение на острове, а может быть, угрызения совести помутили его рассудок, и после бесплодных попыток обуздать Фаулера товарищи в конце концов вынуждены были изгнать его. Он жил дикарем, питаясь ягодами и сырым черепашьим мясом, и постепенно совсем озверел.

Дик несколько раз встречал его, когда ходил на охоту. Несчастный безумец был совершенно голый, весь оброс длинными рыжими волосами и скорее напоминал свирепое животное, чем человека. Однажды Джим скатил камень с Фок-мачты, пытаясь убить Тома Моргана, а в другой раз подобрался к лачуге, когда его товарищи спали, и поджег ее головешками из костра.

В конце концов Морган и Дик согласились, что ради спасения своей жизни они должны его выследить и убить. Дик сумел подкрасться к Фаулеру, когда тот пожирал сырое мясо, и прикончил его выстрелом в голову.

Сдается мне, это вынужденное убийство сделало для обращения Дика больше, чем само наказание, которому мы их подвергли. И когда Дик после кончины старого Тома остался один, подобно Бену Ганну, он обратился за утешением к библии.

По подсчетам Дика, он восемь лет прожил на острове — и за все это время ему ни разу не пришло в голову искать серебро и оружие, зарытые на севере острова. И Долговязый Джон почему-то не вернулся за этой частью клада, хотя карта, полученная им от доктора Ливси, точно указывала, где что лежит.

А на девятый год к Острову Сокровищ подошел корабль с испанцами, которые наносили эту область океана на карту. Бедняга Дик поспешил разыскать капитана и назвался жертвой кораблекрушения.

Лучше бы он отсиделся в лесу.

Испанцы прибыли из Европы, а потому они сильно отличались от тех испанцев, которые родились на островах Вест-Индии и привыкли смотреть сквозь пальцы на королевский указ о том, как обращаться с иностранными моряками. Удостоверившись, что Дик англичанин, но отнюдь не удовлетворившись его сбивчивыми объяснениями, капитан решил, что Дик беглый раб, и продал его одному плантатору в пожизненное владение.

Двадцать с лишним лет Дик выращивал сахарный тростник, и с какой охотой он променял бы эту каторгу на блаженное одиночество на острове Кидда! Наконец, при налете английских военных кораблей, посланных губернатором Ямайки, земляки выручили беднягу. Дик снова стал моряком и тянул лямку, пока не скопил денег на проезд домой.

Ступив на родную землю, он тотчас двинулся пешком вдоль побережья, стараясь выведать что-нибудь о людях сквайра. В конце концов в Плимуте ему попался человек, который слышал про меня и клялся, что я не из тех, кто способен полвека таить зло. Распростившись с морем, Дик мечтал лишь о какой-нибудь маленькой должности в моем доме, чтобы умереть на родной земле, которую покинул столько лет назад, окрыленный большими надеждами.

Я сделал для него все, что мог, да только ему от этого было немного проку.

Лихорадка подточила здоровье Дика, а жестокое обращение испанцев совсем его изнурило, и он прожил у нас меньше года, после чего уснул вечным сном. Надеюсь, ему было легче от мысли, что он умирает свободным человеком, а не рабом в жалкой лачуге на заморской плантации.

Февральский снег ложился на землю, когда я схоронил Дика по соседству с Беном, чью судьбу он во многом повторил. Священник приступил к панихиде, а я вспомнил давнюю летнюю ночь, когда я, скорчившись в бочке из-под яблок, слушал разглагольствования Сильвера, который дурманил голову парнишке описанием пиратских подвигов и баснословного богатства, ожидающего предприимчивых.

Что сказал тогда Дик на слова Сильвера о жалкой доле большинства джентльменов удачи: «Какой же тогда смысл быть пиратом?» И Сильвер ответил: «Для дурака — никакого!» Каким пророческим оказался этот разговор! Дика, этого простака из простаков, и впрямь ожидала самая жалкая участь...

А сам Сильвер — как-то сложилась его судьба? Лежат ли его кости, подобно костям Ника, на уединенном островке или, как это случилось с Хендсом, покоятся на дне морском? А может быть, солнце высушило его могучую тушу на виселице, которой он так боялся? Или же тело Джона бросили с пристани акулам после пьяной драки где-нибудь на берегах Мэйна?

Нет, сказал я себе, не может быть, чтобы высшее правосудие пошло тут по избитому пути! Уходя от могилы Дика, уже подернутой пеленой снега, я почему-то был убежден, что Джон Сильвер окончил свою жизнь таким же жалким, нищим и презираемым, как ничтожнейшая из его жертв, и не было рядом с ним никого, чтобы пожелать ему удачи в последнем плавании.

Тому, кто упрекнет меня в жестокости и нетерпимости, напоминаю, что сам Сильвер, не в пример грубым и невежественным морякам, которыми он заправлял, обладал всеми предпосылками, чтобы стать выдающимся человеком.

Ибо у Сильвера в отличие от всех его приятелей были большие задатки, которыми он прискорбно пренебрег.

Конец

Сокращенный перевод с английского Л. ЖДАНОВА

МАЙ ШЁВАЛЛЬ
И ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

дывая. Встала, повесила сумку на правое плечо и зашагала к Хурнсгатан. Понемногу ей удалось справиться с нервами, и она сказала себе, что все должно получиться, как задумано.

Пятница, 30 июня, для многих уже начался летний отпуск. На Хурнсгатан царило оживление — машины, прохожие. Свернув с площади налево, она оказалась в тени домов.

Она надеялась, что верно выбрала день. Все плюсы и минусы взвешены, в крайнем случае придется отложить операцию на неделю. Конечно, ничего страшного, и все-таки не хочется терзать себя недельным ожиданием.

Она пришла раньше времени и стала медленно прохаживаться по тротуару, делая вид, что ее занимают витрины. Хотя перед часовым магазином поодаль висел большой циферблат, она поминутно глядела на свои часы. И внимательно следила за дверью через улицу.

Без пяти три она направилась к переходу на углу и через четыре минуты очутилась перед дверью банка.

Прежде чем войти, она открыла замок брезентовой сумки, потом толкнула дверь.

Перед ней был длинный прямоугольник зала. Дверь и единственное окно образовали одну короткую сторону, от окна до противоположной стены тянулась стойка, часть левой стены занимали четыре конторки, дальше стоял низкий круглый стол и два круглых табурета с обивкой в красную клетку, а в самом углу вниз уходила крутая спиральная лестница, очевидно ведущая к абонентским ящикам и сейфу.

В зале был только один клиент, он стоял перед стойкой, складывая в портфель деньги и документы. За стойкой сидели две женщины; третий служащий, мужчина, рылся в картотеке.

Она подошла к конторке и достала из наружного кармана сумки ручку, следя уголком глаза за клиентом, который направился к выходу. Взяла бланк и принялась чертить на нем каракули. Вскоре служащий подошел к дверям и захлопнул на замок наружную створку. Потом он наклонился, поднял щеколду, удерживающую внутреннюю створку, и вернулся на свое место, провожаемый тихим вздохом закрывающейся двери.

Она взяла из сумки платок, поднесла его левой рукой к носу, как будто сморкаясь, и пошла с бланком к стойке.

Дойдя до кассы, сунула бланк в сумку, достала нейлоновую сетку, положила ее на стойку, выхватила пистолет, навела его на кассиршу и, не отнимая ото рта платка, сказала:

— Ограбление. Пистолет заряжен, в случае сопротивления буду стрелять. Положите все наличные деньги в эту сетку.

Испуганно глядя на нее, кассирша осторожно взяла сетку и положила перед собой. Вторая женщина, которая в это время поправляла прическу, замерла, потом робко опустила руку с гребенкой. Открыла рот, как будто хотела что-то сказать, но не произнесла ни слова. Мужчина, стоявший за своим письменным столом, сделал резкое движение, она тотчас направила пистолет на него и крикнула:

— Ни с места! И руки повыше, чтобы я их видела!

Потом опять пригрозила пистолетом остолбеневшей кассирше:

— Поживее! Все кладите!

Кассирша торопливо набила пачками сетку и положила ее на стойку. Мужчина вдруг заговорил:

— Все равно у вас ничего не выйдет. Полиция...

— Молчать! — крикнула она.

Бросив платок в брезентовую сумку, она схватила сетку и ощутила в руке приятную тяжесть. Затем, продолжая угрожать служащим пистолетом, стала медленно отступать к двери.

Неожиданно кто-то метнулся к ней от лестницы в углу зала. Долговязый блондин в отутюженных белых брюках и в синем пиджаке с блестящими пуговицами и большим золотым вензелем на грудном кармане.

По залу раскатился грохот, ее рука дернулась вверх, мужчина с вензелем качнулся назад, и она увидела, что на нем совсем новые белые туфли с красными рифлеными резиновыми подметками. Лишь когда его голова с отвратительным глухим стуком ударилась о каменный пол, до нее вдруг дошло, что она его застрелила.

Она швырнула пистолет в сумку, метнула дикий взгляд на объятых ужасом служащих и бросилась к двери. Возясь с замком, успела подумать: «Спокойно, я должна идти спокойно», — но, выскочив на улицу, устремилась к переулку чуть не бегом.

Она не различала прохожих, только чувствовала, что толкает кого-то, а в ушах ее по-прежнему стоял грохот выстрела.

Завернув за угол, она побежала, крепко держа сетку в руке; брезентовая сумка колотила ее по бедру. Вот и дом, где она жила ребенком. Она рванула дверь знакомого подъезда и пробежала мимо лестницы во двор. Заставила себя умерить шаг и через коридор небольшой пристройки прошла на следующий двор. Спустилась по крутой лестнице в подвал и села на нижней ступеньке.

Сначала она попыталась запихнуть сетку поверх пистолета в брезентовую сумку, но сетка не влезала. Тогда она сняла шляпу, очки и светлый парик и сунула их в сумку. Ее собственные волосы были темные, с короткой стрижкой. Она встала, сняла рубашку и тоже положила в сумку; под рубашкой на ней была черная майка. Она повесила сумку на левое плечо, взяла сетку и поднялась по лест-

нице. Пересекла двор, миновала еще несколько подворотен и дворов, перелезла через две или три ограды и наконец очутилась на улице в другом конце квартала.

Она зашла в продовольственный магазин, взяла два литра молока и вместительную хозяйственную сумку из пластика, сунула в нее свою черную сетку, а сверху положила оба пакета с молоком.

Потом направилась к ближайшей станции метро и поехала домой.

II

Гюнвальд Ларссон прибыл на место преступления на своей сугубо индивидуальной машине. Она была красного цвета, редкой для Швеции марки ЭМВ, и многие считали ее чересчур роскошной для обыкновенного старшего следователя.

В этот солнечный день он сел за руль, собираясь ехать домой, в Больмура; вдруг Эйнар Рённ выбежал во двор полицейского управления и разрушил его мечты о тихом вечере в семейном кругу. Эйнар Рённ тоже был старшим следователем отдела насильственных преступлений и, кроме того, пожалуй, единственным другом Гюнвальда Ларссона, так что его сочувствие Гюнвальду, вынужденному пожертвовать свободным вечером, было вполне искренним.

Рённ отправился на Хурнсгатан на служебной машине. Когда он добрался до банка, там уже были сотрудники районного отдела, а Гюнвальд успел даже приступить к опросу служащих. У дверей банка теснился народ, и, когда Рённ ступил на тротуар, к нему обратился полицейский, сверливший глазами зевак:

— У меня тут есть свидетели, которые говорят, будто слышали выстрел. Как с ними быть?

— Задержите их немного, — ответил Рённ. — А остальным лучше разойтись.

Полицейский кивнул, и Рённ вошел в банк.

На мраморном полу между стойкой и конторками лежал убитый. Он лежал на спине, раскинув руки и согнув в колене левую ногу. Штанина задралась, ниже нее белел орлоновый носок с темно-синим якорьком и поблескивала светлыми волосками загорелая нога. Пуля попала в лицо, и от затылка по полу растекалась кровь.

Служащие сидели за стойкой, в дальнем углу. Гюнвальд Ларссон примостился перед ними на краю стола. Он записывал в блокноте показания, которые ему давала одна из женщин.

Заметив Рённа, Гюнвальд Ларссон поднял широченную правую ладонь, и женщина смолкла на полуслове. Гюнвальд Ларссон встал, поднял перекладину в стойке, подошел с блокнотом к Рённу и указал кивком на убитого.

— Ишь как его отделали. Останешься здесь? А я потолкую со свидетелями... скажем, во втором участке на Русенлюндсгатан. Чтобы вы могли работать тут без помех.

Рённ кивнул.

— Я слышал, будто это какая-то дева потрудилась, — сказал он. — И унесла денежки. Кто-нибудь видел, куда она подалась?

— Во всяком случае, никто из служащих, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Один молодчик на улице как будто заметил машину, которая рванула с места, но он не обратил внимания на номер и насчет марки не уверен, так что от него мало проку.

— А этот кто такой? — Рённ посмотрел на убитого.

— Болван какой-то, вздумал изобразить героя, схватить грабителя. А та, понятное дело, с испуга взяла да выстрелила. Здешний персонал знает его, постоянный клиент. У него внизу абонентский ящик, и черт дернул его подняться именно в эту минуту. — Гюнвальд Ларссон заглянул в блокнот. — Инструктор физкультуры, фамилия — Гордон.

— Не иначе, вообразил себя Молниеносным Гордоном из комикса, — сказал Рённ.

Гюнвальд Ларссон насмешливо поглядел на него.

Рённ покраснел и поспешил переменить тему:

— Ничего, мы найдем грабителя в этой штуке.

Он показал на укрепленную под потолком кинокамеру.

— Если не забыли пленку зарядить и резкость навести, — скептически произнес Гюнвальд Ларссон. — И если кассирша кнопку нажала.

Большинство банковских отделений теперь было оснащено кинокамерами, которые автоматически включались, когда дежурный кассир нажимал ногой кнопку в полу, — единственная мера, предписанная персоналу на случай появления грабителей. С некоторых пор вооруженные налеты участились, и тогда начальство распорядилось, чтобы служащие не подвергали себя опасности, не пытались помешать налетчикам или задержать их, а сразу выдавали деньги. Такое решение было вызвано отнюдь не заботой о персонале и прочими гуманными соображениями, просто опыт показал, что в конечном счете банкам и страховым обществам это выгоднее, чем выплачивать возмещения пострадавшим, а то и пожизненные пособия семьям погибших.

Приехал судебный врач, и Рённ пошел к своей машине за оперативной сумкой. Он работал по старинке, но нередко с успехом. Гюнвальд Ларссон отправился в полицейский участок на Русенлюндсгатан, захватив с собой троих служащих и еще четверых свидетелей, которые согласились дать показания.

Ему отвели помещение, он снял замшевую куртку, повесил ее на спинку стула и приступил к предварительному опросу.

Показания служащих банка совпадали, зато остальные свидетельства сильно расходились.

Первым из четырех был мужчина сорока двух лет, который находился в подъезде метрах в пяти от входа в банк, когда прозвучал выстрел. Он видел, как по улице пробежала девушка в черной шляпе и зеркальных очках. А когда он примерно через полминуты выглянул из подъезда, метрах в пятнадцати от него рванула с места зеленая легковая машина, как ему показалось, «опель». Машина умчалась в сторону Хурнсплан, и как будто девушка в черной шляпе сидела на заднем сиденье. Номер не рассмотрел, а буквы, кажется, АБ.

Следующий свидетель, владелица небольшого магазина рядом с банком, стояла в дверях своей лавки и вдруг услышала громкий хлопок. Сперва ей почудилось, что хлопнуло в кухоньке за торговым помещением, и она побежала туда, подумала, что газ взорвался. Убедившись, что плита в порядке, она вернулась к двери. Выглянула на улицу и увидела, как большая синяя машина развернулась посреди улицы, только шины завизжали. В ту же минуту из банка выбежала женщина и закричала, что человека застрелили. Свидетельница не видела, кто сидел в машине, номера не запомнила, в марках машин не разбиралась. Что-то похожее на такси.

Третий свидетель, слесарь тридцати двух лет, дал более подробные показания. Он не слышал выстрела, во всяком случае, не обратил на него внимания. Шел по тротуару, вдруг из банка выскочила девушка. Она торопи-

лась и, проходя мимо, толкнула его. Лица он не разглядел. Возраст лет около тридцати. На ней были синие брюки, синяя рубашка, шляпа, в руке она держала темную сумку. Он видел, как она подошла к машине с буквой А и двумя тройками в номере. Машина — «рено-16», светло-бежевая. За рулем сидел худощавый мужчина лет двадцати — двадцати пяти. У него длинные косматые черные волосы, на нем была белая майка. Очень бледное лицо. Второй мужчина, постарше, стоял на тротуаре рядом с машиной. Он открыл девушке заднюю дверцу, потом закрыл и сел рядом с водителем. Плечистый, рост около ста восьмидесяти сантиметров, волосы пепельные, курчавые, очень пышные, румяное лицо. Одет в черные расклешенные брюки и черную рубашку из какого-то блестящего материала. Машина ушла в сторону Слюссен.

Показания слесаря привели Гюнвальда Ларссона в замешательство, и он прочел свою запись еще раз, прежде чем пригласить последнего свидетеля.

Это был пятидесятилетний часовщик, он сидел в своей машине перед банком и ждал жену, которая зашла в обувной магазин через улицу. Боковое окошко было опущено, и он слышал выстрел, но не понял, в чем дело: на Хурнсгатан большое движение, всегда шумно. В пять минут четвертого из банка вышла женщина. Он обратил внимание на нее, потому что она очень спешила, даже не извинилась перед пожилой дамой, которую толкнула. Он еще подумал, как это типично для стокгольмцев — вечно торопятся и грубят. Сам он из Сёдертелье. Женщина была в брюках, на голове что-то вроде ковбойской шляпы, в руке она держала черную сетку. Добежала до угла и свернула в переулок. Нет, она не садилась ни в какую машину и не останавливалась по пути.

Гюнвальд Ларссон передал по телефону в управление приметы обоих пассажиров «рено», затем поднялся, собрал свои бумаги и поглядел на часы. Уже шесть...

И скорее всего он трудился впустую.

Данные насчет машин давно сообщены полицейскими, которые первыми прибыли на место. К тому же в свидетельских показаниях слишком много расхождений. Словом, все кошке под хвост. Как обычно.

Может быть, еще поработать с тем свидетелем, который потолковее? Да нет, не стоит. Всем им явно не терпится поскорее отправиться домой.

Гюнвальд Ларссон отпустил свидетелей, надел куртку и вернулся к банку.

Останки доблестного учителя физкультуры уже увезли, но из патрульной машины вышел молодой полицейский и доложил, что старший следователь Рённ ждет старшего следователя Ларссона у себя в кабинете.

Гюнвальд Ларссон вздохнул и пошел к своей машине.

III

Он открыл глаза и удивился — живой...

И в этом не было ничего нового, вот уже пятнадцать месяцев он каждое утро, проснувшись, недоуменно спрашивал себя:

«Как же я жив остался?»

И второй вопрос:

«Почему так вышло?»

Перед тем как проснуться, он видел сон. Этому сну тоже год и три месяца.

Только частности меняются, суть все та же.

Он скачет на коне. Мчится галопом, пригнувшись к холке, и холодный ветер треплет ему волосы.

Потом бежит по вокзальному перрону. Впереди — человек с пистолетом в руке. Он знает этого человека, знает, что сейчас будет. Это Чарлз Гито, у него спортивный пистолет марки «хаммерли интернешнл».

Гито нажимает спуск, а он в ту же секунду бросается наперехват и принимает выстрел на себя. Удар в грудь, как от кувалды. Жертва принесена. И уже очевидно, что жертва была напрасной. Президент лежит навзничь, блестящий цилиндр слетел с головы и катится по земле, описывая полукруг...

Здесь он просыпается. Сначала все черно, мозг опаляет волна жгучего пламени, затем он открывает глаза.

Мартин Бек лежал в кровати и смотрел в потолок. В комнате было светло.

Он размышлял о своем сне. Бестолковый сон, а эта версия особенно.

И слишком много несуразицы. Взять, например, оружие: при чем тут спортивный пистолет, когда должен быть револьвер, на худой конец «деррингер». И почему Гарфилд оказался смертельно раненным, ведь Мартин Бек принял пулю на себя? [1]

[1] Двадцатый президент США Гарфилд был смертельно ранен Чарлзом Гито в Вашингтоне в июле 1881 года. *(Прим. пер.)*

Он не знал, как выглядел убийца на самом деле. Может, и видел когда-нибудь портрет, но память никаких примет не сохранила. В его снах Гито чаще всего был голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками, но сегодня он больше всего напоминал какого-то известного киноактера.

Ну конечно, Джон Каррадин в роли игрока из «Дилижанса».

Одним словом, сплошная романтика.

Впрочем, *пуля в груди* отнюдь не романтика. Если пуля, пройдя через правое легкое, застрянет рядом с позвоночником, она временами вызывает острую боль.

Вполне реальными были и другие детали его сна. Например, *спортивный пистолет*. На самом деле его держал в руке бывший полицейский, *голубоглазый блондин с гладкой прической и светлыми усиками*. Они встретились на крыше дома под холодным весенним небом. Весь обмен мнениями свелся к пистолетному выстрелу.

Вечером того же дня он очнулся в комнате с белыми стенами, точнее, в отделении грудной хирургии Каролинской больницы. И хотя ему сказали, что рана неопасная, он с удивлением спрашивал себя, как это вышло, что он остался жив.

Потом ему сказали, что рана *уже* не опасная, однако пуля неудачно расположена. Он оценил тонкость намека, заключенного в словечке «уже», но ему от этого не стало легче. Хирурги не одну неделю штудировали рентгеновские снимки, прежде чем извлечь из его груди чужеродное тело. После этого ему объявили, что теперь опасность окончательно миновала. Он совершенно оправится при условии, что будет вести спокойный, размеренный образ жизни. Да только к тому времени он уже перестал им верить.

Тем не менее он вел спокойный, размеренный образ жизни. Собственно, у него не было другого выбора.

Теперь его уверяют, что он совершенно оправился. Правда, опять с небольшим прибавлением: физически.

Кроме того, ему не следует курить. Он и раньше-то не мог похвастать хорошими бронхами, а тут еще и легкое прострелено. После заживления вокруг рубцов отмечены какие-то подозрительные тени.

Ладно, пора вставать. Мартин Бек прошел через гостиную в

холл и поднял газету с коврика у двери. По пути на кухню пробежал глазами заголовки на первой странице. Погода хорошая, и метеорологи обещают, что она еще продержится. В остальном ничего отрадного, как обычно.

Он положил газету на стол, достал из холодильника пакет йогурта и выпил. Н-да, вкусным его не назовешь, отдает чем-то затхлым и какой-то синтетикой. Наверно, перележал еще в магазине. Давно прошли те времена, когда в Стокгольме можно было запросто и не слишком дорого купить что-нибудь свежее.

Теперь — в ванную. Умывшись и почистив зубы, он вернулся в спальню, убрал постель, снял пижамные штаны и начал одеваться.

Глаза его равнодушно скользили по комнате. Большинство стокгольмцев сказали бы, что у него не квартира — мечта. Верхний этаж дома на Чёлмангатан в Старом городе, всего три года как вселился. И он хорошо помнил, как славно ему жилось вплоть до той злополучной стычки на крыше.

Теперь он чаще всего чувствует себя как в одиночке, даже когда его кто-нибудь навещает. И квартира тут, пожалуй, ни при чем — в последнее время он и на улице подчас чувствует себя как в заточении.

Что-то беспокойно на душе, сейчас бы сигарету. Правда, врачи сказали, что ему надо бросить курить, но мало ли что врачи говорят. Хуже то, что государственная табачная фирма перестала выпускать его любимую марку, а папирос теперь вообще не купишь. Пробовал другие марки — не то...

Сегодня Мартин Бек одевался особенно тщательно. Повязывая галстук, он безучастно разглядывал модели на полке над кроватью. Три корабля, два совсем готовые, один собран наполовину. Увлечение началось лет восемь назад, но с апреля прошлого года он ни разу не прикасался к ним.

Половина восьмого, понедельник, 3 июля 1972 года. Не простой день, особенный. Сегодня он вновь приступает к работе.

Ведь он по-прежнему полицейский, точнее, комиссар уголовной полиции, начальник отдела расследования убийств.

Мартин Бек надел пиджак и сунул газету в карман, с тем чтобы прочесть ее в метро. Еще одна частица привычного распорядка, к которому предстоит вернуться.

Идя вдоль Корабельной набережной под яркими лучами солнца, он вдыхал зачумленный воздух. И чувствовал себя обессилевшим стариком.

Внешне это никак не отражалось. Напротив, он выглядел бодрым, сильным, двигался быстро и ловко. Высокий загорелый мужчина, энергичная челюсть, широкий лоб, спокойные серо-голубые глаза.

Мартину Беку исполнилось сорок девять. До пятидесятого дня рождения оставалось немного, но большинство считало, что он выглядит моложе.

IV

Кабинет в здании на Вестберга аллее красноречиво свидетельствовал, что кто-то другой долго исполнял обязанности начальника отдела расследования убийств.

Конечно, кабинет был тщательно убран, и чья-то заботливая рука даже поставила на письменном столе вазу с васильками и ромашками, и все-таки давало себя знать отсутствие педантизма и явная склонность к милому беспорядку.

Особенно в ящиках письменного стола.

Вне всякого сомнения, кто-то совсем недавно извлек из них кучу предметов, но кое-что осталось. Например, квитанции от таксистов, старые билеты в кино, сломанные шариковые ручки, коробочки из-под пилюль. Цепочки из скрепок, резинки, куски сахару, конвертики с заваркой... Две косметические салфетки, пачка бумажных носовых платков, три пустые гильзы, сломанные часы марки «Экзакта»...

В дверь постучали, и вошел Леннарт Колльберг.

— Привет, — сказал он. — Добро пожаловать.

— Спасибо. Твои часы?

— Ага, — мрачно подтвердил Колльберг. — Они побывали в стиральной машине. Забыл карманы опростать.

Он поглядел кругом и виновато добавил:

— Честное слово, я начал прибирать в пятницу, но меня оторвали. Сам знаешь, как это бывает...

Мартин Бек кивнул. Колльберг чаще других навещал его в больнице и дома, и они обменивались новостями.

— Худеешь?

— Еще как, — ответил Колльберг. — Утром взвешивался, уже полкило долой, было сто четыре, теперь сто три с половиной. А ты-то как себя чувствуешь?

— Хорошо.

Колльберг насупился, но ничего не сказал. Открыв свой портфель, он достал папку из розового пластика. В папке лежало что-то вроде сводки, небольшой, страниц на тридцать.

— Что это у тебя?

— Считай, что подарок.

— От кого?

— Допустим, от меня. Вернее, не от меня, а от Гюнвальда Ларссона и Рённа. Такие остряки, дальше ехать некуда.

Колльберг положил папку на стол. Потом добавил:

— К сожалению, мне пора.

— Далеко?

— В цепу.

Что означало: Центральное полицейское управление.

— Зачем?

— Да все эти чертовы налеты на банки.

— Но ведь ими специальная группа занимается.

— Спецгруппа нуждается в подкреплении. В пятницу опять какой-то болван на пулю нарвался.

— Знаю, читал.

— И начальник цепу решил немедленно усилить спецгруппу.

— Тобой?

— Нет, — ответил Колльберг. — Тобой, насколько я понимаю. Но приказ был получен в пятницу, а тогда еще я заправлял здесь и принял самостоятельное решение.

— А именно?

— А именно, пожалеть тебя и самому отправиться в этот сумасшедший дом.

— Спасибо, Леннарт.

Мартин Бек был искренне благодарен товарищу. Работа в спецгруппе влекла за собой ежедневное соприкосновение с начальником ЦПУ, минимум с двумя его заместителями и кучей заведующих отделами, не считая прочих важных шишек, ни черта не смыслящих в деле.

— Не за что, — продолжал Колльберг, — взамен ты получишь вот это.

Его толстый указательный палец уперся в папку.

— И что же это такое?

— Дело, — ответил Колльберг. — По-настоящему интересное дело, не то что ограбление банка и прочая дребедень. Жаль только...

— Что жаль?

— Что ты не читаешь детективы.

— Почему?

— Может, лучше оценил бы подарок. Тут надо поработать головой. Сидеть на месте и думать, думать.

— Ладно, погляжу, — безучастно произнес Мартин Бек.

— В газетах ни слова не было. Ну как, завел я тебя?

— Завел, завел. Ну, пока...

— Пока.

Выйдя из кабинета, Колльберг остановился, нахмурил брови, несколько секунд постоял около двери, потом озабоченно покачал головой и зашагал к лифту.

V

На самом деле содержимое розовой папки его ничуть не волновало.

Почему же он покривил душой? Чтобы порадовать товарища? Вряд ли. Обмануть его? Ерунда. Сам себя обманывал? Тоже чушь.

Продолжая мусолить этот вопрос, Мартин Бек довел до конца методическое обследование своего служебного кабинета.

После ящиков стола он принялся за мебель, переставил стулья, развернул письменный стол, пододвинул шкаф чуть ближе к двери, привинтил настольную лампу справа. Его заместитель, видимо, предпочитал держать ее слева. А может, это вышло чисто случайно. В мелочах Колльберг нередко поступал как бог на душу положит. Зато в важных делах он был предельно основателен. Так, с женитьбой он прождал до сорока двух лет, не скрывая, что ему нужна идеальная жена. Ждал ту, единственную.

На счету Мартина Бека числилось почти двадцать лет неудачного брака с особой, которая явно не была той, единственной.

Правда, теперь он опять холостяк, но, похоже, слишком долго тянул с разводом. За последние полгода Мартин Бек не раз ловил себя на мысли, что, пожалуй, все-таки зря развелся. Может быть, нудная, сварливая жена лучше, чем никакой... Ладно, это не самая важная из проблем.

Он взял вазу с цветами и отнес одной из машинисток. Она вроде бы обрадовалась.

Мартин Бек вернулся в кабинет, сел за стол и посмотрел кругом. Порядок восстановлен.

Уж не пытается ли он внушить себе, что все осталось по-прежнему?

Праздный вопрос, лучше выкинуть его из головы. Он потянул к себе розовую папку, чтобы отвлечься.

Так, смертный случай... Что ж, порядок. Смертные случаи как раз по его части. Ну и где же произошел этот случай?

Бергсгатан, пятьдесят семь. Можно сказать, под носом у полицейского управления.

Вообще-то он вправе заявить, что его отдел тут ни при чем, этим делом должна заниматься стокгольмская уголовная полиция. Позвонить на Кунгсхольмен и спросить, о чем они там думают? Или еще того проще — положить бумаги в пакет и вернуть отправителю.

Позыв к закоснелому формализму был настолько силен, что Мартину Беку пришлось сделать усилие над собой, чтобы не поддаться.

Двадцать восемь лет службы в полиции многому его научили, в частности, как читать донесения и сводки, отбрасывая все лишнее и второстепенное и схватывая суть. Если таковая, конечно, имелась.

Меньше часа ушло у него на то, чтобы внимательно изучить все документы. Тяжелый слог, местами ничего не поймешь, а некоторые обороты просто ни в какие ворота не лезут. Это, конечно, Эйнар Рённ — сей стилист от полиции явно пошел в печально известного чинушу, который в сочиненных им правилах уличного движения утверждал, что темнота наступает, когда зажигаются уличные фонари.

Мартин Бек еще раз перелистал сводку, останавливаясь на некоторых деталях.

Потом отодвинул бумаги в сторону, поставил локти на стол и опустил голову на ладони.

Нахмурил брови и попробовал осмыслить, что же произошло.

Вся история распадалась на две части. Первая из них была прозаичной и отталкивающей.

Две недели назад, то есть в воскресенье 18 июня, один из жильцов дома 57 по Бергсгатан на острове Кунгсхольмен вызвал полицию. Вызов был принят в 14.19, но патрульная машина с двумя полицейскими прибыла на место только через два часа. Правда, от полицейского участка до указанного дома всего пять минут хода пешком, но задержка объяснялась просто. Во-первых, в стокгольмской полиции вообще не хватало людей, а тут еще отпускная пора, да к тому же воскресенье. Наконец, дело явно было не такое уж срочное.

Полицейские Карл Кристианссон и Кеннет Квастму вошли в дом и обратились к женщине, от которой поступил вызов. Заявительница жила на втором этаже главного строения. Она сообщила, что уже несколько дней на лестнице стоит неприятный запах, который заставил ее заподозрить неладное.

Оба полицейских сразу обратили внимание на запах. Квастму определил его как запах разложения. Дальнейшее определение источника запаха (сообщал тот же Квастму) привело их к дверям квартиры этажом выше. Было констатировано, что за дверью находилась однокомнатная квартира, с некоторых пор занимаемая жильцом шестидесяти лет, по фамилии Карл Эдвин Свярд. Фамилия установлена по сделанной от руки надписи на кусочке картона под кнопкой электрического звонка. Поскольку были основания предполагать, что в квартире может находиться тело самоубийцы, или умершего естественной смертью, или собаки (писал Квастму), или же больной и беспомощный человек, было решено проникнуть внутрь. Но электрический звонок явно не работал, а на стук никто не отзывался. Попытки найти управляющего домом, дворника или кого-нибудь еще, располагающего вторым ключом, не дали результата. Тогда полицейские обратились за инструкциями к начальству и получили приказание проникнуть в квартиру.

Послали за слесарем, на это ушло еще полтора часа. Когда прибыл слесарь, он констатировал, что дверь заперта на секретный замок, не поддающийся никаким отмычкам, и щель для почтового ящика отсутствует. С помощью специального инструмента замок удалось извлечь, но дверь тем не менее не открылась.

Кристианссон и Квастму, дежурство которых давно кончилось, снова обратились за инструкцией и получили распоряжение выломать дверь. На вопрос, не будет ли при этом присутствовать кто-нибудь из уголовной полиции, им коротко ответили, что больше послать некого.

Слесарь уже ушел, сделав свое дело.

Около семи вечера Квастму и Кристианссону удалось снять дверь с наружных петель, сломав шплинты. Но тут «возникли новые препятствия». Как выяснилось затем, дверь, помимо замка, запиралась двумя металлическими задвижками и железной балкой, которая утапливалась в косяк. И только еще через час полицейские смогли проникнуть в квартиру, где царила страшная духота и стоял невыносимый трупный запах.

В комнате, окно которой выходило на улицу, был обнаружен

мертвый мужчина. Он лежал на спине, примерно в трех метрах от окна, рядом с включенным электрокамином. Из-за жаркой погоды и тепла от камина труп раздулся «по меньшей мере вдвое».

Окно было заперто на щеколду изнутри, штора спущена.

Второе окно, на кухне, смотрело во двор. Рама была заклеена бумажной лентой и, судя по всему, давно не открывалась.

Мебели было мало, обстановка убогая. Квартира «в смысле потолка, пола, стен, обоев и покраски» сильно запущена.

Число обнаруженных предметов обихода на кухне и в жилой комнате совсем незначительно.

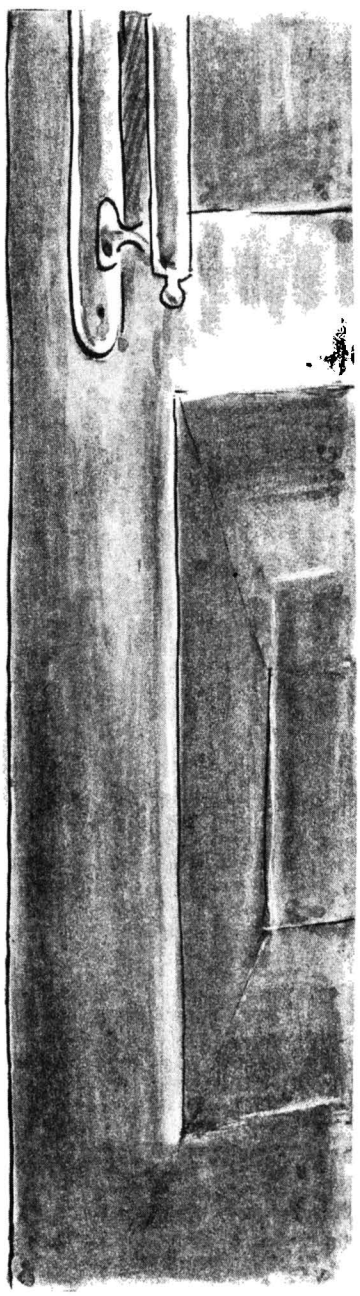
Из найденных пенсионных документов было выяснено, что покойник — Карл Эдвин Свярд, 62 года, бывший складской рабочий, пенсия назначена по инвалидности шесть лет назад.

После осмотра квартиры следователем Гюставссоном тело было доставлено в судебно-медицинскую амбулаторию для вскрытия.

Предварительное заключение: самоубийство или смертный случай вследствие голода, болезни или иных естественных причин.

Мартин Бек порылся в карманах пиджака, тщетно пытаясь нащупать снятые с производства сигареты «Флорида».

Газеты ничего не писали о



Свярде. Слишком банальная история. Стокгольм занимает одно из первых мест в мире по числу самоубийств, но об этом стараются не говорить, а когда уж очень прижмет, выкручиваются с помощью подтасованной и лживой статистики, ссылаясь на то, что в других странах со статистикой ловчат куда больше. Правда, в последние годы даже члены правительства не решаются официально прибегать к этому трюку. Должно быть, уразумели, что люди больше доверяют собственным глазам, чем уверткам политиканов.

Ну а если это не самоубийство, то и вовсе ни к чему шум поднимать... Дело в том, что так называемое общество всеобщего благоденствия изобилует больными, нищими и одинокими людьми, которые в лучшем случае питаются собачьим кормом и чахнут в крысиных норах, громко именуемых жилищами.

Нет, эта история явно не для широкой публики. Да и полиции вроде бы делать нечего. Если бы повесть о пенсионере Карле Эдвине Свярде этим исчерпывалась. Однако у нее было продолжение.

VI

Мартин Бек был старый служака и хорошо знал: если в сводке не сходятся концы с концами, в девяноста девяти случаях из ста причина заключается в том, что кто-то работал спустя рукава, совершил ошибку, небрежно оформил протокол, не уловил сути дела или попросту не умеет вразумительно излагать свои мысли.

Вторая часть истории о покойнике в доме на Бергсгатан заставила Мартина Бека насторожиться.

Поначалу все шло как положено. В воскресенье вечером тело увезли. В понедельник в квартире произвели дезинфекцию; и в тот же день сотрудники полиции оформили надлежащий протокол.

Вскрытие было произведено во вторник; заключение поступило в полицейское управление на следующий день.

Исследовать старый труп отнюдь не интересно, особенно когда знаешь заранее, что человек покончил с собой или умер естественной смертью. А если он к тому же не занимал видного места в обществе, скажем, был всего-навсего скромным пенсионером, бывшим складским рабочим, в таком деле и подавно нет ничего интересного.

Подпись на протоколе вскрытия была незнакома Мартину Беку — скорее всего какой-нибудь временный работник... Текст пестрил учеными словами, и разобраться в нем было непросто.

Возможно, оттого и дело продвигалось не слишком быстро. Ибо в отдел насильственных преступлений, к Эйнару Рённу, документы, судя по всему, попали только через неделю. И только там, похоже, произвели надлежащее впечатление.

Мартин Бек пододвинул к себе телефон, чтобы впервые за много месяцев набрать служебный номер. Поднял трубку, положил правую руку на диск и задумался.

Он забыл номер судебно-медицинской амбулатории. Пришлось заглянуть в справочник.

— Ну, конечно, помню. — В голосе эксперта (это была женщина) звучало удивление. — Заключение отправлено нами две недели назад.

— Знаю.

— Там что-нибудь неясно?

— Просто мне тут кое-что не совсем понятно...

— Непонятно? Как так? Кажется, она оскорблена?

— Согласно вашему протоколу исследуемый покончил с собой.

— Совершенно верно.

— Каким способом?

— Разве это не вытекает из заключения? Или я написала так невразумительно?..

— Что вы, что вы.

— Так чего же вы тогда не поняли?

— По чести говоря, довольно много. Но виновато, разумеется, мое собственное невежество.

— Вы подразумеваете терминологию?

— И ее тоже.

— Ну, такого рода трудности неизбежны, если у вас нет медицинского образования, — утешила она его.

Высокий звонкий голос — должно быть, совсем молодая.

Мартин Бек промолчал. Ему следовало бы сказать: «Послушайте, милая девушка, это заключение предназначено не для патологоанатомов. Запрос поступил из полиции, значит, надо писать так, чтобы любой оперативный работник мог разобраться».

Врач перебила его размышления:

— Алло, вы слушаете?

— Да-да, слушаю.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Да. Прежде всего хотелось бы знать, на чем основана ваша гипотеза о самоубийстве.

— Уважаемый господин комиссар, — ответила она озадаченно, — тело было доставлено нам полицией. Перед тем как вскрывать, я разговаривала по телефону с сотрудником, который, насколько я понимаю, отвечал за дознание. Он сказал, что случай рядовой и ему нужен только ответ на один вопрос.

— Какой же?

— Идет ли речь о самоубийстве.

Мартин Бек сердито потер костяшками пальцев грудь.

Допущена элементарная ошибка. Вскрытие должно производиться совершенно объективно. Наводить на версию судебного врача — почитай, что должностное преступление, особенно когда патологоанатом, как в данном случае, молод и неопытен.

— Вы запомнили фамилию сотрудника, который говорил с вами?

— Следователь Альдор Гюставссон. Он произвел на меня впечатление опытного и сведущего человека.

Мартин Бек не имел никакого представления о следователе Альдоре Гюставссоне и его профессиональных качествах.

— Итак, полиция дала вам определенные установки? — спросил он.

— Во всяком случае, мне дали ясно понять, что подозревается суицидум. Разрешите напомнить, что суицидум означает «самоубийство».

Мартин Бек оставил эту шпильку без ответа.

— Вскрытие было сопряжено с трудностями? — осведомился он.

— Да нет. Если не считать обширных органических изменений. Это всегда накладывает свой отпечаток.

Интересно, много ли самостоятельных вскрытий на ее счету?

— Процедура долго длилась?

— Нет, недолго. Поскольку речь шла о самоубийстве или остром заболевании, я начала со вскрытия торакса.

— Почему?

— Покойный был пожилой человек. При скоропостижной смерти естественно предположить или самоубийство, или инфаркт.

— Откуда вы взяли, что смерть была скоропостижной?

— Ваш сотрудник намекнул на это.

— Как намекнул?

— Сказал, что старичок либо покончил с собой, либо его хватил удар.

Еще одна вопиющая ошибка. В деле нет никаких данных,

исключающих возможность того, что Свярд перед смертью несколько суток пролежал парализованный или обессиленный.

— Ну хорошо, вы вскрыли грудную клетку.

— Да. И сразу получила ответ.

— Самоубийство?

— Вот именно.

— Каким способом?

— Свярд выстрелил себе в сердце. Пуля осталась в тораксе.

— Он попал в самое сердце?

— Почти. Все решило повреждение аорты. — Она помолчала. Потом спросила не без яда: — Я выражаюсь достаточно понятно?

— Да.

Мартин Бек постарался потщательнее сформулировать следующий вопрос:

— У вас большой опыт работы с огнестрельными ранениями?

— Полагаю, вполне достаточный. К тому же данный случай представляется не таким уж сложным.

Сколько убитых огнестрельным оружием довелось ей вскрывать? Троих? Двоих? А может быть, всего лишь одного?

Словно угадав его невысказанные сомнения, она дала справку:

— Я работала в Иордании во время гражданской войны два года назад. Там хватало огнестрельных ранений.

— Но вряд ли было много самоубийств.

— Это верно.

— Так вот, самоубийцы редко целят в сердце, — объяснил Мартин Бек. — Большинство стреляют себе в рот, некоторые — в висок. Как вы считаете, сколько мог прожить Свярд с таким ранением?

— Очень мало. Минуту, от силы две или три. Внутреннее кровоизлияние было обширным. Это играет какую-нибудь роль?

— Может быть, и не играет. Но меня интересует еще один вопрос. Вы исследовали останки двадцатого июня?

— Да, двадцатого.

— Как, по-вашему, сколько дней прошло тогда с его смерти?

— Ну, как вам сказать...

— В заключении этот пункт сформулирован не совсем четко.

— Это довольно затруднительный вопрос. Возможно, более опытный патологоанатом смог бы ответить точнее.

— А вы-то как считаете?

— Не меньше двух месяцев, но...

— Но?

— Все зависит от условий в помещении. Температура и влажность воздуха играют большую роль. Например, если было жарко, срок мог быть и меньше. С другой стороны, как я уже говорила, процесс разложения был достаточно обширным...

— Что вы скажете о входном отверстии?

— На этот вопрос тоже трудно ответить по той же причине.

— Выстрел произведен в упор?

— По-моему, нет. Но учтите, что я могу ошибаться.

— И все-таки вы как считаете?

— По-моему, он застрелился другим способом. Если не ошибаюсь, известно два основных способа?

— Совершенно верно, — подтвердил Мартин Бек.

— Либо дуло приставляют вплотную к телу и спускают курок. Либо держат пистолет или другое оружие в вытянутой руке, дулом к себе. В этом случае, насколько я понимаю, курок спускают большим пальцем?

— Верно. И вы склоняетесь к этой версии?

— Да. Конечно, это не окончательный вывод. Когда ткани так изменены, трудно определить, произведен ли выстрел в упор.

— Понятно.

— Зато мне непонятно, — произнесла девушка. — Неужели вам так важно знать, когда именно он застрелился?

— Похоже, что да. Свярда обнаружили мертвым в его квартире, окна и двери были заперты изнутри, он лежал рядом с электрокамином.

— Вот вам и причина разложения, — оживилась она. — Тогда достаточно было и месяца.

— Правда?

— Ну да. Оттого и трудно определить, был ли выстрел произведен в упор.

— Ясно, — сказал Мартин Бек. — Благодарю за помощь.

— Что вы, не за что. Звоните, если что-нибудь еще будет непонятно.

— До свидания.

Он положил трубку.

Здорово она все объясняет. Этак скоро лишь один вопрос останется невыясненным.

Правда, вопрос весьма заковыристый.

Свярд не мог покончить с собой.

Как-никак, чтобы застрелиться, надо иметь чем.

А в квартире на Бергсгатан не было обнаружено огнестрельного оружия.

VII

Мартин Бек снова взялся за трубку телефона.

Надо было разыскать полицейских из патрульной машины, которая выезжала на Бергсгатан. Немало времени ушло на то, чтобы выяснить, что один из них в отпуске, а другого вызвали в суд свидетелем по какому-то делу.

В конце концов Мартин Бек отыскал того следователя, который переправил дело из участка в уголовную полицию. Однако долго он раскачивался — только в понедельник двадцать седьмого оформил отправку... Мартин Бек посчитал нужным осведомиться:

— Это верно, что заключение судебного врача поступило к вам еще в среду?

— Ей-богу, точно не знаю. — В голосе следователя сквозила неуверенность. — Во всяком случае, я прочитал его только в пятницу.

И так как Мартин Бек молча ждал объяснения, он продолжал:

— В нашем участке только половина людей на месте. Еле-еле управляемся с самыми неотложными делами. А бумаги все копятся.

— Значит, до пятницы никто не знакомился с протоколом?

— Почему же, начальник оперативного отдела смотрел. В пятницу утром он и спросил меня, у кого пистолет.

— Какой пистолет?

— Которым застрелился Свярд. Сам я пистолета не видел, но решил, что кто-то из полицейских, которые первыми приехали по вызову, обнаружил оружие.

— Передо мной лежит их донесение, — сказал Мартин Бек. — Если в квартире находилось огнестрельное оружие, они обязаны были упомянуть об этом.

— Я не вижу никаких ошибок в действиях нашего патруля.

Старается выгородить своих людей... Что ж, его нетрудно понять. За последние годы полицию критикуют все острее, отношения с общественностью резко ухудшились, а нагрузка почти удвоилась. В итоге люди пачками увольняются из полиции, причем уходят, как правило, лучшие. И хотя в стране растет безработица, полноценную замену найти невозможно. А кто остался, горой стоят друг за друга.

— Допустим, — сказал Мартин Бек.

— Ребята действовали правильно. Как только они проникли в квартиру и обнаружили

покойника, они вызвали следователя.

— Вы имеете в виду Гюставссона?

— Совершенно верно. Он из уголовной полиции, ему положено делать выводы и докладывать обо всем, что замечено. Я решил, что они обратили его внимание на пистолет, и он его забрал.

— И умолчал об этом в своем донесении?

— Всякое бывает, — сухо заметил сотрудник.

— Так вот, похоже, что в комнате вовсе не было оружия.

— Да, похоже. Но я узнал об этом только в прошлый понедельник, когда разговаривал с Кристианссоном и Квастму. И сразу переслал все бумаги на Кунгсхольмсгатан.

Полицейский участок и уголовная полиция находились в одном и том же квартале, и Мартин Бек позволил себе заметить:

— Не такое уж большое расстояние.

— Мы действовали как положено, — отпарировал следователь.

— По правде говоря, меня больше интересует вопрос о Свярде, чем о промахах той или иной стороны.

— Если кто-нибудь допустил промах, то уж, во всяком случае, не полиция.

Намек был достаточно прозрачный, и Мартин Бек предпочел закруглить разговор.

— Благодарю за помощь, — сказал он. — Всего доброго.

Подумав с минуту, он набрал номер Гюставссона.

— Ах, это дело, — вспомнил тот. — Да, непонятная история. Что поделаешь, бывает.

— Что бывает?

— Непонятные случаи, загадки, которых просто нельзя решить. Безнадежное дело, сразу видно.

— Я попрошу вас прибыть сюда.

— Сейчас? На Вестберга?

— Вот именно.

— К сожалению, это невозможно.

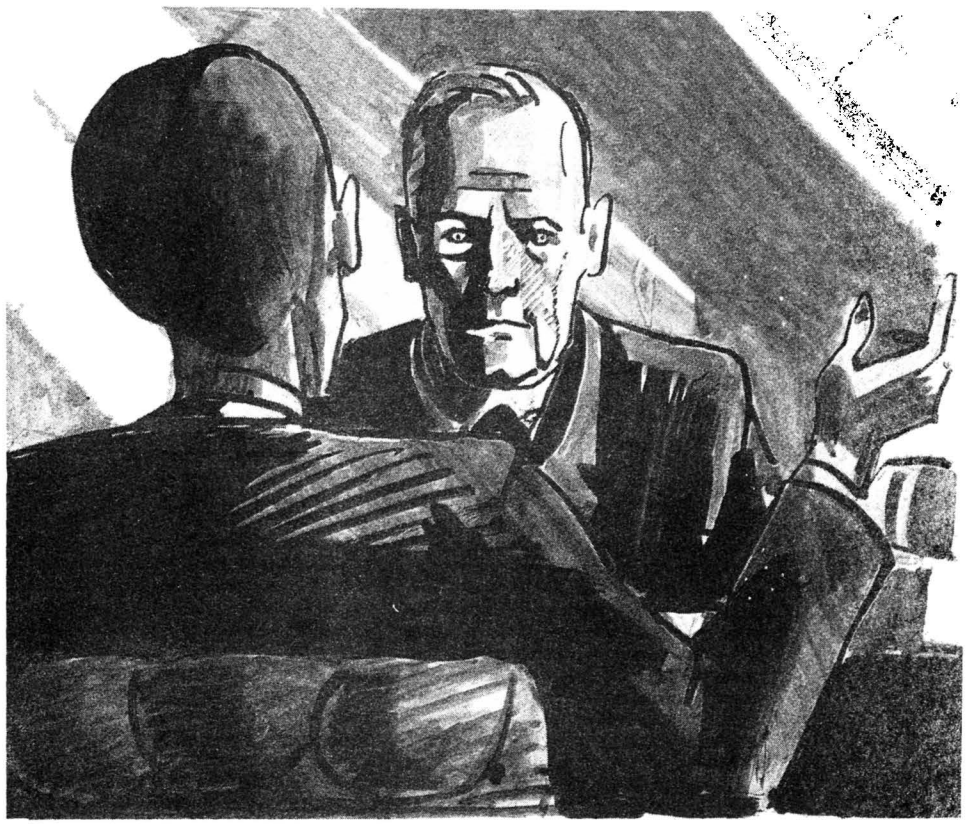
— Сомневаюсь. — Мартин Бек посмотрел на часы. — Скажем, к половине четвертого.

— Но я никак не могу...

— К половине четвертого, — повторил Мартин Бек и положил трубку.

Он встал и начал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину.

Все правильно. Так уж повелось последние пять лет, все чаще приходится для начала выяснять, как действовала полиция.



И нередко это оказывается потруднее, чем разобраться в самом деле.

Альдор Гюставссон явился в пять минут пятого.

Фамилия Гюставссон ничего не сказала Мартину Беку, но лицо было знакомо. Худощавый брюнет лет тридцати, поведение развязное и вызывающее. Мартин Бек вспомнил, что ему случалось видеть его в дежурке уголовной полиции и в других, не столь знаменитых местах.

— Прошу сесть.

Гюставссон уселся в самом удобном кресле, положил ногу на ногу и достал сигару. Закурил и сказал:

— Муторное дельце, верно? Ну, какие будут вопросы?

Мартин Бек молча покрутил между пальцами шариковую ручку, потом спросил:

— Когда вы прибыли на Бергсгатан?

— Вечером, что-нибудь около десяти.

— И что вы увидели?

— Жуть. И запах паскудный...

— Где находились полицейские?

— Один стоял на посту у дверей. Второй сидел в патрульной машине.

— Они все время держали дверь под наблюдением?

— Сказали, что все время.

— Ну и что вы... что ты предпринял?

— Как что — вошел и посмотрел. Картина, конечно, была жуткая. Но ведь проверить-то надо, вдруг дело нечистое.

— Но ты пришел к другому выводу?

— Ну да. Дело ясное, как апельсин. Дверь была заперта изнутри на кучу замков и задвижек. Ребята еле-еле взломали ее. И окно заперто, и штора спущена.

— Окно по-прежнему было закрыто?

— Нет. Они сразу открыли его, как вошли. А иначе пришлось бы противогаз надевать.

— Сколько ты там пробыл?

— Недолго. Ровно столько, сколько понадобилось, чтобы убедиться, что уголовной полиции тут делать нечего. Картина четкая, либо самоубийство, либо естественная смерть, а этим полиция занимается.

Мартин Бек полистал донесение.

— Я не вижу описи изъятых предметов.

— Правда? Выходит, забыли. Да только что там описывать? Барахла-то почти не было. Стол, стул, кровать, да на кухне разная дребедень, вот и все.

— Но ты произвел осмотр?

— Конечно. Все осмотрел, только потом дал разрешение.

— Какое?

— Чего — какое? Не понял.

— Какое разрешение ты дал?

— Останки увозить, какое же еще. Старичка ведь надо было вскрывать. Даже если он своей смертью помер, все равно есть такое правило.

— Ты можешь изложить свои наблюдения?

— Запросто. Труп лежал в трех метрах от окна. Примерно.

— Примерно?

— Я не взял с собой рулетки. Месяца два пролежал, должно быть, совсем сгнил. В комнате было два стула, стол и кровать.

— Два стула?

— Ага.

— Ты только что сказал — один.

— Правда? Нет, кажется, все-таки два. Так, еще полка с книгами и старыми газетами. Ну и на кухне две-три кастрюли, кофейник и все такое прочее.

— Все такое прочее?

— Ножи там, вилки, консервный нож, мусорное ведро...

— Понятно. На полу что-нибудь лежало?

— Ничего, не считая покойника. Полицейские тоже ничего не нашли, я спрашивал.

— В квартиру еще кто-нибудь заходил?

— Нет, ребята сказали, что никто не заходил. Только я да они. Потом приехали рабочие с фургоном и увезли труп в полиэтиленовом мешке.

— И причина смерти Свярда уже установлена?

— Ага, вот именно. Застрелился. Уму непостижимо! Куда же он пушку-то дел?

— У тебя есть какие-нибудь предположения на этот счет?

— Ноль целых. Дурацкий случай. Этого дела не раскрыть, я точно говорю. Редко, но бывает.

— А полицейские что сказали?

— Да ничего. Что они могут сказать — обнаружили труп, убедились, что все было заперто, больше ничего. Если бы в квартире пушка была, неужели мы не нашли бы ее. Да и где ей быть, если не на полу рядом с покойничком.

— Ты выяснил личность покойника?

— А как же. Фамилия — Свярд, на двери написано. С одного взгляда видно, что за человек.

— Ну-ну?

— Простейший алкаш, надо думать. Такие частенько кончают с собой. Или упиваются до смерти, или с инфарктом на тот свет отправляются.

— Больше ничего существенного не добавишь?

— Все. Это такая головоломка... Загадочный случай. Тут даже ты не справишься, помяни мое слово. Да и будто нету дел поважнее.

— Возможно.

— Как пить дать. Мне можно сматываться?

— Погоди, — ответил Мартин Бек.

— У меня все. — Альдор Гюставссон ткнул сигару в пепельницу.

Мартин Бек встал и подошел к окну.

— Зато у меня не все, — заметил он, стоя спиной к собеседнику.

— А что такое?

— Сейчас услышишь. Например, на прошлой неделе на место происшествия выезжал специалист по криминалистической технике. Большинство следов уничтожено, но на ковре сразу были обнаружены пятна крови, одно большое и два поменьше. Ты видел пятна крови?

— Нет. Да я их и не искал.

— Это чувствуется. А чего же ты искал?

— Да ничего. Ведь все и так было ясно.

— Если ты не заметил крови, мог и другие вещи пропустить.

— Во всяком случае, огнестрельного оружия там не было.

— Ты обратил внимание, как был одет покойный?

— Не так чтобы очень. И ведь труп весь сгнил уже. Что на нем могло быть, тряпье какое-нибудь. И вообще, я не вижу, чтобы это играло какую-нибудь роль.

— Ты сразу определил, что покойный был бедняк и жил одиноко. Не какая-нибудь приметная личность.

— Точно. Насмотришься, как я, на всяких алкашей и прочую шушеру...

— И что же?

— А то, что я свою публику знаю.

— Ну а если бы покойник занимал более высокое положение в обществе? Тогда, надо понимать, ты работал бы тщательнее?

— А что, тут приходится все учитывать. Нам ведь тоже достается дай бог.

Альдор Гюставссон обвел взглядом кабинет.

— Вам тут, может, и невдомек, но у нас работы выше головы. Охота была изображать Шерлока Холмса каждый раз, как тебе попадется мертвый босяк. Ты еще что-нибудь хочешь сказать?

— Да. Хочу отметить, что это дело ты вел из рук вон плохо.

— Что?

Гюставссон встал. Похоже, до него только теперь дошло, что Мартин Бек может испортить ему карьеру.

— Погоди, — пробормотал он. — Только потому, что я не заметил кровавых пятен и несуществующего пистолета...

— Эти упущения еще не самое главное, — сказал Мартин Бек. — Хотя тоже грех непростительный. Хуже то, что ты позвонил судебному врачу и дал указания, которые основывались на предвзятых и неверных суждениях. Кроме того, заморочил голову полицейским, и они поверили, что дело элементарное и тебе достаточно войти в комнату, окинуть ее взглядом, и все станет ясно. Заявил им, что никаких специалистов вызывать не нужно, потом велел забирать тело и даже не позаботился о том, чтобы были сделаны снимки.

— Господи, — произнес Гюставссон. — Но ведь старикашка сам покончил с собой.

Мартин Бек повернулся и молча посмотрел на него.

— Эти замечания... надо понимать как официальный выговор?

— Вот именно, строгий выговор. Всего хорошего.

— Погоди, зачем же так, я постараюсь исправить...

Мартин Бек отрицательно покачал головой. Следователь встал и направился к выходу. Он был явно озабочен, но, прежде чем дверь затворилась, Мартин Бек услышал, как он произнес:

— Черт старый.

По правде говоря, такому, как Альдор Гюставссон, не место в уголовной полиции и вообще в полиции. Бездарный тип, заносчивый, развязный, и совсем неверно понимает свою службу.

Обычно в уголовную полицию привлекались лучшие из полицейских.

Но если такого человека взяли в следователи еще два года назад, что же будет дальше?

Ладно, первый рабочий день окончен. Завтра надо будет пойти и посмотреть на эту запертую комнату.

А сегодня вечером? Поест, что дома найдется, потом посидит и полистает книги, которые следует прочесть. Будет лежать в постели и ждать, когда придет сон. Один-одинешенек.

У себя взаперти.

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЁВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

VIII

Эйнар Рённ любил природу, он и в полицейские пошел потому, что работа подвижная, много времени проводишь на воздухе. Но с годами, поднимаясь по служебной лестнице, он все больше превращался в кабинетного работника и на свежем воздухе — если это выражение вообще применимо к Стокгольму — бывал все реже. Для него стало жизненной потребностью проводить отпуск в родных горах у Полярного круга. Стокгольм он, по чести говоря, крепко невзлюбил и уже в сорок пять начал мечтать о том, как уйдет на пенсию и навсегда вернется в Арьеплуг.

Близился очередной отпуск, но Эйнар Рённ опасался, как бы его не попросили повременить с отдыхом, пока не будет раскрыто это дело с ограблением банка. И, стремясь хоть как-то ускорить расследование, он в понедельник вечером, вместо того чтобы ехать домой, в Веллингбю, решил отправиться в Соллентюну и побеседовать с одним свидетелем.

Эйнар Рённ не только добровольно взялся посетить свидетеля, которого вполне можно было вызвать обычным порядком, но и проявил при этом такое рвение, что Гюнвальд Ларссон, не подозревая об эгоистических мотивах товарища, спросил, уж не поссорился ли он с женой.

— Ага, не поссорился, — ответил Рённ с обычным для него презрением к логичной фразе.

Свидетеля звали Стен Шёгрен. Это был тот самый тридцатидвухлетний слесарь, которого допрашивал Гюнвальд Ларссон.

Жил он один в типовом домике на Сонгарвеген. Когда Рённ вышел из машины, Шёгрен стоял в саду перед домом и поливал розовый куст, но при виде гостя поставил лейку и отворил калитку. Вытер ладони о брюки, поздоровался, потом поднялся на крыльцо и предложил Рённу войти.

Домик был маленький, на первом этаже, кроме прихожей и кухни, — всего одна комната. Дверь в комнату была приоткрыта. Пусто... Хозяин перехватил взгляд Рённа.

— Только что развелся с женой, — объяснил он. — Она забрала часть мебели, так что здесь сейчас не очень-то уютно. Пойдемте лучше наверх.

На втором этаже находилась довольно просторная комната с камином, перед которым стоял низкий белый столик и несколько разномастных кресел. Рённ сел, но хозяин остался стоять.

— Хотите пить? — спросил он. — Я могу сварить кофе, а еще в холодильнике должно быть пиво.

— Спасибо, мне то же, что и вам, — ответил Рённ.

— Значит, пиво.

Эйнар Рённ осмотрелся кругом. Мебели не густо, зато стереофоническая радиола и довольно много книг. В корзине у камина — газеты и журналы.

Стен Шёгрен вернулся с бокалами и двумя банками пива. Он был жилистый, худощавый, рыжий, волосы косматые и, на взгляд Рённа, нормальной длины. Спортивная рубашка защитного цвета. Лицо в веснушках, веселая искренняя улыбка. Открыв банки и наполнив бокалы, он сел напротив гостя, приветственно поднял свой бокал и выпил. Рённ глотнул пива и сказал:

— Мне хотелось бы услышать, что вы видели в пятницу на Хурнсгатан. Лучше не откладывать, пока воспоминание не слишком потускнело.

Стен Шёгрен кивнул и отставил бокал.

— Да знать бы, что там было ограбление и убийство, я бы получше пригляделся и к девчонке, и к тем парням, и к машине.

— Во всяком случае, вы пока наш лучший свидетель, — поощрительно сказал Рённ. — Итак, вы шли по Хурнсгатан. В какую сторону?

— Я шел от Слюссена к Рингвеген. А эта дева выскочила у меня из-за спины и побежала дальше, да еще толкнула меня.

— Вы можете описать ее?

— Боюсь, мое описание будет неполным. Ведь я ее видел со спины да мельком сбоку, когда она садилась в машину. Рост поменьше моего сантиметров на десять. Во мне — метр семьдесят восемь. Возраст точно не скажу, но, по-моему, не моложе двадцати пяти и не старше тридцати пяти, что-нибудь около тридцати. Одета в джинсы, синие такие, обыкновенные, и голубая блузка или рубашка навыпуск. На обувь я не обратил внимания, а на голове — шляпа, тоже из джинсовой материи, с широкими полями. Волосы светлые, прямые, не такие уж длинные, какие сейчас многие девчонки носят. На плече сумка висела, зеленая, американского военного фасона.

Он достал из грудного кармашка пачку сигарет и предложил Рённу, но тот отрицательно мотнул головой.

— Вы не заметили, у нее было что-нибудь в руках?

Хозяин встал, взял с каминной полки спички и закурил.

— Не знаю, не уверен. Может, и было.

— А сложение? Худая, полная?..

— В меру, я бы сказал. Не худая и не толстая.

— А лица, значит, совсем не видели?

— Только одну секунду, когда она в машину садилась. Но ведь на ней эта шляпа была, да и очки большие...

— Узнаете, если она вам где-нибудь попадется?

— По лицу не узнаю. И в другой одежде, в платье, скажем, тоже вряд ли.

Продолжение. Начало в № 6.

Рённ задумчиво пососал пиво. Потом спросил:

— Вы абсолютно уверены, что это была женщина?

Хозяин удивленно посмотрел на него, насупил брови и нерешительно произнес:

— Не знаю, мне показалось, что это женщина. Но теперь... теперь я начинаю сомневаться. Просто я ее так воспринял, ведь обычно сразу чувствуешь, кто перед тобой — парень или девчонка, хотя по виду и не всегда разберешь. Но побожиться я не могу, спрóсите, какая грудь у нее, — не приметил.

Он поглядел на Рённа сквозь сигаретный дым, потом медленно продолжал:

— Да, это вы верно говорите. Почему непременно девчонка, это мог быть и парень. Так больше на правду похоже, мне что-то не приходилось слышать, чтобы девчонки грабили банки и убивали.

— Значит, вы допускаете, что это мог быть мужчина?

— Да, после того, что вы сказали... Ясное дело, парень, а как же.

— А остальные двое? Вы можете их описать? И машину?

Шёгрен затянулся еще раз и бросил окурок в камин, где уже лежала куча окурков и обгорелых спичек.

— Машина «рено-16», это точно. Светло-серая или бежевая — не знаю, как цвет называется, в общем, почти белая. Номер не скажу, но мне запомнилась буква «А» и две тройки. Или три... во всяком случае, не меньше двух, и, по-моему, они стояли где-то посередине.

— Вы уверены, что там было «А»? Может, «АА» или «АБ»?

— Нет, только «А», точно помню. У меня зрительная память на редкость.

— Это очень кстати, — заметил Рённ. — Нам бы всегда таких очевидцев.

— Вот именно. «Я — фотоаппарат». Читали? Ишервуд написал.

— Не читал, — ответил Рённ.

Смеркалось. Стен Шёгрен встал и включил торшер за креслом Рённа, потом снова сел.

— Ну что ж, продолжим, — сказал Рённ. — Вы собирались описать людей в машине.

— Ага, но, когда я обратил на них внимание, только один сидел в машине.

— А второй?

— Второй стоял на тротуаре, придерживал заднюю дверцу. Рослый, повыше меня верзила. Не то чтобы полный, а крепкий такой, сильный на вид. Возраста примерно моего, лет тридцать — тридцать пять, волосатый, кудри мышиного цвета. Брюки черные, в обтяжку, расклешенные, и рубашка тоже черная, блестящая такая, на груди расстегнутая, и, по-моему, цепочка на шее с какой-то серебряной штучкой. Рожа довольно загорелая или просто красная. Когда эта дева подбежала — если это была дева, конечно, — он распахнул дверцу, чтобы она могла вскочить, захлопнул дверцу, сам сел впереди, и машина рванула со страшной скоростью.

— В какую сторону? — спросил Рённ.

— Они развернулись и понеслись к Мариаторгет.

— Так. Ясно... А второй? Второй мужчина?

— Он же сидел за рулем, так что его я не рассмотрел как следует. Но он показался мне моложе, лет двадцать с небольшим. И худой такой, бледный. Белая рубашка с короткими рукавами, руки тощие-тощие. Волосы черные, довольно длинные и грязные, я бы сказал. Жирные космы. И тоже в темных очках. Еще я припоминаю на левой руке у него широкий черный ремешок — часы, значит.

Шёгрен откинулся назад, держа в руке бокал.

— Как будто все рассказал, все, что помню, — закончил он. — А может, забыл что-нибудь?

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Рённ. — Если еще что-нибудь припомните, свяжитесь с нами. Вы никуда не уезжаете?

— К сожалению. Вообще-то у меня сейчас отпуск, да денег ни гроша, куда тут поедешь. Буду дома болтаться.

Рённ допил пиво и встал.

— Вот и хорошо. Возможно, нам опять понадобится ваша помощь.

Шёгрен тоже встал, и они спустились на первый этаж.

— Это что же, снова все рассказывать? — спросил он. — Записали бы на магнитофон, и все тут.

Он отворил наружную дверь, и Рённ вышел на крыльцо.

— Да нет, скорее вы можете нам понадобиться, чтобы опознать этих молодчиков, когда мы их схватим. Или же мы пригласим вас посмотреть кое-какие фотографии.

Они обменялись рукопожатием, и Рённ добавил:

— В общем, там будет видно. Может, и не придется вас больше беспокоить. Спасибо за пиво.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Ну что вы. Если надо еще помочь — я пожалуйста.

Пока Рённ шел к машине, Стен Шёгрен стоял на крыльце и приветливо махал ему рукой.

IX

Профессиональные борцы с преступностью, за редким исключением, такие же люди, как все. И даже при выполнении серьезных и ответственных заданий они подчас способны на обычные человеческие эмоции. Скажем, волнуются и переживают, когда предстоит ознакомиться с доказательствами первостепенной важности.

Члены спецгруппы по борьбе с банковскими грабителями и высокопоставленные самозванные гости сидели как на иголках. Свет в зале был притушен, и все смотрели на прямоугольный экран. Сейчас вот-вот будут показаны живые картинки, повествующие о налете на Хурнсгатан. Собравшиеся собственными глазами увидят вооруженный налет на банк, убийство и персону, которую вечерняя пресса уже успела окрестить «смертоносной бомбой в юбке» и «белокурой красавицей в темных очках, с пистолетом в руках». По этим и другим столь же свежим эпитетам было видно, что репортеры за неимением собственной фантазии черпали вдохновение друг у друга.

Так уж повелось: на страницах вечерней прессы женщины, замешанные в крупных преступлениях, неизменно выглядели как балетные дивы.

Просмотр заветных кадров мог бы состояться и раньше, но техника, как всегда, подвела, в кассете что-то заело, и лаборатории пришлось основательно повозиться, чтобы не повредить пленку. Наконец ее удалось извлечь и проявить, даже не повредив перфорацию. И по мнению техников, она удалась на славу.

— Ну, ну, что нам сегодня покажут, — предвкушал Гюнвальд Ларссон. — Вот бы Диснея, что-нибудь про утенка.

— Тигренок лучше, — отозвался Колльберг.

— Конечно, кое-кто предпочел бы «Партайтаг в Нюрнберге»[1], — заметил Гюнвальд Ларссон.

Они сидели впереди и разговаривали достаточно громко, но в задних рядах господствовала тишина. Присутствующие тузы во главе с начальником Центрального полицейского управления и его заместителем Мальмом молчали. «Интересно, о чем они задумались?» — спросил себя Колльберг.

Должно быть, соображают, как укоротить хвост строптивым подчиненным. Мысленно переносятся в прошлое, когда кругом царил полный порядок и делегаты шведской полиции, не моргнув глазом, избрали Гейдриха[1] президентом Интерпола[2]. Вспоминают, насколько лучше обстояли дела всего год назад, когда еще никто не смел оспаривать разумность решения, по которому подготовка полицейских снова была доверена реакционерам из вооруженных сил.

Один только Бульдозер Ульссон хихикнул, слушая острословов.

Прежде Колльберг и Гюнвальд Ларссон не очень-то симпатизировали друг другу. Но за последние годы им довелось многое пережить вместе. Друзьями они не стали и вне службы вовсе не общались, однако все чаще ощущали некое единство душ. А в спецгруппе и подавно чувствовали себя союзниками.

Механик закончил приготовления.

Напряжение в зале достигло предела.

— Что ж, поглядим, — произнес Бульдозер Ульссон, потирая руки. — Если кадры и впрямь так удались, как нам тут говорят, сегодня же вечером покажем их в «Новостях» и в два счета накроем всю компанию.

— Стройные ноги тоже неплохо, — не унимался Гюнвальд Ларссон.

— А шведский стриптиз? — подхватил Колльберг. — Представляешь, я еще ни разу не смотрел порнографию. Девочка Луиза, семнадцать лет, раздевается и все такое прочее.

— Эй вы, помолчите, — прорычал начальник ЦПУ.

Пошли кадры, резкость отменная, никто из присутствующих не помнил ничего подобного. Обычно на таких просмотрах вместо людей на экране мелькали какие-то расплывчатые пятна, то ли клецки, то ли тефтели. Но на сей раз изображение было на диво четким.

Камера была хитро установлена, и благодаря специальной высокочувствительной пленке можно было хорошо рассмотреть человека, стоящего по ту сторону стойки. Правда, сперва в зале было пусто. Но уже через полминуты в кадр вошел человек. Остановился, посмотрел направо, потом налево. И наконец уставился прямо в объектив, словно для того, чтобы его получше запечатлели анфас. Отчетливо было видно одежду: замшевая куртка и стильная рубашка с отложным воротником. Энергичное суровое лицо, зачесанные назад светлые волосы, недовольный взгляд из-под густых бровей... Вот он поднял большую волосатую руку, выдернул из ноздри длинный волос и стал внимательно рассматривать его.

Лицо на экране было хорошо знакомо присутствующим: Гюнвальд Ларссон.

Вспыхнул свет. Спецгруппа безмолвствовала.

Наконец заговорил начальник ЦПУ:

— Об этом никому ни слова.

— Разумеется, как же иначе.

Колльберг расхохотался.

— Как это могло получиться? — спросил Бульдозер Ульссон. Казалось, даже он слегка озадачен.

— Кхм, — прокашлялся киноэксперт. — С точки зрения техники, это нетрудно объяснить. Скажем, заело спуск, и камера начала работать с опозданием. Что поделаешь, деликатное устройство.

— Если хоть одно слово просочится в печать, — рокотал начальник ЦПУ, — то...

— ...министру месяц не надо пятки мыть, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Это же надо, как она замаскировалась, — ликовал Колльберг.

Начальник ЦПУ рванулся к двери, Мальм затрусил следом.

Колльберг задыхался от смеха.

— Ну что ты тут скажешь, — сокрушался Бульдозер Ульссон.

— Лично я сказал бы, что фильм совсем не плохой, — скромно подвел итог Гюнвальд Ларссон.

X

Отдышавшись, Колльберг обратил испытующий взгляд на человека, которому он временно подчинен.

Бульдозер Ульссон был ведущей осью спецгруппы. Он обожал банковские налеты и за последний год, когда число их неимоверно возросло, расцвел пуще прежнего. Он был генератор идей и концентрат энергии, мог неделями трудиться по восемнадцать часов в сутки — и никаких жалоб, никакого намека на уныние и усталость.

Бульдозер Ульссон явно считал

---

[1] Партайтаг в Нюрнберге — сборище немецких фашистов. *(Прим. перев.)*

[1] Гейдрих — гитлеровский палач, убит в 1942 году патриотами в Чехословакии. *(Прим. перев.)*

[2] Интерпол — международная организация уголовной полиции. *(Прим. перев.)*

полицейскую работу самым интересным и увлекательным делом на свете.

Скорее всего потому, что сам он был не полицейский.

Ульссон работал в прокуратуре и отвечал за расследование вооруженных налетов на банки. У него накопилось несметное количество дел такого рода. Некоторые из них раскрывали, правда, не до конца, кого-то арестовали, кого-то осудили, но налеты только участились: что ни неделя — три или четыре случая, и всем было ясно, что многие из них каким-то образом связаны между собой. Но каким?

Конечно, грабили не только банки. Нападений на частных лиц было неизмеримо больше, не проходило часа, чтобы кого-нибудь не ограбили. На улице, на площади, в магазине, в метро, в собственной квартире — нигде нельзя было чувствовать себя спокойным. Но банкам придавалось особое значение. Покушаться на банки было все равно что посягать на основы общества.

Система государственного устройства на каждом шагу демонстрировала свою несостоятельность. Что же до полиции, то в одном Стокгольме за последние два года 220 тысяч правонарушений остались нерасследованными из-за бессилия блюстителей порядка. Из более серьезных преступлений удавалось раскрыть только каждое четвертое, а сколько их вообще не доходило до полиции?

Высшие чины лишь озабоченно качали головой, изображая недоумение. Издавна повелось кивать друг на друга, но теперь больше не на кого было кивать. Никто не мог придумать ничего дельного.

Одно было совершенно ясно. Полиция во многом сама виновата. После централизации 1965 года, когда управление всеми полицейскими органами было передано в одни руки, сразу же стало очевидно, что руки, мягко выражаясь, не те.

Многие исследователи и социологи давно уже спрашивали себя, какими соображениями руководствуется в своих действиях Центральное полицейское управление. Вопрос этот, понятное дело, оставался без ответа. Руководствуясь правилом «об этом никому ни слова», начальник ЦПУ принципиально не отвечал ни на какие запросы. Зато он обожал произносить речи, которые чаще всего не представляли даже риторического интереса.

Сравнительно недавно кто-то из полицейских чинов придумал нехитрый, но вполне надежный способ подавать статистику преступности так, что она, формально оставаясь верной, сбивала людей с толку. Все началось с того, что в верхах решили сделать полицию более монолитной и боеспособной, пощедрее оснастить ее техникой вообще и оружием в частности. Чтобы получить на это средства, требовалось преувеличить опасности, которым подвергались сотрудники. Словеса не могли помочь, вот и началась подтасовка статистики.

Очень кстати пришлись тут политические манифестации второй половины шестидесятых годов. Демонстранты выступали за мир — их разгоняли силой. Они были вооружены лозунгами и верой в свою правоту — против них применяли слезоточивый газ, водометы и резиновые дубинки. Чуть не каждая манифестация заканчивалась потасовкой. Тех, кто пробовал обороняться, избивали и арестовывали. Потом их привлекали к ответственности за «нападение на представителей власти» или «буйное сопротивление», и, независимо от того, кончалось дело судом или нет, все такие случаи включали в статистику.

Хитроумные тактики добились своего. Полицию вооружили до зубов. На дела, с которыми раньше справлялся один человек, вооруженный простым карандашом и толикой здравого смысла, теперь посылали полный автобус полицейских с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах.

Правда, в конечном счете вышло не так, как было задумано. Насилие рождает не только антипатию и ненависть, оно сеет тревогу и страх. Дошло до того, что люди и впрямь стали бояться друг друга. Стокгольм превратился в город десятков тысяч перепуганных граждан, а испуганные люди опасны.

Из шестисот полицейских, которые ни с того ни с сего оставили службу, многие на самом деле ушли от страха. Хотя, как уже говорилось, их вооружили до зубов и они чаще всего сидели в патрульных машинах. Конечно, были и другие причины: кто-то вообще скверно чувствовал себя в Стокгольме, кому-то противно было нести службу так, как его заставляли. Словом, налицо был явный провал нового курса, истоки которого терялись во мраке. И кое-кто улавливал в этом мраке коричневые оттенки.

Когда политической полиции запретили подслушивать частные телефонные разговоры, опять же поспешили на помощь теоретики ЦПУ. Они наговорили столько ужасов, что убедили риксдаг принять закон, разрешающий тайное подслушивание телефонных разговоров для борьбы против торговли наркотиками. После чего упомянутая торговля расцвела пуще прежнего, зато антикоммунисты спокойно могли продолжать подслушивание.

«Да, не очень-то приятно быть полицейским», — говорил себе Леннарт Колльберг.

Что делать, когда твоя организация заживо разлагается? Когда слышишь, как за стеной копошатся крысы фашизма? Все его сознательные годы отданы полицейской организации...

Как поступить?

Сказать все, что думаешь, — уволят.

Плохо. Должны быть какие-то более конструктивные средства. И ведь не один он так рассуждает, многие сослуживцы разделяют его взгляды. Кто именно и сколько их?

Совесть Бульдозера Ульссона не была обременена такими проблемами. Ему превосходно жилось на свете, и все было «ясно, как апельсин».

— Одного только не пойму, — сказал он.

— В самом деле? — подивился Гюнвальд Ларссон. — Чего же?

— Куда машина подевалась? Ведь сигнальные установки были в порядке?

— Надо думать.

— Значит, мосты были сразу взяты под контроль.

Сёдермальм — остров, к нему подходит шесть мостов, и спецгруппа давно разработала подробные инструкции, как возможно быстрее изолировать центральные районы Стокгольма.

— Точно, — подтвердил Гюнвальд Ларссон. — Я запрашивал службу охраны порядка.

— А что за телега? — спросил Колльберг.

Он еще не успел ознакомиться с деталями.

— «Рено-16», светло-серый или бежевый. С буквой «А» и двумя тройками в номере.

— Номер, конечно, фальшивый, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конечно, но я еще ни разу не слышал, чтобы можно было перекраситься по пути от Мариаторгет до Слюссена. А если они поменяли машину...

— Ну?

— Куда же делась первая?

Бульдозер Ульссон быстро ходил по комнате и хлопал себя ладонями по лбу. Ему было лет сорок, рост ниже среднего, пол-

ный, румяный, все время в движении. Сейчас он рассуждал вслух:

— Они загоняют машину в какой-нибудь гараж поблизости от метро или автобусной остановки. Один сразу же увозит монеты, другой меняет номер на машине и тоже сматывается. В субботу приходит механик и перекрашивает кузов. И вчера утром можно было перегонять телегу в другое место. Но...

— Что «но»? — спросил Колльберг.

— Мои люди вчера до часа ночи проверяли каждый «рено», который шел из района Сёдор.

— Значит, либо машина проскользнула в первый же день, либо она еще на острове, — заключил Колльберг.

Гюнвальд Ларссон молчал. Он брезгливо созерцал одеяние Бульдозера Ульссона. Мятый голубой костюм, розовая рубашка, широкий цветастый галстук. Черные носки, остроносые коричневые полуботинки с кружевным узором, давно не чищенные.

— А про какого механика ты толкуешь?

— Они сами не возятся с машинами, нанимают человека, часто совсем из другого города, из Мальмё там или из Гётеборга. Он пригоняет машину в условленное место, и он же забирает ее. С транспортом у них все точно рассчитано.

— У них? Ты о ком говоришь? — недоумевал Колльберг.

— О Мальмстрёме и Мурене, о ком же еще.

— Кто это — Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер Ульссон странно поглядел на него, но тут же взгляд его прояснился:

— А, ну да. Ты ведь у нас в группе новенький. Мальмстрём и Мурен — налетчики, специалисты по банкам. Уже четыре месяца они на свободе, и за это время это их четвертая операция. Они удрали из Кумлы в конце февраля.

— Но ведь оттуда, говорят, невозможно убежать.

— Смотря какой побег. Их отпустили домой на субботу и воскресенье. Понятно, они не вернулись. По нашим данным, до конца апреля они ничего не затевали. Скорее всего отдыхали где-нибудь — скажем, на Канарских островах или в Гамбии. Взяли двухнедельные туристские путевки — и укатили.

— А потом?

— Потом начали добывать снаряжение. Оружие и все такое прочее. Обычно они разживаются в Италии или Испании.

— Но этот налет, в пятницу, совершила женщина, — возразил Колльберг.

— Маскировка, — наставительно произнес Бульдозер Ульссон. — Светлый парик, накладной бюст. Бьюсь об заклад, это работа Мальмстрёма и Мурена. Только они способны на такое нахальство. Ставка на неожиданность, тонкий ход! Чувствуешь, какое интересное дело нам поручено? Шик-блеск! Тут не заскучаешь! Все равно что...

— ...Играть с гроссмейстером в шахматы по переписке, — вяло договорил за него Гюнвальд Ларссон. — Кстати, о гроссмейстерах: не забудь, что у Мальмстрёма и Мурена сложение бычье. Вес девяносто пять килограммов, обувь сорок шестой размер, ладони — лопаты. У Мурена объем груди сто восемнадцать — на пятнадцать сантиметров больше, чем было у Аниты Экберг в ее лучшие дни. Я не очень-то представляю себе его в платье и с накладным бюстом.

— Между прочим, эта женщина, если не ошибаюсь, была в брюках? — вставил Колльберг. — И небольшого роста?

— Мало ли кого они могли взять с собой, — спокойно отпарировал Бульдозер Ульссон. — Обычный прием.

Он подбежал к столу и схватил какую-то бумагу.

— Сколько же у них всего денег сейчас? — громко размышлял он. — Пятьдесят тысяч в Буросе взяли, сорок тысяч в Гюббэнгене, двадцать шесть в Мярста и теперь вот еще девяносто... Итого двести с лишним. Значит, скоро пойдут...

— Куда? — поинтересовался Колльберг.

— На большое дело. Дело с большой буквы «Д». Все остальное — подготовка, чтобы главную операцию финансировать. Да, теперь жди, вот-вот грянет.

Он снова забегал по комнате, обуреваемый радостным предвкушением.

— Но где — где, дамы и господа? Сейчас... давайте подумаем. Какой ход сделал бы я на месте Вернера Руса? На каком фланге повел бы атаку на короля? А вы?.. И когда?

— Кто этот Вернер Рус, черт возьми? — спросил Колльберг.

— Эконом — ну, вроде главного буфетчика, в авиакомпании работает, — объяснил Гюнвальд Ларссон.

— Прежде всего он преступник! — воскликнул Бульдозер Ульссон. — Вернер Рус гений в своем роде. Это он им планы разрабатывает, без него Мальмстрём и Мурен были бы простые пешки. Он умственную работу делает, все до мелочей предусматривает. Сколько воров ходили бы без работы, если бы не Рус. Король преступного мира! Или, если хотите, профессор...

— Не надрывайся, — вмешался Гюнвальд Ларссон. — Ты не на судебном заседании.

— А мы вот что сделаем: схватим его! — Бульдозер Ульссон явно был восхищен своей гениальной идеей. — Прямо сейчас и возьмем.

— А завтра отпустим, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Ничего. Важно сделать неожиданный ход. Может, собьем его с толку.

— Ты уверен? В этом году его уже четыре раза задерживали.

— Ну и что?

Бульдозер Ульссон ринулся к двери. Его настоящее имя было Стен. Но об этом никто не помнил, разве что жена. Зато она, должно быть, забыла, как он выглядит.

— Ничего не соображаю, — посетовал Колльберг.

— Насчет Руса Бульдозер, пожалуй что, прав, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Редкостный пройдоха, и всегда у него алиби. Фантастические алиби. Как до дела доходит — он либо в Сингапуре, либо в Сан-Франциско, либо в Токио, либо еще где-нибудь.

— Но откуда Бульдозеру известно, что Мальмстрём и Мурен причастны к этому налету?

— Шестое чувство, интуиция...— Гюнвальд Ларссон пожал плечами и продолжал: — Ты мне другое объясни. Мальмстрём и Мурен — отпетые гангстеры. Их сто раз задерживали, они каждый раз выкручивались, но все же под конец угодили в Кумлу. И вдруг этих молодчиков отпускают домой на побывку.

— Нельзя же вечно держать людей взаперти наедине с телевизором.

— Н-да, пожалуй, — согласился Гюнвальд Ларссон.

Они помолчали. Оба думали об одном. Государство не один миллион ухлопало на тюрьму Кумла, все было сделано, чтобы физически изолировать правонарушителей от общества. Иностранные знатоки учреждений такого рода говорили, что камеры Кумлы, пожалуй, угнетают и обезличивают человека, как ни один другой застенок в мире.

— Кстати, насчет этого убий-

ства на Хурнсгатан, — заговорил Колльберг.

— Какое там убийство. Скорее несчастный случай. Она выстрелила нечаянно. Наверно, даже не знала, что пистолет заряжен.

— Ты все-таки уверен, что это была девушка?

— Конечно.

— А как же насчет Мальмстрёма и Мурена?

— Как — взяли да послали на дело девушку.

— Ну а отпечатки пальцев не остались? Ведь она, кажется, была без перчаток.

— Отпечатки были. На дверной ручке. Но одна из служащих банка уже смазала их раньше, чем мы подоспели.

— Баллистическая экспертиза?

— Будь спокоен. Эксперты получили и пулю, и гильзу. Сорок пятый калибр, скорее всего «лама».

— Изрядный пистолет... Особенно для девушки.

— Да уж. Бульдозер говорит, оружие тоже указывает на эту компанию — Мальмстрём, Мурен и Рус. Они всегда пользуются крупным калибром, страх нагоняют. Но...

— Что «но»?

— Мальмстрём и Мурен не стреляют в людей. Во всяком случае, до сих пор не стреляли. Если кто-нибудь артачится, пустят пулю в потолок, и сразу полный порядок.

— А какой смысл брать этого Руса?

— Не знаю, может быть, Бульдозер рассуждает так: если у Руса неопровержимое алиби — скажем, в пятницу он был в Иокогаме, — можно биться об заклад, что план операции разработан им. Если же он находился в Стокгольме, тогда дело сомнительное.

— А сам Рус как ведет себя?.. Не поднимает бучу?

— Никогда. Он подтверждает, дескать, Мальмстрём и Мурен его старые друзья, это верно, и ах, как жаль, что они пошли по кривой дорожке. В прошлый раз даже спросил, не может ли он чем-нибудь помочь своим корешам. Мальм как услышал эти слова, чуть не околел от злости.

— А Ульссон?

— Бульдозер только заржал. Хитрый ход, говорит.

— На что же он рассчитывает?

— Сам слышал — ждет следующего хода. Считает, что Рус замыслил большое дело для Мальмстрёма и Мурена. Видно, приятели надумали загрести такой куш, что потом можно сматывать-

ся за границу и жить до самой смерти на ренту.

— Обязательно банк пощупают?

— Бульдозер только банками занимается, на все остальное ему плевать, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Должно быть, так ему велено.

— А свидетель что же?

— К которому Эйнар ездил?

— Ну да.

— Был тут сегодня утром, смотрел фотографии. Никого не опознал.

— А насчет машины он уверен?

— Железно.

Гюнвальд Ларссон помолчал, дергая пальцы до хруста в суставах, потом добавил:

— С этой машиной что-то не так.

XI

День обещал быть жарким, и Мартин Бек достал из шкафа самый легкий костюм, голубой.

На часах еще только восемь, но он проснулся давно, несколько часов назад. Накануне неожиданно для себя он заснул рано; спал на диво спокойно, без снов. Хотя первый, после долгого перерыва, рабочий день был не таким уж напряженным, а все-таки утомил его.

Мартин Бек открыл холодильник, поглядел на пакет с молоком, на масло, на одинокую бутылку пива и сказал себе, что вечером по пути домой надо будет зайти в магазин. Взять пива и йогурта. Или бросить пить йогурт по утрам, уж больно невкусно? Но тогда нужно придумать на завтрак что-нибудь другое, врач сказал, что необходимо восстановить хотя бы те килограммы, которые он потерял после выписки из больницы.

Зазвонил телефон в спальне. Мартин Бек захлопнул холодильник, подошел к аппарату и снял трубку. Звонила медсестра Биргит из дома престарелых.

— Фру Бек стало хуже, — сообщила она. — Сегодня с утра высокая температура, тридцать девять и шесть. Я решила вам об этом сообщить.

— Ну конечно, спасибо. Еду, — сказал Мартин Бек.

Матери его исполнилось восемьдесят два года, и она уже третий год находилась в клиническом отделении дома престарелых. Болезнь развивалась медленно, сначала были легкие приступы головокружения, потом припадки участились. Кончилось это параличом, и с конца апреля она вовсе не вставала с постели. Пользуясь вынужденным отдыхом, Мартин Бек часто навещал мать, хоть и больно было видеть, как она медленно угасает, как она одинока в своей палате, отрезана от всего света.

Мартин Бек знал, что в доме престарелых не хватает обслуживающего персонала. Знал он также, что люди там славные, заботливые, пекутся о стариках, несмотря на мизерное жалованье. Он долго ломал себе голову, как скрасить матери существование, но так ничего дельного не придумал. А потом понял: главное — почаще навещать ее. Он убедился, что многим старикам приходится куда хуже — им остается лишь дожидаться кончины в приюте вместе с другими, такими же отверженными.

Правда, слово «приют» вышло из обихода, как и название «дом престарелых», — теперь говорили «дом пенсионеров», даже «отель для пенсионеров», маскируя тот факт, что на самом деле большинство стариков попадало туда отнюдь не по своей воле, а по приговору так называемого «процветающего общества», которое списывало их в расход.

Да, суровый приговор ожидает тех, кто достиг чересчур преклонного возраста. Изношенному колесику место на свалке...

Мартин Бек оделся и вызвал по телефону такси.

Дом престарелых был окружен большим парком — высокие деревья, тенистые дорожки, клумбы, газоны, террасы. До болезни мать Мартина Бека любила гулять здесь под руку с сыном...

Мартин Бек тихо отворил дверь. Мать лежала в постели, глядя в потолок. Исхудалые пальцы теребили покрывало. Он подошел к кровати. Мать медленно перевела взгляд на него.

— Приехал, в такую даль... — чуть слышно прошептала она.

— Как вы себя чувствуете, мама? — спросил Мартин Бек.

Она долго смотрела на него блестящими от жара глазами, раздругой моргнула — медленно, с усилием, словно веки стали очень тяжелыми.

— Мне холодно, — услышал он наконец.

Мартин Бек осмотрелся кругом. На табуретке в ногах лежало одеяло; он накрыл им мать.

— Спасибо, милый, — прошептала она.

Он сел возле нее, не зная, что говорить.

В горле у нее что-то сипело. Постепенно дыхание успокоилось, она закрыла глаза.

Мартин Бек продолжал сидеть неподвижно. Тихо... Только дрозд поет за окном.

Он осторожно встал. Погладил сухую горячую щеку. Шагнул было к двери, в эту минуту мать открыла глаза и посмотрела на него.

— Надень синюю шапку, на улице холодно, — прошептала она и опять закрыла глаза.

Он постоял, нагнулся, поцеловал ее в лоб и вышел.

XII

Кеннет Квастму, один из двух полицейских, которые обнаружили тело Свярда, опять ушел в суд давать показания. Мартин Бек разыскал его в коридоре городского суда и успел задать два самых важных для себя вопроса, до того как Квастму пригласили в зал.

Выйдя из здания суда, Мартин Бек направился к дому, где жил Свярд; идти было недалеко, всего два квартала. По пути он миновал две строительные площадки. У южного торца полицейского управления прокладывалась новая линия метро, а повыше на той же улице строители бурили и взрывали скалу для подземных этажей нового полицейского штаба, куда предстояло перебираться и Мартину Беку. Экскаваторы, грузовики, пневматические буры... Какое счастье, что его кабинет сейчас помещается на Вестберга аллее! Гул моторов на Сёдертельевеген — ничто перед здешним грохотом.

Дверь квартиры на втором этаже была отремонтирована и опечатана. Мартин Бек снял печать, прошел в комнату и сразу же ощутил слабый трупный запах, который сохранили стены и убогая обстановка.

Он подошел к закрытому окну и внимательно осмотрел его. Оно было старой конструкции, открывалось наружу, а запиралось щеколдой с кольцом, которое надевалось на крючок в раме. Собственно, щеколд было две, но нижний крючок отсутствовал. Краска вся облезла, рама внизу потрескалась. Должно быть, в щель над подоконником и ветер дул, и дождь просачивался.

Мартин Бек опустил основательно выцветшую синюю штору. Потом вышел в коридор и посмотрел оттуда на комнату. Если верить донесению Квастму, все так и было, когда полицейские проникли в квартиру. Он снова подошел к окну, дернул за шнур, и штора медленно, со скрипом свернулась. Мартин Бек распахнул окно и выглянул наружу.

Справа простиралась строительная площадка, где царил такой грохот, дальше высилось полицейское управление, он даже различил окна уголовной полиции в той части здания, которая выходила на Кунгсхольмсгатан. Слева видно пожарное депо и конец Бергсгатан. Коротенький переулок соединял ее с Хантверкаргатан. Постой, что же это за переулок? Надо будет пройти там, когда он закончит осмотр квартиры.

Прямо напротив окна раскинулся Крунубергский парк, разбитый, как и многие парки Стокгольма, на естественной возвышенности.

Потянуло курить, и он полез в карман, хотя знал, что сигарет там нет. Мартин Бек вздохнул. Перейти на жевательную резинку или мятные лепешки? Или жевать зубочистки по примеру коллеги Монссона в Мальмё?

Он прошел на кухню. Здесь оконная рама рассохлась еще сильнее, но щели были заклеены бумагой.

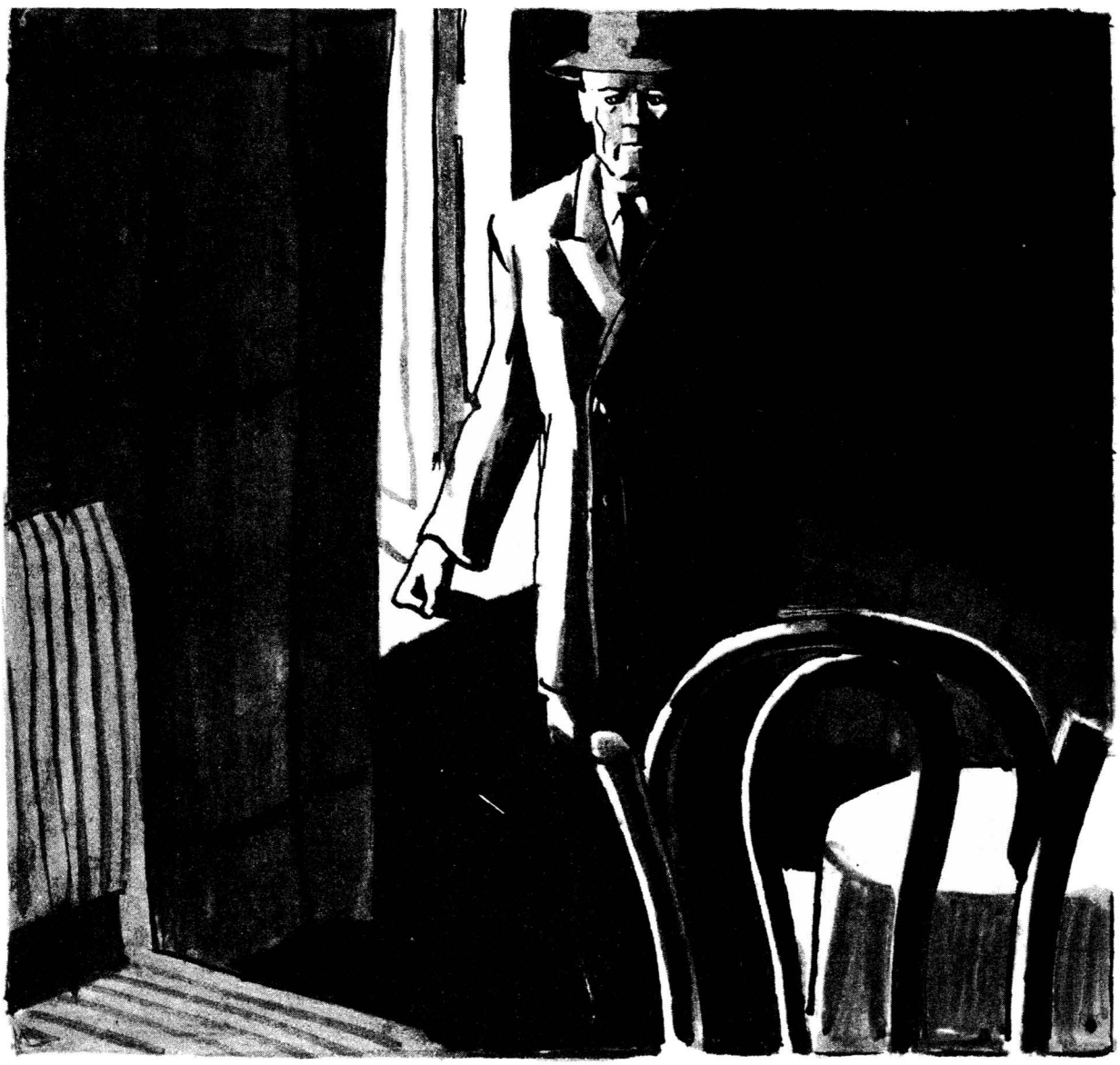
В этой квартире и обои, и потолки, и скудная обстановка — все было запущено. С тяжелым сердцем продолжал он осмотр, проверил ящики, шкафы. Негусто, только самое необходимое...

Выйдя в узкий коридор, заглянул в уборную. Ни ванны, ни душа в квартире не было.

Потом он проверил наружную дверь и убедился, что все те замки и запоры, которые были перечислены в донесениях, налицо.

Чудеса, да и только. Дверь и оба окна были закрыты. Квастму утверждает, что они с Кристианссоном не видели никакого оружия. И что квартира все время была под наблюдением, никто не мог проникнуть в нее и что-либо вынести.

Мартин Бек еще раз внимательно оглядел комнату. Напротив двери стояла кровать, рядом с кроватью — полка. Сверху на



полке — лампа с желтым плиссированным абажуром, старая пепельница зеленого стекла, большой спичечный коробок; внутри — несколько зачитанных журналов и три книги. У стены направо — стул с грязным сиденьем в зеленую и белую полоску, налево — коричневый стол и такого же цвета венский стул. От электрокамина к розетке тянулся черный провод; вилка была выдернута. Еще в комнате был ковер, но его отправили в лабораторию. Среди множества всяких пятен на нем оказалось три кровавых, причем группа крови была та же, что и у Свярда.

В стенном шкафу валялись три старых носка, грязная фланелевая рубашка неопределенного цвета и пустая, сильно потертая замшевая сумка. На плечиках висело сравнительно новое демисезонное пальто, на крючках в стене — вязаный зеленый джемпер, серая нижняя рубашка с длинными рукавами и серые фланелевые брюки. В карманах ничего не было. И все.

Патологоанатом начисто исключала возможность того, что Свярд был ранен где-то еще, вошел в квартиру, запер дверь на все замки, потом лег и помер. И хотя Мартин Бек не был специалистом в медицине, опыт подсказывал ему, что она права.

Но как же это произошло? Каким образом был застрелен Свярд, если, кроме него, в квартире никто не находился, а ему самому не из чего было стреляться?

Когда Мартин Бек еще только начал знакомиться с делом и увидел, как небрежно оно велось, он решил, что и эта головоломка — плод чьей-то небрежности. Однако теперь он стал склоняться к мысли, что в комнате и впрямь не было никакого оружия и что Свярд самолично запер двери и окна. Но как же тогда объяснить эту смерть?

Снова осмотрел он всю квартиру, тщательнее прежнего, но не нашел ничего, что могло бы пролить свет на загадку. В конце концов он решил опросить других жильцов.

Истратив на это почти час, Мартин Бек почувствовал, что топчется на месте. Бывший складской рабочий Карл Эдвин Свярд явно не отличался общительностью. Большинство жильцов даже и не знало о его существовании, хотя он въехал сюда больше трех месяцев назад. К нему никто не приходил, ни с кем из соседей он даже словом не перемолвился, его ни разу не видели пьяным, и шума в его квартире никогда не слышали.

Мартин Бек вышел из подъезда и остановился. По ту сторону улицы высилась горка с тенистым парком. Пойти посидеть под липами? Но тут он вспомнил, что хотел познакомиться с переулком, и повернул налево.

Улуф Ёдингсгатан... Много лет назад он где-то читал, что в восемнадцатом веке в Кунгсхольменской школе преподавал Улуф Ёдинг. И сейчас на Хантверкаргатан есть школа — уж не та ли самая?

Не доходя Пульхемсгатан, Мартин Бек заметил табачную лавку. Вошел и купил себе пачку сигарет с фильтром.

Свернул в сторону Кунгсхольмсгатан, достал сигарету, закурил. Отвратительный вкус... Он думал о Карле Эдвине Свярде, и ему было не по себе.

XIII

Во вторник, когда на аэродроме Арланда приземлился самолет из Амстердама, Вернера Руса в пассажирском зале ждали два агента в штатском. Им было приказано действовать тактично, не привлекать внимания, и когда эконом наконец показался на летном поле в обществе стюардессы, они отступили от дверей в глубь зала.

Вернер Рус сразу заметил их. И то ли узнал в лицо, то ли нюхом угадал полицейских, так или иначе смекнул, что они явились по его душу, остановился и сказал что-то стюардессе. Она кивнула, попрощалась и пошла к выходу. А Вернер Рус решительно направился к полицейским.

Он был высокого роста, плечистый, загорелый. Одет в синюю форму, в одной руке — фуражка, в другой — черная кожаная сумка с широким ремнем. Светлый чуб, длинные баки, нахмуренные густые брови, из-под которых холодно смотрели голубые глаза.

— По какому случаю столь торжественная встреча? — осведомился он, выпятив подбородок.

— Прокурор Ульссон хочет побеседовать с вами, — сказал один из полицейских. — Так что придется вам проследовать с нами на Кунгсхольмсгатан.

— Он что, спятил? Я же был там две недели назад...

— Ладно, ладно, — сказал агент постарше. — Вы уж сами с ним объяснитесь, наше дело выполнить приказ.

Рус досадливо пожал плечами и зашагал к выходу. Когда они подошли к машине, он сказал:

— Только сперва вы отвезете меня домой в Мярста, чтобы я мог переодеться, ясно? Адрес знаете.

Он плюхнулся на заднее сиденье и мрачно скрестил руки на груди. Младший из агентов, который вел машину, вспылил, дескать, он не таксист, но коллега унял его и объяснил, куда ехать.

Они поднялись вместе с Русом в его квартиру и подождали в коридоре, пока он сменил форму на светло-серые брюки, модную рубашку и замшевую куртку.

После этого они отвезли его на Кунгсхольмсгатан и проводили в кабинет, где ждал Бульдозер Ульссон.

Как только отворилась дверь, Бульдозер вскочил, жестом отпустил обоих агентов и предложил Вернеру Русу сесть. Потом вернулся на свое место за письменным столом и радостно произнес:

— Кто бы мог подумать, герр Рус, что мы так скоро свидимся опять.

— Вот именно, кто! — подхватил Рус. — Во всяком случае, не я. Нельзя ли узнать, для чего вам понадобилось задерживать меня на этот раз?

— Бросьте, герр Рус, зачем же так официально. Просто мне захотелось расспросить вас кое о чем. А там будет видно.

— И вообще, совсем не обязательно было вашим подручным увозить меня с работы. А если бы мне сейчас опять идти в рейс? Что тогда — терять место только потому, что вам приспичило почесать язык?

— Ну что вы, что вы! Я отлично знаю, что у герра Руса впереди свободных двое суток — верно? Так что времени у нас хватит, ничего страшного.

— Вы не имеете права держать меня здесь больше шести часов,— сказал Вернер Рус и поглядел на свои часы.

— Двенадцать часов, герр Рус. А понадобится — так и больше.

— В таком случае не соизволит ли герр прокурор доложить, в чем меня подозревают, — вызывающе произнес Вернер Рус.

Бульдозер протянул ему пачку «Принца», но Рус презрительно мотнул головой и достал из кармана «Бенсон и Хеджс». Прикурив от золоченой зажигалки «Данхилл», он молча смотрел, как Бульдозер Ульссон чиркает спичкой и закуривает свою сигарету.

— А разве я сказал, что подозреваю в чем-либо герра Руса? — Бульдозер пододвинул эконому пепельницу. — Просто нам с вами надо бы потолковать о налете в пятницу.

— О каком еще налете?

— Я говорю про банк на Хурнсгатан, — сухо ответил Бульдозер Ульссон. — Удачная операция, девяносто тысяч на полу не валяются, вот только не повезло клиенту, который при этом был убит.

Рус удивленно поглядел на него и покачал головой.

— Что-то вас не туда занесло... В пятницу, говорите?

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Разумеется, герр Рус в тот день находился в рейсе. И куда же вас занесло в пятницу?

Бульдозер Ульссон откинулся назад с самодовольным видом.

— Не знаю, где находился герр Ульссон, а я в пятницу был в Лиссабоне. Можете проверить в авиакомпании. По расписанию посадка в Лиссабоне в четырнадцать сорок пять, мы опоздали на десять минут. В субботу утром вылетели в девять десять, сели в Арланде в пятнадцать тридцать. В пятницу я обедал в отеле «Тиволи» и там же ночевал, это тоже можно проверить.

Вернер Рус торжествующе посмотрел на собеседника. Бульдозер сиял от удовольствия.

— Прекрасно, отличное алиби, герр Рус.

Он наклонился, смял сигарету в пепельнице и язвительно продолжал:

— Но ведь господ Мальмстрёма и Мурена в Лиссабоне не было?

— А с какой стати им-то быть в Лиссабоне? И вообще, следить за Мальмстрёмом и Муреном не моя обязанность.

— В самом деле, герр Рус?

— В самом деле, герр Ульссон, и я вам об этом сто раз говорил. А что касается налета в пятницу, так я в последние дни не брал в руки шведских газет и ни о каких налетах не знаю.

— Тогда разрешите проинформировать вас, что некто, переодетый женщиной, вошел в банк перед самым закрытием, присвоил девяносто тысяч крон ассигнациями, потом застрелил клиента того же банка, после чего бежал на машине марки «рено». Полагаю, герр Рус сам понимает, что убийство — это уже совсем другая статья.

— Я другого не понимаю — при чем тут я, — отпарировал Рус.

— Когда герр Рус виделся со своими приятелями Мальмстрёмом и Муреном?

— Я уже ответил вам на этот вопрос в прошлый раз. Больше мы не встречались.

— И вам неизвестно, где их можно найти?

— Мне известно только то, что я слышал от вас. Я не видел их с тех пор, как они угодили в Кумлу.

Бульдозер пристально посмотрел на Вернера Руса, потом записал что-то в блокноте, захлопнул его и встал.

— Что ж, — произнес он. — Это нетрудно проверить.

Он подошел к окну и опустил жалюзи для защиты от солнца.

Вернер Рус подождал, когда он сядет, потом сказал:

— Одно мне совершенно ясно — Мальмстрём и Мурен тут ни при чем. Убийство — нет, они не такие дураки.

— Я допускаю, что ни Мальмстрём, ни Мурен не станут стрелять в человека, но это еще не исключает их соучастия. Предположим, они сидели и ждали в машине. Что вы на это скажете?

Рус пожал плечами и хмуро уставился в пол.

— Представим себе, что у них был сообщник или сообщница, — увлеченно продолжал Бульдозер. — С такой возможностью ведь тоже надо считаться. Если не ошибаюсь, в том деле, на котором они погорели в последний раз, участвовала невеста Мальмстрёма?

Он прищелкнул пальцами, вспоминая.

— Точно: Гунилла Бергстрём... И заработала на этом полтора года, так что ее найти нетрудно.

Рус глянул на него исподлобья.

— Ну да, ведь она еще не сбежала, — пояснил Бульдозер. — Но, кроме нее, есть на свете и другие девушки, а упомянутые господа, похоже, не против женской помощи. Или я ошибаюсь?

Вернер Рус снова пожал плечами и выпрямился.

— Откуда мне знать, — безучастно произнес он. — Меня это не касается.

— Ну конечно, — кивнул Бульдозер.

Он задумчиво поглядел на Руса, потом наклонился и положил ладони на стол:

— Итак, вы утверждаете, что последние полгода не встречались с Мальмстрёмом и Муреном и они не давали о себе знать?

— Да, утверждаю, — сказал Вернер Рус. — И еще раз повторяю, что я не могу отвечать за их поступки. Да, мы знакомы со школьной скамьи, и этого никогда не отрицал. И то, что мы потом встречались, тоже признаю. Но это не значит, что мы неразлучные друзья и они посвящают меня во все свои дела и затеи. Меня безумно огорчает, что они пошли по кривой дорожке, но я не имею ровным счетом никакого отношения к преступной деятельности, в которой их обвиняют. Я уже говорил, что с удовольствием помог бы направить их на верный путь. Но мы давным-давно не встречались.

— Надеюсь, вы понимаете, что эти слова могут сильно повредить вам, если выяснится, что вы все-таки общались с названными лицами, — на вас тоже может пасть подозрение.

— Нет, не понимаю.

Бульдозер улыбнулся.

— Ладно, чего уж там... — Он хлопнул ладонями по столу и встал. — Вы извините меня, но мне надо кое-что выяснить. Придется на несколько минут прервать нашу беседу, потом продолжим.

Бульдозер быстро направился к двери. На пороге внезапно обернулся и внимательно посмотрел на Вернера Руса.

У эконома было весьма озабоченное лицо. Бульдозер торжествующе потер руки и затрусил по коридору.

Как только дверь захлопнулась, Вернер Рус встал, неторопливо проследовал к окну и остановился, разглядывая улицу через щели жалюзи. Постоял так, тихо насвистывая что-то, потом кинул взгляд на свой «ролекс», нахмурил брови, быстро подошел к столу и сел в кресло Бульдозера. Пододвинул к себе телефон, поднял трубку, соединился с городом и набрал номер. В ожидании ответа он один за другим выдвигал ящики и штудировал их содержимое. Наконец заговорил:

— Привет, крошка, это я. Слушай, может, встретимся немного попозже? Мне тут надо потолковать с одним мужиком, это часа на два.

Он взял из ящика ручку с клеймом «Казенное имущество» и поковырял в свободном ухе.

— Ну конечно, потом куда-нибудь сходим и перекусим. Я голодный как черт.

Он покрутил ручку перед глазами, швырнул ее обратно в ящик и закрыл его.

— Нет, не из кабака, здесь что-то вроде отеля, но жратва паршивая, так что я потерплю до нашей встречи. Семь устраивает?

Ладно, значит, в семь я за тобой заеду. Ну все.

Он положил трубку, встал, сунул руки в карманы и заходил по кабинету, продолжая насвистывать.

Бульдозер отыскал Гюнвальда Ларссона.

— Рус у меня сейчас, — сообщил он.

— Ну и где же он обретался в пятницу? В Куала-Лумпуре или Сингапуре?

— В Лиссабоне, — торжествующе ответил Бульдозер. — Это ж надо, какую работенку себе отхватил — идеальная ширма для гангстера. Такие роскошные алиби — любой позавидует.

— А вообще-то он что говорит?

— Да ничего. Изображает полное неведение. О банковских налетах понятия не имеет, Мальмстрёма и Мурена сто лет не видел. Скользкий, как угорь, хитрый, как муха, брешет, как собака.

— Словом, ходячий зверинец, а не человек, — подвел итог Гюнвальд Ларссон. — И что же ты думаешь с ним делать?

Бульдозер Ульссон сел в кресло напротив Ларссона.

— Думаю отпустить его. И наладить слежку. У тебя есть человек, которого Рус не знает?

— А докуда за ним следить? Если до Гонолулу, я сам возьмусь.

— Нет, серьезно.

Гюнвальд Ларссон вздохнул.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Когда начинать?

— Сейчас, — сказал Бульдозер. — Сейчас я вернусь к себе и отпущу его. У него отгул до четверга, за это время он наведет нас на Мальмстрёма и Мурена, надо только следить в оба.

— Четверг... Тогда одним человеком не обойтись, нужен второй, на смену.

— И чтобы люди были первый сорт, — подчеркнул Бульдозер. — Если он почует слежку, все пропало.

— Дай мне четверть часа, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Как позвоню, значит, готово.

Когда Вернер Рус двадцать минут спустя остановил такси на Кунгсхольмсгатан, через ветровое стекло серого «вольво» за ним наблюдал следователь Рюне Эк.

Рюне Эк, тучный мужчина пятидесяти лет, имел седые волосы, очки и язву желудка, по причине каковой врач недавно прописал ему строжайшую диету. Вот почему он без особой радости провел четыре часа в кафе «Оперное», пока Вернер Рус и его рыжеволосая партнерша ели и пили за милую душу, сидя за столиком на веранде.

Всю долгую, светлую летнюю ночь со вторника на среду Эк хоронился в роще на берегу Меларена, любуясь исподтишка обнаженной натурой, меж тем как Вернер Рус рассекал кролем воды озера, словно какой-нибудь Тарзан.

Когда утреннее солнце подрумянило макушки деревьев, Рюне Эк продолжил свою сугубо сек-

ретную деятельность, прячась в кустах перед одноэтажным коттеджем в дачном поселке Хессельбю. Убедившись, что парочка одна в доме и к тому же крепко спит после купания, он вернулся к своей машине и ближайшие полчаса освобождал волосы и одежду от клещей.

Еще через час его сменили, а Вернер Рус по-прежнему пребывал в коттедже. Похоже было, что он вовсе не спешит вырваться из объятий рыжеволосой красотки и нанести визит своим друзьям Мальмстрёму и Мурену.

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЕВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЕ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

XIV

Если бы кто-нибудь попытался сравнить силы полицейской спецгруппы и банды, которая занималась банками, он убедился бы, что они почти равны. Спецгруппа располагала огромными техническими ресурсами, зато у противника был большой оборотный капитал, и ему принадлежала инициатива.

Из Мальмстрёма и Мурена, наверно, вышли бы хорошие полицейские — физические данные отличные, да и с интеллектом обстояло не так уж плохо. Да только поди убеди их посвятить себя столь сомнительной профессии.

Оба в жизни ничем, кроме преступлений, не занимались, и теперь, когда одному исполнилось тридцать три, а другому — тридцать пять, они вполне заслуживали звания квалифицированных специалистов. Но поскольку их основное занятие считается почтенным лишь в узком кругу, Мальмстрём и Мурен обзавелись и другими профессиями. В паспортах, водительских удостоверениях и прочих документах они называли себя один — инженером, другой — управляющим. Совсем неглупо, если учесть, что страна буквально кишела инженерами и управляющими. Естественно, все документы были подельные и выписаны на другие фамилии, тем не менее они производили солидное впечатление. Паспорта, например, выдержали уже не одно испытание на погранпунктах Швеции и ряда других стран.

Да и сами господа Мальмстрём и Мурен выглядели очень даже положительно. Лица приятные, пышущие здоровьем, взгляд открытый. Четыре месяца свободы отразились на их облике: оба отлично загорели, Мальмстрём отрастил бороду, Мурен — усы и баки.

Причем загорали они не где-то там на Мальорке или Канарских островах, — нет, они провели три недели в Восточной Африке, совершили так называемое фотосафари. Хорошенько отдохнули. А затем последовали деловые поездки, одна — в Италию, чтобы пополнить снаряжение, другая — во Франкфурт, чтобы нанять толковых ассистентов.

На родине они слегка пощупали несколько банков и ограбили двух частных дисконтеров, которые предпочли не обращаться в полицию, чтобы не привлекать к себе внимания налоговых органов.

Эта деятельность принесла им неплохой доход, но издержки тоже были немалые, да и в ближайшем будущем предстояли довольно большие расходы.

Известно, однако, что дивиденды прямо зависят от капиталовложений; живя в обществе смешанной экономики, они хорошо усвоили эту истину. А цель, которую они себе поставили, была достаточно значительной. Они собирались ещё разок как следует потрудиться, а затем уйти на покой.

Осуществить наконец действительно большую операцию.

Приготовления были в основном завершены, проблема финансирования решена, план почти полностью разработан. Они не знали еще, где и когда, зато знали самое главное: как. До заветной цели оставалось совсем немного.

Хотя оба они и были профессионалами, но до настоящих воротил не доросли. Настоящие воротилы не попадаются.

Настоящие воротилы банков не грабят. Они сидят в конторах и управлениях и нажимают кнопки. Они ничем не рискуют. Они

Продолжение. Начало в № 6 и 7.

не посягают на священных коров общества, а занимаются легализованным присвоением, стригут шерсть с рядовых граждан. Наживаются на всем. Отравляют природу и людей — потом «исцеляют» недуги негодными лекарствами. Намеренно приводят в запустение целые городские районы, обрекая их на снос, — потом строят новые дома, которые заведомо хуже старых.

Но главное — они не попадаются.

А Мальмстрём и Мурен попадались, их словно преследовал злой рок. Но теперь, кажется, они разобрались, в чем дело: разменивались по мелочам.

— Знаешь, о чем я думал там, под душем? — спросил Мальмстрём.

Он только что вышел из ванной и теперь тщательно расстилал на полу купальную простыню; второй простыней он обернул бедра, третья лежала на плечах.

Мальмстрём был болезненно чистоплотен. В этот день он с утра уже четыре раза принял душ.

— Знаю, — ответил Мурен. — О бабах.

— Как ты угадал?

Мурен, в шортах и белой сорочке, сидел у окна и обозревал Стокгольм, приставив к глазам морской бинокль.

Квартира, в которой они пребывали, помещалась в большом наемном доме на Данвикскклиппан, на высоком берегу пролива, и из окна открывался недурственный вид.

— Нельзя смешивать баб и работу, — сказал Мурен. — Сам убедился, к чему это приводит.

— А я ничего и не смешиваю, — обиженно возразил Мальмстрём. — Уж нельзя и подумать, да?

— Почему же, — великодушно уступил Мурен. — Думай на здоровье. — Он следил за белым пароходом, который шел к заливу Стрёммен.

Мальмстрём достал новое белье и носки, разорвал полиэтиленовую упаковку и начал одеваться.

— Этак ты все свое состояние на трусы растратишь, — заметил Мурен. — Непонятная страсть, ей-богу.

— Да, цены растут — кошмар.

— Инфляция, — сказал Мурен. — И виноваты мы сами.

— Мы? Ты что, столько лет в кутузке...

— Мы кучу денег выбрасываем на ветер. Все ворюги — жуткие моты.

— Уж только не ты.

— Так ведь я редкое исключение. Кстати, у меня немало уходит на еду.

— Ты жмот, в Африке мы по твоей милости три дня так ходили, пока даровых дев не нашли.

— Мной руководили не только финансовые соображения, — сказал Мурен. — И уж во всяком случае, не опасение вызвать инфляцию в Кении. А вообще-то деньги теряют цену там, где жулье заправляет. Уж если кому сидеть в Кумле, так это нашему правительству.

— Г-м-м.

— И заправилам из компаний. Кстати, недавно я прочел интересный пример, отчего бывает инфляция.

— Ну?

— Когда англичане в октябре девятьсот восемнадцатого захватили Дамаск, они ворвались в государственный банк и прикарманили всю наличность. Но солдаты ни черта не смыслили в тамошних деньгах. Один австралийский кавалерист дал полмиллиона мальчишке, который держал его коня, пока он мочился.

— А разве обязательно держать коней, когда они мочатся?

— Цены выросли стократ, уже через несколько часов рулон туалетной бумаги стоил тыщу тамошних крон.

— Разве в Австралии тогда уже была туалетная бумага?

Мурен тяжело вздохнул. С таким собеседником, как Мальмстрём, недолго и поглупеть...

— Дамаск — это в Аравии, — мрачно объяснил он. — Еще точнее — в Сирии.

— Надо же.

Мальмстрём наконец оделся, посмотрел в зеркало. Ворча что-то себе под нос, распушил бороду, щелчком стряхнул с модного пиджака незримую пушинку. Потом расстелил на полу еще две купальные простыни рядом с первой, подошел к гардеробу и достал оттуда оружие. Аккуратно разложил его на простынях, принес ветошь и банку чистоля.

Мурен рассеянно поглядел на арсенал.

— Тебе еще не надоело? — сказал он. — Они же новенькие, чуть не с завода.

— Порядок есть порядок, — ответил Мальмстрём. — Оружие требует ухода.

Можно было подумать, что они готовятся к небольшой войне или по меньшей мере к государственному перевороту: на простынях лежали два пистолета, револьвер, два автомата и три дробовика с укороченными стволами. Автоматы шведского армейского образца; на пистолетах и обрезах стояли иностранные клейма.

Управившись с пистолетами, Мальмстрём взялся за бельгийское ружье.

— Тому, кто обрезал этот ствол, самому всадить бы заряд дроби в корму, — проворчал он.

— Может быть, ему это ружье досталось не таким путем, как нам.

— Чего? Не усек.

— Я хочу сказать, что он добыл его не честным путем, — серьезно объяснил Мурен. — Скорее всего украл.

Он опять приставил к глазам бинокль и немного спустя сказал:

— А все-таки Стокгольм смотрится, честное слово.

— Это как понимать?

— Только им надо любоваться издали. Собственно, даже хорошо, что мы редко бываем на улице.

— Боишься, как бы тебя не обчистили в метро?

— Бывает и хуже. Например, стилет в спину. Или топором по черепу. А попасть под копыта истеричной полицейской лошади, думаешь, лучше? Ей-богу, жаль мне людей.

— Каких еще людей?

Мурен взмахнул рукой.

— Да тех, которые там, внизу, ходят. Представь себе, что ты все жилы из себя мотаешь, чтобы внести очередной взнос за машину или дачу, а твои дети в это время наркотиками накачиваются. Если жена после шести вечера выйдет на улицу, того и гляди изнасилуют. На вечернее богослужение соберешься — сто раз подумаешь и дома останешься.

— На богослужение?!

— Это я так, к примеру. Положи в карман больше десятки — непременно ограбят. А если меньше десятки — шпана со зла пырнет тебя ножом. На днях я прочел в газете, что фараоны боятся по одному ходить. Мол, на улицах почти не видно полицейских, и поддерживать порядок в городе становится все труднее. Какой-то чин из министерства юстиции высказался. Да, хорошо будет уехать отсюда и больше никогда не возвращаться.

— И никогда больше родного бэя не увидим, — уныло пробурчал Мальмстрём.

— Что за вульгарное пристрастие к иностранным словам, — укоризненно произнес Мурен. — Сказал бы попросту. родного залива. — И деловито добавил: — Кстати, из Кумлы его тоже не видно.

— Почему, а телевизор?

— Не напоминай мне об этом изверге, — сурово произнес Мурен.

Он встал, открыл окно, взмахнул руками и откинул голову назад, словно обращаясь к массам.

— Эй, вы там, внизу! — крикнул он. И пояснил ровным голосом: — Как сказал Линдон Джонсон, когда держал предвыборную речь с вертолета.

— Кто-кто? — спросил Мальмстрём.

Раздался звонок в дверь. Друзья внимательно слушали сигнал.

— Похоже, Мауритсон. — Мурен глянул на часы. — Смотрика, даже не опоздал.

— Не доверяю я этому фрукту, — заметил Мальмстрём. — Лучше не рисковать.

Он прицепил к одному из автоматов магазин.

— Держи. — Он протянул автомат Мурену, а сам взял «астру» и пошел к двери.

Держа револьвер в левой руке, Мальмстрём правой снял несколько цепочек — он был левша. Мурен стоял метрах в двух позади него.

Мальмстрём рывком распахнул дверь. Гость был готов к такому приему.

— Привет, — поздоровался он, опасливо глядя на револьвер.

— Здорово, — сказал Мальмстрём.

— Входи, входи, — пропел Мурен. — Привет тебе, милое создание.

Гость был весь обвешан сумками и пакетами. Складывая их на стол, он покосился на разложенное на полу оружие.

— Революцию замышляете?

— Всю жизнь только этим и занимаемся, — подтвердил Мурен. — Но в данный момент ситуация не революционная. Раков достал?

— Откуда вам раки четвертого июля?

— А за что мы тебе платим? — грозно произнес Мальмстрём.

— Справедливый вопрос, — подхватил Мурен. — Мне тоже непонятно, почему ты не можешь снабдить нас тем, что мы тебе заказываем.

— Имейте совесть, — сказал Мауритсон. — Я вам все обеспечил, черт подери, — квартиры, машины, пушки, билеты, паспорта. Но раки! В июле даже сам король раков не видит.

— Так то король, — возразил Мурен. — А ты бы поглядел на столик, за которым сидят наш премьер, и главный профсоюзный босс, и прочие демократы! Небось ломится от раков! Нет уж, придумай какое-нибудь оправдание получше.

— И одеколона вашего тоже нигде нет, — поспешно продолжал Мауритсон. — Я весь город обегал, словно ошпаренная крыса, — уже который год продавать перестали.

Мальмстрём насупился.

— А все остальное принес, вот почта. — Мауритсон протянул гладкий коричневый конверт Мурену; тот с безразличным видом сунул его в задний карман.

Мауритсон внешне совсем не походил на своих работодателей. Рост ниже среднего, стройный, статный, возраст — около сорока. Гладко выбритое лицо, короткие светлые волосы. Большинство, особенно женщины, находили его симпатичным. Одевался он неброско, вел себя скромно. Словом, весьма распространенный тип людей с незапоминающейся внешностью. Это было ему только на руку, его уже много лет не сажали в тюрьму, не держали под наблюдением и не разыскивали.

Мауритсон подвизался на трех рентабельных поприщах: наркотики, порнография и общее снабжение. Во всех этих сферах он действовал умело, энергично и планомерно.

До странности снисходительное законодательство позволяло вполне легально производить и продавать в Швеции порнографическую продукцию всех видов. И практически неограниченное количество такой продукции требовалось Мауритсону для экспорта, большая часть которого направлялась в Италию и Испанию, принося недурную прибыль. Импортировал он преимущественно амфетамин и морфий, но принимал заказы и на другой товар, например, на оружие.

— Новые кобуры? — спросил Мальмстрём.

— Есть, лежат в сумке под продуктами. Кстати, чем вас не устраивают прежние?

— Дрянь, — сообщил Мальмстрём.

— Никуда не годятся, — подтвердил Мурен. — Откуда ты их взял?

— С главного склада полиции. Зато новые — итальянские.

— Это уже лучше, — сказал Мальмстрём.

— Будут еще заказы?

— Да, вот тебе список.

Мауритсон взял бумажку и затараторил:

— Дюжина трусов, пятнадцать пар найлоновых носков, шесть нательных сеток, полкило икры, четыре резиновые маски «Фантомас», две коробки патронов девятого калибра, шесть пар резиновых перчаток, любительский сыр, банка маринованного лука, пиво, ветошь, астро...лябия... — это еще что за диковина?

— Инструмент для измерения высоты звезд, — объяснил Мурен. — Поищи в антикварных лавках.

— Ладно. Я постараюсь. А как насчет дев?

— Всему свое время, — сказал Мурен, — настанет пора... Заседание объявляется закрытым. Следующая встреча завтра в это же время.

— О'кэй, — сказал Мауритсон. — Выпускай меня.

— Только еще один вопрос.

— Какой?

— Как тебя теперь называть?

— Как обычно, Леннарт Хольм.

— Если что-нибудь случится и надо будет быстро тебя найти?

— Вы знаете адрес.

— Жду раков.

Мауритсон безнадежно пожал плечами и вышел.

— Подонок, — сказал Мальмстрём.

— Тебе не по вкусу наш добрый друг?

— От него воняет потом, — сурово произнес Мальмстрём.

— Мауритсон — негодяй, — сказал Мурен. — Я осуждаю его деятельность. Конечно, в том, что он помогает нам, ничего дурного нет. Но сбывать наркотики школьникам и порнографические открытки неграмотным католикам... Это... это недостойно.

— Я ему не доверяю, — проворчал Мальмстрём.

Мурен вынул из кармана коричневый конверт и внимательно осмотрел его.

— И правильно делаешь, друг мой, — произнес он. — Он полезный человек, но честным его не назовешь. Смотри, опять вскрывал письмо. Интересно, каким способом. Если бы Рус не подкладывал волосинку, мы бы ничего и не заметили. Нехорошо, нехорошо при таком гонораре. И почему он так любопытен?

— Штукарь он, в этом все дело.

— Возможно.

— Сколько пачек всего он получил от нас?

— Сотни полторы. Так ведь и расходы у него немалые. Оружие, автомашины, разъезды и прочее. И без риска не обходится.

— Ни черта он не рискует, — возразил Мальмстрём. — Никто,

кроме Руса, не знает, что мы с ним знакомы.

Мурен достал из конверта три листка бумаги и разложил их перед собой на столе.

— Эврика! — воскликнул он.

— Чего?

— То самое, чего мы ждали. Видишь — вот чертеж. Отменный. А вот тут время расписано. Буквально до минуты.

— А что слышно насчет Хаузера и Хоффа?

— Завтра приезжают. Вот, читай.

Мальмстрём взял письмо.

Мурен вдруг громко рассмеялся.

— Над чем ты ржешь?

— Над кодом. Например: «У Жана длинные усы». Знаешь, откуда он это взял?

— Понятия не имею.

— Ладно, неважно.

— Постой, два с половиной — это миллионы?

— Несомненно.

— Чистый доход?

— Ну конечно. Издержки мы уже покрыли.

— Но двадцать процентов Русу?

— Совершенно верно. Нам с тобой по миллиону.

— А этот хорек Мауритсон что-нибудь мог тут разобрать?

— Кое-что. Например, срок исполнения.

— А когда срок?

— Пятница, четырнадцать сорок пять. Но какая пятница, не сказано.

— Зато улицы названы, — продолжал Мальмстрём.

— Да ничего нам Мауритсон не сделает, — спокойно ответил Мурен. — Видишь, что тут внизу написано?

— Ага.

— А что это означает — помнишь?

— Как же! А-а, ну конечно. Это совсем другое дело.

— То-то и оно, — подтвердил Мурен. — Черт, до чего же раков хочется!

XV

Хофф и Хаузер — так звали немецких гангстеров, которых Мальмстрём и Мурен ангажировали во время своей деловой поездки во Франкфурт. У обоих были отличные рекомендации, так что при желании вполне можно было обо всем договориться по почте. Но если Рус отличался осторожностью, то Мальмстрём и Мурен славились разборчивостью, и одним из мотивов их путешествия было желание посмотреть на своих будущих помощников.

Встреча состоялась в первых числах июня. Было условлено, что сначала в баре «Магнолия» установят контакт с Хаузером, а уже он сведет шведов с Хоффом.

Бар «Магнолия», маленький, сумрачный, помещался в центре города. Скрытые светильники источали оранжевое сияние, стены и ковер были фиолетовые, низкие кресла у круглых столиков из плексигласа — розовые. Латунная стойка изогнулась блестящим полукругом, музыка звучала негромко, декольте у грудастых блондинок за стойкой было очень низкое, цены на напитки — очень высокие.

Мальмстрём и Мурен сели за единственный свободный столик, хотя в зале сидело человек двадцать, не больше, казалось, что бар набит до отказа. Все посетители были мужчины, слабый пол представляли только девушки за стойкой.

Получив свои коктейли, Мальмстрём и Мурен попытались определить, кто же тут Хаузер. Они совершенно не представляли себе, как он выглядит, знали только, что он натуральный бандюга.

Мальмстрём первым его заметил.

Он стоял у дальнего конца стойки, одетый в замшевый костюм песочного цвета. В уголке рта — тонкая сигара, в руке — стаканчик виски. Высокий, стройный, плечистый, густые баки, темные волосы, вьющиеся на затылке, редеющие на макушке. Вылитый Шон Коннери... Каменное лицо, холодный взгляд серых глаз устремлен в пространство над локонами химической блондинки... Ее он просто не замечал. Не человек — кремень. Даже Мурен смотрел на него с легким почтением.

Они ждали, когда он обратит на них внимание.

В это время к ним подсел крепкий коротыш в мешковатом сером костюме и белой найлоновой рубашке с бордовым галстуком. У него было круглое, гладко выбритое румяное лицо, короткие волнистые волосы, за толстыми очками без оправы поблескивали голубые, словно фарфоровые глаза.

Мальмстрём и Мурен равнодушно глянули на него и снова уставились на Джеймса Бонда у стойки.

Коротыш тихо сказал что-то низким голосом, однако они не сразу осознали, что он обращается к ним, и прошло еще какое-то время, прежде чем друзья уразумели, что именно этот херувим, а не хват у стойки, Густав Хаузер.

Через несколько минут они покинули бар и отправились к Хоффу.

Проведя три дня с новыми компаньонами, Мальмстрём и Мурен уехали домой, чтобы продолжить подготовку к операции. Немцы обещали, что в четверг, шестого июля, они будут в условленном месте.

В среду они прибыли в Швецию. Утренний паром из Копенгагена доставил Хаузера с его машиной в Мальме. В двенадцать часов он должен был встретить пароход «Абсален», на котором плыл Хофф.

Хофф еще никогда не бывал в Швеции и не знал, как выглядят шведские полицейские. Сойдя по трапу на пристань, он увидел шагающего ему навстречу человека в форме. «Полицейский!» — пронеслось у него в голове. Операция провалилась, сейчас его схватят...

В эту минуту он увидел машину Хаузера, молниеносно выхватил пистолет и направил его на озадаченного таможенника. Прежде чем кто-либо осознал, что происходит, Хофф перемахнул через изгородь, отделяющую пристань от тротуара, юркнул между двумя такси, одолел прыжком еще одну изгородь, вильнул за тяжелый грузовик и нырнул в машину Хаузера, по-прежнему держа наготове пистолет. Как только Хофф плюхнулся на сиденье, Хаузер выжал до отказа газ, и машина скрылась за углом так стремительно, что никто даже не успел приметить ее номер. Хаузер остановился лишь после того, как убедился, что их не преследуют.

XVI

Известно: где одному повезет, другого подчас ждет осечка. Мауритсон предпочитал ничего не оставлять на волю случая. Во всех своих предприятиях он тщательно страховался, и благодаря разработанной им системе нужно было прямо-таки невероятное стечение неблагоприятных обстоятельств, чтобы сорвать его планы.

Правда, месяца два назад произошла одна непостижимая вещь. Но в итоге все обошлось благополучно, и Мауритсон не сомневался, что на ближайшие несколько лет застрахован от таких неожиданностей. Он по праву

считал, что шансов угодить в кутузку у него не больше, чем надежд угадать тринадцать номеров в спортивном тотализаторе.

Мауритсон не любил праздности, и на среду у него была намечена достаточно обширная программа. Сначала надо было получить на Центральном вокзале посылку с наркотиками и доставить ее в один из боксов камеры хранения на станции метро Эстермальмсторг. Потом передать ключ от бокса некоему лицу в обмен на конверт с ассигнациями. После этого наведаться по адресу, куда поступали таинственные письма для Мальмстрёма и Мурена; его несколько раздражало, что он никак не может распознать отправителя. Затем — поход в магазины за трусами и прочими заказами. Последним пунктом программы значился очередной визит в дом на Данвикскліппан.

Наркотики — амфетамин и гашиш — были искусно запрятаны внутри сдобной булки и куска сыра, которые лежали в обычной сумке вместе с другими абсолютно невинными продуктами.

Мауритсон уже забрал товар на вокзале и стоял у перехода — ординарный человечек с располагающей внешностью и с бумажной сумкой в руке. Рядом с ним стояли с одной стороны пожилая женщина, с другой — молодая регулировщица в зеленой форме. На тротуаре метрах в пяти от перехода томились два полицейских — руки за спину, на лице тупая важность. Машины шли, как всегда, сплошным потоком. Наконец загорелся зеленый свет, и все ринулись вперед как угорелые, беззастенчиво орудуя локтями, чтобы хоть на сотую долю секунды опередить других.

Кто-то толкнул пожилую даму; испуганно озираясь по сторонам, она спросила:

— Я плохо вижу без очков, что — уже зеленый свет?

— Да-да, — приветливо подтвердил Мауритсон. — Позвольте, я помогу вам перейти.

Он знал по опыту, что учтивость нередко вознаграждается.

— Большое спасибо, — сказала дама. — А то ведь до нас, стариков, сейчас никому нет дела.

Что верно, то верно...

— Мне спешить некуда, — сказал Мауритсон и, бережно взяв даму под руку, повел ее через улицу.

Не успели они дойти до противоположного тротуара, как даму снова кто-то толкнул так, что она едва не упала, но Мауритсон вовремя поддержал ее. В эту минуту раздался крик:

— Полиция! Полиция!

Пожилая дама растерянно оглянулась.

Обернувшись, он увидел, что регулировщица указует на него обличительным жестом.

— Держите вора! — надсаживалась регулировщица.

Мауритсон нахмурился, но продолжал вести себя с достоинством.

— В чем дело? — допытывалась пожилая дама.

Притопали полицейские.

— Что здесь происходит? — властно вопросил один.

— Что здесь происходит? — не столь властно повторил другой.

— Вор! — надрывалась регулировщица, показывая на Мауритсона. — Он хотел вырвать сумочку у этой женщины!

Мауритсон пристально посмотрел на нее и сказал про себя: «Да заткнись ты, стерва проклятая».

Вслух он произнес:

— Извините, это какая-то ошибка.

Но регулировщица, двадцатипятилетняя блондинка, не унималась:

— Я сама видела!

— Что? — волновалась пожилая дама. — Где вор?

— Что здесь происходит? — наперебой бубнили полицейские.

Мауритсон сохранял полное спокойствие.

— Это явное недоразумение, — повторил он.

— Этот господин помог мне перейти улицу, — объяснила дама.

— Как же, они помогут! — кипятилась блондинка. — Да он так дернул сумочку, что ба... что эта дама чуть не грохнулась.

— Вы все перепутали, — терпеливо объяснил Мауритсон. — На самом деле даму нечаянно задел другой человек. А я только поддержал ее, чтобы она не упала и не ушиблась.

— Ладно, не заливай, — отпарировала регулировщица.

Блюстители порядка вопросительно посмотрели друг на друга. Суровый явно был более опытным и энергичным. Подумав, он вспомнил магическую формулу:

— Прошу вас проследовать за мной. — И добавил: — Все трое. Подозреваемый, свидетельница и истица.

Пожилая дама опешила; регулировщица сразу остыла.

Мауритсон был сама кротость.

— Это явное недоразумение, — твердил он. — Впрочем, ничего удивительного, как подумаешь, сколько подозрительных личностей бродит по улицам. Я охотно проследую за вами.

— Как это? — растерялась дама. — Куда идти?

— В участок, — ответил суровый полицейский.

— Участок?

— Да, в полицейский участок.

Процессия двинулась вперед, вызывая живой интерес у прохожих.

— А может, я ошиблась, — заколебалась блондинка.

Она привыкла записывать номера автомашин и фамилии людей, а тут как бы самой не попасть в протокол...

— Ничего страшного, — утешил ее Мауритсон. — В таких оживленных местах особенно нужен глаз да глаз.

Участок помещался в здании вокзала.

Началась замысловатая процедура. Сначала записали имя, фамилию, адрес свидетельницы и мнимой жертвы.

— Нет, правда, я ошиблась, — нервничала свидетельница. — Я пойду, у меня там пост.

— Мы обязаны выяснить все до конца, — неумолимо ответил суровый. — Проверь его карманы, Кеннет.

Полицейский извлек из карманов Мауритсона ряд вполне безобидных предметов. Одновременно продолжался допрос:

— Ваше имя, фамилия?

— Арне Леннарт Хольм, — сказал Мауритсон.

— Адрес?

— Викергатан, шесть.

— Имя и фамилию он правильно сказал, — подтвердил Кеннет. — Вот его водительское удостоверение.

Первый полицейский обратился к пожилой даме:

— Какие ценности у вас были при себе?

— Шесть крон и тридцать пять эре в кошельке. Кроме того, проездной билет и пенсионное удостоверение.

— Все на месте?

— Да.

Полицейский захлопнул записную книжку, важно посмотрел на задержанных и сказал:

— Так, вопрос ясен. Вы двое можете идти. Хольм останется.

Мауритсон рассовал по карманам свое имущество.

Продуктовая сумка стояла на полу около двери, из нее торчали длинный огурец и шесть стеблей ревеня.

— Что у вас там в сумке? — спросил полицейский.

— Продукты.

— Продукты? А ну-ка, Кеннет, проверь.

Полицейский принялся выкладывать продукты на скамейку.

Мауритсон невозмутимо наблюдал за его действиями.

— Так, — говорит Кеннет, — все точно, в сумке продукты, как показал Хольм, вот хлеб... масло... сыр... ревень... кофе — да, все так, как показал Хольм.

— Ясно, — подытожил суровый. — Вопрос исчерпан. Клади продукты обратно, Кеннет.

Он подумал, потом обратился к Мауритсону:

— Так вот, господин Хольм. Вышло недоразумение. Но вы сами понимаете, такая у нас служба. Мы сожалеем, что на вас пало подозрение в преступлении. Надеемся, вы на нас не в претензии.

— Что вы, что вы, — сказал Мауритсон. — Вы только исполняли свой долг.

— Всего доброго, господин Хольм.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

— Всего доброго, всего доброго.

Дверь отворилась, вошел еще один полицейский, одетый в серо-голубой комбинезон. Он вел на поводке овчарку а в другой руке держал бутылку лимонада.

— Фу, жарища! — выдохнул он, бросая фуражку на скамейку. — Сидеть, Джек. — Сорвал с бутылки колпачок и поднес ее ко рту. Повернулся к собаке и сердито повторил: — Сидеть, Джек!

Пес послушался, но тотчас встал опять и принялся обнюхивать сумку Мауритсона.

Мауритсон пошел к двери.

— Всего вам доброго, господин Хольм, — сказал Кеннет.

— Всего доброго, всего доброго, — отозвался Мауритсон.

Пес уже всю голову засунул в сумку.

Мауритсон отворил дверь левой рукой, а правую протянул за сумкой.

Пес зарычал.

— Минутку, — сказал полицейский в комбинезоне.

Коллеги вопросительно посмотрели на него. Мауритсон оттолкнул собаку и поднял сумку с пола.

— Ни с места, — крикнул полицейский и поставил бутылку на скамью.

— Простите?.. — озадаченно произнес Мауритсон.

— Эта собака натаскана на наркотики, — сказал полицейский, поднося руку к кобуре.

XVII

Начальник отдела наркотиков Хенрик Якобссон занимал эту должность почти десять лет и десять лет не ведал, что такое покой. Другой на его месте давно заработал бы язву желудка или расстройство моторных центров или жевал бы занавески. Но организм Хенрика Якобссона все выдержал, а теперь его и вовсе трудно было чем-нибудь удивить.

Сейчас он невозмутимо созерцал разрезанный сыр, выпотрошенную булку, конвертики с гашишем, капсулы с амфетамином и сотрудника, который полосовал ревень.

Перед ним сидел Мауритсон, внешне спокойный, а на деле сам не свой. Двойная страховка подвела, и как подвела — самым невероятным, дурацким образом. Это что-то непостижимое. Ну ладно, один раз еще куда ни шло, так ведь один просчет уже был у него два месяца назад. Но два раза подряд!.. Того и жди, окажется, что он угадал тринадцать номеров в очередном розыгрыше спортивного тотализатора.

Он уже сказал все, что положено говорить в таких случаях. Что злополучную сумку ему вручил неизвестный человек на Центральном вокзале и попросил передать другому неизвестному на Мариаторгет; и конечно, он сразу заподозрил неладное, но не смог устоять против соблазна, когда ему предложили сто крон.

Якобссон выслушал его молча, не перебивая. И скорее всего не поверил ни единому слову. Наконец он сказал:

— Что ж, Хольм, могу только повторить тебе то, что уже говорил: мы тебя задержим. Ордер будет подписан завтра утром. Можешь воспользоваться телефоном при условии, что это не помешает следствию.

— Неужели дело такое серьезное? — смиренно осведомился Мауритсон.

— Смотря что считать серьезным. Посмотрим еще, что мы найдем при домашнем обыске.

Мауритсон отлично знал, что они найдут в однокомнатной квартире на Викергатан, — плохонькую мебель и старую одежду. Тут ему бояться было нечего. Неизбежный вопрос — к каким замкам подходят его прочие ключи, — Мауритсона тоже не тревожил, ибо он не собирался отвечать. Так что скорее всего его вторая квартира, на Армфельтсгатан, не будет осквернена ни двуногими, ни четвероногими ищейками.

— Неужели штраф платить придется? — спросил он еще более смиренно.

— Никак нет, старик, — ответил Якобссон. — Штрафом ты не отделаешься, тут тюрьмой пахнет. Да, Хольм, здорово ты влип. Кстати, кофе не желаешь?

— Спасибо, лучше чаю, если не трудно.

Мауритсон лихорадочно соображал. Что верно, то верно — влип, и похлестче, чем думает Якобссон. Ведь у него взяли отпечатки пальцев, а это значит, что электронная машина в два счета выдаст карточку, на которой написано не Арне Леннарт Хольм, а нечто совсем другое. И пойдут неприятные вопросы...

Они выпили чаю и кофе и съели полбатона; тем временем сотрудник сосредоточенно вскрывал скальпелем огурец.

— Здесь ничего нет, — подвел он итог.

Якобссон флегматично кивнул:

— Ясно.

Посмотрел на Мауритсона и добавил:

— С тебя и найденного хватит.

В душе Мауритсона зрело решение. Он в нокдауне, но до нокаута еще далеко. Надо встать — встать прежде, чем прозвучит роковое «аут», а оно прозвучит, как только на стол Якобссона ляжет справка из картотеки.

Он выпрямился и заговорил совсем другим голосом:

— Ладно, я открываюсь. Не буду больше темнить.

— Премного благодарен, — невозмутимо произнес Якобссон.

— Моя фамилия не Хольм.

— В самом деле?

— Ну да, в документах написано Хольм, но это не настоящая фамилия.

— А как же тебя величать?

— Филип Трезор Мауритсон.

— Ты что же, стыдишься своей настоящей фамилии?

— Откровенно говоря, несколько лет назад угодил я за решетку. Ну, а там, сам понимаешь, раз посидел, за тобой уже слава идет.

— Понимаю.

— Кто-нибудь непременно пронюхает, глядишь, уже фараоны идут проверять... прости, я хотел сказать, полиция идет.

— Ничего, я не обидчивый, — сказал Якобссон.

Мауритсон беспокойно поглядел на стенные часы.

— Да и посадили-то меня за ерунду, — продолжал он. — Сбыт краденого, незаконное хранение оружия — в общем, мелочи. Была еще кража со взломом, но с тех пор уже десять лет прошло.

— А все эти годы, значит, вел себя паинькой? Исправленному верить? Или стал тоньше работать?

Мауритсон криво усмехнулся, но ответной улыбки не дождался.

— Ну, и куда же ты гнешь? — осведомился Якобссон.

— В тюрьму не хочется.

— Поздно, раньше надо было думать. Да и чего особенного. Не ты первый, не ты последний. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь не сел. Отдохнешь два-три месяца — чем плохо?

Однако Мауритсон чувствовал, что краткосрочным отпуском дело не ограничится. Он прикидывал, что, если его арестуют, полиция начнет копать всерьез, и могут всплыть малоприятные для него вещи. А ведь у него хранится в иностранных банках приличная сумма... Так что главное сейчас — выйти отсюда. И сразу

уехать из города. Лучше всего за границу, а там все наладится.

Словом, мешкать нельзя. И Мауритсон спросил:

— Кто занимается банковскими налетами?

— Бульдо... — вырвалось у Якобссона.

— Бульдозер Ульссон, — живо договорил Мауритсон.

— Прокурор Ульссон, — поправил его Якобссон. — Стучать собираешься?

— Я мог бы кое о чем осведомить его.

— А ты осведоми меня.

— Речь идет о секретных сведениях, — ответил Мауритсон. — Неужели трудно позвонить ему?

Якобссон задумался. Он хорошо помнил, как начальник ЦПУ и его подручные говорили, что банковские налеты важнее всего. Только одно преступление считалось еще страшнее — забрасывать яйцами посла Соединенных Штатов.

Он пододвинул к себе телефон и набрал номер штаба спецгруппы. Бульдозер тотчас взял трубку.

— Ульссон слушает.

— Это Хенрик Якобссон говорит. Мы тут задержали одного за наркотики, уверяет, будто ему что-то известно.

— Насчет банков?

— По-видимому.

— Сейчас буду, — ответил Бульдозер.

Он вломился в кабинет, горя от нетерпения.

Диалог был недолгим.

— Так о чем вы хотели нам поведать, герр Мауритсон?

— Господина прокурора интересуют двое по фамилии Мальмстрём и Мурен?

Бульдозер даже облизнулся.

— Очень, очень интересуют! И что же именно вам известно, герр Мауритсон?

— Мне известно, где находятся Мальмстрём и Мурен.

Бульдозер возбужденно потер руки. Потом как бы спохватился:

— Надо думать, герр Мауритсон собирается предложить какие-то условия?

— Мне хотелось бы обсудить этот вопрос в более уютном месте.

— Г-м-м. Мой кабинет на Кунгсхольмсгатан вас устроит?

— Вполне, — ответил Мауритсон. — Насколько я понимаю, господину прокурору теперь нужно переговорить с этим господином?

Лицо Якобссона ничего не выражало.

— Совершенно верно, — горячо подтвердил Бульдозер. — Посовещаемся, Якобссон? Где-нибудь с глазу на глаз.

Якобссон кивнул, покоряясь судьбе.

XVIII

Якобссон был человек практичный. Зачем понапрасну нервничать? Он не был близко знаком с Бульдозером Ульссоном, но достаточно наслышался о нем и понимал, что сражаться нет смысла, все равно исход боя предрешен.

Антураж был очень скромный — голые стены, письменный стол, два стула, шкаф для папок. И все, даже ковра не было.

Якобссон спокойно сидел за столом.

Бульдозер метался по комнате, заложив руки за спину и наклонив голову.

— Только один сугубо технический вопрос, — сказал он. — Мауритсон арестован?

— Нет. Еще нет.

— Отлично. Превосходно. Тогда, собственно, и совещаться не о чем. Хочешь, свяжись с начальником цепу. С его заместителем, с начальником управления.

Якобссон покачал головой. Он хорошо знал названных боссов.

— Тогда заметано?

Якобссон промолчал.

— И ты в накладе не останешься. Теперь ты знаешь этого субчика и будешь держать его на примете. Пригодится.

Якобссон вернулся к Мауритсону, смерил его взглядом и сказал:

— Так вот, Мауритсон, я тут поразмыслил... Ты получил сумку от неизвестного лица для передачи другому неизвестному лицу. Всякое бывает. Доказать, что ты говоришь неправду, будет нелегко. Короче, мы воздерживаемся от ареста.

— Ясно.

— Товар мы, конечно, конфискуем. Но ведь ты мог и не знать, что передаешь.

— Меня отпустят?

— Отпустят, отпустят. При условии, что ты явишься в распоряжение прокурора Ульссона.

Бульдозер, должно быть, слушал за дверью — она распахнулась, и он ворвался в кабинет.

— Давай поехали! Потолкуем у меня.

— Ну конечно, — сказал Мауритсон. — С удовольствием.

— Да уж не иначе, — подхватил Бульдозер. — Привет, Якобссон.

Якобссон молча проводил их безучастным взглядом. Он ко всему привык.

Десять минут спустя Мауритсон был доставлен в штаб спецгруппы. Его приняли как почетного гостя и усадили в самое удобное кресло, а кругом расположились блистательные детективы. Колльберг держал в руках памятку Мауритсона.

— Дюжина трусов и пятнадцать пар носков. Это для кого?

— Две пары Мурену, остальное, наверное, второму пойдет.

— Он что — бельем питается, этот Мальмстрём?

— Да нет, просто никогда не отдает белье в стирку, каждый раз новое надевает.

— Ладно, бросьте эту бумажку, давайте-ка делом займемся. — Бульдозер хлопнул ладонями и энергично потер руки.

Он призывно поглядел на свое войско, в состав которого, кроме Колльберга, Рённа и Гюнвальда Ларссона, вошли два младших следователя, эксперт по слезоточивым газам (газовщик), техник-вычислитель и никудышный полицейский по имени Бу Цакриссон, которого, невзирая на острую нехватку кадров, все с величайшей охотой уступали друг другу для всякого рода специальных заданий.

Начальник ЦПУ и прочие тузы, слава богу, после злополучного киносеанса не показывались, даже не звонили.

— Итак, репетируем, — объявил Бульдозер. — Ровно в шесть Мауритсон должен позвонить в дверь. Ну-ка, изобразите еще раз...

Колльберг отстучал сигнал пальцем по столу.

Мауритсон кивнул.

— Точно, — сказал он; потом добавил: — Во всяком случае, очень похоже.

Точка — тире, пауза, четыре точки, пауза, тире — точка.

— Я в жизни не запомнил бы, — уныло произнес Цакриссон.

— Мы тебе поручим что-нибудь еще, — сказал Бульдозер.

— Что именно? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

Из всей группы только ему приходилось раньше сотрудничать с Цакриссоном, и он не любил вспоминать об этом.

— А мне что делать? — осведомился техник-вычислитель.

— Вот именно, — отозвался Бульдозер. — Кто тебя к нам направил?

— Не знаю. Звонил кто-то из управления.

— А может, ты нам вычислишь что-нибудь? — предположил Гюн-

вальд Ларссон. — Скажем, какие номера выиграют в следующем тираже.

— Исключено, — мрачно произнес вычислитель. — Сколько лет пытаюсь, ни одной недели не пропустил, и все мимо.

— Проиграем мысленно всю ситуацию, — продолжал Бульдозер. — Кто звонит в дверь?

— Кольберг, — предложил Гюнвальд Ларссон.

— Прекрасно. Итак, Кольберг звонит. Мальмстрём открывает. Он ожидает увидеть Мауритсона с трусами, астролябией и прочими вещами. А вместо этого видит...

— Нас, — пробурчал Рённ.

— Вот именно! Мальмстрём и Мурен огорошены. Их провели!

Он семенил по комнате, самодовольно усмехаясь.

— А Руса-то как прищучим! Одним ходом шах ему и мат!

У Бульдозера даже дух захватило от столь грандиозной перспективы. Однако он тут же вернулся на землю:

— Но мы не должны забывать, что Мальмстрём и Мурен вооружены. Нельзя исключать возможности того, что они с отчаяния пойдут на прорыв. Тут уж придется тебе вмешаться.

Он указал на эксперта по слезоточивым газам.

— Кроме того, с нами пойдет проводник с собакой, — продолжал Бульдозер. — Собака бросается...

— Это как же, — перебил его Гюнвальд Ларссон. — На ней что, противогаз будет?

— Значит, так, — вещал Бульдозер. — Случай первый: Мальмстрём и Мурен пытаются оказать сопротивление, но встречают сокрушительный отпор, атакуются собакой и обезвреживаются слезоточивым газом.

— Всё одновременно? — усомнился Кольберг.

Но Бульдозер вошел в раж, и никакие возражения не могли его остановить.

— Случай второй: Мальмстрём и Мурен не оказывают сопротивления. Полиция с пистолетами наготове вламывается в квартиру и окружает их.

— Только не я, — возразил Кольберг.

Он принципиально отказывался носить оружие.

Бульдозер заливался соловьем:

— Преступники обезоруживаются и заковываются в наручники. Затем я вхожу в квартиру и объявляю их арестованными. Они уводятся.

Несколько секунд он смаковал упоительную перспективу.

— И наконец, вариант номер три — интересный вариант: Мальмстрём и Мурен не открывают. Они предельно осторожны и могут не открыть, если сигнал покажется им не таким, как положено. С Мауритсоном у них условлено, что он в таком случае уходит, а ровно через двенадцать минут возвращается и звонит снова. Мы так и поступим. Выждем двенадцать минут и позвоним опять. После этого автоматически возникает одна из двух ситуаций, которые мы уже разобрали.

Кольберг и Гюнвальд Ларссон выразительно посмотрели друг на друга.

— Четвертая альтернатива... — начал Бульдозер.

Но Кольберг перебил его:

— Альтернатива — это одно из двух.

— Не морочь голову. Итак, четвертая альтернатива: Мальмстрём и Мурен все равно не открывают. Тогда вы высаживаете дверь...

— ...вламываемся с пистолетами наготове в квартиру и окружаем преступников, — вздохнул Гюнвальд Ларссон.

— Вот именно, — сказал Бульдозер. — Точно так. После чего я вхожу и объявляю их арестованными. Превосходно. Вы запомнили все слово в слово. Ну что — как будто все варианты исчерпаны?

Собравшиеся молчали. Наконец Цакриссон пробормотал:

— А пятая альтернатива такая, что гангстеры открывают дверь, косят из автоматов нас всех вместе с собакой и сматываются.

— Балда, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Во-первых, Мальмстрёма и Мурена задерживали не один раз, и при этом еще никто не пострадал. Во-вторых, их всего двое, а у дверей будет шестеро и одна собака, да еще на лестнице десять человек, да на улице двадцать, да один прокурор на чердаке — или где он там намерен пребывать.

Цакриссон стушевался, однако добавил мрачно:

— В этом мире ни на кого нельзя положиться.

— Расположение квартиры, входы и выходы вам известны, — подвел итог Бульдозер. — Три часа назад дом незаметно взят под наблюдение. Как и следовало ожидать, все спокойно. Мальмстрём и Мурен даже и не подозревают, что их ждет. Господа, мы готовы.

Он вытащил из нагрудного кармашка старинные серебряные часы, щелкнул крышкой и сказал:

— Через тридцать две минуты мы нанесем удар... Полагаю, герр Мауритсон вряд ли пожелает присоединиться к нам? Или вам нужно повидаться с приятелями?

Мауритсон не то поежился, не то пожал плечами.

— В таком случае предлагаю вам спокойно переждать в этом здании, пока мы проведем операцию. Герр Мауритсон делец, и я тоже в некотором роде делец, так что он меня поймет. Вдруг выяснится, что вы нас подвели, — тогда придется пересмотреть наше соглашение.

Мауритсон кивнул.

— Идет, — сказал он. — Но я точно знаю, что они там.

— По-моему, герр Мауритсон — подонок, — произнес Гюнвальд Ларссон в пространство.

Кольберг и Рённ напоследок еще раз проштудировали план квартиры, начерченный со слов Мауритсона. Затем Кольберг сложил листок и сунул его в карман.

— Что ж, поехали, — сказал он.

Раздался голос Мауритсона:

— Только ради бога учтите, что Мальмстрём и Мурен опаснее, чем вы думаете. Как бы они не попробовали прорваться. Вы уж зря не рискуйте.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Кольберг. — Не будем.

Гюнвальд Ларссон неприязненно посмотрел на Мауритсона.

— Понятно, герр Мауритсон предпочел бы, чтобы мы ухлопали его приятелей, тогда ему не надо будет всю жизнь дрожать за свою жалкую шкуру.

— Я только хотел предостеречь вас, — возразил Мауритсон. — Зря ты обижаешься.

— Заткнись, мразь, — проворчал Гюнвальд Ларссон.

Он не терпел панибратства от людей, которых презирал. Будь то доносчики или начальство из ЦПУ.

— Ну, все готово, — нетерпеливо вмешался Бульдозер. — Операция начинается. Поехали.

В доме на Данвикскліппан все оказалось так, как говорил Мауритсон. Даже такая деталь, как табличка с надписью «С. Андерссон» на дверях квартиры.

Справа и слева от двери прижались к стене Рённ и Гюнвальд Ларссон. Оба держали в руках пистолеты, Гюнвальд Ларссон — свой личный «смит и вессон 38 мастер», Рённ — обыкновенный «вальтер», калибр 7,65. Прямо пе-

ред дверью стоял Колльберг. Лестничная клетка за его спиной была битком набита людьми; тут были и Цакриссон, и эксперт по газам, и проводник с собакой, и оба младших следователя, и нижние чины с автоматами в пуленепробиваемых жилетах.

Бульдозер Ульссон, по всем данным, находился в лифте.

«Ох уж это оружие», — подумал Колльберг, следя глазами за секундной стрелкой на часах Гюнвальда Ларссона; сам он был безоружен.

Осталось тридцать четыре секунды...

У Гюнвальда Ларссона были часы высшего класса, они показывали время с исключительной точностью.

В душе Колльберга не было ни капли страха. Он слишком много лет прослужил в полиции, чтобы бояться таких субъектов, как Мальмстрём и Мурен.

Интересно, о чем они говорят и думают, закрывшись там со своими запасами оружия и трусов, горами паштета и икры?..

Шестнадцать секунд...

Один из них — очевидно, Мурен, судя по словам Мауритсона, большой гурман. Вполне простительная слабость, Колльберг и сам любил вкусно поесть.

Восемь секунд...

Что будет со всем этим добром, когда Мальмстрёма и Мурена закуют в наручники и увезут? Может, Мурен уступит ему свои припасы по недорогой цене? Или это будет скупка краденого?..

Две секунды.

Секунда.

Ноль.

Он нажал кнопку звонка указательным пальцем правой руки.

Точка — тире, пауза... четыре точки... пауза... тире — точка.

Все замерли в ожидании.

Кто-то шумно вздохнул.

Потом скрипнул чей-то башмак.

Цакриссон звякнул пистолетом. Звякнуть пистолетом — это ведь надо суметь!

А за дверью ни звука. Прошло две минуты.

По плану полагалось выждать еще десять минут и повторить сигнал.

Колльберг поднял правую руку, давая понять, чтобы освободили лестничную площадку. Подчиняясь его жесту, Цакриссон и проводник с собакой поднялись на несколько ступенек вверх, а эксперт по газам спустился вниз.

Рённ и Гюнвальд Ларссон остались на своих местах.

Колльберг хорошо помнил план, но не менее хорошо знал, что Гюнвальд Ларссон отнюдь не намерен следовать намеченной схеме. Поэтому он и сам отошел в сторону. Гюнвальд Ларссон стал перед дверью и смерил ее взглядом. Ничего, можно справиться...

Гюнвальд Ларссон был одержим страстью вышибать двери, и почти всегда проделывал это весьма успешно. Но Колльберг был принципиальным противником таких методов, поэтому он отрицательно покачал головой и всем лицом изобразил неодобрение. Как и следовало ожидать, его мимика не возымела никакого действия. Гюнвальд Ларссон отступил на несколько шагов и уперся правым плечом в стену. Рённ приготовился поддержать его маневр. Гюнвальд Ларссон чуть присел и напрягся, выставив вперед левое плечо, — живой таран весом сто восемь килограммов, ростом сто девяносто два сантиметра. Разумеется, Колльберг тоже изготовился, раз уж дело приняло такой оборот. Однако того, что случилось в следующую минуту, никто не мог предвидеть.

Гюнвальд Ларссон бросился на дверь, и она распахнулась с такой легкостью, будто ее и не было вовсе.

Не встретив никакого сопротивления, Гюнвальд Ларссон влетел в квартиру, с разгона промчался в наклонном положении через комнату, словно сорванный ураганом подъемный кран, въехал головой в подоконник и, обливаясь кровью, упал как подкошенный. При этом он разбил колено и штанина тоже окрасилась в алый цвет.

Рённ двигался не столь проворно, однако успел перемахнуть через порог как раз в тот момент, когда дверь качнулась обратно на скрипучих петлях. Она ударила его наотмашь в лоб, он выронил пистолет и упал навзничь на лестничную площадку.

Как только дверь после столкновения с Рённом распахнулась вторично, в квартиру ворвался Колльберг. Окинув комнату взглядом, он убедился, что в ней нет ни души, если не считать Гюнвальда Ларссона. Тогда он бросился на помощь товарищу и стал приводить его в чувство.

В эту минуту Рённ, слегка ошалевший от удара по голове, пересек порог и принялся искать оброненный пистолет.

Следующим в дверях показался Цакриссон. Он увидел Рённа с расквашенным лбом и лежащий на полу пистолет. Увидел также у окна Колльберга и окровавленного Гюнвальда Ларссона. И закричал:

— Ни с места! Полиция!

После чего выстрелил вверх и попал в стеклянный шар под потолком. Лампа разлетелась вдребезги с оглушительным шумом.

Цакриссон повернулся кругом и снова выстрелил.

Вторая пуля влетела в открытую дверь ванной и пробила трубу. Длинная струя горячей воды с шипением ударила прямо в комнату и хлестнула Цакриссона по лицу.

Помещение мгновенно наполнилось туманом.

Следом ворвался в квартиру полицейский в сине-зеленом пуленепробиваемом жилете, с автоматом в руках, зацепил ногой Рённа и растянулся во весь рост. Его автомат с шумом покатился по паркету в дальний угол.

Гюнвальд Ларссон сидел на полу совершенно обессиленный. Но голова у него работала, и он пришел к четкому выводу. Во-первых, в квартире никого не было: ни Мальмстрёма, ни Мурена, ни кого-либо еще. Во-вторых, дверь была не заперта и скорее всего даже не захлопнута как следует.

Тогда Гюнвальд Ларссон поднял руку и заорал:

— Кончайте, черт побери...

Приняв его возглас за команду, «газовщик» одну за другой бросил в квартиру две гранаты со слезоточивым газом. Они упали на пол между Рённом и проводником собаки и тотчас взорвались.

Раздался еще один выстрел; кто именно выстрелил — установить не удалось, но скорее всего это был проводник. Пуля угодила «газовщику» в плечо.

Колльберг попытался крикнуть: «Сдаемся! Сдаемся!» — но из его горла вырвалось лишь хриплое карканье.

Газ мгновенно распространился по квартире, смешиваясь с паром и пороховым дымом.

Пять человек и одна собака стонали, рыдали и кашляли в ядовитой мгле.

Шестой человек сидел на лестничной клетке и подвывал, прижимая ладонь к левому плечу.

Откуда-то сверху примчался взбудораженный Бульдозер.

— Что такое? Что тут происходит? — допытывался он.

Сквозь туман из квартиры доносились жуткие звуки. Кто-то скулил, кто-то звал на помощь сдавленным голосом, кто-то грязно бранился.

— Отставить! — скомандовал Бульдозер, поперхнулся газом и закашлялся.

Он попятился по ступенькам вверх, но облако газа следовало за ним. Тогда Бульдозер приосанился и обратил грозный взгляд на едва различимый дверной проем.

— Мальмстрём и Мурен, — властно произнес он, обливаясь слезами. — Бросайте оружие и выходите! Руки над головой! Вы арестованы!

Продолжение следует

Перевел с шведского Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЕВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

XIX

Утром в четверг 6 июля 1972 года специальная группа по борьбе с банковскими налетами собралась в своем штабе. Члены группы сидели бледные, но собранные, царила строгая тишина.

Мысль о вчерашних событиях никого не располагала к веселью. А Гюнвальда Ларссона и подавно: разбитый лоб и порванный костюм не потеха. Пожалуй, больше всего Гюнвальд Ларссон расстраивался из-за костюма. Он был очень разборчив, и на одежду уходила немалая часть его жалованья. И вот опять, в который раз, драгоценный костюм, можно сказать, погиб при исполнении служебных обязанностей. Эйнар Рённ тоже пригорюнился, и даже Колльберг не мог и не желал оценить очевидный комизм ситуации.

Битва на Данквикскклиппан подверглась придирчивому разбору. Тем не менее объяснительная записка была весьма туманна и пестрила уклончивыми оборотами. Составлял ее Колльберг.

Но потери нельзя было скрыть. Троих пришлось отвезти в больницу. Правда, ни смерть, ни инвалидность им не грозила. У «газовщика» — ранение мягких тканей плеча, у Цакриссона — ожоги на лице. (Кроме того, врачи утверждали, что у него шок, он производит «странное» впечатление и не в состоянии толково ответить на простейшие вопросы. Но это скорее всего объяснялось тем, что они не знали Цакриссона и переоценивали его умственные способности.)

Рённ сидел с пластырем на лбу; его красный от природы нос подчеркивал живописность двух отменных синяков.

Гюнвальду Ларссону, по чести говоря, было место не на службе, а дома — вряд ли можно считать трудоспособным человека, у которого правая рука и правое колено туго перевязаны бинтами. К тому же изрядная шишка украшала его голову.

У Колльберга голова раскалывалась от боли, которую он приписывал загрязненной атмосфере на поле боя. Специальное лечение — коньяк, аспирин и супружеская ласка — помогло только отчасти.

Поскольку противник в битве не участвовал, его потери были минимальными. Правда, в квартире обнаружили и конфисковали кое-какое имущество, но даже Бульдозер Ульссон не решился бы всерьез утверждать, что утрата рулона туалетной бумаги, картона с ветошью, двух банок брусничного варенья и горы использованного белья может сколько-нибудь удручать Мальмстрёма и Мурена или затруднять их дальнейшие действия.

Без двух минут девять в кабинет ворвался и сам Бульдозер. Он уже успел с утра пораньше посетить два важных совещания и был, что называется, на боевом взводе.

— Доброе утро, привет. Ну как, ребята?

Ребята отнюдь не чувствовали себя ребятами, и он не дождался ответа.

— Что ж, вчера Рус сделал ловкий ход, но не будем из-за этого вешать нос. Скажем так, мы проиграли пешку-другую и потеряли темп.

— А по-моему, это детский мат, — возразил Колльберг.

— Но теперь наш ход, — продолжал Бульдозер. — Тащите сюда Мауритсона, мы ему пульс пощупаем! Он кое-что держит про запас. И он трусит, уважаемые господа, еще как трусит! Знает, что теперь Мальмстрём и Мурен не дадут ему спуска. Отпустить его сейчас — значит оказать ему медвежью услугу. И он это понимает.

Рённ, Колльберг и Гюнвальд Ларссон уставились воспаленными глазами на своего вождя. Перспектива снова что-то затевать по указке Мауритсона им нисколько не улыбалась.

Бульдозер критически оглядел их; его глаза тоже были воспалены, веки опухли.

— Знаете, ребята, о чем я подумал сегодня ночью? Не лучше ли впредь для таких операций, вроде вчерашней, использовать более свежие и молодые силы? Как по-вашему? — Помолчав, он добавил: — А то ведь как-то несолидно получается, когда пожилые, степенные люди, ответственные работники бегают, палят из пистолетов, куролесят...

Гюнвальд Ларссон глубоко вздохнул и поник, словно ему вонзили нож в спину.

«А что, — подумал Колльберг, — ведь так оно и есть. — Но тут же возмутился: — Как он сказал? Пожилые?.. Степенные?..»

Рённ что-то пробормотал.

— Что ты говоришь, Эйнар? — приветливо спросил Бульдозер.

— Да нет, я только хотел сказать, что не мы стреляли.

— Возможно, — согласился Бульдозер. — Возможно. Ну все, хватит киснуть. Мауритсона сюда!

Мауритсон провел ночь в камере, правда, с бо́льшим комфортом, чем рядовые арестанты. Ему выделили персональную парашу, он даже одеяло получил, и надзиратель предложил ему стакан воды.

Ему сообщили, что Мальмстрём и Мурен не соизволили дождаться, когда за ними приедут. Он был заметно удивлен и озабочен.

И вот Мауритсон снова сидит в окружении детективов. Сидит тихий, скромный человечек с располагающей внешностью.

— Что ж, дорогой господин Мауритсон, — ласково произнес Бульдозер. — Не сбылось то, что мы с вами задумали.

Мауритсон покачал головой.

— Странно, — сказал он. — Я ничего не понимаю. Может быть, у них чутье, шестое чувство?

— Шестое чувство... — задумчиво произнес Бульдозер. — Иной

Продолжение. Начало в № 6—8.

раз и впрямь начинаешь верить в шестое чувство. Если только Рус...

— Какой еще Рус?

— Да нет, господин Мауритсон, ничего. Это я так, про себя. Меня беспокоит другое. Ведь у нас с вами дебит-кредит не сходится! Как-никак я оказал господину Мауритсону немалую услугу. А он, выходит, все еще в долгу передо мной.

Мауритсон задумался.

— Другими словами, господин прокурор, меня еще не отпустили? — спросил он наконец.

— Как вам сказать. И да, и нет. Что ни говори, махинации с наркотиками — серьезное преступление. Дойди дело до суда, можно получить... — Он посчитал по пальцам. — Да, пожалуй, восемь месяцев. И уж никак не меньше шести.

Мауритсон смотрел на него совершенно спокойно.

— Но, — голос Бульдозера потеплел, — с другой стороны, я посулил на сей раз господину Мауритсону отпущение грехов. Если получу что-то взамен. — Он выпрямился и жестко произнес: — Другими словами: если ты сию минуту не выложишь все, что тебе известно о Мальмстрёме и Мурене, мы официально арестуем тебя как соучастника. В квартире нашли твои отпечатки пальцев. А потом передадим тебя опять Якобссону. Да еще позаботимся о том, чтобы тебя хорошенько вздули.

Гюнвальд Ларссон одобрительно посмотрел на начальника спецгруппы.

— Лично я с удовольствием... — Он не договорил.

Мауритсон и бровью не повел.

— Ладно, — сказал он. — Есть у меня кое-что... Вы накроете и Мальмстрёма, и Мурена, и не только их.

Бульдозер Ульссон расплылся в улыбке.

— Так, так, господин Мауритсон, это уже интересно. И что же вы хотите нам предложить?

Мауритсон покосился на Гюнвальда Ларссона и продолжал:

— Элементарное дело, котенок справится.

— Котенок?

— Да. И вы уж не валите на меня, если опять дадите маху.

— Ну что вы, дорогой Мауритсон, зачем же так грубо. Вы не меньше нашего заинтересованы в том, чтобы их накрыли. Так что у вас там припасено? Выкладывайте!

— План их следующей операции, — бесстрастно произнес Мауритсон. — Время, место и все такое прочее.

Глаза прокурора Ульссона чуть не выскочили из орбит. Он трижды обежал вокруг кресла Мауритсона.

— Говорите, господин Мауритсон! Все говорите! Считайте, что вы уже свободны! Если хотите, обеспечим вам охрану. Только рассказывайте, дорогой Мауритсон, все рассказывайте!

Члены спецгруппы нетерпеливо окружили доносчика.

— Ладно, — сказал Мауритсон, — слушайте. Я взялся немного помочь Мальмстрёму и Мурену — ходил для них в магазин и все такое прочее. Сами они предпочитали не выходить на улицу. Ну вот, и в том числе я каждый день должен был справляться в табачной лавке в Биркастан насчет почты.

— Чья лавка? — живо спросил Колльберг.

— Пожалуйста, я скажу, да только вам это ничего не даст, я уже проверял. Лавка принадлежит одной старухе, а письма приносили пенсионеры, каждый раз другие.

— Дальше! — поторопил Бульдозер. — Какие письма? Сколько их было?

— За все время было только три письма, — ответил Мауритсон.

— И вы передали их?

— Да, но сперва я их вскрывал.

— Мурен ничего не заметил?

— Нет. Я умею вскрывать письма, такой способ знаю, что никто не заметит. Химия...

— Ну и что же было в этих письмах?

Бульдозеру не стоялось на месте, он перебирал ногами, будто раскормленный петух на противне.

— В первых двух ничего интересного не было, речь шла о каких-то X и У, которые должны были приехать в пункт Z и так далее. Совсем короткие записки, и все кодом. Просмотрю, заклею опять и несу Мурену.

— А в третьем что?

— Третье пришло позавчера. Очень интересное письмо. План очередной операции, во всех подробностях.

— И эту бумагу вы передали Мурену?

— Не бумагу, а бумаги. Там было три листка. Да, я отнес их Мурену. Но сперва сделал фотокопии и спрятал в надежном месте.

— Дорогой господин Мауритсон. — У Бульдозера даже дыхание перехватило — Что это за место? Сколько времени нужно вам, чтобы забрать копии?

— Сами забирайте, меня что-то не тянет.

— Когда?

— Как только я скажу, где они.

— Так где же они?

— Спокойно, не жмите на педали, — сказал Мауритсон. — Товар натуральный, никакого подвоха. Но сперва я должен кое-что получить от вас.

— Что именно?

— Во-первых, бумагу за подписью Якобссона, она лежит у вас в кармане. Та самая, в которой сказано, что подозрение в махинациях с наркотиками с меня снято, предварительное следствие прекращено за отсутствием доказательств и так далее.

— Вот она.

— И еще одну бумагу с вашей подписью, это уже насчет моего соучастия в операциях Мальмстрёма и Мурена. Дескать, дело выяснено, я ни в чем не замешан — все как положено.

Бульдозер Ульссон ринулся к пишущей машинке.

Меньше чем за две минуты бумага была готова. Мауритсон получил оба документа, внимательно прочитал их и сказал:

— Порядок. Конверт с фотокопиями находится в «Шаратоне».

— В отеле?

— Ага. Получите у швейцара до востребования.

— На чье имя?

— На имя графа Филиппа фон Бранденбурга, — скромно ответил Мауритсон.

Члены спецгруппы вытаращили глаза.

Наконец Бульдозер опомнился.

— Замечательно, дорогой господин Мауритсон, замечательно. Может быть, вы пока посидите в другой комнате, совсем недолго, выпьете чашечку кофе со сдобой?

— Лучше чаю, — сказал Мауритсон.

— Чаю... — рассеянно произнес Бульдозер. — Эйнар, позаботься о том, чтобы господину Мауритсону принесли чаю со сдобой... и чтобы кто-нибудь составил ему компанию.

Рённ проводил Мауритсона и тут же вернулся.

— Что дальше делаем? — спросил Колльберг.

— Забираем письма, — ответил Бульдозер. — Сейчас же. Проще всего будет, если кто-нибудь из вас отправится туда, назовется графом фон Бранденбургом и востребует почту. Хотя бы ты, Гюнвальд.

Гюнвальд Ларссон воззрился на него своими фарфоровыми глазами.

— Я? Лучше сразу подам заявление об уходе.

— Тогда придется тебе ехать, Эйнар. Только не говори, в чем

дело, а то еще заартачатся, дескать, не имеем права выдавать почту графа.

— Так, — сказал Рённ. — Филипп фон Бранденбург, граф. У меня тут визитная карточка есть, Мауритсон дал. Они у него в бумажнике лежат, в потайном отделении. Благородство-то какое!

Он показал им: мелкие буквы пепельного цвета, серебряная монограмма в уголке...

— Ладно, трогай! — распорядился Бульдозер. — Живей!!

Рённ вышел.

— Подумать только, — сказал Колльберг. — Если я зайду в лавку, где уже десять лет покупаю продукты, и попрошу пол-литра молока в долг, мне шиш покажут. А этакий Мауритсон удостоит своим визитом самый роскошный ювелирный магазин в городе, назовется герцогом Малабарским, и ему тут же выдадут два ящика брильянтовых колец и десять жемчужных ожерелий на дом для ознакомления.

— Что поделаешь, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — Классовое общество...

Бульдозер Ульссон кивнул с отсутствующим видом. Вопросы общественного устройства его не волновали.

Швейцар посмотрел на письмо, потом на визитную карточку и, наконец, на Рённа.

— А вы точно граф фон Бранденбург? — подозрительно осведомился он.

— Ну, понимаете, — промямлил Рённ, — я его посыльный.

— А-а, — протянул швейцар. — Понятно. Пожалуйста, возьмите. И передайте господину графу, что мы всегда к его услугам.

...Три листка из графского конверта оказались такими захватывающими, что Колльберг, Рённ и Гюнвальд Ларссон и час спустя не могли от них оторваться.

Никакого сомнения, на столе спецгруппы и впрямь лежали фотокопии всесторонне разработанного плана очередного налета. И надо признать, замысел был грандиозный.

Речь шла о той *большой операции*, которую ждали уже несколько недель, но о которой до сего дня, по существу, ничего не знали. И вот теперь вдруг стало известно почти все!

Операция была назначена на пятницу, время — 14.45. По всей вероятности, подразумевалось либо седьмое число (а это уже завтра), либо четырнадцатое (через неделю).

Многое говорило в пользу «второй альтернативы»; неделя — этого хватит с избытком для самой основательной подготовки. Но даже если Мальмстрём и Мурен нанесут удар безотлагательно, в этих трех листках было достаточно данных, чтобы без труда схватить злоумышленников на месте преступления.

На одном листке — подробный чертеж банковского зала с детальными указаниями, как будет происходить налет, как размещаются участники и автомашины, какими маршрутами уходить.

Бульдозер Ульссон знал все о стокгольмских банках, ему достаточно было одного взгляда на схему, чтобы опознать зал. Это был один из крупнейших новых банков в деловой части города.

План был настолько прост и гениален, что имя автора не вызывало сомнения: Вернер Рус. Во всяком случае, Бульдозер был твердо в этом убежден.

Вся операция распадалась на три независимых звена.

Звено первое — диверсия.

Звено второе — превентивная акция, направленная против главного противника, то есть против полиции.

Звено третье — само ограбление

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Чтобы осуществить такой план, Мальмстрёму и Мурену требовалось по меньшей мере четыре активных помощника. Два из них даже были названы: Хаузер и Хофф. Судя по всему, им отводилась роль наружной охраны во время налета. Двое других (не исключено, что их больше) отвечали за диверсию и превентивную акцию. В плане они именовались «подрядчиками».

Время диверсии — 14.40, место — Русенлюндсгатан, в южной части города. Необходимые атрибуты — минимум две автомашины и мощный заряд взрывчатки. Судя по всему, смысл этой шумной диверсии заключался в том, чтобы привлечь возможно больше патрульных машин, циркулирующих в центре города и южных предместьях.

За диверсию отвечал «подрядчик А».

Минутой позже — верный тактический ход! — начинается превентивная акция. Эта часть плана, одинаково дерзкая и остроумная, предусматривала блокировку выезда машин, постоянно находящихся в оперативном резерве при полицейском управлении.

Этой частью операции руководил «подрядчик Б».

В случае успеха обеих предварительных акций в 14.45 большая часть мобильных полицейских патрулей оказалась бы связанной на Русенлюндсгатан, а оперативные резервы — запертыми в полицейском управлении на Кунгсхольмене. Что позволило бы Мальмстрёму и Мурену при участии таинственных незнакомцев Хоффа и Хаузера в эту самую минуту нанести удар по банку, не опасаясь вмешательства со стороны полиции.

Для отступления налетчики располагали двумя машинами, да еще четыре на подставе, по одной на каждого. Отход намечалось осуществить в северном направлении, поскольку предполагалось, что почти все полицейские патрули в это время будут заняты в южной части города, а оперативные резервы застрянут на Кунгсхольмене.

Автор плана не забыл даже указать предполагаемые размеры добычи: что-то около двух с половиной миллионов шведских крон.

Эта цифра заставила спецгруппу склониться к выводу, что операция намечена на четырнадцатое июля. Ибо из телефонного разговора с банком выяснилось, что как раз в этот день там вполне можно будет набрать такую сумму в разной валюте. Если же банда нанесет удар завтра, добыча будет гораздо меньше.

Большинство пунктов плана было изложено открытым текстом, а закодированные легко расшифровывались.

— «У Жана длинные усы», — прочел Колльберг. — Известная фраза. Во время второй мировой войны такой сигнал союзники передали французским партизанам перед высадкой. — Заметив вопросительный взгляд Рённа, он пояснил: — Расшифровывается очень просто: *Начинаем, ребята.*

— И в конце тоже все понятно, — сказал Гюнвальд Ларссон. «Оставить корабль». Правда, по-английски написано, вот Мауритсон и не постиг. Приказ *немедленно уносить ноги.* Оттого и была квартира пуста. Видно, Рус не доверял Мауритсону и велел им сменить крышу.

— И еще одно слово под конец: «Милан», — заметил Колльберг. — Это как понимать?

— *Сбор и дележка в Милане,* — уверенно объявил Бульдозер. — Да только они дальше банка никуда не денутся. Если мы их вообще туда пустим. Считайте, что партия уже выиграна.

— Это точно, — подтвердил Колльберг. — Похоже на то.

Теперь, когда они знали план, нетрудно было принять контрмеры. Что бы ни произошло на Русенлюндсгатан — не обращать особенного внимания. А что касается полицейских машин на Кунгсхольмене, то надо лишь позаботиться о том, чтобы к моменту превентивной акции они не стояли во дворе управления, а были целесообразно размещены в районе банка.

— Так, — рассуждал Бульдозер, — план составлен Вернером Русом, это несомненно. Но как это доказать?

— А пишущая машинка? — высказался Рённ.

— Привязать текст к электрической машинке почти невозможно. На чем бы его подловить?

— Ты прокурор — твоя забота, — сказал Колльберг. — У нас ведь главное — предъявить обвинение, а там, будь человек сто раз невиновен, все равно осудят.

— Но Вернер Рус как раз виновен, — возразил Бульдозер.

— А что с Мауритсоном будем делать? — поинтересовался Гюнвальд Ларссон.

— Отпустим, что же еще, — рассеянно ответил Бульдозер. — Он свою роль сыграл, с него больше нечего спросить.

— Так уж и нечего, — усомнился Гюнвальд Ларссон.

— Следующая пятница, — мечтательно произнес Бульдозер. — Подумать только, что нас ждет.

— Вот именно, только подумать, — кисло повторил Колльберг.

Зазвонил телефон: ограбление банка в Веллингбю.

Оказалось, ничего интересного. Игрушечный пистолет, вся добыча — пятнадцать тысяч. Злоумышленника схватили через час, когда он, еле держась на ногах, раздавал деньги прохожим в парке Хюмлегорден. За этот час он успел напиться пьяным и купить сигару, да еще, в довершение всего, получил пулю в ногу от не в меру усердного постового.

С этим делом спецгруппа разобралась, не покидая штаба.

Рённ направился в свой кабинет.

За его столом сидел человек, которого он очень давно не видел.

Мартин Бек.

XX

Окно кабинета Эйнара Рённа в штабе уголовной полиции на Кунгсхольмсгатан выходило во двор, открывая хозяину вид на огромный котлован. Постепенно из этой ямы вырастет роскошное новое здание ЦПУ. От ультрасовременного колосса в сердце Стокгольма полиция протянет свои щупальца во все стороны и крепко стиснет ими незадачливых граждан. Ведь не все же могут уехать за границу и не каждый способен покончить с собой.

Новое здание должно служить олицетворением силы и власти. Облегчить централизованное управление в тоталитарном духе, а заодно стать крепостью, твердыней, закрытой для посторонних глаз. Роль посторонних отводилась в этом случае всему народу.

И еще один важный мотив: над шведской полицией в последнее время много смеялись. Слишком много. Теперь смеху будет положен конец.

Впрочем, все это пока не выходило за пределы сокровенных чаяний, лелеемых кучкой людей. И то, что при благоприятных политических зигзагах могло трансформироваться в средоточие ужаса и кошмара, пока что было всего лишь огромной ямой в каменистой почве острова Кунгсхольмен.

И по-прежнему из окна Рённа можно было созерцать верхнюю часть Бергсгатан и пышную зелень Крунубергского парка.

Мартин Бек встал с кресла и подошел к окну. Ему было видно даже окно той самой квартиры,

где Карл Эдвин Свярд так долго пролежал мертвый и всеми забытый.

— Прежде чем стать специалистом по банковским налетам, ты расследовал один смертный случай. Фамилия покойного — Свярд.

Рённ смущенно улыбнулся.

— Специалистом... Не сглазь!

Рённ был человек как человек, но в характере ничего общего с Мартином Беком, поэтому сотрудничество у них не ладилось.

— А насчет Свярда ты прав, — продолжал он. — Я как раз занимался этим делом, когда меня отрядили в распоряжение специальной группы.

— Отрядили в распоряжение?

— Ну да, направили в спецгруппу.

Мартин Бек поморщился. Сам того не замечая, Рённ сбивается на военный жаргон... Два года назад в его речи не было словечек вроде «отрядили в распоряжение»...

— Хорошо, а к какому выводу ты пришел?

Рённ помял свой красный нос и пробурчал:

— Я не успел копнуть как следует. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что поручили это дело мне. Своего рода трудовая терапия.

— Ну да.... Дурацкое дело. Совсем как в детективном романе. Убитый старик в комнате, которая заперта изнутри. А тут еще...

Рённ умолк, словно чего-то устыдился.

— Да говори же, что еще?

— Да нет, просто Гюнвальд сказал, что для начала мне следовало бы арестовать самого себя.

— Это почему же?

— В качестве подозреваемого. Да ты погляди — видишь? Дескать, я мог сам застрелить его отсюда, из окна моего кабинета. Каково?

Мартин Бек не ответил, и Рённ окончательно смешался.

— Да нет, это он пошутил, конечно. И ведь окно Свярда было закрыто изнутри. И штора опущена, и стекло целое. К тому же...

— Ну, что к тому же?

— К тому же я никудышный стрелок. Один раз с восьми метров промахнулся по лосю. После того отец не давал мне ружья. Только термос доверял, водку да бутерброды. Так что...

— Что?

— Да ведь тут двести пятьдесят метров. Если я с восьми метров по лосю промазал, так неужели попаду по такой цели из пистолета! Ох, ты извини меня, ради бога... Я просто не подумал...

— Что не подумал?

— Да нет, я все время говорю про пистолеты, про стрельбу, а ведь тебе это должно быть неприятно.

— Ничуть. Ну и что же ты все-таки успел сделать?

— Да почти ничего. Провели научно-техническое исследование, но к тому времени там уже столько натоптали... Еще я позвонил в химическую лабораторию, спросил, проверяли руки Свярда на следы пороха или нет. Оказалось, не проверяли. И в довершение всего...

— Ну что?

— Да то, что трупа уже не было. Кремировали. Хорошенькая история. Дознание, называется.

— Ну ладно. А биографией Свярда ты занимался?

— Да нет, не успел. Но я затеял одно дело.

— Какое же?

— Сам понимаешь, если человек убит из пистолета, должна быть пуля. А баллистической экспертизы не провели. Ну, я и позвонил патологоанатому — между прочим, оказалась женщина, — и она сказала, что положила пулю в конверт, а конверт этот куда-то засунула. Словом, халатность на каждом шагу.

— А дальше?

— А дальше она никак не могла найти его, конверт тот. Я ей велел, чтобы непременно разыскала и отправила пулю на баллистическую экспертизу. Ну а потом дело у меня забрали.

Глядя на дома вдали, на Бергсгатан, Мартин Бек задумчиво потер переносицу.

— Послушай, Эйнар, — сказал он. — А что ты лично думаешь об этом случае? Твое частное мнение?

В полиции личное и частное мнение о следственных делах обсуждается только между близкими друзьями.

Мартин Бек и Рённ никогда не были ни друзьями, ни недругами. Рённ был явно озадачен вопросом Мартина Бека. Наконец он заговорил:

— По-моему, в квартире был револьвер, когда туда вломились постовые.

Почему именно револьвер? Очень просто: гильзу не нашли. Значит, Рённ кое-что соображает. В самом деле: на полу — скажем, под трупом — лежал револьвер. Потом кто-то его забрал.

— Но ведь тогда выходит, кто-то из полицейских неправду говорит?

Рённ уныло покачал головой.

— Да нет... Я сказал бы по-другому — просто они дали маху, а потом решили покрывать друг друга. Допустим, Свярд покончил с собой, и револьвер лежал под трупом. Тогда ни полицейские, ни Гюставссон, которого они вызвали, не могли увидеть его, пока тело оставалось на месте. А когда труп увезли, у них опять же руки не дошли пол проверить.

— Ты знаешь Альдора Гюставссона?

— Знаю. — Рённ заерзал.

— Еще одно дело, Эйнар, — сказал Мартин Бек.

— Какое?

— Важное: ты разговаривал с Кристианссоном и Квастму? Когда я вышел на работу в понедельник, только один из них был на месте, а теперь ни одного застать не могу.

— Ну как же, я обоих вызывал.

— И что они показали?

— То же самое, что написали в донесении, ясное дело. Что с той минуты, когда они взломали дверь, и пока не ушли, в квартире побывало только пятеро.

— То есть, они сами, Гюставссон и двое, которые увезли тело?

— Точно так.

— Ты, конечно, спросил, смотрели ли они под трупом?

— Конечно. Квастму сказал, что смотрел. А Кристианссон предпочел держаться подальше.

Мартин Бек продолжал нажимать.

— И, по-твоему, Квастму сказал неправду?

Рённ замялся.

«Сказал ведь «а», — подумал Мартин Бек, — так не тяни, говори «б»!»

Рённ потрогал пластырь на лбу.

— Недаром мне говорили, что не дай бог попасть к тебе на допрос.

— А что?

— Да ничего, только похоже, что верно говорили.

— Извини, но, может быть, ты все-таки ответишь на мой вопрос?

— Я не специалист по свидетельской психологии, — сказал Рённ. — Но мне показалось, что Квастму говорил правду.

— У тебя концы с концами не сходятся, — холодно заметил Мартин Бек. — С одной стороны, ты допускаешь, что в комнате был револьвер, с другой стороны, считаешь, что полицейские говорили правду.

— А если другого объяснения нет, тогда что?

— Не сердись, Эйнар, я ведь тоже верю Квастму.

— Но ты же с ним не разговаривал, сам сказал, — удивился Рённ.

— Ничего подобного я не говорил. Я беседовал с Квастму во вторник. Но у меня в отличие от тебя не было случая расспросить его по-человечески, в спокойной обстановке.

Рённ надулся.

— Нет, с тобой и вправду тяжело говорить.

Он выдвинул средний ящик стола и достал блокнот. Полистал его, вырвал листок и протянул Мартину Беку.

— Вот держи — может, пригодится, — сказал он. — Ведь Свярд совсем недавно переехал сюда, на Кунгсхольмен. Я выяснил, где он жил прежде. Но тут дело ушло от меня. На, держи.

Мартин Бек поглядел на бумажку. Фамилия, номер дома, название улицы — Тюлегатан.

— Спасибо, Эйнар.

Рённ промолчал.

— Пока.

Рённ кивнул.

Мартин Бек покинул кабинет и вышел из здания уголовной полиции. Быстро шагая по Кунгсхольмсгатан, он дошел до Королевского моста, пересек пролив, по Кунгсгатан вышел на Свеавеген и повернул налево.

Улучшить отношения с Рённом было бы совсем нетрудно: сказать ему доброе слово, похвалить.

Что ни говори, Рённ тотчас уразумел, что под трупом мог лежать револьвер, — обстоятельство крайне существенное. Точно ли Квастму осмотрел пол после того, как увезли тело? И ведь строго говоря, если он этого не сделал, какой с него спрос? Обыкновенный постовой, а тут появляется Гюставссон, он старше чином, он криминалист, так что его категорические выводы снимали ответственность с полицейских.

А если Квастму не осмотрел пол, это в корне меняет дело. После того как тело увезли, полицейские опечатали квартиру и уехали. Но что означало в данном случае «опечатать квартиру»?

Ведь для того чтобы проникнуть внутрь, пришлось снять дверь с петель, причем еще до этого над ней крепко поработали. В итоге опечатывание свелось к тому, что полицейские протянули веревочку от косяка до косяка и повесили стандартную бумажку, возвещающую, что вход воспрещен согласно такому-то параграфу. Пустая формальность, при желании кто угодно мог без труда проникнуть внутрь. И унести что-нибудь — например, огнестрельное оружие.

Но тут возникают два вопроса. Во-первых, получается, что Квастму намеренно солгал и притом так искусно, что убедил не только Рённа, но и самого Мартина Бека. А ведь Рённ и Мартин Бек отнюдь не новички, им не так-то просто заморочить голову. Во-вторых, если Свярд застрелился сам, зачем кому-то понадобилось прятать оружие? В этом нет никакого смысла. Как и в том, что покойник лежал в комнате, которая была надежно заперта изнутри и в которой к тому же не найдено оружия.

Судя по всему, у Свярда не было близких родственников. Известно также, что он ни с кем не водил компаний. Но если у него не было даже знакомых, кому на руку его смерть?

В общем надо выяснить целый ряд вопросов. И в частности, проверить еще одну деталь, связанную с событиями, которые происходили в воскресенье 18 июня. Но прежде всего необходимо побольше узнать о Карле Эдвине Свярде.

На листке, полученном от Рённа, помимо адреса, была фамилия. «Квартиросдатчик: Рея Нильсен».

Кстати, вот и нужный ему дом. Взглянув на доску с перечнем жильцов, он убедился, что хозяйка дома проживает тут же.

Мартин Бек поднялся на третий этаж.

XXI

Серый фургон, никаких особых примет, если не считать номерные знаки... Люди, работающие на этом фургоне, были одеты в комбинезоны примерно такого же цвета, как машина, и ничто в их внешности не выдавало их занятия: то ли слесари-ремонтники, то ли работники одной из муниципальных служб.

Мартин Бек не застал хозяйку дома на Тюлегатане, зато тут ему повезло. Два труженика в серых комбинезонах сидели возле своего «фольксвагена» и тянули пиво, не обращая внимания на едкий запах дезинфекции и еще на один аромат, которого никакая химия на свете не может истребить.

Задняя дверца машины была, естественно, открыта, поскольку кузов старались проветривать при каждом удобном случае.

В этом прекрасном городе двое в комбинезонах исполняли специфическую и весьма важную функцию. Их повседневная работа заключалась в том, чтобы переправлять самоубийц и иных малопочтенных покойников из домашней обстановки в другую, более подходящую.

Подобно многим другим, кому приходится исполнять не самые приятные обязанности, водитель фургона и его напарник относились к своей работе с завидным хладнокровием и нисколько не преувеличивали собственной роли в механизме так называемого процветающего общества. О делах службы толковали преимущественно лишь между собой, ибо давно убедились, что большинство слушателей воспринимает эту тему весьма и весьма негативно, особенно когда соберутся веселые собутыльники или подруги жизни пригласят одна другую на чашку кофе.

С сотрудниками полиции они общались каждый день, однако все больше с рядовыми детективами.

Так что внимание комиссара полиции, который к тому же удосужился лично прийти, было для них даже отчасти лестным.

Тот, который побойчее, вытер губы рукой и сказал:

— Ну как же, помню. Бергсгатан — точно?

— Совершенно верно.

— Вот только фамилия мне ничего не говорит. Как вы сказали — Скат?

— Свярд.

— Мимо. Нам ведь фамилии ни к чему.

— Понятно.

— К тому же это было в воскресенье, а по воскресеньям нам особенно жарко приходится.

— Ну а полицейского, которого я назвал, не помните? Кеннет Квастму?

— Мимо. Фамилии для меня звук пустой. А вообще-то фараон там стоял, все наблюдал за нами.

— Это когда вы тело забирали?

— Во-во, когда забирали. Мы еще решили, что этот, видно, матерый.

— В каком смысле?

— Так ведь фараоны бывают двух родов. Одних тошнит, другим хоть бы что. Этот даже нос не зажал.

— Значит, он стоял там все время?

— Ну да, я же говорю. Небось следил, насколько добросовестно мы исполняем свои обязанности...

Его товарищ усмехнулся и хлебнул пива.

— Еще один вопрос, последний.

— Валяйте.

— Когда вы поднимали тело, под ним ничего не лежало?

— А что там могло лежать?

— Пистолет, скажем. Или револьвер... Мне важно знать, не было ли на полу под покойником какого-нибудь оружия?

— Ничегошеньки. И ведь полицейский тут же стоял, глаз не сводил. Он еще остался там, когда мы уложили клиента в цинковый ящик и отчалили. Точно, Арне?

— Как в аптеке.

— Вы абсолютно уверены?

— Сто пятьдесят процентов. Под этим клиентом ничего не лежало, кроме отборной коллекции циномия мортуорум.

— Это еще что такое?

— Трупные черви.

— Значит, уверены.

— Чтоб мне провалиться.

— Спасибо, — сказал Мартин Бек.

И ушел. После его ухода разговор еще некоторое время продолжался.

— Здорово ты его уел, — сказал Арне.

— Чем?

— Да этим греческим названием. А то ведь эти шишки думают, что все остальные только на то и годятся, что тухлых жмуриков возить.

Зазвонил телефон. Арне взял трубку, буркнул что-то и повесил трубку на место.

— Черт бы его побрал, — сказал он. — Опять висельник.

— Что поделаешь, — скорбно вздохнул его коллега. — Се ля ви.

— Не люблю висельников, честное слово. Что ты там опять загнул?

— Да ничего, поехали.

Похоже было, что Мартин Бек изучил весь фактический материал, касающийся странного самоубийства на Бергсгатан. Во всяком случае, он достаточно четко представлял себе, что сделано полицией. Оставалось еще одно важное дело: разыскать заключение баллистической экспертизы, если таковая вообще производилась. О самом Свярде он по-прежнему знал очень мало, хотя и принял меры, чтобы собрать сведения.

Бурные события среды совершенно не коснулись Мартина Бека. Он ничего не слышал о банковских налетах и о невзгодах спецгруппы. Побывав во вторник в квартире Свярда, он сперва отправился в уголовную полицию. Там все были поглощены своими проблемами, всем было некогда. Тогда он прошел в здание ЦПУ. И сразу услышал в кулуарах слух, который сперва показался ему просто смешным. Но поразмыслив, он расстроился.

Кажется, его намерены повысить. Повысить? И куда же его назначат?.. Начальником канцелярии? Заместителем начальника ЦПУ по вопросам быта и гигиены?

Звание комиссара полиции ему присвоили недавно, в 1967 году, и он вовсе не рассчитывал на дальнейшее продвижение по служебной лестнице. Так откуда же этот слух? Должны быть какие-то резоны. Какие?

Мартин Бек мог представить себе два мотива.

Первый: его хотят выжить с поста начальника отдела расследования убийств. Так сильно хотят, что готовы придать ему ускорение вверх по бюрократической лестнице — самый распространенный способ отделываться от нежелательных или откровенно не-

радивых должностных лиц. Второй мотив казался ему более правдоподобным. К сожалению, он и более унизителен для обеих сторон. Пятнадцать месяцев назад Мартин Бек едва не приказал долго жить. Он единственный в современной истории шведской полиции высокий чин, раненный пулей злоумышленника. Случай этот вызвал много шума, и поведение Мартина Бека изображали как подвиг. Дело в том, что у полиции по вполне естественным причинам острый дефицит героев, а посему заслуги Мартина Бека раздували сверх всякой меры.

Итак, полицейское сословие обзавелось своим героем. А как отметить героя? Медаль он успел получить еще раньше. Значит, его надо хотя бы повысить!

У Мартина Бека было вдоволь времени, чтобы анализировать события злополучного апрельского дня 1971 года, и он уже давно пришел к выводу, что действовал неправильно не только в моральном, но и в чисто профессиональном смысле. И он отлично понимал, что задолго до него к такому же выводу пришли многие его коллеги. Он схватил пулю из-за собственной дурости. И за это его теперь собираются назначить на более высокую и ответственную должность.

Весь вечер вторника он размышлял об этом казусе, но, как только в среду пришел в кабинет на Вестберга алле, всецело переключился на дело Свярда. Сидя в одиночестве за своим столом, он с холодной и неумолимой систематичностью прорабатывал материалы следствия.

И в какой-то момент поймал себя на мысли, что, пожалуй, это для него в общем-то самый подходящий вариант: работать над делом в одиночку, привычными методами, без помех со стороны. Он всегда был склонен к уединению, а теперь и вовсе начал превращаться в отшельника и не ощущал стремления вырваться из окружающей его пустоты. В глубине души он чувствовал, что ему чего-то недостает. Чего именно? Может быть, подлинной увлеченности.

Этак недолго стать роботом, функционирующим под колпаком из незримого стекла...

Дело, которым Мартин Бек сейчас занимался, не задевало его профессиональное самолюбие. В его отделе процент успешного расследования был высок; во многом благодаря тому, что дела чаще всего были несложные, виновные быстро сдавались и признавали свою вину.

К тому же отдел расследования убийств был неплохо оснащен техникой. В этом его превосходила только полиция безопасности, в существовании которой было мало смысла, ведь она по-прежнему занималась преимущественно учетом коммунистов, упорно закрывая глаза на разного рода фашистские организации, и, чтобы не остаться совсем без дела, ей приходилось измышлять несуществующие политические преступления и мнимые угрозы для безопасности страны. Результат был смехотворный. Однако полиция безопасности представляла собой тактический резерв для борьбы против нежелательных идейных течений, и нетрудно было представить себе ситуации, когда ее деятельность станет отнюдь не смехотворной...

Конечно, случались осечки и у отдела расследования убийств, бывало, что следствие заходило в тупик, и в архив ложилось нераскрытое дело. Причем нередко и злоумышленник был известен, да не хватало улик. Так уж бывает: чем примитивнее насильственное преступление, тем скуднее доказательства.

Дело Свярда было куда необычнее; Мартин Бек не помнил ничего похожего в своей практике. Казалось бы, это должно его подхлестнуть, но он равнодушно относился к загадкам и не испытывал ни малейшего азарта. К тому же исследование, которое он провел в среду, сидя в своем кабинете, почти ничего не дало. Данные о покойном, почерпнутые из обычных источников, оказались слишком скудными.

В уголовной картотеке Карл Эдвин Свярд не значился, но из этого вытекало только то, что он никогда не привлекался к суду, а мало ли преступников благополучно уходят от карающей руки правосудия? Не говоря уже о том, что закон сам по себе призван охранять сомнительные интересы определенных классов, и пробелов в нем больше, чем смысла.

Судя по тому, что карточка Свярда в ведомстве контроля была чиста, он не был алкоголиком, ибо власти пристально следят за тем, сколько спиртного покупают такие люди, как Свярд. В Швеции, когда пьет буржуазия, это называется «умеренным потреблением спиртных напитков», а простой люд сразу зачисляют в разряд алкоголиков, нуждающихся в лечении. И оставляют без лечения.

Свярд всю жизнь был складским рабочим; в последнее время работал в экспедиционной фирме. Он жаловался на боли в спине — обычный для его профессии недуг — и в пятьдесят шесть лет получил инвалидность. После чего, судя по всему, перебивался, как мог, на пенсию, пополнив собой ряды тех членов общества, для блага которых на прилавках продуктовых магазинов отводится так много места банкам с собачьим и кошачьим кормом.

Кстати, в кухонном шкафу Свярда только и нашли съестного что наполовину опустошенную банку с надписью «Мяу».

Вот и все, что Мартину Беку удалось выяснить в среду. Если не считать еще кое-каких малозначительных фактов.

Свярд родился в Стокгольме, его родители скончались в сороковых годах, он никогда не был женат и не имел детей.

За помощью в органы социального обеспечения не обращался. В фирме, где он работал до ухода на пенсию, его никто не помнил. Врач, который подписал заключение об инвалидности, отыскал в своих бумагах записи о том, что пациент не способен к физическому труду и слишком стар, чтобы освоить новую профессию. К тому же сам Свярд заявил врачу, что его не тянет больше работать, он не видит в этом никакого смысла.

Может быть, и выяснять, кто его убил и зачем, тоже нет никакого смысла. К тому же способ убийства настолько непонятен, что, похоже, надо сперва отыскать убийцу и спросить его, как было дело...

Но это все было в среду, а в четверг, примерно через час после беседы с водителем фургона, Мартин Бек снова подошел к дому на Тюлегатан.

Рабочий день кончился, но ему не хотелось идти домой. Он опять поднялся на третий этаж и остановился перевести дух. Еще раз прочел надпись на овальной табличке. На белой эмали зеленые буквы: «Рея Нильсен».

Электрического звонка не было, но на притолоке висел шнур. Мартин Бек дернул его и стал ждать. Колокольчик послушно звякнул. Но никто не реагировал на его зов.

Дом был старый, и через вставленные в створки ребристые стекла Мартин Бек видел свет в прихожей. Значит, дома кто-то есть. Выждав немного, он снова дернул шнур. На этот раз после звонка послышались торопливые шаги, и за стеклом возник чей-то силуэт.

У Мартина Бека давно выработалась привычка первым делом составлять себе общее представление о людях, с которыми его сталкивала служба. Или, выражаясь профессиональной прозой, регистрировать приметы.

Женщине, которая открыла дверь, на вид было не больше тридцати пяти, но что-то подсказывало ему, что на самом деле ей около сорока. Рост невысокий, что-нибудь около метра пятидесяти восьми. Плотное телосложение, но не коренастая, а скорее стройная и подтянутая.

Лицо энергичное, не совсем пропорциональное; строгие голубые глаза смотрели на него в упор, обличая человека решительного, с боевым характером. Волосы светлые, прямые, коротко остриженные; в данную минуту — мокрые и не расчесанные. Он уловил приятный запах какого-то шампуня.

Одета она была в белую блузку и поношенные джинсы, цвет которых свидетельствовал, что они не один десяток раз побывали в стиральной машине. Блузка на плечах влажная.

Так... Плечи сравнительно широкие, бедра узкие, загорелые руки покрыты светлым пушком. Босая. Ступня маленькая, пальцы прямые, как у людей, предпочитающих носить свободную обувь, а то и вовсе обходиться без обуви.

Мартин Бек поймал себя на том, что рассматривает ее ноги с таким же профессиональным вниманием, с каким привык штудировать следы крови и трупные пятна, и перевел взгляд на ее лицо.

Глаза пытливые, брови чуть нахмурены...

— Я мыла голову, — сказала она.

Голос был несколько хриплый то ли от простуды, то ли от курения, то ли просто от природы.

Он кивнул.

— Я кричала: «Войдите!» Два раза кричала. Дверь не заперта. Когда я дома, обычно не запираю. Разве что отдохнуть захочется. Вы не слышали, как я кричала?

— Нет. Вы — Рея Нильсен?

— Да. А вы из полиции?

Мартин Бек не жаловался на смекалку, но сейчас он, похоже, встретил человека, способного дать ему несколько очков вперед. В один миг она верно классифицировала его и к тому же, судя по выражению глаз, уже составила себе общее представление о нем. Какое именно?

Разумеется, это легко объяснить тем, что она ждала гостей из полиции... Нет, не похоже.

Мартин Бек полез в бумажник за удостоверением. Она остановила его:

— С меня достаточно, если вы представитесь. Да входите, ради бога. Насколько я понимаю, вы хотите о чем-то спросить. И предпочитаете разговаривать не на лестнице. Я тоже.

Мартин Бек опешил, самую малость, что с ним бывало крайне редко.

Хозяйка круто повернулась и пошла, ему оставалось только следовать за ней.

С одного взгляда трудно было разобраться в планировке квартиры, но он обратил внимание на то, что комнаты обставлены со вкусом старой, хотя и разномастной мебелью.

Приколотые кнопками детские рисунки свидетельствовали, что хозяйка живет не одна. Кроме этих рисунков, стены украшали живопись, графика, старые фотографии в овальных рамках, а также вырезки из газет и плакаты, в том числе два с портретами видных коммунистических деятелей. Много книг — и не только на полках, внушительная коллекция пластинок, стереопроигрыватель, две старые, хорошо послужившие пишущие машинки, стопки газет и соединенных скрепками бумаг, смахивающих на полицейские донесения. Скорее всего курсовые задания; следовательно, хозяйка учится заочно.

Они миновали детскую; судя по царившему в ней порядку, обитатели этой комнаты находились в отлучке.

Что же, лето есть лето, дети более или менее обеспеченных родителей отдыхают в деревне, подальше от зачумленного города.

Она оглянулась на него через плечо — без особой приязни — и сказала:

— Ничего, если потолкуем на кухне? Или вас это не устраивает? — Голос не ласковый, но и не враждебный.

— Сойдет.

Они вошли на кухню.

— Тогда присаживайтесь.

Шесть стульев — все разные и все ярко окрашенные — окружали большой круглый стол. Мартин Бек сел на один из них.

— Одну минуточку, — сказала хозяйка.

В ее поведении сквозила какая-то нервозность, но Мартин Бек чувствовал, что он тут ни при чем, просто такой у нее характер. Возле плиты на полу стояли красные деревянные башмаки. Она сунула в них ноги и, громко топая, вышла из кухни.

Раздался какой-то стук, загудел электромотор.

— Вы еще не представились, — услышал он ее голос.

— Бек. Мартин Бек.

— Значит, в полиции служите?

— Да.

— Где именно?

— Уголовная полиция.

— Жалованье по двадцать пятому классу?

— По двадцать седьмому.

— Ишь ты. Недурно.

— Еще бы.

— А чин какой?

— Комиссар.

Мотор продолжал жужжать; знакомый звук... Он уже сообразил, чем она занята: пылесосом сушит волосы.

— Рея, — представилась она.— Да вы и так знаете. И на двери написано.

Кухня, как во многих старых домах, была просторная, кроме обеденного стола, в ней разместились газовая плита, рабочий столик, холодильник, двухкамерная мойка да еще осталось вдоволь свободного места. На полке, над рабочим столиком, стояли горшки и кастрюли; ниже полки на гвоздях висели пучки полыни и чабреца, гроздья рябины, сушеные опята и сморчки и три длинные плети чеснока. Этот набор был не так уж необходим в хозяйстве, но распространял приятный аромат и вызывал ощущение домовитости. Правда, полынь и рябина хороши для настоек, а чабрец — недурная приправа к гороховому супу. Грибы тоже неплохо, если знаешь, как их приготовить. А вот чеснок явно висел для красоты, ибо такого количества хватило бы на целую жизнь.

Хозяйка вышла на кухню, расчесывая волосы, и перехватила его взгляд:

— Это против клопов.

— Чеснок?

— Ну да. Вы не ходите в кино? На все случаи жизни ответ дает.

Влажную блузку сменила какая-то бирюзовая безрукавка, смахивающая на нижнюю рубашку.

— Полицейский, значит, — сказала она. — Комиссар уголовной полиции.

Слегка нахмурясь, она испытующе посмотрела на него.

— Вот уж не думала, что чиновники двадцать седьмого класса самолично посещают клиентов.

— Верно, обычно они этого не делают, — согласился он.

Она села, но тотчас встала опять.

«Ладно, пора приступать к делу» — подумал Мартин Бек.

— Если я вас правильно понял, вы не очень одобрительно относитесь к полиции, — начал он.

Ее глаза скользнули по нему.

— Точно. Не припомню случая, чтобы мне когда-нибудь была от нее польза. И не только мне. Зато знаю многих, кому она причинила неприятности, даже страдания.

— В таком случае постараюсь не слишком обременять госпожу Нильсен.

— Рея, — сказала она. — Все зовут меня Рея.

— Если не ошибаюсь, этот дом принадлежит вам?

— Мне. Получила в наследство несколько лет назад. Но для полиции здесь нет ничего интересного. Ни наркоманов, ни игроков, даже проституток и воров нет.

Она помолчала.

— Разве что небольшая подрывная деятельность ведется. Крамольные мысли. Но ведь вы не из политической полиции.

— Вы уверены?

Она вдруг рассмеялась — от души, заразительно.

— Я не совсем дура.

«Да уж это верно», — сказал себе Мартин Бек.

— Вы правы, — продолжал он

вслух. — Я занимаюсь по большей части насильственными преступлениями. Намеренные и ненамеренные убийства.

— Чего нет, того нет. За последние три года даже ни одной драки не было. Правда, зимой кто-то взломал дверь на чердак и утащил разный хлам. Пришлось обратиться в полицию, страховые компании этого требуют. Из полиции никто не пришел — им некогда было, но страховку я получила. Главное — формальность соблюсти. — Она почесала затылок. — Ну так что тебе надо?

— Потолковать об одном из жильцов.

— Из моих жильцов?

Она нахмурилась. В интонации, с которой было произнесено слово «мои», сквозило удивление и беспокойство.

— Из бывших жильцов, — пояснил он.

— В этом году только один переехал.

— Свярд.

— Правильно, жил у меня один по фамилии Свярд. Переехал весной. А что с ним?

— Умер.

— Его убили?

— Застрелили.

— Кто?

— Возможно, самоубийство. Но мы в этом не уверены.

— Послушай, а нельзя нам разговаривать как-нибудь попроще?

— Пожалуйста. Что вы подразумеваете? Чтобы я тоже перешел на «ты»?

Она пожала плечами.

— Терпеть не могу официальный тон в разговоре. Нет, конечно, я могу быть весьма корректной, если это необходимо. А могу и пококетничать — принарядиться, подкрасить губы, оттенить глаза.

Мартин Бек слегка растерялся.

— Чаю хочешь? — вдруг предложила она.— Отличная штука — чай.

Ему очень хотелось чая, но он ответил:

— Нет-нет, зачем же столько хлопот.

— Пустяки,— возразила она.— Вздор. Погоди-ка, сейчас будет чай, и поесть что-нибудь придумаю.

От ее слов у него сразу разыгрался аппетит. Она продолжала говорить, предваряя его отказ:

— От силы десять минут. Я постоянно что-нибудь стряпаю. Уже руку набила. Это даже полезно. Нельзя поддаваться унынию. Когда на душе очень погано, приготовь что-нибудь вкусненькое. Вскипячу чайник, хлеба поджарю, потом можно и потолковать.

Мартин Бек понял, что отказываться бесполезно. Видно, эта маленькая женщина не лишена упрямства и силы воли, умеет на своем настоять.

— Спасибо, — покорно произнес он.

Она уже действовала. С шумом, с грохотом, зато толково и быстро.

Мартин Бек никогда еще не видел такой сноровки, во всяком случае, в Швеции.

Семь минут ушло у нее на то, чтобы приготовить чай и шесть ломтей поджаренного хлеба с тертым сыром и кружками помидора. Пока она молча трудилась, Мартин Бек пытался сообразить, сколько же ей все-таки лет.

Садясь напротив него, она сказала:

— Тридцать семь. Хотя кажусь моложе.

Мартин Бек оторопел.

— Как ты угадала...

— А что, ведь верно угадала? — перебила она. — Ешь.

Бутерброды были очень вкусные.

— Я вечно голодная, — объяснила Рея. — Ем десять, а то и двенадцать раз в день. И ни капельки не толстею. А хоть бы и потолстела. Несколько килограммов больше или меньше ничего не меняют. Во всяком случае, я не меняюсь. Правда, если не поем, огрызаться начинаю.

Она живо управилась с тремя бутербродами. Мартин Бек съел один, подумал и взял второй.

— Похоже, ты не очень лестного мнения о Свярде, — сказал он.

— Что верно, то верно.

Они понимали друг друга с полуслова. И оба почему-то считали это вполне естественным.

— У него был какой-нибудь заскок?

— Вот именно, — подтвердила Рея, — с причудами мужчина, большой оригинал. Я никак его не могла раскусить и была счастлива, когда он переехал. А что же с ним все-таки приключилось?

— Его нашли в его квартире восемнадцатого июня. Минимум полтора месяца пролежал мертвый, если не два.

Она поежилась.

— Кошмар. Пожалуйста, не надо подробностей. Я слишком впечатлительна, чтобы всякие ужасы слушать. Потом еще приснится...

Он хотел сказать, что она может быть спокойна, но понял, что в этом нет надобности, тем более что она уже продолжала:

— Одно могу сказать тебе точно.

— Что именно?

— В моем доме ничего подобного не случилось бы.

— Это почему же?

— Потому что я бы этого не допустила.

Она подперла левой ладонью подбородок. У нее был довольно крупный нос, руки крепкие, ногти острижены. Глаза строго смотрели на Мартина Бека.

Вдруг она поднялась и подошла к полке. Покопалась, отыскала спички, сигареты и закурила, сильно затягиваясь.

Потом потушила сигарету, съела еще один бутерброд и откинулась на спинку стула, понурив голову и положив локти на колени. Наконец, подняла взгляд на Мартина Бека:

— Может быть, я не упасла бы его от смерти, но, во всяком случае, он не пролежал бы так два месяца. И двух дней не пролежал бы.

«Да уж наверно», — сказал себе Мартин Бек.

— Квартиросдатчики в этой стране, — продолжала Рея, — последняя сволочь. Что поделаешь, наш строй поощряет эксплуатацию.

Мартин Бек прикусил нижнюю губу. Он ни с кем не делился своими политическими взглядами и вообще избегал разговоров с политической окраской.

— Что, не надо о политике? — спросила она. — Ладно, не будем ее трогать. Но так уж вышло, что я сама оказалась в числе квартиросдатчиков. Чистая случайность — наследство... Кстати, дом совсем неплохой, но, когда я сюда переехала, жуть что было, крысиная нора, да и только. Мой дорогой родитель за последние десять лет, наверно, ни одной перегоревшей лампочки не сменил, ни одного стекла не вставил. Сам-то он жил в другом конце города и только об одном заботился: собирать квартплату да вышибать жильцов, которые не могли заплатить вовремя. Потом превратил квартиры в общежития для иностранцев и прочих, кому некуда деться. И драл с них втридорога, благо у них не было выбора. Таких сквалыг в городе хватает.

Кто-то отворил наружную дверь и вошел, но Рея никак не реагировала.

Продолжение следует

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЁВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

В дверях кухни появилась девушка в рабочем халате, с узелком в руке.

— Привет, — поздоровалась она. — Можно воспользоваться стиральной машиной?

— Конечно.

— Ингела только что въехала, — объяснила Рея. — В ту самую квартиру, где Свярд жил.

Она повернулась к девушке с узелком:

— Как тебе квартира нравится?

— Здорово. Только уборная опять барахлит.

— Чтоб ее. Завтра утром позвоню водопроводчику.

— А так все в полном порядке. Да, знаешь...

— Что?

— У меня стирального порошка нет.

— Возьми за ванной.

— И денег ни гроша.

— Ничего. Возьми на полкроны, потом отработаешь — скажем, запрешь подъезд на ночь.

— Спасибо.

Девушка вышла, Рея закурила новую сигарету.

— Да, вот тебе один ребус... Квартира хорошая, я ее ремонтировала два года назад. Свярд платил всего восемьдесят крон в месяц. И все-таки переехал.

— Почему?

— Не знаю.

— Поругались?

— Что ты. Я с жильцами не ругаюсь. А зачем ругаться? Конечно, у каждого своя блажь. Но это только занятно.

Мартин Бек промолчал. Он отдыхал душой. И чувствовал, что наводящие вопросы просто не нужны.

— А самое странное с этим Свярдом — четыре замка поставил. Это в таком доме, где люди запираются только в тех случаях, когда не хотят, чтобы их беспокоили. А как собрался переезжать, отвинтил все замки, цепочки, задвижки и взял с собой. Надежно был защищен — не хуже нынешних девочек.

— Это ты в переносном смысле?

— Ну конечно. Нынешним девчонкам нечего бояться, вон сколько средств придумано. А как я дрожала — вдруг попадусь! Постой, о чем мы говорили?

Мартин Бек рассмеялся. И сам удивился, но факт оставался фактом: он смеялся.

— Мы говорили о дверях Свярда.

— Ну да. А ты, оказывается, умеешь смеяться. Вот уж не ожидала. Я думала, ты давно разучился.

— Может, я сегодня просто не в духе.

— Правда, я только в шестнадцать лет влюбилась по-настоящему. Но в наше время все было иначе: дескать, ни к чему нищих плодить.

Она смяла сигарету и деловито заметила:

— Я слишком много говорю, кошмар. Вечная история. И это только один из моих недостатков. Хотя пороком это не назовешь... А ты как считаешь, это серьезный порок, если человек любит поговорить?

Он отрицательно покачал головой. Рея поскребла затылок и продолжала:

— А что, Свярд так и не расстался со своими замками?

— Нет.

Она тряхнула головой и сбросила деревянные башмаки. Уперлась пятками в пол и свела вместе большие пальцы.

— Чего не понимаю, того не понимаю. Или это у него мания такая была? Иногда я даже беспокоиться начинала. У меня ведь ко всем дверям запасные ключи. Мало ли что. В доме много стариков. Вдруг кто-то из них заболеет, надо помочь. Как без ключа в квартиру попадешь? Но ведь никакой ключ не поможет, когда человек вот так забаррикадируется. А Свярд был уже в летах...

В ванной что-то загудело, и Рея крикнула:

Продолжение. Начало в № 6—9.

— Тебе помочь, Ингела?

— Да... если можно.

Она вышла, через несколько минут вернулась и сообщила:

— Теперь все в порядке. Кстати, о возрасте: ведь мы с тобой почти ровесники?

Мартин Бек улыбнулся. Он привык к тому, что никто не давал ему пятидесяти лет, от силы сорок пять.

— Да, он не то чтобы очень старый был, — продолжала Рея,— но со здоровьем у него не ладилось. Что-то серьезное было, он считал, что ему недолго жить осталось. Как раз перед тем, как переехать, ложился на исследование. Что ему там сказали, не знаю. В онкологической клинике лежал, а это, насколько я понимаю, нехорошая примета.

Мартин Бек навострил уши. Важная новость! Но тут опять хлопнула наружная дверь, и кто-то громко позвал:

— Рея?

— Здесь я. На кухне.

Вошел мужчина. Увидев Мартина Бека, он остановился, но Рея живо пододвинула ему ногой стул:

— Садись.

Мужчина был молодой, лет двадцати пяти, рост средний, ладное телосложение. Овальное лицо, русые волосы, серые глаза, белые зубы. Одет в клетчатую рубашку, вельветовые брюки и сандалии. В руке он держал бутылку красного вина.

— Вот захватил по дороге.

— А я-то думала сегодня одним чаем обойтись, — сказала Рея. — Ладно. Доставай бокалы. Ставь четыре — Ингела стирает в ванной.

Она нагнулась, поскребла ногтями левую щиколотку, потом сказала:

— Бутылка на четверых — маловато будет. Ничего, у меня кое-что припасено. Возьми одну в шкафчике, с левой стороны. Штопор лежит в верхнем ящике, слева от раковины.

Мужчина выполнил ее указания. Он явно привык подчиняться. Когда он снова сел, Рея представила:

— Надо думать, вы незнакомы? Мартин... Кент.

Они обменялись рукопожатием.

Рея наполнила бокалы и крикнула:

— Ингела, как управишься, тебя тут вино ждет.

Потом озабоченно посмотрела на парня в клетчатой рубашке:

— Какой-то ты кислый сегодня. В чем дело? Опять неудача?

Кент глотнул вина и спрятал лицо в ладонях.

— Рея, куда мне податься?

— Все еще без работы?

— И никакого просвета. Для чего я диплом получал, если мест свободных нет? Нет и, похоже, не будет.

Он потянулся к ней, хотел взять ее за руку, но она недовольно отодвинулась.

— Сегодня мне пришла в голову отчаянная мысль, — продолжал он. — Хочу знать твое мнение.

— Давай выкладывай свою мысль.

— Поступить в полицейское училище. Они всех берут, им не хватает людей. С моим образованием я вполне могу рассчитывать на продвижение, как только научусь бить по морде лиходеев.

— Тебе что, не терпится людей избивать?

— Будто ты не знаешь. Но ведь я могу сделать что-то полезное... Важно освоиться, а там можно попытаться изменить порядки.

— Между прочим, полиция меньше всего с лиходеями воюет, — заметила Рея. — А как ты думаешь кормить Стину и детей, пока будешь учиться?

— Можно занять денег. Я вчера узнавал, когда брал бланки для поступления. Вот, может, посмотришь и скажешь свое мнение. Ты во всем разбираешься.

Он вынул из заднего кармана несколько бланков, проспект и положил на стол.

— Или ты считаешь, что это безрассудная затея?

— Да уж... К тому же вряд ли полиции нужны думающие люди, которые собираются перестраивать ее изнутри. А как у тебя анкета? С точки зрения политики?

— Я состоял одно время в «Кларте», больше ничего не было. А в училище теперь всех принимают, кроме явных коммунистов.

Она задумалась, потом глотнула вина и пожала плечами.

— Что ж, попробуй... Вроде бы несуразная идея, а на деле может оказаться интересно.

— Меня ведь что беспокоит...

Он чокнулся с Мартином Беком.

— Ну что тебя беспокоит? — Голос Реи выдавал ее недовольство.

— Выдержу ли я, вот в чем вопрос. Служба-то какая...

Рея лукаво посмотрела на Мартина Бека; хмурое выражение на ее лице сменилось улыбкой.

— А ты спроси Мартина. Он у нас знаток.

Парень недоверчиво поглядел на Мартина Бека.

— Ты правда смыслишь в этом деле?

— Немного. И могу подтвердить, что полиции позарез нужны хорошие люди. И в проспекте правильно сказано, что служба многогранная, можно специализироваться в разных областях. Если человек, например, увлекается вертолетами, или механизмами, или организационными проблемами, или лошадьми...

Рея хлопнула ладонью по столу так, что бокалы подпрыгнули.

— Хватит чушь городить, — сердито сказала она. — Отвечай честно.

К своему собственному удивлению, Мартин Бек ответил:

— Если вы согласны повседневно общаться с тупицами и чтобы вами помыкали спесивцы, карьеристы или просто идиоты, можно выдержать несколько лет. Главное, не иметь собственного мнения ни по каким вопросам. А потом... потом, глядишь, и сам таким станешь.

— Да, я вижу, ты не любишь полицию, — разочарованно сказал Кент. — Не верю я, что дело обстоит так плохо. Вообще о полиции многие предвзято судят. А ты что скажешь, Рея?

Она рассмеялась — громко, от души.

— Попробуй, — сказала она наконец. — Сдается мне, будет из тебя хороший полицейский. Тем более что кандидатов на это звание, судя по всему, немного. Так что тебе успех обеспечен.

— Ты поможешь мне бланки заполнить?

— Дай ручку.

...Звякнул колокольчик, скрипнула наружная дверь, и кто-то засеменил по коридору. На кухню вошла пожилая женщина.

— У меня что-то телевизор плохо показывает, — пожаловалась она.

— Если антенна виновата, я попрошу Эрикссона завтра проверить ее. Или же придется приемник чинить. Что поделаешь, уже давно стоит. А мы пока одолжим другой у моих друзей, у них есть лишний. Тоже старый, правда. Завтра договорюсь.

— Я сегодня хлеб пекла, вот и вам булку принесла.

— Спасибо, огромное спасибо. Вы не волнуйтесь, все будет в порядке с телевизором.

Рея вернула бланки Кенту и снова пристально посмотрела на Мартина Бека.

— Сам видишь, домовладелец обо всем должен заботиться. Именно должен, да мало кому это по душе. Большинство ловчит, только и думает, на чем выгадать. По-моему, это свинство, я стараюсь все сделать, чтобы жильцам было уютно и чтобы они ладили между собой. Квартиры

привела в порядок, а вот для наружного ремонта денег нет. Повышать квартирную плату тоже не хочется. Но ведь осень на носу, так что никуда не денешься.

У Мартина Бека было удивительно хорошо на душе. Ему не хотелось уходить из этой кухни. К тому же его немного разморило от вина. Как-никак больше года не брал в рот спиртного.

— Постой, — спохватилась она. — Разговор-то у нас о Свярде!

— У него были дома какие-нибудь ценности?

— Какие там ценности... Два стула, стол, кровать, грязный ковер да немного утвари — вот и все его имущество. Одежды — только что на нем. Нет, замки эти явно от помешательства. Всех людей сторонился. Со мной, правда, разговаривал, но только в самых необходимых случаях.

— У меня такое впечатление, что он был совсем нищий.

Рея глубоко задумалась. Наполнила бокал вином, сделала глоток и наконец ответила:

— А вот в этом я не уверена. Болезненно скупой — это да. Конечно, квартплату он вносил вовремя, но каждый раз ворчал. Из-за восьмидесяти-то крон! И насколько мне известно, в магазине брал только собачий корм. Нет, вру — кошачий. Не пил. Расходов у него не было никаких, так что вполне мог бы позволить себе иногда взять немного колбасы, пенсия позволяла. Конечно, многие старики собачьим кормом обходятся, но у них больше уходит на квартиру. Да и то они разрешают себе побаловаться бутылочкой десертного вина. Свярд себе даже приемника не завел. Я читала в курсе психологии про людей, которые ели картофельную кожуру и носили старое тряпье, а в матраце у них были зашиты сотни тысяч крон. Да ты небось знаешь. Изъян в психике, не помню только, как называется.

— Но в матраце Свярда денег не было.

— И он сменил квартиру. Не в его духе поступок. Ведь на новом месте, наверно, приходилось больше платить. Да и на переезд что-то пошло. Вот и пойми его.

Мартин Бек допил вино. Как ни хочется посидеть еще с этими людьми, пора уходить. Зато теперь есть над чем поразмыслить...

— Ну ладно, я пошел. Спасибо. Всего доброго.

— А я собиралась приготовить макароны с мясным соусом. Оставайся?

— Нет, мне надо идти.

Рея пошла проводить его до дверей. Проходя мимо детской, он заглянул туда.

— Совершенно верно, — сказала она, — детей нет дома, они за городом. Я разведена.

Помолчала и спросила:

— Ты ведь тоже?..

— Тоже.

Прощаясь, она сказала:

— Ну пока, приходи еще. Днем я занимаюсь на летних курсах, а вечером, после шести, всегда дома.

Выждала немного и добавила с лукавинкой во взгляде:

— Потолкуем о Свярде.

Он видел по ее лицу, что она раздумывает над тем, как бы его удержать, чем соблазнить — например, макаронами.

Однако она передумала:

— Ну ладно, привет.

— Привет.

Никто из них не сказал «до свидания».

Пока он шагал к дому, стемнело.

Он думал о Свярде.

Он думал о Рее.

И хотя он этого по-настоящему еще не осознал, на душе у него было хорошо. Так хорошо, как давно не было.

XXII

За письменным столом Гюнвальда Ларссона друг против друга сидели двое — хозяин стола и Колльберг. У обоих был задумчивый вид.

На календаре по-прежнему четверг, шестое июля, они только что покинули кабинет Бульдозера Ульссона, предоставив начальнику спецгруппы в одиночестве мечтать о счастливом дне, когда он наконец посадит за решетку Вернера Руса.

— Не пойму я этого Бульдозера, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Неужели он и впрямь собирается отпустить Мауритсона?

Колльберг пожал плечами:

— Похоже на то.

— Ну хоть бы слежку организовал, — продолжал Гюнвальд Ларссон. — Прямой смысл... Или, по-твоему, у Бульдозера припасена какая-нибудь другая гениальная идея?

Колльберг покачал головой:

— Нет, по-моему, тут вот что: Бульдозер решил пожертвовать тем, что ему может дать слежка за Мауритсоном, ради чего-то еще более важного.

— Например? — Гюнвальд Ларссон нахмурил брови. — Разве Бульдозеру не важнее всего накрыть эту шайку?

— Это верно. Но ты задумывался над тем, что никто из нас не располагает такими надежными источниками информации, как Бульдозер? Он знает кучу воров и рецидивистов, и они ему всецело доверяют, потому что он их никогда не подводит, всегда держит слово. Осведомители — главная опора Бульдозера.

— Ты считаешь, что не будет ему ни доверия, ни надежной информации, как только они проведают, что он устроил слежку за стукачом?

— Вот именно, — ответил Колльберг.

— Все равно, по-моему, упускать такой шанс — глупее глупого, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Если незаметно проследить, куда направится Мауритсон, и выяснить, что у него на уме, Бульдозера от этого не убудет.

Он вопросительно посмотрел на Колльберга.

— Ладно, — отозвался тот. — Я и сам не прочь разузнать, что собирается предпринять господин Трезор Мауритсон. Кстати, Трезор — это имя или у него двойная фамилия?

— Собачья кличка, — объяснил Гюнвальд Ларссон. — Может, он иногда под видом собаки орудует?.. Но нам надо поторапливаться, его с минуты на минуту могут отпустить. Кто начинает?

Колльберг посмотрел на свои новые часы, такие же, как те, которые побывали в стиральной машине. Он уже два часа не ел и успел проголодаться. В какой-то книжке он прочел, что одно из правил диеты для тучных — есть понемногу, но часто, — и усердно выполнял вторую половину этого правила.

— Начни ты, — предложил он. — А я буду у телефона, как только тебе понадобится помощь или смена — звони.

Гюнвальд Ларссон встал и застегнул пиджак.

В дверях он обернулся:

— Если Бульдозер будет меня искать, придумай что-нибудь.

Колльберг выдержал еще две минуты, потом спустился в столовую, чтобы расправиться с очередным диетическим блюдом.

Гюнвальду Ларссону не пришлось долго ждать. Через несколько минут на крыльце появился Мауритсон. Подумав немного, он взял курс на Агнегатан. Свернул направо, дошел до Хантверкаргатан и повернул налево. Дойдя до автобусной остановки на площади Кунгсхольмсторг, он остановился.

Гюнвальд Ларссон притаился в подъезде неподалеку.

Он отлично понимал, что перед ним стоит нелегкая задача. При

его росте и массе даже в толпе трудно оставаться незамеченным, а ведь Мауритсон узнает его с первого взгляда. Так что ехать с ним в одном автобусе нельзя... На стоянке такси через улицу ждала свободная машина.

Подошел шестьдесят второй автобус, и Мауритсон сел в него. Гюнвальд Ларссон дал автобусу отойти подальше, чтобы Мауритсон не увидел его из окна, и поспешил к такси.

За рулем сидела молодая женщина с копной светлых волос и живыми карими глазами. Гюнвальд Ларссон показал свое удостоверение и попросил ее следовать за автобусом.

— Как интересно! — сразу загорелась она. — Наверно, за каким-нибудь опасным гангстером гонитесь?

Гюнвальд Ларссон промолчал.

— Понимаю, секрет. Не беспокойтесь, я умею держать язык за зубами.

Но этого она как раз не умела.

— Поедем с таким расчетом, чтобы не обгонять автобус на остановках? — спросила она тут же.

— Вот именно, — процедил Гюнвальд Ларссон. — Только близко не подъезжайте.

— Ясно, чтобы он вас не заметил. Да вы опустите козырек от солнца, и сверху вас никто не разглядит.

Гюнвальд Ларссон послушался. Она поглядела на него с видом заговорщика, увидела перевязанную руку и воскликнула:

— Ой, что это у вас? Наверно, с бандитами сражались?

Гюнвальд Ларссон только крякнул в ответ.

— Да, полицейская служба опасная, — не унималась она. — Но зато и увлекательная! Я сама до того, как за руль сесть, собиралась в полицейские пойти. Лучше всего в детективы, но муж был против.

Гюнвальд Ларссон молчал.

— Да и на такси тоже бывает интересно. Вот как сейчас, например.

Гюнвальд Ларссон криво усмехнулся в ответ на ее сияющую улыбку.

Она старательно выдерживала нужную дистанцию и на редкость хорошо вела машину, за это можно было простить ей болтливость.

Как ни отмалчивался Гюнвальд Ларссон, она успела наговориться всласть, прежде чем Мауритсон наконец сошел с автобуса на Эрик Дальбергсгатан. Кроме него, никто не вышел, и, пока Гюнвальд Ларссон искал деньги, кареглазая блондинка рассмотрела Мауритсона.

— Нисколько не похож на бандита, — разочарованно произнесла она. Получила деньги и быстро выписала квитанцию.

Тем временем Мауритсон пересек улицу и свернул на Армфельтсгатан. Как только он исчез за углом, Гюнвальд Ларссон поспешил вдогонку и увидел, как Мауритсон входит в подъезд.

Подождав немного, Гюнвальд Ларссон вошел следом. Где-то щелкнул замок. Он остановился перед доской с перечнем жильцов.

Фамилия «Мауритсон» сразу бросилась ему в глаза. Он удивленно поднял брови. Так, значит, Филип Трезор Мауритсон живет здесь под своей настоящей фамилией. А на допросах указывал адрес на Викергатан, там он известен как Леннарт Хольм. Ловко устроился... В эту минуту кто-то вызвал лифт, и Гюнвальд Ларссон поспешил выйти из подъезда.

Переходить через улицу было рискованно — еще увидит из окна, — и Гюнвальд Ларссон, прижимаясь к стене, вернулся на угол Эрик Дальбергсгатан, чтобы оттуда продолжать наблюдение.

Он протомился на углу минут сорок пять, прежде чем Мауритсон вышел из подъезда, направляясь в его сторону. Гюнвальд Ларссон отпрянул за угол и добежал до ближайшего подъезда. Кажется, не заметил...

Мауритсон прошел мимо, глядя прямо перед собой. Он был в другом костюме и нес в руке черный чемоданчик. Гюнвальд Ларссон выждал и, когда он пересек Валхаллавеген, осторожно двинулся следом.

Мауритсон направился к метро, спустился на перрон и сел на поезд, идущий к центру. Гюнвальд Ларссон вскочил в следующий вагон.

У Хёторгет они вышли, и Мауритсон исчез в толпе.

Гюнвальд Ларссон весь перрон глазами обрыскал — как сквозь землю провалился! И на лестницах не видно. Неужели Мауритсон все-таки заметил его? В таком случае ничто не мешало ему перебежать через перрон и сесть на поезд, идущий в противоположную сторону.

Наконец он остановился перед витриной подземного универмага, кляня себя за невнимательность. Гюнвальд Ларссон мрачно посмотрел на итальянские замшевые туфли, которые охотно приобрел бы, будь в магазине его размер.

Только он решил выйти из метро, как в другом конце подземного зала показался Мауритсон. Он направлялся к выходу; к черному чемоданчику прибавился сверток с нарядной розеткой. Гюнвальд Ларссон дал ему подняться по лестнице и двинулся следом.

Дойдя по Свеавеген до агентства аэрофлота, Мауритсон вошел в кассовый зал. Гюнвальд Ларссон продолжал наблюдение, укрывшись за товарным фургоном на Лестмакаргатан. Через большие окна было видно, как Мауритсон подошел к стойке и обратился к высокой блондинке в синей форме.

Интересно, куда это он собрался? На юг, должно быть, к Средиземному морю, а то и подальше, теперь многие в Африке отдыхают. Стокгольм его, понятно, сейчас не устраивает — как только Мальмстрём и Мурен смекнут, что он их продал, ему несдобровать.

Мауритсон открыл чемоданчик, положил в него сверток, получил билет и сунул в карман пиджака. Выйдя на улицу, он не спеша зашагал в сторону Сергельсторг. Гюнвальд Ларссон проводил его взглядом и вошел в кассовый зал. Девушка, которая обслуживала Мауритсона, искала что-то в картотеке.

— Пожалуйста, что вам угодно? — спросила она, продолжая перебирать карточки.

— К вам сейчас подходил господин, мне нужно узнать, купил он билет? И если купил — куда?

— Простите, но я не обязана отвечать на такие вопросы, — сказала блондинка. — А зачем это вам?

Гюнвальд Ларссон положил на стойку свой документ. Девушка поглядела на удостоверение, потом на Гюнвальда Ларссона и сказала:

— Насколько я понимаю, вас интересует граф фон Бранденбург? Он взял билет до Ёнчёпинга на самолет, который вылетает в 15.40. На аэродром поедет на автобусе. Автобус отходит от Сергельсторга без пяти три. А что, граф...

— Спасибо, больше вопросов нет, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Всего доброго.

Идя к выходу, он соображал, с чего это Мауритсона вдруг потянуло в Ёнчёпинг. Потом вспомнил его анкетные данные: ну конечно, ведь он там родился, и там по-прежнему живет его мать. Ясно, Мауритсон решил спрятаться дома у мамочки...

Гюнвальд Ларссон вышел на Свеавеген. Он поглядел в сторо-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

ну Сергельсторг — вдали, наслаждаясь солнышком, не спеша шагал Трезор Мауритсон Хольм фон Бранденбург.

Гюнвальд Ларссон взял курс в противоположную сторону. Ему нужно было созвониться с Колльбергом.

XXIII

Леннарт Колльберг явился на Армфельтсгатан вооруженный всевозможными отмычками. Правда, не мешало бы, кроме того, запастись ордером на обыск с подписью прокурора Ульссона. Однако друзей ничуть не тревожил тот факт, что они нарушают порядок. Расчет был прост: если в квартире Мауритсона найдется что-нибудь для Бульдозера, тот на радостях не станет придираться. А не найдут ничего — ему не обязательно знать о нарушении. К этому времени Мауритсон уже должен был вылететь из Стокгольма на юг, правда, не в Африку, но все же достаточно далеко, чтобы они могли работать без помех.

Квартира состояла из трех комнат, кухни, прихожей, ванной и производила очень приличное впечатление. Обстановка довольно дорогая, правда, с налетом безвкусицы.

Они вошли в гостиную. Прямо перед ними стояла стенка, отделанная под благородное дерево: книжные полки, шкаф, встроенный секретер. Одну полку занимали дешевые книжки, на других стояли всякие безделушки — сувениры, фарфоровые фигурки, вазочки, блюдечки. На стенах висели олеографии и репродукции, какие можно приобрести в сомнительных лавчонках. Мебель, гардины, ковры — все это, несомненно, стоило немалых денег, однако подбор был случайный, материал, цвет, узоры плохо сочетались.

В углу стоял небольшой бар. Подойдя к бару, Колльберг от-

ворил дверцы. Початая бутылка «Перфе д'Амур», остатки шведского десертного, нетронутая поллитровка пунша и пустая бутылка из-под джина «Бифитер».

Окно-фонарь выходило на улицу. У стены в другой комнате стояло пианино, в углу — приемник и проигрыватель.

— Прошу, музыкальный кабинет, — взмахнул он рукой.

— Ты можешь представить себе, чтобы эта тварь сидела тут и играла Лунную сонату? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Он подошел к инструменту, поднял крышку и заглянул внутрь.

— Во всяком случае, трупов здесь нет.

Когда общий осмотр закончили, Колльберг снял пиджак, и они взялись за работу всерьез. Начали со спальни. Пока Гюнвальд Ларссон хозяйничал в стенном шкафу, Колльберг изучал ящики письменного стола. Долго они трудились молча, наконец Колльберг нарушил тишину:

— Слышь, Гюнвальд.

В ответ из шкафа донесся какой-то невнятный звук.

— Слежка за Русом ничего не дала, — продолжал Колльберг. — Бульдозер жутко расстроился. Не оправдал он его надежд, не навел на Мальмстрёма и Мурена.

Гюнвальд Ларссон, кряхтя, высунул голову и сказал:

— Он бы поменьше загадывал, не приходилось бы так часто расстраиваться. Впрочем, Бульдозер долго унывать не будет.

Гюнвальд Ларссон выбрался из шкафа и затворил дверь.

— Ничего. Если не считать кучи безобразного тряпья, — сообщил он и направился в ванную.

А Колльберг тем временем занялся зеленой тумбочкой, которая служила ночным столиком.

В двух верхних ящиках лежало всевозможное барахло: бумажные носовые платки, ресторанные счета и магазинные чеки, шариковые ручки, открытка из-за границы с хвастливым текстом: «Водка, женщины, кровать — что еще надо. Стиссе», сломанная зажигалка и тупая финка без чехла. Сверху на тумбочке валялся детектив. На обложке ковбой — ноги широко расставлены, в каждой руке по дымящемуся револьверу. «Перестрелка в Черном овраге»...

Колльберг полистал книжку: из нее на пол выпала цветная фотография, любительский снимок, — на лодочной пристани сидит женщина в шортах и белой майке. На обороте вверху было написано карандашом: «Мёйя, 1969». Пониже — синими чернилами и другим почерком: «Монита».

Он сунул фотографию обратно в книгу. Потом выдвинул нижний ящик — он был глубже двух других — и позвал Гюнвальда Ларссона.

— Нашел тоже место, где держать точило, — сказал он. — Или это вовсе не точило, а какое-нибудь новейшее приспособление для массажа?

— Интересно, зачем оно ему понадобилось, — произнес Гюнвальд Ларссон. — Вот уж кто не похож на столяра-любителя. А может, просто стащил где-нибудь? Или получил в уплату за наркотики?

Он вернулся в ванную.

Через час с небольшим обыск был завершен. Ничего особенного они не нашли — ни ловко спрятанных денег, ни уличающих писем, ни оружия; самые сильнодействующие медикаменты — таблетки от головной боли да сельтерская вода.

Напоследок они осмотрели кухню, обшарили все ящики и шкафы. За кухонной дверью висело кольцо с двумя ключами.

— От чердака, — сказал Колльберг, показывая на них.

Гюнвальд Ларссон осмотрел ключи и добавил:

— Или от подвала. Давай проверим.

К чердаку ключи не подошли. Тогда они спустились в подвал.

Большой ключ подошел к патентованному замку огнеупорной двери, за которой начинался короткий проход. Открыв правую дверь, они увидели шахту мусоропровода и подвешенный на каркасной тележке большой мешок из желтого пластика. Около стены еще три тележки; два мешка пустые, третий до краев наполнен мусором. В одном углу стояли совок и веник.

Дверь напротив была заперта; за ней, судя по надписи, помещалась домовая прачечная.

Проход упирался в длинный поперечный коридор, разделявший два ряда пумерованных дверей с висячими замками всех родов и видов.

Колльберг и Гюнвальд Ларссон довольно скоро нашли замок, к которому подходил меньший ключ. В чулане Мауритсона хранились только два предмета — старый пылесос без шланга и большой чемодан. Гюнвальд Ларссон заглянул внутрь пылесоса.

— Пусто, — сообщил он.

— Зато здесь не пусто, смотри, — ответил Колльберг, который в это время расковырял замочек чемодана.

Он поднял крышку, и Гюнвальд Ларссон увидел четырнадцать больших бутылок пятидесятиградусной польской водки, четыре кассетных магнитофона, электрический фен и шесть электробритв.

— Контрабанда, — сказал Гюнвальд Ларссон. — Или же скупка краденого.

— А по-моему, вознаграждение за наркотики, — возразил Колльберг и запер чемодан. Они вышли в коридор.

— Что ж, не совсем зря трудились, — подвел итог Колльберг.— Правда, Бульдозера порадовать нечем. Осталось только повесить ключи на место, и можно сматываться. Здесь больше делать нечего.

— Осторожный жук этот Мауритсон, — отозвался Гюнвальд Ларссон. — А может быть, у него есть еще квартиры?

Он примолк, глядя на дверь в конце коридора. Над дверью красной краской было выведено: «БОМБОУБЕЖИЩЕ».

— Поглядим, если открыто, — предложил Гюнвальд Ларссон. — Заодно уж...

Дверь была открыта. Бомбоубежище служило вместилищем всякого хлама.

— Мне всегда не по себе в таких помещениях, — произнес Колльберг. — В войну, когда устраивали учебные тревоги, я все представлял себе, что будет, если в самом деле разбомбят дом и бомбоубежище завалит...

В углу за верстаком стоял старый сундук с полустершейся надписью: «ПЕСОК».

— Смотри-ка, — сказал Колльберг. — Сундук с песком еще с войны стоит.

Он подошел и поднял крышку.

— Даже песок остался.

— Слава богу, не понадобился, — заметил Гюнвальд Ларссон. — Обошлось без бомб. А это что у тебя?

Он смотрел на предмет, который Колльберг только что извлек из недр ящика.

Зеленая американская брезентовая сумка армейского образца.

Леннарт Колльберг открыл сумку и выложил на верстак содержимое.

Скомканная голубая рубашка. Светлый парик. Мягкая синяя шляпа с широкими полями. Темные очки. И пистолет «лама автомат» сорок пятого калибра.

XXIV

В тот летний день три года назад, когда молодую женщину по имени Монита сфотографировали на лодочной пристани, она

еще не была знакома с Филипом Трезором Мауритсоном.

Это было последнее лето ее шестилетнего брака с Петером: осенью он познакомился с другой женщиной и сразу после рождества оставил Мониту с пятилетней дочерью Моной. По его просьбе она срочно обратилась в суд — он спешил расписаться с новой женой, которая была уже на пятом месяце, когда ему оформили развод. Моните осталась двухкомнатная квартира в Хёкарэнгене, и Петер вовсе не претендовал на ребенка. Он отказался даже от права регулярно общаться с дочерью; вскоре выяснилось, что он отказался и от обязанности платить алименты.

Больше всего огорчило Мониту то, что пришлось бросить курсы, на которые она недавно записалась.

Она уже давно чувствовала, как ее связывает недостаток образования, и ведь ее вины тут не было. После обязательных девяти классов она решила год отдохнуть от учебников, но познакомилась с Петером, вышла замуж, и мысль об учении пришлось оставить. На следующий год родилась дочь. Петер тем временем поступил на вечерние курсы, и только за год до развода, когда он их окончил, наступила ее очередь. Но с разводом все планы рухнули, ведь няню найти невозможно, а если и найдешь — где денег взять?

Первые два года после рождения ребенка Монита сидела дома, но, как только удалось пристроить дочь на день к частной воспитательнице, пошла на фабрику. Она и раньше, почти до самых родов, работала в разных местах: и в канцелярии, и кассиршей в магазине самообслуживания, и продавщицей, и работницей на фабрике, и официанткой.

Но когда Монита после двухлетнего перерыва опять начала искать место, оказалось, что положение на бирже труда ухудшилось, возможностей выбора куда меньше. Без специального образования и знакомств она могла рассчитывать лишь на самую нудную работу с невысоким жалованьем. Правда, как только она опять начала учиться и появилась перспектива, стало легче переносить убийственное однообразие конвейера.

Но после развода, когда она осталась одна и пришлось перейти на укороченный рабочий день с меньшей оплатой, ей стало невмоготу. В приступе отчаяния она уволилась, хотя и не представляла себе, что будет дальше.

Некоторое время Монита тянула на скудное пособие по безработице. Только и думай, как свести концы с концами; квартплата, еда и одежда для дочери поглощали все, что удавалось наскрести. Она даже бросила курить, но кипа неоплаченных счетов продолжала расти.

Под рождество она вместе с Моной поехала к старшей сестре в Осло. Родители погибли в автомобильной катастрофе пять лет назад, и, кроме сестры, у нее никого не осталось. С тех пор сестры встречали рождество вместе. Чтобы купить билет, Монита отнесла в ломбард обручальные кольца родителей и несколько брошек. Провела в Осло две недели, прибавила за это время три килограмма и вернулась после Нового года в Стокгольм совсем в другом настроении.

В феврале 1971 года Моните исполнилось двадцать пять лет.

С тех пор как Петер оставил ее, прошел год. У нее было ощущение, что за это время она переменилась больше, чем за все годы брака. Прибавилось жизненного опыта и уверенности в себе. Правда, стала жестче и циничнее. И она очень тяготилась одиночеством.

Монита ходила гулять с дочкой, брала в библиотеке кучу книг, которые читала, когда спала Мона. Телефон теперь звонил редко, самой звонить некому, и, когда его совсем отключили за неуплату, она этого почти и не заметила. Она чувствовала себя в своей квартире как в тюрьме, но постепенно заточение стало для нее залогом покоя, а жизнь за стенами ее унылой конуры казалась все более чужой и нереальной. По ночам, когда Монита бесцельно бродила по квартире не в силах читать от усталости и не в силах уснуть от душевной смуты, ей иногда казалось, что она сходит с ума.

Будущее дочери сильно тревожило Мониту, нередко она даже плакала от горечи и бессилия. Ей хотелось, чтобы Мона росла в человеческих условиях, окруженная заботой и теплом, а не в такой среде, где погоня за деньгами и социальным престижем, стремление возвыситься над другими де-

лают людей врагами, где слова «приобретать» и «иметь» соединяют знаком равенства со словом «счастье». Хотелось, чтобы ее ребенок узнал радость труда и товарищества, жил без тревог и унижений, жил достойно. Однако Монита отлично понимала, что в Швеции ни о чем таком мечтать не приходится.

Вернувшись домой из Осло, она решила взять себя в руки.

Монита в десятый раз обратилась в детский сад, и ей вдруг повезло: Мону приняли.

После этого она принялась искать работу.

И все время мозг ее сверлила одна мысль: как раздобыть денег? Монита решила во что бы то ни стало уехать из Швеции, в душе зрела ненависть к обществу, которое кичилось процветанием, тогда как на самом деле на долю подавляющего большинства выпала лишь одна привилегия: крутить маховик, приводящий в движение весь механизм.

Она перебирала в уме разные способы добыть нужные средства, но не видела подходящего решения.

Накопить деньги честным трудом? Исключено. До сих пор того, что оставалось после уплаты налогов, ей хватало только на квартиру и питание.

Выиграть в тотализаторе? Маловероятно. И все-таки она каждую неделю заполняла бланки спортивного лото: хоть какая-то надежда.

Ждать крупного наследства неоткуда. Где найдешь смертельно больного миллионера, который попросит ее руки и прикажет долго жить в свадебную ночь...

Некоторые девушки — она знала таких — хорошо зарабатывали проституцией. Теперь не нужно промышлять на улице, назовись моделью и открой ателье, или поступи в «Институт массажа», или запишись в какой-нибудь роскошный «Секс-клуб». Но сама мысль об этом была глубоко отвратительна.

Остается украсть. Но как и где? Да и не выйдет у нее ничего.

Ладно, для начала хоть бы на стоящую работу устроиться.

Моните посчастливилось: ее взяли официанткой в популярный ресторан в деловом центре Стокгольма. Удобные рабочие часы, и можно рассчитывать на приличные чаевые.

И вышло так, что за один из столиков Мониты однажды сел степенный человек с ординарной внешностью, который заказал свиные ножки с картофельным пюре. Рассчитываясь, он сказал ей какой-то комплимент, но особого впечатления на нее не произвел. Правда, и Монита не привлекла его внимания, во всяком случае в тот раз.

Она не могла похвастать броской внешностью, в чем давно уже убедилась: люди ее редко узнавали при повторной встрече. Темные волосы, серо-голубые глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Средний рост (метр шестьдесят пять), нормальное сложение (вес — шестьдесят килограммов).

Некоторые мужчины считали ее красивой, но только те, у кого был случай как следует к ней приглядеться.

Когда Мауритсон в третий раз сел за столик Мониты, она узнала его и загадала, что он попросит шкварки с тушеным картофелем — в этот день они представляли в меню крестьянскую кухню. В прошлый раз он ел блины.

Мауритсон заказал шкварки и молоко и, когда она принесла ему заказ, сказал:

— А вы, должно быть, новенькая?

Монита кивнула. Она привыкла чувствовать себя безликой, а одежда официантки не прибавляла ей своеобразия.

Когда она принесла счет, он не поскупился на чаевые и заметил:

— Надеюсь, вы здесь приживетесь, как я прижился. В этом ресторане вкусно кормят, так что берегите фигуру.

На прощание он приветливо подмигнул ей.

Монита приметила, что аккуратный маленький человек, который всегда ест крестьянские блюда и пьет только молоко, намеренно выбирает один из ее столиков. Постоит у двери, посмотрит, где она обслуживает, и садится там. Ей это было не совсем понятно и чуточку лестно.

Монита считала себя плохой официанткой, она не умела сдерживать себя, когда нетерпеливый клиент начинал брюзжать, на грубость отвечала грубостью. Но работала она быстро и ловко и с теми, кто, на ее взгляд, того заслуживал, держалась приветливо, хотя без заигрывания и кокетства.

Мауритсон неизменно обменивался с ней дружескими репликами, и она стала воспринимать его как старого знакомого. Моните нравилась его несколько старомодная учтивость, пусть она даже не вязалась с его взглядами, излагаемыми подчас в довольно энергичных выражениях.

Нельзя сказать, чтобы Монита была в восторге от своей новой работы, но в общем-то ничего, и она успевала забрать Мону из детского сада до закрытия.

У Моны появилось много подруг, и по утрам она буквально рвалась в детский сад. Ее лучшая подруга жила в том же доме, Монита познакомилась с родителями — славной молодой четой — и, когда им надо было пойти куда-нибудь, брала девочку ночевать к себе. В свою очередь, и Монита изредка пользовалась возможностью вечером сходить в кино. Других развлечений она не могла придумать, но все-таки теперь Монита уже не чувствовала себя такой связанной. А позже дружба с соседями ей еще больше пригодилась.

В один апрельский день — шел третий месяц ее работы в ресторане — Мауритсон подозвал ее к своему столику. Она подошла, кивнула на тарелку с гороховым супом и спросила:

— Невкусно?

— Превосходно, как всегда. Но мне сейчас пришла в голову одна вещь. Я тут каждый день сижу, ем за милую душу, а вы все на ногах, все трудитесь. Вот я и подумал — можно мне вас пригласить куда-нибудь поесть? Вечером, конечно, когда вы свободны. Скажем, завтра?

Монита недолго колебалась. Она давно уже вынесла свое суждение о нем: человек честный, трудолюбивый, непьющий, чудаковат, правда, но вполне безобидный и симпатичный. К тому же его приглашение не было для нее неожиданностью.

— Ну что ж, — сказала Монита, — можно и завтра.

Посетив в пятницу ресторан вместе с Мауритсоном, она только по двум пунктам пересмотрела свое суждение о нем: во-первых, он не трезвенник, во-вторых, непохоже, чтобы он был таким уж большим трудолюбцем. Впрочем, он от этого не стал ей менее симпатичен. Больше того, ей с ним было очень интересно.

В ту весну они еще несколько раз ходили в ресторан, при этом Монита мягко, но категорически отклоняла попытки Мауритсона зазвать ее вечером к себе на рюмку вина или напроситься в гости к ней.

В начале лета он куда-то пропал, а в июле она сама ездила на две недели в отпуск к сестре в Норвегию.

Возвратившись из отпуска, Монита в первый же день увидела

его за своим столиком, и вечером они встретились. На этот раз она поехала с ним на Армфельтсгатан и впервые осталась у него ночевать. Он оказался весьма приятным любовником.

Обе стороны были довольны тем, как складывались их отношения. Мауритсон не навязывался, и они встречались, только когда ей этого хотелось — один-два раза в неделю. Он относился к ней заботливо, тактично, им было хорошо вместе.

В свою очередь, и она вела себя деликатно. К примеру, Мауритсон избегал говорить о том, чем он занимается и откуда берет деньги. И хотя этот вопрос занимал Мониту, она не давала волю своему любопытству. Ей ведь не хотелось, чтобы он вторгался в ее жизнь, особенно она берегла Мону, а потому не вмешивалась в его дела. Она его не ревновала, он ее тоже — то ли чувствовал, что у нее больше никого нет, то ли не придавал этому значения. И о прошлом не расспрашивал.

Осенью они все реже ходили куда-либо, а больше сидели у него дома — приготовят что-нибудь вкусное, немного выпьют и рано ложатся спать.

Время от времени Мауритсон уезжал по делам, но куда и зачем — не рассказывал. Монита была не так уж глупа и быстро уразумела, что занимается он чем-то противозаконным, но, так как Мауритсон был ей симпатичен, она считала, что в глубине души он порядочный человек, так сказать, благородный жулик. Если даже и крадет, то только у богатых. И уж во всяком случае, не торгует белыми рабынями и не сбывает наркотики детям.

Под рождество Мауритсон поневоле приоткрыл завесу над своей деятельностью. Рождество и для жуликов хлопотное время, и, боясь хоть что-то упустить, он пожадничал, набрал столько поручений, что одному справиться было физически невозможно. В самом деле, как в один день поспеть в Гамбург для замысловатой сделки и доставить заказ на аэродром Форнебю под Осло? А тут Монита, как обычно, собралась в Осло встречать рождество, и он не устоял против соблазна, попросил ее быть его заместителем и курьером. От нее не требовалось никаких смелых действий, но процедура передачи его посылки была обставлена столь хитрыми предосторожностями, что нелепо делать вид, будто речь идет о заурядном рождественском подарке. Мауритсон тщательно проинструктировал ее и, зная отношение Мониты к наркотикам, изобразил дело так, словно речь шла о фальшивых бланках для махинаций с почтовыми переводами.

Монита не стала возражать и успешно справилась с заданием. Он оплатил ей проезд да еще добавил несколько сот крон.

Казалось бы, она должна войти во вкус — деньги дались легко и пришлись очень кстати, — однако, поразмыслив, Монита решила впредь поосторожнее относиться к таким поручениям.

Жаль, что не проверила сверток: кажется, Мауритсон все-таки обманул ее... Нет, лучше не выступать в роли его посланца. Что за радость таскать таинственные свертки, в которых может быть все, что угодно, — от опиума до бомбы с часовым механизмом.

Должно быть, Мауритсон угадал настроение Мониты, потому что больше не просил ее выручить его. Но хотя он относился к ней по-прежнему, она стала открывать в нем такие черты, которых прежде не замечала. Так, он часто лгал ей, притом без всякой нужды, ведь она его никогда не спрашивала, чем он занимается, и не пыталась припереть к стенке. К тому же Монита начала подозревать, что он вовсе не благородный жулик, а скорее этакий «чегоизволите», ради денег способный на любые мелкие преступления.

После Нового года они встречались реже, и не из-за прозрения Мониты, просто Мауритсон чаще обычного уезжал по своим делам.

Судя по тому, что каждый свободный вечер он предпочитал проводить с ней, она вряд ли ему наскучила. Как-то раз, в начале марта, при ней к нему зашли гости, некие Мурен и Мальмстрём, как видно — деловое знакомство. Они были чуть помоложе Мауритсона, один из них ей даже понравился, но больше они не появлялись.

Зима 1972 года была для Мониты несчастливой. Ресторан перешел к другому владельцу, тот открыл пивной бар, старых клиентов растерял, а новых не приобрел, в конце концов уволил весь персонал и установил игральные автоматы. Опять Монита оказалась без работы, и она острее прежнего переживала одиночество, ведь Мона будни проводила в детском саду, а в субботу и воскресенье днем играла с подружками.

Ее злило, что она не может порвать с Мауритсоном. Впрочем, злилась она тогда, когда его не было, а с ним Моните было хорошо, и ей льстила его откровенная влюбленность. К тому же, кроме Моны, это был единственный человек, кому она была нужна.

Томясь без дела, Монита стала иногда заходить в квартиру на Армфельтсгатан, когда хозяин отсутствовал. Ей нравилось посидеть там, почитать книгу, побродить по комнатам среди вещей, с которыми она никак не могла свыкнуться, хотя видела их десятки раз. Кроме двух-трех книг и нескольких пластинок, у Мауритсона не было ничего, что она стала бы держать в своей квартире, и все же ей почему-то было у него уютно.

Он не давал ей ключа, она сама заказала. Это было ее единственное покушение на его независимость, и несколько дней она мучилась угрызениями совести.

Монита заботилась о том, чтобы после ее визитов не оставалось никаких следов, и ходила на Армфельтсгатан лишь тогда, когда была уверена, что Мауритсона нет в городе. Интересно, как он поступит, если проведает?.. Конечно, она иногда рылась в его вещах, но пока ей не попалось ничего криминального. И ведь она вовсе не для этого обзавелась ключом, просто ей нужен такой вот тайный уголок. Разумеется, ее никто не разыскивал, и вообще никому не было дела до Мониты, но ей нравилось чувствовать себя недосягаемой, как в детстве, когда во время игры в прятки удавалось найти такое местечко, где никто на свете не смог бы ее найти. Наверно, он сам дал бы ей ключ, если бы она попросила, но это испортило бы всю игру.

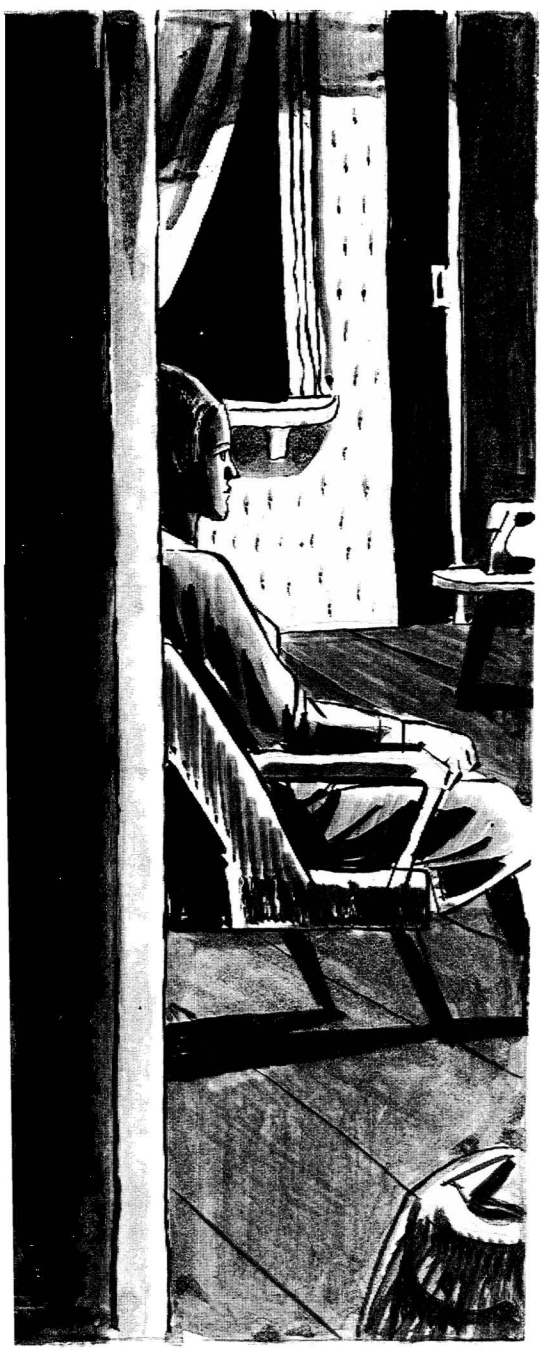
В один апрельский день, когда Монита буквально не находила себе места, она отправилась на Армфельтсгатан. Посидит в самом безобразном и самом удобном кресле Мауритсона, послушает Вивальди — смотришь, душа обретет покой.

Мауритсон уехал в Испанию, она ждала его только на следующий день.

Монита повесила пальто и сумку в прихожей, взяла из сумки сигареты, спички и прошла в гостиную. Все как обычно, чистота и порядок. Мауритсон сам занимался уборкой. В начале их знакомства она как-то спросила его, почему он не наймет уборщицу. Он ответил, что ему нравится

убирать и он не хочет лишать себя этого удовольствия.

Она положила сигареты и спички на широкий подлокотник, вышла в соседнюю комнату и включила проигрыватель. Отыскала «Четыре времени года», под звуки «Весны» сходила на кухню



за блюдцем, села в кресло, поджав ноги, и поставила блюдце на подлокотник.

Монита думала о Мауритсоне, о том, какой у них убогий роман. Уже год знакомы, а их взаимоотношения ничем не обогатились, не стали полновеснее, скорее напротив. Она не могла даже припомнить, о чем они разговаривали при встречах. Сидя в его любимом кресле и глядя на полку с рядами дурацких безделушек, она говорила себе, что он ничтожество, фитюлька. Почему, да, почему она до сих пор не бросила его и не завела себе настоящего мужчину?..

Монита закурила, пустила струйку дыма к потолку и решила, что хватит думать об этом хлыще, только окончательно настроение себе испортишь.

Она села поудобнее и закрыла глаза, медленно помахивая рукой в такт музыке и стараясь ни о чем не думать. Посреди ларго рука задела блюдце, оно слетело на пол и разбилось вдребезги.

— А, черт, чтоб его, — вырвалось у нее.

Она встала, вышла на кухню, открыла дверцу под раковиной и протянула руку за веником, который обычно стоял справа от пакета для мусора. Веника не было на месте, тогда Монита присела на корточки и заглянула внутрь шкафчика. Веник лежал на полу, и, потянувшись за ним, она увидела за мусорным пакетом портфель. Старый, потертый коричневый портфель. Должно быть, Мауритсон поставил его здесь, собираясь отнести вниз, в мусорный контейнер, потому что для мусоропровода портфель был слишком велик.

Но тут она заметила, что портфель надежно обмотан крепкой бечевкой, которая завязана несколькими узлами.

Монита вытащила портфель и поставила на пол. Тяжелый...

Любопытство взяло верх, и она принялась осторожно развязывать узлы, стараясь запомнить их последовательность. Потом размотала бечевку и открыла портфель.

Камни, плоские плитки черного шифера; где-то она совсем недавно видела такие же.

Монита озадаченно нахмурилась, выпрямилась и бросила окурок в раковину, не отрывая глаз от портфеля.

Зачем понадобилось Мауритсону набивать камнями старый портфель, обвязывать его бечевкой и ставить под раковину?

Настоящая кожа — наверно, когда-то была роскошная вещь... И достаточно дорогая. Она поглядела на клапан с внутренней стороны — имени владельца нет. Постой, а это что: все четыре угла внизу обрезаны, то ли острым ножом, то ли лезвием. Причем сделано это недавно, срез совсем свежий.

Вдруг ее осенило. Ну конечно, он задумал утопить портфель в море! Ну не в море, так в заливе. Но почему?

Монита нагнулась и принялась вынимать из портфеля шифер. Складывая камни горкой на полу, она вспомнила, где их видела. В подъезде внизу, около двери, выходящей во двор. Очевидно, двор собираются мостить; там он их и взял.

Внезапно ее пальцы коснулись какого-то другого предмета. Он был гладкий, холодный и твердый. Монита вынула его из портфеля. И замерла, а в душе ее постепенно обретала четкие формы мысль, которая давно уже шевелилась в подсознании.

А что, может быть, это и есть решение. Возможно, этот блестящий металлический предмет — залог свободы, о которой она столько мечтала.

Длиной около двадцати сантиметров, широкое дуло, тяжелая рукоятка. На сизой плоскости над скобой выгравировано название: «лама».

Она взвесила его на ладони. Увесистый.

Монита вышла в прихожую и засунула пистолет в свою сумку. Потом вернулась на кухню, положила камни обратно в портфель, обмотала его веревкой и поставила портфель туда, где нашла его.

Взяла веник, подмела в гостиной, вынесла осколки в прихожую и высыпала их в мусоропровод. Потом выключила проигрыватель, убрала на место пластинку, вышла на кухню, достала окурок из раковины, бросила его в унитаз и спустила воду. Надела пальто, застегнула сумку, повесила ее на плечо и напоследок еще раз прошла по всем комнатам, проверяя, все ли так, как было. Пощупала в кармане, на месте ли ключ, захлопнула дверь и побежала вниз по лестнице.

Придет домой — все как следует продумает...

XXV

В пятницу седьмого июля Гюнвальд Ларссон поднялся очень рано. Правда, не вместе с солнцем, это было бы чересчур — по календарю в этот день солнце

взошло в Стокгольме без одиннадцати минут три.

К половине седьмого он принял душ, управился с завтраком и оделся, а еще через полчаса уже стоял на крыльце того самого типового домика на Сонгарвеген в Соллентюне, в который четырьмя днями раньше наведывался Эйнар Рённ.

Гюнвальду Ларссону хотелось решить один маленький ребус, который всю неделю не давал ему покоя. Вообще-то пустяк, соринка в глазу, но лучше от нее избавиться, а заодно доказать самому себе, что он верно рассуждал и сделал правильный вывод.

Стен Шёгрен явно не поднимался вместе с солнцем. Не одна минута прошла, прежде чем он отворил, позевывая и путаясь в завязках купального халата.

Гюнвальд Ларссон сразу взял быка за рога.

— Вы солгали полиции, — мягко произнес он.

— Я солгал?

— На прошлой неделе вы дважды описали приметы налетчика, будто бы похожего на женщину. Кроме того, вы подробно описали машину марки «рено-шестнадцать», которой налетчик якобы воспользовался для бегства, и двоих мужчин, которые были в той же машине.

— Верно.

— В понедельник вы слово в слово повторили свою версию старшему следователю, который приезжал сюда, чтобы побеседовать с вами.

— Тоже верно.

— Верно и то, что почти все рассказанное вами — чистейшая ложь.

— Я точно описал налетчика, что видел, то и сказал.

— Конечно, потому что другие тоже его видели. И к тому же вы сообразили, что в нашем распоряжении будет пленка из кинокамеры, установленной в банке.

— Но я по-прежнему уверен, что это была женщина.

— Почему?

— Не знаю. По-моему, девчонку можно чутьем угадать.

— На этот раз чутье вас обмануло. Но меня привела сюда другая причина. Мне нужно получить от вас подтверждение, что история про машину и двоих мужчин — ваша выдумка.

— А зачем это вам?

— Мои мотивы вас не касаются. Тем более что они чисто личные.

Сонное выражение покинуло лицо Шёгрена. Он испытующе поглядел на Гюнвальда Ларссона и медленно произнес:

— Насколько мне известно, неполные или неверные показания не считаются преступлением, если они не даны под присягой.

— Совершенно верно.

— В таком случае я не вижу смысла в нашем разговоре.

— Зато я вижу. Мне важно разобраться в этом деле. Предположим, я пришел к какому-то выводу и хочу его проверить.

— И что же гласит ваш вывод?

— Что вы морочили голову полиции не из корыстных побуждений.

— В нашем обществе хватает таких, у которых только своя корысть на уме.

— Но ты не такой?

— Стараюсь... Правда, не все меня понимают. Например, жена не могла понять. Оттого я теперь холост.

— Значит, ты считаешь, что грабить банки — хорошо и что полиция — прирожденный враг народа?

— Что-то в этом роде. Только не так упрощенно.

— Ограбить банк и убить преподавателя физкультуры — отнюдь не политическая акция.

— В данном случае нет. Но вообще надо учитывать идейные мотивы. А также историческую перспективу. Иногда ограбление банков вызвано чисто политическими причинами. Взять, например, революцию в Ирландии. Кроме того, бывает еще и неосознанный протест.

— Ты предлагаешь рассматривать уголовных преступников как своего рода бунтарей?

— А что, это идея. Да только видные сторонники социализма отвергают ее. Ты читаешь Артура Люндквиста?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон читал все больше развлекательные книжки и не испытывал потребности расширять свой литературный кругозор. Но это к делу не относилось.

— Люндквист получил международную Ленинскую премию, — сообщил Стен Шёгрен. — В антологии, которая называется «Человек социализма», он говорит примерно следующее, цитирую по памяти: «Порой доходит до того, что явных преступников изображают как носителей сознательного протеста против язв общества, чуть ли не как революционеров... В социалистической стране такое невозможно».

— Продолжай, — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Конец цитаты, — ответил Шёгрен. — Я считаю, что тут и рассуждать-то не о чем. Во-первых, не обязательно быть идейным, чтобы восставать против общественных пороков, если тебя доведут. А что до социалистических стран, то и подавно все ясно, — зачем людям грабить самих себя? Никакого смысла.

После долгого молчания Гюнвальд Ларссон спросил:

— Значит, никакого бежевого «рено» не было?

— Не было.

— И никакого бледного шофера в белой майке, никакого парня в черном, похожего на Харпо?

— Нет.

Гюнвальд Ларссон кивнул, думая о своем. Потом продолжал:

— Дело в том, что грабитель, похоже, попался. И никакой он не стихийный революционер, а паршивая крыса, которая паразитировала на капитализме, кормилась перепродажей наркотиков и порнографии и ни о чем, кроме барыша, не думала. Одна выгода на уме. И он сразу начал продавать своих приятелей, торопился спасти собственную шкуру.

Шёгрен пожал плечами.

— Он не один такой... Но все равно человек, который ограбил этот банк, — он, как бы тебе объяснить, — горемыка. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Слушай, а откуда у тебя вообще такие мысли?

— Угадай... Попробуй поставить себя на мое место.

— Тогда кой черт тебя понес в полицию?

— Случайность. Вообще-то я моряк. К тому же это было давно, тогда мне многое представлялось не так. Но это к делу не относится. Я выяснил то, что хотел.

— Значит, все?

— Все. Привет.

— Привет, — отозвался Шёгрен. — Всего доброго.

Лицо его выражало полное недоумение. Но Гюнвальд Ларссон этого не видел, потому что уже ушел. И он не слышал заключительных слов Шёгрена:

— Все равно я уверен, что это была девчонка.

Продолжение следует

Перевел со шведского
Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЕВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

В этот же ранний утренний час в городе Ёнчепинге, в одном из домов на Пильгатан, фру Свеа Мауритсон хлопотала у себя на кухне — пекла к завтраку сладкие булочки, чтобы порадовать возвратившегося домой блудного сына.

Пронзительный звонок в дверь разорвал утреннюю тишину. Фру Мауритсон вытерла руки о фартук и засеменила в прихожую, шаркая стоптанными туфлями. Старинные часы показывали полвосьмого, и она бросила беспокойный взгляд на закрытую дверь спальни.

Там спит ее мальчик. Она постелила на кушетке в гостиной, но бой часов мешал ему спать, и среди ночи они поменялись местами. Совсем выбился из сил, бедняжка, ему нужно как следует отдохнуть. А ей, старой глухой тетере, часы не помеха.

На лестнице стояли двое рослых мужчин.

Тщетно она пыталась объяснить, что сейчас слишком рано, пусть приходят попозже, когда сын выспится.

Гости твердили свое, дескать, у них чрезвычайно важное дело; в конце концов она побрела в спальню и осторожно разбудила сына. Он приподнялся на локте, поглядел на будильник на тумбочке и возмутился:

— Ты что — спятила? Сказано было, что мне надо выспаться.

— Тебя там спрашивают два господина, — виновато объяснила она.

— Что? — Мауритсон вскочил на ноги. — Надеюсь, ты их не впустила?

Он решил, что это Мальмстрём и Мурен разнюхали, где он прячется, и явились покарать его.

Удивленно качая головой, фру Мауритсон смотрела, как ее сын поспешно надел костюм прямо на пижаму, после чего забегал по комнате, собирая разбросанные вещи и швыряя их в чемодан.

— Что случилось? — робко спросила она.

Он захлопнул чемодан, схватил ее за руку и прошипел:

— Спровадь их, понятно?! Меня нет, я уехал в Австралию!..

Мать не расслышала, что он говорит. Пока она надевала слуховой аппарат, Мауритсон подкрался к двери и прислушался, приложив ухо к щели. Тихо. Небось стоят и ждут с пистолетами наготове...

Мауритсон застегнул пиджак и взял чемодан.

— Уже уходишь, — огорчилась мать. — А я тебе булочки испекла. Любимые, с корицей.

Он резко повернулся к ней.

— Какие еще булочки, когда...

Мауритсон не договорил. В спальню из прихожей донеслись голоса.

...Они уже идут. Чего доброго, пристрелят на месте... Он озирался по сторонам, обливаясь холодным потом. Седьмой этаж, в окно не выскочишь, и выход из спальни только один — в прихожую, где его ждут Мальмстрём и Мурен.

Он шагнул к матери, которая растерянно застыла у кровати.

— Ступай к ним! Скажи, что я сейчас выйду. Заведи их на кухню. Предложи булочек. Ну, живее!

Он подтолкнул ее к двери и прижался спиной к стене.

Тишина. Потом что-то звякнуло, словно в пистолет вставили магазин с патронами. Кто-то прокашлялся, раздался требовательный стук в дверь, и незнакомый голос произнес:

— Выходите, Мауритсон. Полиция.

Мауритсон распахнул дверь и, буквально застонав от облегчения, упал в объятия следователя Хёгфлюгта из Ёнчепингской уголовной полиции, который стоял с наручниками наготове.

...Через полчаса Мауритсон уже сидел в стокгольмском самолете с полным пакетом сдобных булочек на коленях. Он убедил Хёгфлюгта, что никуда не денется, и обошлось без наручников.

Время от времени он протягивал сопровождающему пакет с булочками, но следователь Хёгфлюгт только тряс головой: он плохо переносил самолеты.

Точно по расписанию, в девять двадцать пять, самолет приземлился на аэродроме Бромма, и через двадцать минут Мауритсон

Продолжение. Начало в № 6—10.

снова очутился в полицейском управлении на Кунгсхольмене. По пути туда он пытался представить себе, что теперь на уме у Бульдозера. Облегчение, испытанное им утром, когда его страхи не оправдались, испарилось, и на смену пришла тревога.

Бульдозер Ульссон нетерпеливо ждал прибытия Мауритсона. Ждали также избранные представители спецгруппы, а именно Эйнар Рённ и Гюнвальд Ларссон; остальные под руководством Колльберга готовили операцию против шайки Мурена.

Когда Бульдозеру доложили о находке в бомбоубежище, он от радости чуть не спятил. Он предвкушал великий день: Мауритсон у него в руках, Мурена и его собратьев тоже в два счета накроют, как только они явятся в банк на Русенлюндсгатан. Пусть даже не в эту пятницу — уж в следующую наверное. Словом, шайке Мурена недолго осталось гулять на свободе, а там он и до Вернера Руса доберется.

Телефонный звонок нарушил радужные грезы Бульдозера. Он схватил трубку и почти сразу выпалил:

— Сюда его, живо!

Бросил трубку, хлопком соединил ладони и деловито сообщил:

— Господа, сейчас он будет здесь. Мы готовы?

Гюнвальд Ларссон буркнул что-то; Рённ вяло произнес:

— Готовы.

Он великолепно понимал, что ему и Гюнвальду Ларссону предназначена роль аудитории. Бульдозер обожал выступать перед публикой, а сегодня у него, бесспорно, бенефис.

Исполнитель главной роли, он же режиссер, раз двадцать передвинул стулья других действующих лиц, прежде чем остался доволен. Сам он занял место в кресле за письменным столом; Гюнвальд Ларссон сидел в углу около окна, Рённ — справа от стола. Стул для Мауритсона стоял посреди кабинета, прямо напротив Бульдозера.

Раздался стук в дверь, и в кабинет ввели Мауритсона. У него и так было нехорошо на душе, а тут он и вовсе скис, видя, какая суровость написана на знакомых ему лицах.

Правда, этот рослый блондин — Ларссон, кажется, — с первого дня на него взъелся, а второй, с лиловым носом, должно быть, родился с такой угрюмой рожей, но вот то, что даже Бульдозер, который в прошлый раз был добродушным, как Дед Мороз, сейчас глядит на него волком, — это плохой знак...

Мауритсон послушно сел, осмотрелся и сказал:

— Здравствуйте.

Не получив ответа, он продолжал:

— В бумагах, которые дал мне господин прокурор, не говорится, что я не должен выезжать из города. И вообще, насколько я помню, у нас такого уговора не было.

Видя, какой взгляд метнул на него Бульдозер, он поспешил добавить:

— Но я, конечно, к вашим услугам, если могу помочь чем-нибудь.

Бульдозер положил руки на стол и переплел пальцы. С минуту он смотрел на Мауритсона, потом заговорил елейным голосом:

— Вот как, значит, — герр Мауритсон к нашим услугам. Как это любезно с его стороны. Да только теперь наша очередь оказать ему услугу. Ведь герр Мауритсон был не совсем откровенен с нами, верно? И его теперь, разумеется, мучает совесть. Вот мы и потрудились устроить эту маленькую встречу, чтобы герр Мауритсон мог облегчить свою душу.

Мауритсон растерянно поглядел на Бульдозера.

— Не понимаете? Может быть, герр Мауритсон вовсе не ощущает потребности покаяться?

— Я... честное слово, не знаю, в чем я должен каяться.

— Вот как? Ну а если я скажу, что речь идет о прошлой пятнице?

— О прошлой пятнице?

Мауритсон беспокойно заерзал на стуле. Он поглядел на Бульдозера, на Рённа, опять на Бульдозера, наткнулся на холодный взгляд голубых глаз Гюнвальда Ларссона и потупился. Тишина. Наконец Бульдозер снова заговорил:

— Да-да, о прошлой пятнице. Не может быть, чтобы герр Мауритсон не помнил, чем он занимался в этот день... А? Да и разве можно забыть такую выручку? Девяносто тысяч не безделица!

— Какие еще девяносто тысяч? Первый раз слышу!!

Мауритсон явно хорохорился, и Бульдозер продолжал уже без елея:

— Ну конечно, герр Мауритсон понятия не имеет, о чем это я говорю?

Мауритсон покачал головой.

— Может быть, герр Мауритсон хочет, чтобы я выражался яснее? Герр Мауритсон этого хочет?

— Прошу вас, — смиренно произнес Мауритсон.

Гюнвальд Ларссон выпрямился:

— Ну хватит представляться! Ты отлично знаешь, о чем речь.

— Конечно, знает, — добродушно сказал Бульдозер. — Просто герр Мауритсон ловчит, хочет показать, что его голыми руками не возьмешь. Так уж заведено — поломаться для начала. А может быть, он у нас просто застенчивый?

— Когда стучал на своих приятелей, небось не стеснялся, — желчно заметил Гюнвальд Ларссон.

— А вот мы сейчас проверим. — Бульдозер наклонился, сверля Мауритсона глазами. — Значит, тебе надо, чтобы я выражался яснее? Хорошо, слушай. Мы знаем, что это ты в прошлую пятницу ограбил банк на Хурнсгатан, и отпираться ни к чему, у нас есть доказательства. К сожалению, грабежом дело не ограничилось, так что, сам понимаешь, ты здорово влип. Конечно, ты можешь заявить, что на тебя напали, что ты вовсе не хотел никого убивать, но факт остается фактом, и мертвеца не оживишь.

Мауритсон побледнел, в корнях волос заблестели капельки пота. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но Бульдозер перебил его:

— Надеюсь, тебе ясно, что в твоем положении юлить не стоит, только хуже будет. У тебя есть один способ облегчить свою участь — перестать отпираться. Теперь понял?

Мауритсон качал головой, открыв рот.

— Я... я ничего не знаю... не понимаю... — выговорил он наконец.

Бульдозер встал и заходил по кабинету.

— Дорогой Мауритсон, мое терпение безгранично, но глупость, когда человек глуп как пробка, я не переношу.

По голосу Бульдозера чувствовалось, что даже у безграничного терпения есть границы.

Мауритсон все так же качал головой, а Бульдозер, величественно прохаживаясь перед ним, продолжал вещать:

— Кончай вилять. Сказано тебе — у нас есть доказательства.

— Какие доказательства? Не грабил я никаких банков и никого не убивал. Черт те что!

Гюнвальд Ларссон вздохнул, поднялся и стал у окна спиной к остальным.

— С таким, как он, да еще вежливо разговаривать, — про-

цедил он через плечо. — Врезать ему по роже — сразу все уразумеет.

Бульдозер уперся в стол локтями, положил подбородок на ладони и озабоченно посмотрел на Мауритсона.

— Ну так как, сударь?

Мауритсон развел руками.

— Но ведь я тут ни при чем. Честное слово! Клянусь!

Бульдозер вдруг резко выдвинул нижний ящик стола:

— Значит, клянешься...

Он выпрямился, бросил на стол зеленую брезентовую сумку и торжествующе уставился на Мауритсона, который глядел на сумку с явным удивлением.

— Да-да, Мауритсон, как видишь, все налицо.

Он аккуратно разложил на столе содержимое сумки.

— Парик, рубашка, очки, шляпа и, наконец, пистолет. Ну, что ты скажешь теперь?

Мауритсон ошалело переводил взгляд с одного предмета на другой, потом застыл, бледный как простыня.

— Что это... что за вещи... — Голос его сорвался, он прокашлялся и повторил вопрос.

Бульдозер устало поглядел на него и повернулся к Рённу.

— Эйнар, проверь, пожалуйста, — свидетели явились?

— Ага, — сказал Рённ, вставая.

Через несколько минут он возвратился и доложил: «Ага».

— Ну что ж, Мауритсон, тогда пройдем в другой кабинет, устроим небольшой показ моделей. Ты идешь с нами, Гюнвальд?

Бульдозер рванулся к двери, прижимая к груди сумку. Гюнвальд Ларссон последовал за ним, грубо подталкивая Мауритсона.

Кабинет, в который они вошли, мало чем отличался от других помещений уголовного розыска. Письменный стол, стулья, шкафы для бумаг, столик для пишущей машинки. На одной стене — зеркало, через которое можно было наблюдать за всем происходящим из соседней комнаты.

Стоя за этим потайным оконцем, Эйнар Рённ смотрел, как Бульдозер помогает Мауритсону надеть синюю рубашку, напяливает ему на голову светлый парик, подает шляпу и темные очки. Мауритсон подошел к зеркалу и удивленно воззрился на свое отражение. При этом он глядел прямо в глаза Рённу, и тому даже стало неловко, хотя он знал, что его не видно.

Очки и шляпа тоже пришлись Мауритсону в самый раз, и Рённ пригласил первого свидетеля — кассиршу из банка.

Мауритсон стоял посреди комнаты, сумка на плече; по команде Бульдозера он начал прохаживаться взад и вперед.

Кассирша повернулась к Рённу и кивнула.

— Присмотритесь хорошенько, — сказал Рённ.

— Ну, конечно, она. Никакого сомнения. Может быть, только брюки были поуже, вот и вся разница.

— Вы уверены?

— Совершенно. На сто процентов.

Следующим был бухгалтер банка.

— Это она, — решительно произнес он, едва взглянув на Мауритсона.

— Вы должны посмотреть как следует, — сказал Рённ. — Чтобы не было никакой ошибки.

Свидетель с минуту глядел, как Мауритсон ходит по комнате.

— Она, точно она. Походка,

Рисунки В. КОЛТУНОВА

осанка, волосы... могу поручиться. — Он покачал головой. — Жалко, такая симпатичная девушка.

Было уже около часа, когда Бульдозер прервал допрос, так и не добившись признания. Правда, он не сомневался, что сопротивление Мауритсона скоро будет сломлено, а впрочем, доказательств и без того достаточно.

Задержанному позволили созвониться с адвокатом, после чего отправили в камеру предварительного заключения.

В общем, Бульдозер был доволен достигнутым и, наскоро проглотив в столовой камбалу с картофельным пюре, с новыми силами включился в охоту на шайку Мурена.

Колльберг крепко потрудился и сосредоточил крупные силы в двух главных точках, где ожидалось нападение: на Русенлюндсгатан и в окрестностях банка.

Мобильные отряды получили приказ быть наготове, но так, чтобы не привлекать внимания. На случай, если налетчикам все же удастся улизнуть, на путях отхода устроили моторизованные засады.

В гараже и на дворе полицейского управления на Кунгсхольмене даже ни одного мотоцикла не осталось, весь колесный транспорт расположили в тактически важных пунктах города.

Бульдозер в критические минуты должен был находиться в управлении, следить по радио за ходом событий и принимать участников налета по мере их поимки.

Члены спецгруппы разместились в банке и вокруг банка. Кроме Рённа, которому поручили следить за Русенлюндсгатан.

В два часа Бульдозер отправился на серой машине «вольво амазон» проверять посты. В районе Русенлюдсгатан, пожалуй, бросалось в глаза обилие полицейских машин, но около банка ничто не выдавало засады. Вполне удовлетворенный, Бульдозер вернулся на Кунгсхольмсгатан, чтобы ждать решающей минуты.

И вот на часах 14.45. Однако на Русенлюндсгатан все было спокойно. Ничего не произошло и минутой позже у здания полицейского штаба. А после того как в 14.50 не поступило никаких тревожных сигналов из банка, стало очевидно, что налет намечен не на эту пятницу.

На всякий случай Бульдозер подождал до половины четвертого, потом дал отбой. Репетиция прошла организованно и успешно.

Он созвал спецгруппу, чтобы тщательно разобрать операцию и решить, какие детали требуют исправления и более тонкой отработки; как-никак в запасе еще целая неделя. Однако члены группы пришли к выводу, что никаких осечек не было.

Все участники операции действовали четко.

Никто не нарушил график.

В надлежащий час каждый находился в надлежащем месте.

Правда, налет не состоялся, но через неделю акция будет повторена с не меньшей, а то и с большей точностью и эффективностью.

Только бы Мальмстрём и Мурен не подкачали.

Между тем в эту пятницу случилось то, чего опасались больше всего. В ЦПУ вообразили вдруг, что кто-то вознамерился забросать яйцами посла Соединенных Штатов. А может быть, не яйцами, а помидорами, и не посла, а посольство. А может быть, не забросать, а поджечь, и не посольство, а звездно-полосатый флаг.

Тайная полиция нервничала. Она жила в вымышленном мире, кишащем коварными коммунистами, анархистами-террористами и опасными смутьянами, которые подрывали устои, протестуя против ограниченной продажи спиртного и загрязнения среды. Информацию о так называемых левых активистах тайная полиция получала от фашистских организаций, с которыми охотно сотрудничала.

Начальник ЦПУ нервничал еще больше.

Вот почему очередная демонстрация сторонников Вьетнама пришлась так некстати.

Десятки тысяч людей возмущались бомбежкой дамб и беззащитных деревень Северного Вьетнама, который американцы престижа ради вознамерились вернуть на стадию неолита, и негодующая толпа собралась на Хакбергет, чтобы принять резолюцию протеста. Оттуда демонстранты намеревались пройти к посольству США и вручить свой протест дежурному привратнику.

Этого нельзя было допустить. Острота ситуации усугублялась тем, что полицмейстер Стокгольма находился в командировке, а начальник управления охраны порядка — в отпуске.

И начальник ЦПУ принял историческое решение: он лично позаботится о том, чтобы демонстрация прошла мимо, лично увлечет демонстрантов в безопасное место, подальше от звездно-полосатого флага. Таким безопасным местом он считал парк Хумлегорден в центре города. Пусть прочтут там свою проклятую резолюцию и разойдутся.

Демонстранты были настроены миролюбиво и не стали артачиться. Процессия двинулась по Карлавеген на север.

Для обеспечения операции были мобилизованы все наличные полицейские силы. В числе мобилизованных был и Гюнвальд Ларссон, который, сидя в вертолете, смотрел сверху на шествие людей с лозунгами и флагами. Он ясно видел, что сейчас произойдет, однако ничего не мог поделать. Да и, зачем?..

На углу Карлавеген и Стюрегатан колонна, движение которой направлял сам начальник ЦПУ, столкнулась с толпой болельщиков — они возвращались с Центрального стадиона, слегка подогретые винными парами и весьма недовольные бесцветной игрой футболистов. То, что было потом, больше всего напоминало отступление наполеоновских войск после Ватерлоо или визит папы римского в Иерусалим. Не прошло и трех минут, как вооруженные дубинками полицейские уже лупили налево и направо болельщиков и сторонников мира. Со всех сторон на толпу напирали мотоциклы и кони. Сбитые с толку демонстранты и любители футбола колошматили друг друга; полицейские под горячую руку дубасили своих коллег, одетых в штатское. Начальника ЦПУ пришлось вызволять на вертолете.

Правда, не на том, в котором сидел Гюнвальд Ларссон, ибо Ларссон уже через несколько минут распорядился:

— Лети скорей, лети куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Около сотни человек было арестовано, еще больше избито. И никто из них не знал, за что пострадал.

В Стокгольме царил хаос.

А начальник ЦПУ по старой привычке дал команду:

— Об этом никому ни гугу.

XXVI

Мартин Бек снова скакал верхом...

Пригнувшись над гривой, он во весь опор мчался через поле, в одном строю с конниками в регланах. Впереди стояла артиллерия, и между мешками с песком на него смотрело в упор пушечное дуло. Знакомый черный глаз смерти. Вот навстречу ему вылетело ядро. Больше, больше... уже заполнило все поле зрения...

Это, надо понимать, Балаклавский бой. А в следующую секунду он стоял на мостике «Лайона».

Только что «Индефатигэбл» и «Куин Мери» взорвались и пошли ко дну. Подбежал гонец: «Принцесс Ройял» взлетела на воздух! Битти наклонился и спокойно сказал, заглушая грохот битвы: «Бек, что-то неладно сегодня с нашими кораблями, черт бы их побрал. Два румба ближе к противнику!»

Дальше последовала обычная сцена с Гарфилдом и Гито; он соскочил с коня, пробежал через здание вокзала и принял пулю на себя. В ту самую секунду, когда Мартин Бек испускал последний вздох, подошел начальник ЦПУ, нацепил на его простреленную грудь медаль, развернул что-то вроде пергаментного свитка и проскрипел: «Ты назначен начальником канцелярии, жалованье по классу Б-три».

Президент лежал ничком, цилиндр катился по перрону. Нахлынула волна жгучей боли, и Мартин Бек открыл глаза...

По пути к метро он думал о своем странном поведении накануне вечером.

Сидя за письменным столом в кабинете на Вестберга аллее, он ощутил вдруг острый приступ одиночества. Он размышлял о Свярде. И о Рее.

Мартин Бек получил от нее гораздо больше, чем рассчитывал, — как следователь, естественно. Целых три нити. А то и четыре.

Свярд был болезненно скуп.

Свярд всегда — ну не всегда, так много лет — запирался на сто замков, хотя не держал в квартире ничего ценного.

Незадолго перед смертью Свярд тяжело болел, даже лежал в онкологической клинике.

Может быть, у него были припрятаны деньги? Если да, то где? Может быть, Свярд чего-то боялся? Если да, то чего? Чем, кроме собственной жизни, мог он дорожить, запираясь в своей конуре?

Что за болезнь была у Свярда? Судя по обращению в онкологическую клинику — рак. Но если он был обречен, то к чему такие меры защиты?

Может быть, он остерегался кого-то? Если да, то кого? И почему он переехал на другую квартиру, которая была и хуже и дороже? Это при его-то скупости.

Вопросы. Непростые, но вряд ли неразрешимые.

В два-три часа с ними не справишься, понадобятся дни. Может быть, недели, месяцы. А то и годы.

Что же все-таки показала баллистическая экспертиза?

Пожалуй, с этого следует начать.

...Мартин Бек взялся за телефон. Но сегодня аппарат капризничал, раз пять Мартин Бек слышал в ответ «минуточку!», после чего наступала гробовая тишина. В конце концов он все-таки разыскал девушку, которая семнадцать дней назад вскрывала грудную клетку Свярда.

— Да-да, — сказала она, — теперь припоминаю. Звонил тут один из полиции насчет этой пули, всю голову мне продолбил.

— Старший следователь Рённ.

— Возможно, не помню. Во всяком случае, не тот, который сначала вел это дело, не Альдор Гюставссон. Неуверенный какой-то и все время мямлит.

— Ясно, а дальше?

— Ну ведь я уже говорила вам в прошлый раз, полиция поначалу довольно равнодушно подошла к этому делу. Пока не позвонил этот ваш мямля, никто и не заикался о баллистической экспертизе. Я даже не знала, что мне делать с пулей. Но...

— Да?

— В общем, я решила, что выбрасывать ее не годится, и положила в конверт. Туда же положила свое заключение, по всем правилам. Так, как у нас заведено, когда речь идет о настоящем убийстве. Правда, в лабораторию не стала посылать, я же знаю, как они там перегружены.

— А потом?

— Потом куда-то засунула конверт. Но в конце концов я его все-таки отыскала и отправила.

— На исследование?

— У меня нет таких прав. Но если в лабораторию присылают пулю, они, надо думать, исследуют ее, хотя бы речь шла о самоубийстве.

— О самоубийстве?

— Ну да. Я написала так в примечании. Ведь из полиции сразу сказали, что речь идет о суицидуме.

— Ясно, буду искать дальше, — сказал Мартин Бек. — Но сперва к вам будет еще один вопрос.

— Какой?

— При вскрытии вы ничего особенного не заметили?

— Как же, заметила, что он застрелился. Об этом сказано в моем заключении.

— Да нет, я, собственно, о другом. Вы не обнаружили признаков какого-нибудь серьезного заболевания?

— Нет. Никаких органических изменений не было. Правда...

— Что?

— Я ведь не очень тщательно его исследовала. Определила причину смерти, и все. Только грудную клетку и смотрела.

— Значит, болезнь не исключается?

— Конечно. Все, что угодно, — от подагры до рака печени. Скажите, а почему вы так копаетесь? Рядовой случай, ничего особенного...

Мартин Бек попробовал разыскать кого-нибудь из сотрудников баллистической лаборатории. Ничего не добился и в конце концов вынужден был позвонить начальнику научно-технического отдела, Оскару Ельму, который пользовался славой выдающегося специалиста по криминальной технике. И малоприятного собеседника.

— А, это ты, — процедил Ельм. — Я-то думал, тебя сделали начальником канцелярии... Видно, не оправдались мои надежды.

— Почему ты так решил?

— Начальники канцелярий сидят и думают о своей карьере. Кроме тех случаев, когда играют в гольф или мелют вздор по телевидению. Уж они-то не звонят сюда и не задают пустых вопросов. Ну так что тебя интересует?

— Ничего особенного, баллистическая экспертиза.

— Ничего особенного? А поточнее можно? Нам ведь каждый недоумок какую-нибудь дрянь шлет. Горы предметов ждут исследования, а работать некому. Если бы кто-нибудь это понимал. Начальник цепу сто лет к нам не заглядывал, а когда я весной попросился к нему на прием, он велел передать, что на ближайшее время у него все расписано. Ближайшее время, а сейчас уже июль!

— Знаю, знаю, что у вас хоть волком вой.

— Это еще мягко сказано. — Голос Ельма звучал несколько приветливее. — Ты просто не представляешь себе, что творится.

Оскар Ельм был неисправимый брюзга, зато хороший специалист. И он был восприимчив к лести.

— Поразительно, как вы со всем управляетесь, — продолжал Мартин Бек.

— Поразительно? — повторил Ельм совсем уже добродушно. — Это не поразительно, это чудо. Ну так что у тебя за вопрос к баллистической экспертизе?

— Да я насчет пули, которую извлекли из одного покойника. Фамилия убитого Свярд, Карл Эдвин Свярд.

— Ясно, помню. Типичная история. Диагноз — самоубийство.

Патологоанатом прислал пулю нам, а что с ней делать, не сказал. Может, позолотить и отправить в криминалистический музей? Или это послание надо понимать как намек: дескать, отправляйся на тот свет сам, пока не пришли?

— А какая пуля?

— Пистолетная. Пистолет у тебя?

— Нет.

— Откуда же взяли, что это самоубийство?

Хороший вопрос. Мартин Бек сделал отметку в своем блокноте.

— Какие-нибудь данные можешь сообщить?

— Конечно. Сорок пятый калибр, род оружия — автоматический пистолет. Если ты пришлешь гильзу, определим поточнее.

— Я не нашел гильзы.

— Не нашел? А что, собственно, делал этот Свярд после того, как застрелился?

— Не знаю.

— Вообще-то, с такой пулей в груди особую прыть не разовьешь. Ложись да помирай, вот и весь сказ.

— Понятно, — сказал Мартин Бек. — Спасибо.

Что ж, один вопрос выяснен. Кто бы ни стрелял, сам Свярд или кто-то другой, он действовал наверняка. Сорок пятый калибр гарантирует успех. Это ясно, а в целом — много ли дал ему этот разговор?

Пуля — это еще не доказательство, если нет оружия или хотя бы гильзы.

Правда, выяснилась одна деталь. Ельм сказал, что пуля от автоматического пистолета сорок пятого калибра, а на его слова можно положиться. Итак, Свярд убит из автоматического пистолета.

А в остальном все непонятно по-прежнему: Свярд не мог покончить с собой, и никто другой не мог его убить.

...Мартин Бек продолжал поиск.

Он начал с банков, зная по опыту, что на них уйдет уйма времени.

Мартин Бек не давал передышки телефону.

Говорят из полиции. По поводу такого-то, проживающего по адресу... регистрационный номер... Просим сообщить, не открывал ли он у вас личный счет, был ли у него абонентский ящик.

Вопрос сам по себе несложный, но пока всех обзвонишь... А тут еще и конец рабочего дня. Раньше понедельника-вторника ответов не жди.

Еще нужно бы позвонить в больницу, где лежал Свярд, но это Мартин Бек сразу отложил на понедельник.

Его рабочий день тоже подходил к концу.

В семь часов он все еще сидел в своем кабинете, хотя рабочий день кончился два часа назад и сегодня он больше ничего не мог сделать для следствия.

Самым осязаемым итогом дня была мозоль на указательном пальце правой руки от усердного вращения телефонного диска.

Напоследок он отыскал в телефонной книге Рею Нильсен. И уже хотел набрать ее номер, но поймал себя на том, что не знает, о чем ее спросить, во всяком случае, в связи с делом Свярда. Служба тут ни при чем, просто он хотел убедиться, дома ли Рея, и задать ей только один вопрос.

Можно зайти?

Мартин Бек снял руку с аппарата и поставил телефонные книги на место. Потом навел порядок на столе, выбросил ненужные бумажки, аккуратно сложил карандаши.

Выйдя на улицу, Мартин Бек зашагал к метро. Ему пришлось довольно долго ждать, прежде чем подошли зеленые вагоны, снаружи очень аккуратные, а внутри изуродованные хулиганами — все сиденья изрезаны, ручки оторваны или отвинчены.

В Старом городе он сошел и направился к своему дому.

Дома, надев пижаму, поискал пива в холодильнике и вина в шкафу, хотя знал, что ни того, ни другого нет.

Открыл банку крабов и сделал себе два бутерброда. Откупорил бутылку минеральной воды. Поел. Ужин как ужин, совсем даже неплохой, но уж больно тоскливо сидеть и жевать в одиночестве... Правда, позавчера было точно так же тоскливо, но тогда его это почему-то меньше трогало.

Засыпая, Мартин Бек думал о макаронах с мясным соусом. И поймал себя на том, что ждет завтрашнего дня с чувством, смахивающим на нетерпение. А так как чувство это было ничем не оправдано, бессодержательность субботы и воскресенья показалась ему особенно невыносимой.

Впервые за несколько лет уединение превратилось в нестерпимую муку. Дома не сиделось, и в воскресенье он даже совершил прогулку на пароходике до Мариефред, но это не помогло. Он и на воле чувствовал себя словно взаперти. Что-то в его жизни крепко не ладилось, и он не хотел больше с этим мириться, как мирился прежде. Глядя на других людей, Мартин Бек догадывался, что многие из них пребывают в таком же тупике, но то ли не осознают этого, то ли не хотят осознавать.

В понедельник утром он опять скакал верхом во сне. Гито держал в руке автоматический пистолет сорок пятого калибра. А когда Мартин Бек выполнил свой жертвенный ритуал, к нему подошла Рея Нильсен и спросила: «Что за идиотскую затею ты придумал?»

Придя в свой кабинет, он снова взялся за телефон.

Начал с клиники. И с немалым трудом добился ответа, из которого мало что можно было извлечь.

Свярд был госпитализирован в понедельник шестого марта. Но уже на другой день его перевели в инфекционное отделение больницы Сёдер.

Почему?

— На этот вопрос теперь не так-то легко ответить, — сказала секретарша, отыскав наконец в регистрационных книгах имя Свярда. — Очевидно, случай не по нашему профилю. Истории болезни нет, есть только пометка, что он поступил с направлением от частного врача.

— А что за врач?

— Некий доктор Берглюнд, терапевт.

У доктора Берглюнда автоматический ответчик сообщил, что прием временно прекращен, до пятнадцатого августа.

Но Мартина Бека никак не устраивало ждать больше месяца, чтобы узнать, чем болел Свярд.

Мартин Бек доехал на такси до больницы и, поблуждав немного, отыскал человека, коему положено было знать все о состоянии здоровья Свярда.

Это был мужчина лет сорока, небольшого роста, волосы темные, глаза неопределенного цвета — серо-голубые с зелеными и светло-коричневыми искорками.

Пока Мартин Бек искал в карманах несуществующие сигареты, заведующий отделением, надев очки в роговой оправе, углубился в бумаги. Десять минут прошло в полном молчании. Наконец он сдвинул очки на лоб и посмотрел на посетителя.

— Ну так. Что же вы хотели узнать?

— Чем болел Свярд?

— Ничем.

С минуту Мартин Бек осмысливал это несколько неожиданное заявление.

Потом спросил:

— Почему же он пролежал тут почти две недели?

— Точнее, одиннадцать суток. Мы провели тщательное обследование. Были некоторые симптомы, было направление от частного врача.

— Доктора Берглюнда?

— Совершенно верно. Пациент считал себя тяжело больным. Во-первых, у него были две шишки на шее, во-вторых, в области живота слева — опухоль. Она легко прощупывалась, и пациент решил, что у него рак. Обратился к частному врачу, тот нашел тревожные симптомы. Но ведь частные врачи обычно не располагают необходимым оборудованием, чтобы диагностировать такие случаи. Пациента скоропалительно направили в онкологическую клинику. А там сразу выяснилось, что пациент не прошел обследования, и его перевели к нам. Ну а обследование — дело серьезное, надо было взять не один анализ.

— И вывод гласил, что Свярд здоров?

— Практически здоров. Насчет шишек на шее мы сразу его успокоили — обыкновенные жировики, ничего опасного. Опухоль в области живота потребовала более серьезного исследования. Но ничего серьезного мы не нашли. Киста. Ее можно было удалить, но мы посчитали, что в таком вмешательстве нет нужды. Пациент не испытывал никаких неудобств. Правда, он утверждал, что у него прежде были сильные боли, но они явно носили психосоматический характер.

Врач остановился, посмотрел на Мартина Бека, как глядят на детей и малограмотных взрослых, и пояснил:

— Попросту говоря, самовнушение.

— Вы лично общались со Свярдом?

— Конечно. Я каждый день с ним разговаривал, и перед его выпиской у нас состоялась долгая беседа.

— Как он держался?

— Первое время все его поведение определялось мыслями о мнимой болезни. Он был уверен, что у него неизлечимый рак и его дни сочтены. Думал, что ему осталось жить от силы месяц.

— Что ж, он угадал, — вставил Мартин Бек.

— В самом деле? Попал под машину?

— Застрелен. Возможно, покончил с собой.

Врач снял очки и задумчиво протер их уголком халата.

— Второе предположение кажется мне совсем невероятным.

— Почему?

— Как я уже сказал, перед выпиской Свярда у меня была с ним долгая беседа. Когда он убедился, что никакой болезни нет, у него словно гора с плеч свалилась. Прежде он был страшно подавленный, а тут совсем переменился, сразу повеселел. Еще до этого выяснилось, что его боли исчезают от самых простых средств. От таких таблеток, которые, между нами говоря, вовсе не являются болеутоляющими.

— Значит, по-вашему, он не мог покончить с собой?

— Не такая натура.

— А какая у него была натура?

— Я не психиатр, но на меня он произвел впечатление человека сурового и замкнутого. Персонал жаловался на него — придирается, брюзжит... Но это все проявилось уже в последние дни, после того как он понял, что у него нет ничего опасного.

Подумав, Мартин Бек спросил:

— Вы не знаете, к нему не приходили посетители?

— Мне он говорил, что у него нет друзей. Правда, родственник Свярда — он племянником назвался — звонил во время моего дежурства и справлялся, как здоровье дяди.

— И что вы ответили?

— Мы как раз получили все данные, когда он позвонил. И я сразу обрадовал его, ответил, что Свярд здоров и проживет еще много лет.

— Ну и как он реагировал?

— Судя по голосу, удивился. Очевидно, Свярд не только себя, но и его убедил, что не выйдет живым из больницы.

— Этот племянник как-то назвался?

— Наверно, но я не запомнил фамилию.

— Мне сейчас вот что пришло в голову, — сказал Мартин Бек. — Разве не заведено, чтобы пациент сообщал фамилию и адрес кого-нибудь из родных или знакомых на случай...

— Совершенно верно. — Врач снова надел очки. — Сейчас поглядим... Тут должно быть написано. Точно, есть. Рея Нильсен.

Глубоко задумавшись, шел Мартин Бек через парк Тантолюнден.

А задуматься было о чем.

Карл Эдвин Свярд не имел ни братьев, ни сестер.

Откуда же взялся племянник?

Придя домой, Мартин Бек долго бродил по квартире в отвратительнейшем настроении, прежде чем взял очередную книгу и лег. Книга была недостаточно скучной, чтобы усыпить его, и недостаточно интересной, чтобы прогнать сон. Часов около трех он встал и принял две таблетки снотворного, от чего обычно старался воздерживаться. Быстро уснул и проснулся совсем разбитый, хотя на этот раз обошлось без снов.

Рабочий день он начал с того, что внимательно проштудировал все свои записи. Этого занятия ему хватило до второго завтрака — чашки чаю и двух сухарей.

Когда он вернулся в кабинет, зазвонил телефон.

— Комиссар Бек? — спросил мужской голос.

— Да.

— Говорят из Торгового банка. Мы получили запрос относительно клиента по фамилии Свярд, Карл Эдвин Свярд.

— Да, слушаю?

— У нас открыт счет на его имя.

— На счету есть деньги?

— Около шестидесяти тысяч. Вообще...

Говорящий замялся.

— Ну, что вы хотели сказать? — подбодрил Мартин Бек.

— Вообще, я бы сказал, счет какой-то странный.

— Бумаги у вас под рукой?

— Конечно.

— Я могу сейчас приехать и взглянуть на них?

— Разумеется. Спросите заведующего отделением Бенгтссона.

Отделение банка находилось на углу Уденгатан и Свеавеген, и, несмотря на оживленное движение, Мартин Бек добрался туда за каких-нибудь полчаса.

Ему отвели столик за стойкой, и, просматривая бумаги, он подумал, усмехнувшись, что есть все-таки что-то положительное в порядках, позволяющих полиции копаться в личных делах граждан.

Заведующий отделением был прав: странный счет.

— Клиент предпочел чековый счет, — объяснил он. — Было бы естественнее выбрать какую-нибудь другую форму вклада, которая дает более высокий процент.

Верное замечание, но Мартина Бека больше заинтересовала регулярность взносов. Ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон, причем всегда между пятнадцатым и двадцатым числами.

— Насколько я понимаю, — сказал Мартин Бек, — деньги вносились не здесь.

— Совершенно верно, ни одного вклада не сделано у нас. Вот посмотрите, каждый взнос оформлен в другом отделении. Технически это никакой роли не играет. Но эта постоянная смена адресов отправителя, похоже, не случайна.

— Вы хотите сказать, что Свярд перечислял деньги сам, но так, чтобы его не узнали?

— Да... похоже на то. Когда перечисляешь деньги на свой счет, необязательно указывать фамилию отправителя.

— Но ведь бланк все равно надо заполнять?

— Как когда. Очень часто клиент просто вручает деньги кассиру и просит оформить перевод. Не все умеют бланки заполнять, тогда кассир вписывает фамилию адресата, номер личного счета, расчетный счет. Это предусмотрено правилами сервиса.

— А дальше что?

— Клиент получает копию бланка в качестве квитанции. Когда клиент перечисляет деньги на собственный счет, банк не шлет ему извещения. Вообще, уведомления посылают только в том случае, если клиент об этом просит.

— Понятно, а куда попадают оригиналы бланков?

— В наш центральный архив.

Мартин Бек медленно провел пальцем вдоль колонки цифр.

— Свярд не брал денег со своего счета? — спросил он.

— Нет, и это мне кажется самым странным. Ни одного чека не выписал. А когда я стал проверять, выяснилось, что он даже чековой книжки не брал, во всяком случае последние несколько лет.

Мартин Бек потер переносицу. На квартире Свярда не нашли ни чековой книжки, ни уведомлений, ни копий бланков.

— Кто-нибудь из здешнего отделения знает Свярда в лицо?

— Нет, мы его никогда не видели.

— Когда открыт счет?

— Судя по всему, в апреле тысяча девятьсот шестьдесят шестого.

— И с тех пор ежемесячно поступало семьсот пятьдесят крон?

— Да. Правда, последний взнос получен шестнадцатого марта сего года. — Заведующий заглянул в свой календарик. — Это был четверг. А в апреле ничего не поступило.

— Это объясняется очень просто, — сказал Мартин Бек. — Свярд умер.

— Что вы говорите... Нас не известили. Обычно в таких случаях к нам обращаются претенденты на наследство.

— Ну, в этом случае претендентов не было.

Чиновник озадаченно посмотрел на него.

— Зато теперь будут, — добавил Мартин Бек. — Всего доброго.

Лучше не задерживаться, пока кто-нибудь не надумал ограбить этот банк. Если при нем произойдет налет, как пить дать привлекут его в спецгруппу. «Откомандируют»... «Отрядят»...

Дело повернулось новой стороной. Семьсот пятьдесят крон в месяц шесть лет подряд! Как говорится, постоянный доход. И поскольку Свярд ничего не расходовал, на таинственном счету накопилась изрядная сумма. Пятьдесят четыре тысячи крон плюс проценты.

Для Мартина Бека это были большие деньги.

Для Свярда, надо думать, — целое состояние.

Новый поворот подсказывал и новые пути поиска.

Для начала надо, во-первых, потолковать с налоговыми органами, во-вторых, взглянуть на бланки перечислений, если они и впрямь сохранились.

Налоговое управление не располагало данными о Свярде.

Когда речь идет о бедняках, в ряду которых он числился, власти ограничиваются утонченной формой эксплуатации, которая выражается в наценке на продовольственные товары и сильнее всего бьет по карману тех, у кого карман и без того самый тощий.

Так, а что же с бланками перечислений?..

В Центральном отделении Торгового банка быстро отыскали двадцать два последних бланка. Все бланки оформлены в разных отделениях, и каждый заполнен другой рукой — несомненно, рукой кассира. Конечно, этих людей можно разыскать и опросить. Колоссальный труд, который скорее всего ничего не даст.

Кто может вспомнить клиента, который много месяцев назад перечислил на свой счет семьсот пятьдесят крон? Никто!

И вот Мартин Бек сидит у себя дома и пьет чай из «мемориальной» кружки.

Мартин Бек опять был не в своей тарелке. Опять душа не на месте, опять муторно, но теперь это отчасти объяснялось тем, что он никак не мог выкинуть из головы служебные дела.

Свярд. Эта дурацкая запертая комната.

Таинственный вкладчик.

Вот именно: таинственный вкладчик. Кто он? Неужели все-таки сам Свярд?

Нет. Трудно поверить, чтобы Свярд стал так мудрить.

Да и трудно представить, чтобы обыкновенный складской рабочий додумался завести чековый счет в банке.

Нет, деньги перечислял кто-то другой. По-видимому, мужчина — очень уж сомнительно, чтобы в банк пришла женщина, назвалась Карлом Эдвином Свярдом и сказала, что хочет перечислить семьсот пятьдесят крон на свой чековый счет.

И вообще: с какой стати кто-то слал Свярду деньги?

Этот вопрос пока что повисал в воздухе.

Кроме того, есть еще одна непонятная фигура.

Загадочный племянник.

Но невидимка номер один — человек, который то ли в апреле, то ли в начале мая ухитрился застрелить Свярда, хотя тот забаррикадировался, как в крепости, в запертой комнате.

А может быть, эти трое неизвестных — на самом деле одно лицо? Вкладчик, племянник, убийца?

Да, есть над чем поломать голову.

Мартин Бек поставил кружку и поглядел на часы. Быстро время пролетело — уже половина десятого. Идти куда-нибудь поздно. Да и куда бы он пошел?

Мартин Бек поставил пластинку с Бахом и включил проигрыватель. Потом лег в постель.

Если отвлечься от всех пробелов и вопросительных знаков, можно составить версию. Племянник, вкладчик и убийца — один человек. Свярд занимался умеренным шантажом и шесть лет принуждал этого человека платить ему семьсот пятьдесят крон в месяц, однако из-за болезненной скупости ничего не тратил. Его жертва продолжала платить год за годом, пока не лопнуло терпение.

Представить себе Свярда в роли шантажиста не так уж трудно. Но у шантажиста должны быть какие-то козыри против того, у кого он вымогает деньги.

Шантажист должен располагать какой-то информацией.

Где мог складской рабочий добыть такую информацию?

Там, где он работал. Или там, где жил.

Насколько известно, Свярд, в общем-то, больше нигде и не бывал. Только дома и на работе.

Но в июне 1966 года Свярд

оставил работу. За два месяца до этого на его счет поступил первый взнос.

Значит, началось все больше шести лет назад. А чем занимался Свярд после этого?

Когда Мартин Бек проснулся, пластинка все еще крутилась. Может быть, ему что-то и приснилось, но память ничего не сохранила.

Среда, новый рабочий день, и

совершенно ясно, с чего он должен начаться. С прогулки.

Он решил побродить по набережным. Сперва — по Корабельной, потом, перейдя через Слюссен, свернуть на восток вдоль Стадсгорден.

Он всегда любил эту часть Стокгольма. Особенно в детстве, когда у причалов стояли пароходы с товарами из дальних стран. Теперь редко увидишь настоящие океанские пароходы, их заменили паромы для любителей выпивки с островов. Хороша замена... И вымирает старая гвардия докеров и моряков, без которых порт совсем не тот.

Сегодня Мартин Бек получал удовольствие от прогулки, шагал быстро, целеустремленно, думая о своем.

Эти упорные слухи о предстоящем повышении... Вот уж некстати. Мартин Бек пуще всего на свете боялся такой должности, которая прикует его к письменному столу. Он всегда предпочитал работать, как говорится, на объекте, дорожил возможностью приходить и уходить когда заблагорассудится.

Мысль о большом кабинете — длинный стол, две картины на стенах (подлинники), вращающийся стул, кресла для посетителей, уголок для пишущей машинки, личный секретарь — эта мысль сегодня страшила его куда больше, чем неделю назад. В конце концов, может быть, не все равно, как сложится его жизнь в дальнейшем...

Полчаса быстрого хода — и вот он у цели.

Старый пакгауз был явно обречен на снос, он не предназначался для контейнерных перевозок и вообще не отвечал современным требованиям.

Ничего похожего на кипучую деятельность... Закуток заведующего складом пуст, стекла, через которые высокое начальство некогда наблюдало за работой, пыльные. Одно и вовсе разбито. Календарь на стене — двухлетней давности.

Рядом с горкой штучного груза стоял электропогрузчик, а позади него Мартин Бек увидел двух рабочих, один был в оранжевом комбинезоне, другой в сером халате. Первый — совсем молодой, другому можно было на вид дать все семьдесят. Они сидели на пластиковых канистрах, между ними стоял опрокинутый ящик. Младший покуривал, читая вечернюю газету.

Рабочие безучастно посмотрели на Мартина Бека; правда, младший выплюнул окурок и растер его каблуком.

— Курить в пакгаузе, — покачал головой старший. — Да знаешь, что тебе за это было бы...

— ...раньше, — кисло договорил за него младший. — Так ведь то раньше, а мы живем теперь, или ты этого до сих пор не усек, старый хрыч?

Он повернулся к Мартину Беку:

— А вам что тут надо? Посторонним вход воспрещен. Вон и на двери написано. Может, вы читать не умеете?

Мартин Бек вытащил бумажник и показал удостоверение.

— Легавый, — процедил младший.

Старик ничего не сказал, но уставился в землю и отхаркался, словно для плевка.

— Вы здесь давно работаете?

— Семь дней, — сказал младший. — И завтра конец, уж лучше вернусь на грузовой автовокзал. А вам зачем?

Не дождавшись ответа, парень добавил:

— Здесь скоро вообще всему конец. А дед вот помнит еще времена, когда в этой чертовой развалюхе вкалывали двадцать пять работяг и два десятника покрикивали. Он мне об этом раз двести толковал.

— Тогда он, наверно, помнит ра-

бочего по фамилии Свярд. Карл Эдвин Свярд.

Старик поднял на Мартина Бека мутные глаза.

— А что стряслось? Я ничего не знаю.

Все ясно: из конторы уже передали, что полиция ищет кого-нибудь, кто помнит Свярда.

— Помер он, Свярд, помер, давно похоронили, — ответил Мартин Бек.

— Помер? Вот оно что... Ну, тогда я его помню.

— Не заливай, дед, — вмешался парень. — А кого Юханссон на днях расспрашивал? И никакого толку не добился. У тебя паутина в мозгах.

Видно, он решил, что Мартина Бека можно не опасаться, потому что спокойно закурил новую сигарету и продолжал:

— Я вам точно говорю, дед из ума выжил. На следующей неделе увольняют, с нового года будет пенсию получать. Если доживет.

— У меня с памятью все в порядке, — оскорбленно возразил старик. — И уж кого-кого, а Калле Свярда я хорошо помню. Да только мне никто не сказал, что он помер.

Мартин Бек молча слушал.

— На том свете и фараон тебя не достанет, — философски заключил старик.

Парень встал, взял канистру и зашагал к воротам.

— Скорей бы этот чертов грузовик пришел, — пробурчал он. — А то в этом доме престарелых сам плесенью обрастешь.

— Что за человек он был, этот Калле Свярд? — спросил Мартин Бек.

Старик покачал головой, опять отхаркался и чуть не попал плевком в правый ботинок Мартина Бека.

— Какой человек? Это все, что тебе надо знать?

— Все.

— А он точно помер?

— Точно.

— В таком случае разрешите доложить, что Калле Свярд был первый подонок во всей этой дерьмовой стране. То есть я другого такого подонка не встречал.

— Что же в нем такого особенного было, в этом Свярде?

— Особенного? Да уж что верно, то верно — лентяй он был особенный, другого такого не сыщешь. А еще скупердяй, какого свет не видел, и никудышный товарищ. От него, хоть ты помирай, глотка воды не дождешься.

Он помолчал, затем плутовато добавил:

— Правда, кое в чем он был молодец.

— Например?

Старик отвел глаза, помялся, потом сказал:

— Например? Да хоть лизать корму начальству. И спихивать на других свою работу. Больным прикидываться. Опять же инвалидность ухитрился вовремя получить, не стал дожидаться, когда его уволят.

Мартин Бек сел на ящик.

— А ведь ты не это хотел сказать.

— Я?

— Да, ты.

— А Калле точно отдал концы?

— Умер. Слово.

— Откуда у фараона честное слово... И вообще, негоже покойника охаивать, хотя, по-моему, это не так уж важно, только бы ты с живыми по совести обращался.

— Подписываюсь двумя руками, — сказал Мартин Бек. — Ну, так в чем же Калле Свярд был молодец?

— А в том, что знал он, какие ящики разбивать. Но все норовил в сверхурочные часы, чтобы не делиться.

Мартин Бек встал. Так, вот еще один факт, и, наверно, единственный, которым располагает этот старик. Умение разбивать нужный ящик всегда играло важную роль в этой профессии... Чаще всего страдали при перевозке спиртное, табак и всякие мелкие изделия, которые несложно унести и сбыть.

— Ну вот, — сказал старик, — сорвалось с языка. Ладно... Узнал, что надо, и сразу сматываешься. Давай, всего, приятель.

Карл Эдвин Свярд не пользовался любовью товарищей, но пока он жил, с ним обращались по совести...

— Всего, — повторил старик. — Счастливый путь.

Мартин Бек уже шагнул к двери и открыл рот, чтобы поблагодарить и попрощаться, но передумал и снова сел на ящик.

— А что, посидим еще, потолкуем?

— Чего, чего? — недоверчиво вымолвил старик.

— Вот только жаль, пива нет. Но я могу сходить.

Старик вытаращил глаза. Выражение покорности судьбе сменилось на его лице удивлением.

— Нет, ты правда?.. Потолковать... со мной?

— Ну да.

— Так у меня есть. Пиво есть. Вот, под ящиком, ты на нем сидишь.

Мартин Бек приподнялся, и старик достал из-под ящика две банки пива.

— Плачу? — спросил Мартин Бек.

— Плати, коли хочется. А можно и так.

Мартин Бек протянул ему пятерку и снова сел.

— Так говоришь, по морям плавал, — сказал он. — И когда же ты первый раз в рейс пошел?

— В девятьсот двадцать втором, из Сюндсвалля. Судно называлось «Фрам». А шкипера звали Янссон. Ох и злыдень был...

Когда они откупорили по второй банке, вошел водитель электропогрузчика. И сделал большие глаза:

— Вы в самом деле из полиции?

Мартин Бек промолчал.

— Да вас самих привлечь не мешало бы, — заключил парень и опять вышел.

Мартин Бек ушел только через час, когда к пакгаузу наконец подъехал грузовик.

Этот час не был брошен на ветер. У старых рабочих есть что порассказать, странно только, что никому нет до них дела. Взять хоть этого старика — сколько он повидал и пережил на суше и на море...

И в деле Свярда появилась еще одна ниточка, которую не мешало бы размотать.

Мартин Бек был в отличной форме, когда после ленча вошел в контору транспортной фирмы на Корабельной набережной.

Он понимал, что с его вопросом не приходится рассчитывать на особенную отзывчивость. И не ошибся.

— Повреждения грузов при перевозке?

— Вот именно.

— Конечно, без повреждений не обходится. Вам известно, сколько тонн в год мы обрабатываем?

Риторический вопрос. От него явно хотели поскорее отделаться, но он не собирался отступать. Ему надо было знать, что могло случиться, когда работал на складе Свярд.

— Шесть лет назад?

— Шесть, семь... Давайте возьмем шестьдесят пятый и шестьдесят шестой годы.

— Вы посудите сами, можем ли мы ответить на такой вопрос? Я вам уже сказал, что в старых пакгаузах повреждения случались чаще. И бывало, что ящики разбивались, но ведь на то и страховка, чтобы покрывать такие потери. С рабочих редко взыскивали. Кого-то иногда приходилось увольнять, не без этого, но в основном временных.

Мартина Бека интересовало, регистрировались ли где-нибудь повреждения грузов, с указанием виновного.

Конечно, десятник делал соответствующую запись в амбарной книге.

А сохранились амбарные книги за те годы, когда Свярд работал на складе?

Надо думать, сохранились в каком-нибудь старом ящике на чердаке. Там невозможно что-нибудь найти. Сейчас ничего не выйдет.

После непродолжительной дискуссии, что понимать под словом «невозможно», было решено, что простейший способ избавиться от него — уступить.

На чердак послали молодого человека, который почти сразу вернулся с пустыми руками и удрученным лицом. Мартин Бек отметил, что на пиджаке клерка нет даже следов пыли, и вызвался сам сопровождать его в повторной вылазке.

На чердаке было очень жарко, и в солнечных лучах плясали пылинки, но, в общем-то, ничего страшного, и через полчаса они нашли нужный ящик. Папки были старого типа, картонные, с коленкоровым корешком. На ярлычках — номер пакгауза, год. Всего набралось пять папок — от второй половины шестьдесят пятого до первой половины шестьдесят шестого года.

Молодой клерк утратил свой чинный вид, его пиджак просился в химчистку, все лицо было в грязных потеках.

В конторе на папки посмотрели с удивлением и неприязнью.

Нет, нет, никаких расписок не надо, и возвращать папки не обязательно.

— Надеюсь, я не очень много хлопот причинил, — учтиво сказал Мартин Бек.

Когда он удалился, зажав добычу под мышкой, его провожали холодные взгляды.

Добравшись до Вестберга аллее, Мартин Бек первым делом отнес папки в туалет и стер с них пыль. Потом умылся сам, после чего сел за свой стол и углубился в документы.

Когда он приступил, часы показывали три; в пять часов он решил, что можно подвести черту.

Количество обработанных грузов учитывалось ежедневно, и записи были сделаны достаточно аккуратно, но сплошные сокращения мало что говорили непосвященному человеку.

Тем не менее Мартин Бек нашел искомое — разбросанные тут и там пометки о поврежденных грузах.

Всякий раз был указан род товара и адресат. Но о виновнике повреждения ни слова.

В целом повреждений было не так уж много, зато бросалось в глаза явное преобладание в этой рубрике спиртных напитков, продовольственных товаров, изделий ширпотреба.

Мартин Бек тщательно занес в свой блокнот все случаи повреждений, с указанием даты. Получилось около полусотни записей.

Закончив работу, он отнес папки в канцелярию и написал на листке бумаги, чтобы их отправили в транспортную фирму.

Подумал и приложил к папкам благодарственную записку на бланке полицейского управления: «Спасибо за помощь! Бек».

Идя к метро, он вдруг сообразил, что по его вине фирме прибавится работы. И с удивлением поймал себя на этаком ребяческом злорадстве.

В ожидании зеленого поезда, над которым потрудились хулиганы, Мартин Бек размышлял о современных контейнерных перевозках. Раньше ведь как было: уронил ящик, а потом разбивай бутылки и бережно сливай коньяк в бидоны или канистры... Со стальным контейнером такой номер не пройдет, зато нынешние гангстеры получили возможность провозить контрабандой все, что угодно. И делают это повседневно, пользуясь тем, что обалдевшая таможня сосредоточила весь огонь на личном багаже, вылавливая лишний блок сигарет или бутылочку виски.

Подошел поезд. Мартин Бек сделал пересадку на Центральной станции и вышел у Торгового училища.

В винной лавке на Сюрбрюнисгатан продавщица подозрительно воззрилась на его пиджак, сохранивший отчетливые следы визита на чердак транспортной фирмы.

— Пожалуйста, две бутылки красного, — попросил он.

Она живо нажала под прилавком кнопку, соединенную с красной сигнальной лампочкой, и строго потребовала, чтобы он предъявил документ.

Мартин Бек достал удостоверение личности, и продавщица порозовела, как будто оказалась жертвой на редкость глупой и непристойной шутки.

Выйдя из лавки, он взял курс на Тюлегатан.

Окончание следует

Перевел со шведского Л. ЖДАНОВ

МАЙ ШЁВАЛЛЬ
и ПЕР ВАЛЁ

ЗАПЕРТАЯ КОМНАТА

Роман

Мартин Бек дернул звонок, потом толкнул дверь. Заперто. Но в прихожей горел свет, поэтому он позвонил еще раз.

Рея отворила. Сегодня на ней были коричневые трикотажные брюки и какой-то длинный, ниже колен, лиловый кафтан.

— А, это ты... — протянула она.

— Я. Можно войти?

— Входи, — сказала она, помешкав, и сразу повернулась спиной. Сделала шаг-другой, потом остановилась. Постояла, наклонив голову, подумала, все-таки заперла дверь и повела гостя на кухню.

— Я взял две бутылки вина.

— Поставь в буфет. — Садясь, Рея недовольно покосилась на Мартина. — Зачем такое дорогое?

Он сел напротив нее.

— Опять Свярд? — спросила она.

— Нет. Хотя годится как предлог.

— Тебе необходим предлог?

— Ага. Для храбрости.

— А а... Ладно, тогда давай заварим чай.

Она отодвинула в сторону книги и загремела посудой.

— Вообще-то я думала сегодня вечером позаниматься. Ладно, обойдется. Очень уж муторно одной сидеть. Ты ужинал?

— Нет.

— Вот и хорошо. Сейчас что-нибудь соображу.

— Между прочим, ты угадала насчет Свярда, — сказал Мартин Бек. — У него были деньги в банке. И немалые.

— М-м-м, — отозвалась она.

— Кто-то платил ему семьсот пятьдесят крон в месяц. Как по-твоему, кто бы это мог быть?

— Не знаю. Он же ни с кем не знался.

— А почему он все-таки переехал?

Она пожала плечами.

— Я вижу только одно объяснение: ему здесь не нравилось. Он ведь со странностями был. Несколько раз жаловался, почему я так поздно запираю подъезд. Будто весь дом только для него.

— Все верно.

Она помолчала, потом спросила:

— Что «верно»? Ты узнал что-нибудь интересное?

— Не знаю, назовешь ли ты это интересным, — его явно кто-то застрелил.

— Странно. Рассказывай.

Она опять загремела кастрюлями, но слушала внимательно.

Когда Мартин Бек закончил свой рассказ, она расхохоталась.

— Великолепно! Ты не читаешь детективов?

— Нет.

— Я их пачками глотаю, без разбора, и тут же почти все забываю. Но ведь это классический случай. Запертая комната — на эту тему тысячи страниц написаны. Недавно я прочла... Погоди-ка. Расставь пока тарелки. Там, на полке, соус соевый. Накрой так, чтобы приятно было за стол сесть.

Он приложил все свое старание. Рея вернулась через несколько минут с каким-то журнальчиком, раскрыла его, потом разложила по тарелкам рис.

— Ешь, — распорядилась она. — Пока горячий.

— Вкусно, — сказал он.

— М-м-м... Да, рис удался.

Она живо управилась со своей порцией и взялась за журнальчик.

— Вот, слушай. Запертая комната. Расследование. Три основные версии — А, Б и В. Версия А: преступление совершено в комнате, которая надежно заперта изнутри, и убийца исчез — в комнате никого не обнаружено. Б: преступление совершено в комнате, которая только кажется наглухо закрытой, а на самом деле есть способ выбраться из нее. В: убийца остается в комнате и где-то ловко прячется... Но тут еще есть куча вариантов. Например, А-5: убийца не трогает замки и засовы, а снимает дверные петли и входит. А потом привинчивает петли на место. Или вот, А-9: жертва получает смертельную рану в каком-то другом ме-

---

Окончание. Начало в № 6—11.

сте, приходит в свою комнату, запирается и только потом умирает. Да ты почитай сам.

Она подала ему журнальчик. Мартин Бек пробежал его глазами и отложил в сторону.

— Кому посуду мыть? — спросила Рея.

Он встал и собрал тарелки.

Она подобрала ноги и обняла колени руками.

— Ты же детектив. Радоваться должен необычному случаю. Значит, по-твоему, в больницу звонил убийца?

— Не знаю.

— А мне кажется, так вполне могло быть.

Он пожал плечами.

— Может, продегустируем твое дорогое вино? — спросила она.

Вино и впрямь было приятное. Они помолчали.

— Нравится тебе полицейская служба? — заговорила Рея.

— Как тебе сказать...

— Не хочешь об этом — не будем.

— Кажется, меня задумали сделать начальником канцелярии.

— А тебе не хочется, — подытожила Рея.

Подумала немного и сказала:

— Какую музыку ты любишь? У меня есть всякие пластинки.

Они перешли в комнату с проигрывателем и разномастными креслами. Включили музыку.

Он зевнул.

— Ты устал, — сказала Рея.

Мартин Бек промолчал.

— И домой идти не хочется. А ты и не ходи.

Тут же она добавила:

— Знаешь, я все-таки попробую позаниматься еще немного. А ты прилег бы. У тебя вид совсем измотанный.

Мартин Бек послушался. Он в самом деле был измотан и почти тотчас уснул. Рея сидела за столом, наклонив над книгами русую голову. Когда он снова открыл глаза, она стояла около кровати:

— Проснись, уже двенадцать. Есть хочу до смерти. Сходишь, запрешь подъезд? А я пока поесть приготовлю. Ключ висит на косяке слева.

XXVII

Мальмстрём и Мурен совершили налет в пятницу, 14 июля. Ровно без четверти три они вошли в банк — в оранжевых комбинезонах, масках «Фантомас» и резиновых перчатках.

Они держали в руках свои крупнокалиберные пистолеты, и Мурен первым делом пустил пулю в потолок. Чтобы присутствующим было понятно, о чем идет речь, он крикнул на ломаном шведском языке:

— Ограбление!

Хаузер и Хофф были в обычных костюмах, только лицо скрывал черный капюшон с прорезями для глаз. Хаузер был вооружен автоматом, Хофф — куцым дробовиком «марица». Они стояли в дверях, прикрывая пути отхода к машинам.

Тем временем Мальмстрём и Мурен методично опорожняли сейфы.

Все шло по плану с точностью изумительной.

Пятью минутами раньше в южной части города, на автостоянке у Русенлюндсгатан взорвался какой-то старый рыдван. Сразу после взрыва послышалась беспорядочная стрельба и загорелась постройка по соседству со стоянкой. Виновник всей этой суматохи, подрядчик А, вышел проходными дворами на другую улицу, сел в машину и покатил домой.

Ровно через минуту после взрыва в подворотню полицейского управления въехал задним ходом мебельный фургон, причем въехал наискось и плотно застрял. Из фургона высыпались картонные коробки с ветошью, которая была пропитана горючей смесью и тотчас вспыхнула ярким пламенем.

Словом, все шло как по писаному. Предусмотренные планом акции выполнялись досконально и точно по расписанию.

И, с точки зрения полиции, события в общем и целом развивались так, как было предусмотрено, это относилось и к последовательности акций, и к срокам.

Если не считать одной небольшой закавыки.

Мальмстрём и Мурен провели налет не в Стокгольме.

Они ограбили банк в Мальмё.

Пер Монссон, инспектор уголовной полиции Мальмё, пил кофе в своем кабинете. Его окно выходило во двор полицейского управления, и инспектор чуть не подавился сдобой, когда в подворотне что-то ухнуло и заклубился густой дым. Одновременно Бенни Скакке, подающий надежды молодой сотрудник, который, сколько ни усердствовал, никак не мог продвинуться дальше рядового следователя, распахнул дверь его кабинета и крикнул, что принят сигнал тревоги. На Русенлюндсгатан произведен взрыв, идет жуткая перестрелка, горит по меньшей мере один дом.

Не успело начальство распорядиться, чтобы личный состав выезжал к месту происшествия, как само полицейское управление подверглось атаке, и. когда разобрались, что к чему, оказалось, что весь тактический резерв заперт во дворе. Так что сотрудники добирались до Русенлюндсгатан на такси или на собственных машинах, не оборудованных приемопередатчиками.

Монссон прибыл туда в семь минут четвертого. Расторопные пожарники уже справились с пожаром; огонь причинил незначительные повреждения пустому гаражу. Сосредоточенные в районе взрыва крупные полицейские силы не обнаружили ничего особо подозрительного и нашли лишь искореженный драндулет. А через восемь минут один из моторизованных патрулей услышал в своем приемнике донесение о том, что подвергся налету банк в деловом центре города.

Мальмстрём и Мурен к этой минуте успели покинуть Мальмё. Кто-то видел, как от банка отъехал синий «фиат». Погони не было, и через несколько минут приятели разделились, сев каждый в свою машину.

Как только полиции наконец удалось навести порядок в собственном доме, избавившись от фургона и горящих коробок, город был закрыт. Лучшие полицейские силы страны были брошены на розыск синего «фиата». Его нашли через три дня в одном из сараев Восточной гавани Мальмё; в машине лежали комбинезоны, маски «Фантомас», резиновые перчатки, пистолеты и разная мелочь.

Хаузер и Хофф честно отработали щедрый гонорар, помещенный на личные счета их жен. Они удерживали позицию у входа в банк почти десять минут после того, как укатили Мальмстрём и Мурен.

Хаузеру вопреки всем, в том числе и его собственным, расчетам удалось благополучно уйти; через Хельсингборг и Хельсингер он без помех покинул страну.

А вот Хофф попался — попался из-за нелепой оплошности. Без пяти четыре он поднялся на борт парома «Мальмёхюс», одетый в серый костюм, белую сорочку с галстуком и... черный куклусклановский капюшон. Проклятая рассеянность...

Полицейские и таможенники пропустили его, полагая, что на пароме происходит не то маскарад, не то мальчишник, но у команды он вызвал подозрение, и по прибытии в Копенгаген Хоффа сдали пожилому датскому полицейскому, который от удивления чуть не выронил бутылку с пивом, когда задержанный сми-

ренно выложил на стол тесной дежурки два заряженных пистолета, плоский штык и нечто вроде ручной гранаты.

Помимо билета до Франкфурта, при Хоффе были деньги, а именно: сорок немецких марок, две датские десятки и три тридцать пять в шведской валюте. В итоге потери банка составили только два миллиона шестьсот тринадцать тысяч четыреста девяносто шесть крон и шестьдесят пять эре.

Странные вещи происходили в это время в Стокгольме.

И самое сногсшибательное приключение выпало на долю Рённа.

Ему выделили шестерых полицейских и поручили относительно скромную задачу: держать под наблюдением Русенлюндсгатан и схватить подрядчика А. И, так как улица довольно длинная, он постарался целесообразно распределить свои немногочисленные силы. Двое на машине составили мобильный отряд, остальные четверо заняли стратегические пункты.

Бульдозер Ульссон велел ему действовать спокойно, главное — не терять голову, что бы ни произошло.

Без двадцати двух минут три Эйнар Рённ стоял как раз напротив кафе «Бергсгрюван». Ничто не омрачало его настроения, когда к нему подошли два молодца — такие же неопрятные, как большинство прохожих на стокгольмских улицах.

— Дай закурить, — сказал один из них.

— Так ведь нет у меня сигарет, — миролюбиво ответил Рённ.

Миг — и он увидел стилет, нацеленный прямо в живот, а в опасной близости от его головы закачалась велосипедная цепь.

— Ну ты, треска вонючая, — процедил юнец со стилетом. И бросил своему приятелю: — Тебе бумажник. Мне часы и кольцо. Потом пырнем старичка.

Рённ никогда не слыл мастером джиу-джитсу или карате, но кое-какие приемы все-таки помнил.

Он ловко сделал подсечку парню с ножом, который удивленно приземлился на пятую точку. Однако следующий прием Рённу удался хуже. Он уклонился в сторону, но недостаточно быстро, и цепь ударила его повыше правого уха так, что в глазах потемнело. Тем не менее, падая, он ухитрился повалить и второго грабителя.

— Ну, дед, заказывай панихиду, — прошипел юнец со стилетом.

В эту самую минуту к месту происшествия подоспел мобильный отряд, и, когда в голове у Рённа прояснилось, полицейские уже успели избить лежащих хулиганов дубинками и пистолетами и заковать их в наручники.

Парень с велосипедной цепью первым пришел в себя, осмотрелся кругом, вытер кровь со лба и недоуменно спросил:

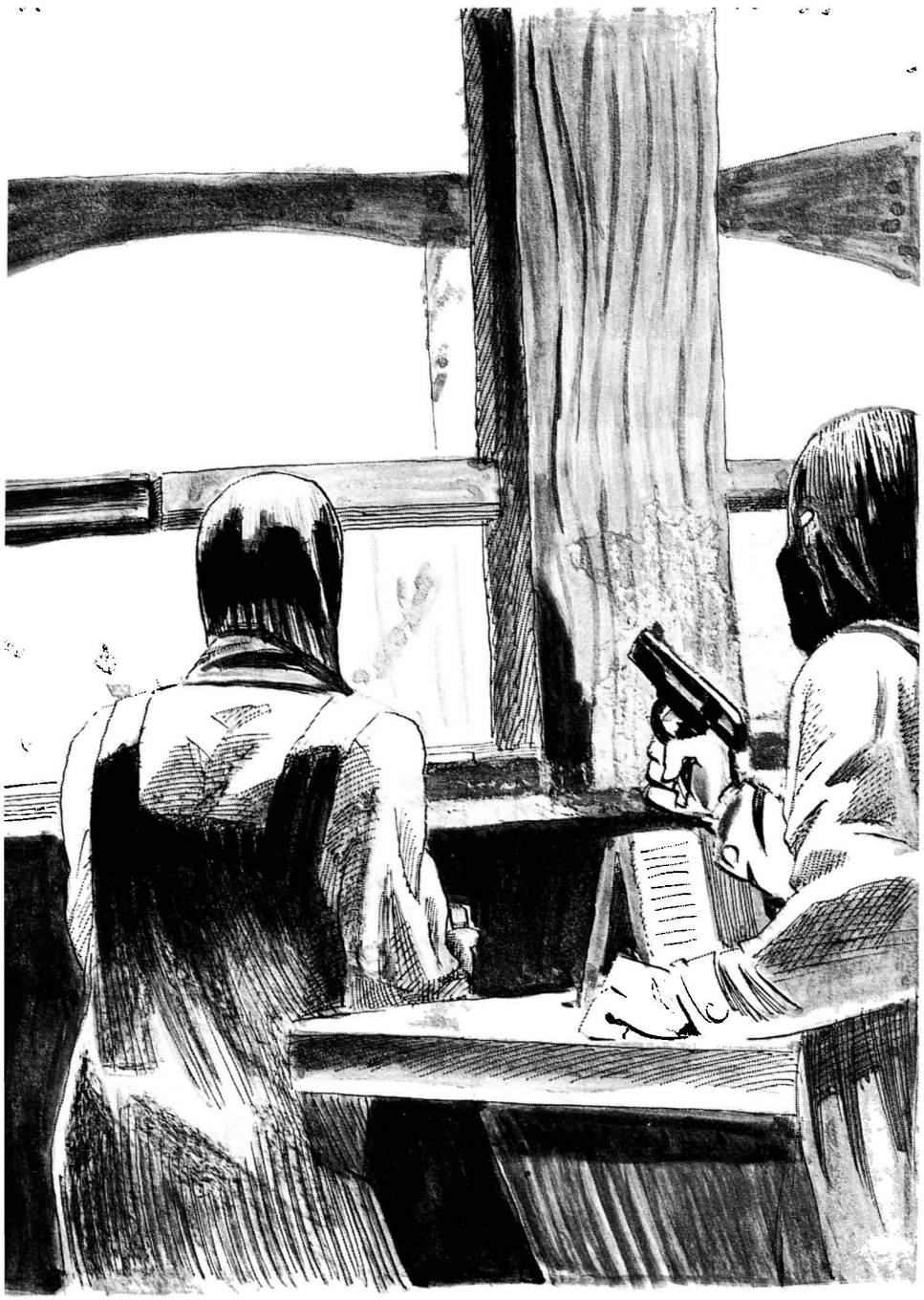
— Что произошло?

— А то, паренек, что ты на засаду нарвался, — объяснил ему один из полицейских.

— Полицейская засада? Против нас? Да вы что? Ради какой-то тухлой трески?

У Рённа снова выросла шишка на голове — правда, это был единственный физический урон, который понесла спецгруппа в этот день; психические изъяны не в счет.

В оснащенном по последнему слову техники сером автобусе оперативного центра Бульдозер Ульссон выделывал замысловатые антраша от нетерпения, чем немало затруднял работу не только радисту, но и руководившему этой частью операции Колльбергу.



Рисунки В. КОЛТУНОВА

Без четверти три напряжение достигло кульминации, потянулись нестерпимо долгие секунды.

В три часа служащие банка заявили, что пора закрывать, и сосредоточенным в зале полицейским силам во главе с Гюнвальдом Ларссоном оставалось лишь покориться.

Тяжкое чувство опустошенности овладело всеми, только Бульдозер Ульссон сказал:

— Господа, это временная неудача. А может быть, никакой неудачи и нет. Просто Рус проведал, что мы что-то проведали, и решил взять нас измором. Он пошлет Мальмстрёма и Мурена на дело в следующую пятницу, через неделю. Фактически потеря темпа у него, а не у нас.

Первые тревожные сигналы поступили в половине четвертого. Причем настолько тревожные, что спецгруппа тотчас отступила в штаб на Кунгсхольмсгатан, чтобы оттуда следить за ходом событий: телексы безостановочно отстукивали новые сообщения.

Мало-помалу картина прояснялась.

— Кажется, слово «Милан» означало не то, что ты думал, — сухо сказал Колльберг.

— Не то, — согласился Бульдозер. — Мальмё... Это ж надо!

Удивительное дело: он уже целый час не метался, а тихо сидел на месте.

— Кто бы мог знать, что и в Мальмё есть такая же улица, — проворчал Гюнвальд Ларссон.

— И что почти все новые отделения банков строят по одному чертежу, — добавил Колльберг.

— Мы должны были знать это, господа! — воскликнул Бульдозер. — Рус знал. Зато теперь мы будем начеку. Совсем забыли про рационализацию. Одинаково строить дешевле. Рус привязал нас к Стокгольму. Но в другой раз он нас не проведет. Главное, не падать духом.

Бульдозер встал; он явно уже воспрянул духом.

— А где сейчас Вернер Рус?

— В Истанбуле, — ответил Гюнвальд Ларссон. — Отдыхает там, у него несколько свободных дней.

— Вот как, — произнес Колльберг. — Хотел бы я знать, где отдыхают Мальмстрём и Мурен?

— Это не имеет никакого значения. — Бульдозер все больше воодушевлялся. — Легко добыто — легко прожито. Скоро они опять будут здесь. И уж тогда на нашей улице будет праздник.

— Как же, — буркнул Колльберг.

Итак, туман развеялся окончательно. И день был на исходе.

Мальмстрём успел уже обосноваться в гостиничном номере в Женеве, который заказал еще три недели назад.

Мурен находился в Цюрихе, но собирался завтра же двигаться дальше, в Южную Америку.

В сарае, где они пересаживались в другие машины, им удалось перекинуться лишь несколькими словами.

— Ты уж смотри не выбрасывай заработанные тяжким трудом гроши на трусы и недостойных женщин, — наставительно произнес Мурен.

— Жуть сколько отхватили, — отозвался Мальмстрём. — Что будем с ними делать?

— На книжку положим, что же еще, — ответил Мурен.

На следующий день в отеле «Хилтон Истанбул», сидя в баре и потягивая коктейль, Вернер Рус читал «Геральд трибюн».

Впервые сей разборчивый орган печати удостоил его своим вниманием. Короткая заметка, лаконичный заголовок: «Ограбление банка по-шведски».

Сообщались основные факты, такие, как выручка налетчиков. Около полумиллиона долларов.

И второстепенные детали:

«Представитель шведской полиции заявил сегодня, что организаторы налета известны».

Чуть пониже — еще одна телеграмма из Швеции:

«Массовый побег. Пятнадцать самых матерых налетчиков бежали сегодня из тюрьмы Кумла, считавшейся абсолютно надежной».

Бульдозера эта новость застигла в ту самую минуту, когда он впервые за много недель лег спать в супружескую постель. Он тотчас вскочил и забегал по спальне, упоенно твердя:

— Какие возможности! Какие сказочные возможности! Ну, теперь война пойдет не на жизнь, а на смерть!

XXVIII

В пятницу Мартин Бек явился в дом на Тюлегатан в четверть шестого с бутылкой вина в руке и свертком под мышкой. На первом этаже ему встретилась Рея. Одетая только в длинный лиловый кафтан, она громыхала по ступенькам красными башмаками на деревянной подошве, держа в руках по пакету с мусором.

— Привет, — поздоровалась она. — Хорошо, что ты пришел. Я тебе кое-что покажу.

— Давай я возьму пакеты, — предложил он.

— Зачем, это мусор. Да у тебя и без того руки заняты. Откроешь мне?

Мартин Бек распахнул дверь во двор, и Рея направилась к мусорным контейнерам.

...На кухне за чашкой чая сидели двое — девушка по имени Ингела и другая, которой он еще не видел.

— Ну, что ты мне хотела показать? — спросил он.

— Сию минуту, — сказала Рея. — Идем.

Мартин Бек пошел за ней.

Она показала на одну из дверей, выходящих в прихожую.

— Вот прошу. Запертая комната.

— Детская?

— Точно. Никого нет, и заперто изнутри.

Он пристально поглядел на нее. Какая она сегодня веселая и жизнерадостная...

— Дверь запирается изнутри на крючок. Я сама его привинтила. Чтобы ребята могли посекретничать, когда захочется.

— Но ведь их дома нет.

— Фу, дурачок! Я там убирала, пылесосила, а потом хлопнула дверью. Крючок подпрыгнул и зацепился за скобу. Теперь не откроешь.

Он подергал дверь. Правда, не поддается.

— Ну и как же теперь открыть?

Она пожала плечами:

— Видно, силу применить придется. Действуй. Как говорится, для таких вещей и держат мужчину в доме.

Наверно, у него был на редкость глупый вид, потому что она рассмеялась. Потом быстро погладила его по щеке:

— Ладно, бог с ней. Сама справлюсь. Как бы то ни было, перед тобой запертая комната. Не знаю только, какой вариант.

Рея взялась за ручку, сбросила правый башмак и уперлась в косяк ступней.

— Нет уж, постой, — вмешался он. — Лучше я.

— Давай, — уступила она и пошла на кухню к своим гостям.

Мартин Бек некоторое время присматривался к двери. Потом поступил так же, как Рея, — уперся ногой в косяк и взялся за ручку. Она была старая, добротная и производила вполне надежное впечатление.

Сначала он дернул вполсилы, но во второй раз рванул уже как следует. Только на пятый раз его усилия увенчались успехом — винты поддались с жалобным скрипом, и дверь распахнулась.

Не выдержали винты, крепив-

шие крючок, а скоба сидела на месте, словно впаянная в косяк. Она была отлита заодно с опорной пластиной. Мартин Бек осмотрелся. Комната пуста, окно заперто.

На кухне шел оживленный разговор о геноциде во Вьетнаме.

— Рея, — сказал он, — где инструмент? Я крючок привинчу.

— Вон там, в сундучке.

Руки были заняты вязанием, и она показала ногой.

Он разыскал отвертку и шило, но она остановила его:

— Небось несрочно. Возьми себе чашку и садись с нами. Погляди, каких булочек Анна напекла.

Он сел и принялся за свежую булочку, рассеянно слушая их беседу, но затем в мозгу его будто включился магнитофон, который воспроизводил совсем другой разговор, происходивший одиннадцать дней назад.

Разговор в одном из коридоров Стокгольмского городского суда, состоялся во вторник, 4 июля 1972 года.

Мартин Бек: Значит, вы выбили шплинты из петель, открыли дверь, а потом вошли в квартиру?

Кеннет Квастму: Ну да.

Мартин Бек: Кто вошел первым?

Кеннет Квастму: Я. Кристианссон следовал за мной.

Мартин Бек: Что ты сделал, когда вошел, поточнее?

Кеннет Квастму: В комнате было мало света, но я увидел на полу труп, метрах в двухтрех от окна.

Мартин Бек: Дальше. Постарайся вспомнить все подробно.

Кеннет Квастму: В комнате нечем было дышать. Я обошел вокруг тела и подошел к окну.

Мартин Бек: Окно было закрыто?

Кеннет Квастму: Да. И штора спущена. Я хотел ее поднять — не поддалась. Пружина была сорвана. Но ведь надо было открыть окно, чтобы проветрить.

Мартин Бек: Ну, и что же ты сделал?

Кеннет Квастму: Просто отодвинул штору в сторону и распахнул окно. Потом мы скрутили штору и наладили пружину. Но это уже потом.

Мартин Бек: Окно было заперто?

Кеннет Квастму: Да, во всяком случае, одна щеколда была надета на крюк. Я поднял ее и открыл окно.

Мартин Бек: Ты не помнишь, какая это была щеколда — верхняя или нижняя?

Кеннет Квастму: Точно не скажу. По-моему, верхняя. Насчет нижней точно не помню. Кажется, я ее тоже открыл... нет, не помню.

Мартин Бек: Но ты уверен, что окно было заперто изнутри?

Кеннет Квастму: Конечно, уверен. На сто процентов.

Рея легонько толкнула Мартина Бека ногой.

— Кому говорят, возьми еще булочку.

— Рея, у тебя есть хороший фонарик? — спросил он.

— Есть. В чуланчике на гвозде висит.

— Можешь мне его одолжить?

— Конечно, возьми.

— Мне надо уйти сейчас. Но я быстро вернусь и починю дверь.

...Он взял фонарик, вызвал по телефону такси и проехал прямо на Бергсгатан. Несколько минут постоял на тротуаре, глядя через улицу на окно на третьем этаже.

Потом он повернулся. Перед ним возвышался поросший кустарником, крутой каменистый склон Крунубергского парка.

Мартин Бек стал карабкаться вверх по склону, пока не поравнялся с окном. Промежуток составлял от силы двадцать пять метров. Достав из кармана шариковую ручку, он прицелился в темный прямоугольник. Штора была спущена; до особого распоряжения полиция запретила негодующему домовладельцу сдавать квартиру.

Мартин Бек сделал несколько шагов в одну, в другую сторону, пока не нашел наилучшее положение. Он не считал себя метким стрелком, однако не сомневался, что, будь у него в руке вместо шариковой ручки автоматический пистолет сорок пятого калибра, он сумел бы попасть в человека, стоящего в этом окне.

И остаться при этом незамеченным. Конечно, в середине апреля растительность пожиже, но и то можно притаиться так, что на тебя не обратят внимание.

В это время дня еще достаточно светло, но и поздно вечером уличное освещение, наверное, позволяет различить окно. К тому же в темноте легче укрыться в кустах.

А вот стрелять без глушителя рискованно.

Он еще раз проверил, какое место лучше всего для стрельбы, и приступил к поискам. Начал справа — почти все автоматические пистолеты выбрасывают гильзу вправо, однако дальность и направление различаются. Дело это было достаточно кропотливое. Местами пришлось пускать в ход и фонарик.

Но Мартин Бек с самого начала настроился искать долго.

Он нашел гильзу через час сорок минут. Она застряла между двумя камнями — исцарапанная, грязная. С весны прошел не один дождь. И собаки тут бродили, да и люди, наверно, топали в поисках подходящего места, чтобы выпить баночку пива.

Он извлек латунный цилиндрик из щели, обернул носовым платком и сунул в карман.

Потом пошел по Бергсгатан налево. Около здания городского суда поймал такси и доехал до криминалистической лаборатории.

Рабочий день уже кончился, и пришлось изрядно поторговаться, чтобы его находку хотя бы приняли. В конце концов он настоял на своем, положил гильзу в пластиковую коробку и тщательно заполнил карточку.

— И конечно же, это безумно срочно, — сказал лаборант.

— Да нет, — ответил Мартин Бек. — Совсем не срочно. Будет время — поглядите, если не трудно.

Он еще раз посмотрел на гильзу. Смятая, грязная, неказистая — что с нее возьмешь...

— За такие слова нарочно поскорее сделаю, — сказал лаборант. — А то ведь только и слышно: «Срочно, спешно, каждая секунда дорога!»

Было уже довольно поздно, и Мартин Бек решил сперва позвонить Рее.

— Привет, — отозвалась она. — Я одна дома, гости ушли. Подъезд заперт, но я сброшу тебе ключ.

Он приехал в начале двенадцатого и негромко посвистел.

Пришлось немного подождать, зато Рея спустилась сама — босиком, в красной ночной рубашке.

Войдя на кухню, она спросила:

— Ну что — пригодился фонарик?

— Еще как.

— Выпьем вина? Кстати, ты ужинал?

— Нет.

— Безобразие! Я что-нибудь приготовлю. Это недолго. Ты изголодался.

Изголодался? Да, пожалуй.

— Как там со Свярдом?

— Начинает проясняться.

— Правда? Расскажи. Я жутко любопытная.

В час ночи бутылка опустела. Рея зевнула.

— Да, между прочим, завтра я

уезжаю. Вернусь в понедельник. А может, только во вторник.

Он было открыл рот, чтобы сказать: «Ну я пошел».

— Тебе не хочется идти домой, — опередила она его.

— Не хочется.

— Так оставайся.

XXIX

В понедельник утром Мартин Бек явился на работу, напевая какую-то песенку, чем немало поразил встретившегося ему в коридоре служащего. Он отлично себя чувствовал оба выходных дня, хотя и провел их в одиночестве. Давно у него не было так хорошо на душе, сразу и не припомнишь когда.

Кажется, вторгаясь в запертую комнату Свярда, он в то же время вырывается на волю из своего заточения?

Он положил перед собой выписки из амбарных книг, отметил «галочками» фамилии, которые по датам подходили больше всего, и взялся за телефон.

Перед страховыми обществами стоит ответственная задача, а именно — зашибить возможно больше денег, посему люди у них работают как каторжные. И по той же причине они содержат документацию в образцовом порядке, а то, чего доброго, надует кто-нибудь, оставит без барыша.

Спешка и гонка в наши дни стали чуть ли не самоцелью.

«Это невозможно, у нас нет времени. А вам срочно?»

«Чрезвычайно срочно. Вы обязаны сделать это».

«Но у нас нет времени».

«Кто ваш непосредственный начальник?»

Добившись ответа на свой вопрос, Мартин Бек делал пометку в блокноте. Правда, не везде ему сопутствовала удача, но все же на полях блокнота появилось уже довольно много пометок.

При восьмом разговоре его вдруг осенило:

— А что происходит с поврежденным грузом после того, как компания выплатит страховку?

— Его проверяют, разумеется. Если товар не совсем испорчен, наши служащие могут приобрести его со скидкой.

Ну конечно. На этом тоже можно что-то выгадать.

Девятый номер ему не пришлось набрать.

Телефон вдруг сам зазвонил. Кому-то понадобился Мартин Бек.

Неужели?.. Нет, не угадал.

— Бек слушает.

— Это Ельм говорит.

— Привет, ты молодец, что позвонил.

— Что верно, то верно. Но ты, говорят, вел себя здесь вполне пристойно, и я решил оказать тебе услугу напоследок.

— Напоследок?

— Ну да, пока тебя не сделали начальником канцелярии. Я вижу, ты нашел свою гильзу.

— Вы ее исследовали?

— А зачем, ты думаешь, я звоню? — едко произнес Ельм. — Нам тут некогда заниматься пустой болтовней.

«Кажется, у него припасен какой-то сюрприз», — подумал Мартин Бек. Ельм звонил обычно для того, чтобы огорошить человека неожиданной новостью. Во всех других случаях надо было терпеливо ждать письменного заключения.

— Считай, что я твой должник, — сказал он вслух.

— Еще бы, — ответил Ельм. — Так вот, насчет твоей гильзы, — и досталось же ей. С таким материалом работать не сахар.

— Понимаю.

— Что ты там понимаешь... Но ты, очевидно, хочешь знать, связана ли гильза с пулей, которую нашли в теле самоубийцы?

— Да.

Молчание.

— Да, — повторил Мартин Бек. — Очень хочу знать.

— Связана, — сказал Ельм.

— Это точно?

— Разве я тебе не говорил, что мы тут не занимаемся догадками?

— Извини. Значит, гильза от той пули.

— От нее. А пистолета у тебя, случайно, нет?

— Нет. Я не знаю, где он может быть.

— Зато я знаю, — сухо произнес Ельм. — Он лежит у меня на столе.

В логове спецгруппы на Кунгсхольмсгатан царило отнюдь не приподнятое настроение. Бульдозер Ульссон умчался в полицейское управление за инструкциями. Начальник ЦПУ велел проследить, чтобы в печать ничего не просочилось, и теперь ему не терпелось узнать, что именно не должно просочиться.

Колльберг, Рённ и Гюнвальд Ларссон сидели безмолвно в позах, которые выглядели как пародии на Роденова «Мыслителя».

В дверь постучались, и в кабинет вошел Мартин Бек.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — отозвался Колльберг.

Рённ кивнул. Гюнвальд Ларссон никак не реагировал.

— Что-то вы носы повесили.

Колльберг обозрел своего друга:

— На то причина есть. Зато ты вон какой бодренький. Прямо не узнать. Чем обязаны? Сюда добровольно не приходят.

— Считай меня исключением. Если не ошибаюсь, у вас тут содержится один оригинал по фамилии Мауритсон.

— Верно,— подтвердил Рённ. — Убийца с Хурнсгатан.

— Зачем он тебе? — подозрительно спросил Колльберг.

— Мне бы только повидаться с ним.

— Для чего?

— Потолковать немного, если это возможно.

— А что толку, — сказал Колльберг. — Он охотно говорит, куда там, да только не то, что надо.

— Отпирается?

— Что есть мочи. Но он изобличен. Мы нашли в его доме наряд, в котором он выступал. Да еще оружие, которым совершено убийство. Этот пистолет служит неопровержимым доказательством.

— Каким образом?

— Серийный номер стерт. И борозды на металле оставлены точилом, которое найдено в ящике его тумбочки. Подтверждено микрофотосъемкой. Железно. А он нагло отпирается.

— Ага, — сказал Рённ. — И свидетели его опознали.

— В общем... — Колльберг остановился, нажал несколько кнопок на телефоне и дал команду.

— Сейчас его приведут.

— Где можно с ним посидеть? — спросил Мартин Бек.

— Да хоть в моем кабинете, — предложил Рённ.

— Береги эту падаль, — процедил Гюнвальд Ларссон. — У нас другой нет.

...Мауритсон появился через каких-нибудь пять минут, прикованный наручниками к конвоиру в штатском.

— Это, пожалуй, лишне, — заметил Мартин Бек. — Мы ведь только побеседуем с ним немного. Снимите наручники и подождите за дверью.

Конвоир расстегнул наручники. Мауритсон досадливо потер правое запястье.

— Прошу, садитесь, — сказал Мартин Бек.

Они сели к письменному столу друг против друга.

Мартин Бек впервые видел Мауритсона и отметил, что арестованный явно не в себе, нервы его предельно напряжены, психика на грани полного расстройства. Возможно, его били. Да нет, вряд ли. Убийцам часто свойственна неуравновешенность характера, и после поимки они легко раскисают.

— Это какой-то жуткий заговор, — начал Мауритсон звенящим голосом. — Мне подсунули кучу фальшивых улик, то ли полиция, то ли еще кто. Меня и в городе-то не было, когда ограбили этот чертов банк, но даже мой собственный адвокат мне не верит. Что я теперь должен делать, ну что?

— Вы говорите — подсунули?

— А как это еще называется, когда полиция вламывается к вам в дом, подкладывает очки, парики, пистолеты и прочую дребедень, потом делает вид, будто нашла их у вас? Я клянусь, что не грабил никаких банков. А мой адвокат, даже он, говорит, что мое дело труба. Чего вы от меня добиваетесь? Чтобы я признался в убийстве, к которому совершенно не причастен? Я скоро с ума сойду.

Мартин Бек незаметно нажал кнопку под столешницей. Новый письменный стол Рённа был предусмотрительно оборудован встроенным магнитофоном.

— Вообще-то я не занимаюсь этим делом, — сказал Бек.

— Зачем же я вам понадобился?

— Поговорить о кое-каких других вещах.

— Каких еще других вещах?

— Об одной истории, которая, как мне думается, вам знакома. А началось это в марте шестьдесят шестого. С ящика испанского ликера.

— Чего-чего?

— Вот тут у меня все документы. Вы совершенно легально импортировали ящик ликера. Оформили через таможню, заплатили пошлину. И не только пошлину, но и фрахт. Верно?

Мауритсон не ответил. Мартин Бек оторвался от своих бумаг и увидел, что он разинул рот от удивления.

— Но дело в том, что груз до вас так и не дошел. Если не ошибаюсь, произошел несчастный случай, и ящик разбился при перевозке.

— Верно. Только я бы не назвал это несчастным случаем.

— Да, тут вы, пожалуй, правы. Лично мне кажется, что складской рабочий по фамилии Свярд умышленно разбил ящик, чтобы присвоить ликер.

— Верно, кажется, именно так все и было.

— Гм-м-м... Я понимаю, вы сыты по горло тем, что у вас здесь происходило. Может быть, вы вовсе не хотите ворошить это старое дело?

Мауритсон долго думал, прежде чем ответить.

— Почему же? Мне только полезно потолковать о том, что было на самом деле. Иначе, ей-богу, с ума сойду.

— Ну, смотрите, — сказал Мартин Бек. — А только мне кажется, что в этих бутылках был вовсе не ликер.

— И это верно.

— Что в них было на самом деле, сейчас неважно.

— Могу сказать, если вам интересно. В Испании над бутылками немного поколдовали. С виду все как положено, а внутри — раствор морфина и фенедрина, он тогда пользовался большим спросом. Так что ящик представлял немалую ценность.

— Ну, насколько я понимаю, теперь вам за давностью ничто уже не грозит за попытку провезти контрабанду, ведь дело ограничилось попыткой.

— Точно, — протянул Мауритсон так, словно до него это только сейчас дошло.

— Затем у меня есть причины предполагать, что этот Свярд вас шантажировал.

Мауритсон промолчал.

Мартин Бек пожал плечами:

— Повторяю, вы не обязаны отвечать, если не хотите.

Мауритсон никак не мог укротить свои нервы. Он непрерывно ерзал на стуле, руки его беспокойно шевелились.

«Похоже, что они его все-таки обработали», — удивленно подумал Мартин Бек. Он знал, какими методами действует Колльберг, знал, что методы эти почти всегда гуманны.

— Я буду отвечать, — сказал Мауритсон. — Только не уходите. Вы возвращаете меня к действительности.

— Вы платили Свярду семьсот пятьдесят крон в месяц.

— Он запросил тысячу. Я предложил пятьсот. Сговорились на семистах пятидесяти.

— А вы рассказывайте сами, — предложил Мартин Бек. — Если на чем-нибудь споткнетесь, разберемся вместе.

— Разберемся? — У Мауритсона дергалось лицо.— Вы уверены?

— Конечно.

— Скажите, вы тоже считаете меня ненормальным? — вдруг спросил Мауритсон.

— Нет, с какой стати.

— Похоже, что все считают меня помешанным. Я и сам готов в это поверить.

— Вы рассказывайте, как было дело. Увидите, все разъяснится. Итак, Свярд вас шантажировал.

— Он был настоящий кровосос, — сказал Мауритсон. — Мне в тот раз никак нельзя было под суд идти. Меня уже судили раньше, на мне висели два условных приговора, я находился под надзором. Но вы это все знаете, конечно.

Мартин Бек промолчал. Он еще не исследовал досконально прошлое Мауритсона.

— Так вот, — продолжал Мауритсон. — Семьсот пятьдесят в месяц — не ахти какой капитал. За год — девять тысяч. Да один только тот ящик куда дороже стоил.

Он оборвался и озадаченно спросил:

— Ей-богу, не понимаю, откуда вам все это известно?

— В нашем обществе почти на все случаи есть бумажки, — любезно объяснил Мартин Бек.

— Но ведь эти бестии окаянные, наверно, каждую неделю ящики разбивали.

— Правильно, но только вы не потребовали возмещения.

— Это верно... Я еле-еле отбрехался от проклятой страховки. Мало мне Свярда, не хватало еще, чтобы страховой инспектор начал в моих делах копаться.

— Понятно. Итак, вы продолжали платить.

— На второй год хотел бросить, но не успел и двух дней пропустить после срока, как старик сразу угрожать начал. А мои дела постороннего глаза не терпели.

— Можно было подать на него в суд за шантаж.

— Вот именно. И загреметь самому на несколько лет. Нет, мне одно оставалось — гнать монету. Этот чертов хрыч бросил работу и сделал из меня собес.

— Но в конце концов вам это надоело?

— А что, между нами, вам не надоело бы? Знаете, сколько всего я выплатил этому прохвосту?

— Знаю. Пятьдесят четыре тысячи крон.

— Все-то вам известно. Скажите, а вы не могли бы забрать дело о налете у тех психов?

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет, — ответил Мартин Бек. — Но ведь вы не покорились безропотно? Ведь пробовали припугнуть его?

— А вы откуда знаете? Примерно с год назад я начал задумываться, сколько же всего я выплатил этому подонку. И зимой переговорил с ним.

— Как это было?

— Подстерег на улице и сказал ему: дескать, хватит, отваливай. А тот, жила, мне в ответ: берегись, говорит, сам знаешь, что произойдет, если деньги перестанут поступать вовремя.

— Но Свярд вас в то же время успокоил. Сказал, что ему недолго осталось жить.

Мауритсон опешил.

— Он что, сам вам рассказал об этом? — спросил он наконец. — Или это тоже где-нибудь записано?

— Нет.

— Может, вы из этих — телепатов?

Мартин Бек покачал головой.

— Откуда же вы все знаете? Он сказал, что у него в кишках рак, протянет от силы полгода. Мне кажется, он струхнул немного. Ну я и подумал — шесть лет кормил его, как-нибудь выдержу еще полгода.

— Когда вы в последний раз с ним разговаривали?

— В феврале. Он скулил, плакался мне, словно родственнику какому-нибудь. Дескать, в больницу ложится. Он ее фабрикой смерти назвал. Его в онкологическую клинику взяли. Смотрю, вроде бы и впрямь старичку конец. «И слава богу», — подумал я.

— А потом все-таки позвонили в госпиталь и проверили?

— Верно, позвонил. А его там не оказалось. Мне ответили, что он помещен в одну из клиник больницы Седер. Тут я почуял, что дело пахнет керосином.

— Ясно. После чего позвонили тамошнему врачу и назвались племянником Свярда.

— Послушайте, зачем я вам рассказываю, если вы все наперед знаете?

— Да нет, не все.

— Например?

— Например, как вы назвались, когда звонили.

— Свярд — как же еще. Раз я племянник этого прохвоста, значит, само собой, Свярд. А вы не сообразили?

Мауритсон даже повеселел.

— Нет, не сообразил. Вот видите.

Что-то вроде мостика протянулось между ними.

— Врач, с которым я говорил, сказал, что старичина здоров как бык, запросто протянет еще лет двадцать. Я подумал...

Он примолк.

Мартин Бек быстро подсчитал в уме:

— Подумали, что это означает еще сто восемьдесят тысяч.

— Сдаюсь, сдаюсь. Куда мне с вами тягаться. В тот же день я перечислил мартовский взнос, чтобы уведомление уже ждало этого идола, когда он вернется домой. А сам... вы, конечно, знаете, что я решил?

— Что это последний раз.

— Вот именно. Я знал, что его выписывают в субботу. И как только он выполз в лавку за своей проклятой кошачьей едой, я его хвать за шкирку и говорю: все, больше денег не будет. А он какой был наглец, такой и остался, — дескать, я знаю, что произойдет, если к двадцатому следующего месяца он не получит уведомление из банка. Но все же он перетрусил, потому что после этого, угадайте — что?

— Он переехал.

— И вы, конечно, знаете, что я тогда сделал?

— Знаю.

В кабинете воцарилась тишина. «А магнитофон и впрямь работает бесшумно», — подумал Мартин Бек. Он сам проверил аппарат перед допросом и зарядил новую ленту. Теперь важно выбрать верную тактику.

— Знаю, — повторил он. — Так что в основном можно считать наш разговор оконченным.

Его слова явно не обрадовали Мауритсона.

— Постойте — вы вправду знаете?

— Вправду.

— А вот я не знаю толком. Не знаю — жив старикашка или помер. Дальше пошли сплошные чудеса.

— Чудеса?

— Ну да, с тех самых пор у меня все... как бы это сказать, шиворот-навыворот идет. И через две недели мне припаяют пожизненное заключение за дело, которое не иначе как сам сатана подстроил. Ни на что не похоже... Ну, так что я тогда сделал?

— Сначала разузнали, где поселился Свярд.

— Это было несложно. Да, ну потом я несколько дней следил за ним, примечал, в какое время он выходит из дому, когда возвращается... Он мало выходил. И штора на его окне всегда была опущена, даже вечером, когда он проветривал, я это сразу усек.

Мартин Бек отметил про себя пристрастие Мауритсона к жаргонным словечкам. Он и сам иногда ловил себя на таких выражениях, хотя и старался следить за своей речью.

— Вы задумали хорошенько припугнуть Свярда, — сказал он. — В крайнем случае — убить.

— Ну да. А чего... Только до него не так-то легко было добраться. Но я все равно придумал способ. Разумеется, вам известно какой.

— Вы решили подстрелить Свярда у окна, когда он будет его открывать или закрывать.

— Вот-вот. А иначе как его подловишь. И местечко я высмотрел подходящее. Сами знаете где.

Мартин Бек кивнул.

— Еще бы, — сказал Мауритсон. — Там только одно место и подходит. На склоне парка через улицу. Свярд каждый вечер открывал окно в девять часов, а в десять закрывал. Вот я и отправился туда, чтобы угостить старичка пулей.

— Когда это было?

— В понедельник, семнадцатого, так сказать, вместо очередного взноса... В десять вечера. А дальше как раз и начинаются чудеса. Не верите? А я докажу. Только сперва один вопрос к вам. Какое оружие у меня было, знаете?

— Знаю. Автоматический пистолет сорок пятого калибра, марка «Лама девять А».

Мауритсон обхватил голову руками.

— Ясное дело, вы заодно с ними. Иначе не объяснить, откуда вам известно то, чего никак невозможно знать. Чертовщина, да и только.

— Чтобы выстрел не привлек внимания, вы применили глушитель.

Мауритсон озадаченно кивнул.

— Наверно, сами же его и сделали. Какой попроще, на один раз.

— Да-да, точно, — подтвердил Мауритсон. — Точно, все точно, только, ради бога, объясните, что случилось потом.

— Рассказывайте начало, а я объясню конец.

— Ну вот, пошел я туда. Нет, не пошел, а поехал на машине, но это один черт. Было уже темно. Ни души поблизости. Свет в комнате не горел. Окно было открыто. Штора опущена. Я влез на склон. Постоял несколько минут, потом поглядел на часы. Без двух минут десять. Все идет, как было задумано. Чертов старикан отодвигает штору, чтобы закрыть окно. Мне его видно, но я — я еще до конца не решился. Вы, конечно, знаете, о чем я говорю.

— Вы не решились — то ли убить Свярда, то ли просто припугнуть его. Скажем, ранить его в руку или в раму стрельнуть.

— Разумеется, — вздохнул Мауритсон. — Разумеется, вам и это известно. Хотя я ни с кем не делился, только про себя думал, вот тут.

Он постучал себя по лбу.

— Но вы недолго колебались.

— Да, как поглядел я на него — и сказал себе, что лучше уж сразу с ним покончить. И выстрелил.

Мауритсон смолк.

— А дальше?

— Это я вас спрашиваю, что было дальше. Я не знаю. Промахнуться было невозможно, но в первую минуту мне показалось, что я промазал. Свярд исчезает, а окно закрывается, наглухо закрывается. Штора ложится на место. Все как надо.

— А вы что?

— Поехал домой. Что мне еще было делать. А дальше: каждый день открываю газету — ничего! Ни слова. Непостижимо! Я ничего не мог понять тогда. А теперь и вовсе...

— Как стоял Свярд, когда вы стреляли?

— Как... Наклонился вперед, правую руку поднял. Должно быть, держал щеколду одной рукой, а другой опирался на подоконник.

— Где вы взяли пистолет?

— Знакомые ребята купили коекакое оружие за границей, по лицензии, а я помог им ввезти товар в страну. Ну и подумал, что не мешает самому обзавестись шпалером. Я в оружии не разбираюсь, но мне понравился один из их пистолетов, и я взял себе такой же.

— Вы уверены, что попали в Свярда?

— Конечно. Промазать было немыслимо. А вот потом ничего не понятно. Почему никаких последствий не было? Я несколько раз проходил мимо дома, проверял — окно закрыто, штора спущена. В чем дело, думаю, может, все-таки промахнулся? А там новые чудеса пошли, черт те что. Чистый сумбур. И вдруг ваша милость является и все знает.

— Кое-что могу объяснить, — сказал Мартин Бек.

— Можно, я теперь задам несколько вопросов?

— Конечно.

— Во-первых: попал я в старикана?

— Попали. Уложили наповал.

— И то хлеб. Я уж думал, он сидит в соседней комнате с газеткой и ржет, аж штаны мокрые.

— Таким образом, вы совершили убийство, — сурово произнес Мартин Бек.

— Ага, — невозмутимо подтвердил Мауритсон. — И остальные мудрецы — мой адвокат, например, — то же самое твердят.

— Еще вопросы?

— Почему его смерть никого не тронула? В газетах ни строчки не было.

— Свярда обнаружили только много позже. И сначала решили, что он покончил с собой. Так уж обстоятельства сложились.

— Самоубийство?

— Да, полиция тоже иногда ошибается. Пуля попала ему прямо в грудь, это понятно, ведь он стоял лицом к окну. А комната, в которой лежал покойник, была заперта изнутри. И дверь, и окно заперты.

— Ясно — должно быть, он потянул окно за собой, когда падал. И щеколда сама на крюк наделась.

— Да, пожалуй, что-то в этом роде. Удар пули такого калибра может отбросить человека на несколько метров. И даже если Свярд не держал щеколду, она вполне могла надеться на крюк, когда захлопнулось окно. Мне довелось видеть нечто подобное. Совсем недавно. Ну что же, — заключил Мартин Бек, — будем считать, что в основном все ясно.

— Все ясно? Ничего себе! Откуда вам известно, что я думал перед тем, как выстрелить?

— Вот это как раз была просто догадка. У вас есть еще вопросы?

— Будьте добры объяснить мне такую вещь. В тот вечер я отправился прямиком домой. Положил пистолет в старый портфель, который набил камнями. Обвязал портфель веревкой — крепко обвязал, как следует, — и поставил в надежное место. Но сначала снял глушитель и раздолбил его молотком. Он и вправду был на один раз, только я его не сам сделал, как вы подумали, а купил вместе с пистолетом. На другое утро я отправился в Сёдертелье. По пути зашел в какой-то дом и бросил глушитель в мусоропровод. Какой дом, и сам теперь не припомню. В Сёдертелье сел на свою моторную лодку и к вечеру добрался на ней до Стокгольма. Утром взял портфель с пистолетом, опять сел на лодку и где-то аж около Вакхольма бросил портфель в море.

Мартин Бек озабоченно нахмурился.

— Все было точно так, как я сейчас сказал, — запальчиво продолжал Мауритсон. — Без меня никто не может войти в мою квартиру. Ключа я никому не давал. Только два-три человека знают мой адрес, а им я сказал, что на несколько дней уезжаю в Испанию, перед тем как занялся Свярдом.

— Ну?..

— А вы вот сидите тут, и вам все известно, черт возьми. Известно про пистолет, который я вот этими руками в море утопил. Известно про глушитель. Так вы уж, будьте любезны, просветите меня.

— Где-то вы допустили ошибку, — сказал Мартин Бек, поразмыслив.

— Ошибку? Но ведь я же вам все рассказал, ничего не пропустил. Или я уже не отвечаю за свои поступки? Что?

Мауритсон пронзительно рассмеялся, но тут же оборвал смех:

— Ну конечно, и вы тоже хотите меня подловить. Только не думайте, что я повторю эти показания на суде.

Мартин Бек встал, открыл дверь и жестом подозвал конвоира.

— У меня все. Пока все.

Мауритсона увели. Он продолжал смеяться.

Мартин Бек открыл тумбу письменного стола, быстро перемотал ленту, вынул бобину из аппарата и прошел в штаб спецгруппы.

— Ну? — спросил Колльберг. — Понравился тебе Мауритсон?

— Так себе. Но у меня есть данные, чтобы привлечь его за убийство.

— Кого же он еще убил?

— Свярда.

— В самом деле?

— Точно. Он даже признался.

— Послушай, эта лента, — вмешался Рённ, — она из моего магнитофона?

— Да.

— Тогда тебе от нее не будет проку. Аппарат неисправный.

— Я его сам проверил.

— Ну да, первые две минуты он пишет. А потом звук пропадает. Я вызвал на завтра мастера.

— Вот как. — Мартин Бек поглядел на ленту. — Ничего. Мауритсон все равно уличен. Леннарт же сам сказал, что принадлежность оружия, из которого совершено убийство, неопровержимо установлена.

XXX

Дело Мауритсона рассматривалось в Стокгольмском городском суде. Он обвинялся в убийстве, вооруженном ограблении, махинациях с наркотиками и еще кое-каких преступлениях.

Обвиняемый все отрицал. На все вопросы отвечал, что ничего не знает, что полиция сделала его козлом отпущения и сфабриковала улики.

Бульдозер Ульссон был в ударе, и ответчику пришлось жарко. В ходе судебного разбирательства прокурор изменил формулировку «непреднамеренное убийство» на «преднамеренное».

Мауритсона приговорили к пожизненным принудительным работам за убийство Гордона и ограбление банка на Хурнсгатан. Кроме того, его признали виновным по целому ряду других статей, в том числе как соучастника налетов шайки Мурена.

А вот обвинение в убийстве Карла Эдвина Свярда суд отверг. Адвокат, который поначалу не проявил особой прыти, здесь вдруг оживился и раскритиковал вещественные доказательства. В частности, он организовал новую экспертизу, которая подвергла сомнению результаты баллистического исследования, справедливо указывая, что гильза слишком сильно пострадала от внешних факторов, чтобы ее с полной уверенностью можно было привязать к пистолету Мауритсона.

Показания Мартина Бека были сочтены недостаточно обоснованными, а кое в чем и попросту произвольными.

Конечно, с точки зрения так называемой справедливости это не было суть важно. Какая разница, судить ли Мауритсона за одно или за два убийства. Пожизненное заключение — высшая мера, предусмотренная шведским законодательством.

Когда Мауритсона уводили из зала суда, он смеялся. Люди, видевшие это, пришли к выводу, что только закоренелый преступник и редкостный негодяй, совершенно не способный к раскаянию, может проявлять такое неуважение к закону и суду.

Монита устроилась в тенистом углу на террасе отеля, положив на колени учебник итальянского языка.

Мона играла с одной из своих новых подружек в бамбуковой рощице в саду. Девочки сидели на испещренной солнечными зайчиками земле между стройными стеблями, и, слушая их звонкие голоса, Монита поражалась тому, как легко понимают друг друга дети, даже если говорят на совершенно разных языках. Конечно, в отеле достаточно было ее скудного запаса английских и немецких слов, но Монита хотела общаться не только с обслуживающим персоналом. Потому-то она и взялась за итальянский, который показался ей намного легче словенского и которым вполне можно было обходиться здесь, в маленьком городке вблизи итальянской границы.

Стояла страшная жара, и ее совсем разморило, хотя она сидела в тени и всего четверть часа назад ходила в душ — в четвертый раз с утра. Она позвала Мону, и дочь подбежала к ней, сопровождаемая своей подружкой.

— Я решила прогуляться, — сказала Монита. — Только до дома Розеты и обратно. Пойдешь со мной?

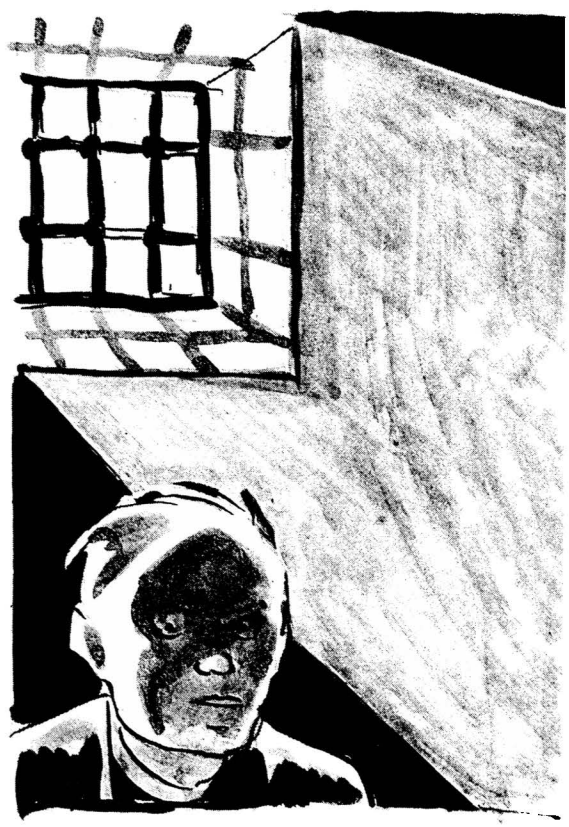
— А можно мне остаться? — спросила Мона.

— Конечно, можно. Я скоро вернусь.

Монита не торопясь пошла вверх по склону за отелем.

Сверкающий белизной дом Розеты стоял на горе, в пятнадцати минутах хода от гостиницы. Название сохранилось, хотя Розета умерла пять лет назад, и дом перешел к ее трем сыновьям, которые давно уже обосновались в самом городке.

Со старшим сыном Монита познакомилась в первую же неделю; он содержал погребок в порту, и его дочурка стала лучшей подружкой Моны. Из всего семейства Монита только с ним могла объясняться — он был когда-то моряком и неплохо говорил по-английски. Ей было приятно, что она так быстро обзавелась друзьями в городе, но больше всего ее радовала возможность снять дом Розеты осенью, когда уедет поселившийся там на лето американец.



Дом просторный, удобный, с изумительным видом на горы, порт и залив, кругом большой сад. И до следующего года он никому не обещан, так что в нем можно всю зиму прожить.

Поднимаясь по крутому склону, она снова и снова перебирала в уме события, которые привели ее сюда. И в который раз за эти три недели поражалась тому, как быстро и просто все свершилось, стоило сделать первый шаг. Правда, ее терзала мысль о том, что цель достигнута ценой жизни человека. В бессонные ночи в ее голове до сих пор отдавался непреднамеренный роковой выстрел,

но время приглушит это воспоминание.

Находка на кухне Мауритсона сразу все решила. Взяв в руки пистолет, она уже знала, как поступит. Потом два с половиной месяца разрабатывала план и собиралась с духом. И когда пришла пора выполнять план, Монита была уверена, что предусмотрела все возможные ситуации, будь то в банке или около банка.

Вмешательство постороннего застигло ее врасплох. Она ничего не смыслила в огнестрельном оружии и не пыталась поближе познакомиться с пистолетом, ведь он ей нужен был только для устрашения.

Когда этот человек бросился к ней, она непроизвольно сжала пистолет в руке. Звук выстрела был для нее полной неожиданностью. Увидев, что человек упал, и поняв, что она натворила, Монита страшно перепугалась. Внутри все онемело, и ей до сих пор было невдомек, как она после такого потрясения смогла довести дело до конца.

Доехав на метро домой, Монита засунула сетку с деньгами в чемодан Моны; еще накануне она начала собираться в путь.

Дальнейшие действия Мониты нельзя было назвать осмысленными.

Она переоделась в платье и сандалии и доехала на такси до Армфельтсгатан. Это не было предусмотрено планом, но ей вдруг представилось, что Мауритсон тоже повинен в гибели человека в банке, и она решила вернуть оружие туда, где нашла его.

Однако, войдя на кухню Мауритсона, Монита почувствовала, что это вздор. В следующую минуту на нее напал страх, и она обратилась в бегство. На первом этаже она заметила открытую дверь подвала, спустилась туда и уже хотела бросить брезентовую сумку в мешок с мусором, когда услышала голоса мусорщиков. Она пробежала в глубь коридора, очутилась в каком-то чулане и спрятала сумку в деревянный сундук. Дождалась, когда мусорщики хлопнули дверью, и поспешно покинула дом.

На другое утро Монита вылетела за границу.

Мечтой всей ее жизни было увидеть Венецию, и уже через сутки после ограбления она прилетела вместе с Моной в Италию. Они недолго пробыли в Венеции, всего два дня: туго с гостиницей, к тому же была невыносимая жара. Лучше приехать еще раз, когда схлынет волна туристов.

Монита взяла билеты на поезд до Триеста, оттуда они поехали в Югославию, в маленький истрийский городок.

Черная нейлоновая сетка с восемьюдесятью семью тысячами шведских крон лежала в платяном шкафу ее номера, в одном из чемоданов. Монита уже не раз говорила себе, что надо придумать более надежное место. Ничего, на днях съездит в Триест и поместит деньги в банк.

Американца не оказалось дома, тогда она прошла в сад и села на траву, прислонившись спиной к дереву.

Подобрав ноги и положив подбородок на колени, Монита смотрела на Адриатическое море.

Воздух был на редкость прозрачный, хорошо видно линию горизонта и светлый пассажирский пароходик, спешащий к гавани.

Прибрежные утесы, белый пляж и переливающийся синевой залив выглядели очень заманчиво. Ну что ж, посидит немного и пойдет искупается...

Начальник ЦПУ вызвал к себе своего заместителя Стига Мальма, и тот не замедлил явиться в просторный, светлый угловой кабинет в самом старом из зданий полицейского управления.

На малиновом ковре лежал ромб солнечного света, сквозь закрытое окно пробивался гул от стройки.

Речь шла о Мартине Беке.

— Ты ведь гораздо чаще моего встречался с ним, — говорил начальник ЦПУ. — Когда у него был отпуск после ранения и теперь, в эти две недели, когда он вышел на работу. Как он тебе?

— Смотря что ты подразумеваешь, — ответил Мальм. — Ты про здоровье спрашиваешь?

— О его физической форме пусть врачи судят. По-моему, он совсем оправился. Меня интересует, что ты думаешь о состоянии его психики.

Стиг Мальм пригладил свои холеные локоны.

— Гм... Как бы это сказать...

Не дождавшись продолжения, начальник ЦПУ заговорил сам с легким раздражением в голосе:

— Я не требую от тебя глубокого психиатрического анализа. Просто хотелось бы услышать, какое впечатление он на тебя сейчас производит.

— И не так уж часто я с ним сталкивался, — уклончиво произнес Мальм.

— Во всяком случае, чаще, чем я, — настаивал начальник ЦПУ. — Тот он или не тот?

— Ты хочешь знать, тот ли он, что прежде был, до ранения? Да нет, пожалуй, не тот. Но ведь он долго болел, большой перерыв был, ему нужно какое-то время, чтобы втянуться опять.

— Ну а в какую сторону он, по-твоему, изменился?

Мальм неуверенно посмотрел на шефа.

— Да уж, во всяком случае, не в лучшую. Он всегда был себе на уме и со странностями. Ну и склонен слишком много на себя брать.

Начальник ЦПУ наклонил голову и сморщил лоб.

— В самом деле? Да, пожалуй, но прежде он успешно справлялся с заданиями. Или, по-твоему, он теперь стал больше своевольничать?

— Трудно сказать... Ведь он всего две недели, как вышел на работу.

— По-моему, он какой-то несобранный, — сказал начальник ЦПУ. — И хватка уже не та. Взять хоть его последнее дело, этот смертный случай на Бергсгатан.

— Да-да,— подхватил Мальм.— Это дело он вел неважно.

— Отвратительно! А какую нелепую версию предложил! Спасибо, пресса не заинтересовалась этим делом. Правда, еще не поздно, того и гляди просочится что-нибудь. Вряд ли это будет полезно для нас, а для Бека и подавно.

— Да, тут он меня удивил, — сказал Мальм. — У него там многое просто из пальца высосано. А это мнимое признание... Я даже слов не нахожу.

Начальник ЦПУ встал, подошел к окну, выходящему на Агнегатан, и уставился на здание городского суда напротив. Постоял так несколько минут, потом вернулся на место, положил ладони на стол, внимательно осмотрел свои ногти и возвестил:

— Я много думал об этой истории с Беком. Сам понимаешь, она меня беспокоит, тем более что мы ведь собирались назначить его начальником канцелярии.

Он помолчал. Мальм внимательно слушал.

— И вот к какому выводу я пришел, — снова заговорил начальник. — Когда посмотришь, как Бек вел дело этого... этого...

— Свярда, — подсказал Мальм.

— Ну да, Свярда. Так вот — все поведение Бека свидетельствует, что он вроде бы не в своей тарелке, как по-твоему?

— По-моему, он просто спятил, — сказал Мальм.

— Ну до этого, будем надеять-

ся, еще не дошло. Но какой-то перекос в психике, несомненно, есть, а потому я предложил бы подождать и поглядеть — серьезно это или речь идет о временном последствии его болезни.

Начальник ЦПУ оторвал ладони от стола и снова опустил их.

— Словом... В данный момент я посчитал бы несколько рискованным рекомендовать его на должность начальника канцелярии. Пусть еще поработает на старом месте, а там поглядим. Все равно ведь этот вопрос обсуждался только предварительно, на коллегию не выносился. Так что предлагаю снять его с повестки дня и отложить до поры до времени. Ну, как?

— Правильно, — сказал Мальм. — Это разумное решение.

Начальник ЦПУ встал и открыл дверь; Мальм тотчас сорвался с места.

— Надо думать, — заключил начальник ЦПУ, затворяя за ним дверь. — Это самое разумное решение.

Когда слух о том, что повышение отменяется, через два часа дошел до Мартина Бека, он в виде исключения вынужден был согласиться с начальником Центрального полицейского управления.

Решение и впрямь было на редкость разумным.

Филип Трезор Мауритсон ходил взад и вперед по камере.

Ему не сиделось на месте, и мысли его тоже не знали покоя. Правда, со временем они сильно упростились и теперь свелись всего к нескольким вопросам.

Что, собственно, произошло?

Как это могло получиться?

Он тщетно доискивался ответа.

Надзиратели уже докладывали о нем тюремному психиатру. На следующей неделе они собирались обратиться еще и к священнику.

Мауритсон все добивался, чтобы ему что-то объяснили. А священник — мастак объяснять, пусть попробует.

Заключенный лежал неподвижно на нарах. Во мраке. Ему не спалось.

Он думал.

Что же случилось, черт побери?

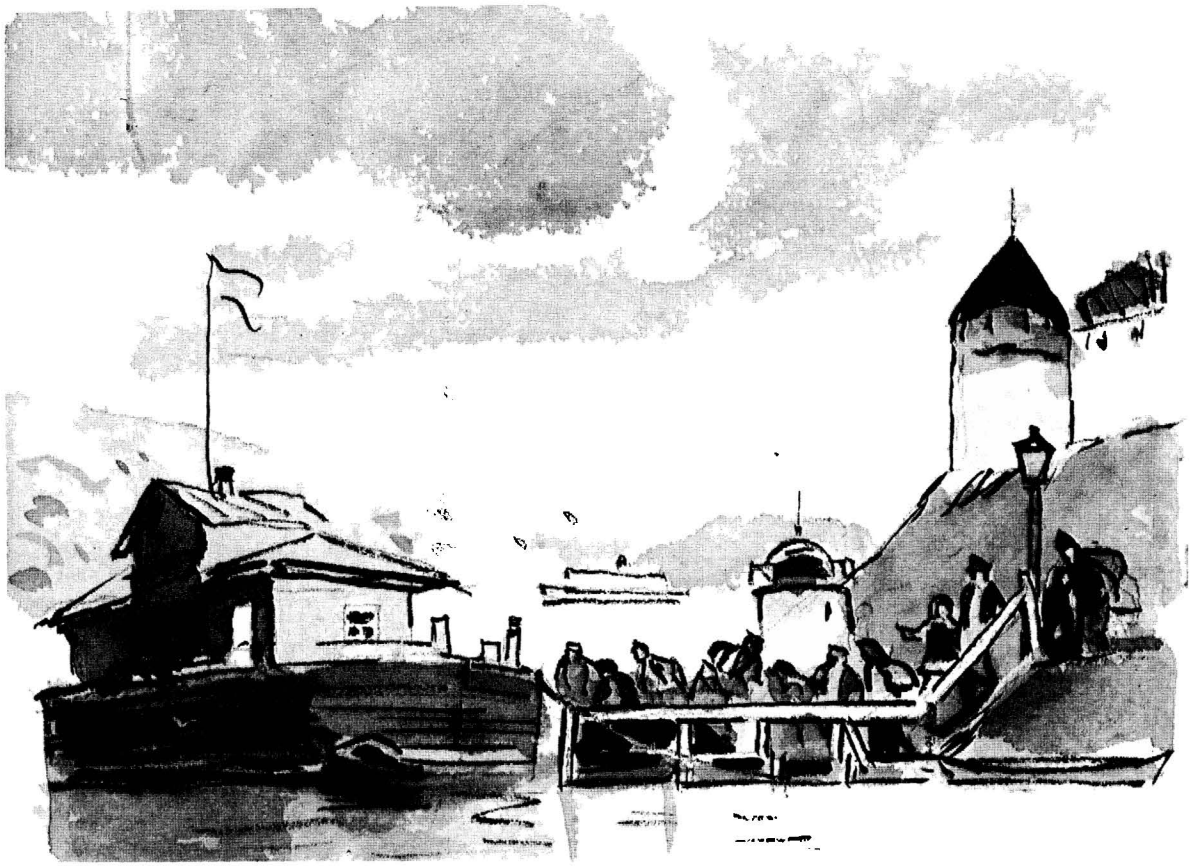
Как все это вышло?

Кто-то должен знать ответ.

Кто?

Конец

Сокращенный перевод
со шведского Л. ЖДАНОВА



Р. ШТИЛЬМАРК

ВОЛЖСКАЯ МЕТЕЛЬ

Повесть

Глава первая. ИЗ ЯШМЫ — В ЯРОСЛАВЛЬ

1

Слобода Яшма исстари славилась по всей Верхней Волге красотою, привольем окрестностей и изобильной летней ярмаркой. Еще при Иване III здесь возник яшемский Назарьевский монастырь — монахи, известное дело, худых мест не выбирали!

Бывало, раскидывала ярмарка свои ларьки, палатки и карусели под стенами древнего монастыря. Торговали здесь яйцами и маслом, деревянными ложками, глиняной посудой, конскими сбруями, а более всего кожаными и валяными сапогами, будто бы не знавшими износу ни зимой, ни летом. Еще гордились яшемцы завидными покосами в своей округе, знаменитым медом монастырских пасек и обильными уловами рыбы, которую рыбаки держали живой в деревянных решетчатых садках, прикрепленных якорями к речному дну...

Четыре пароходства держали в Яшме свои пристани. Самой затейливой и нарядной была пристань Самолетская, розовато-палевого цвета, как и пароходы этой компании, отличавшиеся хорошим ходом, удобными каютами и красивыми салонами.

Оригинальности ради пароходство «Самолет» имело особую договоренность с женским Назарьевским монастырем: когда самолетские пароходы приближались к Яшме, на флагштоке дебаркадера поднимался вымпел, а с монастырской колокольни раздавался благовест. Распахивались тяжелые врата, и на верху большой лестницы, ведущей к Волге, появлялся священник в облачении, мать-казначея и монашеский хор человек до двадцати.

Публика с парохода набивалась в пристанскую часовню, и священник служил молебен о плавающих и путешествующих. Смолистый дух речной пристани, запах копченой рыбы и мокрого дерева перемешивались с легким дымком росного ладана. После гудка к отправлению пассажиры попроще исчезали в темном пароходном чреве, а важная публика поднималась на свою чисто вымытую верхнюю палубу. Отсюда были видны белые монастырские стены с башенками-часовнями над крутым береговым откосом. Особенно хороши были старинные шатры яшемских колоколен — кладка ярославская, резные окон-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ца-слухи среди свежей побелки, смелый взлет шатра к облакам — и полное созвучие с таким же смелым взлетом ввысь могучих иссиня-черных елей близкого леса...

Летним утром 1918 года, как раз перед прибытием парохода «Владимир Короленко» в Яшму, роковая случайность положила начало необычайным приключениям и трагическим испытаниям героев нашего повествования.

Началось с пустяка — заело трос вымпела на самолетском флагштоке. Попытки наладить трос никому не удались — вымпел застрял на середине мачты, будто в знак траура. Задувал свежий ветер, и даже пристанский матрос не рискнул лезть на трехсаженную мачту.

Выручил доброволец из любителей утреннего купания, сильный молодой мужчина. Он поплевал на руки и полез на флагшток. Народ, замирая, глядел, как ловко он подтягивается на руках, сжимая ствол мачты пятками босых ног. Верхушка флагштока, укрепленная проволочными расчалками, пружинила и дрожала, пока человек вдевал трос в желобок колесика-бегунца. Наконец верхолаз соскользнул на крышу и поднял вымпел до нужной высоты. Народ на берегу и на пристани одобрительно зашумел. Кто-то крикнул:

— А ну, Сашаня, сигани оттелева!

Многие знали этого удальца — конского табунщика Сашку, лихого гитариста, охотника и запевалу. Деды его, говорят, были на Волге бурлаками. Оттяжки мачты мешали разбегу, но зрители раззадорили молодца. Да и монахини-певчие уже приближались к мосткам пристани, а среди них Сашка углядел одно девичье лицо в лиловой скуфеечке... Девушка тоже, видимо, узнала молодца на крыше, смутилась, потупилась и спряталась было за подруг... Верно, это девичье смущение и решило дело.

Сашка пробежал вдоль кровельного конька, оттолкнулся от свеса кровли, пролетел над головами людей на корме дебаркадера и вошел в воду солдатиком, как стрела, почти без брызг.

Тем временем «Владимир Короленко» развернулся с фарватера. Плицы колес забили назад, гася инерцию судна, взбурлила желтая пена, в стенку дебаркадера глухо ударила легость, которую забрасывают на пристань, чтобы подтянуть канат-чалку — а пловца... как не бывало!

— Сашка утоп! — слышалось в толпе. — Алексашке Овчинникову — царствие небесное!

Мало кто заметил, как побелели щеки юной певчей, той, чей взгляд, видимо, и заставил Сашку рискнуть! Самая ладная из всего хора, она была, как все певчие, в черном подряснике и темно-лиловой скуфье поверх платочка, держалась тише и скромнее других, но публика с пароходов всегда выделяла ее, когда давала она своему голосу полную волю в песнопении... Местные знали: в монастыре она третий год, а зовут Антониной. В обители на нее нарадоваться не могли: расторопна, смирна, трудолюбива. В послух ее приняла сама настоятельница, а была мать игуменья не из простых!..

...Антонина еле на ногах устояла, когда народ закричал о Сашкиной погибели. Вдруг кто-то заметил, что у пристанской якорной цепи чуть побурела вода. Антонина вгляделась, тихонько охнула... И все бабы заголосили, потому что цепь колыхнулась, показалась из воды запрокинутая голова с потемневшими от воды русыми волосами.

— Ишь ты, видать, сам себя с крюка вызволил! На лапу якор-

ную напоролся с налету, и хватило ума цепь нащупать! — удивленно толковал народ о происшествии...

Отзвонил колокол наверху, пароход ушел, а народ на пристани все толпился у мостков, глазел, как тащат монахини пострадавшего наверх, в монастырский приемный покой. Туда нередко доставляли с пароходов людей тяжелобольных, раненых или ослабевших; покой был рядом с пристанями, а земская больница — в двух верстах от слободы...

Дня через три после этого происшествия яшемцы услыхали от водников, что снизу идет пароход «Минин», оборудованный под плавучий госпиталь. Говорили, что подбирает он по всем пристаням раненых и больных военнообязанных, чтобы сдавать их в большие госпитали верхневолжских губернских городов.

Лучше всех был осведомлен насчет плавучего эвакогоспиталя отставной вояка, бывший кавалерист Иван Губанов, потерявший ступню, усердствуя при разгоне солдатского митинга. Работал в монастыре Губанов по найму с начала революции. Откуда он появился в Яшме, никто не знал. Главной его обязанностью было забивать скот на продажу и разделывать туши.

Иван Губанов довольно ловко передвигался на трофейном протезе германской выделки. И нередко доставлял матери игуменье хлопоты излишней своей резвостью, за что и был переведен на жительство подальше от обители, на скотный двор, где трудились лишь старые и сурово-добродетельные черницы.

На скотном дворе он и пострадал: его помял племенной бык, которого Иван Губанов водил на осмотр к ветеринару. Случилось это полтора месяца назад, и уже недельки через две Иван поправился и даже верхом ездил. Но перед приходом плавучего госпиталя Губанов неожиданно снова слег и потребовал отправки его в больницу.

Мать игуменья и второй соборный священник отец Афанасий недоумевали: нешто военное судно согласится принять гражданских больных, тем более из монастырского приемного покоя? Иван же мясник божился, что командование госпиталя не откажет страждущим и непременно согласится принять всех троих лежачих — самого Ивана Губанова, Сашку Овчинникова и даже иеромонаха Савватия, восьмидесятилетнего старца, доставленного с переломом ноги из заволжских скитов, глубоко спрятанных в лесах.

Жили в скитах по суровому уставу схимники и схимницы, исполнявшие подвижнические обеты, — молчальники, столпники, носители вериг. Савватий слыл между ними умнейшим и до своего увечья бывал нередким гостем в монастыре, хотя между скитами и обителью пролегала матушка-Волга, леса, и обширное Козлихинское болото с топями.

За сутки до прибытия «Минина» приехал в Яшму на дрожках военный фельдшер, высланный вперед госпитальным начальством для отбора больных. Он побывал в бывшей земской больнице, а к вечеру заглянул и в монастырский приемный покой. Мать игуменья поила его чаем, долго упрашивала принять монастырских больных, вручила перстенек, и военфельдшер сдался, велел доставить всех троих к берегу на тот случай, если на судне окажутся свободные койки.

Ранним утром 5 июля больных перенесли к Самолетской пристани. Пароход подошел, однако, к Русинской пристани. Монахини бегом пустились туда. На задних носилках лежал Иван-мясник, размахивал отстегнутым протезом и скверно ругался, опасаясь, что пароход уйдет без него.

Задыхаясь, прибежали монастырские к пристани, когда на пароход уже принимали раненых из земской больницы. Все они были ходячими. Вопреки обыкновению пароход не причалил к дебаркадеру, а стоял поодаль на якоре. Больных перевозили на борт шлюпкой. У пристанских мостков переговаривались между собою военный врач в гимнастерке под мятым халатом и начальник госпиталя в лихо заломленной фуражке и расстегнутом кожаном пальто рыжего цвета. Давешнего военфельдшера на берегу не оказалось — он еще ночью отбыл на своих дрожках дальше, в Кинешму. Пришлось все объяснять госпитальному начальству заново. Отца Афанасия и мать-казначею, похожую на боярыню Морозову с картины Сурикова, начальники выслушали с ироническими улыбками. Согласились принять Ивана-мясника и Сашку Овчинникова, взять же старца наотрез отказались.

— Товарищ ваше благородие! — взмолился отец Афанасий. — Позвольте пояснить: пароходы ходят произвольно и пассажиров без мандатов не берут. А вы изволите видеть больным и страждущим праведного старца, подвижника. Окажите православным христианам божескую милость — довезите нашего старца до Костромы, где имеется Ипатьевская больница для престарелых. Неужто одного местечка не найдется на целом пароходе?

— Местечко-то, может, и нашлось бы, — в раздумье сказал доктор. — Наш фельдшер запиской предупредил о ваших больных. Но у нас мало санитаров и нет сиделок, а ведь вашему больному нужен особый уход. Примем, если дадите провожатого.

Мать-казначея напомнила, что до Костромы недалеко, верст до сотни, пароход к вечеру уже будет там.

— Да ведь на пристани мы вашего старца не выбросим! — сурово сказал врач. — Кто его в богадельню вашу доставит? Без провожатого не возьму.

И тут монастырские носильщицы услышали тихий голос Савватия, доселе находившегося как бы в забытьи.

— Пусть Антонина проводит. Антонину с нами пошлите.

Мать-казначея взволнованно зашепталась со священником. Прокашлявшись, тот смиренно проговорил:

— Отец Савватий, послушница Антонина молода еще, два года минуло, как из мира пришла, послух приняла. Рановато ей в мир идти, искус тяжел. Лучше мать Софию возьми в провожатые.

Старец отрицательно покачал головой на тонкой шее.

— Говорю вам, а вы внемлите. Без Антонины не поеду! Терпением богата, душой сильна и разумом светла, образованных родителей дочь. Что другой силой не возьмет, она лаской у бога выпросит. Отправляйте с Антониной, а не то назад несите: не поеду!

— Да пускай едет! — махнул рукой Афанасий. — Чай, при старце будет, не одна. А обратно с протоиереем нашим возвернется, он нынче по делам в Костроме.

Мать-казначея зашептала священнику на ухо:

— Так ведь матери игуменьи любимая послушница! Не осерчала бы настоятельница! Чай, этот-то, Алексашка Овчинников, раненый... рядом поедет. Смекаешь, отче?..

Пароход дал продолжительный гудок. Военные стали усаживаться в лодке. Солдат-санитар взялся за весла.

— Стойте! — хором закричали и женщины, и отец Афанасий. — Погодите отваливать! Уж вы их как-нибудь всех вместе при стар-

це поместите... Господи всеблагий, благослови рабу Антонину на подвиг!

После отвала из Яшмы послушница Антонина попросила врача осмотреть ее больных. Врач для начала оценил взглядом саму сиделку, отметил про себя глубокие печальные глаза, разлет тонких черных бровей, изящество движений. Доктор стал весьма любезен и сразу заглянул в каюту. Здесь было шесть коек с тощими рваными тюфяками. Под застиранными простынями и кое-как залатанными одеялами лежали «тяжелые»: кроме яшемцев, попали сюда два пожилых ополченца, Шаров и Надеждин — крестьяне из села Солнцева Ярославской губернии, и больной чуваш Василий Чабуев, наживший грыжу на войне, когда вытаскивал из грязи артиллерийское орудие. Ополченцы попали на госпитальное судно «Минин» не без задабривания того же военфельдшера, что согласился принять монастырских больных в Яшме. Надеждин страдал от последствий контузии, у Шарова была недолеченная рана коленного сустава... В селе Солнцеве комбед уже выделил на их долю хорошей земли, отобранной у барина Георгия Павловича Зурова. И толковали ополченцы про справедливые новые порядки, про десятины, пустоши, супеси и суглинки.

Врач велел отнести старца и Сашку в операционную, устроенную в носовом салоне. Ногу старцу закрепили в лубке, у Сашки проверили швы, наложенные яшемской фельдшерицей. Врач сказал, что порваны одни мускулы, кость и главный нерв целы: недельки через полторы можно будет больного поднять.

2

Оказалось, что старец Савватий с переломом и Сашка Овчинников — чуть не единственные тяжелые больные на весь пароход-лазарет. Антонина подивилась: эвакуированные и госпитализированные выглядят здоровыми. Да и весь пароход мало похож на госпиталь: чистота поддерживается слабо, койки разнокалиберные, белье бросовое. И все же этот «Минин» мог бы вместить до сотни больных, а их на борту едва ли четыре десятка.

Пароход тихим ходом подошел к городской пристани Кинешмы. Начальник сошел справиться насчет пополнения. Рядом с ним усиленно жестикулировал военфельдшер, отбиравший раненых. Оба спорили с незнакомым комиссаром на пристани. Спор стал слышен и на пароходе.

— Могу взять только вот этих легкораненых, ходячих, и то лишь потому, что мне уголь грузить в Костроме! — кричал начальник. — У меня персонал трое суток не спит, на пароходе яблоку упасть негде. Пятерых беру, не причаливая! А ну прыгай на борт у колеса, живей! Ты прыгай, ты, ты и те двое! Военфельдшер, прыгай за ними! Санитар у трапа, подай руку товарищам, помоги подняться! Все на борту? Пошел, капитан, вперед самым полным!

Начальник с военфельдшером последними вскочили на пароход, и «Минин», расстилая по реке дымный след, отвалил. Во время спора пароход удерживался у пристани на одной наспех поданной кормовой чалке. Антонина снова подивилась: и тесноты нет на недогруженном судне, и уголь уже взят в Томне. Чудные порядки!

До ушей Антонины доходили и еще более странные обрывки разговоров на борту: то французские словечки, то обращение «господа!», то слово «Россия», произносимое с картавинкой.

Девушка-послушница видела лощеных, манерных, барственного вида молодых мужчин, обряженных в солдатское разве что для отвода глаз. Антонина старалась, однако, не обращать внимания на «мирское». Ей хватало забот с пациентами. У Алексашки разбередили рану при переноске.

Врач заглянул с палубы в окно каюты и велел дать больному морфий. После впрыскивания больной приоткрыл синие глаза и улыбнулся побелевшими губами, попросил попить. Врач заметил, как больной придержал руку сиделки и неумело поцеловал запястье, будто к иконе приложился. Потом затих с закрытыми глазами, обведенными тенью. Лицо обрело после впрыскивания выражение покоя и отрешенности; черты, прежде искаженные болью, разгладились...

«Уж не кончается ли?» — испугалась сиделка.

В волнении она чуть не произнесла эти слова вслух, но суеверно спохватилась, даже руку к губам поднесла, как бы рот себе зажать... Ей вдруг припомнились странные и необычные пути, что привели их к знакомству...

...Был уютный просторный дедушкин дом в городе Макарьеве на Унже, была мама, совсем еще молодая и очень красивая, бывали счастливые семейные праздники, когда приезжал к ним папа. Как гордилась им девочка Тоня перед сверстницами! Ведь военный летчик, капитан, приезжает то из Парижа, то из Одессы... Все это оборвалось на тринадцатом году ее жизни, в один день, мгновенно! Пришло известие, что папа арестован как революционер. Будто готовился сбросить со своего аэроплана листовки на город Севастополь. Позднее узнали приговор: тюрьма! В то лето скончался дедушка, жизнь в Ма-

карьеве стала для мамы невыносимой. Узнала, что отбывать тюремный срок мужу предстоит в Ярославле. Продала макарьевское имущество и вместе с Тоней села на унженский пароход. Был он тесным, переполненным, грязным. На борту случился тиф, мама заболела.

Тоня помнила, как на пристани Яшма кричал-надрывался земский медик, требовал у капитана, чтобы больную сняли с парохода. Четыре черные монахини подняли носилки и потащили маму вверх по откосу, в монастырскую больницу.

Закричала и Тоня. Чтобы не разлучали с мамой!

— Тебе нельзя туда, девочка! — сказала одна из монахинь. — Мама твоя больна очень тяжело. Вместе вам нельзя.

Тут случилась на яшемской пристани женщина одна, жена Степана-трактирщика с михайловского постоялого двора, Марфа Овчинникова. На вид веселая, приветливая, одно слово трактирщица! Марфа монахиням и крикнула:

— Дайте мне девочку-красоточку, я ее утешу! Куда вы ее в монастыре денете? Мала еще в послушницы. Возня вам с нею лишняя, а я помощницей своей сделаю, всем рукоделиям, всем песням обучу! Влезай, деточка, в тарантас! Пошел, Артамоша!

Это она кучеру своему. Пыль столбом, и после 20 верст лесной дороги очутилась Тоня в придорожном трактире близ села Михайловского. Слава о трактире шла по всей округе недобрая, прозвал его народ «Лихой привет».

О смерти матери Тоне сказали много времени спустя. И осталась она надолго в придорожном Марфином трактире обучаться искусству угождать постояльцам. Правда, Марфа рукодельница была настоящая и певунья редкая, но радостных дней выпадало у Тони немного! Такого навидалась, о чем никто в ее семье и не думал.

Больше всех уважали хозяева «Лихого привета» своего яшемского родственника Ивана Овчинникова, первого конского барышника на весь уезд! Говорили, что с цыганами знался и законы обходить умел. Яшемцы только у него коней и брали, потому что пошла по селу примета: не возьмешь коня у Ивана, купишь у другого — пропадет лошадь.

Работал на Ивана младший его брат Алексашка. Парень лихой, смелый, но не к тому душа у него лежала, куда ее старший брат гнул. Весь интерес Сашкин — книжки читать, кинематограф в городе поглядеть либо в театр пойти, где он, по собственным его словам, и дела, и даже себя самого позабывал. Но работал на брата истово, коней издалека перегонял, всегда в разъездах, хлопотах. Частенько и в «Лихом привете» останавливался. Вот Марфа, соскучась лесной жизнью, парня приворожить и попыталась. А он все чаще стал на Марфину помощницу, Тонечку молоденькую, поглядывать. Про книжку поговорит, слово незнакомое растолковать попросит, дивится, что девочка в шестнадцать лет больше его, двадцатилетнего, во всем этом смыслит. Случалось ему Тоню за продуктами для трактира до Юрьевца на троечке прокатить, и показалось ему, что Тоня ласковее на него поглядывать стала. А когда потихоньку поцеловать осмелел, такой получил отпор, что в обиду принял. И на глазах у Тони принялся за Марфой напропалую ухаживать, чтобы в девичьей душе ревность пробудить.

А Марфа-трактирщица изо всех женских сил старалась голову Сашке вскружить, ласками его привязать. И вдруг догадалась, что неискренен с ней Александр, что вся его любовь к ней показная, Тоньки ради... Поздно Марфа недосмотр свой прокляла. И не стало для нее ненавистнее человека, чем тихая Тонечка! Недолго думая, отвезла ее в Назарьевский монастырь, сдала ее монахиням. Священник отец Николай, Тонин духовный наставник, благословил девушку пойти в послушницы.

Дали ей нетрудную работу на пчельнике, в двух верстах от обители. По дороге с пчельника и подстерег ее однажды Сашка Овчинников. Признался, что полюбил навеки, свет клином на ней одной сошелся...

Разговор этот Тоня запомнила слово в слово. Помнила и запахи щедрой весны, тихий шелест свежих, не запыленных еще трав, задеваемых черным подолом ее одежды...

Говорил Сашка тихо, слова искал с трудом. Признался, что дал завлечь себя Марфе, да быстро понял, сколь напрасна эта попытка спастись от любви настоящей, навечной.

Тоня отвечала, что оправдываться ему не в чем, обещаний он никому перед алтарем не давал, да только... поздно, мол, теперь, коли она в монастыре утешение от сердечной горечи нашла, когда его к другой потянуло... Мол, хоть и сурово ласку его отвергла, но с раннего девичества на него одного засматривалась... Потому просит теперь не смущать ее души, на мирское от послуха не отвлекать.

Он же слово взял с нее, что, ежели бы ушла она из обители либо в беду какую попала, ни у кого помощи не просила прежде, чем с ним не повидается.

На том и расстались близ монастыря в леске, и тут же Антонина все до слова пересказала игуменье. Тогда та и перевела свою послушницу с пчельника в приемный покой, к сестре Софии в помощницы. И в певчие определила, к пароходам выходить... С той поры она Сашку ни разу близко не видела, ни словом с ним не обмолвилась...

...Врач все еще стоял у окна. Когда больной уснул, он подманил сиделку и спросил тихо, чтобы другие не слыхали:

— Скажите, насчет своего ранения Овчинников правду рассказывает?

Антонина ответила, что была свидетельницей случая на пристани.

— А сами вы, барышня... Как же вы при такой внешности очутились в... монастыре? Ваше одеяние не маскировка? Ведь вам едва ли больше восемнадцати?

— Мне действительно восемнадцать. Я сирота. Отца, военного летчика, звали Сергеем Капитоновичем Шаниным. Лишившись родителей, я после многих мытарств нашла приют в монастыре и питаю надежду, что на всю жизнь.

Врач покачал головой.

— Но ведь этот... Овчинников... без сомнения, только вами и дышит! Не пара он вам, простой мужик! Не могу ли я чем-либо услужить вам, чтобы тоже обрести : право... приложиться к этой ручке?

— Сделайте милость, довезите нас троих, яшемских, монастырских — работника Губанова, увечного старца Савватия и меня — до Костромы, помогите и земляка нашего Александра в больницу определить, а более ни о чем не извольте беспокоиться, коли сами вы христианин и людям божиим желаете добра.

Врач хмыкнул разочарованно и отошел от окна.

Пароходик шел быстро, разрезая волну своим острым форштевнем, даже кое-где перекаты срезал, сокращая путь. Успокоительно вздыхала паровая маши-

на бельгийской фирмы. Антонина минуту постояла в каюте над спящим Овчинниковым, прикоснулась к его лбу, не температурит ли. Больной пошевелился и вздохнул во сне... Антонина тотчас отошла и прилегла в плетеном кресле у окна. Поставить сюда кресло распорядился все тот же внимательный доктор Пантелеев. Все больные спали крепким послеобеденным сном.

Пароходные плицы шлепали мерно и глухо. Антонина уснула в кресле и пробудилась от негромкого разговора на палубе, близ ее окна. Створка деревянного жалюзи была закрыта, но сквозь косые прорези Антонина смогла различить головы беседующих — доктора Пантелеева и знакомого военфельдшера, того, что в Кинешме вернулся на борт «Минина». К некоторому удивлению послушницы, беседа велась на французском, довольно ломаном и скверном. Едва ли военные медики могли предположить, что к их беседе сможет прислушаться скромная сиделка...

— Часа через полтора уже Кострома, — говорил военфельдшер врачу. — Можно будет сделать остановку и высадить лишних. Так сказать, сбросить балласт.

— Ну и произношеньице у вас, подпоручик! — вздохнул врач. — Перед встречей с французскими союзниками надо поупражняться, а то засмеют, мон ами... Остаются до начала потехи считанные часы. Муравьев в Казани определенно называл восьмое число, потому что союзники в Мурманске должны шестого получить подкрепление и высадить десант в Архангельске. Савинков будто уже роздал полтора миллиона, которые получил от Нуланса, французского дипломатического агента. Все союзные миссии теперь в Вологде, очень кстати. Не опоздать бы к началу. Как-никак доставим неплохое пополнение. Ваш рейд по тылам красных в роли советского военфельдшера можно признать удачным... Но как вы все же полагаете, много ли попало на борт ненадежных?

— Нет, немного. Отбор всюду сделан был заранее — и в Казани, и в Нижнем, и в Юрьевце. Вот в Кинешме чуть не сорвалось — мы рисковали получить целый косяк красных... Ну и нескольких серьезных больных пришлось принять ради соблюдения госпитальной обстановки. Полагаю, надо выкинуть в Костроме больных ополченцев и старика с переломом...

— Знаете, подпоручик, насчет этого старика я иного мнения. Не может ли он пригодиться в качестве... ну, некоего, что ли, идейного подспорья? Для бесед с колеблющимися, вообще верующими из крестьян? Видел я недавно листовки против красных. Немцы на юге отпечатали для русских мужиков: «Бей жида-большевика, морда просит кирпича». Понимаете, с такой пропагандой мы далеко не уедем. Не попытаться ли поставить этого божьего старца на ноги к началу дела?

— Что ж, попробуем подлечить для пользы службы, как говорится. Религиозное подспорье нам, конечно, не помешает.

— Что представляют собою соседи Губанова? Вы их при вербовке прощупывали?

— Нет, в Ямше условия исключали надежную проверку, но коммунистов там, кажется, нет. Пора Губанову потолковать с ними по душам. Пойдемте туда!

Сиделка и опомниться не успела, как оба собеседника вошли в каюту. Сама она решила не шевелиться в кресле и не откидывать простыни, которой прикрылась от мух. В каюте похрапывали спящие больные. Иван Губанов сразу же встрепенулся, как только военфельдшер осторожно тронул его за плечо.

— Тсс! — предостерег его врач. — Пусть соседи поспят еще... Что выяснили о них, подъесаул?

— Фабричных тут нет, — заговорил разбуженный сипло. — Одни мужики. Кто охотой не пойдет, из-под палки заставим. Обратите внимание на сиделку: молода, но старательна.

— Да, медики будут в цене, как говорится... Но ведь она должна проводить старца? — возразил фельдшер.

Доктор Пантелеев усмехнулся и кивнул на спящего Овчинникова:

— Если этот сгодится в дело, ручаюсь, и она не отстанет. Тут, похоже, роман намечается... Однако подходим к Костроме, понимаете? Пока только эта ваша каюта и неясна. Потолкуйте с солдатами, подъесаул, желаем успеха! Пойдемте, подпоручик!

Дверь каюты захлопнулась за врачом и фельдшером. Больные слышали последние, громкие слова разговора. Все пробудились, лежали помрачневшие, озабоченные.

— Слышь, Михей, — заговорил Шаров, солнцевский ополченец. Он хлопнул по плечу контуженного земляка Надеждина. — Оказывается, нами здеся подпоручики и подъесаулы командывают. Вот оно как обернулось!

Надеждин неторопливо уселся на койке.

— Вас лекаря эти подъесаулом величали? — обратился он к яшемскому мяснику. — Из казачьего, стало быть, войска? Покамест скрываться изволили на монастырском дворе? Или как вас еще понимать, ваше благородие?

— Да, ребята, — подъесаул откашлялся и предложил желающим портсигар с махоркой. — Подымим да потолкуем... Большое дело повсеместно затевается, великое, святое дело. России, ребята, порядок нужен. Не тот, что большевики вводят. Они германские агенты, а нам свой, российский закон нужен, чтобы кончить народные бедствия, власть установить для всех справедливую.

— Не знаю, какая власть господам хороша, а нам и нонешняя по душе! — тонким резким голосом почти выкрикнул Надеждин. — Только вот войну скончать желательно, торговлишку кое-какую открыть, хозяйство поправить — и живи всяк в свое удовольствие.

— Да кто ее тебе откроет, торговлишку? — рассердился подъесаул. — Кто на липовые деньги товар продаст? Кто фабрики пустит, управлять ими станет? Про такую разруху, как у нас, даже в библии не писано. Народ голодает, одни комиссары в Кремле с девками пируют, а ты говоришь — по душе! Эх, дурачье вы темное! Нынче ты ограбил, а завтра у тебя награбленное отымут. Хоть, к примеру, ту же землю.

— Покамест не отнимают, — заметил Шаров осторожно. — Сеять велят. Не на барина. На себя.

— Теперь за старое в деревне никто не держится, — поддержал товарищей чуваш Василий Чабуев. — Кто и держался за царя по старой памяти, тому напоследок война эта германская и Распутин безобразиями своими показали, что и как есть. Скажите, ваше благородие, господину начальнику, пущай всех нас в Костроме высаживает.

— И дурачьем темным нас, ваше благородие, при Советах-то никто не называл. Отвыкли от офицерского разговору, — съехидничал Надеждин.

Подъесаула взорвало. Он сел на край койки, спустил здоровую ногу на пол, а к другой ноге с отнятой ступней ловко пристегнул протез. В одном белье стал посреди каюты.

— Ну погодите ужо, пропишу я вам клистиры! Отец Савватий, ты-то что молчишь? Или за веру православную постоять страшишься?

— Сказано в писании, — сказал старец скрипучим голосом, — всякую власть приемлем от господа. Не мне, пустыннику, людские распри вершить. От сего мрака в скит ушел еще тому назад сорок лет, насмотревшись на убиенных в турецкую войну. Не тревожь, Иване, сердца малых сих, о душе помысли, не о мести единоплеменникам своим. Ступай с миром, одумайся!

— Та-ак! — насмешливо протянул подъесаул. — Не ожидал от старца измены. Басурманам продался, осквернителям храмов? Ты, как тебя, барыга! Тоже, поди, успел в большевики записаться?

— Покамест не писался, а с тобою рядом и барыге сидеть зазорно! — отрезал Овчинников. — К такому кореннику других пристяжных поищи, у твоих господ шаромыжников. Видывал я, как вашего брата и в Дону и в Волге топили. Гляди, на другую не охромей!

— По-нят-но! Понятно, говорю, кто здесь под одно рядно набился! Сестричка! Пора тебе уходить отсюда. Идем со мной к начальнику.

— Куда я от своих больных уйду? Уж лучше сами ступайте от нас, людей на грех не наводите.

Подъесаул рванул и с силой захлопнул дверь. Даже перегородки вздрогнули.

— Ох, ну и беды! — протянул Шаров. — Занесла нелегкая на этот пароход проклятый...

— Быть того не может, что одни контры на пароходе, — начал было Надеждин, но «Минин» стал давать тревожные гудки. Антонина выглянула из окна. Вечерние сумерки только начинали плотнеть. Темно-синяя Волга повторяла небо в тучах. Впереди отсвечивали первые огоньки на костромском левом берегу.

Справа подходила к пароходу лодка бакенщика с зажженным на ней фонариком. Несколько человек прыгнули с лодки на борт парохода. Бакенщик отчалил, машина снова заработала... Значит, Кострому мимо? Высаживать лишних раздумали?..

...В коридоре топот, дверь каюты распахивается. На пороге врач и начальник госпиталя. Позади несколько человек в штатском, но выправка и хватка у них воинская. У некоторых в руках револьверы. Хромой подъесаул Губанов держит обнаженную шашку так, будто готовится срубить голову любому, кто попытается сопротивляться начальству.

— Слушать мою команду! Встать!

Шаров, Чабуев и Надеждин с усилием поднялись и встали босые у своих коек. Начальник сделал шаг назад, как бы освобождая дорогу тем, кто подобру-поздорову пожелает отсюда выйти.

Начальник стал к двери боком, позволяя больным получше рассмотреть свиту в дверях, явно не расположенную шутить со строптивыми. Выдержав паузу, офицер договорил:

— Здесь, на пароходе, оказалось несколько большевистских агентов. Все они разоблачены и обезврежены. В этой каюте с сего часа будет помещение для арестованных, временная тюрьма. Кто из вас, солдаты и граждане, желает выйти и ударить по врагу, бери вещи и... марш отсюда!

Заколебался Шаров. На растерянном лице его читались сомнения: как поступить? Ведь приказывают выйти? Куда же против силы?

В этот миг резко скрипнула койка. Надеждин, не устояв на ногах, навзничь рухнул в припадке. Чабуев подскочил, обхватил контуженного, не дал тому удариться в судорогах головой об стену. Старец Савватий торопливо, в страхе крестился и бормотал молитву — едва ли он хорошенько уразумел речь начальника. Шаров опомнился, и стал помогать чувашу уложить Михея Надеждина. Припадочный уже бился на койке. На помощь ему поспешила и сиделка. К двери никто не двинулся.

— Видали притворщиков? — начальник мотнул головой, показывая свите строптивых больных. — Значит, выйти никто не желает? Вы правы, подъесаул: тут свили себе гнездо большевистские агенты. Осудим военно-полевым как дезертиров и лазутчиков врага. Окно забить досками. Дверь на запор! При попытке к бегству — расстрел на месте!

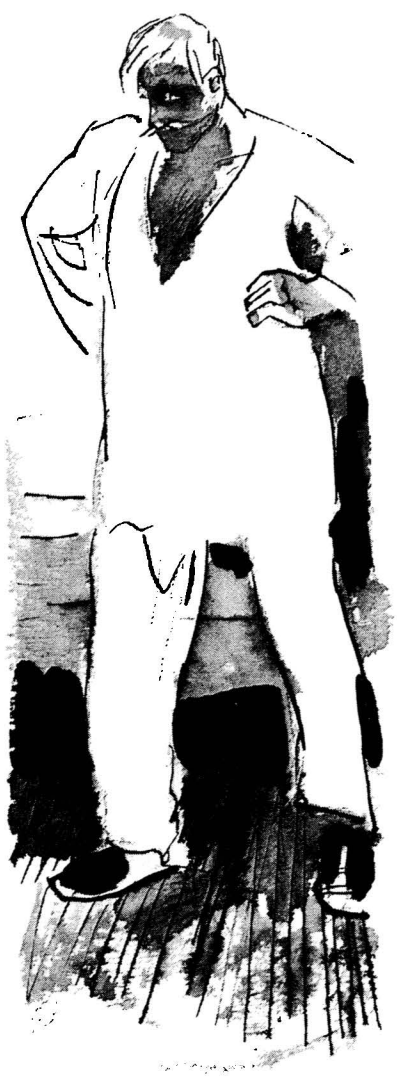
В каюту втолкнули троих новых арестованных. Снаружи на дверь навесили солидный замок, окно заколотили толстыми досками — заготовками для пароходных плиц. Выставили часовых на палубе, под окном, и в коридоре, у двери. Но во всей этой сумятице Антонина не потеряла духа, стала распоряжаться. Двоим новым больным с кровоподтеками от побоев она велела лечь на койку Губанова, а третьего положила вместе с Шаровым. Запретила пить из бачка без позволения — воды могут больше не дать.

Наступила ночь. «Минин», дробно молотя воду плицами, шел вверх мимо темных берегов. Горели сигнальные огни, звучали приглушенные разговоры, команды. Кого-то куда-то назначали, распределяли оружие.

...Так подошел пароход «Минин» на рассвете 6 июля к пригородам Ярославля, миновал зеленую пойму реки Которосли, знаменитую Стрелку с Демидовским лицеем и собором и без гудка причалил к Самолетскому дебаркадеру, под самым Флотским спуском.

3

Арестованные с трудом улавливали обрывки фраз за стенками своей тюрьмы. Но стало ясно, что пароход встречен на пристани местными белогвардейцами. Голос начальника «госпиталя» выделялся среди остальных. По обыкновению он и здесь с кем-то заспорил, доказывая, что его пароходу еще в Казани было приказано прибыть к восьмому июля в Рыбинск.



Вдруг раздраженный, начальственного оттенка бас:

— Поймите же наконец, полковник, пока вы находились в пути, ситуация изменилась. В Рыбинске нашими силами командует капитан Смирнов, а для руководства там Савинков. Вы не поспеете, срок везде перенесен с восьмого на шестое, на двое суток раньше. Выгружайтесь! Это приказ Перхурова.

— Где он сам?

— Уже у Всполья, перед артиллерийскими складами. Приказано сосредоточиться на Леонтьевском кладбище с ночи.

— Простите... но с кем имею честь?

— Генерал Карпов, с вашего позволения.

— Очень рад, ваше превосходительство!.. Господин подъесаул, скомандуйте высадку!

— Позволю себе доложить вашему превосходительству, — прозвучал голос Губанова, — на борту есть арестованные агенты красных. Полагал бы разумным... без промедления...

Чей-то петушиный дискант подсказал:

— Военно-полевым судом...

Бас рассыпался смешком:

— Помилуйте, каким там судом... До того ли. Просто, не поднимая пока лишнего шума... Спешите с высадкой, господа, пока все спокойно! Ого! Ну, благослови господи!

Откуда-то донесло выстрел, другой, третий. Застучал пулемет. Где-то пронзительно вскрикнула женщина... В предрассветный час 6 июля 1918 года в Ярославле начался белый мятеж.

— Сестрица! — шепотом позвал один из новых больных. — Что здесь за народ в арестантской? Коммунисты есть?

Во тьме Антонина перекрестилась. Слово показалось ей таким же страшным, как «безбожник».

Где-то ухнула пушка. В отдалении грянул разрыв.

— Граната, — сказал Чабуев. — Дивизионное, трехдюймовое. — Он был артиллеристом из огневого взвода.

Неподалеку ударил пулемет тремя короткими очередями.

— По кирпичной стене и по булыжнику, похоже, хлещет. Из броневиков, должно быть, — шепотом проговорил Надеждин. — Сам-то ты кто? Коммунист?

— Кандидат еще. Зовут Иван Бугров. Костромич. В Юрьевце был, у тещи, угодил вот, на беду, сюда. Главное, брать меня не хотели, вижу, военфельдшер-то вроде из бывших, я и вверни ему тихонько «ваше благородие». Мигом принял. Вот она куда заводит, угодливость-то, чуешь?

— А с тобой кто, остальные двое?

— Эти из пароходной команды. Как смекнули, что это за госпиталь, задумали сбежать. Офицеры изловили.

Часовой в коридоре услышал голос Бугрова. Грянул винтовочный выстрел.

— Смерти захотели, зашевелились? Получай, сволота красная!

Пуля пробила стенку каюты, прошла на палец от головы Антонины, оставила аккуратную дырочку в стенке. Через эту ровную дырочку ворвался розовый утренний луч. Второй часовой тоже щелкнул затвором, но с мостика прозвучало повелительно:

— Отставить стрельбу на борту! Чего попусту палить, когда город уже наш. Броневики по улицам за красными гоняются.

Перестрелка отдалялась, откатывалась к окраинам. Стреляли и на другом, левом берегу. Антонина помнила, что там находится поселок Тверицы. Рядом железнодорожная станция Урочь. Оттуда слышались гудки паровозов, винтовочные выстрелы и пулеметные очереди.

В каюте стали видны все предметы — золотые лучи тянулись из каждой щели. Сделалось душно, время шло к полудню.

Голос капитана, что утром велел прекратить стрельбу на борту, провозгласил с мостика:

— Внимание, часовые! Пленных к берегу ведут, сюда, под откос. Приготовиться! Сейчас, верно, и за нашими придут.

— Эх, сестрица, — с сожалением проговорил костромич Бугров. — Даже ножки от кровати оторвать не успел, все ж накостылял бы напоследок какому-нибудь благородию... Ну, ребята, чтобы под «Интернационал» у стенки, слышь? Недолго им царствовать, а нас народ не забудет, помянет...

Дверь отлетела в сторону. Крик из коридора: «Выходи!»

Шаров поднялся и шагнул было к выходу, но Бугров спокойно остановил его:

— Постой, постой, не больно спеши! Негоже больных на произвол бросать, парень! Их тут моментом штыками к койкам... Бери лежачих, клади на одеяла, берись за концы. Пошли, ребята, и... без паники!

Так, таща всемером Савватия и Овчинникова, арестанты по трапу сошли на берег. Им помогали

ударами револьверов и прикладов. По береговой гальке повели к паромной переправе. С парома перед узниками открывалась панорама Ярославля. Выходя к Волге руслами стародавних оврагов, превращенных в плавные спуски, улицы Ярославля как бы ныряли под каменные арки мостов, протянутых вдоль набережных выше береговых откосов.

Линию этих верхних набережных оттеняла липовая аллея, уходившая вдаль сколько глаз хватал. Торжественно белело на Стрелке здание Демидовского юридического лицея рядом с мощным пятиглавием кафедрального собора. Из густой парковой зелени уютно выглядывали шатры колоколен и главы знаменитых церквей. Вдоль набережной красовались фасады особняков с балконами, резными перилами, итальянскими окнами...

Но шла здесь сейчас кровопролитная, беспощадная война.

За поймой Которосли, слева, отстреливались красные дружины, отступившие к Коровникам. Бой шел за городской мост, прозванный Американским.

Справа, где четко рисовались в небе огромные дуги металлических ферм железнодорожного моста через Волгу, бой кипел с особым ожесточением. Запах пороха и гари достигал парома с узниками.

Кое-где с балконов свисали прежние флаги, бело-сине-красные. Антонина приметила каких-то людей на колокольне затейливой церкви Благовещения с фигурными куполами-«чернильницами». Люди наклонялись к чему-то приземистому, осевшему на задние лапы. Одна из фигурок приставила к глазам бинокль и вытянула руку. Тотчас кургузый зверь у ног фигурки затарахтел, забился и снова смолк. Это действовала пулеметная точка.

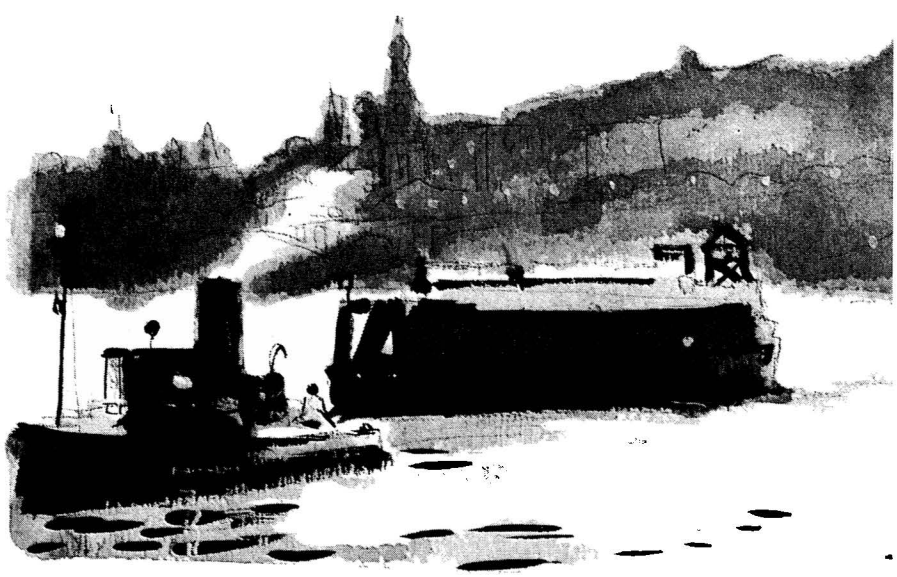
Паром с узниками приближался к дровяной барже, поставленной на якорях посреди Волги, против Арсенальной башни. Перевозчики еще не успели подвести паром к барже, как над головами узников с воем прошел пушечный снаряд. Антонина, державшая угол одеяла с неподвижным Сашей Овчинниковым, невольно пригнулась, чуть не выронила ноши. А ее напарник, костромич Бугров, державший одеяло за другой конец, говорил ободряюще:

— Не бойсь, сестричка! Если слышно, как летит, — значит, мимо! Который сюда, того услышать не успеешь.

Пока паром неуклюже маневрировал у баржи, еще один снаряд почти накрыл суденышко, рядом поднялся шумный фонтан, что-то ухнуло глухо, конвойные заругались... Как только паром стукнулся о дерево баржи, охрана — кто прикладом, кто сапогом, кто кулаком — погнала пленников на борт через один из прямоугольных проемов, зачем-то устроенных в борту этого судна.

Паром оказался много ниже баржи, и даже с пароходного трапа трудно было взобраться к проему. Удар прикладом пришелся Антонине между лопатками, она споткнулась и упала лицом вниз на палубу баржи. Бугров же успел один подхватить тяжелого Сашку за талию и подать наверх. Следом таким же порядком забросили вверх старца Савватия. С узкого палубного настила узников согнали вниз, на грязное, залитое водой дно плавучей тюрьмы. Баржа была загружена березовыми дровами на треть или четверть. Среди поленьев и стали располагаться пленники.

Конвойные тотчас отплыли восвояси. Охраны оставлять не требовалось, потому что у Арсенала установили пулемет. Расположился за ним опытнейший стрелок, в прошлом подъесаул, хромой пациент Антонины Иван Губанов. Его отлично смазанный, сегодня добытый с бою «максим» надежно обеспечивал охрану баржи с заложниками...



4

Над темно-синими хвойными лесами дальнего северного Подмосковья полосою прошел веселый грозовой ливень.

У летчиков Военного учебно-опытного авиаотряда шли к концу занятия по тактике. Слушатели все чаще отрывались от учебных карт и поглядывали то на полотняный, потемневший от сырости потолок палатки, то на часовые стрелки. Как известно всем слушателям всех учебных занятий в мире, эти стрелки имеют удивительное свойство — застывать на месте минут за десять до конца последнего урока!

Именно в эти мучительные минуты пилоты первой эскадрильи уловили шум штабной «индианы» — кроваво-красного мотоцикла, на котором разъезжал адъютант командира.

С пулеметным треском мотоциклет промчался от зеленого летного поля к палатке, поднял из свежих голубых лужиц два буруна брызг и затормозил перед пологом. Водитель приподнялся в седле, удерживая машину промеж длинных ног, обутых в высокие, зашнурованные от подъема до колена коричневые летные сапоги. Он сдвинул на лоб большие очки-консервы в кожаной оправе и скомандовал дневальному:

— Комэска-один, Петрова, на выход! Срочно!

Петров протянул было руку за штабным пакетом, но адъютант выразительно указал на багажник с засаленной подушечкой.

Водить мотоциклет Петров любил, но притуляться по-женски за спиной водителя терпеть не мог. За адским треском невозможно было говорить. По торопливости адъютанта комэск догадывался, что в штабе ждут его нерадостные новости.

В бревенчатом домике штаба к собравшимся командирам вышел комиссар отряда. Украдкой он взглянул на часы — проверил, сколько времени понадобилось, чтобы собрать весь летный комсостав. Адъютант повесил на школьной доске карту-десятиверстку.

— Обстановка осложнилась, товарищи красные летчики, — начал комиссар. — Здешний глубокий тыл перестает быть тылом. Нашему учебно-опытному отряду предстоит новая, чисто боевая задача... Выделим группу... Начальник штаба, читайте приказ Высшего военного совета республики.

В приказе говорилось, что в нескольких городах Верхнего Поволжья вспыхнули контрреволюционные мятежи.

Слушатели молча глядели на высокого плечистого комиссара. Он был чисто выбрит, подтянут, никогда не перебивал собеседников и не делал замечаний, пока говорили другие. В отряде знали, что еще до войны Сергей Капитонович Шанин выполнял партийные задания, пользуясь командировками во Францию и Италию. Перед началом мировой войны находился в ярославской тюрьме, потерял связь с женой и дочерью, ждет отпуска, чтобы продолжить розыски семьи. Говорили, что он отказался от крупного поста в Петрограде, чтобы не порывать с летным делом и не отвыкать от штурвала. Несмотря на проседь, глядел комиссар еще довольно молодо.

— Насчет общей обстановки много толковать не стану, — сказал он после того, как приказ был оглашен. — Сами знаете: в Мурманске англо-французы ждут подкрепления и пытаются продвинуться на Архангельск, Вологду, Котлас. На Дальнем Востоке японцы высадились недавно. На Украине и на Западе немцы. На Кавказе белые националисты. На Дону генералы Краснов и Мамонтов. На Средней Волге чехословаки, глядя на которых в Сибири и на Урале оживились претенденты на власть. Все они разных оттенков, но преимущественно одной масти — белой.

Покамест лишь у нас, под Москвой, и на Верхней Волге было тихо. Вот господа генералы и решили перекинуть с севера, от интервентов англо-французских, стратегический мостик через Верхнюю Волгу на Среднюю, к чехословакам, то есть связать в один фронт англо-французов и чехословацкий легион. К этому приурочен и мятеж левых эсеров в Москве. Теперь вспыхнуло дело в Ярославле. Словом, наша Москва должна свалиться в руки генералов Антанты, как спелая груша...

Комиссар помолчал, обводя взглядом командиров. И хотя он лишь вкратце повторил то, что было нанесено на карту, слушатели потупились: уж очень невеселая складывалась картина! Ведь теперь, внутри сплошного кольца фронтов, появился новый синий флажок: Ярославль!

— Однако, товарищи, поднятые в нашем тылу мятежи не дали противнику желаемых результатов. Показательно, что нигде рабочие и крестьяне не поддержали восставших. В Рыбинске, Костроме, Муроме, Кинешме события не приняли широких масштабов, и в Москве левоэсеровский мятеж угасает. Только в Ярославле контрреволюционерам удалось хорошо подготовить удар, захватить массу оружия, казнить советских руководителей. В городе идут аресты, пытки, убийства наших людей. Заправляют там кадеты, эсеры, меньшевики.

Снова возникла пауза — совсем близко от окон штаба механики отряда завели мотор, пробуя его на малых оборотах. Комиссар закрыл оконную створку и вернулся к карте.

— Товарищи красные летчики! Недаром в старину ярославцы говаривали: Ярославль-городок — Москвы уголок! Эта формула ко многому обязывает. Будем драться за этот уголок Москвы. Пошлем в бой сводную эскадрилью.

Летчики переглянулись. Кто назначен? Кому лететь? Стояла полная тишина, умолк даже мотор за окном.

— Командование сводной эскадрильей доверено мне, — закончил комиссар. — Пойду на «сопвиче» с летнабом Ильиным. Пилотировать «фарман-тридцатку» будет комэск-один Петров, наблюдателем и фотограмметристом слетает с ним замкомэска-два Крылов ввиду особой важности задания. Для связи прибавим еще «Ньюпор-24», пилот Шатунов. Итак, к 18 часам перегнать машины в расположение первой эскадрильи для проверки готовности к вылету. Предварительно получить на складе динамитные бомбы по шести пудов на машину. Действуйте, товарищи!

На следующий вечер в штабе авиаотряда пилоты и летнабы сводной эскадрильи рассматривали при свете керосиновой лампы влажные отпечатки фотографий, снятых с воздуха в районе Ярославля. Летчики сфотографировали город с небольшой высоты ручными камерами. На снимках

отчетливо рисовались линии окопов вдоль волжской набережной, огневые точки на подступах к мосту через Волгу и сильные укрепления противника близ станций Филино и Урочь в Заволжье.

В центральной части города чернели на снимках зияющие провалы в жилых кварталах. Улицы с деревянной застройкой выгорели почти наполовину. Дым пожаров скрадывал многое на снимках. Но было установлено, что колокольни служат противнику пулеметными гнездами. Насчитали до 400 пулеметных точек, несколько артиллерийских огневых позиций. Здания духовной семинарии, Вахрамеевской мельницы и в особенности бастионы древнего Спасского монастыря служили противнику крепостями.

Взявши лупу, можно было разглядеть на улицах фигурки в шляпах — это выползли из нор «бывшие». Видны были извозчики, два-три легковых автомобиля, взвод самокатчиков и до эскадрона конницы. Два бронеавтомобиля замечены были около церковного строения; по справочнику установили, что название церкви — Никола Мокрый.

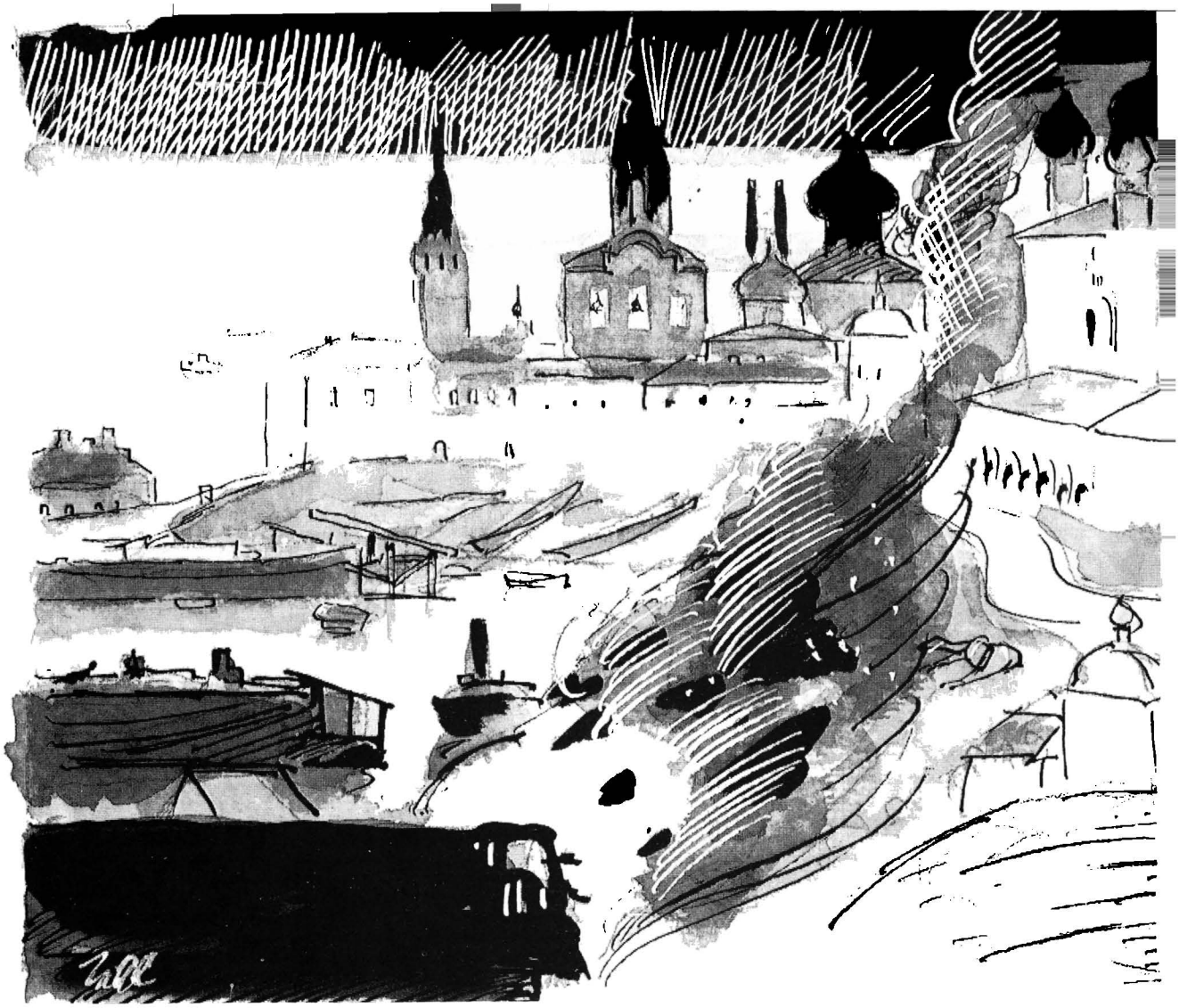
Батарея дивизионных орудий стояла на огневых позициях у Демидовского лицея. Небольшое скопление народа наблюдалось на Некрасовском бульваре около какой-то повозки с плакатом над нею. Лишь позднее перебежчики помогли расшифровать эту часть снимка: оказалось, новые городские власти возили по улицам для устрашения и вразумления граждан тело расстрелянного военного комиссара Семена Нахимсона, брошенное на возок.

На рябоватом просторе Волги было почти пусто. Действовала переправа — буксирный пароходик волок плоскодонный паром в заволжский район Тверицы. Какой-то остроносый пароход притулился у Самолетской пристани. И еще одно судно сиротливо чернело на стрежне, против башни Арсенала, между паромной переправой и стрелкой Которосли.

Это была забытая баржа-гусяна, походившая сверху на глубокую лохань. На дне ее валялись дрова, спали вповалку какие-то люди и чуть отсвечивала вода. На снимках баржа вышла плохо — ее заволокло дымом пожаров, полыхавших на обоих берегах Волги.

Рассматривая фотоснимки реки в районе боев, командир сводной эскадрильи Сергей Капитонович Шанин особого внимания на эту баржу не обратил...

Продолжение следует



Р. ШТИЛЬМАРК

ВОЛЖСКАЯ МЕТЕЛЬ

Повесть

Глава вторая. БЕГЛЕЦ

1

Военный врач с парохода «Минин», доктор Пантелеев, в первый же день белого ярославского мятежа был назначен старшим ординатором полевого лазарета. Развернули его наспех, в нижнем этаже школьного здания, недалеко от Ильинской площади. Персонал лазарета — старший и младший врачи-ординаторы, фельдшер, сестра милосердия и две сиделки из офицерских жен — сбился с ног.

Утром 10 июля доктор Пантелеев устало глядел, как неумелая хирургическая сестра тратит лишние аршины бинта на перевязку пожилого офицера, раненного в бедро. Вспомнился недавний пациент на «Минине» с такой же раной и сиделка-послушница из Яшмы. Вот бы кого сюда в помощницы! Опытная, быстрая, толковая. Красавица к тому же... Надо ли было отсылать ее к смертникам на барже? Подумаешь, красный агент! Впрочем, действительно, за красными своими пациентами в каюте она ухаживала самоотверженно, а к Губанову, да и к самому докто-

Продолжение. Начало в № 2.

ру Пантелееву отнеслась весьма холодно. К белым явно не расположена. Видимо, и в самом деле неспроста!..

— Внимание! Боевая тревога! — орет дневальный по лазарету. Значит, какое-то начальство пожаловало. По всем временным палатам забегали легкораненые. — Всему персоналу, всем ходячим больным немедленно обуться, одеться по форме и выходить во двор на построение!

Явился в лазарет с этим приказом некто поручик Фалалеев, шеф перхуровской полиции. Лучше не спорить! Нашли время для построения, черт побери!

Доктор Пантелеев снял халат, ополоснул под рукомойником руки, подтянул пояс и вышел во двор, внутренне негодуя. Фельдшер, старый служака, уже выстраивал легкораненых. Вид у обеих шеренг был далек от воинского идеала. Поручик Фалалеев верхом на гнедой лошади, нетерпеливо поигрывал шашкой. Как только он убедился, что лазарет строем выходит на улицу, Фалалеев взял лошадь в шенкеля и поскакал на площадь. Сопровождал его вестовой из бывших унтеров.

За углом колонна чуть задержалась, пропуская громыхающие машины бронедивизиона, кое-как державшие равнение. Следом за дивизионом двинулись на площадь конники числом до эскадрона. Пантелеев видел, как эти кавалеристы лихо выскочили на простор, изрядно на ходу растянулись по всей площади и следом за броневиками свернули за ограду Ильинской церкви. Однако вместо того чтобы скакать за машинами, конники по команде эскадронного снова завернули вправо и опять очутились на площади. Они вторично прогарцевали перед зрителями, будто участвовал в параде не один, а два эскадрона. За конниками с тихим лепетом блестящих спиц и шелестом резиновых шин промелькнули велосипедисты-самокатчики. Эти завернули на площадь не дважды, а даже трижды, всякий раз искоса посматривая на начальство: ладно ли делают?

«Кому и кто втирает очки этим парадом? — сердито думал доктор Пантелеев, присматриваясь к этим нехитрым военным уловкам. — Парламентеры красные, что ли, явились для переговоров?» Но тут прозвучала команда, и на площадь вступили «войсковые тылы». В том числе и сам военврач Пантелеев.

Он увидел на тротуаре наспех уложенный дощатый настил, а на этом слабом подобии трибуны группу генералов и полковников. В центре группы важно стояли два иностранных офицера. Их форма была незнакома доктору.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Видимо, ради них и учинен парад перхуровских частей...

Показывать тылы вторично не понадобилось — вид их был слишком невзрачен. Строй повернул налево, к лазарету.

Воротясь в операционную, Пантелеев узнал от сестры, что юнкер, ожидавший операции в паху, тем временем успел истечь кровью прямо на носилках, в коридоре...

Уютный балкон двухэтажного особняка на Волжской набережной завален мешками с песком. Они защищают от шальных пуль зеркальные стекла нижней квартиры. На втором этаже половина стекол выбита. Жильцам пришлось покинуть верхний этаж дома. Это вызывает у хозяев даже чувство злорадства: там разместились зимой по ордерам Ярославского совдепа четыре большевистских рабочих семейства, переселенные из полуразрушенных бараков. Хозяин особняка, польский инженер Здислав Зборович, понимает, что этим людям неважно жилось в ветхих бараках, но... он-то тут при чем? Он-то покупал особняк у полковника Зурова для себя!

Покупку совершили весной 1917 года, и немало приятных гостей перевидал особняк на Волжской набережной за быстротечное лето. Приезжали деловые люди из Москвы, Парижа и Манчестера. Перед ними играли пианисты, танцевали прелестные балерины, читали пророческие стихи поэты Бальмонт и Северянин, пел знаменитый тенор Смирнов. А как шли коммерческие дела, связанные с поставками на союзную армию!.. Потом — переворот в октябре. Чека. Очереди. Уплотнение. А теперь?

В доме не горит электричество, припахивает керосиновым перегаром от ламп, и дамы с тревогой прислушиваются к стрельбе на городских окраинах.

Впрочем, трагические июльские события не были неожиданными для семейства Зборович. Уже с зимы 1917/18 года стали появляться в уплотненном особняке новые приезжие. Они тоже выступали в задних комнатах особняка перед избранным кругом слушателей. Собрания шли, правда, без сверкающих люстр и криков «браво!», но с каким вниманием слушатели ловили каждое слово!

Был среди этих приезжих эсер Борис Викторович Савинков. В недавнем прошлом, при Керенском, Борис Савинков, будучи помощником военного министра, ввел смертную казнь за воинские преступления. Совещались с ним в особняке Зборовичей генералы Гоппер и Карпов, бывали посланцы французских и британских дипломатов.

Хозяйка дома, пани Элеонора, завязала дружеские отношения с артисткой ярославского «Интимного театра» Эльгой Барковской, у которой был поклонник, сыгравший немаловажную роль в подготовке событий, — поручик Фалалеев.

Поручик имел такой простоватый вид и так подчеркивал свой демократизм, что ярославские партийные руководители принимали его за выходца из низов, заслуживающего доверия. Давнишний завсегдатай чайных, бильярдных и трактиров, Фалалеев хвалился особой осведомленностью о делах уголовного мира и предложил уездным властям свои услуги в качестве надежного блюстителя порядка. Ярославские власти поручили ему пост комиссара уездной милиции. Поэтому Перхуров знал обо всех переменах в дислокации частей, обо всех разногласиях в губкоме и губисполкоме, имел адреса руководителей, план караульной службы, сведения обо всех запасах на городских складах.

Самый же младший отпрыск семьи Зборовичей лично участвовал в нанесении первого удара, в захвате артиллерийского склада у Леонтьевского кладбища, на Всполье. Правда, офицерам захват склада удалось произвести почти бескровно, а первыми, кто прискакал из города на рассвете 6 июля по сигналу тревоги, были конные милиционеры поручика Фалалеева. Семнадцатилетний Владек Зборович вернулся домой героем, в офицерской форме с погонами прапорщика, которые будто бы собственноручно укрепил на плечах молодого воителя сам Главноначальствующий!

В уютном особняке Зборовичей приготовили после воинского парада званый ужин, где полковник Перхуров обещал поделиться с почетными ярославскими гражданами радостными новостями о ходе патриотического дела.

2

Главноначальствующий прикатил на Волжскую набережную в потрепанном, но не потерявшем изящества автомобиле «непир». Сопровождали его штабист полковник Зуров и бывший адъютант Зурова подпоручик Михаил Стельцов.

По знаку главы нового городского управления меньшевика Ивана Савинова оркестр сыграл туш. Музыкантов набралось мало, и приветственный туш по случаю прибытия Главноначальствующего получился жидковат. Сидевшие в зале поднялись с мест и наконец увидели главного героя ярославских событий.

Выше среднего роста, смуглый, резкий в движениях, плотно влитый в защитный мундир, Александр Петрович Перхуров пересек зал и поднялся на возвышение, некогда служившее сценой артистам. Чуть сутулясь и ни на ком не останавливая надолго взгляда черных острых глаз, Главноначальствующий поднял руку, как бы протестуя против туша. Кивнул ближайшим знакомым, поклонился артистке Барковской, но вовсе не заметил поручика Фалалеева, державшего артистку под руку. Заговорил отчетливо и резко:

— Господа! Рад возможности известить вас о важном событии на нашем участке борьбы за освобождение России.

Зал замер. Лишь за обоями осыпалась штукатурка от сильных разрывов. Это бил по городу красный бронепоезд.

— Сутки назад отбыли за Волгу квартирьеры французской армии, присланные от главного штаба союзного командования на русском Севере. В ближайшие часы в Архангельском порту высаживается десант экспедиционных англо-французских войск. Мы переживаем исторические минуты.

Как бы подтверждая слова Перхурова, начали бить большие угловые часы в зале. Звон был мягкий, густой и показался всем таким многозначительным, что Перхуров пережидал все восемь ударов. Когда «часы истории» отзвучали, он продолжал:

Мне сообщили, что после высадки в Архангельске войска союзного десанта проследуют прямо в Вологду, Рыбинск, Ярославль и Муром. Во всех этих городах восстание против большевиков развивается успешно. Через несколько суток по захваченному нами железнодорожному волжскому мосту союзники соединятся с нашей группировкой, и мы вместе двинемся для завершающего удара к Москве.

Публика захлопала в ладоши. Перхуров поманил к себе пана Владека.

— Прапорщик Зборович! За храбрость, проявленную вами при захвате артиллерийских складов, награждаю вас орденом святого Георгия III степени и назначаю адъютантом моего штаба.

Полковник умолчал, правда, о том, что ящик георгиевских крестов был обнаружен на складе, так что новоявленных георгиевских кавалеров в городе заметно прибыло. Присутствующие об этом не ведали и были растроганы. Перхуров закончил так:

— Вас, господа офицеры Зборович и Стельцов, я не хочу похищать нынче у милых барышень в этом зале. Извольте завтра к восьми утра явиться в штаб для исполнения служебного долга. А нам с полковником Зуровым приходится спешить!

И старшие офицеры укатили на своем «непире». Повеселевшие гости устремились к накрытым столам. После ужина гостям был преподнесен сюрприз — выступление Барковской...

От выпитого вина, добрых вестей и смелых комплиментов артистка находилась в очаровательном чаду.

К исполнительнице подлетели два офицера с бокалами.

— Вы пригубите? Сочтем за счастье!

— Благодарю вас, господа! Как вас зовут, подпоручик? Михаил Стельцов? Это о вас говорил что-то Главноначальствующий? А вас, пан Владек, я даже не успела поздравить с первым крестом. Уверена, что он не последний. Но здесь так накурено и душно! Хочу на воздух, к реке... Опасно? С такими кавалерами, как Мишель и пан Владек? Разве не за храбрость вам нынче вручен этот крестик? Достаньте лодочку, Владек, мне пришла фантазия покачаться на волнах!

Тихая ночная Волга отражала столько пожаров, что казалось, будто в темных берегах струится багрово мерцающая лава. Стрельба попритихла в глухую пору. Изредка прокатывалась пулеметная дробь или бухало орудие, на миг озаряя волжский мост или тучу над крышами. Вперемежку с орудийными зарницами мелькали грозовые, бледные и слабые в сравнении с артиллерийскими вспышками. Барковская спускалась с откоса, поддерживаемая Стельцовым. Владек был уже внизу. Грозная ночь и легкое опьянение отнимали ощущение реальности.

— Какой мистический вечер! И никого, никого вокруг! Вниз, вниз, вниз! Мишель, ведь я сумасбродка! Смотрите, наш пан Владек и в самом деле поймал какую-то лодку! Он прелесть, этот ребенок, я его расцелую за лодку! Боже мой, но там уже кто-то сидит, в этой лодке? Фу, да это, оказывается, мальчишка. Говори сейчас же, кто ты такой и зачем приплыл сюда... А то эти господа тебя живо... Впрочем, Владек, отведите его наверх, пусть-ка поручик Фалалеев, когда вернется, хорошенько п о г о в о р и т с этим рыбаком. Мы же с мосье Мишелем покараулим лодку и непременно дождемся вас... Оревуар, Владек!.. Мишель, кажется, собирается гроза. Госпо-

ди, какое зарево! И уж который день. Я мерзну, садитесь ближе... И не кажется ли вам, что мы сейчас любуемся несчастным Ярославлем, как некогда император Нерон — пожаром Рима, им самим подожженного?

3

С того часа, когда партия арестантов попала на борт плавучей тюрьмы, паром приставал к барже еще дважды или трижды, высаживая новых узников, но ни разу заключенным не давали поесть. Потом перестали привозить новых, вести с воли прекратились, надежды на спасение стали гаснуть. О положении в городе гадали по звукам боев. Видеть же люди могли только небо над головами, либо серое, в клочьях грязного дыма, либо черное, в зареве пожаров.

Лежа на штабеле поленьев, Сашка Овчинников в который раз осматривал баржу и думал: как выручить отсюда Антонину?

Уже в первые сутки плена, когда для него и старца Савватия сложили широкую постель из березовых плах, Овчинников не позволил поднимать себя. Превозмогая боль, он сам вскарабкался на приготовленное ложе.

— Хватит нянчиться! — заявил он, красный от смущения. — Небось уж затянуло рану. Пора костыли ладить. Пока могу и ползком.

Антонина только руками всплескивала.

— Не слушайте вы его! Ему еще позавчера вспрыскивания были. На пароходе еле допросилась перевязки. Куда ему ползать, костыли ладить? Погубит себя только!

Иван Бугров ободрял и сиделку и раненого, втолковывал нетерпеливому больному:

— Дуришь, парень! Радуйся, что швы целы и нога в лубке. Силушку береги, война впереди еще долгая.

— Располагать надо не дольше как до часа расстрелянья нашего или потопления вкупе с сим ветхим ковчегом! — вмешался как-то в разговор Бугрова с Сашкой увечный старец Савватий. — Прости им, господи, ибо во злобе своей не ведают, что творят и над кем творят.

— Нет, дедушка, — успокаивал старика Бугров. — Для расстрелянья нашлась бы стенка и на берегу. И утопить такую лохань середь Волги, на глазах горожан, дело непростое. Потому и толкую — не на час или два здесь располагаться надо. Может, поплавать придется, вот и надо силушку беречь.

Овчинников заметил, что заключенные на барже, не сговариваясь, молчаливо признают некоторых людей как бы за старших. К таким людям принадлежали, скажем, костромич Иван Бугров, рабочий Иван Вагин, губкомовец Павлов, сотрудница военкомата белокурая девушка Ольга. Никто не выдвигал их в начальники, и сами они совсем не выделяли себя, даже не старались распоряжаться, но именно к их словам прислушивались, сообщениям верили, советы исполняли, а поступки их становились примером.

Сашка ощущал не совсем еще понятную силу, сплачивающую этих людей. Она придавала им уверенность и спокойствие, словно они знали что-то такое, во что остальные не посвящены. Сашка про себя называл их «товарищи старшие» и определил, что среди трех сотен узников их едва ли наберется десятка полтора.

В городе все чаще ухали пушки, пулеметные очереди иногда сливались в неумолчный вой. Поблизости от баржи сочно хлюпала вода, заглатывая осколок или пулю. Сашка улавливал, как вдруг смачно чокнет пуля пониже ватерлинии, и вскоре где-то под дровами булькнет струйка... Появились и первые жертвы. При попытке достать из-за борта питьевой воды погиб чуваш Василий Чабуев. Потом удалось найти бидончик, расплести кусок каната и черпать воду уже без особенного риска... Однако не выдержал голода Шаров — попытался кричать из бортового проема: «Хлеба! Хлеба!..» Выпросил только губановскую пулю, и вскоре в дальнем конце трюма лежало уже пятеро убитых.

Однажды вечером Сашка решил потолковать с Иваном Бугровым. Дескать, голод отнимает последние силы. Пора что-то делать.

Овчинников медленно сполз со своего ложа. Старец Савватий спал. Чернело на груде поленьев монашеское одеяние Антонины — она даже не пошевелилась, когда Сашка, волоча раненую ногу и сгибаясь в три погибели, пустился в первое свое путешествие по барже.

За штабелем на корме шло заседание партийной группы заключенных. Они только что выслушали помощника ярославского губвоенкома Полетаева. Его доставили на борт с последним паромом. Он рассказал о гибели ярославских партийных руководителей Нахимсона и Закгейма, о новых приказах, расклеенных в городе за подписью Главнокомандующего вооруженными силами северной Добровольческой армии Ярославского района полковника Перхурова.

— В Рыбинске, слыхать, то же самое, — вставил рабочий Пронин, металлист из Тверицы. — Про это тоже в приказах написано. Бои, похоже, затягиваются. Люди на барже надежду теряют.

— А что, если попытаться как-то с берегом связаться? — высказалась Ольга. — Может, плотик соорудить, послать кого-либо на берег? Знают ли люди, что мы здесь? Неужели никто не добивается, чтобы нам хоть передачи от родных разрешили? Сердце у меня сжимается, как о старушке своей подумаю, ведь ей эту баржу из окошка видно: на набережной дом.

— Что ж, — в раздумье сказал помвоенкома, — может, мысль твоя правильная, подумаем. Но пока надо людей от черных мыслей отвлечь, поднять дух товарищества. Тут на носу мужчина есть в темном пиджаке, работник музея. Я прислушался, как он хорошо про наш город рассказывает. Мне думается, пусть бы погромче, для всех рассказал о земляках наших и про памятники исторические.

— Ну насчет церквух разных старик монах почище того музейщика наплел бы, — заметил Пронин сердито. — Ох, видел я, пока нас сюда из каземата вели, как такой же праведник-монах с колокольни по нашим стрелял.

— Из Спасского монастыря не одни офицеры стреляли, с монахами вместе, — подтвердил и Вагин. — Уже и поговорку кто-то пустил: «Что ни попик — то и пулеметик». Кстати, каким же ветром к нам на баржу монаха и монашку занесло?

— Это я могу объяснить, — сказал Бугров. — Старик попал за то, что офицеру казачьему заявил, не его, мол, дело стариковское в мирские распри вникать и беляков на брань благословлять. Безвредный старик. А сиделка-послушница раненых не покинула, к белякам не пристала. И скажу вам так, товарищи: сиделка, как видите, очень хорошая, заботливая, никому в помощи не отказывает. Не надо бы на каждом шагу повторять: монашка, монашка! Уж случайно ли, нет ли угодила с нами — пусть научится понимать нашего брата, не дичиться нас. Молода еще, жизнь вся у нее впереди.

— Небось приучали ее на нас как на зверье смотреть, — начал

было Пронин, как вдруг из-за штабеля высунулась чья-то рука и легла на плечо Бугрову. Все с удивлением узнали раненого Сашку Овчинникова.

— Ты что, Саша? — в недоумении спросил Бугров. — Чего тебе?

Сашка внимательно посмотрел на серевшие в сумраке лица, дольше всех задержал взгляд на Ольге. У нее был карандашик и книжка курительной бумаги: пока совсем не стемнело, Ольга делала для себя пометки. Овчинников примостился на полене рядом с Ольгой и обратился к помвоенкома Полетаеву:

— Пишете, значит? Что ж, запишите и меня.

— Куда тебя записать, товарищ? — удивился Полетаев. — У нас партийное собрание. Кончим и потолкуем с тобой. Погоди малость.

— Нечего и годить. Пишите и меня в ваше собрание. Чтобы и мне, стало быть, считаться как партейным. Пишите так: Овчинников Александр Васильевич, с 1897 года. Еще чего про меня знать надобно?

— Ты хочешь в коммунисты записаться? Так тебя понять?

— Да. Желаю вступить.

— А ты кем на воле был?

— Крестьянин я. Из села Яшмы.

— Бедняк? Середняк? Ведь крестьяне разные бывают.

— Дед бурлачил, а отец вроде середняком был. Своего хозяйства я не имею, на брата работаю.

— А брат твой?

— Овчинников Иван. Этот справный. Конным делом промышляет. Но я делов его больше знать не хочу. Учиться надумал уйти.

— Ну а в политике разбираешься? Знаешь, что по этой части с коммуниста спрос немалый?

— Разбираюсь плоховато, а научиться желаю. Насчет белых-красных вроде бы разобрался, на то мужику большого ума не надо.

— Газеты читаешь? Ленина знаешь, слыхал?

— Слыхал. Всей красной силе — голова.

— Разрешите мне! — вмешалась Ольга. — Вот, понимаешь, Овчинников, если придут сюда, на баржу, белые офицеры, они раньше всего скомандуют: коммунисты, комиссары, жиды — два шага вперед! Это может случиться ночью, через час, в любую минуту... И должен коммунист, не дрогнув, голову сложить за народ. Ты подумал об этом?

— Как раз об этом и подумал. И так решил: с вами держаться. Все сумею как подобает. Не сумлевайтесь, пишите!

— А в бога ты веруешь, Овчинников?

— Конечное дело, верую. Что же я, зверь?

— А знаешь, что коммунисту верить в бога не положено?

— Стороною слыхал, только не может того быть, чтобы Ленин запрещал человеку в бога веровать, совесть иметь. Никакой цены такой шеромыжник без совести не имеет.

— Видишь, какой ты еще несознательный товарищ? Владимир Ильич, товарищ Ленин, пишет и повторяет, что религия — опиум народа. Буржуазия отравляет дурманом ум трудящихся, чтобы сделать их покорными рабами. И только. Ясно?

— Не, неясно. Много добрых людей верует. Вон хоть Антонина. У нее отец-мать образованные были, а она верует. Человеку понятие надо иметь, что грех, а что дозволено. А без бога как понимать грех? Почему не украсть, не убить, клятвы ложной не дать? А ты — опиум! Выходит, и на присягу плюнуть можно?

— Вот что, Овчинников, — сказал помвоенкома. — Это разговор нужный, но долгий. Сейчас, понимаешь, некогда. Подумать надо, как от пуль защититься, мертвых убрать, надежду укрепить...

— И я про это думаю, планы строю. Имею еще силы немножко. Если надумаете что — и я с вами. Все исполню, что поручите.

— Да ведь ты не с нами, а с господом богом, — сказал Смоляков, металлист со станции Урочь. — Ты богу слуга, а не людям. Держись ближе к Бугрову, он тебе растолкует, чего ты еще не понял.

— Ну а в партию-то вы меня записали?

Смоляков привстал, давая понять Сашке, что он лишний здесь.

— Позвольте мне! — взял слово Бугров. — Парня я знаю. Никак господин подъесаул с ним общего языка не нашел, а мы должны найти. Считаю так, товарищи: надо уважить просьбу! Каждый, кто до смертного часа останется верен делу революции, достоин считаться коммунистом, если сердце его того требует. А билет на берегу выдадим. И оговорку сделаем, чтобы занялся потом изживанием своих предрассудков.

Смоляков с сомнением покачал головой.

— Эдак Бугров и попа и монашку — всех вовлечет.

— Нет, не вовлечет! — горячо возразил Вагин. — Те на барже случайные попутчики наши, а у этого парня просто путаница в башке насчет совести. Я так думаю, что церковной божественности у него и в помине нет, а совесть бедняцкая, рабочая есть. Ставь на голосование. Я. Бугров, Павлов — мы за.

— И я проголосую «за», — сказала Ольга. — Он у нас фронтовик.

— А скажи мне, товарищ Овчинников, еще одну вещь, — остановил голосование помвоенкома. — Если, может, придется нам эту баржу покинуть на лодочке или плоту, кого бы ты первым спасать стал?

Вопрос озадачил Сашку. Было темно, отсветы пожаров и луна позволяли смутно видеть бледные лица «старших». Их-то и надо бы спасать, самых нужных на берегу людей, а не девушку-послушницу, которую он, Сашка, на беду свою, полюбил больше собственной жизни...

— Говори, Овчинников, — поторопил своего подшефного Бугров. — Не смущайся, говори на партийном собрании и везде только правду. Кого, стало быть, в первую очередь?

— Думается, кого... постарше и послабее, — произнес Сашка.

— А может, сами сперва спасемся, а потом придем на выручку слабым, коли не помрут к тому времени? По душе тебе так?

Овчинников уловил иронию и обрадовался:

— Не, сперва слабых!

— А коммунистов-то когда же? Али в последнюю очередь?

— Не, зачем в послелнюю... С остальными вместе...

— Запоминай, Александр, — строго сказал помвоенкома. — На поле боя коммунист приходит первым, а покидает его последним. Так впредь сам и живи! Что ж, товарищи, проголосуем. Я лично «за».

Сашка, поддерживаемый Бугровым, добрался до своего березового островка, когда рассвет уже начал брезжить. Антонина примостилась в ногах Савватия и берегла его сон. Надеждин, очень слабый, пробормотал, глядя на Сашку:

— Двужильный ты, что ли, Овчинников? Рана только подживает, а он чуть не приплясывает! Швы пора ему снимать, слышь, сестрица?

Но сиделка в этот раз будто и недослышала. Приподнялась, тихонько скользнула мимо Сашки, повела плечом так, чтобы не коснуться мимоходом его локтя. Когда прикорнула на своей поленнице, Сашка различил глухие рыдания и почти скатился с поленьев.

Он добрался до Тони, но та резко оттолкнула его руку.

— Отойди! Отступник ты... — тело ее сотрясалось в ознобе. — С безбожниками заодно. Вечер целый... в обнимку со стриженой. От совести, от бога отрекся. Знать тебя не хочу!

— Напрасно ты, Тоня. От совести не отрекался и в обнимку не сидел. Ольга — товарищ нам, и мне и тебе. А без тебя мне жизни нету, на том и стою, как стоял.

— Шел бы с миром к себе! Господи, спаси мою грешную душу! Не понял ты, Саша, что у меня нынче на сердце было. Как я тебя ждала!

— Про что ты, Тоня? В толк не возьму! Неужто... обнадеживаешь?

— Грех мне, Саша, но уж и сама противиться не могу! Я ведь тебя не по-божески, по-женски люблю. За счастье считала одним воздухом с тобою дышать, как заезжал к нам на постоялый двор. В монастыре третий год, словечком не перемолвимся, письмеца послать не посмела, все равно не пересилю я это в себе! Старец душу мою как стеклянную насквозь видит. Велел тебе сказать... А ты... к тем, к той.

— Боязно и слушать тебя, Тонюшка! — ошалело пробормотал Сашка.

— Не гляди на меня так, Саша. Старец велел, чтобы я уговорила тебя плыть на берег, ра-

ди нашего спасения. А я боюсь, чтобы ты себя смерти подвергал. Уж лучше, если суждено, за руку тебя взявши, вместе и чашу испить общую.

Сашка начал понимать, с чем ждала его Тоня, обиду ее... Он сжал в ладонях исхудавшую девичью руку.

— А что он велит мне делать там, на берегу, если доплыву?

— По усмотрению поступать. Может, с кем из начальства поговорить, убедить отпустить невинных. Или конвою добра посулить, чтобы лодку подал и нескольких спас. А ежели не тронешь ты их сердца, может, сам тайком лодку пригонишь, во тьме или тумане. Словом, коли мы все трое окажемся на берегу, то послух монастырский он с меня снимет. На брак с тобою благословит.

В трюме рассвело, Сашка отодвинулся на самый край Тониной поленницы. Даже не заметил, как здоровая нога погрузилась в воду.

— Ну, а... кабы не вышло у меня дело, тогда как будет? Скажем, белые отпустят или красные спасут — неужто нам опять разлука?

— Ох, Саша, ты говоришь так, будто нам уж ворота отсюда распахнуты, только в троечку твою сесть! Кругом-то голод и смерть.

— Это я, Тоня, понимаю. Да ведь и с теми, «старшими», про то же толковали, только подкладка у ихнего разговора иная. Говорят, перво-наперво увозить надо с баржи больных и старых, а сами — последними останёмся, такая доля партейная. Это как считать, Тоня, безбожники они али нет?.. Так скажи ты мне прямо — если живы будем, ждать ли тебя с троечкой-то?

— Да уж видно, Саша, сам понять должен, какая из меня теперь послушница, если сама в любви тебе призналась. Быть мне либо... в черном скиту молчальницей, либо уж... за тобою, Саша!

...Рассвет, очень чистый и ясный, набирал силу и обещал жаркий день. Над баржей и во всех бортовых проемах сияло розовое и голубое небо. Стрельба как будто поутихла, ветерок отогнал дымовые облака.

Внезапно в левом проеме Антонина, не сомкнувшая глаз после объяснения с Сашкой, увидела в небе что-то похожее на светлый крест.

Он вырастал и перемещался, а одновременно Антонина различила странный стрекочущий звук. Он по-хозяйски вторгался в утреннее затишье, стал требовательно громким, пока серо-голубой крест шел наискось над баржей. Мелькнули красные звезды на крыльях, лучистый диск впереди, похожий на сияющий нимб святого. На единый миг, при легком крене аппарата, показалась очкастая голова в гладком блестящем шлеме.

— Аэроплан! — сообразила Антонина, когда от проплывающего креста отделился какой-то маленький темный предмет.

Аппарат скрылся за выступом кормы, и тут же донесло сильный тугой звук, от которого дрогнула земля и качнулась баржа с узниками. Эхо разнесло грохот взрыва далеко вниз и вверх по реке, но в треске пулеметных очередей стрекочущий звук не пропал, а лишь отдалялся постепенно. И Тоня вдруг, впервые за много лет, отчетливо вспомнила лицо своего отца, будто сам он внезапно предстал перед нею, в таком же очкастом шлеме... Фотография отца была у мамы еще на пароходе «Кологривец»... Снова раздался взрыв авиационной бомбы. Стрекотание мотора слышалось еле-еле. Изможденные узники баржи даже не пробуждались от этих новых звуков войны, и лишь Сашка, уснувший в волнении, при взрывах динамитных бомб приоткрывал и сразу же вновь смыкал глаза.

На барже начались уже шестые сутки плена. От голода и пуль погибли десятки человек. Утром 11 июля участники совещания — Вагин, Смоляков, Павлов, Бугров, Полетаев, Ольга и Сашка — подняли узников на постройку бруствера из поленьев. Их выкладывали впритык к борту, делали правильные «перевязки», чтобы баррикада не осыпалась. Артельное дело пошло быстрее, чем надеялись инициаторы.

Вместе с другими трудился работник музея, знаток города. Он рассказал, что в библиотеку Демидовского лицея, саму по себе драгоценную, буквально на днях привезли из осажденного Петрограда еще более ценные рукописи и книги. Думали, Ярославль надежнее!

К вечеру бруствер был готов. Под его защитой стало возможно похоронить убитых.

Отодрали от борта широкую доску. Первым положили тело Василия Чабуева, застреленного в начале плена. Под защитой бруствера выдвинули доску с телом за борт. Помвоенкома негромко сказал:

— Прощай, товарищ! Пролетарский гимн и салют над тобою и всеми борцами за Революцию прозвучат после нашей полной победы!

Два человека шестом снизу приподняли край доски.

Как только за бортом раздался всплеск, с берега ударил пулемет. Пули вспарывали обшивку баржи, били по торцам поленьев, поднимали брызги у борта, но никто из пленников не был задет.

За тусклой дымовой завесой к горящему городу неслышно подкрались мглистые сумерки. Резкие хлопки выстрелов казались совсем близкими. Все чаще край неба подергивался багровым пламенем, где-то на улицах раздавался грохот, будто на булыжник обрушивается целый дом.

Антонина лежала на спине и не спускала глаз с Сашки. Вдвоем с Бугровым они готовились плыть к берегу и наблюдали за рекой из оконного проема под кормовой полупалубой.

Течением несло бревна, поваленные деревья и столбы с обрывками проводов. Иногда проплывал мимо баржи вырванный с корнем куст или измочаленная крона ивы — следы пушечного обстрела берегов.

Ольга дала им адрес: бывший особняк полковника Зурова на Волжской набережной, на втором этаже, спросить бабку Пелагею Петровну, ткачиху, Олину мать. Она поможет раздобыть хлеба у городских пекарей. Только осмотрительнее с нижними жильцами. Если придется с ними разговаривать — надо обратиться либо к прислуге, либо к девочке Ванде. Хуже всех сама пани Элеонора, эта обязательно выдаст!

Днем Антонина подозвала Сашку к старцу Савватию. Узнав, что Сашка поплывет, как стемнеет, старец опустил руку в карман рясы и извлек нечто бесценное: просфору и два кусочка сахару!

— С самой Яшмы сберегаю! — шепнул он Сашке, пораженному неслыханной щедростью. — Монастырские перед отъездом подарили. Господь подсказал приберечь до крайности. Подкрепишь силы! Может, и я сподоблюсь пчельничек свой скитский узреть, если господь тебе воспоспешествует!

Сашка попытался подсунуть подарок старца Антонине, но та пригрозила, что пожалуется Савватию: не ей задано Волгу переплыть. Она сама обняла его на

прощание, поцеловала крепко и спрятала голову на его широкой груди. Когда простилась, стала глядеть, как Сашка с Бугровым присели на краю поленницы по обычаю русских людей перед дальней дорогой, а потом полезли на верх брустверa.

Наверху пловцы съели до мельчайшей крошки разломанную просфору, успевшую почти окаменеть в кармане Савватия, и сжевали сахар. Пустые желудки, растревоженные малой порцией еды, больно заныли, но уже через десяток минут оба признались друг другу, будто и в самом деле силушки несколько прибыло.

Оба наблюдателя выросли на реке, они сразу распознавали любой предмет, проносимый течением. Почти одновременно разглядели, что сверху, из-под моста, плывет челнок или лодка. Пустая ли?

Сашка ухватился за стойку проема, но бдительный пулеметчик Иван Губанов заметил движение и полоснул по окну очередью. Сашка мигом скатился на бревна бруствера, Антонина внизу лежала бледная, будто неживая. Бугров потянул Сашку на кормовую полупалубу.

— Может, за рулями сумеем спуститься!

Они по-пластунски добрались до погребальной доски, оставленной наверху, перешли вдоль фальшборта к рулевым брусьям. Ступая на палубный настил, Овчинников последний раз махнул Антонине — он терял ее теперь из виду.

На рябоватой, уже темнеющей поверхности Волги они отыскали знакомую лодочку. Скоро поравняется с носом баржи...

— Плыть надо за нею как можно дольше. Хорошо бы с поленом! — шепнул Сашка напарнику. — Как выйдем из-под обстрела — заберемся в лодку.

На корме валялось несколько иссохшихся поленьев. Сашка выбрал сучковатую, очень сухую лесину. Бугров полена не взял: буду, мол, отдыхать на спине. С поленом слезать неловко.

Глубоко внизу, между громоздкими лопастями рулей, булькала и быстро струилась маслянисто-черная в тени баржи вода. Глядя сверху на воду между рулями, легко было поддаться иллюзии, будто баржа плывет. Но оба посланца хорошо знали, что судно намертво закреплено двумя якорями. Стальной трос, носовой, был туго натянут, пеньковый, кормовой, давал слабину.

— Пошли! — прошептал Бугров. — А то лодку упустим!

Прячась за рулевыми брусьями, оба слезли вниз, к воде... Сашка спустил полено, потом окунулся сам. Волжская вода показалась обжигающе холодной. Бугров тихонько охнул, пускаясь вплавь. Течение сразу подхватило обоих.

На барже отрядили наблюдателей. К верхним проемам поднялись Смоляков и Павлов. Они сообщали остальным пленникам:

— Нырнули оба. Шибко их несет. Уже, верно, на сотню сажен. Рябь на воде, темнеет, видать плоховато. С берегов и подавно!

Но наблюдатели ошибались!

Подъесаул-пулеметчик давно обратил внимание на лодку вдали и следил в бинокль, не покажется ли на воде голова подозрительного пловца, какого-нибудь смельчака из числа смертников с баржи. И вот не одна, а две головы среди ряби.

Вражеский пулеметчик был терпелив и хитер. Перхуровское начальство знало, кому доверить старшинство на посту, охраняющему баржу с заложниками! В темное время при любых подозрительных признаках подъесаул сам ложился за пулемет и не спускал глаз с баржи.

Сейчас он выжидал долго, желая успокоить беглецов, обмануть мнимой безнаказанностью. И рассчитал он верно.

Беглецы, еще не выйдя из зоны прицельного обстрела, пошли на сближение с лодкой. Ветер дул с верховьев, лодка могла далеко опередить пловцов.

И когда лодка заметно качнулась — это Сашка первым прицепился к ее корме, — стрелок взял ее точно на мушку, заранее определив расстояние с помощью сетки бинокля. В следующее мгновение Бугров ухватился за борт, и Сашка с воды подсадил его в лодку. Потом и Сашкина голова показалась над бортом...

Смоляков успел бодрым голосом воскликнуть: «Сели! В лодку наши сели!» — как пулеметчик Иван Губанов дал длинную, точную очередь. Пробитая десятком пуль лодочка стала тонуть: несколько мгновений она продержалась на поверхности, сильно кренясь вправо, и через минуту ушла под воду.

При звуке пулемета Антонина вскочила с места и, спотыкаясь в длинном своем одеянии, бросилась наверх. Смоляков быстро подтянул ее к себе, и девушка, не таясь, ничем не маскируясь, выглянула из проема.

Она сперва ничего не поняла из того, что творилось там, ниже по течению, в отсветах городских пожаров. Потом догадалась: плавный веер всплесков на поверхности Волги — это работа пулеметчика с берега. Она увидела, как среди этих непрерывных всплесков на миг показалось и опять погрузилось в воду что-то черное, очевидно днище лодки. Больше там, рядом, ничего не было — взблескивала вода, и плыло в некотором отдалении от всплесков белое полено.

Застигнутые в лодке смертоносной свинцовой струей гребцы погибли, и Волга взяла их на дно, к остальным жертвам с баржи?..

Пулеметчик на берегу приостановил огонь и вглядывался в смутную даль, гордясь отличной своей работой. И вдруг он услышал пронзительный женский крик, прозвеневший в сумерках, доселе наполненных только звуками боя и привычными шумами реки. Крик долетел со стороны баржи. Пулеметчик повел стволом налево, нащупал темную массу баржи и дал по ней короткую очередь: тах-тах-тах!

Может быть, ему требовалось сменить ленту или остудить воду в кожухе, только очередь по барже не повторилась. Да и сделалось там по-прежнему тихо. Кричавшую, видно, уняли свои...

...Угодив под пулеметную струю, Сашка нырнул. Он еще не успел совсем забраться в лодку, выпал из нее мгновенно, а под водою сразу метнулся в сторону.

Но очередью его задело. Только пуля потеряла в воде силу и вошла Сашке в правое плечо уже ослабленной. Все же удар был тяжел, тупая боль сразу ошеломила Сашку. Правая рука онемела и сделалась чужой. Сторяча он уходил под водой от новых пуль, загребая одной левой, и старался как можно дольше не выныривать на поверхность — это было единственное, что остаток сознания велел ему.

Пловцу ненадолго хватило дыхания, и он поднялся наверх, когда веер пуль еще добивал лодку. Сашка видел и тонущую лодку, и лежавшее на дне ее тело Бугрова. Когда лодка с трупом черпнула всем бортом, Сашку немного отнесло от места крушения, куда упорно продолжал бить пулеметчик. Долетел до Сашки и женский крик над водой, но сознание работало так смутно, что он не узнал голоса и даже не подумал об Антонине...

Вокруг него сделалось тихо.

Пулеметчик внезапно перенес огонь. Александр Овчинников и не ведал, что это Тоня отвлекла от него огонь на себя...

Без поддержки не поплывешь с онемевшим плечом. Где полено? Пловец увидел его чуть впереди, добрался до него, приладил между сучьями раненую руку, а левой стал выгребать прочь от опасного правобережья.

Прояснились мысли. Значит, Бугров, верный товарищ, погиб, и он, Сашка, с незажившим бедром и новой пулей в плече, очутился в одиночестве посреди Волги. На нем — ответственность за Тоню и всех людей на барже, понадеявшихся на него.

Справа — Стрелка Которосли. Ярко пылает красивое здание со многими колоннами. В воздухе сгущается запах жженой бумаги. Вот что-то вроде хлопьев черного снега оседает на воду близ Сашкиной головы. Он сообразил, что пылающее здание — это Демидовский лицей с драгоценной библиотекой и редкими рукописями, перевезенными из Питера, а черный снег — пепел от сгоревших книг. Сашка подумал, что его собственная смерть значила бы мало в сравнении с гибелью таких сокровищ.

Пловец не сразу заметил, как поравнялся с песчаным Нижним островом. Заросший ивняком, похожий на отмель, остров темнел слева, однако Сашка обращал все внимание на правый берег, где не стихал огневой бой. Течением пловца несло к отлогой песчаной косе острова, но мысли Сашкины мутились и гасли.

Полено прошуршало по песку. Сознание смутно запечатлело на миг темный рыбачий шалашик повыше отмели. У самой воды что-то темное... Небольшая человеческая фигурка... Чайник в руках... Подошел воды зачерпнуть из Волги?..

Явь или бред? Мальчишка-то знакомый, яшемский, Макаркой зовут, попадьи тамошней племянник. Откуда он здесь, в Ярославле?..

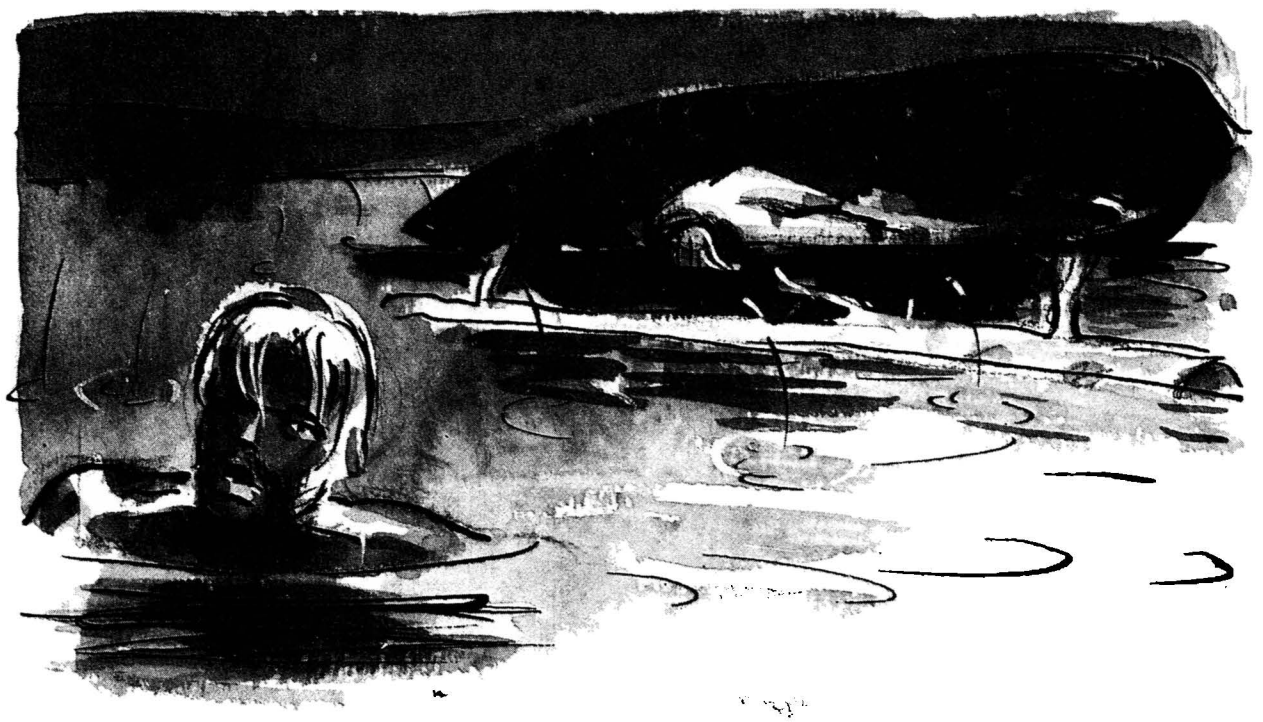
Сашка очнулся в шалаше. Тупая боль давила тело, а нога и плечо были словно накачаны этой болью. Давешнее видение яшемца Макарки оказалось не бредовым — вот он, живой, вихрастый, в ситцевой рубашке, несет весла к большой лодке. Придерживает лодку женщина — не Макаркина мать ли? Двое незнакомых мужчин неумело ладили Сашке перевязку и пытались о чем-то расспросить спасенного. Но он ничего-ничего не мог припомнить..

И вдруг его озарила мысль о Тоне, о людях на барже... Только бы не потерять эту нить, ведь он — посланец смертников. Он должен вспомнить адрес, который давала девушка Ольга...

Перебарывая надвигающееся беспамятство, он напрягает все силы. И трое Сашкиных спасителей слышат его шепот:

— Особняк на Волжской набережной, у паромной переправы, близко от Флотского спуска... На втором этаже спросить бабку Пелагею, ткачиху, Ольгину мать. Поможет хлеба добыть для родной дочери и остальных смертников на барже. Осторожнее с нижними жильцами: нынешний владелец зуровского особняка — спекулянт-поляк. Пусть вон Макарушка сплавает... Довериться можно панёнке Ванде, она добрая. Только хозяйке не открывайся, пани Элеоноре, беспременно выдаст...

Опять валится Сашка в черную пропасть, и она поглощает его всего целиком.



Продолжение следует

Р. ШТИЛЬМАРК

ВОЛЖСКАЯ МЕТЕЛЬ

Повесть

Глава третья. ПОСЛЕ ПРОРЫВА

На пустынных ночных улицах Ярославля щелкали пули, пахло гарью, в воздухе носился тополиный пух, перемешанный с пеплом, будто ветер крутил над городом странную метель, алую в отсвете пожаров.

Гости пана Зборовича уходили с банкета обнадеженные докладом полковника Перхурова о блестящих делах Добровольческой армии на Севере и в Поволжье, но здесь, на темных улицах, под обстрелом, их снова охватила паника. Слыша отдаленные перекаты грома, они не могли уверенно судить, какая новая напасть надвигается на Ярославль: грозовая ли туча с градом, красный ли бронепоезд?

Перед полуночью, когда в особняке остались только близкие, а прислугу отправили спать, очнулся задремавший ненароком в кресле пан Владек. Георгиевский кавалер страдал с той минуты, когда красавица артистка пренебрегла его обществом, отправила эскортировать задержанного мальчика. Покараулить с пани Барковской лодку было бы куда заманчивее!

Тем временем вернулся из ночного похода поручик Фалалеев. Вызывали его к зданию Государственного банка, где группа офицеров-патриотов пыталась взломать двери кладовой, чтобы поставить банковские ценности на службу... родине и свободе.

Поручик бывал у Зборовичей запросто и сразу прошел на кухню умыться. Кран бездействовал. Владек ковшом слил воды на руки Фалалееву и заодно окатил собственную голову.

— Где пани Барковская? — осведомился шеф перхуровской полиции.

— Ее, вероятно, уже проводил домой подпоручик Стельцов! — злорадно отвечал кавалер. — Вас она просила поговорить с задержанным рыбаком. Он у нас, в швейцарской.

Помрачневший Фалалеев, придерживая шашку, шагнул через порог прихожей и в крошечной каморке швейцара, примыкавшей к передней, увидел понурого подростка лет четырнадцати в синей рубахе, как бы осыпанной белым горошком. Тот сразу вскочил и вытянулся «смирно». В нем угадывалась выправка кадета.

— Ты здешний? Полное имя как?

— Владимирцев, Макарий. Прибыл от своего опекуна господина Коновальцева, с корзиной рыбы для пани Зборович. Бакенщик Семен должен получить за нее солью и продуктами. Но меня никто здесь не стал слушать, а рыбу отобрали на кухне.

— Что-то я вас плохо понимаю, молодой человек! Кто же вас сюда снаряжал: Коновальцев или бакенщик? Бакенщик Семен мне известен, Коновальцева не знаю.

— Он управляющий поместьем Солнцево полковника Зу-

Продолжение. Начало в № 2—3.

рова, моего троюродного дяди. Прячется на Нижнем острове в шалаше бакенщика Семена. Меня послали с двумя поручениями — отвезти рыбу пани и записку полковнику Зурову. Велено сразу плыть обратно, у них все запасы кончились, ни соли нет, ни муки.

— О запасах потом... Ваш троюродный дядя, говорите? А вы в лицо его знаете? Извольте указать, который здесь полковник Зуров.

Фалалеев достал из бумажника групповой снимок перхуровского штаба, сделанный несколько дней назад, в начале событий.

Мальчик недолго вглядывался в лица офицеров и безошибочно указал своего дальнего родственника. Фалалеев спрятал фотографию.

— Записка полковнику Зурову от господина Коновальцева при вас?

— Так точно. Только вручить ее господину полковнику мне велено лично.

— Хм! Первый час, полковник в штабе... Но это недалеко, гимназия Корсунской... Придется дойти!

Дежурный по штабу проводил обоих к полковнику Зурову.

Георгий Павлович держал трубку полевого телефона и делал пометки на оперативной карте. Воспаленными от бессонницы глазами он глянул на троюродного племянника, пробежал записку своего бывшего управляющего и... снова обратился к карте. Макар понял, что телефонные вести тревожны. Зуров положил трубку.

— Значит, матушка твоя и господин Коновальцев остались на Нижнем острове, в шалаше бакенщика, и ждут тебя?

В комнату вошел сам главнокомандующий Перхуров Георгий Павлович извинился и на обороте коновальцевской записки написал несколько беглых ответных строк: советовал отвезти юношу Макария и его матушку назад, в Яшму или Кипешму, пока события не прояснятся.

— Дай бог тебе нынче же благополучно воротиться к матери и опекуну! — шепнул он Макару, выпроваживая его из кабинета вместе с Фалалеевым. Затем, прикрыв дверь, два полковника склонились над оперативной картой.

В особняке Зборовича собирали продукты для юного гребца. Фалалеев советовал отправить его назад, на Нижний остров, до рассвета, под ливнем и молниями. Прислуга давно спала, Ванда, хозяйская дочка, сама привела его в кладовую за кухней и очень удивилась, когда робкий мальчишка вдруг таинственно понизил голос и приложил палец к губам:

— Тсс! Главное, чтобы ваша мама... ничего не узнала!

И Макарка торопливо пересказал девушке все, что знал о страшном положении пленников на дровяной барже. Мол, подруга Ванды — девушка Ольга, тоже томится в этой плавучей тюрьме среди смертников.

— Надо уговорить ваших друзей, Ванда, помочь им, послать на баржу хотя бы хлеба. Только мне... велели опасаться вашей мамы, уж простите!

— Ох, это правда, мама так ненавидит всех красных! Она не станет за них заступаться... Олину мать, тетю Пелагею, давно отсюда выселили, не знаю куда... Бедная Оленька!.. Но я знаю, кого попросить. Пани Барковскую, артистку. Она может заставить начальника полиции Фалалеева накормить узников хлебом... А вот вам продукты для ваших островитян. Берите побольше. Только как же вы поплывете под такой ужасной грозой?

Утром, после грозы, заключенные на барже услышали новый, забытый за неделю плена звук на реке: пьяные голоса и скрип лодочных уключин.

Из-за баррикады выглянул Смоляков.

К барже приближалась гребная лодка. На веслах сидели крепкозадые унтеры в галифе. Высокая женщина в открытом вечернем платье и в шляпе с вуалеткой сидела, подобрав ноги, на носу. Рулем правил бывший комиссар уездной милиции Фалалеев. В женщине Смоляков узнал артистку Барковскую.

Когда лодка подошла к борту баржи, двое военных стали подавать артистке круглые караваи белого печеного хлеба. Таких караваев на дне лодки лежало пять.

Артистка подняла один каравай и неумело швырнула на баржу. Каравай шлепнулся о сухую смоленую древесину, упал в воду и поплыл по течению. Унтер удержал его веслом, выловил и легко забросил на баржу.

Офицер и остальные унтеры стали ломать хлеб на куски и подавать женщине. Она была слегка пьяна, пьяны были и ее спутники. Женщина делала взмах рукой, кусок летел через борт и падал в тухлую жижу на дне баржи или на поленья близ умирающих с голоду.

От этой возни, от запаха свежего хлеба, от чужих голосов под бортом узники начали пробуждаться от забытья.

Куски хлеба, описывая широкую дугу, летели и летели через борт. Десятки рук рванулись к хлебу. Уже больше половины заключенных участвовало в этой ловле. Стали раздаваться жалобные крики: людям невыносимо бы-

ло видеть, как ломти падают в нечистоты, в лужи... Помвоенкома Полетаев сумел поймать два, и обе девушки, Ольга и Антонина, съели по куску печеного хлеба, не ведая, что самому Полетаеву хлеба не досталось.

Лодка повернула и стала отдаляться. И тогда вослед пьяным благотворителям впервые за все время плена раздались с тюремной баржи стоны страдания и выкрики проклятий.

Еще через три дня нежданный гость принес в особняк Зборовичей недобрую, грозную весть...

Этим гостем был капитан Павел Георгиевич Зуров, единственный сын полковника Зурова. Еще 8 июля капитан Зуров бежал в Рыбинске из окружения. В числе прочих участников рыбинского дела капитан Зуров в ночь на 8 июля находился согласно приказу Савинкова и Перхурова на подступах к рыбинскому гарнизонному складу. Однако захват офицерам не удался. Все они во главе с капитаном Смирновым угодили в ловушку, расставленную чекистами. Мятежники очутились в огневом мешке. Лишь немногим удалось выбраться.

— Значит, пан капитан утверждает, что в Рыбинске мы не имели успеха? — дивился полненький пан Здислав Зборович, взирая спросонья на ночного пришельца. — Мы тут слышали другое...

Капитан был точно осведомлен о запасах военного снаряжения, сданных при расформировании 12-й армии на рыбинские склады: миллион артиллерийских снарядов всех калибров, десятки миллионов патронов, винтовки, пулеметы, орудия — все в образцовой воинской сохранности. Вот почему провал рыбинской операции подрывал стратегические планы Перхурова.

— Слушайте, пан капитан, — опасливо спрашивал пан Здислав. — А как же французы? Почему задерживается их экспедиционный корпус? Ведь железнодорожный волжский мост был наш, теперь же он снова потребует от нас тяжелых жертв.

— Союзники... предали нас. Ярославская операция оказалась преждевременной. Никаких иностранных судов в Архангельске нет. Десант, обещанный к восьмому июля, туда не прибыл...

Капитан Зуров привскочил со стула, потому что потрясенный пан Здислав Зборович, патриот белого Ярославля, лишился чувств.

...В тот же вечер отец и сын Зуровы впервые за долгие месяцы разлуки оказались с глазу на глаз в своем старом доме.

— Знаешь, Паша, кого нынче похоронили на волжском берегу? Помнишь Коновальцева?

— Твоего управляющего или его сына? Росли вместе...

— Сына. Николку. Смелый был офицерик... А старшего, Бориса Сергеевича, я отправил по нашим делам. Про сына он еще ничего не знает. Жаль его. Я в начале событий велел привезти сюда из Яшмы того юношу, Макария Владимирцева, на чье имя я после февральской перевел наше Солнцево... Как-никак формальный «владелец» всего нашего недвижимого.

— Мне сдается, папа, напрасно ты их сюда раньше времени вызывал. Не до них пока. Коновальцев стар, Макарий юн.

— Французы подвели! Были надежды, что совдепия рухнет. Вот и хотел мальчишку поближе под рукой иметь, чтобы кто другой не воспользовался его наивностью. Теперь пусть едут назад, в Кинешму. Коновальцев за мальчиком присмотрит.

— Что решил нынче военный совет, папа?

— Понимаешь, положение становится трудным. Если изолированно держаться в городе — сомнут. И вот Александр Петрович предложил выход. План таков, Паша: создаем отряд, человек в пятьдесят, самых надежных и решительных офицеров. Может быть, пристегнем какого-нибудь социалиста из меньшевиков, но с ними масса мороки. Народ же идет за ними слабовато, ну да еще посмотрим! Во главе отряда станет Перхуров. Мы — Афанасьев, Ливенцев, Гоппер — сами это предложили Александру Петровичу.

— Кто же будет командовать обороной здесь, в городе?

— Очевидно, генерал Карпов. Позиции отличные, тут кто хочет удержится, пока боеприпасы есть. Но их мало, одной обороной мы войска свои не выручим. Перхуровский отряд выйдет красным в тыл и окажется на оперативном просторе. Поднимет крестьян в северной и восточной частях уезда. Отряд станет ядром белого партизанского движения, эдакой, понимаешь, поволжской вандеи. Силами крестьянской вандеи мы выручим блокированные в городе войска и соединимся с чехословаками или с союзниками на Севере.

— Знаешь, папа, если бы я сомневался в Александре Петровиче, то... просто назвал бы эту затею авантюрой, предпринятой с единственной целью: сберечь шкуру! По сути, это дезер...

— Не договаривай, Паша! Дело, разумеется, несколько... щекотливое, но иного выхода нет Лучше к а к о е - н и б у д ь решение, чем никакого. Что ни говори даже при частичном успехе сохраняется некий офицерский костяк. А знаешь, как в народе говорят: были бы кости целы, а мясо нарастет! Но ты не думай, будто я считаю шансы плана низкими. Кого-кого, а уж Перхурова мужички послушают. Я верю в Александра Петровича!

Капитан привздохнул. Вспомнились ночлеги по деревням на пути из Рыбинска в Ярославль. Какими только словами не честили эти «мужички» белых заговорщиков! Чтобы этих-то крестьян удалось бросить в бой против красных, отдавших «мужичкам» помещичью землю?!

— Когда намечен прорыв?

— Очевидно, послезавтра на рассвете. Отчасти это зависит от погоды. Александр Петрович завтра обеспечит деньги для отряда — управляющий банком выдал миллион и обещает еще полтора. Стельцов подготовит боеприпасы и оружие. Ради секретности придется на несколько часов сосредоточить оружие здесь, в подвале нашего, вернее бывшего нашего, особняка.

— Решено ли, где прорываться? Огонь на всех участках плотнее час от часу.

Полковник перешел на шепот:

— Перхуров рассчитывает прорываться... пароходом. Завтрашний день уйдет на подготовку, а на рассвете семнадцатого... Если туман поможет...

— Значит, вниз по матушке по Волге?

— Нет, не вниз, а в в е р х по матушке...

2

Днем 16 июля немало офицеров разных рангов являлись в особняк Зборовича, оставляли тяжелые свертки и мешки в маленьком дворике, а подпоручик Стельцов с прапорщиком Владеком Зборовичем уносили эти грузы в подвал особняка.

После полудня сам полковник Георгий Павлович Зуров пришел в особняк со странной ношей, завернутой в старый плащ. С трудом протиснул он неудобный сверток в дверной проем. Следом с таким же узлом протиснулся офицер в форме военного врача с серебряными погонами. Хозяевам он отрекомендовался доктором Пантелеевым и тут же от-

кланялся, чтобы воротиться на позиции.

Свертки, доставленные Зуровым и Пантелеевым, содержали нечто особенно ценное: личное оружие генералов и полковников Добровольческой армии. Решили, идя на опасное дело, закопать это оружие, слишком нарядное и дорогое, чтобы им драться, и слишком почетное, чтобы бросить его на произвол судьбы...

В гостиной бродили из угла в угол перепуганные, осунувшиеся, заплаканные барыни и седые господа с профессорскими бородками. Подпоручик Стельцов шушукался с Барковской. Она пошла к роялю, а подпоручик стал счищать обрывком портьеры мусор с крышки инструмента. От этого в гостиной поднялась такая пыль, что полковник Зуров закашлялся.

Он ждал сына Павла с позиций. Они условились встретиться здесь. За стенами особняка бушевал огненный шквал. Не верилось, что еще так недавно к особняку мог с шиком подкатить автомобиль «непир»!

Капитан Зуров нес взрывчатку для накладных зарядов: надо было надежно запастись для будущих партизанских действий в красном тылу! Полковник представлял себе весьма отчетливо, как его Паша пробирается сейчас под огнем с опаснейшим грузом за плечами... Приготовления Стельцова у рояля раздражали полковника, он курил папиросу за папиросой. Наконец капитан Павел Зуров, невредимый, появился в гостиной. Стельцов тотчас же снес в подвал увесистый заплечный мешок капитана. Затем трое младших офицеров — Павел Зуров, Михаил Стельцов и Владек Зборович отправились во двор закапывать генеральское оружие. Нижнему чину такую операцию не поручишь!

Рокот орудий, частые разрывы, зловещий шум обвалов мешали разговаривать тихо, приходилось кричать и жестикулировать. Офицеры взяли лопаты, огляделись. Выбрали укромное местечко у каменной ограды с решеткой. Она отделяла двор от небольшого сада. Старые липы и две серебристо-синие ели то и дело вздрагивали от разрывов, а под самой оградой зияла свежая воронка: фугасный снаряд выметнул землю из-под большой купы сирени.

Втроем подтащили к яме коры-

то с пушечным салом. Зуров развернул сверток с оружием. Великолепные эфесы шашек и сабель с золотыми насечками и тончайшими узорами на ножнах блеснули на солнце. Сабельные эфесы с дужками, рукояти шашек, металлические ножны сабель, кожаные — шашек, клинки, способные рассечь шелковый платочек в воздухе... со всем этим богатством приходилось прощаться!

Офицеры торопливо извлекали сверкающие клинки, окунали их в пушечное сало, вкладывали обратно в тесные темницы ножен и погружали один за другим в густую смазку. Затем осторожно опустили корыто на дно воронки, прикрыли сверху промасленной бумагой и двумя слоями досок крест-накрест. В таком виде оружие могло пролежать здесь десятилетия! Наконец воронку завалили землей и щебнем. Со стороны могло показаться, будто офицеры похоронили в садике своего товарища. Это никого не удивило бы в июльский день 1918-го...

Он выдался жарким. Работа шла к концу — оставалось заровнять засыпку и сделать метку, чтобы в будущем найти тайник.

Из дома, через заваленные щебнем окна, урывками, сквозь пулеметную дробь, доносился надтреснутый звук рояля и голос госпожи Барковской. Стельцов сообразил: на струны концертного «Стейнвея» насыпалась пыль, они дребезжали, но певица пытается что-то исполнить, может быть, для него...

Капитан и прапорщик отерли лбы, понимающе переглянулись с подпоручиком, но тотчас домашнюю музыку заглушило новым, тревожащим сердце звуком. Он доносился с реки: со стороны Заволжья показались аэропланы противника.

Офицеры побросали лопаты, Зуров стал ловить в цейсовский бинокль неприятельские воздушные аппараты.

Они шли треугольником, хорошо держали строй и равнение, притом так уверенно, словно показывали, что они-то и есть полновластные хозяева неба со всеми его облаками, ошалелыми птицами и блеклой июльской голубизной.

Подойдя к правому берегу и городскому центру, аэропланы снизились. Раздался отчетливый свист и сильный взрыв. Второй! Третий — ближе! Вот и четвертый разрыв, совсем рядом. И снова воющий свист... Трое офицеров упали ничком на землю, под защиту каменной ограды и решет-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ки над нею. И тут же убийственный грохот оглушил лежащих. Щебенка и пыль густо засыпали им спины.

...Зуров очнулся первым, прочистил уши, глаза. Из носа шла кровь. Он увидел рядом Стельцова и Владека, будто вжатых в землю и запорошенных известкой. Все вокруг было завалено каменным ломом. Решетка покосилась, но устояла — иначе всех троих задавило бы.

Капитан помог Стельцову сесть. Зашевелился и Владек. Потом они медленно поднялись на ноги. Держались за вывороченные прутья решетки, оглядывались. Самолеты ушли. Стало потише. А что в доме?

На месте особняка дымилась яма. Над нею садилось облако пыли и дыма. Все вокруг засыпал мусор. Динамитная бомба с аэроплана угодила в подвал, где офицеры всего на несколько часов сложили боеприпасы и взрывчатку для группы прорыва.

...Глубокой ночью к сборному пункту на волжском берегу явились из особняка Зборовича вместо шести человек только трое. Они были контужены и плохо держались на ногах.

Александр Петрович Перхуров, приняв от капитана Зурова рапорт о случившемся, снял фуражку... Потом вся «группа прорыва», прикрываясь сырою мглою, бесшумно погрузилась на маленький остроносый пароходик... Человек десять офицеров разделись до пояса и взялись с усердием за непривычное дело — шуровать топку!

Им повезло. На рассвете 17 июля Волгу затянуло таким туманом, что в пяти шагах было трудно разглядеть человека. Пламя пожаров и утренняя заря просвечивали будто сквозь грязно-розовую кисельную гущу. Туман пропах гарью, порохом и речной сыростью.

Пароходик не зажег сигнальных огней, не дал гудка. Он тихо отошел от самолетской пристани, оставаясь невидимым не только для красных стрелков, но и для собственных воителей. Лишь осторожное шлепанье плиц по воде различили красноармейцы, охранявшие отбитый у белых волжский мост. Кто-то оттуда окликнул судно.

Еще темнее сделалось над головами, и еще глуше зазвучали шлепающие удары по воде. Значит, под мостом... Пронеси, господи, мимо каменных опор!.. Кажется, сверху стреляли, но неуверенно и неприцельно, никого не задело. Теперь полный вперед!

Когда туман совсем рассеялся, толгские крестьянки пришли с вальками и корзинами белья на реку и увидели остроносый пароходик, засевший на левобережной отмели.

Сперва никто не отважился подойти, а когда в конце концов мальчишки полезли на борт, оказалось, что пароход совершенно пуст. На нем не встретилось ни одной живой души, хотя в топках еще дотлевал уголь, а в котлах постукивал и вздыхал остывающий пар.

3

В бывшей земской больнице села Солнцева имелась палата, официально именуемая «второй терапией». Няни и сиделки называли ее слабой, а больные сочувственно вздыхали, когда врач Сергей Васильевич Попов переводил туда пациента: «Теперя каюк! В потерпию сволокли!»

Кабинет врача находился рядом с «потерпией», и доктор чаще всего заглядывал именно в эту палату. Своих больных солнцевский доктор знал только по диагнозам и в лицо — на имена у него памяти не было. Не потрудился он даже упомнить имена-отчества обоих помещиков, построивших солнцевскую больницу, — богача Зурова и средней руки барина Букетова, чьи владения сходились недалеко от зуровского села Солнцева. Мужики побаивались и уважали доктора. Отличался он некоторой угрюмостью характера, люто ненавидел притворщиков, издевался над «нежностями», и лишь больные ребятишки и замученные крестьянским трудом солдатки-вдовы, которых чуть не силком приводили к сердитому доктору, знали, какой запас терпения и доброты был у «ругателя и резателя»: так называл доктора Попова солнцевский священник, отец Федор.

Сразу после начала июльских событий больница стала наполняться беженцами. На вторую неделю белой власти прискакал нарочный с приказом очистить больницу от посторонних и приготовить все места под раненых перхуровцев. Зуров приложил личную записку врачу — наконец-то, мол, больница, созданная солнцевским владельцем, послужит истинным патриотам!

Попов еще перечитывал предписание, а перед окнами остановилась телега с раненым. Фельдшер пошел узнать, в каком состоянии вновь привезенный.

— Вертайсь, ребята! — сказал он угрюмо. — И класть некуда, и кормить нечем. Вертайсь!

Лошадью правил прусовский мужик Семен, за телегой шел подросток лет четырнадцати, а на задке сидела женщина в темном. Она старалась подправлять изголовье у больного. Возница запротестовал:

— Ты, мил человек, не того... Самого дохтура нам представь. Наш больной плох очень. Еле довезли. Беспременно положить надо.

— Сказано: нету местов! — повысил голос фельдшер, но уже сам Сергей Васильевич явился взглянуть, кого привезли. Доктор узнал ярославского бакенщика Семена, прусовского жителя, и велел открыть лицо больного. Вид больного поразил врача.

— Кто это? — спросил врач отрывисто. — Из какой тюрьмы? Сразу сказывайте: где подобрали?

Таиться было бесполезно. Семен-бакенщик рассказал правду: дескать, бежал заключенный с арестантской баржи, где людей морят голодом неделю. А этот еще и ранен в ногу и плечо.

— Как он, говоришь, назвал себя? Овчинников Александр? Член партии большевиков?

Макаркина мать испуганно вскрикнула:

— Да не думайте ничего такого, господин доктор! Мы с сыном давно знаем Александра Овчинникова, никогда за ним такого в Яшме не водилось...

Семен только руками развел:

— Да сам вроде бы сказывал, партейный он. Бумаг при нем никаких. Кличет в бреду Антонину-сестрицу, суженую свою, что ли. Благоволите уж определить куда ни то. Сделайте милость.

— Милость! Куда ни то! На читай, коли грамотен, что мне из города пишут. Полсотни белых офицеров сюда везут, в мою больницу.

— Вот эт-то да! — протянул бакенщик Семен в досаде. — Везли, значит, человека от тюрьмы и обратно привезли к тюрьме. Что ж, Макарий, — сказал он подростку, — коли так, давай заворачивать оглобли. Только не сдюжит он, не довезем и до Прусова. Прощевайте, господин дохтур!

— Стой! — рассердился и Попов. — Я тебе для чего бумагу показал? Чтобы ты уразумел, какая беда больным нашим грозит. И твоему партийному тоже. В лес придется больных перенести, в шалаши, что ли... А пока мигом его в приемный покой! Потом сразу во вторую терапию!

Больные в палатах сочувственно качали головами: плох человек, ежели его сразу в «потерпию»!

— А за офицерами, как в лес перейдем, пусть здесь кто угодно ухаживает! — сердито толковал доктор бакенщику и фельдшеру. — А впрочем, — насмешливо повернулся он к матери Макария, — может, вы бы, сударыня, согласились?

— Нет, что вы, — лепетала бедная женщина, вовсе сбитая с толку. — У нас в Прусове попутчик остался, господин Коновальцев, нам с ним в Кинешму пора...

— А кто мне поможет больных накормить? — опять резко закричал доктор бакенщику. — Больных везете, а мне их шишками питать или древесиной?

— Пришлем тебе рыбки, Сергей Васильевич, за твою доброту. Ужо вон с Макаркой мешок доставлю. А иного чего — не могим. Да и с поста бакенщицкого надолго не уйдешь — того гляди, пароходы пойдут...

На двух парных подводах ехали лесным солнцевским проселком вооруженные люди. На них стволами назад стояло по пулемету «максим». Верстах в пяти от Солнцева подводы свернули с проселка на заброшенную, неторную тропу. Еще полверсты тянулись лесом, минуя буераки и болотные мочажины. Когда ехать стало нельзя, люди выпрягли лошадей и в пешем строю добрались до глухого лесного угла. Место называлось Баринов, или Волчий, овраг. Телеги и коней спрятали поблизости.

Давно здесь не рубили леса, не косили трав, не собирали даже ягод и грибов. Старый владелец, полковник Зуров, любил облавную охоту на волков с гончими, и некогда здесь, в овраге, постоянно держались два-три волчьих выводка, наводя страх на окрестных крестьян. За годы войны охотиться здесь было некому, и «серых бар» даже прибавилось против прежнего.

Еще до сумерек приехавшие улеглись спать, выставив караульного. А тот, кого они признавали за старшего, собрался в ночной поход.

Солнцевский священник отец Федор уже забылся сном, когда попадья Анна Ивановна, так и не заснувшая с вечера от беспокойства, уловила постукивание в оконце. Отец Федор сразу стряхнул сон. Крестясь и холодея от страха, слез с кровати, натянул брюки и босиком заторопился к сенцам. Боязливая же Анна Ивановна в одной сорочке подбежала к запертым дверям маленькой горницы, где до отъезда в город жила дочка Наденька. Зашептала в дверную щелку:

— Слышите, что ли, стучат? Бегите в подпол прятаться!

За дверью Надиной горницы мужской голос произнес зло: «Кажется, дождались!» — и сразу щелкнул отпираемый замок. Двое мужчин метнулись из дверей, пробежали на кухню и нырнули в подпол. Анна Ивановна едва прикрыла дверцу люка, как отец Федор ввел в тесную переднюю незнакомого человека в картузе и пиджаке. Пришелец шепотом назвал священника по имени... Господи, кажется, под благословение подошел! Неужто пронесло беду? Отец Федор подозвал жену.

— Видишь, Анна, еще одного гостя из города привел господь. Узнаешь ли?

Незнакомец снял картуз, и Анна Ивановна увидела сильно похудевшего, возмужалого, но по-прежнему мальчишески стройного Пашу Зурова, очень похожего на отца, Георгия Павловича, бывшего здешнего владельца.

— Разве у вас еще гости из города были? — тревожно осведомился переодетый капитан.

— Были! Кабы только были! А то ведь и сейчас е с т ь! — сокрушенно промолвил отец Федор. Он зашел в кухне за печь, потянул кольцо люка и проговорил куда-то в темноту подвала: — Вылезайте господа! Гость прибывший — одного с вами поля ягода. Пожаловал их благородие капитан Зуров.

Под полом что-то прошуршало. Два человека выбирались из-под мешков и рогож, сваленных у мучного ларя. Потом из люка показались две всклокоченные головы. Капитан выжидательно молчал, пока отец Федор помогал обоим очистить их городскую одежду от сора.

— Вот, Павел Георгиевич, извольте видеть перед собой молодого господина Букетова. Племянником приходится соседу нашему по имению.

— Поручик Букетов! — представился соседский племянник капитану.

Отец Федор пояснил, почему молодой человек попал в этот дом.

— Отважился юноша сей поискать пристанища в бывших дядиных владениях, но едва не был схвачен крестьянами для предания властям красным. Обратился ко мне напоследок, уповая на свое знакомство с дочерью моей Наденькой. Уехала дочка наша в Иваново-Вознесенск поступать на учение в коммерческое училище, посему Христа ради я сам спрятал гонимого, а заодно уж и друга его.

— Ротмистр Сабурин! — отрекомендовался второй офицер.

Отметая всякое покушение на фамильярность, Зуров сухо осведомился:

— Па-азвольте спросить, господа офицеры, когда вы изволили оставить позиции в Ярославле и по какой причине?

Ротмистр Сабурин, живой и смешливый, опешил от этого тона, потом желчно рассмеялся. Ответил, передразнивая манеру капитана:

— Па-азиции в Ярославле, с па-азволения господина капитана, были оставлены нами на целых четверо суток позднее, чем их бросил наш главнокомандующий месье колонель Пэ-эрхуров! А что до п р и ч и н ы, то она известна господину капитану не хуже, чем мне.

— Попросил бы оставить ернический тон и с подобающим уважением говорить о Главноначальствующем. Я простился с ним у Толгского монастыря утром семнадцатого июля. Ныне возглавляю особый офицерский отряд, на который командующий возложил определенные поручения. В силу данных мне полномочий имею честь приказать вам, господин ротмистр, и вам, господин поручик, считать себя в составе моего отряда.

— Дайте-ка папироску, капитан! — сказал Сабурин, крутя в пальцах зажигалку. — Впрочем, что до вашего отряда, то какие могут быть у нас с поручиком возражения? Отряд так отряд! Задание так задание! Назвался груздем — полезай в кузов. Спасибо, кузовок подвернулся, а то в этом патриотическом домике, да еще в отсутствие девицы Наденьки мы за двое суток чуть не околели от сплина.

— Всецело к вашим услугам, капитан, — проговорил молодой Букетов — Мы с Сабуриным тут действительно было загрустили.

— Ох, господа мои хорошие! — горестно вмешался глава дома. — Какой уж из меня патриот! Сиротеет паства, коли духовные отцы в светские дела вмешиваются Примером тому — горькая участь моего родного брата, священника церкви Владимирской богоматери, что близ Всполья в Ярославле. Получил скорбную весть: брата моего казнили всего дней десять назад.

— Большевики расстреляли? — заинтересовался Зуров.

— Истинно так, и даже господа вот эти могут подтвердить сие как очевидцы, только не знали они, что расстрелянный был мне родным братом. Под этим кровом вместе выросли, царствие ему небесное, страдальцу!

— Да, мы знаем этот случай, — подтвердил Букетов. — И в газетах про это было.

— За что же могли казнить священника? Это же чудовищно!

— Священник-патриот встретил наступавшие на город красные части пулеметным огнем с колокольни своей церкви, — пояснил Сабурин.

— Да, настоящий воитель! Что ж, память ему вечная! — сказал Зуров. — Рассчитываю поэтому и на вашу помощь, отец Федор. Вы родной брат героя. Сам митрополит Агафангел благословил священство на брань с красными.

— Силы мои невелики, Павел Георгиевич, — хмуро возразил священник. — Семьей обременен и приходом. Со страху не спим с попадьей третьи сутки пока гости такие в доме. Не вам, православному офицеру, объяснять, чего от нас сан требует.

— Особых тягот не возложим, отец Федор, но, — в голосе Зурова стал ощутим как бы отдаленный гром, — гостей вроде нас... изредка принимать придется... Позвольте спросить, господин ротмистр, каковы последние сведения о Ярославле? Не поверю, чтобы мы потеряли сторонников, каких имели. Наш героизм видели все. Убежден: скоро там все опять закипит!

— Если вы, капитан, умеете оценивать события реально, то придете к иному заключению. Мы сами сперва французов ждали, а потом немцу на шею кинулись. Полагаю, вы осведомлены, кому сдались офицеры-перхуровцы в Ярославле вечером двадцатого июля?

— Стороной слышал.

— То-то стороной! А вот мы с Букетовым в этом участвовали. Комедия была фантастическая! Помните ту германскую комиссию № 4 по репатриации немецких военнопленных из России согласно брестскому договору? Командовал у нас в Ярославле этой комиссией некто лейтенант Бальг. Помните?

— Смутно. Я ведь недолго пробыл в городе.

— Был он тише воды, ниже травы во время июльских событий — ведь мы в Архангельск союзников ждали, а те, как известно, брестского договора признавать не желают. Они же Мурманск и Архангельск якобы не от большевиков, а от немцев спасти стремились. Ну и как бы попутно, неофициально, так же и от Советов... Стало быть, и мы, перхуровцы, себя в состоянии войны с немцами считали.

Капитан Зуров морщился. Мол, тема скользкая. Ближе к делу.

— Но вот становится ясным, что мы терпим поражение. И в канун разгрома вижу я этого Бальга в германском военном мундире, при ордене, с саблей на одном боку и с парабеллумом на другом. Знаете, почему он так воинственно преобразился?

— Кажется, догадываюсь. Только просил бы... покороче!

— Скоро догадались и мы, рядовые перхуровцы. Как выяснилось, генерал Карпов и все прочее начальство, не сбежавшее с месье Перхуровым из города, кинулось к немцу с просьбой: «SOS! Спасите от соотечественников! Французы подвели — пусть кайзер выручает!» И повели нас, грешных, полтысячи офицеров, сдаваться этому лейтенантишке паршивому... Мне же и господину Букетову крупно повезло: выпало нам почетное задание — найти в домах побольше простыней, разодрать их на полосы и развесить утром двадцать первого июля на крышах руин. Утречком смотрим: входят победители, полки, дружины с комиссарами и дивятся: где побежденные? Навстречу красным войскам выступает в полной форме лейтенант Бальг, гордо возвещает: «Те русские, что вели военные действия, сдались мне, представителю кайзеровского командования и Германии. Как немецкие военнопленные они подлежат эвакуации нах Дойчланд. Мои вооруженные силы охраняют их в здании Волковского театра».

Действительно, видим: торчат около театра у всех входов какие-то плешивые немцы в жеваных шинелишках, все из лагеря военнопленных, и держат винтовочки российские, еще тепленькие от наших рук офицерских...

— Ну и что было дальше?

— Эх, дальше!.. Разумеется, красные предъявили ультиматум, немцы-военнопленные смирнехонько винтовочки наши положили и затопали в свой лагерь. Ну а голубчиков наших — из театра, да прямо за город, по одному адресу с владимирским священником, отца Федора братом. Тот, кстати, оказался смелее нас, офицеров, а конец все равно один был. Насчет нас с Букетовым народ подтвердил; дескать, мирные обыватели, белые флаги развешивали. Нас и отпустили.

Зуров, не глядя ротмистру в глаза, сказал по-прежнему сухо

— Благодарю за подробности, но просил бы среди офицеров моего отряда не утруждать себя подобными воспоминаниями. Переходящих в лагерь врага мы будем уничтожать без пощады, колеблющихся — привлекать. Будем, как некогда в 1812-м, готовить партизанские действия, убеждать людей в правоте и непобедимости белого движения. Отец Федор, кто может реально поддержать нас здесь, в Солнцеве, сейчас?

— Милый вы наш Павел Георгиевич, уж не обижайтесь на меня, но прямо скажу: никого не найдете! В Диевом Городище после молебна у Троицы собрали мужиков человек двадцать и наших солнцевских двоих к ним пристегнули, и грешневских мужиков тоже человек пять либо десять взяли, в поддержку господам офицерам в городе. Повели дорогой на слободу Яковлевскую, там еще сколько-то яковлевских мужиков прихватили и всем винтовки выдали. Ну так кто еще дорогой, не дойдя до Тверицы, утек, кто перед переправой сбежал, а кто на другой же день с позиций лыжи навострил. И заметьте, ушли с винтовками вашими, и теперь эти винтовки на красной стороне стреляют либо в запасе там лежат.

— А что у нас в больнице делается? Принял доктор Попов наших офицеров? Я должен увидеть выздоравливающих.

— Батюшка Павел Георгиевич, да мне просто даже странно, какие у вас понятия... Не было там никаких офицеров, тракт перекрыт был сперва офицерами, потом красными. Одни красноармейцы да красные дружинники лежали. Доктор Попов в партию большевистскую записался, режет и порет по-прежнему, сейчас только тяжелораненые долечиваются, одни ярославцы. Наших сельчан доктор Попов в эти дни в больницу не клал, по домам ходил лечил. Коек у него не хватало.

Лицо капитана становилось все напряженнее, он прикуривал папиросу от папиросы.

— Когда усадьбу нашу сожгли?

— Прошлой осенью, еще в ноябре. Но ее ведь пришлые спалили, не солнцевские.

Капитан заглянул в окно. Была предрассветная темень. Зуров опустил занавеску, потревожив листья гераней.

— Жатва началась? — вдруг осведомился он, будто без всякой связи с предыдущими речами.

— Началась! — отец Федор с полной готовностью и душев-

ным облегчением перешел к теме хозяйственной. — Престольный праздник у нас, как помните, ильин день, теперь по-новому второго августа, на субботу нынче приходится. Отслужив, отпразднуем, мужики в воскресенье опохмелятся, а четвертого августа решили всем миром на Дальние поля пойти, за пять верст. Там места открытые, хлеба ровные, созрели купно и перестоять могут — хоть нынче жни. И, между прочим, на ваших Лесных полянах нынче такие травы для второго покоса, каких и прежде не бывало! Дай, господи, вёдро после жатвы — сразу на второй покос!

— Благодарю вас. Застав, кордонов поблизости не замечали?

— Были! В Диевом Городище и сейчас проверяют едущих. Пароход посреди плеса на якорь ставят, на моторке подплывают, проверяют и пассажиров и грузы.

— Значит, пошли пароходы?

— Пошли, Павел Георгиевич, слава богу!

— Ну с меня достаточно. Решение принял. Кое-кто пожалеет, что с красными связался... Оружия вы, господа, верно, не имеете?

— У господина Букетова есть браунинг. Мой... не сохранился.

Когда домик опустел, священник и попадья заперли двери на все запоры и в спальне стали оба на колени перед ликом Ильи.

4

Гости Волчьего оврага покинули урочище в ночь на 4 августа. Отряд разделился: пять человек блокировали подступ к больнице, четверо засели в кустарнике, где за росстанью начиналась проселочная дорога к Дальним полям.

Мимо этой второй зуровской группы потянулись еще до рассвета крестьянские подводы и пешие жнецы с косами и серпами. В плетеном возке с пегой лошадью проехали священник с дьяконом служить в поле раннюю обедню перед началом страды. Солнце еще не поднималось, когда работа на Дальних, бывших зуровских, полях закипела.

И тогда из обеих замаскированных групп, прячась за плетнями и яблонями, подкрались к почти безлюдному селу по два человека. Капитан Зуров, лежа за пулеметом, видел сквозь прорезь щитка начало проселка и ближние домики. Посланцы уже крались обратно. Под застрехами кровель кое-где вымахнули светло-рыжие лисьи хвосты. Капитан проверил, как вставлена лента, и, резко щелкая, дважды подал рукоять затвора вперед, ставя «максим» на боевой взвод. Упер большие пальцы в гашетку... Сощурившись, ждал минуту, другую... И вдруг старушечий истошный крик:

— Батюшки-светы! Караул! Горим!

На пустынной улице появились старики, машущие руками, и несколько белоголовых ребятишек. Но лишь посильнее пахнуло горячим ветром, и на краю села взялись пламенем все соломенные крыши, ребятишек будто смахнуло с улицы: детвора кинулась по избам, искать там, дома, защиты от гудящего вверху пламени...

Пересохшая за жаркое лето солома почти не давала дыма. Лишь когда затрещали сосновые бревна срубов и от палящего зноя сомлели живые дерева в палисадах, выметнуло к небу оранжево-серое полотнище, прошитое красными искрами. Старик пономарь, застигнутый бедою посреди улицы и уже понявший, что не устоять его бобыльему домишке против огненной напасти, побежал не домой, а в другую сторону, к храму, отвязал притянутую к перекладине веревку набатного колокола и забил, затрезвонил: бам-бам-бам!

И тогда те, к кому воззвал набат, опустили серпы, распрямили спины, глянули в сторону села и увидели реющее над ним гибельное знамя пожара.

Женщины на поле жатвы бросали старших детишек и, не помня себя, босые, растрепанные, что есть духу мчались туда, к домам, к меньшеньким, оставленным с бабками. Кто скакал на выпряженной лошади, кто спотыкался на обочине, вскакивал снова и опять летел без памяти проселочной дорогой, которой не было конца.

В голове спешащего народа оказались, как всегда, подростки. Почти догоняя их, ровно бежали мужики постарше, те, кто в походных маршах и наступлениях научился рассчитывать силы. Растягиваясь на бегу все более, пестрели кучки фигурок в домотканых сарафанах и ситцевых платках. Обгоняя женщин и девок, пронесся возок священника. Отец дьякон стоял в рост и нахлестывал пегую лошадку, а в плетеном кузове подпрыгивал на сиденье отец Федор, без шляпы, с крестом на груди.

До села, охваченного пожаром, осталось меньше версты. Голов-

ные поравнялись с придорожной зарослью кустарника.

И вдруг оттуда, из-за этих привычных кустов, ударил дробный гром, глуша набат. Под босыми ногами крестьян взвихрились маленькие облачка пыли, и сразу целый десяток передних мужчин и подростков уткнулись лицами вперед в эти пыльные клубки.

Гром было утих, но тут же возобновился. И удары его длились все дольше, пока не рассеялись на проселке все кучки белых платочков и сарафанов. Дополняя пулеметные очереди, посыпались из кустов винтовочные выстрелы, частые, что сухой горох, падающий в жестяную банку. Бегущие никли, словно колосья, подкошенные серпом, и даже в громе пулемета и трескотне винтовочных выстрелов слышно было, как сливается людской стон и крик в один непрерывный смертный вопль.

Такой же вопль несся сквозь стрельбу с другого конца села, от больницы. Звенели стекла, надрывались человеческие голоса. Потом грохнуло дважды, и эти два взрыва пироксилиновых шашек водворили зловещую тишину на том конце Солнцева.

А тут, на дороге, топча стонущих, пегая лошадка безудержно несла мимо кустов плетеный возок. Тело отца дьякона, запутавшееся в вожжах, волочилось за возком, а отец Федор, барахтаясь в кузове, все никак не мог перехватить вожжи. Минуя скрытого в кустах пулеметчика, пегая лошадка влетела в смертную струю. Ломая оглобли, упала оземь. Возок на железном ходу придавил лошадь колесом и остановился.

Отец Федор ухватился за облучок и поднялся в возке на ноги. Под руку ему попал собственный крест на серебряной цепочке. Он повернул крест перекладиной вниз и закричал:

— А н а ф е м а! Анафема вам, иродам прокля...

Срезанный пулей, он рухнул навзничь, и в тот же миг взвилась на дальнем конце села зеленая ракета.

Сигнал этот дал группе Зурова второй пулеметчик, Иван Губанов. Значит, и у него дело кончено, путь отхода свободен.

Капитан Зуров выкатил свой пулемет на придорожную тропку, дал по дороге две последние очереди, добивая раненых в пыли, и, волоча горячий «максим» мимо белых сельских берез, четверо стрелков заторопились на соединение с губановской группой у больницы.

Долго не приходил в себя беглец с баржи смерти. Сашка доставил доктору Попову больше хлопот, чем все остальные пациенты из города. Две недели, до первых чисел августа, жизнь еле теплилась в его полубесчувственном теле. Сознание возвращалось урывками. Больной не мог взять в толк, почему рядом нет Антонины, лица чужие. Не узнал больной и Семена-бакеншика, когда тот, верный обещанию, отважился вновь прошмыгнуть мимо вражеских и своих стрелков, чтобы отвезти спасенному рыбы на пропитание. Не терпелось Семену сообщить бывшему арестанту с баржи последнюю новость о его товарищах по тюрьме.

Оказывается, утром 19 июля баржу, полурасстрелянную пушечными снарядами и пулеметами, сорвало с якорей (чему помогли и сами узники), поволокло течением мимо Стрелки и прибило к береговой отмели у Коровников, почти рядом с тюрьмой. Дружинники открыли было огонь по судну, опасаясь вражеской хитрости, но, по счастью, разобрали слабые стоны и крики: «Не стреляйте! Здесь свои, товарищи!» На палке показался красный лоскут — обрывок чьего-то платья или платка.

Смельчаки кинулись к барже. Под неприятельским огнем удалось переправить уцелевших узников — десятка полтора изможденных людей. До бортовых проемов оставалось всего несколько сантиметров от волжской поверхности. Баржа утонула вместе

с телами недавно погибших, как только спасенных укрыли на берегу.

— Молодец, рыбак-бакенщик! — сказал доктор. — Не забыл своего арестанта. Не узнавал про ту... сестру милосердия с баржи? Про которую Овчинников и в бреду и наяву толкует?

— Жива, сказывали. Сняли с баржи. Молодая, выживет!

— Это нашему арестанту лучше всякого лекарства поможет. Ну а в городе, как там? Утихло?

— Как сдались беляки, так и утихло. Только города, почитай, и нет.

— Как это нет? Люди русские, ярославцы, остались?

— Люди, знамо, остались. Не все сгорели.

— Ну коли люди остались, значит, и город есть. Были бы кости — мясо нарастет! Следующий раз присылай за больным провожатого. Без спутника с такой дорогой не сладит. После ильина дня выпишу.

...Провожатым за Александром Овчинниковым Семен-бакенщик решил отправить Макарку Владимирцева, случайного своего гостя в бакенной. Семен рассудил, что Сашке сподручнее будет ехать в Яшму вместе с Макарием, его матерью и опекуном.

Днем 4 августа Макар одиноко шагал из Прусова по лесной дороге. Попутчиков в этот раз не случилось. Только навстречу еще у самого Прусова попались ему две пароконные подводы с угрюмыми мужиками. Их было девять человек. Один указал другому на встречного подростка с узелком, на что второй махнул рукой в сторону близкой прусовской околицы: близко, мол! Макарушке встреча не понравилась, пошел осмотрительнее.

А когда лес поредел и даль открылась, Макар остолбенел.

Села Солнцева в восемьдесят дворов с церковью и земской больницей... не было! Ветром несло угарный чад. Лишь пожарный сарай с распахнутыми воротами сохранился как надгробный памятник Солнцеву.

Вдали, где еще темнели старые парковые липы зуровской усадьбы, Макар заметил живых. Это были всадники на неоседланных конях. Макар схоронился за развалинами, но осмелел, когда понял, что всадники одного с ним возраста. Ребята гнали табунок стреноженных жеребят-двухлеток из ночного. Под утро пастухи наелись картошки, уснули и проспали нападение бандитов. Лишь у одного мальчика оказались живы мать и сестра.

В больнице были сорваны с петель двери. Правое и левое крылья здания остались без крыш после взрыва, со вздыбленными полами и перекошенными, вырванными рамами. Перед входом лежал расстрелянный доктор Попов. Макару пришлось перешагнуть через тело Сергея Васильевича.

Внутри громоздилось месиво из железных коек, штукатурки и людских останков. Лишь в средней части здания, где рядом с кабинетом доктора находилась палата для слабых, в окнах сохранились переплеты. Пересиливая ужас, Макар приоткрыл дверь «потерпии».

На койке Сашки Овчинникова сидел белый, как известка, знакомый больничный фельдшер. А на подушке той же постели Макар узнал Сашкино лицо, очень худое, небритое, испачканное кирпичной пылью. Синие Сашкины глаза напряженно взирали на вход, в ожидании, кто же появится из-за двери, а фельдшер держал наготове кочергу, чтобы защищаться хотя бы и таким оружием. Других уцелевших во всей больнице не оказалось — кроме Сашки Овчинникова, никто не лежал в «слабой» палате перед нападением. А фельдшер случайно спал именно здесь после дежурства.

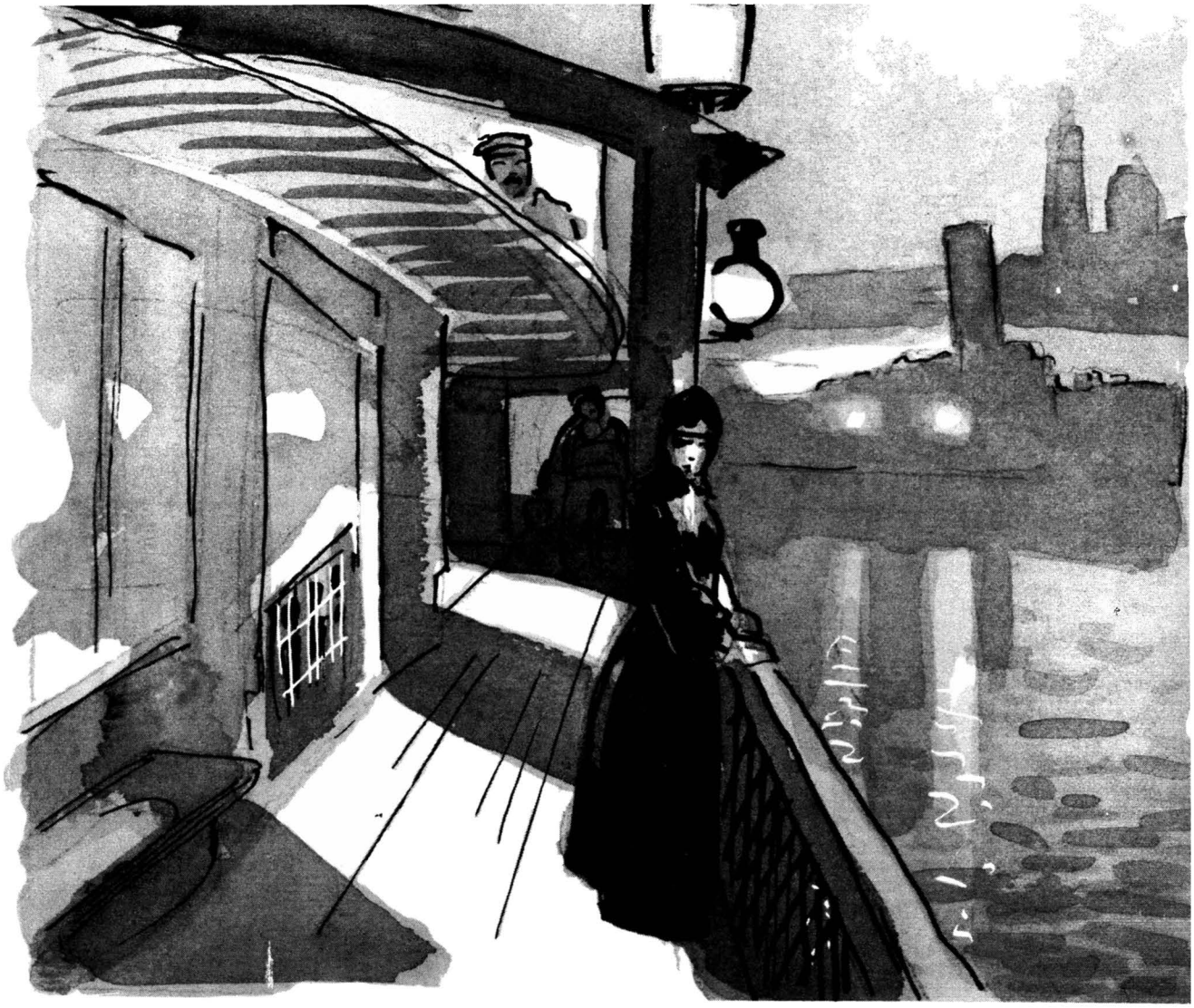
Макарка постоял в растерянности среди палаты, не в силах сделать еще шаг. И вдруг ему показалось, что раненый, оглушенный взрывом Сашка Овчинников пытается заговорить и приподняться навстречу яшемскому знакомцу. Макар кинулся к больному, а тот прижал его к себе, и мальчишка, рыдая, уткнулся в Сашкино плечо.

Поздним вечером 4 августа в село Прусово на волжском берегу прибыл обоз. Привезли на крестьянских подводах раненых и обгорелых людей из Солнцева. Беженцев-погорельцев разместили в селе, а тяжелых больных, в том числе Сашку Овчинникова, отправили пароходом в Кострому, в лазарет.

На следующее утро прибыл в Прусово пароходом «Пчелка» из Ярославля отряд рабоче-крестьянской милиции. Здесь они, к своему удивлению, выяснили, что бандитов, спаливших Солнцево, уже кто-то разыскивает.

Группа из девяти вооруженных людей, назвавшихся чекистами, накануне конфисковала катер у местных рыбаков, обошла стороной Диево Городище и, оставив катер в Новодашкове, направилась, видимо, в сторону железной дороги.

Продолжение следует



Р. ШТИЛЬМАРК

ВОЛЖСКАЯ МЕТЕЛЬ

Повесть

Глава четвертая. ЛЕТЧИК ШАНИН

1

На унженской пристани в Макарьеве ждал рейсового парохода летчик в кожаном реглане с вышитыми на рукаве крылышками и в суконном шлеме со звездой. Накануне он отметил у макарьевского военного коменданта свое отпускное свидетельство, удостоверявшее, что комиссару Военного учебно-опытного авиаотряда Сергею Капитоновичу Шанину разрешено увольнение от службы для розысков семьи. За четыре года войны и девять месяцев революции это был первый отпуск летчика Шанина.

Дальняя родственница, чье новое жилье в Макарьеве он отыскал с трудом, поведала ему, что летом 1912 года Мария Шанина с дочерью Антониной поехали в Ярославль, но по пути заболевшую Машу сняли с парохода. Где сняли, родственница не знала. Название же парохода запомнила — «Кологривец».

Оказалось, что пароход уцелел. Может, и часть команды осталась прежней? На счастье комис-

Продолжение. Начало в № 2—4.

сара выяснилось, что пароход этот ожидается через сутки и следует до Юрьевца.

...Длинный одноэтажный «Кологривец» был весь заставлен мешками, бочонками, деревянными сундучками. На палубах, на крышах, в проходах и на трюмных люках ехал народ, в одиночку и целыми семьями, кто в соседнее село, а кто на край света. Кого ждала лучшая доля, кого — мать сыра земля. Сергей Капитонович тоже вдавился в человеческое месиво, и через минуту, тоненько прогудев, пароходик заторопился на фарватер.

Шанин подождал, пока на борту все маленько утрясется и люди притерпятся друг к другу, обомнутся. Затем летчик поднялся в штурманскую рубку. Как всегда, здесь были лоцман и штурвальный матрос, вахтенный помощник и обычный гость — судовой ревизор. Он-то и дал новую нить для продолжения поисков.

— Гражданка с дочерью, говорите, товарищ красвоенлет? В августе 12-го? Давненько, но был я тогда на этом пароходе и припоминаю, что действительно врач снимал примерно в ту пору с нашего «Кологривца» двух молоденьких... Все думали — сестры, оказалось, мать и дочь. У матери тиф случился, на носилках выносили, вроде бы на пристани Яшма...

В яшемской земской больнице никаких следов Маши и Тони не оказалось.

Местный монастырь? Говорят, там есть пункт фельдшерский или перевязочная. Оказывают помощь и пассажирам... Заглянуть разве?

Однако и здесь не удалось что-либо выяснить. Нет, мол, надобности хранить документы шестилетней давности.

— А вы бы, добрый человек, — сказала ему монахиня, — не пожалели труда на кладбище наше заглянуть. Там у нас бывший пономарь сторожем. Он, не в осуждение будь сказано, к винопитию привержен, но всех покойничков пишет в тетрадь да и так, по памяти, любую могилку покажет. Ибо если супруга ваша в тифозной хворости сюда вошла, то выход ей был один: стопами вперед, вон в тую калиточку.

Комиссар последовал мрачному совету. Перед закрытием кладбищенских ворот на ночь шагал он в сопровождении сторожа по тенистой дорожке. Привела она комиссара к выступу кирпичной беленой стены, и тут, у поворота тропы влево, под молодой березкой, Сергей Капитонович медленно снял свой краснозвездный

шлем. Потому что на сосновом кресте увидел он жестяную табличку с засохшим венком из лютиков. Комиссар прочитал: «Здесь упокоилась с миром раба божия Мария Алексеевна Шанина, усопшая 30 августа 1912 года. Жития ей было 29 лет».

...Часа через два незнакомец снова постучал в сторожку, извлек из глубин своего реглана банку мясных консервов и пачечку керенок, быстро терявших цену.

— Приведи, дед, в порядок ту могилку. Цветы посади. Сделаешь?

— Спаси, Христос, батюшка кормилец! Кем она вам приходилась, Мария-то Шанина?.. Ах ти господи! У нас в селе из сотни баб едва ли единая мужика с войны дождалась, а вот и наоборот, оказывается, бывает: мужик цел, молодуха преставилась! Тоже, чай, воевали?

— С самой японской. Я военный летчик.

— Летаете? Чудеса? Чай, от хорошей жизни не полетишь?

— От хорошей не полетишь, а к хорошему прилететь можно... Скажи, дед, кто все-таки ходил за могилкой? В запустении она недавно. Кто надпись заказывал? Кто веночек сплел и повесил? Девочка... сюда не ходит? Впрочем, теперь уже... девушка? Не помнишь? Не замечал?

— Надписи монахини малюют, как им отец Николай, протоиерей наш, указует. За могилкой послушница одна ходила. Может, отец Николай такой послух на нее наложил.

— Я разыскиваю дочку. Как мне ту послушницу найти и расспросить?

— Не помню, батюшка, которая ходила. Их у нас с полсотни. Теперь я сам тебе могилку поберегу, будь покоен!

— Постой! Ты на похоронах моей жены был?

— Не ее ли в тифу с парохода сняли? Ту при мне отпевали.

— Не помнишь у гроба девочку, двенадцати лет?

— Вроде бы не было такой. Панихиду отец Николай благолепно служил, кутью нищим раздавали... Не сумлевайтесь, все чин по чину шло. А ежели при больной девочка была — надобно у отца Николая справиться, он все помнит. Только в отъезде нынче, в Костроме. Скоро воротится, ярмарка началась, самые дела.

— Дед, пароход мой гудит! Но скоро вернусь, дочь Антонину искать. Если что услышишь о ней, вот мой адрес, напиши мне в авиаотряд, под Москву. До весны адрес, верно, не изменится.

...Русинский пароход «Князь Пожарский», наверстывая опоздание, сократил стоянку в Яшме. Грузов и пассажиров оказалось мало, время было позднее, темное, и капитан «Пожарского» велел отвалить побыстрее.

Подбегая к береговому обрыву, Шанин услышал третий гудок. Внизу слабо виднелись четыре освещенных дебаркадера, и нельзя было разобрать сразу, от которого отваливает пароход. Где же, черт побери, та высокая монастырская лестница? Или рискнуть — прямо с откоса? Там круча, камни...

И вдруг перед летчиком — фигурка босоногого парнишки.

— Товарищ военный, вы с парохода?

Шанин тяжело дышал от быстрого бега.

— Да, да, друг. Обязательно надо поспеть. И притом ног не поломать. Без них и ходить плоховато, а летать и подавно!

— Так вы летчик? Бегите за мной, покажу.

Внизу, у пристани общества «Русь», пароход просигналил тонким гудочком: «туу-ту-туу!» Пароход чуть сдал назад — нос отделялся от дебаркадера.

— Сюда! Быстрее вниз!

Под ногами Шанина — узкая лестница с перильцами. Стремительно работая ногами, мальчишка ссыпался вниз. Шанин еле догнал его — спуск был словно на парашюте, в секунды! Полоса гальки. Пристанские фонари... Поднятые сходни... И корма парохода, плывущая как раз под черным бортом дебаркадера.

Прыжок над вспененной водой — и «Князь Пожарский» принял на борт комиссара Шанина. Сквозь шум колес и шипение пара до комиссара донесло мальчишеский голосишко:

— Товарищ военный! А вы правда по воздуху летаете?

Парнишка бежал вдоль перил дебаркадера, догоняя уплывающую в ночь корму парохода.

— Так точно, друг! Как ангел божий летаю! Спасибо тебе. Скоро прилечу к вам на аэроплане, найду тебя, покатаю по воздуху! Звать как? Где живешь?

— Звать Макарий Владимирцев: На горке живу. Спросите дом протоиерея отца Николая Златогорского. Он мой дядя. Слышите?

Летчик показал, что слышал. А сам подумал:

«Опять этот отец Николай, протоиерей яшемский. Никак его тут, видно, не минуешь!»

2

А сам отец Николай, представительный муж зрелых лет, но еще без пролысин и седин в шелковистых, хорошо промытых и расчесанных волосах, спешно собирался покинуть Кострому.

Служебная его поездка прошла успешно, разрешение на устройство Яшемской трудовой сельскохозяйственной религиозной общины-коммуны получено, иначе говоря, новая ипостась для сохранения яшемского Назарьевского монастыря благополучно найдена.

Закончив дела в губернском городе, отец Николай сперва терпеливо ожидал выздоровления старца Савватия и послушницы Антонины. Их привезли в костромскую больницу вскоре после спасения с баржи.

Антонина причастилась и исповедалась у отца Николая. Выслушав исповедь, пастырь помолился за упокой души раба божия Александра, принявшего смерть мученическую за други своя. Священник послал соболезнование старшему брату погибшего Ивану Овчинникову. Затем он потолковал с Савватием, и оба иерея пришли к одному выводу: после гибели жениха Антонине самим божьим промыслом начертан иной путь — не простой семейный жребий, а высокий удел служения церкви.

Отец Николай гордился Антониной, самой заметной, самой любимой своей послушницей в монастыре. Недаром он первым приметил ее, разгадал подвижницу будущую в юной сиротке. Сиротке?..

Господи, жив ли, нет ли ее родитель, можно ли без содрогания сопоставить мысль о непорочной Антонине, юной христианке, с образом безбожника-революционера? Портрет этого человека умирающая Мария Шанина, Тонина мать, передала в руки исповедника. Он сохранен. На обороте адрес... Нередко отцу Николаю попадается на глаза этот портрет летчика с упрямым лицом и печатью антихристовой. Портрет хранится в заветной шкатулке, и, когда отцу Николаю случается перебирать бумаги и ценности, глаза летчика с фотографии встречаются с глазами священника. Именно такие, как летчик Шанин, отрекаются даже от предсмертной исповеди. Жив он или нет — не назовет его Антонина отцом! Об этом сумеет позаботиться ее духовный отец, соборный протоиерей Николай Златогорский!

Досадно было опаздывать к

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ярмарке — тут-то и пустить бы умелый слушок о чудесном спасении узников с баржи силой чистой молитвы Антонины яшемской... Ведь в монастыре Назарьевском есть уже немало притягательных вещей: чудотворная икона, литургии на пристанях, образцовое хозяйство, лучшее в губернии, архиерейские молебны с водосвятием, крестные ходы по всей округе... Не хватает собственной святой, о чьих подвигах, славе и пророчествах далеко разносилась бы молва по всему православному миру... Давно задумывался об этом отец Николай, и теперь замысел близок к осуществлению.

Но тут-то и произошло нечто столь неожиданное, что и заставило отца Николая заторопиться из Костромы, несмотря на недуги спутников!

Его позвали исповедовать умирающего в одну из костромских городских больниц. Исполнив эту обязанность, он неторопливо шел по коридору к выходу. Дверь одной палаты была открыта, и священник невольно обратил внимание на знакомое лицо с синими страдальческими глазами. У больного была забинтована нога и рука.

Вот он повернул голову, увидел шедшего мимо палаты отца Николая и приветливо улыбнулся ему, как доброму знакомому. Отец протоиерей хмуро прошествовал мимо; не ответив на поклон, однако сомнений быть не могло: на койке лежал Александр Васильевич Овчинников, притом явно выздоравливающий!..

Нет, нет, никаких помех святому делу теперь уже быть не может! Невозможно отнять Антонину у бога! Значит, скорее в Яшму, где все должно совершиться быстро, чтобы пути назад уже не осталось! Обитель обретет свою святую!

Два знаменитых русских князя, самолетский «Князь Иоанн Калита», шедший вниз, и русинский «Князь Пожарский», торопившийся вверх, встретились ночью в Томне, у одной угольной баржи. Пароходы стали бок о бок и лишь перед рассветом закончили бункеровку.

Комиссар Шанин спал на кожаном диване в салоне «Князя Пожарского». Он с головой укрылся своим черным летным регланом с крылышками и не мог видеть, как вышла на пустую палубу «Иоанна Калиты» тоненькая большеглазая девушка в черной одежде. Человек, знакомый с живописью, мог бы принять ее за оживший образ с нестеровской картины.

Девушка придерживалась за перила, как выздоравливающая, и неуверенно шла кругом палубного настила. Так обошла она тихонечко всю палубу и стала на корме в тень, когда пароходы, включив прожекторы, начали работать колесами и медленно отдаляться друг от друга.

Луч прожектора соскользнул с черной женской фигурки на корме, сбежал вниз и расплылся слабым желтым пятном на воде: «Князь Иоанн Калита» раз-

минулся с «Князем Пожарским».

И опять за бортом «Калиты» лишь темная река в просторных и пустынных берегах.

Как величаво ее медленное шествие к югу, под буйные ветры Каспия! Течет и течет изо дня в день спокойная вода, обходит перекат за перекатом бакен за бакеном. Течет и плещет в меловые скалы и глинистые обрывы, течет под солнцем и под снегом, под ливнями и градом, течет и под струями смертоносного свинца. Ведь еще так недавно и так близко отсюда вскипала эта волжская вода от пулеметной ярости и взяла навек в свои глубокие недра черную лодочку и отважного пловца...

Скорей бы к бревенчатому срубу в лесах, чтобы уж не видеть больше ни этой жестокой реки с пароходами, ни мятущихся в суете людей.

Вот он, уже различим с палубы, остров спасения от скорбей, остров забвения всех земных горестей и печалей — женский Назарьевский монастырь на взгорке.

Но даже здесь, в святом месте, где спит вечным сном родная мать, не чает сердце обрести успокоение. Здесь перед очами все та же река с пароходами и большое село с людской суетой на ярмарках и пристанях. Нет, прочь и отсюда, от места божьего, но многолюдного! Здесь лишь положено совершиться обряду, навеки отрешающему душу от земного. Сразу же по свершении обряда — в скит, за ту зубчатую, как пила, синюю стену на краю окоема, в глухой заречной заболотной стороне!

«Князь Иоанн Калита» сбавляет ход. Его долгий гудок будит звучной своей медью утреннее эхо в яшемских верховьях и низовьях. Монастырской лестницей уже спускается отец Афанасий с хором знакомых послушниц и монахинь встречать пароход...

Сошла с «Калиты» на пристани Яшма и артель мужиков-торговцев. Артель привезла на ярмарку самый ходовой товар — десяток пудов русского масла. Еще на пароходе многие приценялись к их маслу, хорошую цену давали, но артельщики желали совершить сделку на самой ярмарке. Контроль придрался, почему тяжелые ящики идут не багажом, а как ручная кладь. Задобрил контролеров староста артели — дескать, груз принадлежит девятерым пассажирам, превышение веса невелико. Пошли себе с миром! Только насчет сделки, видимо, что-то передумали: купили лошадь и телегу, на пароме переправились со своими тяжелыми ящиками за Волгу.

Видели их будто проездом в деревне Козлихе, потом и слуху о них не стало...

...Холодными и ненастными сумерками, уже перед ледоставом 1918 года, в калитку яшемского монастыря постучался одинокий путник. Одет он был в латаную и потертую крестьянскую одежку с чужого плеча. Привратница с неудовольствием открыла бедному богомольцу. У таких и на гостиницу обычно не хватает, в часовне ночуют, где по ночам не заперто и читают акафисты.

— Ну входи, что ли, родимый. В гостиницу направишься или в часовню тебе стежку показать?

— Слушай, мать Гликерия, в монастырь покамест я не войду...

— Батюшки-светы! Никак... Ивана Овчинникова... младший брат?

— Он самый, Александром звать, коли забыла.

— Да ведь отпели тебя в соборе! И сейчас поминания поют. Брат заказывал отцу Николаю.

— Отцу Николаю? Вот как? Чудно мне это...

— Да все мы слыхали, дескать, потонул Алексашка в Волге, ближних выручая. Иные даже всплакнули по тебе, молодцу. А матушка ваша от горя во гроб легла. Скоро сорок дён справлять. На могилку сходил?

— Не успел еще. Нынче из Кинешмы пешой пришел. Ты мне скажи: Тоня воротилась в монастырь или нет?

Сашка мял в руках шапку. Холодный ветер из Заволжья шевелил его светлые кудри, отраставшие после больничных ножниц. Привратница глянула на Сашку, вздохнула и произнесла:

— Антонина-послушница для мира умерла. Уже три месяца, как в соборе сам владыка епископ ее в монахини постриг...

Сашку будто покачнуло ветром. Он ухватился за каменный выступ стены. Привратница было заговорила, но он перебил:

— Постой! Где сейчас Антонина?

— Да говорят же тебе, нет больше Антонины-сестрицы! Есть монахиня, инокиня скитская, святая целительница Анастасия. В лесах она спасается, и где — про то нам говорить не велено! А то уж тут летатель один про нее сторожа расспрашивал...

3

Первый сухой снежок присыпал бумажные цветы венков, ленты с черными надписями и хвойные лапы, успевшие пожелтеть. Теперь оба родителя Александра Овчинникова покоятся рядом, как жили.

Шаги сзади. Сашка сидел на скамеечке внутри ограды. Думал, идет брат Иван. Ко встрече с ним Сашка себя еще не подготовил, не хотел слушать уговоры насчет старого конского ремесла... Нет, идет не брат, а подгулявший кладбищенский сторож.

— Александру Васильевичу почтение! Мамашу помянуть пришел? Постой, постой! Да ведь тебя же самого... того-с! Теперь, стало быть, за здравие бы надо, коли жив и здрав... Чего молчишь?.. А ты, я гляжу, гордец! Нехорошо! Знаешь, какие люди ко мне с полным доверием идут? На, читай письмо от воздушного летчика. Мой первый друг!

На свежем конверте — твердый почерк: от Сергея Капитоновича Шанина, Московская губерния, авиаотряд...

Сашка вынул сложенный листок и прочел письмо. Комиссар авиаотряда справлялся, в порядке ли могила Марии Шаниной, нет ли новых вестей о пропавшей дочери, Антонине Шаниной...

— Во! Видал! Только что получил, это уже второе с осени. Отец Николай про это письмо еще не знает, а то отберет, как и первое... Обижает он меня, зверь косматый! Трое суток надысь связанным держал, от владыки прятал, пока владыка тут послушницу в монахини постригал.

Владимир Данилович Дементьев, сын яшемского рыбака, был назначен капитаном на самолетский пароход уже при Советской власти. Освободил досрочно Дементьева от последних осенних рейсов 1918 года бандитский обстрел парохода из-за лесных левобережных зарослей невдалеке от Яшмы, против Жареного Бугра на Волге. За выздоравливающим ухаживала дома, в яшемской Рыбачьей слободке, жена, учительница Елена Кондратьевна. Сидя за письменным столом, Дементьев раздумывал, как наилучшим образом применять речные суда для боев гражданской войны.

Снаружи на крыльце что-то зашуршало. Прихрамывая, Дементьев подошел к дверям. Чья-то тень на окне в сенях. Затаился, что ли?

Револьвер остался в комнате, но в сенях прислонен к стене топор. Дементьев уж потянулся за ним, но уловил из-за двери не то вздох, не то стон. Капитан отодвинул засов, но снаружи кто-то так привалился к ней, что хо-

зяину пришлось поднажать — и к самым ногам его рухнул человек в латаной одежде.

Когда домой вернулась Елена Кондратьевна с прислугой, на кухне, к их удивлению, уже была истоплена печь, пахло жженым тряпьем и банным духом. А в столовой сидел бледный, исхудавший Сашка Овчинников, бывший ее ученик, облаченный в капитанский китель и форменные брюки. Владимир Данилович был очень взволнован и сказал, что Сашку надо поскорее поставить на ноги.

Главное же, чтобы Елена Кондратьевна потом, как Сашка окрепнет, не вздумала чему-либо удивляться в его дальнейшем поведении... Ей самой надлежало немедленно отправляться в Кинешму с письмом в Москву на имя комиссара Шанина... Никто в Яшме не должен увидеть даже адрес на конверте. Было там и про лесную банду, обстрелявшую пароход, и про скитскую монахиню Анастасию. Советовал капитан агитэскадрилью прислать, крестьянам помочь «красное рождество» в селе провести...

...Эх и довелось посудачить сельским яшемским сплетницам и монахиням над разнесчастными приключениями воскресшего Алексашки! Ни в какую ячейку партейную не пошел, как вначале грозился! Поокреп у капитана с приезда, да тут и понял, как горек-то чужой хлеб! Прямехонько к брату Ивану прилетел: мол, прости, хватил горя на чужой сторонке, принимай обратно под отчий кров! Дома и стены лечат!

Ну выпивка тут у них была большущая, Иван выговаривал Сашке за дела его неразумные. А вскорости взобрался Сашка на коня своего доброго и обычным манером, как Иван велел, подался вниз, за конями. Говорили, будто он их из области Войска Донского, что ли, пригонит для хозяйства монастырского.

4

Борис Сергеевич Коновальцев, бывший управляющий зуровским поместьем Солнцево, теперь окончательно перебрался в Кинешму.

В ожидании обеда Борис Сергеевич глядит на снежные заволжские дали. По случаю воскресного дня не нужно идти на службу. Супруги, карточек ради, устроились служить: он — преподавателем хорового пения в здешней «муздрамстудии» при клубе, она — секретарем совтрудшколы, шкрабом.

Коновальцев придвинул кресло ближе к окну и благодушно следил, как, минуя вешки и проруби, ползет по снежной целине крошечная человеческая фигурка. Вот ведь чернеет среди снегов козявочка, и тоже, поди, сердчишко у нее стучит, в голове какие-нибудь мысли роятся, в тепло ей охота, но гонит житейская надобность, и ползет она, болезная, в человеческий муравейник, городок Кинешму. Борис Сергеевич даже поднес к глазам бинокль — память о сыне-артиллеристе.

В бинокль видно: мужчина. Бородат. Папаха. Котомка за спиной. Неизвестно, что именно привлекло внимание Коновальцева к этой фигурке, но он следил за ней, пока человек с котомкой не исчез за кромкой берегового откоса...

...Встречу бывшего управляющего зуровским поместьем с бывшим зуровским адъютантом нельзя было назвать сердечной. Анна Григорьевна сидела за столом с поджатыми губами. Бедный Николенька наспех зарыт в Ярославле, а вовлекший сына в эту безумную авантюру Михаил Стельцов опять явился в дом, теперь к мужу. Уплетает за обе щеки и поглядывает, что налито в графине... Простая вода из Волги, да-с! Ведь опять, верно, заговорщицкие планы? Ну уж теперь не ждите!..

После обеда хозяин и гость проследовали в спальню, но Анне Григорьевне их беседа хорошо слышна.

— Ну рассказывайте... Откуда к нам?

— Это, знаете ли, длинная история. В общем-то, из лесов.

— Да ведь кое-что известно из газет. Вы что же, участвовали там, в солнцевском деле?

— Участвовал.

— Н-да, жаркую вы там баню учинили. Ни села, ни жителей, ни посевов. Даже рощи вокруг села выгорели... А обстрел парохода «Василий Шуйский» и ранение капитана Дементьева тоже ваш подвиг?

— Наш.

— Все это, знаете ли, жесты безнадежного отчаяния. По моему разумению, нехорошо-с! Сеете ненависть, пожнете беду сами.

— Это дела уже минувшие. Сейчас надо смотреть вперед.

— А впереди, смею спросить, усматриваете маяк надежды?

— Помощь белому движению растет. Формируются новые армии против большевиков. Тот запоздавший к июлю морской десант союзников все-таки высажен в Архангельске, хотя, увы, и поздно. 17 кораблей! Армада! Эх, не опоздай они тогда — мы бы сейчас с вами в московском ресторане сидели! Словом, Европа понимает, что Россию большевистскую надобно свалить любой ценой. Это цель!

— Желал бы, господин подпоручик, прежде всего осведомиться, какова цель... вашего визита ко мне? Верно, вы здесь не для обмена вчерашними новостями?

— У меня к вам поручение нашего командира, капитана Зурова.

— Вот оно что! Значит, Павел Георгиевич жив?

— Как и я, капитан случайно покинул здание за минуты перед взрывом. Отрядом, действия коего вам известны, командует он. Но мы прекращаем действия в тылу и выводим отряд на соединение с главными силами добровольческих армий, в направлении Перми.

— Прекрасно, но... я-то тут при чем?

— Капитан Зуров хотел бы

иметь при себе юридические бумаги на свое имение Солнцево. За ними я и прибыл к вам.

— Хм. Отнюдь не простой вопрос. Вы сами, господин Стельцов, изволили деятельно участвовать прошлой осенью в переоформлении поместья Солнцево на другое, подставное лицо. Или забыли? Законным владельцем числится на бумаге мой подопечный, юноша Макарий Владимирцев.

— Он по-прежнему в Кинешме?

— Да, с матерью. В школе учится. Летом гостит в Яшме.

— Каков же ваш практический совет капитану Павлу Зурову?

— Таков же, каков был и Зурову-отцу. Пусть держит этого юношу Макария Владимирцева поближе к своей особе. Пусть припугнет его, будто красные рыщут по следу солнцевского помещика и бывшего кадета. Мать у него неумная и напуганная женщина. Только... стоит ли вся эта овчинка выделки? Вы рискуете быть узнанным.

— Это уж моя печаль. Дело все же о четверти миллиона.

— На мой взгляд, более чем сомнительных, пока красные в силе. Скажите-ка, где же сейчас дислоцируется зуровский отряд?

— О, вы хотите выведать военную тайну! Вам-то скажу. Понимаете, один из наших офицеров, некто Иван Губанов...

— Хромой пулеметчик-артист?

— Он самый... Подсказал нам укрытие, где сам черт нас не сыщет: заволжские скиты! За непроходимым болотом. Глушь, волков полно. Население реденькое, к богомольцам привычное. Нашли один скит заброшенный, на отшибе. Стены — дубовые, на века срублены, тын еще крепкий, по углам — наши пулеметы на турелях...

— Откуда же турели, подпоручик?

— Ну это я для красного словца. В пень вгоняем тележную ось, насаживаем колесо, а к нему пулемет привязываем за катки. Круговой обстрел...

— А в скитах этих одни мужчины спасаются?

— Сперва видели только мужчин, потом оказалось, что в восьми верстах, за лесом, есть и женский скит. Тут даже опасность некоторая для нас таилась.

— Опасность? Какая же?

— Да появилась там совсем недавно некая новоявленная святая. Только стали мы обживать нашу крепость, тут и привозят в женский скит эту чудотворицу. Сразу по всей округе разнеслось. Переправа через болото тяжелейшая, опасная, тайная, а все равно потянулись богомольцы! Нашлась, мол, от всех напастей утешительница и святая целительница. Пришлось нам дополнительные меры маскировки принять. Видите, бородки отпустили, а как из крепости выходим, то подрясники надеваем и скуфейки. Зуров старцев сшить заставил. В таком виде двое побывали в женском скиту.

— Небось сразу себя и выдали?

— Нет, Зуров приказал соблюдать полнейшую осторожность. Он сам и ходил с ротмистром Сабуриным. Редкостный, знаете ли, циник, но даже он диву дался, как эту целительницу Анастасию увидел. Молода, красива, держится просто, но так строга — не пошутишь! Видимо, страстная фанатичка какая-то... Ей там все подчинились, даже, говорят, звери лесные.

— М-да, прямо лесная сказка о деве Февронии... Чего только у нас на матушке-Руси не водится! Что ж, Мишель, рад был вас видеть, прошу передать сердечный привет капитану. Готов посильно ему помогать в деле с поместьем, но... исход этой внутренней, или, как стали говорить, гражданской, войны в России мне далеко не ясен! «Народ отвык в нас видеть древню отрасль воинственных властителей своих», — как сказано у Пушкина... Охотно предложил бы вам гостеприимство, но сами изволите видеть, квартирка чужая.

Макарий Владимирцев, в черной шапке, сползавшей на лоб, и в непомерно больших валенках, шагал рядом с нагруженными санями. Яшемские мужики возвращались из Кинешмы с покупками к рождеству. Кто-то узнал «попова племянничка», одиноко шедшего в сторону Яшмы, и подозвал к обозу: мол, в компании дорога веселее!

Утром, на зорьке, увидел он кресты яшемских монастырских храмов и сельской церкви, впервые увидел все это зимой, в непривычном уборе из снега и морозного инея.

Мальчика не радовала эта рождественская праздничная краса. Он часто озирался назад — не скачут ли следом, чтобы поймать и засадить в тюрьму бывшего солнцевского помещика! Как страшно говорил вчера про злых чекистов дядя Миша Стельцов! Оказывается, они давно ищут Макара, как только разузнали, что в дни восстания он был в Ярославле, желая примкнуть к белым. Он-то, собственно, и не желал вовсе, но разве им докажешь! Спасение теперь в бегстве! Надо спрятаться у попадьи Серафимы. Туда на днях заедет с бумагами из Ярославля подпоручик Стельцов, дядя Миша. Вдвоем с Макаром они тронутся дальше, к белым партизанам Павла Зурова.

Обозники миновали монастырскую пасеку, кладбище, кирпичную стену со «святыми вратами». Дорога с разлета выбежала на простор торговой площади и потерялась, как речка, впадающая в озеро. Обоза вмиг не стало — все мужики пустились рысцой к своим дворам. Макарка поправил котомку за плечами и уныло побрел к волжскому откосу, продрогший, голодный и несчастный. Вот и берег. Макарка глянул вниз, ожидая увидеть на месте пристаней ту же белую пустыню, что и в Кинешме. Но увидел нечто совсем другое!

На реке, вдоль берега, тянулась расчищенная от снега ледяная дорожка, похожая на каток для коньков. Множество яшемских школьников работали там лопатами и метлами. Немало было и взрослых. Макар сразу узнал учительницу Елену Кондратьевну, ее мужа капитана Дементьева, милиционера Петра Ивановича. По концам ледовой дорожки воткнуты были шесты, на них натянуты кумачовые плакаты: «Даешь красное рождество» и «Привет агитэскадрилье».

Не успел Макар оправиться от изумления, как с реки раздались еще и звуки музыки. Ребятишки тесно обступили музыкантов. Пристанский матрос Клим растягивал мехи русской гармошки, яшемский партийный секретарь Михаил Жилин дул в трубу, и еще какой-то парень в шинели бил в барабан одной рукой, а в другой держал палочку и ею позванивал о медную тарелку, приделанную к барабану. Лучше, чем на ярмарке летом!

Тоскливые мысли как метлой вымело из Макаркиной головы. Он узнал товарищей летних игр, своих ребят! Вылетели из головы чекисты, дядя Стельцов, забылась усталость, холод... Он не своим голосом завопил: «Ребятки! И я с вами!» — и ринулся вниз по стремянке. Пролетел мимо попова дома, даже не глянув на него.

Этот бег-полет напомнил, как летом, в дни ярмарки, он помог незнакомцу-летчику так же вот спуститься и поспеть на пароход.

— К нам, Макарушка! — кричали ему девочки из группы Еле-

ны Кондратьевны. — У нас мальчиков маловато!

Им возражали другие школьники:

— Ишь хитрые! Сами-то какие здоровущие! Вам легко расчищать, а нам каково большие лопаты ворочать! К нам иди, Макар!

Внизу он сбросил котомку на снежный отвал, схватил огромную лопату, от которой вкусно пахло чуть прохваченной морозом осинкой, и взялся за расчистку так рьяно, что вскоре рядом с котомкой лежало и Макарово пальтишко. Никто и не поверил бы, что Макар прибыл продрогшим и изябшим. От него шел пар. Наконец Жилин объявил:

— Хватит, ребята! Сколько летчики просили, мы расчистили. Даже с запасцем. Роздых всей команде!

Ребята угостили Макара пирожком с луком. Две молодки притащили из чайной большой самовар. От него шел дымный и парной дух, как от парохода. Прямо на льду молодицы стали поить желающих горячим медовым сбитнем, какой в старину разносили на ярмарках. Макар еще и в очередь за кружкой стать не успел, как из-за откоса будто налетела снежная буря и прямо над толпой простерли бело-голубые крылья две огромные искусственные птицы.

До этого дня Макар не видел самолетов — в Ярославле он их проспал, здесь их отроду не бывало. Аппараты сделали круг над излучиной Волги. Головной чуть-чуть набрал высоту и пошел на второй круг, а задний прямо устремился на расчищенную дорожку. Макар зажмурился от страха, выронил изо рта кусок пирога, страшась, не превратится ли самолет в груду обломков и не провалится ли под ним волжский лед...

Когда мальчик отважился приоткрыть глаза, аэроплан уже успел пробежать треть дорожки, а летчик в шлеме махал с борта рукой. Сквозь треск и хлопки мотора звучала гармоника, труба и медная тарелка. Вся толпа запела песню, которую Макар уже выучил в школе: «Вставай, проклятьем заклейменный». Макар тоже подхватил торжественный мотив, и как бы в такт песне самолет развернулся и отрулил на боковую площадку. Скоро оба самолета стояли на ней рядышком. Четверо летчиков в кожаных костюмах, меховых сапогах и огромных рукавицах спрыгнули на лед. Школьники и взрослые сгрудились около аппаратов.

Один из воздушных гостей поднялся на крыло, как на трибуну, поздравил крестьян села Яшма с добрым начинанием — красным рождеством и стал доставать из кабины связки книг для яшемских школьников.

Теперь Макар смог отчетливо разглядеть летчика-оратора. Да, это тот незнакомец, которому в дни ярмарки Макар показал дорогу на пристань, к пароходу «Князь Пожарский». Он же обещал прилететь... Летчик попросил минуту тишины и объявил, что сейчас оба аэроплана покатают лучших учеников яшемской школы. Их поднимут в воздух!

Макара сразу оттеснили. Он не пытался протискаться вперед, не смея и мечтать о таком счастье. Он, верно, согласился бы пожертвовать за это полжизни, но сам понимал, что двум аппаратам не успеть прокатить даже первых учеников.

И вдруг случилось чудо. Человек на крыле громко спросил:

— Ребятки! Кто из вас знает Макария Владимирцева?

Мальчик остолбенел. Но его тотчас подхватили под руки и потащили к самолету. Он близко увидел и натянутые струны расчалок, и красный пропеллер, и дутые шины колес. И лицо своего старого знакомого, обрамленное вырезом кожаного шлема.

— Здорово, друг! — услышал он будто сквозь сон. — Что же ты, брат, даже без пальтишка? Так простудиться можно и на реке, не только наверху, в полете! Вот, ребята, я первым подниму в воздух Макара, потому что не забыл услуги, которую он оказал мне осенью. Помогите ему потеплее одеться. Ты не боишься, а?

Нет, Макар, робкий тихоня в обстановке обычной, сейчас ничуть не боялся. Он только сильно волновался, но не от страха, от радости. Вмиг оказалась на нем шубенка. Учительница укутывала его теплым шарфом, а милиционер держал наготове меховой тулупчик, чтобы завернуть в него первого воздушного пассажира-яшемца. Кругом галдели ребячьи голоса.

И вдруг что-то тревожное уловил Макар в этом щебетании. Всем существом он почувствовал, что над его безмерным счастьем нависает угроза. Она исходит от привычного, но такого ненужного сейчас слова: «Попадья! Попадья!»

И беда грянула!

Резкий голос Серафимы Петровны прозвучал рядом, покрывая галдеж. Из расступившейся толпы шла к нему тетка. Она раскинула руки будто для материнского объятия, но глаза метали молнии гнева.

— Сейчас же отпустите ребенка, гражданин летатель! Что за моду взяли, детей увозить! Макарушка, домой сейчас же!

Кругом сделалось тихо. Тетка уже вцепилась в Макаркино плечо, рванула с него чужой шарф и прихватила при этом шапку.

— Вы простудите мальчика, гражданка, — спокойно сказал летчик. — Что же вы его на морозе раздели?

— Молчал бы лучше, разбойник! — потеряла спокойствие матушка Серафима. — Ступай домой, Макарушка, вон и батюшка наш, отец Николай, сюда поспешает на выручку тебе. Иди, миленький, отсюдова, не позволим летателям увезти тебя, сердечного!..

— Граждане, — обернулся летчик к толпе, — кто она ему?

Но сам отец Николай уже подошел к аппаратам.

— Кто она ему, — сказал он мягко, — не столь важно, ибо на ней лежит ответственность за сего отрока в отсутствии матери. Против желания родственников никому не дозволено...

— Макар! — крикнул летчик. — Да сам-то ты чего же молчишь? Если тебе хочется полететь — скажи это гражданину служителю культа!

Но мальчик уже понял, что все погибло. С опущенной головой он неподвижно стоял без шапки у крыла аэроплана.

— Уведи отрока, Серафима! — строго приказал отец Николай, покидая поле боя как победитель. — Ступай, Макарушка!

— Шапку хоть наденьте ему, заботливые пастыри! — вслед сказал летчик. Мимо милиционера, еще державшего тулупчик, мимо расступившихся школьников повели супруги Златогорские убитого горем Макара. Кто-то протянул ему котомку, но Серафима Петровна перехватила ее и понесла сама. На Макара напялили шапку. Еще на лестнице-стремянке отец Николай стал пояснять, что нынешний смиренный отказ Макара от греховного удовольствия зачтется ему в будущем как проявление главной христианской добродетели — смирения.

...Дома, когда Макар уснул в слезах, попадья извлекла из котомки письмо и прочла мужу.

— Ну подумай, отче, — возмущалась она вслух, — до чего ребячлив этот малец! Кинуть на снегу котомку с таким письмом!

Рукою Макаркиной матери, но явно под диктовку подпоручика Стельцова было в конце приписано: «Сима! Пошли весточку новым богомольцам, что брата Михаила старец Борис благословил податься ко святыням ярославским. Назад будет через недельку. Отрок должен дождаться его у тебя Потом вкупе с отроком брат Михаил пристанет к остальной братии. Если потребуется, пусть богомольцы справляются у Марфы».

Про «новых богомольцев» на заволжской стороне отец Николай знал давно. Монастырские и скитские решили помочь опасным гостям пройти лесным путем на Керженец и Ветлугу к скитам староверов. С теми у заволжских скитников есть постоянные сношения. Вот-вот собирались уйти из-под Яшмы опасные постояльцы, отлегла было забота, и вдруг новая напасть — прилетели эти бесовские самолеты. В предчувствии опасности отец Николай потек следом за матушкой на реку, чтобы поближе взглянуть: нет ли среди них т о г о...

Худшие опасения подтвердились. Прилетел именно т о т. Летчик с фотографии, что хранится шесть лет в железном ларчике. Какие у него могли быть прежде встречи с наивным Макаркой? Что за услугу успел оказать ему Макар? Как примет инокиня Анастасия весть о том, что родитель ее жив и давно разыскивает дочь? О нет, нет! Этой встрече необходимо помешать! Иначе беда. Ведь через любимую духовную дочь отец Николай надеялся обрести незримую власть над монастырем, чтобы превратить его в духовную твердыню с прославленной святой. И вдруг угроза! Дочь может узнать, как пастырь «разыскивал» отца. Дальше комиссар неминуемо установит и еще кое-что... Ни патриарх, ни епархия не снимут тогда с пастыря позорного пятна... Как же быть дальше?

Макарку удалить из Яшмы! Исключить его повторную встречу с авиаторами. Но... сама инокиня? Тридцать верст за рекой — слишком ничтожное расстояние для энергичных авиаторов. Значит, отослать и Анастасию-монахиню подальше в леса?

С кем отослать? Куда? Пожалуй, вернее всего в те же глухие керженские скиты старообрядцев, куда уходят гости-офицеры. Не агнцы они, не столпы добродетели, но выбора нет, да и сила духа ее велика, сумеет внушить к себе уважение. Значит, спешно послать гонца в скит с приказанием инокине и письмом начальнику отряда...

Ох уж эти проклятые моторы на реке! Дрожит весь домик на откосе. Пришли две подводы с бензином из Кинешмы. Вот как анафемская власть веселит сельских ребятишек! Чтобы на празднике рождества Христова они стояли не в соборе, внимая песнопениям, а на реке торчали, около самолетов. Впрочем, это мысли попутные...

— Серафима! — кричит он супруге. — Сбегай к Андрейке-мужику, собери Макарушку в дорогу, к Марфе. Стельцова он дождется там, в трактире... А потом отца Афанасия ко мне!

...От Яшмы до придорожного михайловского трактира, известного прежде под названием «Лихой привет», — верст двадцать. Через час после того, как отец Николай начал распоряжаться, Макарка уже лежал в крестьянских розвальнях, укутанный в овчинный тулуп.

Макарка дремал, смутно ощущая, что скрипят сани все заунывнее и тише. Наконец скрип и вовсе прекратился. Мальчик почувствовал, что его трясут. Он ощутил на лице морозный воздух. Кругом стлалось снежное поле, а прямо по дороге чернела зубчатая стена леса. Было темно.

— Ты слышь, паренек! — тормошил его возница. — Не поеду я дале. Потому как мужики в одиночку мимо этого «привета» не того... Пешком дошагаешь. Верст пять лесом. Либо семь. Тулуп, вестимо, назад свезу, в нем не дойдешь. Прощевай, парень, будь здрав!

Лошадь, нелепо разбрасывая ноги в стороны, полезла в сугроб, поворачивая вспять. Макар же двинулся к лесу. Малоезженую дорогу занесло поземкой, ветер мешал глядеть вперед, шапка наползала на глаза. Слева, из-за деревьев, приоткрылся белый простор Волги. Сзади поднимался месяц, и на лесной дороге мальчик видел теперь собственную тень.

Между дорогой и откосом долго тянулась поросль голых кустов и молодых сосенок-елочек. Всматриваясь сквозь эту поросль в заволжскую даль, Макар заметил на том берегу зеленовато-желтые огоньки, недалеко от противоположного берега. Подумал, деревушка. И лишь пятью минутами спустя, когда огоньки мелькнули уже на снежной целине реки, мальчик сообразил, что они д в и ж у т с я. Еще через несколько минут до него долетел протяжный вой.

Путь лежал навстречу огонькам и звукам! И хотя прошел Макар уже не меньше пяти-шести верст и трактир не мог быть очень далек, но каждый следующий шаг доставался с трудом. Мальчик вздрагивал, когда с дерева падал снежный ком или скрипел ствол сосны. По-зимнему темное небо вызвездилось, и первый месяц девятнадцатого года высоко встал над лесным краем.

И вдруг слева от дороги в белом сиянии месяца Макар увидел плетень. Он протянулся вдоль

дороги, а затем перешел в подобие тына или частокола. Макарка вспомнил школьные картинки о городьбе древних славян... Вот и ворота старинного покроя с навесом и толстой доской-подворотней. Сбоку от ворот — калитка, крепко запертая изнутри.

Сквозь щелочку в воротах Макар увидел во дворе строение — жилой дом, судя по проблеску света между створками закрытых ставней. Во дворе проснулась собака, не спущенная на ночь с привязи. Кто-то вышел в сени унимать расходившегося пса. Валенки скрипнули по снегу — лесной житель подошел к калитке и окликнул путника:

— Кого бог принес?

А Макар вдруг испугался, что его могут не впустить и что опять придется брести одному по темному лесу и ждать поминутно встречи с волками на дороге. Он только кашлянул слабо, поперхнулся и... умолк!

Человек во дворе спросил:

— Сколько вас там?

В ответ послышался чуть не плач:

— Один.

— Откуда ты взялся?

— Из Кинешмы. А сейчас из Яшмы.

— Кого здесь ищешь?

— Ма-ма-р-фу Овчинникову!

Засовы громыхнули, калитка отворилась.

— Проходи в избу.

Крыльцо у дома было широкое, ступени вымыты, и снег под крыльцом разметен старательно. На ступенях лежал домотканый половик. Просторны были и сени, озаренные лампадой перед суровым ликом Николы-угодника, заступника странников и путников.

Из горницы пахнуло духом зажиточного крестьянского жилья: тут и запах кожаной обуви, и мясных щей, и дегтя, и кислого молока, и гарного масла для лампад, и смолистый аромат сосны от стен, от дров, от кучки стружек, брошенных у печи для растопки.

Перешагнув порог, Макар всем существом своим окунулся в теплую волну этого запаха довольства и покоя. Сутуловатый мужчина в полушубке, накинутом на плечи, — это он открывал Макару калитку — показал вошедшему на хозяйку дома и сказал:

— Ну вот она, Марфа Никитична Овчинникова, самолично!

Гость вытащил из кармана шубейки глубоко запрятанный пакет — от попадьи Пока Марфа читала письмо, Макар украдкой разглядывал обитателей придорожного трактира, о котором ходила в Яшме столь недобрая молва. Марфа Овчинникова была на первый взгляд как-то безлика, не худа и не дородна, не молода и не стара. Двигалась незаметно и неслышно, но движения были точны и быстры, как у хищника. Хозяин подворья, Марфин муж Степан, оказался угрюмым мужиком с седеющей бородой и глубокими складками на лбу...

— А иконам поклониться — голова отвалится, что ли? — этот сердитый старческий окрик исходил откуда-то сверху. Макар и вовсе растерялся: в школе он действительно отвык класть поклопы, и дома мать не принуждала... Он глянул вверх.

Свесив ноги с печки, сидел под притолокой древний-древний дед. Облысевший лоб его и голое темя окружали колечки всклокоченных тоненьких волосиков такой белизны, как пух у зимнего зайца. Смуглая морщинистая кожа ссохлась и будто истерлась на сгибах. Из-под ворота черной рубахи высунулся нательный крест. Глаза, голубые как выцветший ситец, смотрели строго.

Сутулый провожатый Макара помог деду слезть с печи. Оборотясь к киоту, дед долго клал земные поклоны и крестился. Тем временем Марфа дочитала письмо, повернулась к мужу:

— Слышь, Степан, яшемская попадья просит оставить у нас на недельку Потом за ним от богомольцев приедут... Как тебя, Макар, что ли?.. Раздевайся покуда!

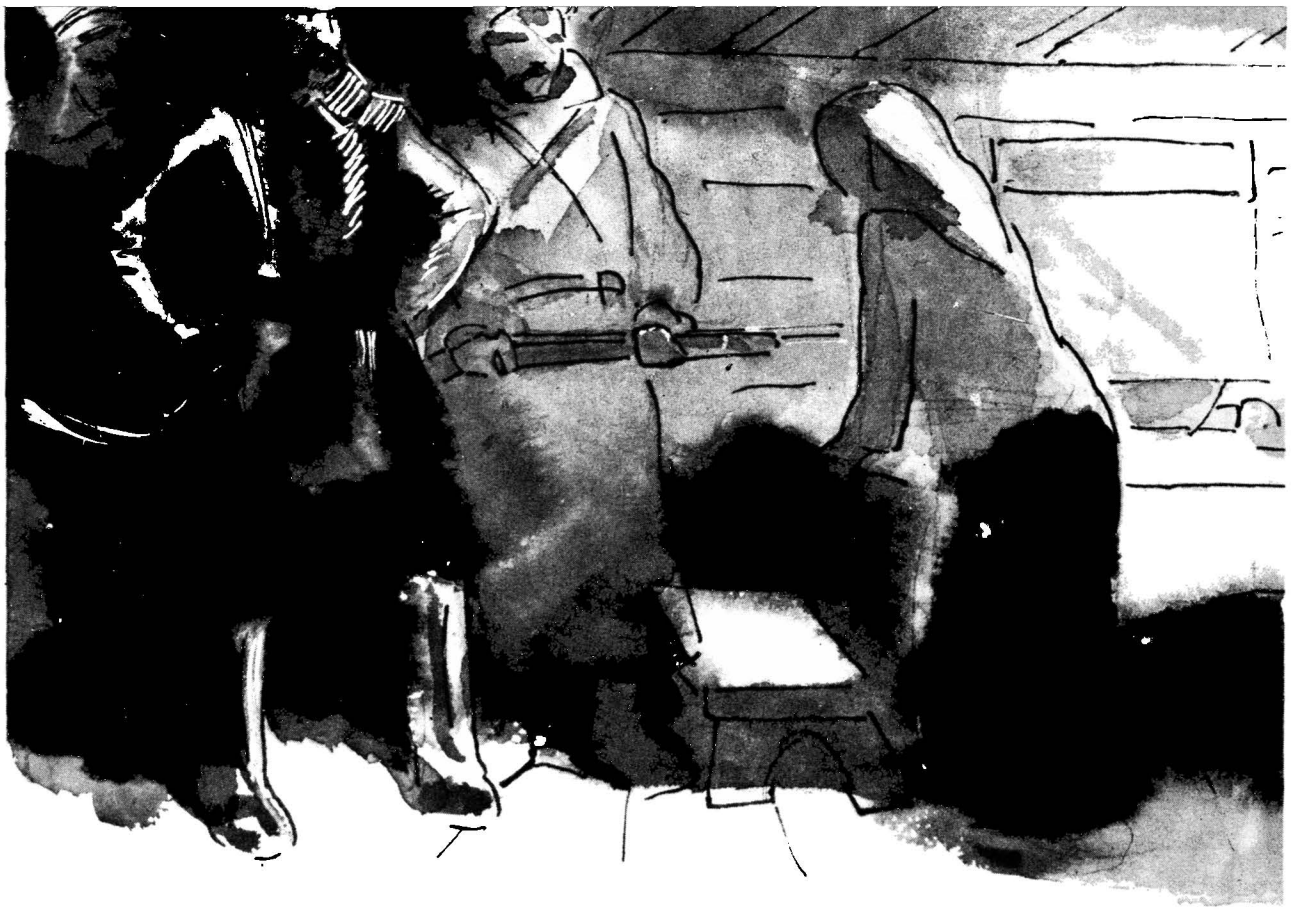
Сутулого звали Артамон. Дальний родственник хозяина, он жил на этом подворье в качестве работника и подручного Степана.

Пока Макар осваивался с новым обиталищем и хозяевами трактира, работник Артамон несколько раз выходил в сени и прислушивался... Кого-то ждут?

И вдруг неожиданно громко и весело Артамон крикнул:

— Ну наконец дождались! Будто сам едет!

Окончание следует



Р. ШТИЛЬМАРК

ВОЛЖСКАЯ МЕТЕЛЬ

Повесть

Глава пятая. ПО ВОЛКАМ

1

Хозяева трактира, прозванного «Лихим приветом», торжественно встречали долгожданного гостя. Вышел на крыльцо и Макарка Владимирцев. Древнему деду Павлу помогли надеть враспашку суконный зипун, точно такой, в каком был нарисован в Макаровой школьной хрестоматии костромской старец Иван Сусанин. Хозяин вынес снятый с крюка фонарь. Артамон открывал ворота. Сквозь шорох ветерка издали слышался слабый топот коней, казалось, идет на рыси по санной тропе конный взвод. Марфа стояла на крыльце с хлебом-солью, дед Павел разводил руками, будто желая заключить приезжих в объятия. Вот и кони!

Они шли лопарно, но... не было наездников! За первой парой показалась вторая, третья... И лишь когда первая пара уже входила в ворота, Макар понял, что это не верховые лошади, а упряжка, и что весь десяток коней, на диво ладных и статных, легко несет крошечные санки, крытые ковром. Полулежал в санках один-единственный человек.

Барашковая шапка... Темно-зеленый казакин, опоясанный красным шарфом. Выразительно торчит из-за пояса наган без кобуры. И пока седок троекратно целовал в обе щеки хозяйку и пил вино из чарочки, поднесенной на одном подносе с хлебом-солью, Макар понял, что прибыл на подворье не кто иной, как Александр Васильевич Овчинников.

Пока лошади не стали по стойлам, Сашка не уходил со двора. Дед Павел давал советы, огладил последнюю пару и помог очистить коням ноздри от льдышек-сосулек. Артамон даже привздохнул:

— Чудо как хороши, Ляксандр Васильевич! Кому и ездить ноне на таких, окромя тебя самого?

За ужином Сашка ел плотно, но на бутылку не налегал, и Макару показалось, будто этот долгожданный гость трактирщиков остается все время чуть-чуть настороже. Налил он рюмочку и Макару, первую в его жизни. От нее стало весело и даже не-

Окончание. Начало в № 2—5.

много щекотно во всем теле. Макар отважился спросить гостя:

— А волков вы по дороге из нагана стреляли?

Сашка живо к нему обернулся:

— Не поверишь, а разочка два пришлось-таки стрельнуть. Прямо стаями ходят, обнаглели. И здесь есть, поблизости. Как же тебя одного на опасной дороге в лесу бросили? А в Яшме что нового?

Макар начал рассказывать о красном рождестве. От него не укрылось, что Овчинников заинтересовался прилетом аэропланов, но, как только он похвастал, будто давно знает главного летчика, Сашка неожиданно встал, зевая...

— Ну поели, потолковали, и будет! Слышь, Степан, перед сдачей коней монастырю надо им роздых дать, чтобы в тело вошли. А сам я давненько по волкам собирался. Ружье с собой, в санках лежит... Приманку найдешь? И картечи заряда на четыре?

— Картечи вдосталь, и обертка для приманки давно под телят кинута. Поросенок есть голосистый. Хоть сейчас поезжай.

— Слыхал я летом от старца Савватия, будто у его скита знаменитые волчьи места. Самому-то там бывать не случалось.

— К нам волк только на промысел зимой подается, — вставил дед Павел. — А логовища у него за Козлихинским болотом.

— Коли мест не знаешь — в болото и угодишь! — Макара поразило злобно-насмешливое выражение Марфиного лица. — Заедешь в Козлихинское болото не знамши — и целительница скитская не спасет!

— Какая целительница? — простодушно удивился Сашка.

— Будто не слышал? — Марфа отвела взор. Стала прибирать со стола, безжалостно гремя посудой. — Чего мало пили-ели?

— Чай, не последний день живем, — сказал Сашка. — Нынче устал с дороги. В донышки и завтра поколотим! Идем-ка, Макар, к деду на печь. Неделя, как в тепле домашнем не ложился...

Дед тихонько свистел носом. Клонило в сон и усталого Макара. Мальчик прислушивался, как расходится на дворе ветер. Он по-волчьи выл в печной трубе, но дома слушать этот вой не страшно... Вдруг Макар ощутил толчок под бок и открыл глаза. Сашка держал палец у рта.

— Тсс! — уловил Макар его шепот. — Ни слова не болтай, парень, про летчика Шанина. А завтра попросись со мною на охоту...

Никогда Макар не ездил по такому лесу. Здесь было красивее и торжественнее, чем в кафедральном соборе. Могучие кроны сосен смыкались чуть не в облаках, образуя в вышине почти сплошной свод, подпертый бронзовыми колоннами стволов. Снежные карнизы со всех сторон окаймляли свод, нависали над тропой. Дремучий бор был недвижим и тих. Снежные хлопья бесшумно опускались на хвою, покрывали словно накидкой плечи седоков, таяли на крупе коня.

От Волги они отдалились десятка на два верст, объехали Козлиху, пересекли две лощины и вновь начали спускаться к низине — гиблой Козлихинской пустоши.

Давно заметил Сашка еще один след: санки на широких полозьях, натертых воском. От Макара Сашка знал, что в ночь выехал сюда посланец отца Николая. Авось на его след и напали, по нему бы и добраться до тайного скита... А там? Неужто откажется Тоня хоть словом перемолвиться?

Макар во все глаза глядит на лесные дива, но и обязанности своей не забывает: на его попечении поросенок. Мальчик пригрел его под тулупом, чтобы раньше времени не завизжал и не захрюкал.

— Не замерз, друг-охотничек? Присматривай место для привала!

Нашли огромный вывороченный корень палой сосны. Когда на корнях заиграл огонь костра, Макар рассказал Сашке о своих невзгодах. Теперь один бог знает, что придется испытать среди зуровцев-партизан, что прячутся здесь, близ скитов лесных.

— Близ скитов? — удивился Сашка. — А почему чекисты за тобою гоняются? Лет-то тебе сколько?

— Я в корпусе на офицера учился. Четыре года. Потом имение зуровское на меня записано. А лет мне четырнадцать.

— Да, брат, для чекистов ты самый страшный зверь. Только поймать тебя — и всей заварухе с белыми конец!.. — рассмеялся Сашка.

После роздыха добрались до болота. Поредел лес, потянулся мелкий березняк, осинник, ельник. Из-под сугробов торчали метелки камыша и куги.

Лошадь вдруг провалилась передними ногами, рванулась и чуть не опрокинула сани. Кое-как Сашка помог ей выбраться из мочажины задом.

— Легко, брат, отделались, даже валенки почти сухие! Верно говорят: не зная броду, не суйся в воду! Думал, с налета до Савватия доберемся. Небось и он меня в поминовение записал? — говорил Сашка.

— Поминали вместе с Антониной. Кто знал, что ты живой?

— Ты-то знал! Да услали тебя сразу, понимаю... Что ж, пора охоту начинать. Теперь сам берись за вожжи и поросенка слегка пощипывай, а я в задке лежать буду с ружьем.

...На малоезженую дорогу от деревни Козлихи к сельцу Заречью, что уже верстах в пяти от Волги, охотники выбрались, когда дневные тени смягчились и поголубели.

Сашка, не останавливая лошади, достал из-под сена приманку. Теперь за санями, саженях в двенадцати, тянулся на бечеве и подпрыгивал на ухабах темный сверток.

— А что там? — шепотом спросил Макар.

— Теплый навоз. Завернут в старую овчину, мехом наружу, сшит сыромятным ремешком. Под телком лежал. В санях поросенок повизгивает. Волк подкрадывается, слышит визг, видит — по дороге что-то за санками пухается. Из кустов и кидается, только тут уж бей — не зевай! Волк хитрущий, обман распознает быстро. Другой раз не воротится... Ну, брат, конец разговорам!

Сани однообразно поскрипывали. Сашка всматривался в наступающий мрак. Под кустами и деревьями уже расплывалась зимняя мгла. Только темные вершины леса еще отделялись от синего неба. Снегопад прекратился, ночь рядила звездами лесную хвою.

Поросенок орал все неистовей. И вдруг далеко сзади, за кустами, будто шевельнулась еле приметная тень. Курки взведены. Сашка готовится. А может, почудилось, помстилось?

Нет, это он, серый барин. Чуть заметный хруст слева — тень промелькнула ближе. Голодному хищнику не терпится ухватить зубами прыгающую за санками добычу. Он смелеет. Вот уж перескочил через дорогу и пробирается в кустах справа. Ждет, пока сани завернут за снежный сугроб на дороге. Хитер!

Охотник разгадал маневр хищника и чуть привстал в санях. Тут же зверь молнией ринулся из кустов на приманку. Лошадь захрапела, дернулась, сани ушли в снег.

Два длинных снопа красных искр почти разом полыхнули из обоих стволов. Сдвоенный удар над ухом почти оглушил Макара. Но он сразу разобрал, когда Сашка, выскочив из саней, заорал:

— Есть! Есть! Есть!

С кинжалом в руке Сашка наклонялся над чем-то большим, темным и неподвижным...

— С полем тебя, друг-охотничек!

Пока Сашка во дворе «Лихого привета» свежевал волка, Макар уснул на лавке прямо у стола. Проснулся от шума голосов. Сашка, снявши казакин, в шитой рубахе сидел в красном углу против хозяйки. Артамон, Степан и дед Павел кончали ужин. В двух бутылках оставалось самогону только что на донышках. Тарелки с холодцом и солеными грибами, до которых вчера не дошла очередь, нынче быстро опустели. Посреди стола, почти нетронутая, стыла большая миска щей: мужчины насытились холодным, а Марфа и куска не взяла в рот за весь вечер.

— Спели бы теперь, что ли, — попросил дед Павел, разомлевший от вина и сытой еды.

Сашка подсадил старика на печь и снял со стены гитару. Ленты на грифе запылились. Струны зазвенели жалобно под уверенной Сашкиной рукой. Настроил он их на минорный лад, переглянулся с Марфой, испрашивая ее согласия, и, лишь только она кивнула, в комнате затих всякий шорох. Аккорд прозвучал смело, и Сашка начал первым старинную песню о разбойничках.

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой?..

И тогда Марфа-трактирщица подперла голову рукой, полузакрыла глаза и вступила в неторопливый лад Сашкиной песни. Так вдвоем они и закончили первый куплет:

Что призадумалась, девица красная,
Очи блеснули слезой!

Макар поднялся и перевел взгляд с запевалы на Марфу. Ну и поет эта неприметная с виду женщина! Голоса набирали силу, смелели. Макар и сам не заметил, как стал подтягивать взрослым:

Едут с товарами в путь до Касимова
Муромским лесом купцы...

Сашка одобрительно кивнул и улыбнулся Макарушке, а Марфа... та и не глянула ни на кого из-под полуприкрытых век, бровью не повела, рукой не шевельнула. Последний куплет:

Много за душу твою одинокую,
Много я душ погублю... —

она начала сама, и так взлетел ее голос, столько несказанной боли, любовного томления прозвучало в нем, что Сашка смолк, дал ей спеть куплет одной, и лишь струны под его пальцами рокотали все жалостней. Суровый Степан стал еще угрюмее и, не дослушав до конца, нетерпеливо потянулся к бутылке.

В его резком жесте было столько злобы и грубости, что у Макара вдруг заколотилось сердце. Вспомнились ему сплетни про девушку Тоню, некогда жившую в лесном трактире, про ловкую Марфу Овчинникову и удальца Сашку, ее дальнего родственника. Бог весть до чего может довести этих лесных людей старинная, бередящая душу песня! Макару чудилось, что вот-вот откроется всем какая-то горькая сердечная тайна, вырвутся из сердца отчаянные и злые признания, от чего все переменится в этом лесном доме...

И тут неуловимо быстрым, предостерегающим движением Марфа перегнулась через стол и прижала рукой гитарные струны. Оборвалась мелодия. Степан выронил бутылку, перескочил через лавку и притаился у дверей, чутко вслушиваясь в звуки со двора. Там цепной пес захлебывался лаем, шла возня у ворот, скрипнул снег под окнами... Через миг кто-то ступил на заснеженное крыльцо. Раздался требовательный негромкий стук в наружную дверь.

— Чекисты! Ихняя повадка! — шепнул Артамон.

Сашка мигом вынул из кармана свой револьвер и сунул в миску с остывшими щами. — Потом в сени неприметно вынесешь! — шепнул он хозяйке. Степан отодвигал засовы, впускал новых гостей...

Не задерживаясь в сенях, три вооруженных человека вступили в горницу. Первый — кожаная тужурка, меховой воротник, револьвер в кобуре, фуражка. Двое — солдатские папахи, винтовки, старые валенки. У кожаного — белые бурки. Поднял оброненную Степаном бутылку, посмотрел на свет.

— Что же так сразу и притихли? Песни попевали, самогоночку попивали, и вдруг такая тишина? За гостей нас не признаете?

Сменил шутливый тон на деловой:

— Ну коли пришлось потревожить пир, прошу внимания. Хозяева нам давно известны, а вновь прибывшим придется предъявить документики. Вы кто? — повернулся начальник к Макару.

От одного слова «чекисты» Макар чуть не упал со скамьи. Похолодела спина, хотя сидел он прижавшись к печи. Мелькнула мысль, как поведут его длинным коридором с каменным полом...

— Вы даже отвечать не хотите, молодой человек?

Марфа сердито крикнула мальчику:

— Чего молчишь, чучело? Оглох, что ли? Кажи начальнику справку!

Макаркина шубейка висела на гвозде у двери. Марфа сама достала и протянула начальнику школьную справку. У начальника удивленно дрогнули брови.

— Так тебя звать Макарием Владимирцевым? Ты из Кинешмы? Очень приятно с тобою встретиться, так сказать, лично. Что ж ты тут поделываешь, в лесу? Давно здесь? Не скучаешь?

Макар и вздохнуть был не в силах. Сашка не выдержал:

— Вы бы, гражданин военный, мальчонку зря не пугали. Сами видите, сомлел со страху. Ему ведь четырнадцать лет всего...

Кожаный начальник с любопытством посмотрел на Макаркиного защитника. В горнице стало очень тихо, никто шевельнуться не смел.

— А вы кто такой, господин адвокат? Дайте-ка ваши бумаги.

Овчинников пересек комнату, протянул документ с оттиснутым в углу фиолетовым штампом: «Яшемская трудовая сельскохозяйственная религиозная община-коммуна». Военный спросил почти ласково:

— Вы не родственник конскому торговцу Ивану Овчинникову?

— Брат родной.

— А лошадки, которых вы сопровождаете, чьи?

— Были казачьи, станут монастырскими, а пока я за них перед братом в ответе.

— По нашим сведениям, лошади приобретены... сомнительным образом. Придется кое-что проверить... У кого куплены?

— Кто продавал, тот знает. А других это не касаемо.

— Ого! Ну нас-то, положим, все «касаемо». Где-то, значит, фронт переходили? Оружие имеете?

— Двустволка в санях валяется нечищенная, иного оружия нету. А что до фронта... Какой там фронт! В одной станице красные, в другой — белые, в третьей вовсе не разберешь, какого колерамасти... Чего ж такой фронт не перейти? Окопов, проволоки, часовых пока незаметно, а степь широкая!

— Говорите, оружия нету? Проверим. Дело служебное.

Один из военных бегло обшарил Сашку, другой встряхнул на вешалке его казакин и полушубок. Все трое отошли в угол, посовещались вполголоса. А старик, дед Павел, молча наблюдавший всю сцену с печи, наклонился к Сашке и стал шептать ему что-то на ухо. Макар, чуть оправившись от испуга, отважился поближе приглядеться к начальнику чекистов.

Странно! Лицо начальника изменилось, когда он прикрыл рукой свою бородку и усы. На них легла тень от лампы, почернила подбородок; скошенный уголок тени превратил эти растрепанные усы в маленькие, четко подстриженные. Макар знал это лицо, без бороды и с черными усиками под носом. Портрет троюродного дяди, когда тот был молодым? Да и голос очень напоминает дядин, только помоложе...

Этот голос раздался вновь:

— Хозяин! Может, и для незваных бутылочку найдешь? Дельце у нас есть к Александру Овчинникову. Самогонку-то варишь, хозяин?

— Этим не занимаемся, а поставить бутылку можно!

— Понимаешь, Александр, — заговорил начальник уже за столом. — У нас есть государственное поручение проникнуть в тыл к противнику. Нужен бывалый проводник. Вот и предлагаем тебе: выведи нас хоть на Дон, хоть на Каму, к белым. Поедем на твоих лошадях. У монастыря отберем, такие кони — имущество воинское по нашему времени. Удивительно, что их у тебя еще не конфисковали.

— Да уж мы знаем, как проехать. Не впервой.

— Вот такой удалец нам и нужен. Как на место прибудем — кони опять твои. Делай с ними что захочешь.

— Если мы коней монастырю не представим — мораль на нас падет. Задаток брали. Брату Ивану разор полный будет.

— Что ты заладил: брат, брат? Перед монастырем и перед братом мы тебя оправдаем, расписку с божьих слуг возьмем, что приняли у них коней для армии. Чья расписка нужна? Игуменьи? Ключаря? Казначеи?

— Отец протоиерей с нами дела имеет. Он и задаток давал.

— Отлично! Прямо к нему и махнете сейчас. Пошлю с тобою двоих молодцов, Сабурина и Букетова. Вытребуете расписку с отца Николая и, не мешкая, завтра же к Пермским лесам. Сумеешь... нелюдными местами?

— А мы людными и не ездим... Эх, граждане, кабы дело-то по-вашему вышло... За таких можно бы и золотишком получить, не то что керенками. Не против я вас в дорожку проводить, только... точно ли моими останутся кони?

Собеседники видели, как пробуждается в Сашке жадность.

— Чьими же иначе? Нам они не нужны будут... По рукам, выходит? Даю вам... — начальник глянул на ручные часы, — семь часов на поездку и возвращение с распиской. Заложи-ка парочку своих гнедых и... хлопните по стакашку на дорогу!

— Что ж, — сказал Сашка, выкушав «посошок», — утречком, коли все уладится в Яшме, ждите нас обратно! Поехали!

Сашка скосил глаза на миску с супом. Марфа поняла, подхватила миску, сняла и полотенце со стены. В сенях повозилась, внесла в горницу нечто, завернутое в газетную бумагу.

— Мясца на дорожку я вам из из щец вынула! Нате!

Сашка небрежно пихнул сверток в карман полушубка. У Макара сердце колотилось и грудь наливалась кровью с каждым толчком. Он плохо соображал: ведь сговорился вроде Сашка с чекистами, зачем же ему наган?..

В горнице начальник достал из портфеля карту и стал делать на ней пометки. Четвертый чекист, которого начальник звал Владеком, задремал у стола. Лампа стала чадить и гаснуть.

— Подлей-ка в свою люстру, хозяйка! — приказал Владек, стряхивая сон.

— Сам подольешь, если есть у тебя, что лить, — отрезала Марфа. — Последний фунт керосина для дорогого гостя берегла, а ты, не прогневайся, и в потемках погостишь.

Вдруг дед Павел подал голос с печи. В свете двух лампад волосы его казались серебристым сиянием вокруг головы.

— Уж коль не спится нам с тобою, давай, Павел Георгиевич, по душам потолкуем.

Зуров сел на лавку, прикурил от лампады самокрутку.

— Ты, дед, из наших, солнцевских, стало быть? Жил-то где?

— У проселка на Дальние поля. У нас, почитай, одни Овчинниковы, а ближе к церкви разные — Кучеровы, Генераловы,

Ратниковы... Ты, барин, за что ж побил их?

— Слушай, дед, а меня-то самого разве не спалили мужики?

— Значит, признаешься все-таки. Око за око, мол... Давно ли семейство твое Солнцевым владело?

— Давно ли? Вот считай: стольник Никита Зуров от царя Михаила Романова в дар получил тысячу десятин костромской земли. Матушка Екатерина еще две тысячи прапрадеду моему подарила. Потом тезка мой, генерал, дед, полтысячи соседу в карты просадил.

— Лет триста с гаком выходит, коли от первого царя считать. Выходит, триста лет мужики не на себя, на тебя работали. Сочти, кто кому должен. Притом ни жены, ни детишек твоих из винтовок никто не бил.

— Нет у меня ни жены, ни детишек.

— Плохо, что нет. Своих вспомнивши, может, чужих не тронул бы. Проклял тебя народ, осталась одна дороженька — в немчину либо туретчину.

— Будет панихиды петь! Вернемся к власти — не все старые порядки вернем... У красных дела плохи. Пермь уже наша.

— Туда, что ль, тебя Сашка проводить взялся? Пока снегу мало, проберетесь. Позднее верхами не пройдете по сугробищам.

— Нынче уйдем. Пока, хозяйка, получи за постой и угощенье.

— Чего больно много-то? Тут за десятерых.

— Вперед зачтешь. Сашку-проводника с Букетовым пошлешь за нами следом. Вели Артамону и Семену нас проводить, чтобы кони дорогой не растерялись. Когда подоспеет Стельцов, пусть едет с Сабуриным за инокиней. Он брод через болота знает. Не спутай.

Нет, Марфа ничего не спутает! Далась же им эта святоша Тонька! И поп, и мнимый чекист — все о ней пекутся. Кажется, и гора с плеч, Тоньку увезут. Так нет же! Кого провожатым берут?.. И поедет он, ненаглядный, с монашкой лесной дорогой, по тайным скитам. Ах, Тонька-разлучница, постница проклятая! В путь-дорожку собирается! Там проводник пригожий на ручках перенесет, ступить пособит, шубку накинет, а там и скинет... Святоша! Может, и песенку споют вместе божественную, посмеются над любовницей брошенной, Марфой-трактирщицей...

Марфа уже потеряла из виду всадников, покинувших трактир перед рассветом. Они уже на том берегу. Пошла Марфа хлопотать по дому, встретила семигорских мужиков, проводила юрьевских. Но стоило подумать о встрече Сашки со святошей, жгучая боль, жесточайшая на свете, боль ревности, начинала терзать женщину так, что она вслух тихонько стонала.

2

Попадья Серафима Петровна едва узнала бородатого гостя с котомкой за плечами, когда снял папаху и перекрестился...

Батюшки-светы! Подпоручик Стельцов! Вот что может сотворить с красавчиком, офицериком-душкой один год эдакой окаянной жизни! Как быстро он успел управиться с делами в Ярославле!

— С поездами повезло. Туда и обратно к воинским пристраивался. В городе нужных юристов нашел быстро, бумаги для Зурова получил за час. Где Макарка? Задерживаться мне нельзя!

В сенях привычный шорох. Опрятный отец Николай обметает веником валенки. Протоиерей пригласил гостя в свой кабинетик, коротко посвятил во все здешние новости, потом гостя часика на два уложили в кабинетике на кушетке. Котомку он развязал и сунул под подушку револьвер. Это так напугало попадью Серафиму, что она разбудила подпоручика до срока.

Слабый луч свечи лежал на крышке чугунного ларчика. Узорное каслинское литье. И верно, полнешенек! От Стельцова вечером не укрылось, как хозяин покосился на ларчик, когда он намекнул на денежные трудности. Не прихватить ли для отряда на черный день? И не тяжел, и укладист... Легко завертывается в меховой жилет... Шаги попадьи! Уже нет пути назад — завернутый ларец в руках! Если не сунуть сию секунду в котомку — гость будет тут же уличен как воришка... Его бросает в жар и пот, пока завязывает котомку с ларцом. Эх, до чего еще доведет вас, подпоручик, скользкая дорожка «поволжской вандеи»!..

— Почему решили на лыжах идти? — шепотом справляется попадья.

— Купил в Кинешме на базаре, вспомнил, как юнкером призы брал. Да и в походе могут очень пригодиться! Ну прощайте!

Запирая дверь, матушка Серафима различила три удара колокола в монастырской часовне. Глухая ночь, а человек в пути!

Сашка гнал коней не жалея. Одетый тепло и привычный к езде, он через плечо озирался на спутников. Оба в шинелишках и папахах на первых пяти верстах посинели и застучали зубами. На десятой версте Сашка еще приослабил поводья и слышал за спиной глухую молотьбу: седоки стучали ногами в днище саночек.

Проскочив Журихинский ручей, Сашка гикнул. Последние две версты кони скакали, ветер так и свистел. Редкие огоньки Яшмы мчались навстречу. Сквозь визг полозьев Сашка уловил медный голос малого колокола — три часа.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Вот и первые домики Рыбачьей слободы. Виден мост через овраг. Справа выдвинуто немного вперед знакомое крыльцо дементьевского дома. Навстречу маячит фигура запоздавшего лыжника.

Сашка натягивает вожжи, оглядывается на седоков. Вкривь торчат два винтовочных ствола. Папахи надвинуты на глаза, воротники шинелей налезли на затылки. Оба почти в забытьи, прохваченные до костей. Сашка выскакивает на крыльцо, наган уже в руке...

— Руки вверх! Бросай винтовки! Сюда, Владимир Данилович! Двух бандитов на прицеле держу!

Стукнули о днище санок упавшие винтовки. Месяц освещает крыльцо, сани, две фигуры в шинелях с поднятыми руками...

Вдруг одна из этих фигур, потоньше и повыше, метнулась в сторону, откуда двигался посторонний лыжник. Овчинников повел наганом... Осечка! В следующий миг выстрел раздался, беглец споткнулся и упал на снег. Испуганный лыжник шарахнулся в какой-то проулок. А на крыльце позади Сашки распахнулась дверь, пятеро мужчин с револьверами выскочили из сеней.

— Это ты, товарищ Овчинников? Я комиссар Шанин...

— Здравствуй, Сергей Капитонович! Принимай гостей!

Задержанных привели на кухню Елены Кондратьевны. Раненый в плечо Букетов трясся от холода и боли. Жена Дементьева искала бинт для перевязки. Второй бородач, ротмистр Сабурин, невнятно произнес: — Бога ради, сперва стакан кипятку! Разрешите присесть у печки. Песенка спета. Я бесповоротно сдаюсь!..

...Показания арестованного были исчерпывающими. По окончании допроса Сашка остался наедине с комиссаром Шаниным.

— Сергей Капитонович! Надо помешать им увезти Тоню...

— Ты, Саша, видно, кое-что обмозговал? Говори. Обсудим.

— Слушай, а самолеты на что? Слетали бы мы с вами вдвоем, а? Ротмистра этого с нами посадим, чтобы место точно показал. И вывезем ее оттуда! Нешто против восьмерых бандитов мы вдвоем не сладим?

— Здорово придумал! Отыскать, прилететь, забрать! Эх, брат, не посадишь аэроплан в глухом лесу, а посадишь — не взлетишь. Главная задача не нам, авиаторам, а тебе на суше достанется. Мы пособим, с воздуха эти скиты отыщем, банду выследим и атаковать поможем... Пока же ступай к попу за распиской на коней вместе с этим офицером. Едва ли он отважится разоблачить тебя перед попом. Расписку отвезешь Зурову и задержишь главаря в трактире. Банда будет обезглавлена. Тогда решим, как Антонину выручить. Тут из местных коммунистов уже маленький отряд подготовлен, его мой летнаб Ильин поведет наперерез банде, к скитам, пока ты с главарем в трактире управляться будешь...

...Комиссар Шанин остался доволен распиской, не без колебаний выданной отцом протоиереем Александру Овчинникову, но все карты грозил спутать встреченный лыжник. По словам попадьи, это не кто иной, как подпоручик Стельцов! Попытаться опередить его на Сашкиных донцах? Вместе с капитаном Дементьевым Сашка пустился в обратный путь, к трактиру. Но усталые кони скоро выдохлись, пришлось плестись рысцой...

Тем временем Михаил Стельцов одолел на лыжах двадцать верст до «Лихого привета». Нет ли и там засады? Не заодно ли с Овчинниковым и его прежняя возлюбленная Марфа? Вот и она сама.

— Знаешь, куда родственничек твой доставил Сабурина с Букетовым? Прямо к чекистам в засаду. Букетов попытался бежать, проводник его застрелил. Своими глазами видел.

Марфа отшатнулась в непритворном ужасе.

— Помстилось тебе! Куда он к чекистам сунется, коли сам только что с белого Дона?

Искренность женщины успокоила Стельцова. Он выслушал от Марфы подробности насчет Сашкиного договора с зуровским отрядом, а сам рассказал, как Сашка, пристрелив беглеца, приятельски здоровался с летчиками. Вот тут-то задумалась и Марфа!

Неужто Сашка затеял все путешествие лишь для отвода глаз? Переловить «богомольцев» и отыскать Тоньку? На волков к скитам поехал ни с того ни с сего? Дорогу у деда выспрашивал... Значит, надежда Марфина, так ярко вспыхнувшая в минуты вчерашнего дуэта с Сашкой, опять гаснет? Не вернутся запретные радости, песни под гитару, свист полозьев в ночи... Не будет безудержного грешного счастья? Сама она — только хозяйка удобного трактира, откуда сподручнее к Тоньке закинуть удочку? Ну она-то, Марфа, в долгу не останется!

— Ты мне лошадь дашь до своих побыстрее доехать? Устал на лыжах.

— Лошадь тебе Зуровым оставлена, за целительницей ехать.

— Чего ехидничаешь? Сказывают, она поистине святая.

— Чудотворица, впрямь! Сашка через нее свое чудо и сотворил, чай, она его и подстрекнула. Вместе на барже у вас сидели. Чудес ради и в дорожку с вами напросилась. Она же полюбовница Сашкина!

— Вот оно что! Однако отец Николай за нее горой!

— Поп-то наш больно хитер! На что ему дуры-старушки? А эта вроде блесны-приманки, на любую рыбку!

— Умна ты, Марфа, не по-бабьи! Дай-ка топорик да тихое место покажи.

В полутемной баньке Стельцов примостился на теплой еще лавке, поддел топором верхнюю

крышку поповского ларца. Ого!

Два аккуратных столбика-колоночки золотых десятирублевиков с профилем императора Николая II. Сотня монет ровнешенько. Золотые серьги с изумрудами. Дамские часики французской работы. Медальон с бриллиантиком вместо пуговки, в нем две головки, женская и детская. Обручальное кольцо с гравированной надписью «Сергей». Пять сторублевых царских ассигнаций в нательной сумочке. Какие-то письма. «Отцу Николаю Златогорскому в Яшме...» Фотографическая карточка... А, черт, какая странная находка!

С фотографии глядит на Стельцова военный летчик в шлеме с очками. На обороте написано: «Верному другу», подпись — «Сергей». Почерк надписей на обороте карточки и почерк писем — один, мужской, сильный. А датированы письма сентябрем восемнадцатого года, им два месяца, еще тепленькие! Подпись — красный военлет, комиссар авиаотряда Сергей Шанин.

Вот это открытие! Вот какие у яшемского пастыря «верные друзья». Вот кто, значит, вызвал в Яшму летчиков! Именно это имя выкрикнул Сашка на крыльце дементьевского дома! Ясно, и поп, и скитская монашка, и Сашка-проводник — агенты чекистов! Недаром Губанов так подозрительно отнесся к «целительнице»! Значит, немедленно в путь, ларец с собой, предостеречь Зурова, отдать ему ярославские бумаги, ускорить отъезд отряда... Но как быть с монашкой?

Подошла Марфа.

— Слышь, подпоручик! — Лицо женщины выражает недобрую решимость. — Уж не знаю, как вам и сказать. Жизнь наша лесная, темная, но свои законы имеем, иудина греха не прощаем. Сашка далеко покамест, не минует и его наша благодарность, но с той змеей расчесться надобно немедля. Сама поеду, управлюсь!

Совпадение мыслей поразило Стельцова.

— Правильно, Марфа. Ни пуха ни пера тебе, хозяйка!

...Саврасый конь нес санки-плетушку заволжской нехоженой целиной. Марфа помогала лошади выбирать дорогу полегче.

Уже открылся унылый край болота и лесистый холм на том берегу, в Заболотье. Марфа помнила — в начале брода надо брать правее холма, на устье речки, а с середины брода сворачивать на самый холм, как только глаз различит крест на вершине. Там скитское кладбище, а за устьем речки и холмом, на следующем подъеме — самые скиты женские, полтора десятка келий.

Перед началом брода Саврасый навострил уши и стал, будто раздумывал, правильно ли ступил в зыбкую стихию. В тишине зимнего утра Марфа различила чужой, не лесной звук. Молотилка, что ли?

Нет, стучит не сельская машина. Эта звонче, сходнее с автомобилем. И только женщина вспомнила про летчиков, как из-за вершин опушки появился над болотом самолет. Марфа успела всего его охватить взглядом, видела и голову очкастую. Верно, и он заметил сверху одинокую подводу на краю болота. Скрылся он в стороне Заболотья, у мужских скитов. Саврасый испугался было незнакомого шума и промелькнувшей громадной птицы. Лишь когда все стихло, конь опять пошел вперед по колено в месиве. Марфа подсунула под валенки край полушубка, уселась по-татарски. Ей послышался в отдалении нестройный рассыпчатый звук, будто погремушкой тряхнули, потом сильный треск, но в этот миг сани провалились и днище покрылось водой, как в дырявой лодке. Все силы Марфы пошли на борьбу с болотом.

Стал виден крест на холме.

Марфа шевелит вожжами, лошадь берет левее. Полозья, дровни, плетеный кузовок, валенки быстро обледеневают... Опасную кромку льда в устье речки Ключовки Саврасый одолел легко. По неглубокому надледному снегу проехали сотню сажен замерзшим руслом, наконец выбрались на берег. Да, недаром этот брод заброшен!

Встретить подводу вышли две старухи скитницы. Марфа спросила, где келья Анастасии.

— Юницу нашу, господню радость, видеть желаете? Доброе дело. Избавление от муки телесной и душевной обрящете! Вон туда, за горку поезжайте, там сестрица Анастасия спасается. Батюшки-светы, да ты никак Ключовским бродом проехала? И жива добралась!

Потеряв старух из виду за поворотом, Марфа увидела отдаленный рубленый домик, одинокий среди островка темных елей. Над трубой вился парок. Забора или палисада у дома не было. Хозяйка «Лихого привета» привязала лошадь к дереву и вошла в келью.

Она не сразу и признала бывшую свою прислужницу Тоню в строгой и величавой женщине в черном. Ряса до пят. Платок черный до бровей, будто кистью наведенных. Огромные скорбные очи.

— Здравствуй, Тоня!

На лице инокини ни смущения, ни улыбки привета, ни даже удивления, словно бывшая хозяйка каждый день жалует сюда в гости. Но поклон монахини низок и смиренен.

— Здравствуйте, Марфа Никитична! Зовут меня Анастасия. Мирское имя уж и сама забывать стала, дай бог и вовсе забыть скорее. Спасибо, что потрудились проведать. Не угодно ли щец с дороги? Еще, наверное, не остыли в печи.

— Нет уж, благодарствую. По делу я к тебе. Собирайся-ка поживее, уходить тебе отсюда пора. Отец Николай велел отвезти тебя к твоим провожатым, до лесов керженских ты с ними поедешь.

Осматривая комнату, Марфа увидела на стене черную схиму-клобук, епитрахиль на грудь, рясу с расшитыми на ней скрещенными костями, распятиями, изображениями ключей, петуха и лестницы. Они были вышиты белыми нитями по черному полю схимы.

— Не рановато ли тебе в схиму облачаться, чай, не старица еще? — съязвила мимоходом посетительница.

— Схимы я никак еще удостоена быть не могу, ничем ее не заслужила, — ответила молодая скитница. — Жила до меня в этой келье старица, схимница. Сорок лет больше трех слов в сутки не произносила. Мне велено схиму ее беречь, пока не удостоят кого этой святой одежды.

— Ладно, знаю, что скромница. Только собирайся живее!

— Напрасно себя побеспокоить изволили, Марфа Никитична, ехали в такую даль опасным путем. Вчера старец Савватий обо мне вспомянул и прислал сказать, что белогвардейские офицеры хотят меня в дорогу с собою взять, а он не благословляет меня ехать с ними.

— Это почему же так? Сам отец Николай ехать велит!

— Отцу Николаю неизвестно, что люди эти недобрые, не богомольцы, идти с ними погибельно. Пулеметчиком у них там Иван Губанов, мясник бывший наш, похваляется, что баржу в Ярославле с пленниками обстреливал. Он и застрелил в воде Сашу Овчинникова, да будет ему память вечная, людская, благодарная. Могу ли я с убийцей его, на руки те глядя, за одной трапезой в пути сидеть? Перед богом я грешна, а перед красной властью вины не имею, места лучше здешнего мне не найти, дай бог мне здесь и в гроб лечь.

А Марфа уже и не слушала, как только прозвучало у той на устах Сашкино имя. Горячая волна ярой ненависти залила Марфино сердце, ненависти к этой черной змее, посмевшей произнести Сашино имя при той, у кого отняла всю радость жизни...

Хмурое лицо Марфы потемнело, как Волга в грозу. Она опустила глаза, чтобы соперница не отгадала сразу, не прочитала приговора себе...

За окном будто скрипнул снег. Опасаясь, как бы ей не помешали, Марфа рванула кожаную застежку полушубка и сунула руку за отворот.

Пораженная неожиданным движением и, главное, страшным лицом Марфы, инокиня вдруг смолкла, отступила назад и подняла руку перекреститься.

Выхватывая нож из-за отворота, Марфа зацепилась рукоятью за кожаную застежку. Эта заминка приослабила замах, когда Марфа кинулась на свою жертву.

— В гроб, говоришь, змея? Вот и ложись в гроб за Сашку!

У Антонины в глазах сделалась ночь, и вдруг она всем телом ощутила странную легкость, будто разом потеряла вес и поплыла в келье по воздуху...

На пороге забытья она почувствовала в груди что-то постороннее, мешающее вздохнуть, но не поняла, что с нею, и даже не удивилась, когда в темном дверном проеме возникли четверо незнакомых мужчин. Лица их были странно испуганными, а сама она никак не могла объяснить этим людям, что теперь-то все стало очень просто и очень хорошо!

3

Стельцовская лыжня довела Сашку и капитана Дементьева до «Лихого привета». На подворье оказался один дед Павел. От него Сашка узнал, что ночные гости с хозяевами трактира подались за Волгу к мужским скитам, а Марфа за ними следом — к женскому. С нею человек, пришедший на лыжах и тоже пересевший на подводу. Попутчик этот знает Козлихинский брод.

— Опоздали мы с тобой, — сказал Дементьев. — Вострят лыжи. Теперь за любым деревом может быть засада. Найди тут пару седел, двинем верхами, обязательно надо оба следа проверить. Стельцовский и Марфин.

— Дорогу к Козлихинскому броду я знаю, — говорил Сашка уже в пути за Волгу, — туда и подамся, а вы налево, мимо хуторка, за Марфиными санями... Неужто она Ключовским бродом решила пройти? Он, говорят, еще хуже Козлихинского. Разве что по свежему следу вы ее догоните? Думается, Тоню они оттуда давно вывезли и уже в пути... Теперь до встречи, товарищ капитан! Засады стерегитесь!

И Сашка остался один на один с глухим бором, лесной тишиной и тайной тревогой за Антонину-Анастасию. Что это? Пулеметная очередь? Опять... Несколько винтовочных выстрелов? Странный шум, нарастающий треск, свист и удар, будто дерево повалили лесорубы. Может, конная группа летнаба Ильина, высланная из Яшмы на перехват банды, уже завязала бой где-то на болоте?

Легкий треск авиационного мотора. Вот и самолет в небе. Высоко забрался, разведку ведет. Но почему один? Сашка помнит, что комиссар Шанин должен был лететь на «сопвиче», а комэск Петров с бортстрелком — на «фармане». Жаль, что он не умеет различить их в небе. Неужели один из аппаратов сбит и упал в лесу?

Последние три версты он ехал крупной рысью. Расступилось мелколесье, открылся край болота. А по болоту, как раз посредине, всадники: двое, друг другу в след, на Сашкиных донцах. Чуть позади, вдвоем на крестьянской лошади, трактирщики Степан и Артамон.

С коня долой! Скрыть его в ельнике от неприятельских глаз. Сашка срывает со спины шанинский карабин, ставит на боевой взвод. Осторожно выглядывает из-за веток.

В сотне шагов от берега, в болотной проталине, раскинул крылья подбитый самолет. Стойки колес ушли в болотную жижу, нос уткнулся в кочку, видна погнутая лопасть винта. В кабине чуть белеет лицо летчика, обрамленное вырезом шлема. Задняя кабина пуста. Значит, подбит самолет Шанина. Жив ли пилот?

Сашка выбирает укрытое местечко повыше, на гребне высотки. Стрелок едва успел занять позицию за поваленным деревом, как два всадника, посланных, видимо, в головной дозор, спешились в кустах и оставили лошадей трактирщикам. Сами же крадутся к подбитому самолету.

А с болота новый тревожащий звук: чавкают опять копыта. Мать честная! На переправу двинулась вся зуровская банда! Всадник. Второй. Подвода с санками-лодочкой. Еще подвода с пулеметом на задке саней. Разведчики же — вот они, рядом, сейчас увидят летчика в кабине. Стрелять Сашке пока нельзя — спугнешь тех, на болоте, успеют кинуться назад. Пусть, сколько можно, углубятся в середину болота. На подводной бровке не развернешься, назад не поворотишь...

Передний разведчик кричит летчику петушиным голосом:

— Эй, пся крев, пшеклентый чекист, руки вверх!

Летчик в кабине пошевелился. Оба разведчика вскинули винтовки. Сашка выстрелил. Сраженный наповал близким выстрелом, пан Владек упал. Стреляя по второму, Сашка промахнулся. Разведчик по-заячьи отскочил в сторону, но изготовиться к ответному выстрелу не успел. Покончив с ним, Сашка обратил все внимание на болото...

Там, на потайной бровке, началась паника. Всадники ожесточенно шпорили коней, возчик одной подводы пытался развернуться назад, первая, разбрызгивая болотную жижу, мчалась вслед конникам. Под неярким солнышком они были четко видны среди снежного простора.

Но и по Сашке начали стрелять. Значит, кто-то оставался на берегу прикрывать переправу огнем. Дрожь била Сашку, пока он менял обоймы. Но, как только припадал щекой к прикладу, дрожь стихала, и ему казалось, что он верно берет мушку. Однако выстрелы не попадали в цель, пока Сашка не догадался установить прицельную рамку выше, на деление «8».

От первого же выстрела головной всадник свалился в грязь. Но с задней подводы ударила пулеметная струя — Сашка не подозревал, что второй раз в жизни находится под выстрелами того же пулеметчика. Но на этот раз казачий подъесаул Иван Губанов сидел не в блиндаже и бил не по лодке с безоружными пловцами! Сашка долго целился в скрюченную в санках фигурку за пулеметным щитком. После Сашкиного выстрела пулемет смолк, лошадь рванулась и вздыбилась, «максим» и тело стрелка сползли в болото...

Потайная бровка приближала врагов к Сашкиной высотке и самолету. В каком состоянии летчик Шанин, тяжело ли ранили его эти бандиты? Неужто отец с дочерью так и не встретятся? Прицел на одно деление ниже! Выстрел. Головной всадник рухнул. Теперь только запасные кони с вьюками мечутся по болоту и мчится к берегу уцелевшая подвода, санки-лодочкой. Сашка соображает, что это Стельцов. Вжался в сено на дне саней. Сашка жмет на спуск, стреляет, снова стреляет. Последний патрон! Неужели уйдет? До берега ездоку в санях остается аршин сто... Пятьдесят... Сашка стреляет!

Михаил Стельцов продолжает нахлестывать лошадь. Сашка, уже безоружный, вскакивает в ожесточении, срывает шапку с головы, топчет ее в полубеспамятстве... И вдруг совсем близко гремит пулеметная очередь. Сашка приседает, озирается дико... Друг или враг? Там, вдалеке, лошадь, уже было вылетевшая на берег, валится оземь, ездок выпрыгивает из саней и... тут же падает, сраженный новой очередью. Только когда все кончилось, Сашка сообразил, что помощь пришла к нему... из кабины самолета!

— Сергей Капитонович! Товарищ комиссар!

Эхо разносит Сашкин голос по болоту. Летчик из кабины слабо машет рукой и что-то кричит в ответ.

4

Прикрывать переправу с суши оставался на берегу капитан Павел Зуров. При себе он оставил только мальчика Макара.

Как только завязалась перестрелка, Зуров окинул взглядом поле боя и решил, что красные оцепили болото и взяли отряд в кольцо. Капитан недаром оставался на всякий случай в секрете! Он целится с колена по самолету на болоте и приказывает Макару тоже стрелять по врагу. Тот зажмуривается, винтовка в его руках рявкнула, больно стукнула Макара по скуле... Огневая поддержка отряду оказана! И командир, видя исход боя на болоте, покидает плацдарм вместе с маленьким адъютантом. Они бегом возвращаются к покинутому скиту и вновь преображаются в монахов-богомольцев. Капитан Зуров давно научился изображать слепца — искусство, уже спасшее его однажды при бегстве из Рыбинска в Ярославль.

— Дело идет о нашей жизни, Макар! Я слепец Никодим, ты мой поводырь Сергий. Возьми в карман эту бумагу, я ее давно приготовил. Собираем милостыню для престарелых священнослужителей в Ипатьевском монастыре. Здесь два дня... Повтори!

У обоих по нищенской суме. За пазуху вороненый браунинг, подарок отца... Посохи в руки... «Богомольцы» направляются к женским скитам, там едва ли нарвешься на красную заставу.

Верстах в трех от женских скитов услышали на занесенной лесной дорожке конское ржание. Впереди три конника. Вооружены!

— Не трусь! — злобным шепотом командует Зуров. — Иди прямо на лошадь. Заметят, что боишься, крышка нам!

Фальшиво, но громко затягивает первый псалом Давида: «Блажен муж, иже не гряде в совет нечестивых...»

Встречный окрик:

— Стой! Кто такие!

Слепец размашисто крестится, осеняет крестом и встречных конников. Макар узнает одного из летчиков — Ильина, деревенского партийного секретаря Мишку Жилина и пристанского матроса. Все глядят на взрослого, никто не обращает внимания на поводыря в долгополом подряснике.

— Идете куда?

— К чудотворной целительнице Анастасии, родимые. Старец здешний Савватий надоумил исцеление очесам у нее вымолить.

— Тогда заворачивайте оглобли. Ей теперь самой целители нужны: зарезали вашу святую...

Слепец в испуге закрестился.

— Все едино, веди меня туда, Сергий, месту святу поклониться...

Верховые уступили им дорогу...

У женской обители все население толпилось на берегу оледенелой Ключовки. Снег был разметен, еще стояли у берега лопаты, а скитницы обсуждали небывалое событие: Анастасию-целительницу подняли в небо на железном коршуне...

...Через три недели после трудного ночного марша в предгорьях Урала усталый Макар плелся следом за своим взрослым спутником. Зимняя тропа вела мимо оледенелых и обветренных скал и холмов, поросших ельником. После спуска в какую-то лощину тропа вновь пошла на подъем. И тут прозвучал окрик часового.

При свете ручного фонаря Макар узнал почти позабытые, возникшие будто из сновидения красные погоны на плечах усатого унтера, овальные кокарды на казачьих папахах. Тогда преобразился Макаркин спутник! Покровительственным баском обратился он к нижнему чину:

— Ну-ка, братец, доложи своему офицеру: капитан Павел Зуров из Ярославля, выполняя офицерский долг чести, перешел фронт. А ты, — обернулся он к Макару, и мальчика поразило презрительное выражение зуровского лица, — ступай-ка пока с нижним чином на кухню! Потом определю тебя куда-нибудь поближе ко мне. Может быть, моим вестовым будешь...

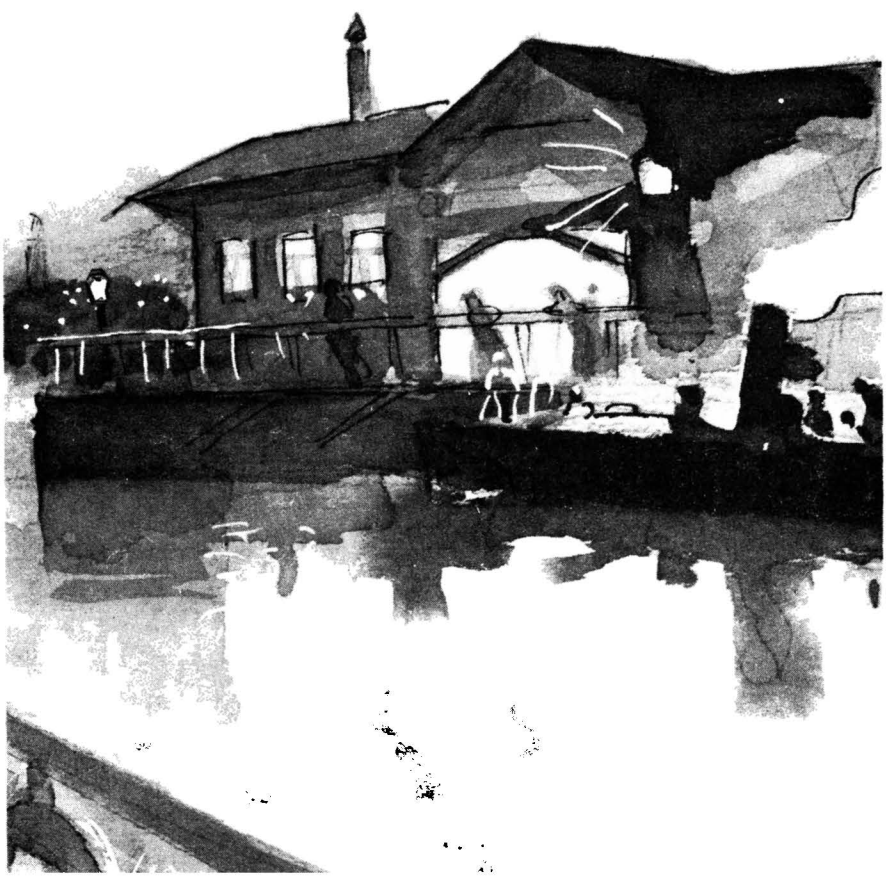
Когда Сашка и Сергей Шанин явились из-за Волги в яшемскую лечебницу, жизнь раненой еле теплилась. Женщина-врач пояснила им, что хирург произвел трудную операцию и малейшее волнение гибельно для больной. Не могу, мол, разрешить допрос!

— Никакие мы не следователи! — сказал комиссар Шанин. — Надо просто, доктор, чтобы... Тоня непременно жила! Мы готовы сделать для этого все, что мыслимо, и... даже больше!

Докторша поглядела комиссару в лицо.

— Не вы ли интересовались осенью судьбою двух гражданок, снятых с парохода? Значит, эта молодая монахиня и есть?..

— Да, да, — подтвердил Тонин отец. — Именно она и есть... И поверьте, что и мне, и вам, докторам, предстоит нечто более трудное в сражении за ее жизнь и душу, чем все наши боевые операции на заволжском болоте! И я, и Тонины настоящие друзья — все мы понимаем, какая осторожность и выдержка нужны в этом сражении! Сейчас нам предстоит выручать мой самолет из болотного плена, новый винт ставить и на крыло машину поднимать. Так вот деньков через десять мы и наведаемся снова — отец и жених, которых она полагает погибшими... Будем надеяться, что она к тому времени уже окрепнет немного, чтобы выслушать самые удивительные для нее новости!..



ЭПИЛОГ

Годы протекли, сложились в десятилетия...

Осенним вечером на пристани Кинешма взошел на палубу старого парохода «Лассаль» долговязый пассажир в дешевом заграничном пальто. После отвала он долго стоял у перил, дышал сырым волжским ветром, прислушивался к пароходным шумам, глядел на темнеющие берега. Спросил у матроса имя капитана и, когда услышал, что того зовут Александром Овчинниковым, поднялся на мостик...

— Макарий Владимирцев? — удивился капитан «Лассаля», рос-

лый волгарь с поседелой бородой. — Батюшки-светы! Вот это встреча! Ведь почитали погибшим! Знать, не мне одному воскресать из мертвых довелось? Входи, входи к нам в рубку!

Пассажир схватил протянутые ему обе руки.

— Александр! Господи! Саша Овчинников! Я еще с пристани что-то знакомое уловил, как только на мостике тебя увидел. Невозможным казалось опять кого-либо из той жизни повстречать. Ах, Саша, Саша, неужто я и впрямь опять в России? Едва к похоронам матери поспел.

Штурвальный матрос-стажер и седой лоцман с любопытством глядели на странного гостя. В речи его чуть ощущался чужой, иностранный налет. Капитан усадил его на скамью у задней стенки рубки. Гость спрятал лицо в ладонях.

— Ах, человек ты мой хороший, зла не попомнил, простил Макария Владимирцева, мальчишку обманутого...

— Злом мы тебя не поминали, — говорил капитан. — Жалели. Ведь будто в воду канул. Все полагали, что с бандой в болоте погиб.

— Саша, — тихо спросил Макарий, — а что же стало с Тоней твоей, обманом постриженной? Неужто не вылечили доктора после ножа злодейского?

— Ну коли не забыл ничего, что тогда здесь приключилось, придется, видно, кое-что досказать тебе... Старпом, принимайка вахту!

На палубе капитан и пассажир постояли у перил. Ночь тихонько пришла из Заречья, стерла краски берегов, позволила луговым и лесным туманам, пропахшим дымками осенних костров, перебраться на реку и не спеша принялась зажигать на ветвях прибрежных сосен первые неяркие звезды.

— Вглядись-ка получше вон туда, в левобережье, — указал капитан собеседнику. — Видишь, где луна над лесом... Там мы с тобой, брат, когда-то по волкам охотились. Дальше Козлихинская топь была, верстах в тридцати, помнишь? Теперь все стало заливом обновленной Волги. Так ты, Макарий Гаврилович, и не ведаешь, чем здесь наша война на болоте кончилась? Вот слушай!

Как восстановили мы шанинский самолет, пошли вдвоем с Сергеем Капитоновичем опять в больницу, потому что поначалу докторша запретила нам больную Тоню волновать и тревожить. Однако операцию ей сделали успешно, стала она помаленьку подниматься, да только доктора еще пуще беспокоились за больную, чем вначале, уж очень могли потрясти ее вести об отце и женихе. Сам посуди: про то, что отец жив и давно ищет дочку, Тоня просто ничего не знала по милости пастырей духовных, а мою-то «гибель» она видела с баржи своими глазами, потому встреча с «воскресшим» могла ее просто погубить. Как ни готовила Тоню докторша к некой важной встрече, все же до последней минуты так и не отважилась сказать правду — дескать, жених твой живехонек!

Не стану рассказывать, как больная приняла весть об отце и как встретила его... Поправка ее с того часа пошла быстрее, однако даже родной отец не смог поколебать ее решимости остаться монахиней. Что-то лишь слегка дрогнуло в ней, по мнению Сергея Капитоновича, первая тень сомнения мелькнула насчет того, правильный ли жизненный путь уготовили ей наставники... И тут настал черед показать ей меня...

Верите ли, у самой докторши руки тряслись, когда Сергей Капитонович открыл дверь палаты, взял меня за рукав и подвел к Тоне. Что у нее в глазах в первый миг отразилось, куда мне пытаться и передать! А в следующую минуту память вернула ей все: обряд в соборе, епископские ножницы, обет отречения от мира... Ни кровиночки в лице не осталось у Тони! Застонала, лицо закрыла, будто защищаясь от наваждения, упала назад на подушки словно бездыханная.

Вот когда и я понял, как это можно среди бела дня свету не взвидеть! На колени кинулся, все кругом позабыл, целую ее, и сам уж вроде без ума, без памяти. Докторша сделала ей впрыскивание, в память привела...

«Саша! — плачет больная наша, уже громко, навзрыд. — Ну что же ты так опоздал? Ведь я все равно как в могиле для тебя!»

«Истинная любовь даже с того света возвращает! — говорит отец. — А его любовь уже горы сдвинула. Вернет она и тебя к свету, потому что ты, девочка моя, не в могиле, а только в сетях».

«Я поклялась, я пострижена! — плачет Тоня. — Нельзя же мне постыдной расстригой стать? Бог не любит изменчивых и клятвопреступных душ».

«Не отчаивайся, — отец ей. — Нет клятвопреступления там, где клятву вынудили обманом, постригали несовершеннолетнюю, при живом отце и любящем женихе».

«Никто не знал, что он живой», — рыдает Тоня.

Тут-то и пришлось поведать ей, как протоиерей Николай видел меня в костромской больнице, как скрывал от нее документы, отцову фотографию с адресами и 12-го, и 18-го годов, пачку ассигнаций, что мама держала в сумочке на шее, ее кольца и часики... Вся горькая жизнь припомнилась ей...

Попросила Тоня прийти в палату свою прежнюю наставницу, мать-игуменью, и та после долгих отнекиваний в конце концов пришла вместе с попадьей Серафимой. И тут настоятельница выразила полную готовность игуменской своей властью снять с Тони обет монашества, поскольку, мол, обет был принесен по неведению Тониных жизненных обстоятельств. Пожалуй, эта легкость в столь важном решении более всего и поразила Тоню! Попадья Серафима молила Тоню похлопотать перед властями о возвращении «столбушков-сверточков» с золотыми монетами из железного ларчика, найденного летчиками в котомке Стельцова, поелику столбушки эти не мамочке Тониной принадлежали, а отцу протоиерею. Он, мол, желал Тоне только блага, чтобы возвеличить убогую обитель через прославленную святую целительницу.

Тут еще кое-что прояснилось для молодой девушки. Она и не подозревала, что уготовлена ей была роль угодницы и чудотворицы.

По прошествии нескольких дней докторша тихонько велела унести из палаты Тонину рясу и клобук. Тоня лежала, отвернувшись к стене, и ничего не сказала. Выписали ее из больницы в простом платье и белом платке оренбургском... Сейчас в Горьком детским врачом.

— Значит, и впрямь стала целительницей?

— Как видишь! Учиться вместе пошли — я на штурмана, она в медицинский. Старшего нашего в честь деда Сергеем назвали, летчиком-истребителем служит. Только уж не на «фарманах»...

...Протяжный сигнал с низовьев отдался эхом от волжских берегов. Сквозь прозрачные свитки речного тумана мелькнули близкие огни буксирного теплохода. Капитан «Лассаля» снова вернулся на мостик взглянуть, как разойдутся суда. Он сам взялся за рукоять гудка и посигналил встречному.

Конец